Л. Троцкий

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

КНИГА ПЕРВАЯ

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. Фрезман

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

1919 — 1920 гг.

книга первая

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Л. ТРОЦКИЙ

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КРАСНОЙ АРМИИ

в трех томах

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва 1924

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

(НА ВОЕННОЙ РАБОТЕ)

ТОМ ВТОРОЙ

книга первая

ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Москва 1924

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОН.
СОВЕТ № 908.
Тираж 15000
Ленинградский Гублит
№ 11444

Государственная типография имени Ивана Федорова.
Ленинград, Звенигородская, 11

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга охватывает 1919 год — самый тяжкий и наиболее богатый военными событиями. Читатель не найдет и в этой книге ни сколько нибудь связного очерка нашей военно-организационной работы, ни тем более — истории военных операций. Здесь только собрание документов и материалов. Насколько могу судить, собрание это достаточно полно, может быть даже слишком полно: повторений не мало, некоторые приказы имеют более формальный, чем материальный интерес и пр. Но по самому существу настоящего издания какие-либо изменения были бы неуместны: не давая ничего связного, они в то же время лишили бы документы их главного значения — документальности.

Существует предрассудок, будто революционные войска создаются «агитацией»: таково впечатление людей, глядящих со стороны. Было бы чрезвычайно вредно, если бы такой взгляд усвоили себе революционеры других стран: это означало бы, что они не использовали нашего опыта. Без агитации, конечно, не создать революционной армии — да и никакой другой. Но агитация только часть дела. Нужен прежде всего правильный замысел: план военного строительства, отвечающий социальным, политическим и техническим условиям и средствам революционной страны. Только на этой основе агитация, уясняющая трудовому населению и самой армии цели и задачи военной работы и борьбы, способна развить великую силу товарищеской связи, верности долгу, боевого энтузиазма. И, наконец, на основе правильного замысла и вытекающей из него агитации нужен ясный, непреложный и в то же время гибкий, как можно менее бюрократический режим, способный изо дня в день поддерживать в необходимом динамическом равновесии такой сложный искусственный организм, как армия. Таковы три главные элемента успеха, которые сами, в свою очередь, изменяются в ходе военного строительства: замысел становится все более продуманным, агитация — все более конкретной, режим — все более отчетливым. Горе, если режим, однако, начнет обростать при этом мусором казенщины!

Агитация, именно потому, что она агитация, то есть выражается в статьях и речах, нашла себе в документах этого издания более полное отражение, чем другие стороны военной работы. Читатель должен твердо помнить об этом, чтобы не поддаться указанному выше предрассудку насчет исчерпывающего будто бы значения агитации. В военной области больше, чем во всякой другой, слово только дополняет дело.

Л. Троцкий

8 января 1924 г.

ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ВЕСНОЮ 1919 г.

Порядок из хаоса [1] *).

Немецкие солдаты торопятся к себе на родину из тех стран, куда их забросила преступная воля германских захватчиков. В пути на немецких солдат нападают новоиспеченные польские полки, разоружают их, а то и избивают. Англо-французы и американцы вцепились в горло Германии и, глядя на часы, подсчитывают ее лихорадочный пульс. Это не мешает им требовать от правительства, чтобы остатки немецких войск вступили в бой с Советской Россией и помешали ей освободить оккупированные немецким империализмом земли. Бельгийцы, страна которых еще вчера только была распята германским империализмом, сегодня захватывают чисто-немецкие Прирейнские области. Полунищие, истощенные своими правящими казнокрадами, румыны, столица которых попеременно становится добычей немцев и англо-французов, сами захватывают Бессарабию, Трансильванию и Буковину. Заморские американские полки сидят на тычке нашего голодного и холодного Севера, недоумевая, зачем их туда привезли. По улицам Берлина, еще недавно гордившегося своим железным порядком, переливаются кровавые волны гражданской войны [2]. Французские войска высадились в Одессе [3], а тем временем обширнейшие области самой Франции заняты американскими, английскими, австрийскими, канадскими войсками, которые обращаются с французами, как с жителями колонии. Воскресающая после почти полутора-векового небытия Польша с каким-то горячечным нетерпением ввязывается в бой с Украиной, Пруссией и провоцирует Советскую Россию [4].

Американский президент Вильсон, шитый белыми нитками, ханжа и лицемер, Тартюф на постном квакерском масле, странствует по окровавленной Европе, как высший представитель морали, как мессия американского доллара, карает, милует и устраивает судьбы народов. Его все зазывают, приглашают, умоляют: итальянский король, правительствующие и предательствующие грузинские меньшевики, униженный и искательствующий Шейдеман, облезлый тигр французского мещанства Клемансо, все несгораемые кассы лондонского Сити и даже повивальные бабки Швейцарии. Подвернув штаны, Вильсон шагает через лужи европейской крови и милостью нью-йоркской биржи, которая хорошо поставила последнюю ставку в европейской лотерее, объединяет юго-славян с сербами, прицениается

*) См. примечания в конце книги. *Ред.*

к короне Габсбургов, между двумя понюшками табаку округляет Бельгию за счет ограбленной Германии и прикидывает в мозгу, нельзя ли двинуть оранг-утангов и павианов для спасения христианской культуры от варварства большевиков.

Европа похожа на сумасшедший дом, и кажется на первый взгляд, что обитатели ее сами не знают за полчаса, кого они будут резать и с кем брататься. Но один урок неотразимо выступает из смутных волн этого хаоса — преступная ответственность буржуазного мира. Все, что ныне происходит в Европе, было подготовлено прошлыми веками строем хозяйства, государственными отношениями, системой милитаризма, моралью и философией господствующих классов, религией всех попов. Монархия, дворянство, духовенство, бюрократия, буржуазия, профессиональная интеллигенция, владыки богатств и властители государств, — это они подготовляли и подготовили те непостижимые события, которые делают старую «культурную», «христианскую» Европу столь похожей на сумасшедший дом.

Европейский «хаос» является хаосом только по форме; по существу в нем находят свое выражение высшие законы истории, которая разрушает старое, чтобы на месте его создать новое. При помощи одних и тех же винтовок население Европы сражается сейчас во имя различных задач и программ, отвечающих разным историческим эпохам. В основе своей они сводятся к трем: империализм, национализм, коммунизм.

Война эта началась, как свалка великих капиталистических хищников во имя захвата и раздела мира, — в этом и состоит империализм. Но для того, чтобы двинуть на борьбу многомиллионные массы, натравить их друг на друга, поддерживать в них дух ненависти и остервенения, нужны были «идеи» или «настроения», близкие обманутым и обреченным на истребление массам. Этим гипнотическим средством в распоряжении империалистических бандитов явилась идея национализма. Взаимная связь людей, говорящих на одном и том же языке, принадлежащих к одной и той же нации, — большая сила. Эта связь не чувствовалась, когда люди жили патриархальной жизнью в своих селах или провинциальных районах. Но чем больше развивалось буржуазное производство, чем более оно соединяло село с селом, провинцию с городом, тем больше вовлеченные в его водоворот люди научились ценить общий язык, — этого великого посредника в материальном и духовном общении. Капитализм стремился утвердиться прежде всего на национальной основе и породил могучие национальные движения: в раздробленной Германии, в расчлененной Италии, в растерзанной Польше, в Австро-Венгрии, в среде балканских славян, в Армении... Путем революций и войн европейская буржуазия кое-как с прорехами и заплатами разрешила часть национальной задачи. Созданы были единая Италия, единая Германия, без немецкой Австрии, зато с дюжинами королей. Народы России связывались воедино стальными тисками царизма. В Австрии и на Балканах продолжалась ожесточенная междо-

усобица наций, обреченных на тесное сожительство и неспособных установить мирные формы сотрудничества.

Тем временем капитализм быстро перерос национальные рамки. Национальное государство было для него только трамплином, необходимым для того, чтобы совершить прыжок. Капитал скоро стал космополитом, — в его распоряжении оказались мировые пути сообщения, он имел агентов и слуг, говорящих на всех языках, и стремился грабить народы земли независимо от их языка, цвета кожи и религии их жрецов. В то время, как средняя и мелкая буржуазия, а также широкие круги рабочего класса продолжали еще оставаться в атмосфере национальной идеологии, капитализм развился в империализм, в стремление к миродержавному господству. Мировая бойня с самого начала представила угрожающую картину сочетания империализма с национализмом: могущественной клике финансового капитала и тяжелой промышленности удалось запрячь в свою колесницу все чувства, страсти и настроения, воспитанные национальной связью, единством языка, общими историческими воспоминаниями и прежде всего общим сожительством в национальном государстве. Выходя на большую дорогу для грабежей, захватов и истреблений, империалисты каждого из борющихся лагерей сумели внушить народным массам мысль, будто дело идет о борьбе за национальную независимость и национальную культуру. Как банкиры и крупные фабриканты эксплоатируют мелких лавочников и рабочих, так и империализм без остатка подчинил себе националистические и шовинистические чувства и цели, притворяясь, будто служит им и охраняет их. Этим страшным психологическим зарядом великая бойня питалась и держалась в течение четырех с половиной лет.

Но выступил на сцену коммунизм. Он тоже в свое время возник на национальной почве вместе с пробуждением рабочего движения, под первый, еще неуверенный стук капиталистической машины. В учении коммунизма пролетариат противопоставил себя буржуазии. И если она скоро стала империалистической, мирограбительской, то передовой пролетариат стал интернационалистическим, мирообъединительным. Империалистическая буржуазия представляет собой численно ничтожное меньшинство наций. Она держалась, правила, господствовала до тех пор, пока ей удавалось при помощи идей и настроений национализма держать в кабале широкие мелкобуржуазные и рабочие массы. Интернационалистический пролетариат был меньшинством на другом полюсе. Он по праву надеялся вырвать большинство народа из-под духовной кабалы империализма. Но до последней великой бойни народов даже и лучшие и наиболее проницательные вожди пролетариата не подозревали, какую силу сохранили еще в сознании народных масс предрассудки буржуазной государственности и навыки национального консерватизма. Все это вскрылось в июле 1914 г., который был без преувеличения самым черным месяцем мировой истории, не потому, что короли и биржевики разнуздали войну, а потому, что им удалось внутренно овладеть сотнями миллионов народных масс, обмануть,

опутать, загипнотизировать их и психологически вовлечь в свое разбойничье предприятие.

Интернационализм, который в течение десятилетий был официальным знаменем могущественной организации рабочего класса, казалось, сразу исчез в огне и дыму международной бойни. Потом он обнаружился, как слабый мерцающий огонек отдельных, разрозненных групп в разных странах. Ученые и неученые жрецы и лакеи буржуазии пытались изображать эти группы, как умирающие остатки утопической секты. Но имя Циммервальда [5] уже тревожным эхом прокатилось по всей буржуазной печати.

Революционные интернационалисты шли своим путем. Первым делом они отдали себе ясный отчет в причинах того, что произошло. Долгая эпоха «мирного» буржуазного развития с его повседневной борьбой профессиональных союзов, реформистским крохоборством и мелкими парламентскими потасовками — создало многомиллионную оппортунистическую на своих верхах организацию, наложившую могущественные оковы на революционную энергию пролетариата. Силой исторических событий официальная социал-демократия, созданная под знаком социальной революции, превратилась в самую контр-революционную силу в Европе и во всем мире. Она так срослась с национальным государством, его парламентом, его министрами, его комиссиями, она так свыклась со своими друго-врагами, — парламентскими мошенниками буржуазии и мещанства, что в начавшейся кровавой катастрофе капиталистического строя не усмотрела ничего, кроме опасности национальному «единству». Вместо того, чтобы призвать пролетарские массы к наступлению на капитализм, она призвала их к обороне «национального» государства. Она, эта социал-демократия Плехановых, Церетелли, Шейдеманов, Каутских, Рен覚делей, Лонге, мобилизовала на службу империализму все национальные предразсудки, все рабские инстинкты, всю накипь шовинизма, все темное и гнойное, что скопилось в душе трудовых угнетенных масс в течение веков рабства. Для партии революционного коммунизма было ясно, что этот гигантский исторический шантаж должен будет закончиться страшным крушением господствующих клики их прислужников. Чтобы вызвать в массах воинственный подъем, готовность к самопожертвованию, наконец, простую способность провести годы в грязных, зловонных ямах окопов, нужно было породить в их сознании огромные надежды, чудовищные иллюзии. Разочарование и ожесточение масс должны были неизбежно принять размеры, пропорциональные масштабу обмана. Революционные интернационалисты (тогда они еще не назывались коммунистами) предвидели это и на этом предвидении строили свою революционную тактику: они «держали курс» на социальную революцию.

Два сознательных меньшинства — империалистическое и интернационалистическое — объявили друг другу смертельную борьбу, и, прежде чем их тяжба перешла на улицу городов в виде открытой гражданской войны, она развернулась в сознании миллионов и миллионов трудящихся людей. Это уже были не парламентские конфликты, которые даже в самые луч-

шие моменты парламентаризма обнаруживали весьма ограниченную силу воспитательного действия. Здесь весь народ, до самых его темных и косных низов, был захвачен стальными когтями милитаризма и насильственно вовлечен в самый водоворот событий. Империализму противостоял коммунизм, который говорил: «Теперь ты на деле показываешь массам, что ты такое и на что способен, а потом настанет очередь для меня». Великая тяжба между империализмом и коммунизмом разрешается не параграфами реформы, не парламентскими голосованиями и не стачечными отчетами профессиональных союзов. События пишутся железом, и каждый шаг борьбы запечатлевается кровью. Это одно уже предрешало, что исход борьбы между империализмом и коммунизмом не будет найден на пути формальной демократии. Решение основных вопросов общественного развития путем всеобщего голосования должно было бы означать в настоящих условиях, когда вопросы поставлены ребром, прекращение борьбы между смертельными классовыми врагами и апелляцию к третейскому судье, в лице тех промежуточных, главным образом, мелкобуржуазных масс, которые еще не вовлечены в борьбу или участвовали в ней полусознательно. Но именно эти массы, обманутые великой ложью национализма, обескровленные войной, растерявшиеся, только ищущие выхода, переживающие самые разнообразные противоречивые настроения, — эти массы не могут казаться авторитетным третейским судьей ни империализму, ни, тем более, коммунизму, ни даже самим себе. Переждать, отложить разрешение спора до тех пор, пока смятенные промежуточные массы придут в себя и сделают все выводы из уроков войны. Как, каким путем? — Искусственные паузы возможны в схватке атлетов, на арене цирка или на трибуне парламента, — но не в гражданской войне. Чем большего напряжения достигли все отношения, все нужды, все бедствия в результате империалистической войны, тем меньше оставалось объективной возможности ввести борьбу в рамки формальной демократии, одновременного всеобщего поднятия рук. «В этой войне ты, империализм, показал, на что способен, а теперь пришла моя очередь: я возьму в руки власть и покажу еще колеблющимся, еще смятенным массам, на что я способен, куда я их веду, что я им хочу или способен дать». Таков был лозунг октябрьского восстания коммунизма, таков смысл той грозной войны, которую спартаковцы объявили буржуазному миру на улицах Берлина.

Империалистическая бойня разрешилась гражданской войной. Чем больше капиталистическая война приучила рабочих орудовать винтовкой, тем решительнее они начинают применять винтовку во имя своих целей. Однако, еще не ликвидирована и старая бойня, еще вспыхивают там и сям новые кровавые столкновения по линии наций и государств и угрожают разлиться новым пожаром. В тот момент, когда коммунизм уже празднует свои первые победы и имеет все права не бояться отдельных поражений, из-под вулканической почвы еще вырываются желтые языки националистического пламени.

Вчера еще задушенная, расчлененная, истерзанная и обескровленная Польша, сегодня, в последнем запоздалом опьянении национализма, пытается ограбить Пруссию, Галицию, Литву и Белоруссию. А польский пролетариат уже строит свои Советы. Сербский национализм ищет грабительского удовлетворения за старые унижения и раны на территории, населенной болгарами. Италия рвет к себе сербские провинции. Чехи, едва вырвавшись из-под немецко-габсбургской пяты, опьянев от той мнимой самостоятельности, которую им предоставили могущественные шуллера империализма, насилуют города немецкой Богемии и громят русских в Сибири. Бьют в набат чешские коммунисты. События нагромождаются на события, карта Европы меняется непрерывно, но самые глубокие перемены происходят в сознании масс. Та винтовка, что вчера служила национальному империализму, сегодня в той же руке служит делу социальной революции. Американская биржа, которая долго и искусно разжигала европейский костер, чтобы дать возможность своим банкирам и промышленникам погреть у его огня руки, теперь послала в Европу своего главного приказчика, своего верховного маклера, медоточивого выжигу Вильсона, чтобы поближе рассмотреть, не зашло ли дело слишком далеко. «Хе-хе-хе! — смеялись еще недавно в бритые подбородки, потирая руки, американские миллиардеры, — Европа стала сумасшедшим домом, Европа истощена, разорена, Европа превращается в кладбище старой культуры; мы будем посещать ее развалины, мы скупим лучшие ее памятники, мы будем щедро давать на-чай августейшим отпрыскам всех европейских династий, конкуренция Европы исчезнет, промышленная жизнь перейдет окончательно к нам, и барыши всего мира станут стекаться в наш, американский карман».

Но сейчас злорадное хихиканье начинает застревать в глотке у биржевых янки. В европейском хаосе все повелительнее и могущественнее поднимает свою голову идея порядка, нового, коммунистического порядка. В сутолоке и сумятице кровавых столкновений, империалистических, национальных и классовых, наиболее отставшие в революционном отношении народы медленно, но неуклонно равняются по тем, которые уже оставили позади свои первые победы. Из тюрьмы народов, какой была царская Россия на наших глазах, в наши дни, с освобождением Риги, Вильны, Харькова, вырастает свободная федерация советских республик[6]. Нет другого выхода и другого пути для народов бывшей Австро-Венгрии и Балканского полуострова. Советская Германия войдет членом в эту семью, которая месяцем позже или раньше включит в свой состав советскую Италию, советскую Францию. Превращение Европы в федерацию советских республик есть единственно-мыслимое разрешение потребностей национального развития больших и малых народов без ущерба для централистических потребностей хозяйственного единства — сперва Европы, а затем и всего мира.

Буржуазные демократы мечтали в свое время о соединенных штатах Европы. Эти мечты нашли лицемерно-запоздалый отзвук в речах францу-

ских социал-патриотов в первую эпоху последней войны. Объединить Европу буржуазия не смогла, ибо объединяющим тенденциям хозяйственного развития она противопоставляла разделяющую волю национального империализма. Чтобы объединить народы, нужно освободить хозяйство от оков частной собственности. Только диктатура пролетариата способна ввести потребности национального развития в их естественные и законные границы и соподчинить нации в единстве трудового сотрудничества: это и будет федерация Советских Республик Европы на основе свободного самоопределения населяющих ее народов. Другого решения нет. Этот союз будет направлен против Англии, если она отстанет в своем революционном развитии от континента. Вместе с советской Англией европейская федерация будет направлять свои удары против империалистической диктатуры Северной Америки до тех пор, пока заокеанская республика останется республикой доллара, — пока торжествующее хрюканье нью-йоркской биржи не перейдет в ее предсмертный хрип.

Еще кровавый хаос стоит над Европой. Старое сочетается с новым. События нагромождаются на события, и кровь наслояется на кровь. Но из этого хаоса все решительнее и смелее выступает идея коммунистического порядка, от которой не спасут буржуазию ни ее версальские заговоры, ни ее наемные банды, ни добровольные лакеи соглашательства и социал-патриотизма, ни великий заокеанский покровитель всех душегубов капитализма.

Уже не призрак коммунизма ходит по Европе, как 72 года назад, когда писался «Коммунистический манифест», — в призрак превращаются идеи и надежды буржуазии, — коммунизм шествует по Европе во плоти и крови.

13 января 1919 г.
Балашов.
Приложение к «Правде»
26. I. 1919 г.

На фронтах.

Доклад, прочитанный в Москве, в Колонном зале Дома Союзов 24-го февраля 1919 года[7].

Прежде всего, мое искреннее извинение за запоздание, виновник которого пока не установлен. Есть мнение, будто бы виновником являюсь я. Но я позволю себе с этим не согласиться, думаю, что виновником является кто-то другой. Мы это потом по чистой совести установим... Аккуратность — великое дело, особенно в области военной, и нет никакого сомнения, что главная наша беда, основной, можно сказать, порок состоит в неаккуратности, в непривычке к тому, чтобы точно и своевременно выполнять приказ, в неуважительном отношении ко времени. А время есть величайшее условие успеха. В военных действиях выигрыш дня, часа, пяти минут может иногда иметь решающее значение для исхода борьбы. Сейчас наше общественное и, в частности, военное воспитание должно состоять в выработке привычки к точному выполнению всего, что каждому выполнять надлежит. Еще раз высказываю свое сожаление по поводу злоупотребления, учиненного над вашим временем, столь необходимым для занятий, и перехожу к вопросам по существу.

Товарищи, вчера мы чествованием отметили годовщину создания нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и вчера же на курсах, в здании бывшего Алексеевского военного училища, мне пришлось говорить о том, что мы, в общем и целом, имеем полное право с нравственным удовлетворением оглянуться назад, на эти протекшие 12 месяцев нашей совместной, общей работы по строительству Красной Армии.

Разные народы в разные эпохи бывали, товарищи, в трудном положении, но я не думаю, чтобы историк мог найти другой пример, когда бы великий народ находился в таком ужасающем положении, международном и внутреннем, в каком оказался русский народ на исходе империалистической бойни.

Крушение нашей старой армии было неизбежно. Люди старо-полицейского склада могли думать, будто «агитаторы» погубили старую армию. На самом же деле агитаторы только переводили на слова то, что совершилось и без агитаторов на деле: раз революция произошла, раз крестьяне восстали против помещиков и чиновников, рабочие восстали против капиталистов и банкиров, то тот же самый рабочий и крестьянин, в виде сол-

дата, должен был восстать против того же дворянина или буржуазного сына, стоявшего перед ним в лице старого офицера. Эти три процесса были тесно связаны один с другим. Раз же произошло возмущение солдатской массы против старого командного состава, созданного старой монархией и служившего ей — у одних за страх, у других за совесть, — раз это восстание произошло, то армия должна была неизбежно развалиться. Что тут дело было не в случайных причинах, это мы с вами теперь видим на примере других стран, на примере Германии, Австро-Венгрии, где развал старой армии происходит, или вернее произошел, так же, как произошел в свое время у нас, — и от армии, несравненно более могучей, чем была наша старая царская армия, в Германии и Австро-Венгрии — не осталось и следа [8]. Глядите: теперь Пруссия, самая милитаризованная, наилучше вооруженная и дисциплинированная страна, не может выбросить несколько полков для того, чтобы охранить свою восточную границу от наступления польских легионов.

Стало быть, процесс развала старой армии, построенной старыми господствующими классами, один и тот же во всех странах. Это позволяет нам сделать и твердо закрепить в своей памяти два вывода. Во-первых, тот, что наша старая армия, как и австро-венгерская, как и германская, распалась не по случайным причинам, а в силу глубоких внутренних причин, и что развал ее был неотвратим: порвалась великая цепь, связывавшая связью рабства угнетенный класс с эксплоататорами, порвалась великая цепь и распалась старая армия. Тут возврата нет. Это — первый вывод. Второй, который имеет столь же огромное значение, состоит в том, что после развала нашей старой русской армии, после развала австро-венгерской и германской, предстоит с такой же неизбежностью развал армий Италии, Франции, Великобритании и Америки — всех вообще армий империализма, т.-е. армий, построенных монархами или республиканскими буржуа в разных странах путем закабаления и подчинения своего народа для захвата и грабежа других народов. Этот вывод не есть фраза, которую иной раз случайно бросают на митингах, это не есть просто агитационный лозунг, а исторически-научный вывод, который раньше был предсказан, в самом начале войны, и который теперь подтвердился опытом России, опытом Германии, Австро-Венгрии и завтра найдет свое неизбежное подтверждение на опыте Франции, Англии и других буржуазных стран. Уверенность в этом окрыляет наш дух в нынешней борьбе с империализмом стран Согласия: история не допустит, — империализм не съест.

Старая армия развалилась у нас в условиях, когда жизнь нашей страны была потрясена до самых глубочайших своих экономических основ. Наша земледельческая страна, как известно, далеко не исчерпала своих сельскохозяйственных рессурсов, но ее железнодорожная сеть, весь аппарат ее транспорта и торгово-промышленной связи оказались разрушенными, и страна, таким образом, расчленена. У нас есть области, несказанно бога-

тые продовольствием, и области, которые не выходят из мук и судорог голода. Продовольственная разруха, конечно, неблагоприятное условие для создания армии. Но это не все еще. После распада старой армии осталась жестокая ненависть к военщине. Старая армия, которая принесла невероятно тяжкие жертвы, знала только поражения, унижения, отступления, миллионы убитых и миллионы калек, миллиарды израсходованных сумм. Немудрено, если эта война оставила в народном сознании страшное отвращение к милитаризму, к военщине. И в этих-то условиях, товарищи, мы начали создавать армию. Если бы нам пришлось строить на свежей почве, тогда было бы больше с самого начала надежды и возможностей. Но нет, армию пришлось строить на почве, которая была покрыта грязью и кровью старой войны, на почве нужды и истощения, в обстановке, когда ненависть к войне и военщине охватывала миллионы и миллионы рабочих и крестьян. Вот почему очень многие, не только враги, но и друзья, говорили тогда, что опыт создания армии в ближайшие годы у нас в России не даст никаких результатов. Мы отвечали: «сомнениям места быть не может; ведь ни Германия, ни Франция, ни Англия не будут ждать десятилетий; стало быть, кто говорит, что русский народ не создаст для себя в ближайшие месяцы армию, тот тем самым говорит, что история ставит крест на русском народе и что его труп будет расклеван на части коршунами западно-европейского империализма».

Разумеется, Советская власть и та партия, которая стоит у власти, коммунистическая партия, не могли так смотреть на вопрос, что из этих усилий ничего не выйдет. Нет, мы не сомневались, что армия будет создана, как только она получит новую идею, новую нравственную основу. В этом, товарищи, вся суть.

Разумеется, армия представляет собою материальную организацию, сложенную до известной степени по своим внутренним законам и вооруженную теми орудиями техники, какие дает состояние общей промышленности, и, в частности, состояние военно-технической науки. Но видеть в армии только упражняющихся, маневрирующих, сражающихся людей, т. е. их тела, видеть только винтовки, пулеметы и орудия, значит, армии не видеть, ибо все это только внешнее выражение другой, внутренней силы. Армия сильна, если она связана внутренней идеей. Советская власть сказала с первых дней установления нового рабоче-крестьянского строя, что, несмотря на страшные бедствия страны, несмотря на истощение и на всеобщее отвращение к военщине и войне, русские рабочие и крестьяне создадут армию в короткий срок, если почувствуют и поймут, что эта армия необходима для защиты самых основных завоеваний трудового народа, если эта идея пройдет через их сознание, если каждый мыслящий рабочий и крестьянин поймет, что армия, которую строить его призывают, есть его собственная армия.

Под этим углом зрения мы тогда оценивали и Брест-Литовский мир [9]. Мы его заключали, зная, что другого выхода нет, ибо силы у нас

нет. Но в то же время мы говорили: на этом опыте каждый рабочий и крестьянин убедится, что Советская власть оказалась вынужденной итти на самые крайние уступки для того, чтобы завоевать хоть короткий отдых истощенному народу; и если после того, как честно и открыто предложили всем народам мир, после того, как мы пошли на тягчайшие уступки, — если после всего этого на нас будут нападать, то станет всем ясно, что армия нам необходима.

Это сознание на первых порах только постепенно овладевало трудовыми массами. Из вас многие прошли уже в прошлом через наши полки первого периода и помнят, что представляли собой эти полки в начале прошлого года. Полки были тогда чем-то в роде проходных ворот. Под лозунгом добровольчества в них входили, правда, отдельные рабочие, наиболее сознательные и мужественные. Но приходили и такие, которым просто негде было пристроиться, бывшие солдаты, не находившие применения для своих сил, нередко авантюристы, искатели легкой наживы... Это не были боевые единицы, и сколько раз случалось, что такой полк, пущенный в дело, рассыпался с первого момента. Нам указывали со всех сторон на это невоинственное настроение масс. Даже некоторые старые военные специалисты, старые генералы, приходили к выводу, что русский народ вообще не воинственный народ, и что это обнаружилось снова на опыте прошлой войны. С другой стороны, указывали на практические препятствия: на отсутствие командного состава и, наконец, на отсутствие необходимого снабжения, особенно артиллерийского. И действительно, мы были урезаны со всех сторон и окружены препятствиями. Но когда рабочие и крестьяне были лицом к лицу поставлены перед опасностью полного подавления и расчленения Советской России, тогда явилась и воля к созданию армии и явилась та самая воинственность, относительно которой говорили, будто она не свойственна русскому народу.

В прошлом воинственность русского солдата, т.-е., главным образом, русского крестьянина, была пассивной, терпеливой, всевыносящей. Его брали из деревни, заключали в полк, муштровали, полк толкали в известном направлении, и солдат шел с полком, стрелял, рубил, колол, умирал,... причем каждый в отдельности не отдавал себе отчета, во имя чего и для чего он борется. Когда же солдат стал размышлять и критиковать, — он восстал, и старая армия исчезла. Чтобы ее воссоздать, нужны были новые идейные основы: *нужно было, чтобы каждый солдат сознавал, для чего он сражается*. Вот почему эта страшная угроза гибели явилась внешней предпосылкой для воссоздания нашей армии. Мы призвали лучших, самых передовых рабочих Петрограда и Москвы на все наши фронты в момент величайших наших бедствий, летом 1918 года, и таким наглядным путем мы заставили массы рабочих и крестьян *понять*, что тут дело идет о жизни и смерти нашей страны. После этого, приблизительно в августе 1918 года, наступил спасительный перелом, при чем этот перелом начался не в тылу (в тылу мы, товарищи, и сейчас еще

очень отстали от фронта), — перелом начался на фронте. Не те части, которые формировались более или менее спокойно, в казарменной обстановке, не они оказывались наиболее дисциплинированными и боеспособными, нет, а те части, которые слагались на фронте, непосредственно в огне, — после колебаний, отступлений, иногда панических, они быстро приобретали, под политическим руководством передовых самоотверженных пролетариев, необходимый внутренний закал.

Огромное значение нравственной идеи для создания армии было известно не только всем подлинным полководцам, но и всем военным писателям. Вы и в школьных учебниках прочитаете, что армия может быть крепкой, только пока она связана какой-либо большой идеей. Но эта мысль стала шаблоном старых военных учебников, и многие из профессоров, которые охотно повторяют фразу о том, что армия сильна нравственной идеей, своим духом, нередко не отдают себе отчета в том, что представляет собой нравственная идея, дух н ы н е ш н е й нашей армии. И поэтому, когда мы армию стали строить путем мобилизации, перейдя от добровольчества к обязательному набору, причем изгнали из армии буржуазию и кулаков, некоторые из военных специалистов говорили нам, что такая армия неосуществима, ибо эта армия классовая, а нам нужна армия «общенародная».

Мы отвечали, что для общенародной армии нужна общенародная идея, а где у нас общенародная идея, которая способна была объединить сейчас наши красные полки с полками Колчака и Краснова? Краснов предавал Россию сперва союзникам, затем немцам, потом опять французам и англичанам. Колчак предает американцам, Щербачев румынам и проч., и проч. Я спрашиваю, где та общая идея, которая способна одновременно вдохновить и ген. Краснова, и наших рабочих и крестьян — солдат? Такой нравственной идеи нет. Эти два лагеря разделены непримиримой классовой враждой. У каждой из этих двух армий, у красной и у белой, есть своя идея: у одной — нравственная идея освобождения, у другой — безнравственная идея порабощения. Но объединить их в одну общенародную армию немыслимо. Это мысль утопическая, ложная, химерическая.

Мы живем в эпоху, когда прочной и крепкой армией может быть только армия классовая, т.-е. армия трудящихся рабочих и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда. Полное освобождение трудящихся их собственным вооруженным усилием есть та высоко-нравственная мысль, которая заложена в самый фундамент нашей армии. Всякие попытки создать армию на другой основе обнаруживают свою внутреннюю гнилость. Гетман Скоропадский, который, к счастью, относится уже к области прошлого, нашей классовой армии противопоставил свою армию, армию украинских хлеборобов, владеющих не менее 25 десятинами земли. Он мобилизовал кулачье, буржуазию. А вот учредительное собрание — блаженной памяти — на Урале, в Уфе, в Сибири пыталось построить армию не на классовом принципе, — всенародную армию.

Мы видим, следовательно, как на химическом опыте, который производится в лаборатории, три армии: нашу, Красную, которая побеждает кулацкую армию Скоропадского на Украине, оказавшуюся ничтожной, и армию учредительного собрания, «внеклассовую», всенародную», которая распалась: там осталась только контр-революционная армия Колчака, а учредиловцы, правые эс-эры, вынуждены были покинуть своего соратника и бежать к нам, на территорию Советской России, искать здесь гостеприимства [10]. И если мы можем его им оказать, оградить их от Колчака, то только потому, что мы строили не «всенародную» армию, соединяя огонь с водою, а нашу Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, которая Советской России обеспечила свободу и независимость.

В строительстве армии мы твердо стали на основу принципа классовой, чисто трудовой армии, которая проникнута идеей труда, борьбы во имя интересов труда, которая кровно связана с трудящимися массами во всей стране. Это простые факты, простые мысли, но, вместе с тем, основные, незыблемые, без которых мы нашу армию никогда бы не создали. Ибо в таких условиях, в каких мы ее строили, товарищи, в этой истощенной стране, после империалистической бойни, нужна была самая ясная, неоспоримая, святая идея, которая захватывает каждого рабочего за живое, — для того, чтобы сделать возможным самое строительство армии.

Грозная опасность обнаружилась перед нами во весь свой рост, как вы помните, поздним летом 1918 года. На западе была захвачена немцами территория не только Польши, Литвы, Латвии, но и Белоруссии, и значительная часть Великороссии находилась под пятой германского милитаризма: Псков был в немецких руках. Украина стала австро-германской колонией. На востоке произошло летом 1918 года восстание чехо-словаков [11]. Оно было организовано французами, англичанами, но, вместе с тем, немцы через своих представителей открыто говорили, что если это восстание будет приближаться к Москве с востока, то немцы будут приближаться к Москве с запада, со стороны Орши и Пскова; мы оказались буквально между молотом германского и наковальней англо-французского империализма. На севере у нас летом был захвачен англо-французами Мурманск и Архангельск, с угрозой продвижения на Вологду. В Ярославле разыгралось восстание белогвардейцев, организованное Савинковым по приказу французского посла Нуланса, чтобы дать возможность союзным войскам через Вологду и Ярославль соединиться с чехо-словаками и белогвардейцами на Волге через Вятку, Нижний, Казань и Пермь. Таков был их план. На юге, на Дону, развернулось восстание, руководимое Красновым. Краснов тогда находился в непосредственном союзе с немцами и открыто этим похвалялся, получая от них денежную и военную помощь. Но англичане и французы понимали, что если они по Волге дойдут до Астрахани и свой левый фланг завернут на Сев. Кавказ и Дон и соединятся с Красновым, то Краснов охотно перейдет в лагерь англо-французов, ибо ему все равно, кому продаться: ему нужна помощь, чтобы удержать власть помещиков у себя

на Дону и восстановить ее во всей стране. Таким образом, фронт наш с самого начала угрожал превратиться в кольцо, которое должно было сжиматься все теснее и теснее вокруг Москвы, сердца России.

На Западе были немцы, на севере и востоке — англо-французы и белогвардейцы, на юге — Краснов, который одинаково готов был служить и тем, и этим; на Украине — Скоропадский, ставленник германского империализма. Наше спасение в тот момент было в том факте, что Англия, Франция и Германия продолжали еще военные действия между собою, хотя и тогда уже связью между ними были наши белогвардейцы. Великая опасность была в том, что на нашей спине, т.-е. на спине раздавленной, распятой России, произойдет соглашение германского и англо-французского империализма, прежде чем поднимется европейский пролетариат. В тот период наша страна была сокращена чуть не до размеров старого московского великого княжества и продолжала сокращаться. Наибольшая непосредственная опасность грозила с востока, где чехо-словацкие корпуса создали стержень, вокруг которого лепилась контр-революция. Первые наши усилия были направлены на восток — на Волгу.

В чем же эти усилия состояли? Мы, товарищи, как я уже упоминал, обратились к лучшим рабочим Петрограда и Москвы, мы из состава инструкторских курсов взяли охотников, лучший добровольческий элемент, наиболее отважный, мы создали небольшие отряды коммунистов. Мы исходили из того, что армия есть ни что иное, как вооруженный авангард самого рабочего класса, и потому мы к нему обратились и сказали ему правду о положении и потребовали от него инициативы и энергии. Под ударами наших врагов — под Симбирском, под Казанью — несмотря на то, что у нас был, пожалуй, некоторый перевес сил, мы отступали, нередко панически отступали, потому что на той стороне был перевес выучки, дрессировки, знания, перевес бешенства и ненависти лишенных собственности собственников против рабоче-крестьянской армии. Наконец, там был огромный перевес, состоящий в том, что мы оборонялись, а они наступали, причем они имели возможность выбирать наиболее уязвимое у нас место. Они выбирали на советской территории место, которое сами намечали, в тот момент, который сами выбирали. У нас было теоретическое преимущество (оно только позже стало действительным, фактическим), что мы из центра действуем по внутренним операционным линиям, по радиусам [12]. В силу своей разбросанности, наши враги действовали и действуют в разных местах не сплошным фронтом, но ударными группами. Мы же вынуждены были логикой вещей построить постепенно сплошной фронт, и теперь наш фронт имеет протяжение в 8000 верст. Не знаю, военным историкам известен ли другой пример, когда бы фронт был растянут на такое необозримое пространство.

Война со стороны наших врагов могла иметь и имела партизанский характер, в том смысле, что небольшие отряды, выбрав известный объект, цель, ударяли туда, чтобы нанести нам вред. Смысл партизанства состоит

в том, чтобы ослабить более сильного. Партизанство, как таковое не может дать полной победы, именно победы над организованной армией. Партизанство и не ставит себе, вообще говоря, такой цели: оно тормошит, наносит уколы, дергает, разрушает железные дороги, вносит хаос, — вот преимущество партизанства, как орудия более слабого по отношению к более сильному. Оно должно было нам вредить и нас ослаблять.

Обороняться было бы несравненно легче, если бы у нас была во всей стране милиция, т.-е. чисто территориальная, местная армия, состоящая из вооруженных и обученных на месте рабочих и крестьян, так что полк соответствовал бы волости или заводу, а уезду — дивизия или две дивизии... Тогда мы могли бы бороться везде местными силами. Милиция не означает армии более слабой, менее совершенной, как думают некоторые военные профессионалы. Милиционная армия составляется на основе обязательного военного обучения, вне-казарменным путем, на местах, так что обучающиеся и обученные не отрываются от заводов, фабрик и пашен, — это рабочие-солдаты, крестьяне-солдаты. Если бы у нас была организованная милиция, тогда уколы наших врагов, их партизанские набеги с той или иной стороны немедленно находили бы организованный и планомерный отпор в том месте, где они наносились. Это идеальная армия, к которой мы идем, к которой мы придем. Но мы не имели возможности сразу организовать ее, мы оказались вынужденными извлекать рабочих и крестьян из их бытовой родной обстановки и бросать на фронт.

Мы были вынуждены, как сказано, обратить свою армию прежде всего на Восток, — нам нужен был там успех во что бы то ни стало. Вы знаете, что это было достигнуто, — но каким путем? Таким, что у себя внутри мы подавили кустарничество и мелкое местничество в военном деле. Неприятель хотя и действовал полупартизанскими набегами, но в распоряжении его имелись отряды с высоким процентом офицерства, прекрасно сколоченные, умело руководимые умелыми командирами. Для нас этот партизанский метод противника, при правильной, «научной» постановке дела с его стороны представлял серьезную опасность. Чтобы оберечь себя от нее, чтобы использовать свое центральное положение, нам необходимо было подавить решительно кустарнические, самодельно-партизанские навыки в среде революционной армии. На этом вопросе столкнулись два течения в нашей среде, отчасти на фронтах, а в особенности в тылу. В начале некоторые наши товарищи говорили: «в нынешних условиях мы централизованной армии с центральным аппаратом управления и командования не создадим, — для этого нет ни времени, ни технических средств; поэтому нужно ограничиться небольшими, хорошо организованными отрядами по типу полка, только более, богатыми всякими техническими специальными частями». Вот первоначальная идея многих и многих товарищей: отдельные отряды в две три, четыре тысячи солдат, соответственно сгруппированных из разных родов оружия. Это метод борьбы более слабого, — если нет возможности справиться с врагом, стереть его с лица земли, то

остается беспокоить его, вредить ему. Немцы были в период своего наступления сильнее нас, и нам оставалось бросать против них отряды, чтобы задерживать их наступление и вызывать партизанские налеты у них в тылу. Но на этом остановиться мы никак не могли. Путем планомерных действий нам необходимо было уничтожить врагов, которые отрезали нас от наиболее плодородных и богатых областей России. Многообразие наших врагов создало то, что у нас оказалась целая окружность фронтов: на востоке — чехо-словаки, на севере — союзные десанты, на западе — немецкое наступление, на юге — Краснов, на Украине — Скоропадский. Это показывало, что в центре страны нам необходимо было сосредоточить крупные силы, чтобы по радиусам перебрасывать их туда, где потребуется в данный момент. Но чтобы иметь возможность целесообразно распоряжаться своей военной силой в каждый момент, для этого нужно было уничтожить раз навсегда кустарничество в виде самостоятельных отрядов. Правда, они скоро стали называть себя полками и дивизиями. Существовало, однако, только название дивизии, но дивизии не было, а были партизанские отряды, непризнававшие централизованного командования сверху и действовавшие по инициативе собственных атаманов или вождей. На этой почве выдержали мы немало затруднений и борьбы, потому что в кустарно-партизанской среде было огромное недоверие к тем, кто в центре следит и хочет руководить: не подведут ли, дескать, нас, не обманут ли? Это первое. А второе то, что эти отряды в прошлом имели большие заслуги в борьбе с русской буржуазией, с контр-революцией, они проявили большой героизм, имели вождей, которые в малой партизанской войне обнаружили известные таланты и боевые качества, по крайней мере, некоторые из них. Отсюда их сомнение, преувеличенное доверие к себе и преувеличенное недоверие к команде сверху. Потребовались жестокие опыты поражений при действиях наших патризанов против немцев и на других фронтах, потребовалась идейная борьба, потребовались репрессии сверху, чтобы заставить кое-кого из новых командиров понять, что армия есть централизованный организм, что выполнение приказов сверху является необходимым залогом единства действий. Такого рода предварительная работа была необходима, дабы от отступлений перейти к наступлениям, дабы под Казанью, Симбирском и Самарой действовать одновременно. Только после этого начались успехи: мы очистили Волгу и стали продвигаться на Урал.

Здесь же я должен попутно с великой похвалой отозваться о работе наших красных летчиков на фронте. Были, правда, случаи измен и предательств, перехода в лагерь врага, но это были единичные случаи и происходили они преимущественно в первый период войны. Подавляющее же большинство летчиков работает честно и самоотверженно. Я особенно близко наблюдал их работу под Казанью, в самые тяжкие недели августа 1918 года, когда наши полки были еще слишком слабы, мало боеспособны, тогда отряды летчиков, которые были под Казанью, делали буквально все,

чтобы заменить собой пехоту, и кавалерию, и артиллерию. Они при всякой погоде снимались с места, кружились над Казанью и над неприятельской флотилией, сбрасывали тяжелые бомбы, они установили связь с отрядом, действовавшим на северо-восток от Казани и отрезанным от нас. При самых тяжких положениях красные летчики показывали себя героями и сейчас, за эти месяцы; наш совершенно было разрушенный красный воздушный флот собрал свои растерзанные члены, воссоединился и теперь мы имеем воздушных красных воинов, о которых с ненавистью говорят наши враги.

На южном фронте те же явления, что и на восточном, повторяются целиком. Там против Краснова действовали многие отряды, вышедшие из Украины, и в их рядах были самоотверженные испытанные борцы. Но общеармейской, общефронтовой связи и дисциплины не было. «Всяк молодец на свой образец». Считая, что всякий командир, посланный сверху для установления оперативного единства чрезвычайно подозрителен, они предпочитали действовать наощупь: напирали на них — они отступали, ощупывали, где враг силен; где слабее, там и наступали. В этой борьбе они выработали известную сноровку. Такими превосходными борцами были, например, убитые товарищи Сиверс и Киквидзе, которые выработали свои недурные приемы в борьбе с казаками, умели выследить, уклониться, отбросить, обойти, разбить. Но все это в пределах местных стычек, приносящих местный успех или местный неуспех. А борьба, ведь, длилась месяцами, требовала колоссальных жертв, но действительных перемен в положении не производила.

После прилива лучших рабочих из Москвы, Петрограда и других мест на юг, массы красноармейцев поняли под их руководством, что идет борьба не на жизнь, а на смерть, сомкнулись, подтянулись. Но этого было еще недостаточно, требовалось перевоспитание командного состава, который набирался у нас из трех источников. Мобилизованы были, с одной стороны, командиры из среды старого кадрового офицерства, с другой стороны, мы имели уже указанных новых командиров отрядного характера, партизанского воспитания. Наконец, мы получили красных офицеров. В большинстве своем они оказались прекраснейшими солдатами, надежными руководителями в будущем, но на первых порах у них не хватало опыта, поэтому они могли занимать только низшие командные посты, в лучшем случае—взводного, в самых редких случаях—ротного командира. Было много случаев, что товарищи красные офицеры, проведя некоторое время на командном посту, обращались с просьбой, чтобы им разрешили в течение нескольких недель сражаться в качестве рядовых бойцов. Это были честнейшие работники, но без боевого опыта. Бывшие унтер-офицеры, прошедшие через инструкторские курсы, имели перед ними огромное преимущество, потому что обладали боевым опытом. В общем и целом красные офицеры — это прекрасный материал, который за эти три месяца уже успел выделить из себя много хороших молодых командиров.

Старые кадровые офицеры, которые были мобилизованы в значительном числе, из своей среды выделили многих добросовестных работников и опытных командиров. Я не называю, по понятным причинам, чисел, но скажу, что тысячи и тысячи начальников и командиров,— низших, средних и высших,— вышли из этой среды, и на наших новых фронтах доблестно и самоотверженно боролись на ряду с красноармейцами. Это особенно сказалось в тех армиях, которые были лучше организованы, крепче сплочены. Там никто не спрашивал: «был ли ты в старой армии офицером или ты — красный офицер, или ты вышел из солдатской среды или из партизанов?» Там боевое слияние произошло целиком.

Перелом в настроении лучших элементов старого офицерства произошел постепенно. Оно долго жалось, сомневалось, что такое Советская власть, оно находилось под влиянием буржуазных газет, которые трубили, что Советская власть предает Россию немцам. Они слышали от Милюкова, от Церетелли, от всех этих мещанских «авторитетов» ту же клевету о Советской власти и потому колебались, не зная, куда встать, куда пойти... Когда нас окружили кольцом со всех сторон враги, когда, казалось, дни Советской власти были сочтены, старые офицеры перебегали в большом числе на сторону наших врагов, иногда предавали при этом наши части. Мы, разумеется, беспощадно расправлялись с теми, которых ловили. Не мало пало из них. Но когда слишком торопливые товарищи говорили: «откажитесь от привлечения офицерства в Красную Армию», мы отвечали: «нет, это ложная мысль, нам знающие работники необходимы, армия не может начать с первой буквы азбуки, когда у нас кругом враги со всех сторон». Не может быть, чтобы среди десятков тысяч старого кадрового офицерства мы не нашли несколько тысяч честных солдат, которые чувствовали бы себя связанными с рабочими и крестьянскими массами трудовой России и не были бы способны продавать свою страну немецким, французским или английским империалистам. Измены отдельные, хотя и многочисленные, отнюдь не заставили нас изменить в этом отношении нашу политику. И сейчас с полной уверенностью можно сказать, что эта политика привлечения наиболее честных и свежих элементов старого офицерства, для постройки нашей армии и для оперативного руководства ею, оправдала себя целиком.

Наконец, и из среды самоучек, партизанов, выработались хорошие, дисциплинированные и твердые командиры. У нас есть армия, где командует бывший унтер-офицер и где начальник штаба — бывший генерал генерального штаба. А в другой армии командует бывший генерал, помощник же его из самоучек. У нас есть всякие комбинации, никаких шаблонов мы не допускали, везде старались поднимать наверх энергичных, способных, честных работников. Командирам неопытным или нетвердым в политическом отношении огромную помощь оказывают комиссары. Так же обстоит дело и с дивизиями. Во главе одной дивизии стоит бывший солдат, даже не бывший унтер-офицер, а рядом командует бывший пол-

ковник генерального штаба, и между ними превосходные отношения и взаимное уважение, потому что совместно проливаемая кровь есть самая тесная спайка, которая только может быть.

Это не сразу удалось. В течение двух-трех месяцев самой напряженной работы мы налаживали порядок на южном фронте против красновских войск, где враг был особенно упорен и крепок. Мы были достаточно сильны численно, но не были централизованы. Красновские войска, хорошо руководимые, действовали отдельными налетами, энергичными и болезненными для нас уколами, и они достигли того, что мы опасались за судьбу Воронежа, после того, как они уже взяли Новохоперск, Борисоглебск и даже обстреливали Царицын, богатый всякими военными запасами. В самые лучшие для них моменты борьбы у них армия не доходила до 100.000 бойцов, считая и все резервы. Но у них было огромное преимущество инициативы и внезапности, этих важнейших условий военного успеха. Они не держали фронта. Нанеся укол в сторону Воронежа и внеся расстройство в наши ряды, они оставляли тут тончайшую кружевную завесу и перебрасывали главные силы под Балашов и Царицын. Наши же войска оставались в общем пассивными, потому что не было у нас, в сущности организованной единицы, которая по праву называлась бы Воронежской или Царицынской армией. Тем более у нас не было единства фронта. В достижении этого главная работа и заключалась. Потребовалась энергичная организационная и агитационная работа для противодействия тайным провокаторам и прохвостам, которые стремились затесаться в армию, чтобы подорвать изнутри ее дух, разложить ее, сделать ее бессильной, а с другой стороны, для противодействия навыкам партизанства: стремлению работать только по своей собственной воле, не желая считаться с общей оперативной потребностью данной армии или всего фронта. В обоих направлениях оказался полный успех. На самой работе честные и способные командиры поднялись наверх, а прохвосты, пришедшие для предательства, уличенные были расстреляны. Среди партизанов лучшие элементы убедились, что на партизанстве далеко не уедешь. Кто не хотел понять требований оперативного единства, тех мы сурово устраняли. В результате такой работы произошел перелом настроения на всем фронте. Куда ни приедешь, в Воронеж ли, в Балашов или в Царицын, везде стало ощущаться единство командования против общего врага, единство оперативного замысла и единство его исполнения. «Вот теперь почувствовался, наконец, фронт», с радостью заговорили все, и большие и малые командиры, когда три армии южного фронта, спаянные внутри, стали работать согласованно.

После этого мы на южном фронте, как и на восточном, перешли от отступления к наступлению, все более и более победоносному. Февраль был решающим. Сейчас мы можем сказать, что красновская армия более почти не существует. Она в основном своем ядре разбита совершенно и панически отступает. Вы знаете, что сам Краснов подал в отставку и выехал из Новочеркасска в Новороссийск, основательно опасаясь мести

со стороны своих бывших подданных; не только вся ж. д. от Новохоперска до Царицына в наших руках, и Царицын снова соединен со всей Советской Россией железнодорожной линией, но и ж. д. из Царицына на Лихую, важнейшая линия, которая оставалась еще в руках у красновцев, нами занята почти вся, причем мы захватили множество пленных и огромную военную добычу. И дальше работа сводится к тому, чтобы энергично подчищать то, что еще осталось от красновской армии. Сложнее дело обстоит в Донецком бассейне, где действуют отчасти более крепкие остатки красновцев, а, главным образом, части добровольческой армии Деникина, переброшенные сюда с Северного Кавказа. Они пытаются отстоять Донецкий бассейн и вместе с тем Ростов и Новочеркасск, не утеряв еще последнего остатка надежды на помощь со стороны союзников. Но и здесь не может быть сомнения в том, что после ликвидации буржуазной власти на Украине и после ликвидации красновского фронта, драгоценный Донецкий оазис не удержится, и там будут хозяевами донецкие рабочие и крестьяне [13].

В дополнение к тому, что я вам сказал о южном фронте, необходимо сказать несколько слов о фронте кавказско-каспийском. Здесь нас за последние два месяца постигли крупнейшие неудачи, которые могли казаться совершенно неожиданными, так как незадолго перед тем мы овладели на Северном Кавказе большой территорией и важнейшими пунктами. Но неудача свалилась на нас, в сущности, вполне закономерно и явилась результатом кризиса и развала партизанщины. На Северном Кавказе у нас числилась весьма значительная армия, составившаяся все из тех же украинских беженцев, а также донских, терских и иных частей. Среди них немало было честнейших и преданнейших революционеров, но немало также авантюристов, а еще более случайных людей, выбитых контр-революцией из колеи и севших на солдатский котел. Навыки партизанства, непривычка к правильной, оформленной организации и к правильным формальным отношениям, засели там крепче всего в виду удаленности от центра. Еще осенью прошлого года я дал формальное предписание делегации северокавказских войск оставить в составе армии не больше $^1/_3$ наличного числа, привести их в надлежащий вид, а остальных расформировать, либо направить к нам на север: «когда вас станет втрое меньше, вы будете втрое сильнее» — убеждал я делегацию. Но, к несчастью, дело здесь закончилось только убеждениями, вследствие крайней удаленности фронта и полного отсутствия с ним правильной связи. Инерция партизанщины оказалась сильнее. Войска сохранили свой огромный численный состав и имели, без серьезных боев, весьма крупные успехи. Им посылались из Астрахани инструкторы, серьезные, надежные военные специалисты, но их возвращали обратно в Астрахань, указывая на то, что в них нужды нет. Нет более опасного врага для Красной Армии, как самоуверенность невежественного партизанства, которое не хочет учиться, не хочет идти вперед. И вот результат налицо: разбухшая армия, скорее орда, чем армия, столкнулась

с правильно-организованными деникинскими войсками и в течение нескольких недель рассыпалась в прах. За иллюзию партизанства мы заплатили здесь снова дорогой ценой. Но этот урок даром не пройдет. На Северном Кавказе производится теперь напряженная работа, которая скажется, надеюсь, в самом скором времени. То, что нами утеряно там, будет возвращено с лихвой.

На северном фронте, товарищи, после утраты нами мурманского и архангельского районов, мы держались сравнительно пассивно. Правда, за последние недели там мы имели хороший успех, захватив Шенкурск. Его взятие явилось хотя небольшой, но славной страницей в истории нашей борьбы. В труднейших условиях, где неприятель, по собственным словам, считал невозможным провести хотя бы полевую кухню, наши солдаты в белых балахонах, в морозную ночь, протащили на полозьях шестидюймовое орудие, зашли глубоко в тыл неприятеля и заставили его бежать из Шенкурска, при чем захватили пленных, большое имущество и отогнали врага на 80 — 90 верст к северу. Все же — это лишь частичный успех, в общем же на нашем северном фронте мы держимся пассивно-оборонительно [14].

Имея фронт в 8000 верст, мы вынуждены были бы, чтобы вести активную стратегию, везде и всюду иметь многочисленную армию. Но этого мы не имеем. Стало быть, одни участки этого восьми-тысячного фронта остаются временно пассивными и активность сосредоточивается на других, более важных в данный момент участках. В этом и состоит преимущество нашего центрального положения по отношению ко всем фронтам; постоянная возможность переброски и сосредоточения. Но это преимущество сложилось и реализовалось только после того, как был создан Революционный Военный Совет Республики с единым главнокомандующим на всех фронтах, было установлено единство командования фронтами, единство командования армиями данного фронта. Только после установления общего оперативного руководства и строгого исполнения боевых приказов, идущего сверху вниз, все почувствовали на деле, каждый солдат почувствовал на месте огромное преимущество централизованной армии над партизанством и над кустарничеством. Мы получили возможность вместе с тем, учитывать и выбирать, где нужно развернуть наиболее активную борьбу в данный момент. После наших успехов на Волге главные наши усилия перешли, как я сказал, на линию донского фронта. Вот почему мы на севере держались пассивно, тем более, что именно за эти последние два месяца открылись два новых фронта, которые хотя мы и предвидели, но нового превращения их в активные участки предвидеть не могли; это украинский фронт и западный фронт.

На Украине военный вопрос был снова поставлен величайшим политическим событием, — революцией в Германии, вызвавшей восстание на Украине. Здесь особенно ярко обнаружилась прямая и непосредственная связь наших военных операций с их естественной почвой — рабоче-кре-

стьянской революцией. Мы ведем войну. Но это не есть война, как другие войны, где земли переходят из рук в руки, но режим остается тот же; наша война, это — организованная, обороняющаяся или наступающая революция рабочих, революция, которая обороняет или расширяет свои завоевания. Если кое-кто склонен об этом забывать, то события на Украине снова громогласно напомнили об этом. Там наш фронт сразу ожил и вдвинулся на юг, правда, в первое время почти без регулярных частей. Там была неотложная задача: сбросить местную, еще не организованную буржуазию, не дать ей организоваться после того, как немецкая армия, поддерживавшая украинскую буржуазию, подверглась сперва разложению, затем революционному перевоспитанию и уходила к себе, на запад, в Германию. В этот момент партизанские отряды сыграли на Украине огромную и вполне плодотворную роль. Разумеется, и там уже с самого начала появились более регулярные части советских войск, и партизаны там, чем дальше, тем больше, действовали, как спутник около планеты. Они стали группироваться вокруг регулярных частей, которые явились туда по призыву украинских рабочих и крестьян, и сейчас же украинскому командованию была поставлена задача связать партизанские отряды в штатные единицы, в регулярные дивизии. И на Украине эта работа производится с большим успехом, ибо тамошние работники имеют перед собой преимущество нашего годового опыта, они многому учились на наших ошибках и завоеваниях. Но, так или иначе, украинский фронт отвлек сравнительно крупные силы, разумеется, преимущественно украинские [16].

В тех же условиях возник у нас и западный фронт. На западе боевые операции были сравнительно немногочисленны и некровопролитны. Там большую роль играло наше соглашение с немецкими солдатами, революционно противопоставленными немецким командирам, и прямое братание с германскими солдатами-коммунистами. Однако все это дополнялось боевыми столкновениями там, где германские белогвардейцы или местные буржуазные элементы противопоставляли нам вооруженную силу. В результате этих согласованных военных и политических действий мы очистили на западе огромную территорию. Но задача там еще далеко не доведена до конца. Буржуазия западной полосы опомнилась от первого впечатления, вышла из состояния столбняка и при помощи Западной Европы, Англии и Франции, отчасти Германии, успела сколотить кое-какие части, угрожая, с одной стороны, на Ямбург, с другой стороны, на Псков и пытаясь создать угрозу Риге. В Эстляндии борется против советской эстляндской армии не только эстляндские белогвардейцы, там борется и финская буржуазия и даже небольшие отряды шведов, наряду с немецкими и русскими белогвардейцами, — словом, там полный интернационал, интернационал белой гвардии примыкающих к Балтийскому морю стран, при поддержке английского флота [16].

Если бы мы дали этому фронту окрепнуть, то, конечно, оттуда могла бы вырасти значительная опасность, и несколько недель тому назад

могло казаться, что эта опасность налицо. Последние недели я провел именно на этой части фронта и там на моих глазах повторялась та же картина, которая в разное время наблюдалась на других фронтах. Мы не могли снять закаленных частей с других фронтов, ослабив их этим, и бросить эти части на Эстляндию; поэтому туда шли наиболее молодые, наспех сколоченные из только что мобилизованных крестьян части, не только не имевшие боевого опыта, но и не подвергнувшиеся еще политической обработке, и они рассыпались в первое время при первом серьезном толчке со стороны неприятеля; как всегда случается в таких условиях, там были прямые измены и предательства, например, в той дивизии, которая сражалась на Нарвском направлении, командир полка увел часть полка и сдал в плен; естественно, если другая половина в панике разбежалась. Словом, там имелась полтора-два месяца тому назад такая обстановка, которая на других фронтах наблюдалась полгода тому назад. Я вам говорю обо всем этом с такой откровенностью, товарищи, потому что вы должны ясно знать все стороны строительства и жизни армии, в том числе и все теневые стороны. Неудачи ни в коем случае не должны побуждать нас опускать руки. В революционную эпоху революционная армия есть, по самому существу, нервная армия, которая живет порывами, — случаи кризиса, паники встречаются в ней чаще, чем в нормальное время... Но зато если эту молодую, нервную армию сплотить, дать ей идею, дать ей необходимый закал, дать ей возможность одержать первую победу, то ее нервность переходит в огромную силу наступления, она стремится вперед и становится непобедимой. Вот почему шатания, колебания и даже панические отступления молодых частей отнюдь не вселяют пессимизма в наши души. Достаточно было 2—3 недель энергичной работы командиров и комиссаров на Нарвском и Псковском участках эстляндского фронта, чтобы фронт переродился, и те солдаты, которые просто в силу полной неприспособленности, отсутствия самого элементарного опыта разбегались панически, сейчас сами собираются и не только заполнили части, но и внутренне их переродили. Приезжая дважды в одну и ту же часть на протяжении 10 дней, я не узнавал этой части. В этом и состоит огромная сила революционной идеи и революционных методов строительства.

Нигде, ни в какой стране, ни в какой армии командир полка не может сказать каждому солдату: «ты обязан умирать, если потребуется, потому что ты сражаешься за интересы твоей семьи, твоих детей, за будущих твоих внуков; это есть война угнетенных и трудящихся за их освобождение». Эти простые слова, с которыми обращаются к сознанию, к сердцу каждого солдата, творят в подлинном смысле слова чудеса.

В каждом полку, в каждой роте имеются элементы разного качества; наиболее сознательные, наиболее самоотверженные, конечно, составляют меньшинство; на другом полюсе есть ничтожное меньшинство противоположных элементов, темных, развращенных, шкурнических, отчасти кулацких, контр-революционных. Между этими двумя меньшинствами, стоя-

щими на противоположных полюсах, имеются просто недостаточно сознательные, неуверенные, колеблющиеся, которые по своему сознанию, по настроению — честные, хорошие трудовые граждане советской страны, но нуждаются в выучке военной и политической. И когда мне командир какого-нибудь полка или комиссар говорит: «я за свой полк не отвечаю, там шкурники, когда им выступать надо, они говорят: нам того не дали, другого не дали,— это плохой полк», то я отвечаю с полной уверенностью: «если полк плох, стало быть командир полка плох и комиссар плох, ибо люди те же самые, что и в других полках, это те же, в массе своей, честные рабочие и крестьяне». Если они видят над собою нетвердое руководство, если закрадывается сомнение в правильности ведения полка командиром, если нет нравственного уважения к комиссару полка, то, разумеется, получается развал: шкурники берут верх, лучшие элементы стоят обескураженные в сторонке, а средние элементы не знают, с кем идти, и в час опасности поддаются панике. Так, где состав командиров хорош, особенно низший командный состав, где этот состав честный, твердый, где командир и комиссар полка хороши, там любой полк окажется на высоте. Дайте мне самый плохой полк, дайте три тысячи дезертиров, захватив их, где угодно, и назовите это полком. Я им дам хорошего, честного командира полка, хорошего боевого комиссара, дайте подходящих батальонных, ротных и взводных, — и я говорю, что три тысячи дезертиров, в течение четырех недель дадут у нас в революционной стране превосходный полк. И это не надежда, не программа, не идея, все это проверено опытом и в последние недели мы снова проверили это на опыте нарвского и псковского участков фронта, где теперь стоят части, сколоченные единством.

Есть еще возможный фронт, о котором я еще не говорил, это фронт карельский или финляндский. Там у нас боевых действий нет. Финляндия с нами непосредственно не в войне, хотя косвенно воюет, посылая свои полки на территорию Эстляндии, откуда они наступают на Ямбург вместе с белогвардейцами, эстонскими и русскими. Но на Карельском перешейке фронта в подлинном смысле нет. Однако, в последние недели в Финляндии велась бешеная, в подлинном смысле этого слова, агитация в пользу наступления на Петроград. Они считают, что там мы теперь наиболее уязвимы, так как утратили Балтийское море и поэтому подступ к Петрограду теперь менее защищен. Рабочий класс Финляндии был, когда он стоял у власти в прошлом году, лучшим щитом для Петрограда. Но теперь там господствует временно буржуазия, и ее вождь Маннергейм, из бывших русских генералов, вел в последние месяцы и недели агитацию в пользу наступления на Петроград, а финская и шведская буржуазная печать утверждала, что Петроград можно взять путем сухого короткого удара, путем налета, — для этого достаточно бросить туда, скажем, одну-две дивизии. Мало того, ген. Маннергейм назначил маневры своих полков вблизи нашей границы, у Терпок, и об этом открыто писала в тоне вызова финляндская буржуазная печать. В Петрограде по этому поводу, разумеется, большого волнения

не было, ибо смешно и нелепо говорить о том, что финляндская буржуазия, которая едва-едва справилась (при помощи гогенцоллернских штыков) с революцией рабочего класса Финляндии [17], буржуазия страны, в которой всего населения не более двух с половиной миллионов душ, сможет состязаться с революционной Советской Россией; тем не менее в Петрограде поднялось глубочайшее возмущение среди рабочих по поводу того, что финские белогвардейцы, на шпагах которых еще не обсохла кровь финляндских рабочих, осмеливаются угрожать рабочему классу Петрограда, нашей красной революционной столице.

В ответ на маневры Маннергейма мы назначили наши собственные маневры на нашей финляндской границе. Мы призвали всех на защиту Петрограда. Больше всех и горячее всех откликнулись на этот клич товарищи курсанты петроградских военных курсов. По их единодушному требованию нормальные занятия на курсах были прекращены и все курсанты были временно сведены в один маневренный отряд превосходного качества. Этому отряду мы делали смотр на бывшей Дворцовой площади, ныне имени Урицкого, и в этом смотру принимал участие офицер французской армии капитан Садуль, который порвал со своим правительством, с французской военной миссией, чтобы защищать Советскую власть, и ныне работает в нашей военной инспекции. И капитан Садуль, стоявший со мной рядом, глядя на наших молодых будущих красных офицеров и их превосходный в военном смысле вид, на воодушевление, написанное на их лицах, на одухотворенную стройность их рядов, с восторгом говорил, что это одна из наиболее возвышающих картин, какие он видел в своей жизни, и прибавил: «как я жалею, что здесь нет французской военной миссии с генералом Ниссслем во главе, — если б они увидели наших будущих красных офицеров, сведенных в этот боевой отряд, они сказали бы своему правительству: остерегайтесь наступать на Россию, Россия не беззащитна, у нее есть свои красные солдаты и офицеры!». И этим курсантам, петроградским молодым товарищам, я обещал, что если действительно Петрограду будет угрожать опасность с олонецкого, с карельского, с ямбургского фронтов, то на них будет возложена задача — быть первыми при обороне красного Петрограда, и они отнеслись к этому обещанию, как подобает относиться честным солдатам революции, они эту задачу приняли с восторгом, и, в частности, прекрасно выполнили маневры, в которых приняли участие.

Но что же оказалось? Оказалось, что грозное предприятие Маннергейма закончилось великим крахом. Он двинул несколько эшелонов к нашей границе, но белогвардейские финские полки под Териоками устроили — о ужас! — митинг, на котором заявили: «ты нас ведешь не на маневры, а на войну с Красной Армией, — мы обороняться согласны, но наступать на Петроград не хотим!» И Маннергейм вынужден был повернуть эшелоны назад. В маневрах у него участвовало ни больше, ни меньше, как... две роты. Так что этот опыт закончился жалким крушением. На другой, на

третий день появились в газетах интервью с ген. Маннергеймом, где он говорит, что по международным и всяким другим соображениям наступление на Петроград... откладывается до весны. Так что мы на этом фронте можем более или менее спокойно дожидаться до весны. Что касаемо грозного воеводы Маннергейма, то приходится по его поводу вспомнить выразительную фразу знаменитого нашего сатирика Салтыкова-Щедрина, который говорит, что вот-де: «наобещал больших кровопролитиев, а на самом деле чижика съел». Так и ген. Маннергейм: обещал взять коротким ударом Петроград, а на самом деле нашел две роты для маневров под Терпоками.

Если бы, однако, положение финской буржуазии или давление на нее англо-французского капитала заставило ее перейти в наступление на Петроград, конечно, появился бы новый фронт. Нет сомнения в том, что тут мы не ограничились бы обороной, но, с своей стороны, нанесли бы короткий и сухой удар на Гельсингфорс, ибо финский рабочий класс ждет помощи со стороны красных петроградских войск. На петроградских инструкторских курсах после приказа Маннергейма о наступлении курсанты финны (у них свое военное училище) потребовали бросить их на фронт против палача. У нас и кроме курсантов есть превосходные части, состоящие сплошь из финских рабочих. Что еще более поучительно, это тот факт, что среди 17.000 принудительно мобилизованных Маннергеймом (наряду с буржуазной гвардией), по словам своей буржуазной финской печати, насчитывается 90% красных. Правда, наши финские товарищи говорят, что это преувеличение, что не 90%, а только 70% красных. Но и этого за глаза довольно. Недаром Маннергейм не вооружает мобилизованных. Наступление красных войск на Гельсингфорс будет с энтузиазмом поддержано всем финским рабочим классом. Мы заявили в Петрограде, что не стремимся создавать нового фронта финляндско-петроградского, но если этот фронт будет создан по инициативе наших врагов, то мы примем меры к тому, чтобы Петроград был со стороны Финляндии раз и навсегда обеспечен, а для этого есть один путь — установление в Финляндии власти рабочих и сельской бедноты.

Резюмируя положение на наших фронтах можно сказать, что положение это является вполне благоприятным. Работа, выполненная Красной Армией, колоссальна. В августе 1918 года наше военное положение было наиболее тяжко—это был момент падения Казани. После того, в течение семи месяцев Красная Армия очистила огромную территорию, около 130 уездов в 28 губерниях, с общей поверхностью свыше 850 тысяч квадратных верст, с населением почти в 40 миллионов человек. По пространству это Италия, Бельгия и Греция вместе взятые, а по населению это Франция. По справке Всероссийского Главного Штаба, на которую я опираюсь, число всех городов в занятых областях — 166, а общее количе-

ство не городских населенных пунктов 164 тысячи с лишним. Из более значительных городов я назову вам: на западном фронте — Псков, Рига, Вильно, Минск, Гомель, Чернигов и проч.; на южном фронте — Киев, Полтава, Харьков, Екатеринослав, Александровск, Купянск, Бахмут, Луганск и др.: на восточном фронте — Казань, Симбирск, Сызрань, Самара, Уфа, Оренбург, Уральск и другие. В экономическом отношении огромное значение имеют район Луганск—Бахмут—Славянск—Никитовка, с залежами там каменной соли, каменного угля, ртути и гипса, район Уфа—Оренбург, а также губернии Вятская, Казанская, Самарская, Оренбургская, с залежами медной руды, район самарской луки с залежами асфальта. В занятой части Екатеринославской губернии расположены важнейшие металлообрабатывающие заводы. Наконец, линия фронта подошла к Кривому Рогу, богатому залежами железной руды. На восточном фронте занят ряд заводов, имеющих большое военное значение, как Ижевский, Воткинский заводы самарского района, а на южном фронте Луганский патронный завод. Наконец, взятие Оренбурга открывает ворота на Туркестан, откуда мы сможем получать необходимый для нашей текстильной промышленности хлопок. Весь восток и юг представляют собою богатые хлебородные области. Такова территория, которая была пройдена и отвоевана рабочей Красной Армией для рабочей России [18].

Товарищи! Из всего этого нельзя делать вывода, будто задача наша закончена. Далеко нет! Сейчас Советская власть прилагает все усилия к тому, чтобы добиться возможно скорого мира, хотя бы ценою тяжелых уступок, ибо ничто не может быть тяжелее для исстрадавшегося, изголодавшегося народа, чем эта навязанная нам ужасающая война. Год назад мы шли на Брест-Литовский мир, чтобы отвоевать передышку для нашего народа, для нашей страны. Передышка была слишком коротка, ибо сейчас же нашлись враги с другой стороны. Не так давно народный комиссар по иностранным делам снова повторил в официальной точной форме заявление советского правительства по адресу тех правительств, которые воюют с нами. Смысл заявления таков: «вы воюете против русских рабочих и крестьян — во имя чего? Хотите процентов на ваши капиталы? Концессий, территорий? Чего вы хотите? Скажите, и мы деловым образом будем говорить о том, что мы можем, что мы вынуждены будем вам уступить чтобы для русского народа обеспечить возможность мирного труда».

Разумеется, мы с вами хорошо знаем, что все, что теперь уступим, вернется к нам, потому что Советская Россия только временно уступает империалистам. Временно по Брест-Литовскому миру мы уступили огромнейшую западную полосу и всю Украину германскому и австро-венгерскому империализму. Тогда буржуазия, которая сама шла везде, где могла, рука об руку с германским империализмом, обвиняла нас в измене, в предательстве по отношению к стране. Мы отвечали: «армии нет, мы вынуждены уступить. Но то, что даем, к нам возвратится». И если германские полки входили к нам, как угнетатели и поработители, под желтым знаме-

нем империализма, то возвращались они обратно, как революционные полки, под красным знаменем коммунизма. То же самое произойдет, в конце-концов, в результате нашей уступки по отношению к империалистам Франции, Англии и Америки. Мы говорим Вильсону, Ллойд-Джорджу, Клемансо: «все, что вы возьмете у нас, английские, французские и американские рабочие через месяц—два, через полгода, через год, вернут нам назад, когда учредят у себя Советскую власть».

Меня спрашивают, в связи с этим, как обстоит дело с Принцевыми островами? Принцевы острова это, как вы знаете, острова на Мраморном море, куда нас собирались пригласить англо-французские и американские империалисты для переговоров относительно судеб России. Они решили конечно, пригласить не только Советскую власть, но и все остальные так называемые правительства, белые и черные, которые еще не успели пасть, потому что их поддерживает рука иностранного империализма. Краснов ответил, что на совещание с большевиками он не пойдет. Он ответил это весьма гордо несколько недель тому назад, а теперь ему пришлось самому, как изгнаннику, покидать свой Дон и искать приюта в Новороссийске. Учредиловцы прежде боролись против нас, а теперь приехали к нам искать приюта и защиты на нашей территории. Колчака ждет та же судьба, что и Краснова. Мы же заявили, что согласны итти на Принцевы острова и перед лицом всего мира мы скажем там, чем мы держимся; мы никогда не имели поддержки иностранных буржуазных правительств и не искали ее, наоборот, категорически отвергали ее. Все наши враги — и Краснов и Скоропадский, и Дутов, и Деникин, и Петлюра все они держатся исключительно поддержкой иностранной буржуазии. Мы же стояли и стоим на собственных ногах. И мы готовы это сказать и доказать везде и всюду: и в Москве, и там у них, на Принцевых островах. Но они сами, повидимому, раздумали или колеблются нас призвать туда, — может быть потому, что брест-литовские переговоры, как они знают, сослужили большую службу делу германской революции. По поводу их решения мы не нервничаем. Если они решат созвать конференцию на Принцевых островах, мы пойдем туда и будем продолжать там ту работу, которую вели в Брест-Литовске. Если они раздумают и откажутся от конференции, мы подождем. С каждым днем число этих маргариновых белых правительств в России становится меньше, ибо Советская власть соскребает их с лица земли. Что же касается Принцевых островов, то они нас сами по себе не привлекают уже по одному тому, что носят имя принца. Может быть, тем временем, пока эти господа размышляют, мы найдем наши, Советские острова, куда свезем империалистов со всех стран, — но уже не для переговоров.

Но сейчас, сегодня, во Франции, Англии и Америке, Советской власти еще нет, и мы открыто объявляем о нашей готовности дать отступного хищникам и палачам, которые занесли нож над горлом советской России. Значит, наша война, товарищи, является в полном смысле слова войной революционной обороны: на нас наступают, мы обороняемся.

Даже по отношению к маленькой Финляндии с ее великими преступлениями мы не предпринимаем наступательных шагов, терпим зная, что время работает за нас. Политика мира есть политика Советской власти. Но политика мира не есть политика капитуляции, политика сдачи завоеваний революции ее смертельным врагам. Нет, политика мира предполагает готовность до последнего издыхания оберегать завоевания революции, раз враги идут на них. Надо противодействовать духу бесчестной агитации, которая ведется в нашей стране, в наших полках некоторыми партийными группами, как меньшевики, правые и левые с.-р., которые пишут в газетах, что так как страна бедна, истощена, то нужно «прекратить гражданскую войну». «Не нужно Красной Армии», говорят эс-эры. Еще раз вспомним, с кем мы ведем войну: на юге — с Красновым, на востоке — с Колчаком, на западе — с эстонско-финскими белогвардейцами. Все они на нас наступают и хотят нас задушить. Прекратить гражданскую войну, разоружиться — это, значит, стать беззащитными перед лицом палачей. Мы имеем полное право сказать гг. меньшевикам: «вы за прекращение гражданской войны? Так извольте отправиться к Колчаку и Краснову и сказать им, чтобы они прекратили гражданскую войну».

Наша гражданская война есть революционная самооборона. Мы обращались ко всем врагам, заявляли им о нашей готовности купить мир ценой величайших уступок и жертв. Но враги не хотели итти ни на какие соглашения, потому что считали Советскую власть смертельно опасной для себя, а себя почитали достаточно сильными, чтобы справиться с нами. Поэтому-то они и не хотели итти ни на какие соглашения.

В последнее время, однако, в их стане послышались новые ноты. Ллойд-Джордж заявил недавно, что наступать на нас опасно, ибо в результате наступления вокруг Советской власти сплачиваются крестьянские миллионы, которые будут оберегать свою страну всеми силами. Американский президент Вильсон, как сообщают газеты, считает ныне, что наступление господ «союзников» на Архангельск было ошибкой. После взятия нами Шенкурска последовала деморализация английских и американских солдат, которые покидают позиции, уходя в Архангельск. В Мурманске было открытое возмущение. На Одесском фронте, по имеющимся сведениям, французские полки требуют увода на родину, а черные колониальные войска не выдерживают климата и уже увезены из Одессы к себе. Вильсон и Ллойд-Джордж начинают понимать, что совершили ошибку. Кроме того, у этих господ развивается внутренняя борьба. Сегодня сообщена японская программа мира: она требует не передачи восточной Сибири в руки Японии, но настаивает на том, чтобы в Сибири ни одна страна не имела преимущества или особых концессий. Таким образом, по отношению к советской России эти господа вынуждены урезать свои насильнические вожделения. Почему? Потому что мы стали сильнее, чем были, а они слабее. Мы создали в труднейших условиях крепкую армию, а их армия распадается всюду и везде. Распадается также и их тыл.

Таким образом, наше международное положение становится лучше во всех отношениях. Но этот вывод не должен давать повод для фальшивого спокойствия, для беззаботного опускания рук; нет, мы не имеем никакого права почить на лаврах. Мировая бойня еще далеко не ликвидирована, она может снова вспыхнуть страшным огнем: на востоке — со стороны Японии, на севере — со стороны Англии и Америки, на юге, на западе — со стороны Франции, Румынии, Польши. Еще могут быть сделаны попытки нанести нам смертельный удар оттуда или отсюда, на Петроград или на Москву.

Буржуазия издыхает. Но судороги издыхающего организма бывают очень сильны. Укус издыхающей мухи очень болезнен. Буржуазия еще опасна. Нужно опасаться возможного последнего ее удара. Нам нужно быть крепкими. Нам нужны хорошие полки. Нам нужен хороший боевой, молодой командный состав. Это вы, товарищи! Сейчас мы не имеем уже нужды преждевременно отрывать вас от школьной скамьи и бросать на фронт до окончания курса. Мы настолько сильны, что под защитой нашего фронта вы можете спокойно продолжать ваше военное обучение. Но что требуется от вас, это — добросовестное до последней степени отношение к делу. Армия наша — рабоче-крестьянская, но это не значит простая, лыком шитая, нет, она не отказывается от военной науки и от военной техники. Наоборот, наша пролетарская, мужицкая армия должна быть вооруженной и обученной по последнему слову военной науки. Каждый из вас, пройдя здесь краткий курс и получив затем известный боевой опыт на фронте, должен рваться снова и снова к военной науке, в военную академию или школу колонновожатых, которые мы открываем. Военное дело нам навязано судьбой. Раз мы должны быть солдатами революции, то долг чести повелевает нам быть знающими, всесторонне, образованными солдатами. Будем работать! Будем учиться!

В наших красных полках вы встретите теперь более высокие требования к вам. У нас уже есть командиры, у солдат есть опыт. Поэтому, к новому командному составу предъявляются более высокие требования. Вам нужно быть на уровне тех требований, которые предъявляют солдаты, судьба коих вам, как командирам, будет вручена. Необходимо добросовестное и честное отношение к тому делу, которому вы призваны служить.

Весьма возможно, что пройдет еще значительный период, в течение которого мы не сможем воткнуть штык в землю. Европа представляет собою картину суровой борьбы классов и народов. Пройдут месяцы или годы, и вся Европа освободится от старого гнета и старой эксплоатации. Установится во всей Европе рабоче-крестьянская федеративная республика, и мы будем частью этой республики. Тогда нам не будет угрожать опасность на нашей границе. Куда мы ни оглянемся — всюду будут друзья и братья.

Сегодня этого еще нет. Враги не разоружаются. Брата и друга среди правящих классов Европы и всего мира у нас нет. И мы еще должны крепко держать винтовку в руках, и каждый должен относиться к своим

обязанностям, как честный и доблестный солдат революции. Особенно вы, как будущие красные командиры, на которых с верой и упованием взирает рабочий класс, и не только нашей страны, но и всего мира. Ибо буржуазная печать всего мира доказывала в первое время, что мы армии не создадим именно потому, что у нас не будет командного состава. А теперь буржуазная печать Европы и Америки признала, что мы создаем первоклассный командный состав из сознательных рабочих, честных крестьян и лучших солдат. Это вы, товарищи! Верю, что с поставленной вам задачей вы справитесь. Пусть только каждый из вас не забывает никогда, что в основе нашей армии лежит высокая святая идея: честно служить с оружием в руках интересам угнетенных трудящихся масс. Помните твердо: то, что было надеждой угнетенных народов, задушевной мечтой трудящихся, их религиозной фантазией, их песней, — надежда на спасение, на освобождение, которого никогда не переставали ждать трудовые, угнетенные люди всех стран, это теперь начинает осуществляться. Мы к этому новому царству свободы начинаем приближаться. На это осуществление святейших, заветнейших идеалов трудового народа покушаются наши враги. Вы — передовой отряд, призванный охранять революционное завоевание русского народа. В грозный час, когда рабоче-крестьянская власть обратится к вам, товарищи курсанты, к вам, красные командиры, со словами: «Социалистической Республике грозит опасность», — вы ответите: «мы здесь» — и будете геройски бороться и умирать, сражаясь против врагов трудового народа.

ВОПРОСЫ ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

I. Организация Красной Армии.

II. Командиры и комиссары.

III. Переход к милиционной системе.

IV. Дезертирство и трибуналы.

V. Военная наука и литература.

I.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ.

Оценка состояния Красной Армии.

Ответ на вопросы представителя советской печати.

Вы спрашиваете об общем состоянии Красной Армии. Должен с самого начала сказать вам, как представителю Советской печати, что тот тон в каком советская печать говорит сейчас о Красной Армии, кажется мне не вполне правильным. Несомненно, что Красная Армия, имеет уже большие заслуги. Но говорить о ней, как о непобедимой, еще рано. Революционная политика должна быть глубоко реалистической. Политика блефов, т. е. внешних эффектов, словесного запугивания, военных маскарадов, нам безусловно чужда и враждебна. Под этим углом зрения приходится сказать, что у Красной Армии еще много недочетов: есть еще слабые части, снабжение не поставлено еще на должную высоту. Тем не менее, разумеется, не приходится отрицать, что Красная Армия сделала огромный шаг вперед за последние три-четыре месяца. Этот шаг вперед был возможен, благодаря всей предшествовавшей подготовительной работе.

Мы сразу перешли от добровольчества к обязательным мобилизациям ряда возрастов. Для успеха этих мобилизаций необходим был разветвленный аппарат местного военного управления. Этот аппарат оказался налицо. Заслуга его создания принадлежит бывшему Военному Совету, который главную задачу совершенно справедливо видел в создании окружных, губернских, уездных и волостных военных комиссариатов.

С первого дня существования, этот Высший Военный Совет в основу своей программы положил правильное регулирование формирований и выработал их штаты. Но формирования эти не выполнялись, вследствие недостатка человеческого материала, а недостаток его определялся отсутствием аппарата для мобилизации.

Вот почему военные операции сводились к установлению на угрожаемой границе тонкой завесы из добровольческих отрядов сомнительной устойчивости. За этой завесой шла напряженная работа создания аппарата мобилизации [19]. Как только он вчерне был закончен, мы сделали первый опыт мобилизации рабочих двух возрастов в Москве. Опыт удался пре-

красно. Его распространили на другие губернии, и везде, где на месте имелся сколько нибудь пригодный аппарат и воля его направляющая, мобилизация проходила безукоризненно.

Революционный Военный Совет Республики, созданный применительно к международной военной обстановке Советской России, получил в наследство от Высшего Военного Совета все необходимые предпосылки для регулирования формирования и правильной работы. Но, как уже не раз докладывалось в соответственных учреждениях, одним только военным аппаратом мы не достигали бы никогда тех результатов, какие уже сейчас имеются налицо. Смертельная угроза, нависшая над Советской Россией, поставила военное ведомство в центре внимания Советской власти и всех советских учреждений и создало могучий прилив первоклассных советских сил в ряды военного ведомства, особенно в полевые учреждения и в полевые войска.

Нужно было наблюдать процесс оздоровления неустойчивых и воспитание молодых частей и армий на фронте, чтобы понять, какое огромное, прямо-таки решающее значение имела внесенная в военный аппарат революционная готовность — во что бы то ни стало добиться победы, а такую именно волю внесли революционные советские работники, старые коммунисты, которые предоставили себя к услугам армии.

Необходимо, правда, указать здесь же, что известная часть работников, появившихся на фронте за последнее время, не стоит на высоте. И это немудрено. Среди многих тысяч комиссаров, организаторов и агитаторов не могли не просочиться десятки, а то и сотни, случайных людей, даже карьеристов, примазавшихся к знамени коммунизма. На фронте они встречают суровую дисциплину, которая вызывается военной обстановкой и поддерживается общим пониманием того, что там не шутки шутят, а борются не на жизнь, а на смерть. Ясно, что эти случайные гости, с фальшивыми паспортами коммунистов, испытывают величайшее недовольство порядками на фронте и пытаются нередко распространить свое настроение вокруг себя и перенести его в тыл.

Политические отделы армий и фронтов, во главе которых стоят наиболее испытанные и надежные товарищи, неутомимо извлекают и устраняют такие нежелательные элементы из рядов работников—коммунистов. В красноармейских частях формируются коммунистические ячейки, роль которых в деле воспитания армии огромна. Правда, и здесь были, наблюдаются и сейчас недочеты, недоразумения. Некоторые солдаты представляли себе дело так, что звание коммуниста сопряжено с привилегиями,— и наблюдался приток в ячейки таких искателей привилегий. Коммунистические ячейки, составленные наспех, проявляли иногда тенденции конкурировать с командирами и комиссарами и брать в свои руки управление частью. Иные коммунисты отлынивали при этом от прямых обязанностей солдатв Красной Армии.

Я тем с большей свободой говорю открыто об этих явлениях, что они представляют собой все же исключение и вызывают решительный

и твердый отпор со стороны подавляющего большинства сознательных работников на фронте. Партийные и военные власти твердо разъяснили, что коммунист в составе Красной Армии имеет не больше прав, а только больше обязанностей, чем каждый красноармеец.

Острым вопросом, как известно, является вопрос об отношении к военным специалистам. Вопрос этот одно время сильно тревожил широкие круги партии. Теперь, после того как сотни авторитетных партийных работников сами работали на фронте и на месте уяснили себе положение дела, никакого «вопроса» о военных специалистах не осталось. В этой области нет и не может быть никакой принципиальной постановки вопроса. Это дело практики и личного учета, комбинации сил, привлечения годных работников, удаления негодных, преследования предателей и всяческой поддержки честных, добросовестных и способных работников.

Главнокомандующим у нас является, как вы знаете, военный специалист. Надеюсь, никому из товарищей, которые знают выдающуюся работу тов. Вацетиса, не придет в голову обвинять Советскую власть за привлечение этого военного специалиста. Во главе фронтов стоят военные специалисты, т. е. офицеры старой армии с высшим военным образованием. Во главе армии стоят как военные специалисты, так и молодые советские командиры, прошедшие школу партизанской войны. Чем дальше, тем больше таких советских командиров ставится во главе крупных войсковых соединений, ибо в нашу эпоху опыт и значение отдельных лиц быстро растут.

Случаются ли измены? — Бесспорно. Это неизбежно в условиях гражданской войны. Наряду с изменами военных специалистов наблюдаются мятежи мобилизованных. Но никому не приходит в голову отказываться от мобилизации. Вопрос нужно ставить иначе: нужно понять, что измены отдельных специалистов, при нынешней постановке дела, уже совершенно неспособны поколебать фронт, а тем более нанести нам решающий удар. Это было видно уже на опыте Муравьева, когда наша армия была еще несравненно слабее, чем сейчас, и отличалась незначительной устойчивостью,

Повторяю, это не вопрос принципа — противопоставлять антиофицерскую линию офицерской линии. Это недоразумение, ребячество. Нужно отбирать хороших работников всюду, где они есть, ставить их на надлежащее место, координировать опыт с революционной волей и таким путем добиваться необходимых результатов.

Мы создали несколько месяцев тому назад Центральное Управление Снабжения, поставили во главе его старых военных деятелей. Дело не пошло, хоть наряду с военными специалистами там в качестве комиссаров стояли старые партийные работники. У одних не хватало воли и желания добиться успеха, у других не было необходимого понимания внутренних потребностей дела. Но за эти 13 месяцев Советского режима на местах на губернской, окружной военной работе уже воспитались у нас наши новые специалисты.

Сейчас, например, во главе Центрального Управления Снабжения поставлен партийный работник с серьезным организаторским стажем [20].

С другой стороны, нужно сказать, что в процессе совместной работы ряд военных специалистов совершенно сроднился с Советской властью и даже с партией.

Судьба тех офицеров, которые бежали на Украину и на Дон, также не может поощрять к разрыву с нашей властью и к измене ей. На Дону и у Деникина офицерство заполняет в качестве рядовых целые роты и баталионы, окружено атмосферой ненависти трудового населения и знает, что пощады ему не будет. На Украине офицерство запятнало себя прислуживанием Скоропадскому и Вильгельму, а теперь осталось без опоры и погибнет, если не подоспеет англо-французская помощь.

Тем временем, та часть офицерства, которая в Советской России с самого начала предоставила себя в распоряжение власти, имела полную возможность работать над укреплением военной мощи страны. Немудрено, если и у тех офицеров, которые относились к Советской власти враждебно под влиянием неосведомленности и клеветнических наветов, произошел в сознании перелом. Они увидели, что единственной силой, которая за это время одинаково враждебно относилась к немецкому и английскому империализму, была и остается одна только Советская власть.

Мне достоверно известно, что такой перелом произошел и в среде значительной части офицерства, находящегося на Украине. Многие из них стремятся вырваться в Великороссию, но опасаются тяжких репрессий. Политика Советской власти не есть политика мести задним числом. Она диктуется революционной целесообразностью.

Вот почему я считаю — в полном согласии с руководящими учреждениями нашей партии — вполне возможным допустить в Советскую Россию тех из бывших офицеров, которые сами явятся к нам с повинной головою и заявят о своей готовности служить на посту, какой им будет указан.

Некоторых товарищей иногда беспокоит мысль, не взрастет ли у нас на почве революционной войны бонапартизм. Вот уже поистине беспокойство, которое никому не должно причинять бессонных ночей. Может быть есть у нас честолюбивые прапорщики, которые почитывают историю Наполеона. Но вся политическая обстановка, классовые соотношения, структура армии, международная обстановка исключают возможность бонапартизма. Прежде всего, эта возможность исключается могущественным значением нашей коммунистической партии: она руководит всей жизнью страны, она заключает мир, она ведет войну, она формирует армию, она контролирует командиров — больших и малых. Всякий замысел — в военной среде и в иной — противопоставить себя ей, использовать армию для целей чуждых коммунистической революции, неизбежно потерпит жалкий крах. Самая мысль о такой попытке не возникнет ни в одной здоровой голове.

Относительно дальнейшего хода военных событий я сейчас ничего не могу сказать. Обстановка в общем крайне благоприятна для нас: на

востоке, где идет борьба между эс-эрами и колчаковцами, и на юге, где петлюровцы тяготеют к Советской власти, а коммунисты становятся сильнее с каждым днем. На западе мы уходим все дальше и, стало-быть все дальше от Москвы относится линия будущих наших боев, если дело дойдет до больших и решающих боев с силами англо-французского империализма. Совет Обороны со всей энергией проводит сейчас милитаризацию сил и средств страны. Производительность военных заводов повышается, — на некоторых повысилась очень значительно. Мы стали несомненно богаче в смысле снабжения, чем многим кажется. Нам нужно мобилизовать свои богатства. В частности необходимо извлечь из рук населения ручное оружие. Это сейчас и делается. В тылу идут большие формирования, которые будут брошены в бой в решительный момент. Недочетов много, задачи огромны, но мы имеем полное основание с верой глядеть в будущее.

Вот все, что я могу вам сказать.

К VIII Съезду Р. К. П.

Беседа с представителями печати [21].

Мне лично не придется, к сожалению, принимать участие на партийном съезде, который будет иметь исключительное значение и на котором будет, в частности, подвергаться обсуждению работа военного ведомства.

Я не думаю, чтобы вопрос о партийной программе подал повод к разногласиям и страстным прениям. Разумеется, формулировка программы не может быть признана безупречной. Но я думаю, что в общем и целом эта задача будет разрешена. Остается, может быть, подчистить те или другие формулировки.

Больше прений и борьбы мнений на съезде может вызвать организационный вопрос. В известных, довольно широких кругах партии наблюдается, несомненно, недовольство работой центрального партийного аппарата.

Товарищи жалуются на недостаток систематического руководства из центра, отсутствие правильного распределения партийных сил и проч., и проч.

Однако, я считаю необходимым указать на то, что значительная часть раздающейся по этому поводу критики хватает слишком широко.

Нашей партии рабочего класса в беспримерных исторических условиях пришлось давать ответы на вопросы мирового значения. При этом ей приходилось, в зависимости от изменений мировой ситуации, менять свой собственный курс — не в принципиальном, разумеется, а в оперативном, «маневренном», так сказать, смысле: от наступления переходить к временному отступлению, нащупывать наиболее опасного врага в каждый данный момент, как во внутренней, так и во внешней политике, сосредоточить все внимание, все силы партии то на одной, то на другой очередной задаче и т. д. Я думаю, что эта сторона руководства партийной политики была обеспечена, и партия наша с честью вышла из величайших затруднений. Но именно гигантский размах событий создавал все новые и новые комбинации политических условий и группировок и до чрезвычайной степени затруднял правильную систематическую работу: правильный учет всех партийных сил и их правильное распределение по разным отраслям работы.

Так, когда военное положение наше крайне ухудшилось, летом прошлого года, партия по инициативе Центрального Комитета отдала многие тысячи лучших своих работников на фронты. Разумеется, такая перетасовка партийных сил не могла быть произведена в полном порядке с над-

лежащим учетом качеств и способностей каждого отдельного работника. Но это уже вытекало из самой обстановки.

Советская Республика за 17 месяцев своего существования сперва расширялась, потом сужалась, потом снова расширялась, — эти процессы не могли быть предвидены, разумеется, никаким Центральным Комитетом. Совершались они с чрезвычайной быстротой и вызывали прямые организационные последствия: в первый период — стихийную разброску партийных сил по всей расширяющейся территории Советской России, затем — столь же стихийное сосредоточение этих сил в пределах Великороссии, затем опять столь же быстрое рассеивание их по освобождающимся областям. причем в этот последний период распределение партийных сил производилось уже с несомненно большей планомерностью.

Наконец, нужно принять во внимание еще одно важное обстоятельство, которое склонны игнорировать товарищи из провинции. В первый период советского режима наблюдался чрезвычайный рост стихийного сепаратизма. Местные исполкомы и организации партии, захваченные новыми неотложными задачами на местах, почти совершенно отрывались от центра, сами мало заботились об установлении с ними связи и даже склонны были всякое вмешательство центра, партийного или ведомственного, рассматривать, как некоторую помеху.

Огромное количество энергии уходило в тот период на установление элементарнейших связей центра с периферией, на воссоздание сколько-нибудь работоспособного централизованного аппарата.

После того, как этот кризис прошел, в партийных кругах стало наблюдаться явление противоположного характера. На местах стали нередко требовать от центра больше того, что он по самому существу мог дать. Не справляясь с местными задачами в силу их огромной сложности и новизны, местные товарищи нередко огульно обвиняли центр в том, что он не дает руководства. Не сомневаюсь, что съезд чисто деловым, хозяйственным способом, так сказать, и здесь поставит и разрешит все соответственные вопросы.

Другим острым вопросом является военный. Я лично очень сожалею, что не смогу участвовать в прениях по этому вопросу: с согласия Центрального Комитета я уезжаю снова на фронт. Но я не питаю никакого беспокойства насчет возможного решения партии относительно дальнейшего строительства армии.

Силой обстоятельств мы в военном ведомстве вынуждены были сосредоточить главные наши усилия, наибольшее количество работников в партии и значительные материальные средства страны. Благодаря вынужденной теми же обстоятельствами напряженной работе в области строительства армии мы накопили большой опыт.

Некоторые товарищи считали сперва, что армию нужно строить в виде хорошо сколоченных партизанских отрядов. Такова была широко распространенная точка зрения в эпоху, последовавшую за разрывом Брест-

Литовских переговоров. Защитники этой точки зрения исходили из того, что для построения централизованной армии у нас не хватит ни времени, ни материальных средств, ни необходимого командного состава.

Работа пошла, однако, по другому пути. Партизанские отряды были превращены во временную завесу, за которой в тылу шла работа по строительству централизованной армии.

После нескольких месяцев усилий и неудач, партии удалось, благодаря большому сосредоточению сил вдохнуть живую жизнь в это дело.

Оппозиция против привлечения военных специалистов была очень сильна и она в известной степени законно питалась, прежде всего, теми фактами, что в тот период наших внешних неудач военные специалисты, в большинстве своем, отсиживались от работы, а то и вовсе перебегали на сторону неприятеля.

Центральный комитет партии считал, однако, что это явление имеет переходный характер, и если мы справимся с другими задачами, то, попутно, заставим и военных специалистов работать, как следует.

Факты показали, что мы были правы. На фронтах у нас создались армии с централизованными аппаратами управления командования, от отступления мы перешли к наступлению, от неудач к крупным успехам.

Многие из наиболее серьезных и ответственных работников партии, которые уезжали на фронт в качестве решительных противников нашей военной системы, в частности—привлечения кадрового офицерства на ответственные посты, — после нескольких месяцев работы стали убежденными сторонниками этой системы. Я лично не знаю ни одного исключения.

Разумеется, среди товарищей, выехавших на фронты, было не мало случайных элементов и даже прямо авантюристов, у которых в тылу под ногами слишком нагрелась почва и которые, пробравшись правдами и неправдами в ряды партии, пытались затем разыгрывать на фронтах из себя руководителей и военных начальников.

Столкнувшись там с твердым режимом, а то и с прямыми репрессиями, такие элементы, разумеется, поднимали вопль негодования против нашего военного режима. Разумеется, они составляют меньшинство но на их критике питается недовольство в известных кругах партии против военного ведомства.

Причины этого недовольства шире. Армия поглощает сейчас огромные силы и средства, нарушая законы и интересы работы в других областях. Товарищи, работающие в Красной Армии, находясь всегда под повелительным давлением ее нужд и потребностей, оказывают в свою очередь давление иногда в крайне резкой форме на работников и учреждения других ведомств. Это вызывает в свою очередь обостренную реакцию со стороны этих последних.

Война очень суровое и тяжелое дело, особенно когда ведет ее истощенная страна, переживающая революцию и ставящая перед рабочим классом необъятные задачи во всех областях. Недовольство тем фактом, что

армия и война эксплоатируют и истощают страну, ищет для себя путей выхода и далеко не всегда направляется по адресу. Так как самого факта необходимости Красной Армии и неизбежности ведения навязанной нам войны отрицать нельзя, то остается нападать на методы и систему.

Однако, от прежней и принципиальной постановки вопроса о чисто партизанских отрядах, с революционными рабочими во главе, без участия военных специалистов, без попытки создания централизованных армейских фронтовых и общегосударственных аппаратов командования — от этой принципиальной постановки вопроса не осталось и следа.

Критика, например, в резолюции Уральского Областного Комитета получает беспредметный, случайный, безформенный характер, сводится — прошу прощения у Комитета — на кроткое брюзжание.

Военные-де специалисты, конечно, нужны, но нужно действовать по возможности так, как если бы они были не нужны. Нужно-де создавать свой красный командный состав. Как будто военное ведомство не создает его.

Было бы хорошо если бы съезд спросил у Уральского Областного Комитета, сколько именно он создал красных офицеров, какой процент коммунистов среди уральских красных офицеров, каково качество частей созданных Уральским Областным Комитетом, в чем их преимущество перед красными полками, созданными в других местах. Должен по чистой совести сказать, что такого преимущества не оказалось бы налицо.

Мне не раз приходилось товарищам критикам «слева» предлагать: «если вы считаете, что наш метод формирования плох, создайте нам одну дивизию в а ш и м и методами, подберите в а ш командный состав, дайте в а ш у постановку политической работы; военное ведомство придет вам на помощь всеми необходимыми средствами».

Разумеется, такой опыт, даже если бы он удался, далеко не имел бы доказательной силы, ибо на одну дивизию может быть и можно было бы найти отборный состав и красноармейцев и командиров. Но, во всяком случае, такой опыт кое-чему научил бы самих критиков.

Однако же, увы, среди них я не встречал желания принять этот вызов, и критика переходила с одного вопроса на другой, сохраняя раздраженный характер, но оставаясь, в общем, весьма беспредметной и безформенной.

«В пути», 17. III. 1919 г.

Наши задачи.

Интервью, данное корреспонденту Роста.

На восточном фронте я убедился в том, в чем впрочем не сомневался и до поездки туда: что наши неудачи там отнюдь не имеют угрожающего, а тем более катастрофического характера [22].

Конечно, неудача в виде потери Уфы серьезна. Отступление наших частей не везде еще приостановлено, и если приостановлено, то не везде достигнута необходимая устойчивость. Если, однако, принять во внимание условия нашей войны, то приходится скорее удивляться тому, что отдельные крупные неудачи не случаются у нас чаще.

Мы воюем на фронте в 8000 верст. Армия наша достигла значительной численности, но если принять во внимание невероятную протяженность фронта, то ясно, что мы вынуждены чрезвычайно напрягать живую силу армии. Пополнения, которые мы посылаем, представляют собой нередко, так сказать, полуфабрикат, нуждающийся в дальнейшей обработке, и прежде чем войти в организм части, они могут на некоторое время даже ослабить ее.

Вопрос о пополнениях есть сейчас важнейшая область работы военной власти. Армии на фронтах определились и установились, кадры сложились и закалились в боях. Необходимо, стало-быть, поддерживать численный состав действующих армий (а потери их убитыми и ранеными, главное — от болезней довольно велики) на необходимой высоте. Вместе с тем, пополнения должны доставляться соответственного качества, как в военном, так и в политическом отношении. Источниками пополнения являются тыловые запасные части. Через них пропускается весь человеческий материал. Необходимо, стало быть, поставить запасные части на должную высоту, как с военной, так и с политической стороны.

Нужно прямо сказать, что политическая сторона у нас чрезвычайно отстает. Причины тому известны. Все политические работники перегружены всякого рода советской работой, и в результате агитация у нас чрезвычайно запущена: не только в деревнях и в армии, но даже в рабочей среде агитационно-просветительные отделы не справляются с своей задачей, да и не могут справиться, так как не располагают необходимыми силами. Лучшие агитаторы сидят на каких либо ответственных постах. Остается другой путь — привлечь к делу партийную организацию, как таковую, т. е. обязать каждого ответственного политического работника, независимо от

занимаемого им поста, вести агитационно-просветительную работу — вообще и в армии — в особенности.

Некоторые из рук вон легкомысленные люди, которые ничего неспособны забывать, ничему не хотят учиться, продолжают говорить, что пополнения потому плохи в политическом отношении, что работа формирования целиком отдана в руки военных специалистов. Но ведь это чистейшие пустяки. Именно во главе тыловых местных военных управлений — комиссариатах, в уездах, губерниях, округах, поставлены более или менее ответственные политические работники. По новым штатам военные специалисты просто превращены в помощников по технической части[23]. Стало-быть, вся власть в руках политического работника-комиссара, Валить на военного специалиста недостатки политической работы, значит просто заниматься расслабляющей болтовней.

Задача сейчас состоит в том, чтобы в каждом запасном батальоне образовать крепкое ядро сознательных работников. Это, так сказать, закваска, которая должна сохраняться и расходоваться не иначе, как в меру дальнейшего ее естественного пополнения. Вокруг этого ядра будут кристализоваться элементы менее сознательные. Весь опыт свидетельствует, насколько важно недопускать в армию инородные в классовом отношении элементы, практически говоря — кулачество. Но здесь же возникает трудность установления границы, отделяющей середняка от кулака. Этот вопрос в разных губерниях, в зависимости от местных экономических бытовых условий, будут разрешаться не совсем одинаково. Но военные комиссариаты, изолированно взятые, этого вопроса разрешать не могут. Мы тут подходим, вообще, к основному вопросу всей нашей политики — к отношению к крестьянину-середняку. Поскольку вопрос этот и практикой жизни и решениями руководящих учреждений поставлен, как важнейший в порядке дня, нельзя сомневаться, что практические методы политического отмежевания середняка от кулака будут установлены с достаточной полнотой, необходимой для руководства местных работников. А это даст возможность не допустить кулаков в Красную Армию и изгнать их из области обучения военному делу.

Среди причин, влияющих на понижение устойчивости в отдельных частях фронта, не могу не указать на тот критический зуд, который владеет некоторыми товарищами. Я вовсе не хочу этим сказать, что критика военной политики недопустима или даже нежелательна. Она и допустима и желательна, хотя до сего времени ничего содержательного критики не сказали. Они просто усваивают работу военного ведомства с опозданием на несколько месяцев и сохраняя критический зуд, ищут для него новых, так сказать, точек приложения. Что однако безусловно недопустимо, это, чтобы политические работники, не разделяющие точек зрения нашей военной системы или просто настроенные по отношению к ней с неопределенной враждебностью, получали доступ к работе на фронте. Армия не есть дискуссионный клуб, а тем более армия, находящаяся в боях против вра-

гов. Нам нужны работники, которые верят в дело и способны его проводить, не оглядываясь ни назад, ни в сторону, иначе не трудно «разболтать» даже самую лучшую армию.

Если принять во внимание, повторяю, протяженность нашего фронта и пространство, какое Красная Армия прошла с боем за зиму, длительную подготовку наших врагов к одновременному весеннему наступлению, связь этого наступления с подготовленными тщательно восстаниями, для нужд которых левые эс-эры предоставили свой нелегальный опыт и нелегальный аппарат, — то можно с полной уверенностью сказать, что армия прекрасно выдержала объединенный натиск врагов.

Надеюсь и верю, что уже ближайший период станет свидетелем наших успехов.

29 марта 1919 г.
Казань — Москва.
Из архива.

Очередные вопросы военного строительства.

Письмо революционным военным советам армий и фронтов.

За последние месяцы армии Советской Республики испытали крупнейшие неудачи, но имели также и крупнейшие успехи. Неудачи наши—если отвлечься от частных причин—имели один основной источник: недостаток снабжения, который не давал возможности посылать на фронты своевременные пополнения. Недостаток снабжения в свою очередь вызывался в значительной мере крайним несовершенством организации в центре: центровоензаг подчинялся не то военному ведомству, не то высовнархозу, чрезкомснаб стоит между двумя ведомствами, не имея своего аппарата, цус—орган чисто распределительный, несвязанный организационно с органами заготовительными. Ныне под влиянием суровых уроков намечена организация, которая при условии энергичного и полного проведения в жизнь ее даст надлежащие результаты. Во главе всего военного снабжения поставлен тов. Рыков с подчинением ему аппаратов центровоензага, чрезкомснаба и цуса [24].

Широким кругам партии основные причины наших неудач не всегда ясны. Между тем, самые факты неудач вызывают тем более тревожное настроение, чем дальше от линии фронта. Это также понятно. Работники на фронте не только лучше знают причины неудач, но и яснее видят, как в сущности немного нужно для того, чтобы достигнуть перелома и обеспечить победу. В тылу же наши неудачи на южфронте—бесспорно очень ощутительные—вызвали снова, наряду с паническими настроениями, прилив «критики» против основ нашего военного строительства, как они сложились в результате длительного опыта и коллективной работы многочисленных партийных деятелей. При этом громче всего раздаются в партийной печати и на тыловых собраниях голоса тех членов партии, которые появляются на фронте налетом и свои поверхностные наблюдения выдают за последние выводы военной практики. Не мало имеют значения также в тылу те работники, которые за явную их непригодность для ответственной военной работы были устранены реввоенсоветами разных фронтов. В результате получается полное искажение действительного положения вещей. В кое-каких кругах партии пытаются, например, снова разжечь вопрос о военных специалистах в то время, как в наших армиях, сколько-нибудь упорядоченных и организованных, этот вопрос давно перестал быть вопросом. С другой стороны, подлинные вопросы, вырастающие из разви-

тия армии, остаются вне серьезного делового обсуждения, опирающегося на достигнутый опыт.

Выраженное съездом пожелание о периодических совещаниях ответственных партийных работников военного ведомства крайне трудно осуществимо, особенно в настоящий тяжкий момент: совещание имело бы значение и авторитет при условии съезда наиболее ответственных работников; между тем, снимать их в критические для фронта дни и недели совершенно невозможно.

Непосредственное общение наиболее ответственных работников армии может до известной степени быть заменено письменным обменом мнений в форме докладов, резолюций и проч. по наиболее важным и неотложным вопросам военного строительства. Настоящее циркулярное письмо намечает некоторые из таких вопросов.

Вопросы снабжения.

Опыт свидетельствует, что фронтовые объединения являются действительными, главным образом, в оперативном отношении. В областях же хозяйственной и политической армии фактически ведут существование, в значительной мере независимое от фронтового центра. Попытки создать в этой области чрезмерный централизм приводили до сих пор к неблагоприятным результатам. Наши железные дороги работают слишком медленно, чтобы можно было, опираясь на них, из фронтового центра быстро маневрировать военными грузами. Поэтому снабжение армий фронта не может базироваться на фронтовые склады. Решающую роль, по необходимости, играют армейские склады и запасы.

Задача органов фронтового снабжения должна поэтому состоять не в том, чтобы фактически сосредоточить в своем ведении материальные запасы и распределять их по мере надобности, а в том, чтобы обеспечить своевременно каждую армию на длительный период необходимыми запасами и установить в каждой армии надежный, деловой, инициативный аппарат снабжения, который мог бы самостоятельно распоряжаться всеми запасами с необходимым учетом и надлежащей экономией. Другими словами, роль фронтовых органов снабжения является преимущественно посреднической и контрольно-инспекторской.

Не задаваясь целями чрезмерного централизма фронтового снабжения, должно создать при фронте инструкторские, боевые, инициативные органы, задача которых состоит в том, чтобы наладить механизм армейского снабжения, обеспечив быструю и своевременную подачу сапога, винтовки, смазки, патрона из армейских складов тому солдату, который в них нуждается. Необходимо во что бы то ни стало устранить преступную волокиту органов армейского снабжения и бесплодную канцелярщину, которая явилась на смену прежнему хаосу, но не вытеснила его, а только дополнила. Требовательные ведомости переходят из роты чрез полк, бригаду и диви-

зию до армии в чрезвычайно долгий срок, причем затребованное имущество спускается по тому же пути, по которому поднималась бумага. Тем временем нуждающиеся в снабжении части изменяются в составе, перемещаются, расформировываются, прикомандировываются к новым соединениям и проч. В результате сапог так и не доходит до солдатской ноги. Необходимо добиться того, чтобы армейское снабжение имело пред глазами наглядную карту довольствия и нехваток всех частей, непрерывно проверяло ее на основании объездов своих инспекторов, на основании донесений оперативных и политических, причем армейское снабжение должно само отправлять маршрутные поезда и колонны с соответственным имуществом в наиболее нуждающиеся части, сопровождая такого рода транспорты делопроизводителями, которые могли бы на месте выдать необходимые предметы снабжения и оформить отчетность. Нужно заставить начальников снабжения искать босую солдатскую ногу или пустой солдатский патронташ, чтобы обуть первую, наполнить второй, а не дожидаться пассивно восхождения ведомостей и отделываться бумажными нарядами, не считаясь с маневренным характером войны, требующей быстрого инициативного маневрирования со стороны управления армейского снабжения.

Дать армейскому снабжению широкую самостоятельность, передать в его распоряжение значительные запасы, научить его пользоваться этой самостоятельностью в интересах дела и жестоко взыскивать за медлительность, канцелярщину и неэкономное расходование народного достояния,— такова задача фронтового управления снабжения и стоящего за его спиной центра.

При таком режиме частям армий в гораздо меньшей степени, чем ныне придется заниматься мешечничеством и другими видами снабжения. Тем не менее, принимая во внимание объем потребностей нашей 9-ти полковой дивизии[25], недостаток транспортных средств и разнообразие тех мест, где дивизиям приходится оперировать, необходимо отдать себе отчет в том, что никакая предусмотрительность высших органов не освободит аппарат дивизий от необходимости удовлетворять известные потребности путем самостоятельных заготовительных действий на местах. Сейчас такого рода действия имеют полулегальный, а то и нелегальный характер, и именно поэтому переходят нередко границу строгой необходимости. Это относится также и к позаимствованию имущества из складов различных учреждений, главным образом, конечно, военного ведомства по пути своего следования на линию огня или во время отступления. Поскольку самостоятельные заготовительные операции на месте или позаимствования из местных складов и запасов без соответственных нарядов вызываются неотложными потребностями,—такого рода действия не могут быть, разумеется, в точности регламентированы. Тем не менее они могут и должны быть легализованы и упорядочены путем выработки общих инструкций по этому поводу. Необходимо внушить как командирам и комиссарам частей, так и местным властям, что, при полном уважении к централизму и форме, нужно инте-

ресы дела ставить на первый план, и в тех случаях, когда эти интересы очевидны, необходима самостоятельная инициатива соответственного командования совместно с соответственными советскими властями за их совместной ответственностью. Так, при отступлении наших частей из уездов Харьковской, Курской, Воронежской губ. ближайшее командование не решалось реквизировать столь необходимых ему лошадей. На местах комиссарнаты ссылались на отсутствие по этому поводу предписаний округа. В результате лошади доставались деникинцам, которые, пользуясь ими, гнали красноармейские части дальше. В оправдание этого безобразия кое-какие командиры и комиссары ссылались на свое опасение попасть под суд за самовольные действия. Нужно установить за такого рода пассивное умывание рук кару, не менее строгую, чем за произвольное, невызванное обстоятельвами, расхищение народного достояния.

Политотделы и комиссары.

После того, как политоделы фронтов были сведены к небольшим ячейкам, наметилась дальнейшая тенденция перенесения центра тяжести работы из политотделов армий в политотделы дивизий. Тенденция эта представляется вполне правильной. Тем не менее она не должна вести — как наблюдалось в нескольких случаях — почти к полному упразднению армейских политотделов, что уничтожило возможность постоянного контроля и руководства работой коммунистов в воинских частях. Одной из главных задач политотдела армии остается руководство всеми доступными путями работой комиссаров, особенно полковых, на которых держится в значительной мере организация нашей армии.

В некоторых партийных кругах раздавались нарекания на то, что комиссары сводят иногда свою роль к формальному контролю работы военных специалистов под углом недопущения контр-революционных действий, не входя в содержание работы по существу. Такого рода явления наблюдаются, несомненно, постольку, поскольку вообще существуют плохие комиссары, плохие политотделы и слабые реввоенсоветы. Разумеется, комиссар не призван *заменять* командира полка или заведующего хозяйственной частью и, тем более, *оттеснять* их, когда они на месте, но он вполне призван *дополнять* их не только бдительным контролем над тем, чтобы все нужды полка были обслужены, но и прямой инициативой, прямым творчеством рука об руку с командиром или заведующим хозяйственной частью. Так это и происходит во всех тех случаях, где комиссар на высоте, где он признает себя ответственным представителем рабоче-крестьянской власти и где он, чуждый местничества или мелочной придирчивости, завоевывает себе руководящее положение в полку своею бдительностью, заботливостью и неутомимостью.

Одной из важнейших обязанностей политотдела армии является выдвигание подходящих кандидатов на ответственный пост комиссара полка.

Вопросы формирования.

Ныне действующая Красная Армия слагалась да и сейчас продолжает слагаться двумя путями: из партизанских, вообще нерегулярных или полурегулярных отрядов, возникших в процессе гражданской войны, и из тыловых формирований, производящихся округами по нарядам Всероглавштаба. И те и другие формирования подвергались и продолжают подвергаться дальнейшей обработке на фронтах, в результате которой они только и становятся боеспособными частями.

Плохое состояние ряда частей, поступавших из тыла на фронт вызвало естественные нарекания со стороны работников фронта и порождало даже требование упразднить всякое формирование в тылу, сведя роль тыла к поставке сырого материала — пополнений для действующих на фронтах частей. Некоторые работники задним числом перенесли эту точку зрения даже и на первый период строительства армии, объявляя ошибкой самую попытку строить дивизии в тылу.

Совершенно очевидно, однако, что до создания сколько-нибудь твердых и надежных кадров на фронтах, строительство Красной Армии не могло итти иначе, чем путем тыловых формирований. В создании нынешних устойчивых дивизий на фронтах тыловые формирования с их правильной организацией аппарата снабжения, обоза и проч. сыграли не меньшую роль, чем нерегулярные боевые отряды.

Однако, и после создания устойчивых частей на фронтах, задача формирования армии не могла свестись к одной поставке маршевых пополнений. Ход операций, возрастание фронтов всегда требовали, чтобы в распоряжение как фронтового, так и центрального командования поступал время от времени свежий резерв в виде новых формирований. За самое последнее время было таким путем сформировано значительное количество частей,— в частности, в крепостных районах. Реввоенсовет Республики стремился приближать эти формирования к фронтам, предоставив последним общее наблюдение над формированием.

Крайне важно проверить весь накопившийся в этом отношении опыт. Некоторые ответственные работники утверждают, что в последнем счете лучшими оказались все же те полки, которые были сформированы в тылу, получили сразу правильную организацию и затем подвергнулись необходимому воспитанию и закалу на фронтах. Представляется совершенно необходимым, чтобы Реввоенсоветы произвели на основании всех имеющихся в их распоряжении данных оценку полков, входящих в состав их армий, учтя при этом историю происхождения полка, т.-е. вырос ли он из партизанского отряда, был ли штатным тыловым формированием или получился путем соединения того и другого. Только такая оценка дает вполне точные указания для дальнейшего строительства.

Нам приходится создавать и развивать армию в условиях совершенно исключительных и беспримерных по своей трудности. Стремясь к полной правильности формирований, мы в то же время должны избегать всякого шаблона. Необходимо внимательно оценивать опыт нашей собственной работы, дабы избегать «любимых коньков» — вроде механической централизации снабжения, требования полного упразднения тыловых формирований и проч. и проч. Совершенно необходимо поэтому, чтобы Реввоенсоветы армий формулировали свои заключения по поводу всех поставленных в настоящем письме вопросов, привлекши к предварительному обсуждению их наиболее ответственных работников как специалистов, так и политических деятелей.

Ввиду крайней трудности отрывать ответственных работников от армий на совещание, в особенности в настоящий тяжелый период, такого рода анкета может в известной степени заменить необходимый обмен опытом и послужить ценным материалом для дальнейших мероприятий в интересах развития и укрепления Красной Армии.

Ответы, хотя бы предварительные, необходимо представить не позже 15-го августа.

12 июля 1919 г.
Воронеж — Курск.

Партизанство и регулярная армия.

В борьбе против разлагающегося повстанчества создалось некоторое смешение понятий, которое может представить в дальнейшем серьезные практические неудобства. Речь идет прежде всего о понятии партизанства. Последнее в наших газетных статьях и речах обычно отождествляется ныне с недисциплинированностью, махновщиной, григорьевщиной, бандитизмом и проч. Между тем партизанство, в значительной мере покрываемое понятием «малой войны», входит — если не как законное детище, то как легализованный приемыш — в официальную военную доктрину. Если война имеет, вообще говоря, своею целью ниспровержение врага, то малая война имеет задачей причинение врагу затруднений и вреда. В организационно-оперативном отношении малая война характеризуется большой самостоятельностью отдельных отрядов.

Полустихийные повстанческие действия, какие мы наблюдали на Украине, всегда заключают в себе элемент партизанства. Но партизанство отнюдь не всегда означает действия самопроизвольно возникающих необученных и худо вооруженных отрядов. Партизанство может быть методом действий тщательно построенных маневренных отрядов, находящихся, при всей своей самостоятельности, в строжайшем подчинении у оперативного штаба. Борясь ныне с махновщиной во всех ее облачениях, в том числе и в лже-коммунистическом, мы, разумеется, ни мало не отвергаем необходимости и целесообразности партизанских действий. Наоборот, можно с уверенностью сказать, что в дальнейшем ходе войны им предстоит возрастающее значение.

Некоторые критики не раз обвиняли наш метод ведения войны в тяжеловесности, противопоставляя ему необходимость более легкой, гибкой, маневренной стратегии, предоставляющей более самостоятельности отдельным подвижным отрядам. Исходя, между прочим, и из этого, Тарасов-Родионов *) доказывал ненужность и даже вредоносность привлечения военных специалистов, мышление коих окостенело-де в понятиях и навыках позиционной войны[26]. «Пролетарская» стратегия Тарасова-Родионова, несовместимая с пассивностью и выжидательностью позиционной войны, требует подвижности, местной инициативы и стремительности — в расчете всегда найти новые источники питания в тылу у неприятеля.

*) См. его смехотворные «тезисы» в «Военном Деле».

Отстраняя пока-что вопрос о том, в каком направлении будет развиваться наша стратегия, нельзя не отметить тут же, что те черты «пролетарской» войны, которые, по мнению Тарасова-Родионова, делают для нас непригодными старых «позиционных» офицеров, являются на самом деле более или менее точным описанием методов и приемов Дутова, Каледина, Корнилова, Краснова и Деникина. Именно они не держат сплошного фронта, именно в их армиях большое значение имеют маневренные отряды с преобладанием кавалерии, именно способ малой войны Шкур, Покровских и проч. состоит в том, чтобы, обходя главное ядро противника, нащупать его слабое место, прорваться в глубокий тыл его и найти там новые источники питания у буржуазии и кулацких элементов населения. Таким образом, та стратегия, которую «коммунистические» фразеры пытаются узаконить, как новую пролетарскую стратегию, считая ее недоступной мозгам царских генералов, на практике до сих пор шире, настойчивее и успешнее всего применялась именно этими последними. Опыт свидетельствует, что «малая война» или партизанство в указанном выше смысле может в известных условиях быть крайне острым орудием в руках каждого из борющихся в гражданской войне классов. Но, предлагая по существу дела учиться партизанским приемам у Колчака (лыжники!) или у Деникина (кавалерия!), нелепо болтать при этом о «позиционном» тупоумии царских генералов.

* *

«Малая война», как преобладающий тип, есть орудие более слабого противника в борьбе с более сильным. Сильнейший стремится уничтожить, истребить слабейшего. Последний, сознавая свою слабость, но не отказываясь от борьбы, очевидно, в ожидании каких-то дальнейших изменений, стремится до поры до времени ослабить, дезорганизовать более сильного врага.

«Большая война» (тяжелые массы, единство фронта, централизованное руководство и проч.) направлена на истребление врага. «Малая война» (легкие маневренные отряды с значительной долей самостоятельности друг от друга) направлена на ослабление и утомление противника. И Дутов, и Краснов, и Деникин долго рассчитывали на помощь извне. Их задачей было тормошить Советскую власть, не давать ей покоя, отрезать от нее важные области, разрушать железнодорожное сообщение с окраинами, не давать возможности развернуть широкую и планомерную хозяйственную работу. Естественным методом более слабых являлась «малая война».

Советская власть все время была и остается более сильной стороной. Ее задача — раздавить противника, чтобы развязать себе руки для социалистического строительства — не изменялась со дня возникновения Советской власти. В первый период, когда вполне реальны были надежды русских белогвардейцев на помощь Германии, потом — Франции с Англией, и когда белогвардейцы до поры до времени ограничивали свою работу ослаблением советского центра со стороны окраин, Советская власть стремилась к немедленному искоренению своих окраинных врагов, чтобы не дать им воз-

можности дожить до вмешательства извне. Поэтому даже в период своей первоначальной военной слабости, Советская власть стремилась к централизации армии и к установлению непрерывности фронта — против дезорганизаторских партизанских налетов врага.

Таким образом, именно политическое положение пролетариата, как господствующего класса, привело его к более тяжеловесным формам военной организации в противоположность «царским генералам», которые, в качестве мятежников, свой опыт и свою изобретательность сосредоточили на развитии и применении маневренной, партизанской, «малой» войны. Оглядываясь назад на захват белыми Сибири, Архангельска, кратковременный захват городов Поволжья или на неприятельские успехи на западном фронте, в значительной мере и на Деникинские успехи на юге, нельзя не видеть, что в них главную роль играют налеты, прорыв, глубокий обход, дополненный восстанием или заговором в тылу, или заговором в самой Красной Армии, т.-е. как раз те самые методы, которые Тарасов-Родионов выдвигает, как специфически пролетарские, в противовес позиционно-генеральским.

Но тут же нужно сказать, что чем меньше оставалось надежды на прямое вмешательство Европы, и чем серьезнее развертывался собственный успех Деникина, как раньше успех Колчака, тем более становилось заметным у того и другого стремление достигнуть большей или меньшей непрерывности фронта, централизации управления крупными войсковыми соединениями, т.-е. от «малой войны», как основного типа, перейти к «большой», которая лишь дополняется налетами и рейдами «малой войны» В этой перемене в стратегии Колчака и Деникина сказывается тот факт, что, лишенные надежды на военную помощь извне, они вынуждены ставить себе задачей собственными силами не ослабить только, но уничтожить Советскую власть. В этом вынужденном переходе от малой войны к большой — причина неизбежной гибели Колчака и Деникина, так как массовая белогвардейская армия обречена на разложение.

Хорошо поставленная «малая война» предъявляет к каждому отдельному участнику отнюдь не меньшие требования, чем «большая война», наоборот — большие. Не нужно только, повторяем, смешивать военно-неопытное повстанчество с партизанством, как таковым. Восстания украинских крестьян против германской оккупации и скоропадчины или восстания кулаков против Советской власти по своим приемам глубоко отличаются от действий отрядов генерала Шкуры и Покровского. В одном случае мы имеем полустихийно возникающие группировки, весьма хаотические, кое-как организованные и вооруженные, и ощупью направляющие свой удар. В другом случае мы имеем правильно организованные, до последней мелочи продуманные отряды с большим процентом квалифицированного воен-

ного состава (офицерства), с хорошо подогнанным снаряжением и вооружением и с хорошо рассчитанными военными операциями, какой бы элемент «авантюризма» в них ни заключался. Совершенно ясно, что мы имеем пред собою явления двух глубоко различных категорий, которые не могут быть просто-на-просто уложены в русло «генеральской» и «пролетарской» стратегии, как это хочет представить Тарасов-Родионов, но характеризуют собой различные условия, различные стадии гражданской войны, и являются в различные моменты орудием в руках то одного, то другого из борющихся классов, то — их обоих одновременно.

Наша Красная Армия возникла из отрядов рабочей красной гвардии и из крестьянских повстанческих отрядов, к которым лишь в дальнейшем присоединились более или менее правильные тыловые формирования. Военный успех красногвардейские и повстанческие отряды могли иметь лишь в период первого бурного революционного подъема рабочих масс и повальной растерянности почти безоружных имущих классов. Объединенное оперативное руководство красногвардейскими и повстанческими отрядами могло применяться лишь в крайне ограниченных пределах. Операционные линии были на самом деле линиями развертывания самой революции. Отряды двигались по пути наименьшего сопротивления, то-есть туда, где встречали наибольшее сочувствие и содействие, где легче всего было поднять восстание трудящихся масс. В этот период командование не могло ставить себе самостоятельных оперативных задач и было, в сущности, не вольно выбирать направление своих ударов: оно могло лишь объединять до известной степени напор отрядов, которые продвигались почти так же, как воды тающих ледников скатываются по склонам гор.

Если партизанство понимать, как метод легких, стремительных маневров и острых уколов, то ясно, что повстанческие отряды по своей примитивности и крайней неопытности боевого и командного состава менее всего пригодны для подлинных партизанских операций.

Наоборот, Деникин, имеющий в своем распоряжении большое число кадровых офицеров, будто бы навсегда пораженных «позиционным» тупоумием, имел гораздо больше возможности создать хорошо построенные маневренные отряды, способные выполнять определенные и притом весьма ответственные задания «партизанского» характера.

Чистейший вздор, будто бы наше центральное командование, гипнотизированное образцами позиционной войны, не стремилось с самого начала внести в операции больше гибкости и инициативы и отвести достаточное место кавалерийскому налету, но в первый период все усилия в этом направлении разбивались о недостаток подготовленного человеческого материала.

Партизанские отряды требуют чрезвычайных качеств со стороны командного состава — от начальника отряда до старшего в звене — и высокой боевой подготовки рядовых бойцов. Этого-то именно у нас и не было. Кроме того, нам не хватало кавалеристов и верховых лошадей. Если ма-

невренную войну считать привилегией рабочего класса (что односторонне), а кавалерию рассматривать, как необходимый фактор маневренной войны (что вполне правильно), то придется не без изумления убедиться, что кавалерия с наибольшим успехом процветает как раз в самых отсталых частях страны: на Дону, в Области войска Уральского, в степях Сибири и проч. Целый ряд выдающихся наших врагов, как Корнилов, Дутов, Каледин Краснов — кавалеристы...

То же самое наблюдалось более полувека назад в гражданской войне Северной Америки, где реакционные рабовладельческие южные штаты имели огромный перевес в кавалерии, и в соответствии с этим, а также вообще с более высокой подготовкой своего многочисленного командного состава отличались несравненно большей маневренной способностью и инициативностью, чем более революционные и прогрессивные северяне [27].

Недостаток кавалерии, как рода оружия, наиболее трудно воспитываемого, вынуждал наше командование стремиться к созданию способной к маневренной войне ездящей пехоты, но при низком уровне пехотных частей и недостатке верховых лошадей и эта задача не была в первую эпоху гражданской войны разрешена.

Новобранцы марксизма пытаются из наступательной психологии пролетариата единым духом вывести его военную организацию и его классовую стратегию. При этом они — увы — не замечают того факта, что наступательному характеру класса не всегда отвечает достаточное количество... кавалерийских лошадей.

Из всего изложенного вытекает вывод, противоположный тому, какой делает Тарасов-Родионов: низкий уровень военного обучения и воспитания красногвардейских и повстанческих масс, а затем и мобилизованных, крайний недостаток квалифицированного боевого и до конца преданного командного состава, почти полное отсутствие кавалерии естественно вынуждали Советскую власть к массовидной стратегии и к сплошному фронту с чертами позиционной войны, весьма, впрочем, вначале неустойчивой.

Наоборот, недоверие к рабочему и крестьянскому материалу, обилие опытного, белогвардейского по настроению, командного состава и сравнительное обилие кавалерии толкали контр-революционных полководцев на путь легких, маневренных отрядов и хорошо рассчитанных партизанских «авантюр».

Но, как уже отмечено выше, было бы неосторожностью теоретически закреплять эти два типа за борющимися классами, переменив только адреса. На самом деле мы наблюдаем изменение обоих типов. Достигнув некоторых успехов, белогвардейские генералы приходят к принудительной мобилизации крестьян и даже рабочих и создают внушительные по численности армии, лишающиеся, естественно, подвижности и маневроспособности. На ряду с этими тяжеловесными «позиционными» войсками, белогвардейцы создают особые отряды или корпуса, обладающие значительной оперативной самостоятельностью.

Но, с другой стороны, и Красная Армия в процессе многомесячной напряженной борьбы на разных фронтах, с большим различием природных условий и оперативной обстановки, воспитала в своей среде ряд превосходных частей с закаленным и инициативным командным составом. Усилия первого периода создать партизанские отряды привели только... к штатам маневренного батальона, но не дали маневренных отрядов, действительно способных на партизанские задания. Теперь все предпосылки для таких отрядов налицо, хотя и сейчас еще при создании конницы приходится преодолевать значительные затруднения. Последние уменьшаются тем более, чем глубже мы продвигаемся в Оренбургские степи и чем скорее мы проникнем за Дон.

Внесение большей подвижности и инициативы в боевую работу Красной Армии ныне гораздо более осуществимо, чем год или полгода тому назад. Но в этой области нам в значительной мере приходится учиться именно у «царских генералов» и при этом как раз у тех, которые сражаются по другую сторону баррикады.

В конце-концов, можно сказать, что в результате длительной гражданской войны военные методы обоих лагерей сближаются. Если мы сейчас обращаем усиленное внимание на создание кавалерии, то враг, давно перешедший по нашим следам к массовой мобилизации, ставит свои политотделы, агитпункты и агитпоезда. То же самое сближение методов и приемов обоих лагерей наблюдали мы и в империалистической войне. Долго борясь друг с другом, враги учатся друг у друга: отбрасывают ненужное, усваивают недостающее.

Ни в малой мере не умаляя значения техники, организации оперативного руководства (во всех этих областях — как сказано — происходит известное поравнение), можно с полной уверенностью сказать, что в последнем счете исход борьбы решится в зависимости от того, чьи «агитпункты» окажутся сильнее, т.-е. какая идея окажется убедительнее для широких народных масс и способна будет держать их в духовной связи, без которой нет армии. Но на этот счет сомневаться не приходится. У нас вдоль фронта разъезжают поезда имени Ленина, поезда тов. Калинина, у них — поезд... Пуришкевича.

Исход борьбы предопределен. Остается только ускорить победу, не соскакивая со взятого пути, не опутывая себя мнимо-пролетарским доктринерством, а учась у жизни даже тогда, когда она выступает перед нами в лице «инициативных» царских генералов.

24 июля 1919 г.
Кременчуг — Ромодан.
Журн. «Военное Дело» № 25 (54)

Положение на фронте.

Беседа с представителями советской печати.

Империалистические государства в течение десятилетий строили армии, а потом вступали в войну. Социалистическая Россия оказалась вынужденной вступить в войну, прежде чем она успела хотя бы только приступить серьезно к созданию армии. Этого не хотят понять кое-какие военные педанты, которые подвергают критике наши военные операции, не понимая, что в этих операциях нам приходится не столько применять уже готовую силу, сколько создавать ее.

Южный фронт пережил в основе те же стадии, что и восточный фронт, но в более широком масштабе: сперва отсутствие армии, отдельные слабые отряды; затем первая серьезная организация, крупные успехи, недостаток резервов, неудачи, отступление; новое героическое напряжение, сосредоточение сил и средств, перелом, — новое решающее наступление.

Методы организации на юге были те же, что и на востоке. Недавно Советская Россия отметила годовщину создания V армии [28]. Это первая наша армия, в основу которой были заложены методы регулярного строительства, соединяющие военную технику, военное знание с революционным духом коммунизма. Многие работники V армии были затем переведены на юг, а потом снова из под Воронежа переброшены под Уфу. Весенний кризис восточного фронта вызван был в основе своей тем, что ткань армии износилась, прежде чем подоспели достаточные резервы. Точно такая же причина лежала в основе кризиса южного фронта.

Разница, однако, в том, что кризис южных армий оказался несравненно продолжительнее. Причин тому две: во-первых, Деникин оказался более серьезным врагом, чем Колчак, — это сейчас уже не подлежит никакому сомнению; во-вторых, восточный фронт был приблизительно однороден на всем своем протяжении, тогда как южный фронт на крайнем правом фланге своем был обессиливаем украинской партизанщиной.

Единство взглядов и методов работы.

После того как наши южные войска, подходившие к Ростову и Новочеркасску, откатились на несколько сот верст назад с жесточайшими потерями, приступ к возрождению южного фронта должен был начаться с выяснения того, есть ли у руководящих работников армии единство оценки, единство метода, единство действий. На ряде совещаний ответ-

ственных работников всех армий южного фронта испытания последних месяцев были подвергнуты критической оценке, и в результате этих совещаний были вынесены единогласно (в одном случае против одного голоса, в другом при двух воздержавшихся) резолюции, устанавливавшие тот факт, что методы военного строительства Советской власти получили проверку в тяжких испытаниях и неудачах и эту проверку выдержали; что в дальнейшем работа по возрождению и развитию южного фронта требует не изменения начал военной политики, а наоборот их более последовательного, более систематического проведения.

Можно было опасаться, что на Украйне, где обаяние победоносного революционного повстанчества держалось долго, трудно будет достигнуть необходимого единства в деле проведения начал регулярной армии. Но оказалось не так. На совещании коммунистической фракции украинского Ц. И. К. и ответственных работников в Киеве единогласно была принята резолюция, признающая, что спасение Украйны — в искоренении анархо-повстанчества и в создании правильных централизованных воинских частей по типу российской Красной Армии. Те разногласия, какие имелись в нашей среде к моменту VIII съезда, сейчас совершенно изжиты. Многие недоразумения разъяснились в ходе вещей, отдельные предрассудки износились. С теми товарищами, которые, казалось, были отделены чуть ли не пропастью от «официальной» военной политики, мы работаем теперь рука об руку, и никому не приходит в голову вспоминать в практической работе о прежних разногласиях.

Установление этого полного единства методов военного строительства было уже само по себе серьезнейшей гарантией успеха работы по возрождению ослабленного южного фронта.

Пополнение.

Армии нуждались в пополнениях. Эти пополнения поступали за последние два месяца в достаточном числе не столько из мобилизованных новых возрастов, сколько из так называемых дезертиров. Я говорю «так называемые», ибо по существу дело идет о сотнях тысяч крестьян, которые ни откуда не дезертировали, а просто не являлись на призыв, потому что мы не успели захватить их ни нашей агитацией и организацией, ни репрессией. Планомерная борьба против уклонения при нажиме Деникина на южные губернии вызвала, как известно, могучий прилив уклонявшихся в ряды Красной армии. Они приходили в прекрасном настроении, считали себя не дезертирами, а «добровольцами», стремились всячески загладить свою просрочку и дали нам уже десятки тысяч прекрасных солдат. Нет сомнения в том, что курс на «середняка» благотворно сказался и в этом факте.

Снабжение.

Труднейшим вопросом являлось снабжение. Несомненно, что здесь многое было упущено вследствие крайне бесформенной постановки этого

дела в центре. Под влиянием уроков событий мы сделали шаг вперед, сблизив бывшую чрезвычайную комиссию по снабжению Красной Армии с центральным отделом военных заготовок ВСНХ и с ЦУС-ом, распределительным органом военного ведомства. Этот шаг вперед на пути к созданию народного комиссариата военного снабжения со строго оформленным централизованным аппаратом и с таким же режимом суровой дисциплины, как и в военной организации. Этого еще нет. Центральный отдел военных заготовок работает далеко не с тем напряжением, не с той точностью, какие требуются. Но не сомневаюсь, что тов. Рыков, на котором лежит сейчас ответственность за дело военного снабжения, достигнет необходимых результатов. Известный успех сделан уже и сейчас. Мы знаем, что у нас есть, знаем, сколько расходуется, знаем, что получим завтра, и потому вполне уверены, что не потерпим краха в деле военного снабжения.

Одновременно совершалась напряженная работа в области упорядочения распределительного аппарата в воинских частях. Здесь остается еще достигнуть многого. Путь, какой проходит патрон, сапог, рубаха, пока дойдут от тов. Рыкова до стрелка на линии огня, слишком долог. Этот путь необходимо сократить. Точность учета ни в каком случае не должна отражаться на быстроте, подвижности, маневроспособности снабженческого аппарата. Здесь необходимо развернуть такую же инициативу, как и в области оперативной. В конце концов успех не только в позиционной, но и в нашей затяжной маневренной войне на три четверти определяется качествами организации снабжения. Чтобы обеспечить победу над Деникиным, нужно создать такую комбинацию баз, транспортных средств, учетных и распределительных органов, чтобы красноармеец, наступая, был сыт, чтобы его не заедала вошь, чтобы на ноге его были портянка и сапог, чтобы винтовка его была во-время вычищена и смазана. И в этом направлении сделан большой успех. Как в рамках всего Советского государства мы маневрируем, перебрасывая лучших работников из других ведомств туда, где сейчас необходимее всего приложение усилий коммунистов, так и в рамках военного ведомства, на фронте, в отдельных армиях, мы учимся и учим временно перебрасывать лучших наиболее ответственных работников в такую отрасль, деятельность которой в данный момент важнее всего: из политических отделов армий, дивизий, из трибуналов мы временно перебрасываем работников в область снабжения для того, чтобы здесь заложить твердые начала учета и быстроты распределения.

Запасные части.

Резервуаром, из которого пополняются действующие армии, являются запасные части. Кризис восточного фронта был в свое время кризисом пополнения, который в свою очередь явился в значительной мере результатом недостаточности запасных частей. То же самое повторилось сейчас на южном фронте. Как весною на востоке, так теперь на юге, мы все усилия прилагали к тому, чтобы развернуть и поставить на должную вы-

соту запасные части. Рассуждая чисто теоретически, было бы правильно эти запасные части сосредоточить в руках тыловых округов под руководством главного штаба. Но голодный центр, из которого мы извлекали многие тысячи лучших работников, не может сейчас справиться с этой задачей. Как я уже сказал, мы сперва начали воевать, а затем приступили к созданию армии. Вот почему армия наша создавалась в значительной мере в полосе огня. Запасные части наши размещены в прифронтовой полосе, более богатой продовольствием, и обслуживаются непосредственно работниками действующих армий. Чтобы судить об отдельной армии, достаточно познакомиться ближе с ее запасными частями. Сейчас можно сказать с полной уверенностью, что запасные части южного фронта поставлены на большую высоту. Непрерывность питания наступающих армий хорошими маршевыми пополнениями обеспечена вполне, а это значит, что обеспечена непрерывность победоносного наступления.

Санитарная часть.

Хуже обстоит дело пока-что с санитарной частью. Помимо организационных недочетов, к устранению которых приняты меры по соглашению с наркомздравом, виною плохого положения санитарной части является пассивность в этом деле советских организаций и учреждений, партии и профессиональных союзов. Буржуазные государства, располагавшие в начале империалистической войны колоссальными ресурсами, не справлялись сами с делом помощи раненым и больным солдатам и обращались к содействию общественной инициативы. Оскудевшее пролетарское государство в еще большей степени нуждается в содействии общественной советской инициативы. Нужно развернуть самую широкую агитационную и организационную работу в стране под лозунгом помощи раненым и больным красноармейцам. Нужно организовать день раненого красного воина. Нужно создать во всех сколько-нибудь крупных пунктах комитеты помощи раненым и больным красноармейцам. Нужно в санитарный аппарат ввести тысячи коммунистов и особенно коммунисток. Нужно установить на железнодорожных станциях дежурство советских организаций для контроля над проходящими эшелонами с ранеными. Необходим зоркий и внимательный советский глаз в военных лазаретах. Красноармеец должен убедиться, что трудящиеся массы не только заботятся об его семье, но внимательно и любовно ухаживают за ним самим, когда жестокая механика войны выводит его из строя.

Общее положение.

Общее положение можно считать достаточно благоприятным. На Урале Советская Республика приобрела вторую базу. Мы продвигаемся почти безостановочно в двух главных направлениях на Омск и Актюбинск. Богатейшая полоса Сибири уже стоит под знаменем Советской власти...

На юге перелом достигнут. Это лучше всего доказано мамонтовским налетом: белогвардейская кавалерия прорвалась нам глубоко в тыл, — наши войска не дрогнули и продолжают планомерно и уверенно продвигаться на юг. Правда, Деникин захватил огромную область Украины. Но в этой оккупации нет ничего прочного, ничего устойчивого. Успех ее определяется исключительно эшелонным характером той войны, которую продолжает вести украинское повстанчество. В полевой войне Деникин был бы разбит, ибо на украинском фронте действуют с его стороны крайне незначительные силы. Но, имея перед собой неорганизованное, рассыпающееся партизанство, которое держится за линии железных дорог, Деникин шахматными маневрами через узлы железных дорог совершает огромные скачки и захватывает большие пространства вне всякого соответствия с его действительной силой. Вся эта оккупация Украины окажется жалким карточным домиком, как только будет нанесен удар по основному его ядру и по его базам.

Западный фронт пока не имеет самостоятельного значения: это производная величина восточного и южного фронтов. Наши неудачи на юге ободрили польскую шляхту и латышско-литовско-эстонскую белую гвардию. После ликвидации Колчака решающий удар на южном фронте будет означать ликвидацию разбойничьих потуг бессильного польско-румынского империализма и бандитизма Юденичей-Балаховичей. Взятие нами Пскова показывает, что и сейчас уже мы окрепли на западе [29].

С южного фронта, где я по нескольку раз посетил все армии и был во многих дивизиях, я прибыл с глубочайшей уверенностью в несокрушимости Красной Армии. Среди работников коммунистов строителей армии царит полное единодушие в мыслях и действиях. Многие тысячи военных специалистов нимало не соблазнились временными успехами Деникина и продолжают честно работать рука об руку с нами: об этом между прочим свидетельствует красноречивое воззвание бывших офицеров, служащих в нашей 13-ой армии, к офицерам белогвардейцам. В красноармейских частях — глубокое напряженное стремление наступать и победить. Крестьянские пополнения настроены прекрасно. Снабжение упорядочивается с недели на неделю. Материалов налицо больше, чем многие полагают. Аппарат военных заготовок будет в ближайшее время прибран к рукам и тем самым обеспечит армию вполне. Наша вторая база, Урал, удвоит источники наших сил. Спокойствие, уверенность, выдержка, напряженный труд — победа обеспечена за нами!

26 августа 1919 г.
Москва.
«Изв. В. Ц. И. К.» № 183 (741).

Заключительное слово на совещании представителей ГУВУЗ'а и командных курсов,

14 октября 1919 года.

Значительная часть прений была заполнена перечислением хозяйственных непорядков, и должен сказать, что картина, которая была нарисована, представляется довольно печальной. Значительная часть этих непорядков объясняется и оправдывается наличными объективными условиями, исправить которые в короткий срок не в наших руках и которые будут исправлены, когда мы ликвидируем гражданскую войну и перейдем к мирному хозяйству и к культурному строительству, когда, конечно, нужда в командных курсах будет меньшая. Но тем не менее в числе перечисленных недостатков и недочетов, весьма вопиющих, есть такие, за которые вина ложится целиком на соответственные хозяйственные органы, в частности и в особенности, на квартирное управление. Что наши власти, ведающие квартирным довольствием, никуда не годятся, это не было для меня секретом уже давно. Что здесь у нас под носом наше квартирное управление не могло устроить курсов, это сегодня подтвердилось, и я думаю, что мы тут нарядим серьезнейшую инспекцию, чтобы проверить, как размещаются московские курсы и курсанты, почему они размещены плохо, кто не предпринял необходимых мер, чтобы их разместить лучше в мере нормальной возможности. Мы создадим тут комиссию из представителей Гувуза, Комитета Обороны, военной инспекции, Госкона и М. Ч. К. Тут жаловались на М. Ч. К., что она разрушает курсы, но в этом смысле она поможет созданию курсов, притянувши к суровой ответственности всех тех, кто не предпринял необходимых мер, чтобы установить минимальные условия, дающие возможность нормальной работы.

Относительно учебников, мы возложим, как это раньше сделали в отношении Военной Академии, принятие необходимых мер на Цус; необходимо мобилизовать все учебники, какие имеются, и взять либо в свои руки доставку учебников, либо передать это дело Гувузу, но передать не на бумаге, а снабдив всеми необходимыми рессурсами.

Относительно пайка и фуража все вопросы практически разрешаются в виду перевода Москвы в некотором смысле на положение укрепленного района. Продовольственное положение обещает стать лучше для всей страны, потому что на Волге и далее, за Уралом, где Колчак господствовал в течение продолжительного времени, крестьянство в высшей степени щедро

на ссыпку хлеба, и осенняя хлебная операция Наркомпрода увенчалась успехом, превзошедшим все ожидания, так что есть надежда на то, что продовольственное положение улучшится.

Величайшим скандалом является задержка денежных выдач. Мы поднимали этот вопрос не раз. И здесь надлежит произвести инспекционно-уголовную оценку, для привлечения виновных к ответственности. Это безобразие дальше не может быть терпимо. Что в Москве курсы не могут получить своевременно деньги и что задерживается работа из за этого,— это совершенно нетерпимое положение.

В отношении хозяйственной части это все, но Цусу мы вменим в обязанность проверить серьезнейшим образом все решительно потребности курсов, московских в первую голову, и удовлетворить их всем чем можно, иначе нам незачем огород городить, незачем создавать курсы, которые не способны работать. Строить телегу и не иметь четвертого колеса, значит не иметь телеги.

Вопрос о личном персонале курсов и преподавателях здесь подвергался освещению, и тут мы обнаружили чрезвычайные недохватки. Мобилизациями было переведено на фронт значительное количество персонала, необходимого курсам; конечно, этот перевод вызывался тяжелым положением, но он был все же несомненной ошибкой. Сейчас нам нужно произвести работу обратного порядка, т. е. разыскать нужных лиц на фронте. Это нужно сделать совместно со Всероглавштабом и Полевым Штабом, нужно разыскать уставших, раненых, выздоровевших, но неспособных для непосредственных боевых командных постов, опытных командиров, прошедших через огонь и воду гражданской войны, чтобы дать им надлежащее место и возложить на них надлежащую ответственность на наших командных курсах.

В отношении комиссаров думаю, что надо сейчас при содействии т. Курского, которого мы попросим проверить комиссарский состав на курсах, выделить тех, которые на опыте показали, что они способны справиться с ответственной задачей, фиксировать их курсами, не гонять с одних курсов на другие, из чего, разумеется, кроме тренировки физической не получается ничего.

Относительно самих курсов, их укомплектования, я думаю, что здесь было правильно указано, что нам пора отказаться от привлечения на курсы товарищей с военным делом совершенно не знакомых. Нужно, чтобы они раньше пожили красноармейцами и прошли элементарную выучку. Сейчас достаточное количество добровольцев пошло в Красную Армию из передовых рабочих Москвы и Петрограда. Среди них есть не мало сознательных и даже старых борцов, революционеров, и вот их-то, побывших некоторое время в армии, и следует привлекать на курсы, но не свеже мобилизованных рабочих и крестьян, которые являются балластом для общего хода курсовых занятий.

Несомненно также и то, что программа нуждается в пересмотре. Программа эта создавалась на основании старого опыта и по глазомерной

оценке нового опыта. Сейчас у нас помимо глазомерной оценки или, так сказать, предвосхищенной оценки, есть опыт, эмпирическая оценка. И тут нужно будет созвать комиссию при участии Всероглавштаба, — мы это детально разрешим в ближайшие дни, — с привлечением туда как ответственного командного персонала действующей армии, так и некоторого числа наиболее выдающихся красных командиров, которые побывали на фронте и развернули с большим или меньшим успехом свои силы. Что им дала школа войны, чего им не хватает, на какую сторону нужно обратить высшее внимание — все это может дать только такая комиссия.

Относительно политической части Гувуза — тут необходимо прямое предписание Политуправлению Реввоенсовета. Такое предписание мы дадим. Из числа тех превосходных работников, которые сейчас мобилизуются для работы в Красной Армии, снимаются с разных постов, известная часть должна быть направлена для работы на командных курсах.

Жалобы на изобилие теории, незначительность практических занятий несомненно справедливы, ибо они подтверждаются заявлениями красных командиров, попадающих на фронт, которые не раз просят разрешения оставаться рядовыми красноармейцами, прежде чем наберутся необходимого элементарного опыта и смогут занять некоторые командные посты. Это объясняется нередко условиями материального порядка и затруднениями практического свойства, отсутствием необходимого транспорта и пр. Здесь Цус должен, под этим углом зрения, через соответственных лиц и комиссий, в кратчайший срок проверить постановку занятия с этой точки зрения, чтобы их теоретичность не вызывалась отсутствием необходимых пособий и средств.

Дальше я хочу сказать несколько слов о продолжительности срока обучения. Были жалобы вполне основательные, что курс слишком короток, что его нужно приблизительно удвоить, если не утроить. Конечно, это было бы желательно, но я думаю, что можно и в пределах короткого срока добиться лучших результатов, при лучшем использовании времени. А для того, чтобы лучше использовать время, нужны лучшие материальные условия, и нужен более строгий критерий в отношении администраторского командного и преподавательского состава, т. е. нужно выдвигать тех, которые со своей работой справляются хорошо, награждать, всячески ставить их в лучшие материальные условия и в смысле довольствия, давать им большую ответственность, давать им лучшие курсы, чтобы здесь не было лентяев, бездельников, предателей. Мы знаем, что есть и такие, по крайней мере, у нас в Кремлевских курсах арестованные преподаватели, которые сознались, что были агентами Деникина, так что тут М. Ч. К. не только не расстраивает курсов, но очищает их для пользы дела. Так что если внимательно присматриваться к командному составу с точки зрения проявляемой энергии, ревностного отношения к делу, то нужно, чтобы добросовестные и энергичные получали бы известное материальное и нравственное удовлетворение. Я всячески поддерживаю сделанное здесь предложение

о повышении оплаты труда преподавательскому и командному составу курсов, улучшению их материальных условий, но не уравнительно, а с известной градацией, чтобы, как я сказал, лучшие среди них и оплачивались и вознаграждались лучше. Разумеется, для этого нужна известная инспекция, надзор, необходим контроль.

Один из товарищей говорил, что незачем непременно ставить заведывающим курсов специалиста. Я считаю, что у нас таких канонов нет. Нам нужно лицо, которое хорошо работает. Если курсы ведет хорошо специалист, со всех сторон обслуживает курсы, то мы его можем оставить даже без комиссара. Если комиссар хорошо работает, мы ему дадим специалиста в помощники, а то последнего и вовсе уберем. Пора на курсах переходить к системе единоначалия. Надо на тех курсах, где комиссар показал себя, как человек твердой руки, как организатор, сказать ему: ты будешь начальником, если тебе нужен специалист, то он будет тебе дан в помощники. Если начальник хорошо справляется со своим делом, то нужно всю власть отдать начальнику. Где они рядом работают хорошо, дополняют друг друга, там оставить обоих.

Тут указывали на то, что не однороден состав курсантов под военным углом зрения. Есть бывшие унтер-офицеры и есть молодые рабочие, крестьяне, которые никогда не брали в руки винтовку. Но, при лучшем подборе преподавательского состава и при наиболее тщательном использовании его, прямо необходимы групповые занятия. Нужно на курсах создавать группы и давать возможность группам более успевающим оканчивать раньше, для неуспевающих же—удлинить срок. Тут необходимо предоставить развернуться инициативе начальника курсов, конечно при наличии надзора Гувуза. Конечно, нелепо заставлять боевых унтер-офицеров старой армии итти об руку с деревенским парнем 19 лет, который должен учиться азбуке военного дела. Конечно, их не приравняешь никак. И в пределах Москвы необходимо создать разверстку. На одни курсы выделить людей с боевым прошлым, на другие менее подготовленных, дать им больший срок. Тут нужна инициатива. Может быть одним нужно 5—6 месяцев, другим меньше. Если такой порядок ввести, чтобы известная часть проходила курс в три месяца, что думаю, можно, если выделить людей подготовленных, то тогда можно примириться с тем, чтобы на других курсах срок был удлинен. Я думаю, что этот вопрос подлежит разработке.

Вопрос о фронтах. Тут я не могу согласиться вполне с мнением, что фронты разрушают курсы. Фронты жалуются на плохо обработанный материал, который непригоден для данных форм войны. На восточном фронте весной этого года нас шарахнули лыжниками. К этому наш командный состав совершенно не был подготовлен. На юге у нас кавалерия. На севере—дефилейная война, с огромным количеством артиллерии, с огромным применением инженерных сил и средств. Таким образом, у нас, что ни фронт, то свои особенности и такие особенности, каких в старой войне не было, потому что в старой позиционной войне все силы и сред-

ства применялись на всех участках фронта. У нас же — чрезвычайное их разнообразие. У нас на северном фронте есть прекрасные командиры, но если их перевести на южный, то они сначала будут теряться. На севере такой командир привык завоевывать пядь за пядью, — у англичан установлено колоссальное количество орудий. На юге—малая война с огромным размахом. Нужно совершенно другое воспитание. Что же тут оставалось делать? Оставалось предложить командующим армиями и фронтами взять под свое руководство некоторые курсы уже организованные и внести туда те поправки, какие вытекают из условий данного фронта. Первый опыт был сделан в третьей армии, которая дралась на пермском направлении. Предложено было следующее. Курсы остаются курсами, общая программа остается неизменной, но армии дается право вносить те изменения, какие вытекают из особенностей ее фронта. Армия делит курсантов на группы, причислив их к дивизиям, так что курсанты знают, что они входят в 3-ю армию, одна группа в такую-то дивизию, другая в другую, преподаватели время от времени выезжают со своей группой к своей дивизии. Таким образом, курсанты постепенно врастают в свою дивизию, привыкают к ней. Все красные командиры поступают в третью армию, даже в заранее намеченные дивизии. Такова была идея. Конечно нужно проверить, какое применение делают армии из этих курсов. Если армии не могут их употребить целесообразно, мы у них отнимем со срамом для них, с выговором. Но некоторые армии вносят очень большое оживление и живой творческий дух в это дело. Для проверки этого тут опять ничего не придумаешь, кроме инспекции от Гувуза, Полевого Штаба, Политуправления и Всероглавштаба. Эта комиссия должна будет рассмотреть, какое употребление сделали армии из отданных им курсов. Им был отдан приказ развернуть курсы, обеспечить всем необходимым и поставить на лучший паек, ибо фронты и армии богаче тыла. Если это не сделано, если этот переход курсов в ведение армии привел к ущербу, отнимем у армии курсы и передадим Гувузу целиком.

Еще поднимался здесь вопрос о московской бригаде. Я думаю, что сейчас нужно назначить совещание представителей Гувуза с московским Комитетом Обороны и с управлением дивизии и договориться о том, чтобы сведение курсов в одну особую бригаду и включение в состав дивизии не отражалось бы на нормальной работе курсов, строго указав, в каких пределах и кому они подчиняются. Я думаю, что путем такого совещания можно вполне достигнуть необходимых результатов. Должен сказать, что поскольку с этим будут связаны маневры, военная игра и прочее, то это будет иметь огромное воспитательное значение. Когда мы в Петрограде, на финляндской границе, свели курсы в сводный отряд, когда мы организовали военную игру на этой границе, то это имело хорошее значение. Курсанты были довольны. Особенно полезно было последовавшее за тем большое обсуждение этой игры, с участием всех курсов. Все это имело большое значение, так как здесь недостаток практики мог

быть отчасти возмещен. Но во всяком случае, какое употребление сделают из сводной бригады в подготовительный период позиционной московской войны,— до все, надеюсь, дело не дойдет на практике,— можно будет уяснить путем обмена мнений, причем я всячески настаиваю на том, чтобы никакого ущерба занятиям не наносить.

Я хотел еще обратить внимание товарищей комиссаров и тех из заведывающих курсами, которые интересуются не только узкой работой, но и общим состоянием страны, что сейчас можно назвать скверным анекдотом то явление, когда у нас на курсах оказываются агенты Деникина. Это может повториться в ближайший период, который является периодом в полном смысле слова неблагоприятным для нас на южном фронте. Уже не раз устанавливали, что среди кадрового офицерства большинство не получило никакой политической подготовки. Даже честнейшие люди, могущие быть прекрасными работниками, при условии лишения элементарной политической подготовки живут чисто обывательским настроением. Когда Мамонтов прорвался к Тамбову, то каждому из обывателей казалось, что это конец мировой революции и что Мамонтов разрешит все вопросы при помощи нескольких тысяч своих кавалеристов. Сейчас, когда наступление приняло довольно серьезный характер на московском направлении, разумеется, среди известной части командного состава, стало быть и среди преподавателей на курсах, должно быть некоторое трепетание сердец; что, дескать, выйдет? да как к нам отнесутся? и пр. А так как в Москве есть некоторое количество белогвардейских агентов,— правда их стало меньше с разгромом Национального Центра [30],— то есть и возможность уловления на эту удочку командного состава. Я думаю, что здесь политуправление и комиссары должны иметь в виду не только курсы, но и тов. командиров и преподавателей, потому что, будучи преподавателями в военном отношении, они в политическом отношении являются учениками и часто в политическом смысле знают гораздо меньше, чем 19-летний рабочий московской или петроградской фабрики, в силу своего воспитания и существования. Вот для того, чтобы их не делать в дальнейшем клиентами Ч.К., нужно сделать их теперь клиентами политуправления, т. е. обратить больше внимания на их политическое сознание и заставить их понять, что судьба России и мировой революции будет разрешена не Деникинцами и казаками, а мировой революцией рабочего класса.

Наши очередные вопросы.

Речь на Совещании политработников Красной Армии 12 декабря 1919 г.

Вопрос об единоличном управлении приобрел значение центрального пункта. Я полагаю — потому, что это вопрос новый. Есть не мало задач, которые для нас гораздо более неотложны и практически более важны, чем этот вопрос, который имеет хотя и большое, но пока лишь принципиальное значение. Товарищ Смилга первый поставил в печати вопрос о переходе к единоличному управлению [31]. Этот вопрос в порядке непосредственного и делового обсуждения был поставлен в военном ведомстве в целях разрешения его в возможно короткий срок.

Те принципиальные соображения, которые приводились против слияния командиров и комиссаров, мало убедительны. Некоторые товарищи говорили: сколько было восстаний и заговоров, а вы хотите уничтожить комиссаров. Этот довод можно, однако, повернуть с другого конца. Можно сказать: были комиссары и все-таки были восстания и заговоры. Конечно, у нас есть еще случаи измены. Бывает, что командиры перебегают, — их нужно ловить и расстреливать, но это не всегда делается комиссарами. Это делает особый отдел, политотдел — кому придется по условиям обстановки.

Нельзя сказать, чтобы институт комиссаров являлся гарантией против индивидуальных измен или перелета на сторону врага. Учреждение института комиссаров имело значение политической поруки: поскольку масса красноармейцев сплошь не доверяла командному составу, постольку комиссары являлись посредниками между командирами и красноармейской массой, являлись поручителями за командиров. Я полагаю, что этот период нами изживается. Теперь красноармейские массы поняли, что мы вынуждены были привлекать военных специалистов. Массы, которые участвовали в боях и находились в трудной обстановке, видели командиров на деле, видели, как одни умирают, другие убегают. Товарищи, у нас командный состав выбывает в бою в колоссальной пропорции, выбывают и бывшие офицеры. Это красноармейцы знают. И теперь институт, который являлся некоторой ширмой перед командным составом, для этой цели уже более не нужен. Армия достаточно окрепла.

Существует другой довод, что этот институт — школа для командиров. Но здесь было совершенно правильно отмечено, что если это школа, то школа искусственная, отрывающая школьников от дела. Если мы имеем

дело с бывшим солдатом, мы его назначим отделенным, бывшего унтерофицера мы назначим ротным, пошлем на курсы командного состава, потом пошлем в академию. У нас, ведь, имеются школы, в прямом смысле слова. Поскольку кому нибудь нужен боевой опыт, он может его получить в виде красноармейца или помощника командира.

В данном вопросе нужно взять гораздо более прямую линию. Когда мы создавали институт комиссаров, мы видели в нем, разумеется, не только школу командного состава, но и некоторое политическое учреждение. Институт комиссаров — это, так сказать, леса. Когда строится дом, то сначала возводятся леса. Наше военное советское строительство, по постройке, очень громоздкое сооружение, вообще говоря, и оно требует большой работы помимо непосредственного руководительства комиссаров. Это здание приходит сейчас к своему завершению. Постепенно леса можно будет убирать, но, конечно, постепенно, чтобы не рухнуло здание и чтобы не погибли все находящиеся на постройке люди.

Я отстаиваю тот принцип, чтобы во главе каждой части стоял командир. Раздваивать личность командира не годится. Командир должен быть авторитетен и в командном смысле и в морально политическом, если не в партийном. Конечно, было бы идеально, если бы и в партийном отношении он был авторитетен, но если у него имеется морально-политический авторитет, то красноармейская масса уже знает, что такой командир не обманет и не продаст, — этого совершенно достаточно. Я считаю, кроме того, что меры в этом смысле нужно принимать, начиная с учреждения наименее болезненного, т. е. с органов снабжения. При этом, все нужно спокойно обдумать. Например, командиром полка поставить неопытного в этом деле коммуниста было бы рискованно, а при организации снабжения мы имеем в этом аппарате огромное количество коммунистов, работающих рядом со специалистами. Надо сказать, что в этом аппарате специалисты работают часто из рук вон плохо. Среди них дельных работников — один-два и обчелся, поэтому коммунисты в значительной степени должны усвоить себе эту работу. Мы можем здесь оставить минимальное количество необходимых специалистов и все остальное передать коммунистам. Если, например, коммунист технически недостаточно еще усвоил себе работу, то спеца можно оставить у него помощником. Если спец является очень хорошим работником, но нет оснований ему вполне доверять в политическом отношении, то всегда можно организовать за ним наблюдение. И вовсе не обязательно это делать через комиссара. Наблюдателем может быть переписчик, кто-нибудь из служебного персонала, даже шоффер, но вовсе не обязательно возлагать это на комиссара. Возьмем, например, военно-санитарное управление, где так строго проводится принцип, чтобы везде были во главе коммунисты. Ведь надо же сказать, что это самое у нас гнилое учреждение!

Во всяком случае, товарищи, я прошу вас верить, что мы здесь в этом вопросе не сделаем никакого скачка. Я против издания приказа: при коман-

дире коммунисте снять комиссара коммуниста. Такое положение создало бы большие неудобства, и для комиссаров, и для спецов. Как быть, например, с командирами, которые нейтральны или только вчера записались в партию? Кто будет определять, нужны ли при них комиссары или не нужны?

Далее, я хочу обратить внимание на некоторые практические вопросы, которые должны играть огромную роль.

Первым основным вопросом является незначительность количества наших штыков по сравнению с общим количеством мобилизованных. Мы мобилизовали миллионы, а количество штыков у нас исчисляется сотнями тысяч. У нас как-то между пальцами утекает огромное количество солдат! В этом отношении основная задача наша — поставить более строгий учет. Необходимо ввести для красноармейцев служебные книжки, чтобы было известно, что он получил, что он имеет. У нас в армиях приказом введены комиссии по борьбе с дезертирством, состоящие из комиссара, командира и комиссара политотдела. Эти комиссии подчинены Центро-Комдезертир. Указанная служебная книжка для каждого красноармейца является очень важным мероприятием в том смысле, чтобы все красноармейцы были на учете. Затем, мы провели приказом, чтобы реввоенсовет армии или командир и комиссар, каждый у себя в дивизии, зорко смотрели бы, чтобы не было лишние околачивающихся людей. У нас на местах часто образуются группы без определенных назначений, — и таких групп очень много. Мы мобилизовали несколько миллионов, и нам еще предстоит мобилизация 1901 года, ближайший период поверочного сбора даст нам кое-что, но этого мало. Бои идут, и нам нужно учиться более экономному обращению с человеческим материалом, иначе мы можем сорваться на внутренних затруднениях организационного характера.

Прежде всего, одним словом, нужно добиться более правильного соотношения между числом штыков и числом мобилизованных. Ни одному мобилизованному нельзя позволить нигде толкаться зря.

Затем нужна руководящая головка, на которую должна быть возложена охрана военного имущества. Теперь мы снабжаем армию лучше, чем это было год или полгода назад, — это мы все признаем, — но то расхододование имущества, которое происходит в армии, нам не под силу. Цифры заказов, которые дает ЦУС или Центровоензаг, — фантастические: десятки миллионов пар белья, много миллионов шинелей, сапог, например, по 3 — 4 пары сапог рассчитывается на год на каждого человека! Это — не нормально. Такое чрезмерное расходование происходит всюду по недосмотру, и поэтому нужна хорошая постановка хозяйства в роте, в полку. Через управления политотдела это устроить невозможно, да и незачем. Для этого просто нужно составлять арматурные списки. Товарищи, я вас не хочу запугивать, но я хочу сказать, что если мы не сорвались на Деникине, если не сорвались на Колчаке, то мы можем сорваться на шинели или на сапоге.

Затем, я хотел бы коснуться вопроса о партизанщине, вопроса очень важного в отношении юга и востока. На Южном фронте партизанщина уже ликвидируется. По отношению к партизанству наблюдается некоторый оппортунизм, который нас в известной степени и погубил в прошлый раз. Уже в некоторых армиях идут попытки включения партизанов в действующие части. Тут, товарищи, нужно, чтобы прибывшие с южного фронта вернулись бы туда с глубоким убеждением и желанием положить во что бы то ни стало конец этим безобразиям. Необходимо, чтобы командиры действующих частей не включали бы добровольцев в ряды регулярных войск. Командиров, которые это делают, надо привлекать к суду. Особенно это относится к украинским элементам, которые, по их словам, горят желанием бороться, — на три четверти они горят желанием грабить. Эти элементы ни в каком случае нельзя допускать сразу в действующие части. Только тот из них, кто пойдет в запасный батальон и пробудет там хотя бы в течение месяца, докажет, что он хочет быть хорошим солдатом в Красной Армии. Как только мы входим в контакт с партизанскими частями, сейчас же они оказывают дурное влияние на действующие части, — поэтому никакого боевого участия в действующих частях партизанам ни в коем случае не давать, и если бы какой-нибудь комиссар проявил в этом отношении слабость, то политотдел должен бить тревогу по всем прямым проводам, и на фронте, и сюда, в Москву. Подобные явления недопустимы, и все партизанские отряды не должны смотреть на это, как на оскорбление, а должны понять, что такой уж у нас порядок, что нельзя войти в Красную Армию немытым и нечесаным. Сначала пусть пройдет через баню, потом послушает нас на митингах, потом пусть поработает под началом у кого-нибудь из старших товарищей — такой уж у нас режим, ставший законным порядком. Если мы будем тверды в этом смысле и будем проводить наш принцип неуклонно, то ни один партизанский отряд не будет видеть в нем оскорбления, а будет знать, что это порядок Красной Армии. В этой области нужно проявить величайшую неуклонность. Если какой нибудь непокорный отряд вырвался сюда к нам, то лучше ему дать снова нырнуть туда, за белый фронт, и там проявить свою деятельность, чем позволять ему расшатывать наши ряды.

В тех частях нашей армии, которые соприкасаются с отрядами Махно, нужно усилить состав коммунистов, нужно дать туда таких командиров и комиссаров, которые бы могли оказывать побольше влияния, так как в неустойчивых частях нашей армии, которые соприкасаются с отрядами Махно, происходит разложение. Комиссарскому составу необходимо развить широкую агитацию против махновщины в каждой части, устно и печатно. Само собой понятно, что имя Махно сейчас пользуется популярностью. Он захватывает города и железные дороги. Но нужно помнить, что Махно так же легко сдает Деникину Украину, как и берет ее. Как только Махно ступит на советскую территорию, он будет работать предательски по отношению к Красной Армии. По отношению к махновщине не должно быть

никакого оппортунизма. У нас есть на этот счет приказ [32], от которого нам необходимо не отступать ни на один шаг *).

Относительно создания украинской армии я должен сказать следующее. Мы, разумеется, не против создания украинской армии, но сейчас на Украине психологически все так расшатано в смысле дисциплины, что к созданию этой армии приходится подходить весьма осторожно. Максимальное задание, которое можно поставить в этом отношении на первое время — это создание 4 — 5 образцовых полков. Каким путем это сделать? Нужно отобрать лучших украинских бойцов, коммунистов и сочувствующих, и отправить их на украинские командные курсы с более длительным сроком, хотя бы на полгода или 8 месяцев, и там их воспитывать или же распределить их по самым лучшим курсам России, создать известные кадры и уже потом вокруг этих кадров обворачивать воинские части, причем для водворения среди них дисциплины, нужно вводить в их среду испытанных товарищей из других частей. Таким путем мы и подойдем к мобилизации украинских рабочих. Но сейчас объявлять общую мобилизацию на Украине мы не будем, так как мобилизованный украинец с расшатанной психологией, при большом еще влиянии кулацкого элемента, проходит через казармы только для того, чтобы получить винтовку и возвратиться с ней к себе домой. Вы знаете, что с этим связан ведь вопрос о разоружении на Украине всего крестьянского населения. Может быть нам придется организовать наиболее надежные кадры комендантских отрядов, заградительные отряды, отряды особого назначения, выделить особых лиц и разоружить при их посредстве все население в районе деятельности армии. На это нужно будет обратить всем вам самое серьезное внимание.

Затем, нужно остановиться на вопросе о чувстве воинского честолюбия. Слишком анонимна наша армия, и наш красноармеец и наш комиссарский состав слишком мало захвачены чувством воинского честолюбия. У нас до сих пор так поставлена военная цензура, что и в газетах всегда говорится: N-армия, N-полк, N-часть. Я издал в Петрограде приказ по VII-й армии. Военный цензор — им оказался случайно женщина — заявила представителю газеты «Петроградская Правда»: «Я вас закрою за неисполнение приказа Троцкого — у вас говорится о «VII-й» армии». Но позвольте, у Юденича много тысяч наших пленных и у него великолепно знают не только номера наших армий, но и номер каждой дивизии и каждого полка. Приходится попросить у военной цензуры, чтобы она дала нам небольшую конституцию, чтобы мы имели право говорить о наших крупных военных действиях. Конечно, реввоенсовет армии знает хорошо, что если у него явилась новая часть, то это следует скрывать, но если армия стоит на участке полгода, то противнику, конечно, известно, какая перед ним на фронте дивизия,—28-я или 26-я,—и бессмыслица писать «N-ая дивизия», когда нужно популяризировать 28-ю дивизию, чтобы каж-

---

*) Секретный приказ № 108. *Л. Т.*

дый солдат стремился поддержать честь своей дивизии, а другая дивизия стремилась бы выравняться с отличившейся. Ведь, это вполне законное чувство соревнования. Популярность необходима. В тех же случаях, когда у политических работников возникает сомнение, можно ли оглашать тот или иной факт, они должны выяснить вопрос через комиссаров армии и реввоенсовет.

Затем относительно командных курсов. Тут дело стоит не на высоте. Для того, чтобы поднять командные курсы на должную высоту, придется удлинить срок преподавания. Это связано с вопросом о комиссарском составе. Чем больше мы пропустим коммунистов через эти курсы, тем дело будет лучше.

Затем, агитация в неприятельских рядах. Ясно что политуправлениям в целом и политотделам отдельных армий и дивизий сейчас же придется, — а сейчас мы наступаем победоносно на всех фронтах, — обратить особое внимание на разложение в рядах неприятеля, для чего необходимо создать особо приспособленную к этому фронту литературу. В некоторых армиях и дивизиях выходят уже издания такого типа, иногда прекрасные, иногда менее удачные. Нужно, чтобы они доставлялись сюда. Необходимость централизма в этом деле очевидна. Издательское дело для агитации в рядах неприятеля необходимо всемерно развивать.

Еще вопрос. Я получил несколько писем, что в иных штабах, и даже более высоких инстанциях, процветает пьянство. Нужно с этим явлением открыть борьбу. Комиссары не только не проявляют необходимой энергии в этой борьбе, но и сами оказываются иной раз виновными по пьяному делу. Нужно принять меры, нужно через политуправления поставить дело так, чтобы пьянства не было. Мы продвигаемся в области, довольно богатые всяким алкоголем, и на этом мы можем жестоко сорваться. У Мамонтова кавалерия погубила себя пьянством и грабежами. Тут нужен глаз да глаз. Особенно легко армия может разложиться на украинской территории.

Я получил письма, что в некоторых частях процветает даже мордобитие. Одно такое заявление пришло ко мне через Максима Горького о том, что «нас бьют!» Даже некоторые коммунисты говорили мне откровенно: «я его рукояткой по зубам!» В бою, под огнем расстрелять за преступление это одно, но если красноармеец знает, что его можно бить по зубам, то это такая потеря нравственного достоинства, такая гнусность, которую нужно искоренить во что бы то ни стало. Уважение к личности красноармейца должно быть обеспечено.

В связи с вопросом о единоначалии нужно завести порядок опубликования приказов. У нас сказано, что приказы комиссаров без подписи командиров недействительны. Имеет ли право комиссар или член реввоенсовета армии издавать приказ административно-хозяйственного содержания без подписи командарма? Конечно, ни в каком случае. Между тем это бывает, и это неправильно. На это жаловался один из лучших командармов т. Тухачевский, который прибыл с Восточного фронта. Он говорит, что

у него всегда были с комиссаром прекраснейшие отношения, но что этот вопрос не урегулирован и требует разрешения.

В заключение я хочу сказать несколько слов, относительно оптимистического тона насчет мира. Наша партийная печать продолжает, как бы по инерции, говорить о мире. Дело, однако, далеко не обстоит таким образом. В Копенгагене, например, идет разговор о том, чтобы т. Литвинова выслать, ибо вокруг него сосредоточиваются-де определенные элементы, и что он-де ведет агитацию[33]. Союзники еще достаточно сильны, а сильный никогда не отступает без боя Они прекрасно знают состояние нашего транспорта и снабжения, и для них прямой интерес нас истощать. Они подождут, пока мы дойдем до Черного моря, где встретимся, может быть, с арабами, неграми, индусами и т. д. Может быть, политотделам придется еще учиться африканским языкам! Было бы чрезвычайной опасностью, если бы в армии создалось впечатление, что мы войну кончаем, ведем переговоры и т. д. Этого еще нет ни каком случае и, отправляя для агитации в армию комиссарский состав, нужно иметь нашу декларацию насчет мира, которая еще пока никакого отклика не получила, а нужно иметь ту декларацию, которую огласил тов. Смилга, что нам предстоит самая суровая жестокая зима и что мы должны этот период величайших страданий для армии и страны сократить путем величайшего напряжения энергии.

Это и может дать наша коммунистическая партия в лице политических органов Красной Армии.

Больше равенства!

Письмо к революционным военным советам фронтов, армий и ко всем ответственным работникам Красной Армии и Красного Флота.

Коммунистический строй означает равные или, по крайней мере, однородные условия существования для всех членов общества — независимо от выполняемой ими работы или различия способностей. Мы к этому придем, как только общество наше станет богаче и, вместе с тем, устранит наиболее грубые и несправедливые пережитки старого строя. Сейчас мы живем в переходную эпоху. Старые навыки и привычки имеют еще большую силу над людьми. К тому же необходимейших для жизни материальных благ крайне недостаточно. Мы вынуждены применять в распределении как средств, так и сил, систему ударности, т. е. в первую голову обеспечивать работниками и материальными средствами наиболее важные отрасли государственной работы. Отсюда получилось то привилегированное положение, какое, несомненно, имеет военная организация в Советской России. Лозунг «все для фронта» означал и продолжает означать ослабление местных советских, партийных и профессиональных учреждений, ослабление работы просвещения, ослабление питания рабочих и работниц — в целях обеспечения вооруженных сил Советской Республики всем необходимым. Таким образом сложилось такое положение, при котором для рабочего перевод на красноармейский паек означает чуть не идеал, в большинстве случаев недостижимый.

Рабочий класс и революционная часть крестьянства понимают значение Красной Армии и необходимость снабдить в первую голову именно ее. Если бы не было этого сознания, Красной Армии не существовало бы. В готовности поддержать Красную Армию всем необходимым мы снова убеждаемся каждый раз — идет ли речь о формировании добровольческих маршевых эскадронов или о сборе теплых вещей и т. д.

Тем не менее рабочая масса, живущая на голодном пайке, не может не следить как за тем, чтобы армия не требовала со своей стороны больше чем действительно необходимо, так и за тем, чтобы все, доставляемое армии, действительно доходило по назначению. Так как в этом отношении далеко не все, разумеется, обстоит благополучно, то в рабочих массах имеется естественное недовольство против непорядков, несправедливостей и злоупотреблений отдельных органов военного ведомства.

К этому присоединяется еще тот факт, что внутри самой военной организации опять-таки существует неравенство — в одних случаях вполне объяснимое и неизбежное, но в других — совершенно не вызываемое необходимостью, чрезмерное и иногда прямо преступное.

Каждый красноармеец-боевик вполне мирится с тем фактом, что командир его части располагает известными преимуществами в отношении квартиры, способа передвижения и даже обмундирования. Честный и разумный красноармеец знает, что командир должен иметь возможность обдумать положение, отдать распоряжение и проч. в условиях, сколько-нибудь обеспечивающих возможность такой работы. Простуда и вообще болезнь командира отражаются на части гораздо более тяжело, чем болезнь отдельного, хотя бы самого храброго бойца. Разумеется было бы желательно, чтобы все воины Красной Армии имели в одинаковой мере все необходимое. Но на походе это невозможно, особенно в нашей истощенной стране. А раз так, то подавляющее большинство красноармейцев без ропота по здравому убеждению, признает необходимость для командного и комиссарского состава пользоваться известными материальными преимуществами, обеспечивающими интересы общего боевого дела.

Но эти преимущества должны вытекать именно из потребностей дела. Было бы, конечно, очень хорошо, если бы можно было всех стрелков перевозить на автомобилях. Но автомобилей у нас ничтожное количество. Вполне естественно, если легковые машины даются только командармам и членам Реввоенсоветов армий, в отдельных случаях — начальникам и комиссарам дивизий, которым приходится объезжать свои части, раскинутые на большом пространстве. Столь же понятна верховая лошадь в распоряжении батальонного командира. Против этих преимуществ красноармеец спорить не станет, а если заспорит – можно всегда объяснить ему и, в большинстве случаев, убедить его.

Что первая пара сапог и первая шинель должны быть отданы командиру, это поймет всякий солдат, ибо необутого и неодетого красноармейца можно, на худой конец, оставить в избе, командир же всегда должен находиться в боеспособном состоянии.

Но когда автомобиль служит для веселых прогулок на глазах усталых красноармейцев, или когда командиры одеваются с кричащим щегольством на виду у полураздетых бойцов, — такого рода факты не могут не вызывать раздражения и ропота со стороны красноармейцев.

Привилегия сама по себе в известных случаях является — повторяем — неизбежным, пока-что неустранимым злом. Явное излишество в привилегии представляет уже не зло, а преступление. И красноармейская масса в общем прекрасно разбирается в том, где кончаются необходимые, вызываемые делом преимущества, и где начинаются злоупотребления привилегиями.

Особенно деморализующий и разлагающий армию характер имеет пользование преимуществами, связанное с нарушением существующих пра-

вил, декретов и приказов. Сюда относятся прежде всего и главным образом вечера с выпивкой, с участием женщин и проч., и проч.

Такого рода явления отнюдь не представляют собою исключения. Об них знает почти каждый красноармеец. В частях много говорят об этом, нередко преувеличивая, разумеется, в вопросе о пирах и попойках, происходящих «в штабах». В случае неудачи красноармейская масса — основательно или неосновательно — ищет нередко причины в чрезмерно веселом образе жизни командного состава. К этому еще присоединяется то, что во время отступлений усталые и нередко полуразутые бойцы наблюдают в штабных, снабженческих и проч. эшелонах большое количество женщин.

Вопрос об отпусках также играет не малую роль. Революционный Военный Совет Республики не раз обсуждал этот вопрос со всем вниманием и неизменно приходил к выводу о полной невозможности ввести систему отпусков для красноармейцев. Само собой разумеется, что существующие на этот счет положения одинаково распространяются как на рядовых бойцов, так и на командный и комиссарский состав. Между тем, ни для кого не тайна, — и меньше всего это тайна для красноармейцев, — что лица командного и комиссарского состава нередко получают отпуска под видом командировок. Например, к помощнику заведывающего дивизионным артскладом приезжает жена (что само по себе незаконно), а затем этот помощник получает семидневную командировку для того, чтобы проводить жену. Между тем, среди красноармейцев охранной команды склада есть такие, которые уже третий год не видали своих семей.

Такого рода факты совершенно нетерпимы в Красной Армии, которая может развиваться только на основе растущей внутренней солидарности всех своих членов.

Красная Армия создалась путем чрезвычайных усилий многих и многих тысяч сознательных и преданных делу работников. Начав с отдельных партизанских отрядов или наскоро созданных, внутренно не спаянных зыбких полков, она превратилась в могущественную организацию, в которой уже имеются свои традиции и свое общественное мнение. Красноармейцы, которые год-два и более сражаются в составе армии, научаются сами и научают более молодых товарищей разбираться в положительных и отрицательных сторонах военной организации, в законных и незаконных преимуществах командного состава и т. д., и т. п. Лучший солдат вовсе не означает в Красной Армии — наиболее покорный и безропотный. Наоборот, лучший солдат бывает сплошь да рядом более сметливым, наблюдающим, критикующим. Своим мужеством и находчивостью он завоевывает, естественно, авторитет среди красноармейцев, а своими критическими замечаниями, опирающимися на доступные всем факты, он сплошь да рядом понижает авторитет командного и комиссарского состава в глазах массы бойцов. К этому нужно еще прибавить, что контр-революционные элементы, агенты противника, сознательно и умело пользуются указанными

выше обстоятельствами для разжигания недовольства и обострения антагонизма между рядовой массой и командным составом.

Не может быть никакого сомнения в том, что сердцевина нашей армии вполне здорова. Но и самый здоровый организм должен охранять себя, иначе вредные явления могут его подточить. Последняя конференция нашей партии поставила в порядок дня вопрос о взаимоотношениях между «верхами» и «низами» и о необходимости сближения между ними на основах товарищеской связи [34]. Эта задача целиком, и даже в первую голову, должна быть поставлена перед руководящими элементами армии.

Разумеется, армия не может быть уподоблена партийной организации. Приказ должен оставаться приказом и военная дисциплина — дисциплиной. Но формальная сила приказа будет тем более несокрушима, чем в большей мере передовым силам армии удастся устранить наиболее ненормальные явления, сгладить существующее неравенство, сблизить «верхи» и «низы».

В виду огромной принципиальной и практической важности поднятых выше вопросов прошу Реввоенсоветы фронтов и армий обсудить те мероприятия, какие могут быть применены для устранения ненормальных и нездоровых явлений в жизни Красной Армии. Было бы желательно созвать по этому вопросу совещания из наиболее ответственных армейских и дивизионных работников.

Руководящие начала для такого рода совещаний можно было бы, по моему мнению, формулировать примерно следующим образом:

1. Не ставя себе невыполнимой задачи немедленного устранения всех и всяких преимуществ в армии, систематически стремиться к тому, чтобы эти преимущества были сведены к действительно необходимому минимуму.

2. Устранить в возможно короткий срок все те преимущества, которые отнюдь не вытекают из потребностей военного дела и неизбежно оскорбляют чувство равенства и товарищества в красноармейцах.

3. Восстановить во всей силе существующие приказы и положения об отпусках, командировках, недопущение жен в район действующих армий, запрещение спиртных напитков и пр.

4. Реввоенсоветам самим стать во главе борьбы с нарушениями указанных положений и приказов.

5. Внимательно относиться ко всем жалобам красноармейцев на неправильные и несправедливые действия в области снабжения, на незаконные льготы и поблажки одним в ущерб другим.

6. В тех случаях, когда виновность и злая воля явно обнаружены, предавать виновных гласному трибуналу в присутствии представителей заинтересованных частей, широко распубликовывая затем приговоры с необходимыми комментариями.

7. Внимательно следить за тем, чтобы контр-революционные провокаторы не разжигали недовольства путем вымышленных слухов о всяких льготах и преимуществах командного и комиссарского состава; в тех случаях, когда явно злостные виновники таких слухов будут обнаружены,

предавать их гласному трибуналу в присутствии делегатов заинтересованных частей.

8. Усилить контроль над работой органов снабжения, укреплять их, всемерно повышая исполнительность и точность их работы.

9. Усилить работу политического воспитания.

Обо всех предпринимаемых вами мерах, а также и о ваших соображениях по указанному вопросу, прошу сообщить в возможно короткий срок для доклада Центральному Комитету Партии и Революционному Военному Совету Республики по принадлежности.

31 октября 1920 г.

II.
КОМАНДИРЫ И КОМИССАРЫ.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 10 января 1919 г., № 75, гор. Грязи.

Устав внутренней службы требует от командиров точно знать солдат, которыми они командуют, внимательно следить за их жизнью, учением, развитием, боевыми действиями, ошибками, заслугами. Комиссары точно так же обязаны тщательно наблюдать за жизнью всех солдат своей части. Главная задача при этом состоит в том, чтобы дать возможность развернуться свежим силам, и выдвинуться молодым дарованиям из среды солдатской массы. Среди наших солдат много способных, находчивых, смелых людей. Многим из них не хватает иногда только образования и военной выучки, чтобы с достоинством и честью занять командный пост. Таких способных и трудолюбивых солдат нужно отличать, давать им возможность учиться, отправлять на инструкторские курсы и выдвигать их на командные посты. До настоящего времени эта работа производится в совершенно недостаточных размерах.

Предлагаю революционным военным советам всех армий обратить особое внимание на указанную сторону дела, побудить полковых комиссаров и командиров через посредство всех батальонных, ротных и взводных командиров вести особые списки солдатам, которые своей работой выдвинулись, как кандидаты на командные должности, исправлять эти списки на опыте, делать в них пометки об особенностях, свойствах, качествах и познаниях каждого из выдвинувшихся солдат и представлять эти списки каждый месяц в реввоенсоветы армий, которые в свою очередь посылают их в Реввоенсовет Республики.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 2 марта 1919 г., № 82, гор. Москва.

Необходимое пояснение к «Уставу внутренней службы Раб.-Кр. Красной Армии».

Устав внутренней службы, введенный в действие, как обязательный для всей Красной Армии, ничего не говорит о правах и обязанностях комиссаров. Во избежание всяких недоразумений и неправильного толкования представляется необходимым преподать следующие указания.

Комиссары играют огромную роль в деле создания нашей армии. Можно с полной уверенностью сказать, что мы не имели бы боеспособной армии без героической самоотверженной работы комиссаров. В то же время совершенно ясно, что учреждение комиссаров не есть постоянное учреждение, а вызывается переломным характером нынешней эпохи в строительстве армии. При начале этого строительства у нас почти совершенно не было командного состава, который отдавал бы себе отчет в задачах армии и том духе, который должен ее проникать. Это вызвало необходимость раздвоения органов управления и командования в армии: техническая сторона, оперативные и командные права и обязанности возлагались на командиров, политические, воспитательные и контрольные права и обязанности возлагались на комиссаров. Этот тип организации, как свидетельствует опыт, в общем и целом привел к прекрасным результатам. Работая рука об руку, командиры и комиссары создали на наших фронтах такие армии, которыми советская республика вправе гордиться. Но вместе с тем вся работа по строительству армии подготовила такие условия, которые раньше или позже приведут к установлению полного единоначалия в деле управления и командования войсками.

За истекший год многие и многие тысячи красных офицеров воспитались в духе новой армии. Многие старые командиры внутренно связались с новой армией и с честью занимают ответственные посты во главе революционных войск. Тысячи комиссаров приобрели за этот период боевой опыт и с успехом принимают командование своими частями. Все это подготовляет условия, когда обязанности командиров и комиссаров будут объединены в одном лице, отвечающем за вверенную ему часть в военном, политическом и моральном отношении.

Устав внутренней службы, рассчитанный не на недели и не на месяцы, составлен в предвидении будущего полного единоначалия в управлении частями армии.

Что касается настоящего переходного периода, то устав этот должен быть дополнен положением о комиссарах и всеми дальнейшими приказами и инструкциями, которыми определялись взаимоотношения комиссаров, командиров и солдат Красной Армии, коммунистических ячеек и пр. Ответственная роль комиссаров для настоящего времени сохраняется во всей своей силе.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 12 мая 1919 г., № 97. гор. Козлов.

Поступают донесения, что из среды мобилизованных за последние недели лиц командного состава некоторые явно уклоняются от добросовестного выполнения своих обязанностей пред трудовым народом. В донесениях не указывается, однако, каким взысканиям подвергаются скрытые или полускрытые саботажники. Между тем ясно, что, если красноармейцы-дезертиры подвергаются суровой каре, то саботажники-командиры должны подвергаться каре вдвойне.

Из среды старого кадрового офицерства тысячи и десятки тысяч честно и мужественно борются в рядах трудового народа. Это все те, которые отказались продавать кровь русских рабочих и крестьян сперва немецкому кайзеру, потом англо-французской и американской бирже. На всех ступенях военной организации, на фронте и в тылу работают эти лучшие представители старого кадрового офицерства и пользуются заслуженным доверием и уважением Красной Армии и всей советской страны.

Но в среде этого же кадрового офицерства были элементы, которые, не переходя в стан врагов, пытались и пытаются уклониться от исполнения своего долга в советских рядах. Они пытаются укрыться в разных тыловых учреждениях в качестве «незаменимых». А когда мобилизация вталкивает их в ряды армии, они всю свою энергию направляют на уклонение от работы, ответственности и опасности.

Приказываю соответствующим командирам и комиссарам самым внимательным и тщательным образом следить за работой вновь вливающихся в армию лиц командного состава. Полевому штабу по соглашению с Всероссийским Главным Штабом выработать схему аттестационных ведомостей для лиц командного состава. Тем временем революционные военные советы и соответствующие тыловые учреждения должны напомнить всем саботажникам, бездельникам и шкурникам в среде командного состава, что закон войны карает беспощадно.

Булат и злато.

К вопросу о предательствах в Красной Армии.

Наш миноносец «Карл Либкнехт» захватил на Каспийском море пароход, на котором известный черносотенный душегуб генерал Гришин-Алмазов вез письмо от Деникина Колчаку. Гришин-Алмазов застрелился. Пароход его с командой попался в плен. Захваченные документы будут на днях опубликованы. В письме Колчаку Деникин пишет между прочим, что на помощь союзников живой силой надежды нет, так как сами союзники стоят ныне накануне тех «чудес», какие пережили мы, т.-е. накануне пролетарской революции. Даже Деникин вынужден понять и признать этот факт. Военной силы у французской, английской, итальянской буржуазии уже не существует. Грабители Согласия позорно убрались из Одессы и Севастополя. После этого они объявили поход на Петроград и по всех своих газетах и радио обещали падение северной пролетарской столицы в течение нескольких дней. Но Петроград стоит. Фронт его ныне несравненно прочнее, чем был месяц тому назад, и англо-французские банды вынуждены обнажать перед всем миром свое военное бессилие.

Но это не значит, что империалисты сдаются. Нет, они пускают в ход все средства, какие еще имеются в их распоряжении, для того, чтобы отстоять себя и задушить нас. Они растравляют империалистские аппетиты польской, румынской, латышской, эстонской, финской буржуазии, чтобы натравить ее на Советскую федерацию. В то же время они не только помогают русской буржуазии и деревенскому кулачеству создавать свою армию, но и пытаются изо всех сил внести разврат, измену, предательство в ряды красных советских полков.

С этой целью англо-французские империалисты пользуются отдельными представителями русского командного состава.

Офицерство старой царской армии было расколото революцией на три части. Одна часть — под знаменем Корнилова, Каледина, Краснова, Деникина, Колчака — открыто поднялась с оружием в руках против русских рабочих и крестьян и поочередно продавала Россию немцам, а затем французам с англичанами. Противоположная группа офицерства, впервые пробужденная событиями революции, почувствовала великую правду рабочего класса и честно и искренно стала в ряды его армии. Тысячи бывших офицеров безыменно, безвестно пали геройской смертью в гражданской войне в общих рядах с солдатами-пролетариями и крестьянами. Наконец,

третья, большая средняя группа, испуганная и растерянная, втянула голову в плечи и старалась спрятаться от великих событий. Когда советские войска побеждают, когда пламя революции вспыхивает в новых странах,— средняя группа офицерства начинает тяготеть к Советской власти, по чувству или по расчету, и всячески отмежевывается от деникинцев и колчаковцев. Когда же волна революции временно идет на уклон, когда под соединенным натиском врагов Красная Армия временно переходит к отступлению, тогда бесхребетная, безидейная, трусливая часть офицерства со страхом взирает на деникинскую палку и выдвигает из своей среды новых перебежчиков и предателей.

К этому присоединяется работа англо-французского и японо-американского золота.

«Все куплю» — сказало злато, «все возьму»,— сказал булат...

Но булат союзников повис бессильно, ибо рабочая рука, вооруженная булатом, не хочет больше наносить удары трудящимся массам России. Зато награбленного золота у англо-французских хищников накопилось немало. Они готовы теперь отдать значительную часть награбленной добычи только бы захватить ненавистный им Петроград, а за ним красную Москву, только бы удушить рабоче-крестьянскую Россию. В лице бывших русских помещиков, капиталистов, контр-революционных генералов и чиновников буржуазия стран Согласия имеет в нашей стране своих естественных агентов. У них своя организация, своя связь. Под ударами судьбы контрреволюционные элементы России за последний год сделали немалые успехи в конспиративной, подпольной работе. Они проникают нередко в качестве красноармейцев в наши полки и ведут там растлевающую агитацию, опираясь на кулацкие элементы.

Но главные усилия колчаковских и деникинских агентов иностранного империализма направлены на командный состав Красной Армии. Частные временные неудачи на западном и южном фронтах создают благоприятную почву для предательской работы. Лишенный политических взглядов, так называемый «беспартийный» офицер, неразбирающийся в великих событиях, легко теряется и, наблюдая неудачу на том или другом участке фронта и слыша о неудачах с других участков, легко приходит к выводу, что все потеряно. Вернее сказать, такой вывод ему подсказывается наемными провокаторами. Они шепчут ему на ухо: «Если хочешь спастись,— переходи на деникинскую и колчаковскую сторону. Там великая сила, там помощь стран Согласия, там пища, там золото».

На западном фронте, где чрез порты Балтийского моря англо-французские империалисты действуют усерднее всего, было за последнее время несколько случаев предательства командного состава. При этом командиры полков или батальонов не только сами перебегали к белым, но и передавали в их руки свою часть, воспользовавшись ее бессознательностью или трудным военным положением.

С другой стороны, те наемные агенты, которые продолжают оставаться в нашей среде, пользуются такими случаями предательства, чтобы внушить красноармейцам недоверие и вражду ко всему командному составу. Направо они говорят: «офицеры, переходите к Деникину, Колчаку, Маннергейму и Галлеру». Налево они шепчут: «стоит ли вам, красноармейцы, проливать свою кровь, когда вас предает командный состав?»

Все империалистские армии ныне разлагаются и гниют. Только Красная Армия слагается и растет, несмотря на частые неудачи. Мы это видим не только на примере России, но и на опыте Венгрии, где после ряда неудач вооруженный венгерский пролетариат отбросил своих врагов и теснит их все дальше. Но нежелающие сдаваться империалисты изо всех сил стремятся ядом своего гниения отрввить молодой организм Красной Армии. Тщетные усилия!

Разумеется, измены отдельных командиров наносят армии существенный ущерб. Но они не могут уже серьезно потрясти ее могущества. Военный аппарат, который создал рабочий класс, достаточно гибок и крепок, чтобы справиться с последними покушениями издыхающего зверя. Соединенными силами солдат, комиссаров и самого командного состава измена и предательство будут раздавлены.

Прежде всего в этом заинтересовано подавляющее большинство честного командного состава. Оно, это большинство, имеющее уже столько заслуг пред советской страной, не позволит отдельным негодяям вгонять отравленные занозы в тело нашей армии и сеять паническую подозрительность против командного состава в целом. Рука об руку с комиссарами наши командиры извергнут из своей среды жалких наемников и предателей.

Широкий прилив коммунистов в армию должен сразу повысить ее сознательность. А в конце концов о сознательность рабочих и передовых крестьян разбивались и будут разбиваться все происки наших врагов.

Агенты империализма пытаются разложить нашу армию, — **ближе к красноармейской массе!** — таков будет наш ответ. Не только из центра, но и из фронтовых отделов и управлений, из управлений армейских и даже дивизионных нужно лучших работников, закаленных пролетариев-коммунистов направить в низы, в полки, баталионы, роты, в эти основные ячейки революционной армии.

Напрячь все силы, углубить работу, подтянуться,—такова наша программа действий!

Командир, который с рвением относится к делу,—предан армии и его не подкупишь. Командир, который небрежен, нерашлив, — либо предатель, либо кандидат в предатели. Его нужно беспощадно вышвырнуть вон.

Комиссар — политический руководитель и вдохновитель полка. Солдаты и командиры у него на учете. Он всегда бодрствует на страже интересов рабочей революции. А если комиссар не таков, он должен быть немедленно смещен.

Коммунистические ячейки должны снова и снова проверяться и очищаться на опыте борьбы.

Таков был наш путь до сих пор. Таким он останется и впредь. Мы только удвоим свои силы теперь, когда временные неудачи на двух фронтах вызывают новые вспышки измены и предательства.

Если не справился с нами разбойничий империалистский булат, то не справится с нами и предательство англо-французского злата.

17 июня 1919 г.
Воронеж — Курск.
«В пути», № 54.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 27 июня 1919 г., № 118, гор. Воронеж

Из среды мобилизованных в последнее время инструкторов ко мне поступают нередко ходатайства об освобождении и возвращении к месту прежней службы. В такого рода ходатайствах заключается обыкновенно указание, что Советская Республика придет в полное расстройство, если данный мобилизованный инструктор не будет возвращен к месту прежней службы. Подобные ходатайства и домогательства являются неуместными и по существу дела непристойными. Каждый из нас, т. е. прежде всего, каждый из красноармейцев, гораздо охотнее работал бы в качестве мирного пахаря, кузнеца, ткача или токаря и тем способствовал бы повышению благосостояния и развития нашей страны и всего человечества. Но хищный буржуазный враг пытается схватить рабоче-крестьянскую страну за горло и задушить ее. В этих условиях каждый мирный труженик обязан защищать свободу, независимость и будущность трудового народа. Мобилизованные инструкторы должны показать пример мужества и твердости в борьбе, а не стремиться отлынивать от исполнения тяжкой, но непреложной воинской обязанности.

Предупреждаю, чтобы никто ко мне с подобными ходатайствами впредь не обращался, иначе буду имена ходатайствующих опубликовывать во всеобщее сведение, как имена граждан, стремящихся легальным путем превратиться в дезертиров.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 9 июля 1919 г., № 121, ст. Воронеж.

В связи с предательским заговором части командного состава на Петроградском фронте [35] в печати появляются статьи, которые истолковываются, как признак изменения советской политики в военном вопросе, в частности, по отношению военных специалистов. По докладам политработников, такого рода слухи широко распространяются в среде самого командного состава, порождая чувства тревоги и неуверенности. Посему считаю необходимым разъяснить: советская политика в военном вопросе остается неизменной, ибо она представляет собой не продукт вымысла отдельных лиц или групп, а результат коллективного опыта многих сотен тысяч рабочих и крестьян.

Честные командиры Красной Армии, — а таких подавляющее большинство, — по прежнему будут пользоваться доверием и поддержкой Советской власти, как ценные ее сотрудники на наиболее ответственных постах.

Командиры должны уметь повиноваться.

На одном из украинских участков южного фронта командир стрелковой бригады отдал приказ командиру подчиненного ему кавалерийского полка выслать на фланг некоторое количество всадников. Командир кавалерийского полка ответил: «у меня нет для вас кавалерии, и у вас есть целая бригада пехоты». Этот случай характеризует такую систему отношений, при которой серьезных и прочных побед не может быть.

Приказ выслать кавалеристов был отдан от имени командира бригады начальником штаба бригады — бывшим подполковником, скромным, но добросовестным работником. Командир кавалерийского полка считает себя несомненно «коммунистом», — иначе он вряд ли решился бы на такой наглый ответ. В некоторых углах командиры-коммунисты (то-есть лже-коммунисты) считают для себя все позволенным, особенно, когда имеют дело с начальниками не коммунистами. Это безобразие нужно вывести, и чем скорее, и чем беспощаднее, тем лучше.

Командир-коммунист должен быть образцом дисциплины. Дисциплина означает известную сознательную связь и подчиненность между людьми, стремящимися к одной цели. Командир полка, который вместо исполнения боевого приказа отвечает наглостью высшему начальнику, помимо всего прочего, никогда не установит необходимого подчинения в среде своего собственного полка. Самодуры могут запугивать, но они неспособны установить устойчивый порядок.

Под приведенным ответом командира кавалерийского полка была только его собственная подпись. А где же подпись комиссара? Если бы в полку был хороший дисциплинированный комиссар, то он не только отказался бы подписать такого рода дезорганизаторский ответ, но потребовал бы от командира полка немедленного выполнения боевого приказа, а в случае отказа командира полка — тут же арестовал бы его. Очевидно, в данном случае комиссара не было на-лицо, а командир кавалерийского полка, считая себя коммунистом, не сообразуется ни с какими правилами и нарушает боевой приказ, даже не сообщая об этом комиссару.

Впрочем, может быть, в этом полку вовсе нет комиссара, так как кое-где думают, что комиссары нужны только при «военспецах». — Грубое заблуждение! Комиссар полагается во всяком полку. А надзор за некоторыми «революционнейшими», на словах, командирами нужен не менее, чем над сомнительными «военспецами».

Командир-коммунист для нашей Красной Армии всегда является драгоценнейшим приобретением. Но только он должен быть подлинным коммунистом, т.-е. человеком долга и дисциплины с ног до головы. У нас, однако, осталось в командном составе еще значительное число таких командиров, которые требуют безусловного подчинения себе, но совершенно не подчиняются своему непосредственному начальству. При этом они ссылаются либо на свою партийность, либо на какой-нибудь особый мандат от авторитетных советских работников. Такого рода лже-коммунисты вреднее для армии, чем худшие предатели из белогвардейского офицерства: предатель причинит армии материальный вред, перебежит на сторону врага, и только, а лже-коммунист отравит сознание своей части преступной демагогией. Не выполняя приказа, он будет бахвалиться своей «партийностью», горланить об интересах революции и в то же время предательски подрывать единство действий.

Не все махновцы принадлежат к анархистам: некоторые ложно считают себя коммунистами. Махновцы под коммунистическим флагом гораздо опаснее, чем под анархистским или лево-эс-эровским.

Только очистив Красную Армию от дезорганизаторов, мы обеспечим ее полную устойчивость в бою.

18 июля 1919 года.
Ст. Ворожба.
«В пути», № 64.

А. П. Николаев.

Вечная память Красному Генералу.

На нарвском фронте командовал одной из наших бригад бывший генерал старой армии Александр Панфилович Николаев. Во время наших неудач под Ямбургом товарищ Николаев вместе с другими попал в плен к разнузданному белогвардейскому бандиту Балаховичу. Несколько сот человек были расстреляны и повешены этим последним в Ямбурге. В числе замученных контр-революционерами оказался и комбриг товарищ Николаев. Местные граждане сообщили товарищам, посетившим Ямбург, и в том числе товарищу Зиновьеву, подробности о смерти товарища Николаева, рисующие его подлинным героем. Бывший генерал царской армии не только не отрекся от своей связи с нашей Красной Армией, наоборот,— бросил вызов в лицо своим палачам и умер с возгласом: «да здравствует власть рабочих и крестьян».

Имя товарища Николаева при жизни его было скромным именем, известным только небольшому кругу лиц. Ныне это имя должно стать известно всей Красной Армии, всей стране. Товарищ Николаев был одним из тех представителей старого офицерства, которые душой почуяли глубокую правду рабочего движения и навсегда породнились с делом Красной Армии и рабоче-крестьянской революции.

Тело товарища Николаева найдено и будет в скором времени перевезено в Петроград, геройский пролетариат которого и красный гарнизон отдадут почести праху красного генерала.

Вечная память Александру Панфиловичу Николаеву в сердцах трудящихся масс.

5 октября 1919 г.
г. Орел.
«В пути», № 87.

О военспецах.

Близится вторая годовщина советского строя, и эта вторая годовщина в разгаре жестокой гражданской войны. Однако, истекший год не прошел даром: он уяснил всем, кто и за что борется, каков исторический смысл Советской власти. Всем, кто не слеп, этот год показал, что Советская власть не есть случайное и временное явление, а порождение глубокой исторической необходимости.

Старое кадровое офицерство вошло в эпоху Советской власти, в подавляющем большинстве своем, без знания азбуки социализма. Немудрено, если первый период Советской власти внес величайшую смуту в головы офицерства. Привиллегированные и титулованные верхи офицерства искусно пользовались этой смутой для вовлечения широкой, демократической офицерской массы в белогвардейские заговоры, восстания и прочее, превращая их, наряду с мобилизованными крестьянами, в пушечное мясо контрреволюции.

Вражда и подозрительность массы к кадровому офицерству являлась естественным последствием прошлой эпохи, когда каждый офицер, независимо от своего личного происхождения и своих политических симпатий, объективно, как офицер, неизбежно оказывался орудием в руках привилегированных классов. Преодолеть вражду и подозрительность к себе кадровое офицерство могло и может только одним способом: ставши безотговорочно на почву происшедшего переворота, признавши искренно, честно и до конца, что возврата к старому быть не может, и отдавши свои силы и знания делу борьбы за независимость нашей новой, стремящейся к полному возрождению, рабоче-крестьянской России. Этому, однако, мешали старые связи и старые предрассудки, искусственно разжигавшиеся политическими агентами буржуазии. Последствием этого было вовлечение офицерства в ряд авантюр, заговоров, восстаний и бессмысленная гибель многих сотен и тысяч его.

Правда, одновременно с этим, очень значительное число кадрового офицерства отслоилось от белогвардейского стана и служит на советской территории, в советских учреждениях, главным образом, в Красной Армии. Однако же и в этой части офицерства нет ясности и договоренности в отношении к советскому строю, — далеко не всегда наблюдается необходимая честность и прямота. Значительная доля вины в этом коренится в непонимании офицерством смысла происшедшего переворота и тех перспектив, какие он открывает.

Офицерство, вместе со многими другими категориями интеллигенции, не давало себе в первое время труда понять смысл Советской власти, ибо считало ее недолговечной. Сейчас не бесполезно было бы перелистать буржуазные газеты 1917—1918 г. с их непрерывными предсказаниями неизбежного и близкого крушения Советской власти. Наступление Краснова с Керенским на Петроград в октябре 1917 г., восстание Каледина, Алексеева, Дутова, Краснова, наступление немцев после первого Бреста, восстание чехословаков, захват англо-французами Мурмана и Архангельска, японский десант во Владивостоке, нападения Румынии, ярославское восстание, англо-французский десант на Черном море, —каждый из этих фактов, и много других, давали повод к все новым и новым настойчивым пророчествам близости и неизбежности крушения советского режима. А между тем, сколько за это время произошло изменений, сколько пало за границей правительств. уже не говоря о министерствах,— Советская же власть не только устояла в этом водовороте мировых событий, но и стала несравненно сильнее, чем была.

Два года назад мы начинали с небольших добровольческих отрядов, теперь у нас могущественная армия; два года назад нам противостояли могущественные армии империализма, за это время германская и австро-венгерская армии сошли со сцены, английская и французская не только демобилизуются, но и внутренно разрушаются, подкопанные духом восстания. Недаром Деникин писал Колчаку о том, что «Англия и Франция заболели русской болезнью».

Наконец, в самое последнее время предсказания относительно близкого крушения Советской власти особенно сгустились, в виду трудного положения на фронтах. Всего несколько недель тому назад южный фронт представлял для нас величайшую угрозу. С запада войска польской буржуазии двигались, через Смоленск и Могилев, на Москву. На востоке наше наступление на Сибирь приостановилось, и мы стали откатываться назад. Петрограду грозила, со стороны Юденича, смертельная опасность... Эти успехи были достигнуты врагами, благодаря неустанной работе английского золота и английского оружия. Против нас было брошено все, что можно было мобилизовать при помощи подкупа, лжи, натравливания и террора. Но достаточно было трудящимся массам ощутить грозную опасность, чтобы нашлись достаточные силы для решительного отпора. Ныне мы наступаем на юге; Юденич отброшен от Петрограда; на востоке мы продолжаем гнать и бить Колчака; на севере англичане сами покинули Архангельский край. Из великого поединка с объединенными силами милитаризма мы выходим победителями. Кто пророчил нам смерть,—тот либо погиб, либо близится к гибели. А мы живем и крепнем.

Стало быть, советский строй не есть временное или случайное и скоропреходящее явление. И буржуазный строй милитаризма, свободы торговли и наемного труда казался крепостникам, при своем зарождении, случайным и кратковременным, закоспелым. Но крепостники вымерли, а буржуазный

строй развился. Так ныне и с советским, коммунистическим строем. Он пришел на смену буржуазному. Он сломит все сопротивления на своем пути. Кто не хочет итти с ним в ногу, тот будет отброшен, раздавлен и уничтожен. Светлейшие князья Ливены и авантюристы, как Колчак и Деникин, мечтающие о короне, не могут, разумеется, примириться с новым строем, как крепостники не могли мириться с освобождением крестьян. Но массовое офицерство, рядовые труженики могут и должны примириться с советским режимом. Для этого им нужно только понять, что этот режим есть непреложный и длительный факт истории, что в рамках его им придется жить, работать и воспитывать своих детей.

Одной из простейших и в то же время сильнейших причин, отталкивающих офицерство от советского режима, является трудность материального существования: непрерывные затруднения с квартирой, с хлебом, с дровами, со средствами сообщения и пр. советский строй представляется в виду этих фактов, как строй скудости, бедности, граничащей с нищетой. На самом деле это величайшее заблуждение. Всероссийское разорение досталось нам по наследству от царизма и войны. Это разорение усугубляется гражданской войной, т. е. новыми атаками буржуазных агентов, с целью повернуть колесо истории назад. Современный коммунизм, в отличие от первобытно-христианского, вовсе не означает равенства в нищете. Наоборот, развитие коммунистического строя предполагает могущественный расцвет производительных сил промышленности и сельского хозяйства, техники, науки, всех видов искусства. Голодный паек и холодное жилье—это не коммунизм, а бедствие, порожденное преступлениями мирового империализма. Советский строй стремится обеспечить всем и каждому сытость, тепло и уют. Осуществимо ли это? Конечно. Дайте нам два года мирного труда, сосредоточения всех сил, всей энергии, всего энтузиазма не на гражданской войне, а на хозяйственном творчестве—и мы не только общими силами залечим зияющие раны народного организма, но и сделаем могущественный шаг вперед во всех направлениях.

Осень 1919 г.
Из архива.

Красная Армия в освещении белогвардейца.

В руки советских властей на восточном фронте попал доклад, представленный бывшим командиром бригады N дивизии Котоминым белогвардейскому колчаковскому начальству, к которому Котомин перебежал. Доклад представляет собой документ исключительной поучительности во многих отношениях.

Подбор белогвардейцев.

Котомин, как видно из доклада, человек не глупый, не лишенный наблюдательности и характера. К Советской власти он относится с острой враждой. Принципиальных причин этой вражды Котомин в своем докладе не называет, но в таких принципиальных причинах он и не ощущает потребности. Ненависть у него чисто органическая, классовая, бытовая. Какого происхождения Котомин, мы не знаем, но совершенно ясно, что навыки жизни, приемы мысли буржуазно-дворянской среды пропитали его насквозь. Идеи коммунизма его не интересуют. Он, как ясно по всему, совершенно не ставит перед собой вопроса о том, осуществим ли коммунизм, станет ли людям лучше, легче жить при коммунистическом строе и прочее. Зато он твердо ощущает и знает, что господство коммунистической партии нанесло великий ущерб тем привилегиям, которыми он и ему подобные жили и питались, и он относится с величайшей ненавистью к коммунистам, и ненависть его тем ожесточеннее, чем сознательнее, бескорыстнее, самоотверженнее данный работник коммунист.

Котомин состоял членом союза национального возрождения [36]. В Красную Армию он вступил (из доклада не вполне ясно, добровольно или же по призыву) с тем, чтобы вносить разложение в ряды революционных полков. Впрочем, может быть, Котомин здесь задним числом прикрашивает свое прошлое перед белогвардейским начальством. Для штаба переданной ему бригады Котомин подбирает белогвардейски настроенных офицеров. «Желая сформировать штаб из числа бывших кадровых офицеров, состоящих в оппозиции большевикам, и имея сведения от союза национального возрождения, членом которого я состою, к кому мне обратиться в Туле, я сразу же взял на должность начальника штаба подполковника Нелидова (10-го Ингерманландского полка), который, состоя в тульской секретной организации, командовал батальоном добровольцев». И в дальнейшем Котомин настойчиво подбирал для своего штаба белогвардейцев и снюхивался с ними в выше стоящих штабах.

Антисемитизм.

В подборе нужных ему элементов Котомин с первых шагов сталкивается с комиссарами. В своем докладе Котомин с чрезвычайной тщательностью выделяет комиссаров-евреев и в самой подчеркнутой форме демонстрирует свою к ним ненависть.

Над этим вопросом не бесполезно остановиться в нескольких словах. Евреи-комиссары далеко не составляют такого крупного процента, как это изображают белогвардейские доклады, листки и газеты. Но несомненно все же, что процент этот достаточно значителен. Котомин, подобно многим другим антисемитам, причины значительного числа евреев-комиссаров видит в особенных способностях и дарованиях евреев. Он раза два говорит об их «большой талантливости». На самом деле такая оценка еврейства решительно ничем не вызывается. Факт, что евреи являются населением преимущественно городским и в составе городского населения представляют собой весьма крупную часть. Режим царизма, создавший для еврейства тягчайшие условия существования, толкал не только еврейских рабочих — наряду с русскими рабочими, но и интеллигентски-мещанские элементы еврейства на путь революции. Среди не малочисленных евреев-коммунистов последнего призыва есть не мало таких, коммунизм которых исходит не столько из социального, классового, сколько из национального источника *). Конечно, это не лучшие коммунисты, и организация Советской власти опирается не на них, а на закаленных в старом подпольи питерских и московских пролетариев.

Антисемитизм есть не только ненависть к еврейству, но и трусость перед еврейством. У трусости глаза велики, и она наделяет врага совершенно неприсущими ему чрезвычайными качествами. Общественно-правовые условия жизни еврейства достаточно объясняют его роль в революционном движении. Решительно, однако, ничем не доказано и не может быть доказано, что еврейство даровитее великороссов или украинцев.

Затруднения для предателей.

«По прибытии бригады в Симбирск 18 апреля — докладывает Котомин — распоряжением штаба фронта начальником штаба был назначен еврей коммунист, окончивший красную академию генерального штаба, очень умный молодой человек 24 лет, окончивший в Лозанне или Цюрихе невропатологический институт. Красный генштабист был для меня элементом сверх-нежелательным, и я принимал все усилия к тому, чтобы от

*) Котомин приводит пример комиссара бригады еврея Ш., который «сумел устроиться» так, что на фронт с бригадой отправился не он, а другой комиссар. По наведенной нами справке, случай подтвердился. Но Котомин молчит о предании Ш. партийному суду. Партия не знает национальных различий, — как по отношению к героям, так и по отношению к шкурникам.

него избавиться. Развитой, умный, работоспособный, нахально-вызывающий, как вообще все евреи, он в конце концов обострил со всеми отношения и к величайшей моей радости я избавился от него в первых числах июня... После ухода В. должность начальника штаба снова занял подполковник Я., который, в силу обстоятельств, не мог перейти совместно со мною, так как его семья зарегистрирована, и его переход, почти с уверенностью можно сказать, повлек бы за собой в отношении ее самые тяжелые репрессии, возможно даже и до расстрела включительно. Надо вообще оговорить, что положение кадрового офицерства, связанного семьями и поступившего в Красную Армию, или добровольно для проведения определенной задачи — разложения большевизма, — или мобилизованного, до кошмарности ужасно. Я по поводу перехода имел беседы с моим командиром Н-го полка капитаном Л. и командиром Х-го полка К., начальником штаба подполковником Я., и все они только и мечтают о том времени, когда будут в состоянии встать в ряды одной из добровольческих армий, но в силу своей семейной связанности, таким образом, чтобы переход их носил характер попадания в плен, дабы избавить свои семьи от репрессий».

«До кошмарности ужасно», как видим из слов Котомина положение того офицера, который вступает в Красную Армию с невинной целью: разложить часть или предательски подвести ее под истребительный огонь противника или, покинув ее в минуту опасности, перебежать к белым. Покушаясь предательски на сотни и тысячи красноармейцев, люди, подобные Котомину, с негодованием обличают Советскую власть, которая делает за предателей ответственными их семьи.

Кадровое офицерство и Советская власть.

Как относится кадровое офицерство в оценке Котомина к Советской власти? «Почти все кадровое офицерство полностью — говорит он, — за редкими исключениями, будучи настолько сознательно и честно, чтобы ясно сознавать весь вред узурпации власти коммунистами-большевиками, всей душой рвется из Красной Армии и является их непримиримыми врагами». Однако же эта характеристика, сделанная явно на потребу белому начальству, в дальнейшем опровергается целым рядом фактов и указаний самого Котомина. Правда, Котомин называет ряд командиров, которые перебежали к белым или вели усиленную работу по разложению своих полков, но он же попутно дает и другие примеры. Так, Начдив В., при разговоре с Котоминым, «высказал ту мысль, что если он служит в армии, то считает своим долгом служить честно и закончил указанием на то, что беспартийности он не понимает, так как считает, что вопрос должен разрешаться так: «или с нами, или против нас». Вот командир полка, штабс-капитан Рякин, георгиевский кавалер, 24 лет, человек очень храбрый и решительный, недавно принявший полк, человек безусловно вредный, так как ревностно и рискуя на каждом шагу своей жизнью, несет свою службу.

Так, напр., он с 150 солдатами своего полка при взятии в ночь с 22 на 23 июля дер. Верхтечинское Метлино, не понес совершенно потерь ни убитыми, ни ранеными, взял в плен около 300 чел. 45-го полка, две кухни и пять пулеметов. Полк, хотя в нем и очень много коммунистов, исключительно держится Рякиным». Соседним полком командует капитан Л., который по отзыву Котомина «не может перейти к белым только потому, что связан ответственностью за семью». Далее доклад называет ряд командиров и работников хозяйственной части, которые либо перешли, либо хотели бы перейти на сторону Колчака. Но вот «командир дивизиона капитан Виноградов и его сын, состоящий адъютантом дивизиона, являются людьми безусловно вредными, отдаваясь своему делу со всей энергией». Точно также характеризует Котомин двух командиров артиллерийских взводов, Мухина и Боброва, как людей «безусловно вредных», т.-е. честно и энергично выполняющих свои обязанности.

Есть, наконец, и третий тип офицера, характеризуемый Котоминым, как, напр., бывший штабс-капитан Н., «в военном отношении мало подготовленный и нерешительный, всецело находящийся в руках своих комиссаров и штадива, в отношении которых держит себя крайне заискивающе». Рядом с ним другой такой же тип, бывший поручик, «крайне нерешительный и трусливый, но умеющий ладить с начальством, почему и состоит у такового в фаворе». Не приходится отрицать: есть и такие.

В заключительной части своего доклада, посвященной обобщениям, Котомин снова обращается к кадровому офицерству. «Все оно, — говорит он — «за крайне редкими исключениями враждебно относится к Советской власти, но должно быть разбито на несколько групп. Первая — самая незначительная, состоя в различных организациях активно борется с большевизмом, или работая в организациях или добровольно поступив в Красную Армию и всемерно стараясь разложить таковую и подготовить ее к перевороту. Вторая группа — самая многочисленная, забитая и безвольная, лишенная средств и в большей своей части мобилизованная, работает под неослабевающим наблюдением комиссаров и коммунистов довольно исправно, но не принося особой пользы, так как в душе только и мечтает о том, чтобы большевизм был так или иначе изжит. Третью группу составляет офицерство, которое так устало от всего и так мало устойчиво, что готово согласиться на какую-угодно власть только с тем, чтобы их оставили в покое и не мешали бы их личной жизни». Но далее Котомин вносит в высшей степени серьезную поправку к своей собственной характеристике политического настроения кадрового офицерства. «Настроение командного состава частей, прибывших на фронт из тыла» — говорит доклад — «почти у всех без исключения совершенно одинаковое — это желание перейти на сторону белых, чтобы избавиться от кошмара большевистского режима. Единственно удерживающим фактором является вполне основательное беспокойство за свои зарегистрированные у большевиков семьи, почему все с нетерпением ожидают хотя бы небольшого нажима

со стороны белых, чтобы переход имел, хотя бы приблизительную форму попадания в плен, дабы гарантировать свои семьи. Настроение же комсостава, в том числе и кадрового офицерства, фронтовиков, — диаметрально противоположно в виду непосредственной общности их интересов, как добровольно ранее вышедших на фронт, с интересами сохранения большевистской власти Советской России».

Таким образом, Котомин довольно резко противопоставляет фронтовое офицерство тем тыловикам, которые в последний период по мобилизациям сняты с разных советских должностей и отправлены в действующие части. Различие, установленное в докладе Котомина, несомненно имеется на лицо. В частях давно действующих на фронте командный состав составлялся в значительной мере из добровольцев, вступивших в Красную Армию в первый период ее формирования. Но и те командиры, которые мобилизованы были год тому назад и более по «офицерским» мобилизациям, успели в большинстве своем тесно связаться с Красной Армией и в большей или меньшей степени пропитаться ее духом. Активные белогвардейские элементы успели за это время сбежать к врагу, и в результате этого та часть командиров из среды старого кадрового офицерства, которая в течение года или более работает в Красной Армии, прошла с ней через неудачи и победы, представляет собой в высшей степени ценный элемент, связанный с армией не только вопросами жалованья и пайка, но и внутренней духовной связью, общими усилиями, общими жертвами. Офицер же, устроившийся на разных спокойных должностях в тылу, упорно и злостно уклонявшийся от мобилизации и все же мобилизованный, является на фронт нередко в ожесточенном настроении и представляет собой для белогвардейцев довольно благоприятный человеческий материал. С такого рода бригадой, сформированной в тылу и укомплектованной мобилизованным офицерством тыла, явился Котомин на восточный фронт. Самое обобщение Котомина насчет безраздельной почти враждебности кадрового офицерства к Советской власти должно быть отнесено, главным образом, к этим потревоженным тыловикам.

Генеральный штаб.

Котомин выделяет офицеров генерального штаба. «Надо полагать», — говорит он, — «что значительный процент из них состоит в союзе национального возрождения, но безусловно есть и такие, которые работают за совесть, оказывая огромную услугу большевизму. Хотя и знаю очень многих из офицеров генштаба, работающих в Красной Армии, но отнюдь не могу сказать об истинном характере их работы, что, несомненно, в будущем можно будет точно установить, так как сведения по этому вопросу, самые точные, имеются в национальном центре. В общем, можно сказать, что большинство старших офицеров генштаба пристроилось в тылу, только более молодые или добровольно, или по принуждению состоят на фронте».

Надежда Котомина на то, что удастся произвести точную политическую регистрацию офицеров генштаба при помощи национального центра, сейчас является устаревшей, так как чрезвычайная комиссия произвела не только достаточно полную «регистрацию», но и ликвидацию самого национального центра.

Унтер-офицеры и красные офицеры.

«Следующую категорию комсостава Красной Армии», — пишет Котомин после своей характеристики кадрового офицерства, — «составляет низший командный состав до ротных командиров, а на фронте даже помощников командиров отдельных частей из бывш. унтер-офицеров и даже рядовых. Категорию эту можно разбить на две группы — меньшую, безусловно преданную интересам коммунизма, с которыми она неразрывно связана личными интересами, и большую — преимущественно мобилизованную, почти враждебную большевизму. Обе группы этой категории в военном отношении слабо подготовлены, особой угрозы из себя представлять не могут».

«В числе командного состава всех категорий есть и люди партийные или сочувствующие, особенно на фронте, интересы которых настолько спаяны с интересами большевизма, что их безусловно приходится признать самым опасным элементом в Красной Армии.

«Есть среди командного состава и лица с известным прошлым, часто и уголовным, но они постепенно изгоняются из армии в виду признания властью их элементом опасным и нетерпимым.

«Что касается так называемых красных офицеров, то вся масса их представляет из себя людей малограмотных, хотя большей частью партийных, но мало устойчивых, со средней военной и общеобразовательной подготовкой, ниже ранее даваемой хорошими полковыми учебными командами».

Разумеется, в этой оценке факты преломляются сквозь призму белогвардейца, перебежавшего в лагерь Колчака. Мы увидим далее, что Котомин сам себя опровергает. Но и здесь есть верные указания. Несомненно, что среди мобилизованных унтер-офицеров попадается известный процент кулацких элементов, которым место в тыловом ополчении, а не на командных должностях. Несомненно также и то, что мобилизованные унтер-офицеры в составе сформированной в тылу части далеко не всегда отличаются необходимой боевой готовностью. Однако, на фронте большинство из них испытывает полное перерождение, выдвигая из своей среды не мало превосходных командиров, стоящих ныне во главе крупнейших соединений, до дивизии и конного корпуса включительно.

Типична для белогвардейского полковника презрительная оценка красных командиров. Несомненно, однако, что подготовка, какую дают курсы командного состава, является недостаточной, должна быть во многих отношениях усовершенствована и дополнена в дальнейшем командными курсами более высокого типа. Реформа, улучшение, развитие военно-учебного дела представляет неотложнейшую и важнейшую задачу.

Тыловые и фронтовые формирования.

«Между фронтовыми частями» — говорит Котомин — «и частями, формировавшимися в тылу, резкая разница. В первых значительное преобладание коммунистов. При общем составе красноармейцев-добровольцев кадрового офицерства в них почти нет, во вторых же большинство солдат мобилизованных, и командный состав преобладающий из кадрового офицерства. Первые более стойкие, вторые легко поддаются деморализации и менее стойки». Здесь затронут очень важный вопрос нашей военной политики, и мимо свидетельства Котомина никак нельзя пройти. Части, созданные или перевоспитанные на фронте, по его отзыву, несравненно устойчивее частей, сформированных в тылу. И это понятно. Что касается свежей красноармейской массы, то она способна сплотиться в боевую единицу только при условии соответственного боевого и политического руководства изо дня в день. В молодых свеже сформированных частях непосредственное значение командного состава несравненно выше, чем в старых обстреленных частях. И в этих последних бывают предатели, но их переход на сторону врага не разлагает части и даже редко причиняет ей сколько-нибудь серьезный ущерб. Другое дело свежие формирования, прибывшие из тыла. Хорошо сплоченная группа субъектов котоминского типа способна на первых же порах разрушить часть почти непоправимо. Тем важнее для новых формирований подбирать испытанный командный состав, хотя бы отчасти из командиров, прошедших через огонь Красной Армии на фронте. Тыловые формирования, постепенно с необходимыми предосторожностями (в частности по отношению к командному составу) вводимые в бой, быстро принимают окраску окружающей их войсковой среды и становятся боеспособными фронтовыми частями.

Комиссары.

Очень интересна та часть доклада, которая непосредственно посвящена работе в армии коммунистической партии и роли ее представителей. «Комиссары» — пишет Котомин — «это лучшие коммунисты, которых надо разбить на несколько категорий. Первая — самая незначительная, по моему мнению, отнюдь не превышает 5%, а может быть, составляющая процент более незначительный — это коммунисты идейные, глубоко верящие в идею социализма, энергичные до пределов человеческой возможности, работники, вкладывающие в свою работу все присущие им знания, энергию и волю, без использования выгод своего положения. Остальные 95%, а может быть, и больше, являются людьми, считающими коммунизм могущим им дать наибольшие выгоды, чем они всемерно пользуются. Здесь есть и рабочие, которые надеются через социализм улучшить свое личное положение, и крестьяне, конечно беднейшие, рассчитывающие за счет более достаточных построить свое благополучие, без затраты труда, и отбросы

прочих классов, преимущественно молодежи и неудачников, и, конечно, почти большинство еврейства, мечтающего совершенно не о проведении коммунизма в жизнь, а о захвате мировой гегемонии в свои руки».

«Роль комиссаров в армии огромная. Они поддерживают в солдатских массах классовый антагонизм, в боях лично и через свои коммунистические ячейки, все более и более получающие организацию, двигают части вперед, не спуская глаз, следят за работой командного состава и за их поведением в бою, ведут непрерывную агитацию, пользуясь каждым удобным случаем и всесторонне используя каждый мало-мальски выгодный факт в пользу оттенения преимущества, даваемых большевистским строем жизни. Что особенно поражает в комиссарах, особенно фронтовых, это их удивительная работоспособность. Объясняется это, конечно, их молодостью, фанатизмом вождей идеалистов — руководителей строгой партийной дисциплины, громадной ответственностью перед старшими комиссарами за всякие упущения, желанием выслужиться и боязнью доносов, так как слежка друг за другом у них самая упорная и беспощадная».

Не будем опять-таки ни на минуту упускать из виду, что доклад написан прожженным белогвардейцем предателем. Он делит комиссаров на две группы: 5% по его мнению — это бескорыстные идейные коммунисты; 95% — люди, заинтересованные в материальных плодах коммунизма. Эта классификация является на самом деле плодом буржуазного тупоумия. Под бескорыстными коммунистами Котомин понимает, очевидно, только выходцев из буржуазной среды, которые добровольно порвали в свое время с родительской семьей, с привилегиями положения и отдали свои силы делу рабочего класса. Что касается коммунистов-пролетариев, то их Котомин расценивает, как людей, которые «надеются через социализм улучшить свое личное положение». Разумеется, целью коммунизма является улучшение положения трудящихся масс, тружеников города и деревни. Коммунизм выгоден рабочему классу — это бесспорно. Но это вовсе не значит, что каждый рабочий-коммунист, сын угнетенного класса, погибающий на баррикаде, или комиссар в бою, сражается ради личных выгод. Бескорыстие его работы и нравственная ценность его героизма нисколько не ниже и не меньше, чем у выходца из буржуазной среды, завоевавшего для себя право бороться в рядах пролетариата.

Корыстные «коммунисты» (т. е. лже-коммунисты) — это те, которые руководствуются непосредственно личным интересом, примазываются к партии, потому что она является правящей, стремятся уклониться от трудных и опасных постов и ведут паразитический образ жизни. Совершенно очевидно, что после всех произведенных чисток число таких элементов никак не 95%. Вряд ли их наберется больше 5%, особенно в действующей армии. В сущности это чувствует и сам Котомин, ибо роль коммунистической партии была бы необъяснима, если бы идейно бескорыстные люди составляли в ней только 5%. Но тут в Котомине говорит ожесточенное классовое нутро, ненависть к пролетариату, оказавшемуся способ-

ным выдвинуть из своей среды многие десятки тысяч самоотверженных безымянных героев, стремление наделить своих врагов чертами мещанского своекорыстия, буржуазной жадности, чтобы тем самым оправдать и нравственно приподнять себя самого и свою белогвардейскую среду. Под давлением этой именно психологической потребности Котомин пытается противопоставить комиссаров фронта комиссарам тыла, изображая дело так, как если бы лишь небольшое, способное к самоотвержению меньшинство было целиком выделено на фронт. Это утверждение достаточно разбивается в ходе событий. Каждая новая опасность на фронте порождает прилив коммунистов в ряды действующих частей. На призыв центрального комитета никогда не бывает отказа. Наоборот: местные партийные организации покрывают наряд вдвое или втрое, а места выбывших из партийных рядов пополняются пролетарской молодежью, которая в атмосфере партийной организации скоро получает необходимый революционный закал. Петроград остается в этом отношении образцом.

Взаимоотношения комиссаров, командного состава, красноармейцев.

«Под давлением центра» — гласит доклад — «а также, видимо, в силу сознания того, что без кадрового офицерства коммунистам не обойтись отношение комиссаров, особенно более сознательных, особенно в последнее время, делается все более и более предупредительным, при чем даже предоставляется видимая свобода оперативных распоряжений. Параллельно с этим одновременно увеличивается тайная слежка, особенно за старшим комсоставом, доходящая до самых пределов. Например, комиссары помещаются с лицами, при которых они состоят, в одной с ними комнате, всюду сопровождают их, окружают их, как и вообще весь комсостав, преданными коммунистами, благодаря чему каждый шаг каждого из лиц комсостава точно известен как комиссарам, так и ячейкам. Одновременно с этим комиссары поддерживают и престиж комсостава, строго наказывая даже и комиссаров низших ступеней за демагогические выступления против комсостава».

«Стараясь быть безусловно популярными между солдатами, комиссары и коммунисты делают со своей стороны все возможное, чтобы привлечь массы на свою сторону: повышенными ставками, предоставлением солдатам всех возможных удобств и льгот, громадной выдержкой они постепенно добиваются того, что солдатские массы как бы привыкают к институту комиссаров и считают его защитником и хранителем интересов их во всех случаях. Бывшее ранее предубеждение против комиссаров и коммунистов у мобилизованных постепенно сглаживается. Объясняется это исключительно тем, что солдаты на фронте поставлены в очень хорошие условия, постоянно наэлектризовываются комиссарами несбыточными обещаниями, и, главное, конечно, отступлением белых, что они объясняют со слов коммунистов силой и правотой последних в настоящей войне».

Даже в белогвардейской окраске перебежчика работа комиссаров и коммунистических ячеек выступает перед нами во всем своем неизмеримом революционно-воспитательном значении. Ту тесную связь, какая создавалась везде между честными представителями командного состава и комиссарами, Котомин пытается изобразить, как искусственную предупредительность со стороны комиссаров. На самом деле тесное сотрудничество в боевой обстановке нередко приводит к глубокой взаимной привязанности. Сколько бывает случаев, когда при переводе командир или комиссар настойчиво ходатайствуют, чтобы их не разлучали. Улучшение взаимоотношений между комиссарами и командирами объясняется не только «давлением центра», сколько самым фактом отбора большого числа испытанных, на опыте проверенных командиров, которыми дорожит не только комиссар, но и каждый подчиненный им красноармеец.

В разных местах своего доклада Котомин говорит о преобладающем враждебном отношении мобилизованных (по преимуществу крестьян), к самому факту мобилизации и к Советской власти. Что политически отсталое крестьянство относится к мобилизации в Красную Армию без того подъема, какой видим у передовых рабочих — это бесспорно, но, перебежав в лагерь Колчака, Котомин сможет наглядно убедиться, как встречают белогвардейскую мобилизацию сибирские крестьяне. Если крестьянин вообще воюет неохотно, то там, где ему приходится выбирать между Советской властью и господством Деникина с Колчаком, крестьянин в подавляющем своем большинстве сознательно берется за советскую винтовку. Перерождение мобилизованных крестьян на фронте не только признается, но и ярко подчеркивается самим Котоминым. «Бывшее ранее предубеждение против комиссаров и коммунистов у мобилизированных постепенно сглаживается», — читали мы уже в докладе, — «солдатские массы как бы привыкают к институту комиссаров и считают его защитником и хранителем интересов их во всех случаях». Более яркого признания организующего значения комиссаров и всей вообще революционной воспитательной работы коммунистов в Красной Армии в устах белогвардейца нельзя себе представить.

Мы привели наиболее существенные места из доклада перебежчика. Таких Котоминых, заклятых врагов рабочего класса, не мало. Но враг подмечает нередко то, к чему у нас самих примелькались глаза. Вот почему внимательное знакомство с выводами белогвардейского доклада может принести существенную пользу ответственным работникам Красной Армии.

13 октября 1919 г.
Москва.
«Изв. ВЦИК» № 231.

По поводу бывших офицеров, еще остающихся в лагере белых.

Нападение шляхетской Польши на Россию окончательно обнаружило даже перед политически отсталыми элементами страны, что борьба белогвардейских генералов под лозунгом «Единая и Неделимая Россия» была и остается содействием расхищению и закабалению русского народа иноземными насильниками. Под влиянием этого нового урока в среде той части бывшего царского офицерства, которая еще остается в белогвардейском лагере, возникло стремление порвать с предательской, противонароднической, изменнической политикой Деникиных и Врангелей и отдать себя в распоряжение Советской власти в ее борьбе за освобождение и независимость трудового русского народа. По имеющимся у Советского правительства сведениям, это стремление бывшего офицерства встать на путь полного подчинения рабоче-крестьянской власти во многих случаях парализуется страхом ответственности за совершенные в прошлом преступления против трудового народа.

Рабоче-крестьянское правительство считает поэтому необходимым и своевременным заявить:

Все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от какой бы то ни было ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий Врангеля, Деникина, Колчака, Семенова и пр.

Настоящее сообщение публикуется во всеобщее сведение, дабы военные и гражданские советские власти строго руководствовались им во всех соответственных случаях.

3 июня 1920 г.
«Изв ВЦИК»

III.

ПЕРЕХОД К МИЛИЦИОННОЙ СИСТЕМЕ.

Программа милиции и ее академический критик.

Профессор нашей военной академии Свечин подверг критике программу милиции. Критика его должна показать, что милиция, вообще мало пригодная в военном отношении, несовместима с эпохой гражданской войны и представляет собой безжизненный пережиток демократической идеологии («Военное Дело», № 40 — 41).

Исходная точка зрения автора в высшей степени проста: милиция представляет собой вооруженное отображение всего народа, всех его классов и партий. Между тем в эпоху гражданской войны господствовать может только одна партия, один класс. Такого рода диктатура будет обеспечена тем более, чем дальше отстоит армия от милиционной бесформенности, чем полнее в каждом полку «закал своего корпоративного полкового духа».

Дееспособная армия немыслима без командного авторитета; милиционные же командиры, в качестве школьных инструкторов, никаким подлинным авторитетом располагать не будут.

Отсюда вывод: «верните казарме ее чудесные свойства, используйте ее качества для филигранной отделки красноармейца под тот тип, о котором скучают теперь на полях сражения, и вы увидите улыбки, вперед протянутые руки, посыплется хлеб и завертятся фабричные колеса».

Уничтожив таким образом милицию, профессор Свечин ставит перед собой дополнительный вопрос: почему же советские руководители армии не отказываются от милиционного идеала? За объяснением военный академик в карман не лезет: потому, видите ли, что они «не имеют решимости порвать с старой милиционной программой второго интернационала». Не угодно ли, как мы далеко шагнули вперед! А некоторые человеконенавистники огульно обвиняют военных специалистов в том, будто они не хотят проникаться началами нового миросозерцания. Правда, приходится признать, что из статей Свечина не вполне уясняется, сводит ли он счеты со вторым интернационалом в качестве тайного сторонника т р е т ь е г о, или же в качестве полуявного бонапартиста, и сейчас еще

стоящего на коленках перед лагерем Валленштейна [87] (см. его статью в «Военном Деле» № 15).

Но вернемся к военным и политическим аргументам против милиции. По Свечину, как мы слышали, милиция не может быть «красной», так как она отражает все классы и все течения страны. Но почему же это не относится к постоянной армии? Построенная на всеобщей повинности постоянная армия точно так же отражает все противоречия классового общества. Отбросив от власти имущих, пролетариат, в целях поддержания и упрочения своей диктатуры, сперва разоружил их, а затем не допустил в свою новую военную организацию. Профессор Свечин забыл мелочь: классовый характер Красной Армии, как и строго классовые основы всеобщего обучения военному делу: из обучения исключены все граждане, эксплуатирующие чужой труд, как и опорочившие себя в контр-революционном смысле.

Но милиционная армия не проходит через казарму с ее «чудесными свойствами». Милиция не способна дать своим полкам «необходимый закал корпоративного духа». Эта святая вера в самодовлеющую силу казармы кажется несколько несвоевременной у офицера старой русской армии— в 1919 году! Ведь никого и ни от чего не спасла эта «чудесная казарма» с ее способностью к филигранной отделке. И не только наша русская казарма не спасла, но и самая казарменная изо всех, наиболее продуманная, методически проведенная, законченная — германская казарма. Над этим, как будто, не хочет или не умеет подумать профессор Свечин. Про крушение второго интернационала он что-то такое слышал. Но про крушение казарменных армий не слыхал ничего,—просто по роду занятий не приходилось.

Свечин вспоминает вооружение партийных работников в июльские дни 1918 г. и делает отсюда заключение: «в период гражданской войны мыслима только партийная милиция, так как партия, ее нравственное воздействие и воспитание до известной степени заменяют казарму».

Это не так плохо сказано. Несомненно, что те лучшие, необходимейшие черты, которых Свечин ждет от казармы, воспитываются коммунистической партией: дисциплина, способность к согласованным действиям, подчинение своей личности коллективу, высокое самопожертвование. Что наша партия действительно давала и дает своим членам это воспитание, не нуждается в доказательствах. Но ведь она это делала и делает без казармы!

Более того; методы партии прямо противоположны тем методам казармы, которые хотел бы увековечить Свечин.

Казарма принудительна; партия — добровольный союз во всех отношениях. Казарма иерархична; партия — идеальная демократия. Свои ряды партия собирала в тягчайших условиях подполья, звала на самоотверженную борьбу, не суля и не давая наград. И сейчас, являясь правящей силой в стране, коммунистическая партия налагает на тысячи и десятки тысяч своих членов тягчайшую ношу, ставит их на самые трудные, ответственные и опасные посты. Партийная дисциплина, несмотря на все испытания, не поколеблена и непоколебима. Между тем узы партийности имеют чисто

добровольный, не принудительный характер. Партия прямо противоположна казарме.

Профессор Свечин как будто забыл, что революционная подпольная партия со своей добровольной дисциплиной вступила в борьбу с чудодейственной самодержавной казармой, победила казарму и вырвала власть из рук тех классов, которые опирались на отупляющие («чудесные») свойства казармы.

Если проведение всеобщего обучения сейчас невозможно, то ведь в той же мере и по тем же причинам невозможно сейчас широкое хозяйственное и культурное строительство. Мы вынуждены не только раздергивать организацию всевобуча, но и закрывать трудовые советские школы. Когда, подвергшись нападению в своей мастерской, я схватываю в руки ствол недоделанной винтовки, чтобы отмахнуться от бандита, то это вовсе не значит, что винтовка для этого дела непригодна или не нужна. Сейчас мне помешали ее доделать, но, проломив бандиту череп стволом, я винтовку доделаю и буду вооружен и защищен лучше.

Для того, чтобы перестроить наши вооруженные силы на милиционных началах и тем сделать их несравненно могущественнее, нам необходимо выгадать новую, более или менее длительную историческую «передышку». Это даст нам возможность и в области строительства вооруженной силы шире, полнее, систематичнее применить тот более длительный, более глубокий, более надежный метод, который, по признанию самого профессора Сечина, «до известной степени заменяет казарму», — метод коммунистического сплочения и воспитания. В период новой более длительной исторической передышки нынешняя красная армия выделит превосходные кадры для развития и упрочения всеобщего обучения и формирования милиционной армии.

Профессор Свечин прав, разумеется, когда говорит, что партия заменяет казарму только «до известной степени». Партия, как партия, не дает своим членам военного обучения, тогда как речь у нас идет именно об армии. Но никто не станет отрицать того, что 3.000 членов партии, пройдя в течение месяца - двух, курс военной школы («казармы»), превратятся в превосходный полк. В казарменном «в о с п и т а н и и» коммунисты, сознательные строители нового мира, не нуждаются. Им нужно только военное обучение, а так как, благодаря своей идейности и восприимчивости, они скорее схватывают то, чему их учат, то казарменный стаж для них сводится к чисто военной школе с коротким курсом. Но весь рабочий класс, весь трудящийся народ представляют собою не что иное, как могучие резервы коммунистической партии; отсталые слои поднимаются вверх, выделяя из себя все большее число сознательных, инициативных элементов. Революция пробуждает, учит, воспитывает... Невежество и тьма — неблагоприятные условия для милиции. Но в этом ведь и состоит основная историческая задача Советской власти, чтобы поднять трудовые массы из полуисторического прозябания, из убийственной тьмы, которую так долго

эксплоатировали, подвергая ее филиграниой казарменной отделке, возводя ее в перл создания. Если профессор Свечин думает, что коммунистическая партия пришла к власти для того, чтобы трехцветную казарму заменить красной, то, значит, он не весьма твердо усвоил себе программы всех трех интернационалов.

Соображение насчет того, что милиция не будет знать надлежащего командного авторитета, поражает своей политической слепотой. Разве нынешний командный авторитет в Красной Армии создан казармой? Об этом можно спросить любого строевого начальника. Авторитет командира сейчас опирается не на спасительные внушения казармы, а на авторитет Советской власти и коммунистической партии. Профессор Свечин попросту не заметил революции и того величайшего духовного переворота, который она произвела в русском рабочем человеке. Для него темный, пьяный, одурманенный католичеством и пораженный сифилисом наемник лагеря Валленштейна, парижский подмастерье, под руководством журналистов и адвокатов громивший Бастилию в 1789 году, саксонский рабочий, член социал-демократической партии эпохи империалистической войны, и русский пролетарий, взявший впервые в мировой истории в свои руки власть — это все приблизительно равноценное человеческое мясо для филигранной отделки в казарме. Но вед это же издевательство над человеческой историей?

Для создания милиции, объясняет Свечин, нужно, чтобы не было гражданской войны. А для создания постоянной армии? Гражданская война начинает с того, что разбивает армию, которая не выросла из гражданской войны, а предшествовала ей. Победоносная гражданская война создает новую армию, по образу и подобию своему.

Но разве гражданская война, в том узком смысле, как ее берет Свечин, т. е. классовая война в рамках одной и той же нации, представляет неизменный закон общественного существования? Гражданская война знаменует собою острый переходный период к новому строю. На смену ей придет вполне упроченное господство рабочего класса, который без внутренних помех будет развертывать свою хозяйственную и культурную работу, окончательно растворяя в органической ткани нового общества старые буржуазные элементы, не оставляя социальной почвы для других классов с их интересами и притязаниями. Завершив в основе эту работу, пролетарская диктатура растворится без остатка в новом коммунистическом строе, т. е. в гармоническом артельном обществе, которое всей своей организацией исключит самую возможность внутренних войн.

Коммунистический режим будет так же мало нуждаться в казарме для воспитания своих членов, как мало нуждалось в ней первобытное общество равных друг другу пастухов-охотников, для того чтобы сообща защищать свои пастбища, свою добычу и свои семьи от внешнего врага. Между коммунистическим общежитием и первобытным охотничьим родом пролегает бесспорно огромный исторический путь со всеми его завоеваниями. Но у этих полюсов есть нечто общее: первобытный род еще

не расчленен на классы; коммунистическое общество уже преодолело классовое расчленение. Противоположности интересов нет ни там, ни здесь. Поэтому в минуту опасности добровольное и сознательное участие в борьбе всех членов общежития, обученных военному делу, обеспечено заранее, без искусственного «корпоративного» духа.

Развитие коммунистического строя будет итти параллельно с ростом духовного развития самых широких народных масс. То, что в прошлом давала партия преимущественно передовому слою трудящихся, чем дальше, тем больше будет давать всему народу сама организация общества, во всех его внутренних взаимоотношениях. Если партия в том смысле «заменяла» казарму, что давала своим членам необходимую спайку и делала их способными к самоотверженной коллективной борьбе, то коммунистическое общество будет обладать этой способностью в несравненно более объемлющей и высокой степени. Корпоративный дух, в широком смысле, — есть дух коллективизма. Он создается не только казармой, но и хорошо поставленной школой, особенно если она связана с физическим трудом; он создается артельным началом труда; он создается широко и целесообразно поставленным спортом. Если дать опору милиции в естественных профессионально-производственных группировках нового общества, сельских общинах, коммунальных коллективах, в фабрично-профессиональных объединениях, в трудовых землячествах, связанных единством школы, спортивных союзов и трудовой обстановки, то такая милиция будет бесконечно более богата «корпоративным» духом и при том духом более высокого качества, чем полки казарменного происхождения.

Сам Свечин знает пример «боеспособной» милиции. Это «германский ландвер» (эпохи 1813 — 1815 гг.), когда вся Германия была охвачена одним чувством, когда стоял полнейший гражданский мир, профессора и студенты массами наполняли ряды «ландвера» и прочее, и прочее... Немецкий пример профессор Свечин приводит в доказательство того, что боеспособная милиция требует высокого уровня народного развития. Это, очевидно, нужно понимать в том смысле, будто уровень народного развития в России 1919 года ниже, чем в Германии 1813 года. Трудно представить себе утверждение более чудовищное, более карикатурное, более исторически невежественное! Несколько тысяч немецких студентов застилают от глаз военного профессора темноту, невежество, рабство, политическое и духовное, рабочих и крестьянских масс Германии начала XIX столетия. А те несколько буршей, с которыми Свечин, в силу буржуазно-интеллигентского склада мысли, отождествляет германский народ, были по своему развитию бесконечно ниже десятков и сотен тысяч передовых русских рабочих. Правда, бурши знали неправильные греческие глаголы, но о законах, управляющих развитием человеческих обществ, они знали меньше, чем иные профессора военной академии. А это убийственно мало.

Профессор Свечин прав в том отношении, что в Германии 1813 — 1815 гг. не было гражданской войны. Передовые элементы буржуазии

отражали тогда интересы всех дремавших или полудремавших классов немецкого народа в борьбе против внешних завоевателей. Война была освободительной; буржуазия выполняла прогрессивную роль. Она имела за собою поддержку активную или пассивную народных масс.

Но поднять разоренное хозяйство, восстановить и развернуть промышленность, сделать ее продукты доступными крестьянину, установить правильный хозяйственный обмен между городом и деревней, дать крестьянину ситец, подкову, врача, агронома и школу, — это ведь и значит обеспечить глубочайшую связь деревни с городом, теснейшее единодушие народных масс страны. Для этого необходима длительная передышка. В течение ее пролетариат добьет остатки капитализма, поднимет производство, обеспечит единство трудового народа и тем самым создаст наиболее благоприятные условия для милиционной армии.

Необходимо своевременно разрабатывать и подготовлять ее военно-технические элементы. Ибо милиция не есть импровизация. Совершенно прав Свечин, что германская милиция 1813 года только через полтора-два года стала вполне боеспособной. Но разве эта милиция была организованной, подготовленной, основанной на серьезном обучении народных масс военному делу? Нет, она целиком основывалась на порыве, импровизации. Кто под этим углом зрения глядит на милицию, тот естественно не доверяет ее боеспособности. Но милиция не импровизация. Коммунистическое ополчение и его предтеча — классовое ополчение — должно быть подготовлено и организовано со всей тщательностью регулярной армии.

Но в таком случае, для чего эта будущая армия? Ведь «советское правительство, — как с неуместной шаловливостью пишет Свечин, — дало обет никаких других войн, кроме гражданских, не вести». Конечно, мы «дали обет» не вести войн насильнических, захватных, грабительских, империалистических. Мы никогда не служили и не собираемся служить интересам династий, привилегированных сословий, или капитала. Но это значит, что, добив эксплоататоров и установив трудовой порядок в своей стране, рабочий класс России, со всем напряжением своих сил, героизмом и энтузиазмом будет защищать новый порядок от всех внешних покушений, и, если понадобится, пойдет на помощь восставшему классу другой страны, чтобы помочь ему добить его буржуазию.

Ход развития революции в Европе может дать нам передышку на год-два-три и более. Предрекать трудно. Пути истории в наступившую эпоху менее всего прямолинейны. Данный нами Западу революционный толчок может через три-пять-десять лет вернуться к нам в виде империалистического наступления американского или японо-азиатского капитала. Развивая и упрочивая новый хозяйственный строй, нам необходимо будет на его основе строить и упрочивать новую систему вооруженной силы — милиционную армию. Кадры нам обеспечит нынешняя Красная Армия. Участие казармы будет сведено к строго необходимому минимуму. Воспитание в духе дисциплины и солидарности будет давать гармонически

построенная общественность, которая впитает в себя и превратит в учреждения идеи коммунистической партии.

Шуточки профессора Свечина по поводу несовершенства «всевобуча» стоят не дороже, чем все вообще мещански-интеллигентские шуточки по поводу производственных, транспортных, продовольственных трудностей и противоречий коммунистического строительства в ужасающих условиях наследия империалистической войны и мирового окружения. Но поистине бессмертной является попытка военного академика разъяснить, что мы держимся за милицию только потому, что еще недостаточно разделились с идеологией второго интернационала. Мы очень опасаемся, что почтенный профессор слишком неосторожно забрался в область, ему несколько чуждую, ибо есть слишком много оснований полагать, что различие между вторым и третьим интернационалом наш автор усвоил по некоторому политическому всевобучу, с весьма сокращенной, против 96-часовой, программой.

5 августа 1919 года.
Журн. «Военное дело», № 25 (54).

Строительство красной вооруженной силы.

Речь на диспуте в Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой войны 1914—1918 гг. — 28 ноября 1920 г. [82].

На диспуте бросилось в глаза одно сравнение: как строительство нашей Красной Армии аналогично с таковым же строительством русской армии в первый период Великой Северной войны. Как раз недавно мне пришлось читать некоторые сочинения, посвященные этой эпохе, и я поразился аналогией. Ее можно найти, если сравнить первоначальные стадии одного и того же процесса. Петр строил армию заново, или почти заново. Мы тоже. В самом подходе к строительству были попытки рационализации, то-есть строительства не по традиции, а по разуму, — это прежде всего поражает сходством; попытки пропитать разумом новое строительство не всегда приводили, однако, к результатам благоприятным, случались крупные ошибки и тут, и там.

Надо отметить, что не столько Петровская армия сходна по строительству с Красной, сколько, вообще, весь период перехода к постоянным армиям в Европе в XVI — XVII вв. имеет общие черты с переживаемым временем. Необходимость в постоянной армии дала возможность создать армию регулярную с длительной выучкой. Эта регулярная армия на первых порах казалась самодовлеющей, к ней приспособились, строили по ней тогдашнюю линейную тактику.

То, что поражало в период младенчества Красной Армии, из которого она еще не вышла, — тактическая неподвижность, страх обхода флангов, — было типично и для XVIII столетия. Чем это объясняется? Тем, что наше индивидуальное развитие, — я под индивидуумом понимаю армию, — идентично развитию видовому, типическому. Младенец, развиваясь, являет собою типическую картину развития всего человечества, только в сокращенном масштабе. Человек в первобытную эпоху ползает на четвереньках, и только постепенно накопляя опыт, становится на ноги. То же и при строительстве армии. Петр начал сначала. Мы тоже начали сначала и проделали историю развития всякой армии вообще: от партизанства перешли или переходим к регулярной армии. Было бы весьма интересной задачей — проследить по эпохам, по столетиям развитие военного искусства и выделить типические черты перехода от одной эпохи, от одного столетия к другому.

С научной точки зрения сравнение нашей эпохи с эпохой Великой Северной войны не есть сравнение случайное или произвольное: оно

научно обосновано, хотя и имеет весьма узкий предел. Объясняется это тем, что мы снова воспроизводим на себе известную стадию развития Петровской армии. Можно найти, например, интересную аналогию в отношении к специалистам. При Петре ими были иностранцы; народные массы той эпохи ждали, что их обманут, предадут и т. п. В переживаемый период, в силу раскола, существовавшего между старой и новой армиями, явилось недоверие, которое постепенно изживается, по мере того, как новые военные вожди, выдвинутые самой массой, испытывают потребность учиться у спецов и, благодаря этому, уважать их. При Петре воеводы учились у иностранцев и, благодаря этому, научились уважать их. Подобных аналогий можно привести много.

Перехожу к вопросу о том, как строится армия во время самой войны. Самым причудливым образом этот вопрос соединился в некоторых речах ораторов с вопросом о милиции; при этом слово «милиция» употребляется совершенно произвольно. Один из ораторов милицию отождествил с «махновщиной». Аналогию между нашей эпохой и Петровской найти можно, но как сравнить «махновщину» с милицией — этого я никак понять не могу. Что такое милиция? Если ее противопоставить регулярной армии, то какие свойства у последней? Казарменная длительная выучка, известная психологическая спайка, автоматизм. Раз этого у Махно нет — стало быть, говорится, налицо — милиция. Но, позвольте, милиция строится не только по отрицательным, но и по положительным чертам. Подойдем иначе. Тут приводились цифры. Первоначально было два корпуса, затем стало значительно больше, значит был какой-то материал, из которого они выросли. Может быть последующие контингенты не проходили казарменной выучки в полном объеме, или проходили, но давно, и эта выучка выветрилась. Стало быть и тут на $^2/_3$ — милиция. Если хотите понимать милицию в неопределенном обывательском смысле, как армию наспех сколоченную, не проведенную через казармы, вы будете правы. При таком понимании все армии в империалистической войне были милиционными и при этом на слишком тесной и ограниченной основе регулярной армии. Чего же мы хотим? Мы хотим создать прямо противоположное, а именно регулярную армию на милиционной основе. В царской армии в плен сдалось свыше 3-х миллионов солдат. Что это за регулярная армия, в которой сдается в плен такая масса? Это не регулярная армия, а худший вид милиции, не сколоченные стада с винтовкой в руках. Лучшие полки первой очереди в плен таким образом не сдавались, там было иначе. Основа, кадры оказались слишком ничтожными, армия выросла из них. Предел в мировой войне это исчерпание всех рессурсов нации.

Здесь предлагалось создать сразу 75 корпусов, но еще лучше было бы всю нацию превратить в регулярную армию и создать другую нацию, которая кормила бы первую, но это неосуществимые мечты: разделение труда неизбежно. Кто то обрабатывает землю, кто то пашет, кто то воюет или готовится к войне. Германия дала максимум в смысле численности

армии. Франция за последний год войны дала еще больше. И что же? Этот самый фундамент оказался слишком тесным, и в первый же период войны производится разделение на активные и резервные полки. Несколько позже во Франции, когда резервные полки обстрелялись, стали беспособными, Жоффр уничтожил такое различие. Эти резервные полки были необученной массой, «милицией» в обиходном смысле этого слова.

Благодаря тому, что у немцев лучшие железные дороги, лучшие казармы и школы, — эта «милиция» у них была значительно полезнее, чем у нас при нашей бедности, отсталости, невежестве крестьянства и проч.

Чего же мы хотим сейчас. На основах милиции, как системы воспитания, создать регулярную армию. В связи с этим стоит вопрос о готовности к внешней и внутренней войне. На диспуте вопрос рассматривался слишком схематично. Выходит, будто наша Красная Армия приспособлена лишь для внутренней борьбы, и необходимо создавать особую армию для внешней. С этим невозможно согласиться. Возьмем эпоху Великой французской революции. Там армия создавалась почти так же, как наша. Почти так, — потому что перелом не был так глубок. Радикальная, но буржуазная революция развалила старую армию лишь на половину, и новая армия формировалась амальгамой со старой линейной, притом на основании всеобщей воинской повинности. Она создавалась на первое время для подавления внутренних восстаний; однако, одновременно происходили высадки англичан, войска направлялись в Вандею для подавления восстаний, — стало быть, армия существовала не только для внутренних задач. В первое время армия, как полагается, никуда не годилась. В процессе внутренней борьбы армия развернулась, окрепла и затем побеждала всю Европу.

Конечно, как армия Великой французской революции, так и наша армия должны были возникнуть вокруг какой нибудь идеи. Эта идея доступна верхам, но может охватывать и глубочайшие низы. Глеб Успенский нарисовал идеализированный тип старого солдата Кудиныча. Я говорю не о Штукатурове, который отличается автоматизмом мыслей и крайней бедностью личных переживаний, его дневник напоминает дневник Николая II: «ел, играл в карты», переживаний нет почти никаких. — Я говорю о Кудиныче, который, при отсутствии индивидуального сознания, был тем не менее прекрасным материалом в руках таких полководцев, как Суворов. Суворов знал недифференцированную психологию первобытной среды и совершал благодаря этому чудеса.

Однако, по мере развития новых отношений армия стала распадаться. Революционная армия начинает строиться вместе с гражданской войной, с революцией, вместе с разрушением старой армии. Гражданская война в Америке тоже началась со строительства армии. До этой борьбы армия в Америке насчитывала едва 10 тысяч регулярного войска. Аналогия поучительна и интересна даже в подробностях, как противоположность Се-

вера более реакционному Югу. Местные плантаторы и челядь, в условиях степей, развития скотоводства, представляли много общего с кулачеством нашего юга — Донской и Кубанской областей. Конницы у северян не было, и отсюда — перевес Юга в первые месяцы войны. В конце концов, северяне научились и стали бить южан.

Наша гражданская война по существу своему не представляет только внутренней борьбы, она имеет международный характер: Юденич не смог бы воевать, если бы не создал армии, похожей на наемные войска XVI—XVII столетий. Белогвардейцу Елизарову, по его личным показаниям, было очень тяжело, когда ему пришлось встречаться с Юденичем в конспиративной квартире, потому что англичане не позволяли встреч вне присутствия английского агента. Без иностранной помощи Юденич воевать не мог; у него в армии все иностранное, вплоть до летчиков. И если наша борьба не принимает открыто международного характера, то это только потому, что у Англии нет возможности двинуть свои войска против нас: она вынуждена подбивать финнов, латышей и вооружая их, науськивая, грозить оставить без хлеба, отрезать ото всего мира, если не будут воевать. Если бы Англия высадила свои корпуса в пределы Финляндии и Эстонии, разве это изменило бы картину гражданской войны? Нет, изменение коснулось бы только количества, прибавилось бы еще два-три корпуса и войну стало бы вести труднее. Но исторический смысл прежний: трудящиеся массы России борются против мирового империализма.

Мы вошли в эпоху, когда разграничение внешней и внутренней войны, гражданской и международной — стерлось. Международные связи натянуты предшествующим развитием слишком глубоко, народы близко связаны друг с другом в своей судьбе. Во всех странах, как сейчас и в нашей, буржуазия чувствует себя крепко связанной с английской буржуазией, с английской королевской властью; в то же время вы не найдете ни одного английского рабочего, который был бы против нас — они целиком за нас. Этот факт мирового нарастания поддержки исключает возможность непосредственной войны с ними. Таким-то образом внутренняя война незаметно и неизбежно переходит во внешнюю.

Выше было указано, что в каждой жизнеспособной армии существует нравственное начало. В чем же оно выражается? Религиозная идея для Кудиныча освещала идею царской власти, освещала его деревенский быт,— и это служило ему, хотя и первобытной, но нравственной идеей. В критический момент, когда пошатнулась старая вера, а новой Кудиныч не обрел — он пошел в плен. Изменение нравственной идеи повлекло за собою разрушение армии. Только наличие новой, основной идеи позволило строить революционную армию. Это не значит, что каждый солдат понимает, за что он сражается. Этого конечно нет. Рассказывали, что один эс-эр, бежавший на юг, на вопрос о причинах побед Красной Армии над белыми, ответил, что Красная Армия знает, во имя чего она сражается; что, конечно, не означает, что это знают все красноармейцы. И вот, благодаря

тому обстоятельству, что у нас больший процент сознательных людей, знающих во имя чего они сражаются, — определяется наличие нравственной идеи и, в результате, победа.

Дисциплина по существу есть принуждение коллектива, подчинение личности, индивидуума, подчинение автоматическое, унаследованное традиционной психологией, но у нас, вместе с тем, этим подчинением проникнуты и совершенно сознательные элементы, т. е. такие, которые знают, во имя чего подчиняются. Таких элементов меньшинство, но меньшинство выражает ту идею, которую чувствует вся окружающая масса. По мере проникновения идеи солидарности трудящихся масс, элемент не вполне сознательный, — а он составляет три четверти всей армии, — подчиняется идейной гегемонии тех, которые выражают идею новой эпохи. Более сознательные формируют общественное мнение полка, роты, последние неизбежно им подчиняются и, таким образом, дисциплина получает опору в общественном мнении. Без этого никакая дисциплина держаться не может, а тем более жестокая дисциплина переходной эпохи.

Петр при помощи дубинки строил столицу потому, что того требовало международное положение страны. И если бы он этого не сделал, общий перелом затянулся бы надолго. Давление более высокой техники Запада вызывало в передовых элементах народа чувство необходимости подтянуться, постричься, побриться, научиться новым приемам ведения войны. Петр, проводя новую моральную идею, действовал беспощадно. Народ страдал при нем, но все же вынес его на себе и даже через лучших людей поддерживал Петра. Широкие массы смутно ощущали, что происходящее — неизбежно, и поддерживали его. В этом смысле революционная армия не дает принципиального отличия от других армий. Всегда нужна нравственная идея, но с новым содержанием, отвечающим новому уровню, достигнутому человечеством.

Возвращаясь к милиционной системе, я бы прежде всего хотел, чтобы под словом «милиция» понимали не просто антитезу регулярной армии, а определяли бы ее более точно. Регулярную армию условились понимать, как армию постоянного характера, правильно организованную, с казарменной выучкой, с достигнутым благодаря этому психологическим автоматизмом, имеющим столь огромное значение. В противовес этому под милицией понимают наскоро сколоченные армии, без психологического автоматизма, действующие путем порыва или вовсе не действующие и сдающиеся в плен. В современных войнах, поскольку они неизбежны, нации не сдаются, пока не исчерпают всех хозяйственных, моральных и физических, в смысле человеческого материала, рессурсов. Вместе с тем, тот тип регулярной армии, который существовал до сих пор, отжил свой век; во время войны он заменяется худшим видом милиции: тем гермафродитом, который опирается на старую весьма узкую, организацию кадров.

Математические выводы, которые были здесь сделаны, неизбежны. С одной стороны, нужны, как тут говорилось, 75 корпусов, но, создавая

последние в мирный период, нужно базировать их на производственной основе, не отрывая людей на 3 — 5 лет от хозяйства и процесса производства, а это возможно лишь приблизив полк к пашне, к фабрике, к деревне, к округам: полковым, бригадным, дивизионным. Вот основная мысль об организации обучения, выполнение которой зависит уже от наших сил и средств и от той передышки, которую нам предоставит история. Над новой армией,— назовем ее пока «новой», шапку «милиции» наденем на нее после,— будем работать может быть 5 — 8 лет. За это время немного отдышемся, условия жизни станут легче, экономическая культура поднимется, завертятся фабричные колеса — станет, несомненно, больше рессурсов для построения армии. Внутренние брожения и волнения в таких условиях исчезнут.

Воспитание милиционной армии может быть доведено до среднего уровня регулярной армии. Начинать придется с 16-летних. На первые 10 — 15 лет громадное значение будет иметь допризывная подготовка и милитаризация школы. Ведь, что привлекает в хорошей армии? Точность исполнения и сознание ответственности: действуй за глазами начальства, как на его глазах! И наша задача состоит в том, чтобы пропитать весь общественный строй этим началом.

К нам недавно приехал один американский инженер, воспитанник Тэйлора, система которого, как известно, основана на точном учете движений трудящегося. Этот принцип, конечно, в армии составил бы величайшее ее достоинство, на нем, на этом основном принципе всей человеческой культуры: с наименьшей затратой энергии достигать максимальных результатов,— в сущности основана вся тактика. В Америке система Тэйлора имеет большое значение. Указанный инженер говорит, что систему Тэйлора можно развернуть в целом только при социалистическом строе. Вот эту-то идею и надо перенести в военную технику, в армию социалистического государства. И, раз нам угрожает враг, мы этой идеей военного воспитания, точностью и исполнительностью действий пропитаем все воспитание детей, молодежь, милитаризуя, в лучшем смысле слова, всю страну.

Что значит милитаризовать? Это значит привить готовность к ответственности и, следовательно, создать лучший тип культурного человека. Но скажут: если война случится через три года — мы не успеем. Я думаю, этого опасаться нечего. Если Англия не может воевать теперь, то через три года она будет расхлебывать такую горячую кашу, которой все Ллойд-Джорджи и Клемансо будут обжигать себе губы. Не до того им будет, чтобы нападать на нас! Хватит на несколько лет большой исторической бури, раскаты которой услышат тогда все. Может быть страны Востока пойдут войной против капитализма через 10 — 15 лет. Это гадательно, но это возможно. Если Антанта прекратит теперь свою войну с нами, то мы получим большую передышку. Если же нас вовлекут в войну, — допустим, через 3 года,—то милиционной армии мы не построим. Скажут: милиционной — не построим, а старую — утеряем. Нисколько.

Мы должны аппарат Красной Армии, ее кадры, приспособить к территории, к округам. При демобилизации мы должны иметь определенный план, приуроченный к основной милиционной системе, то есть выделить лучшие, здоровые, крепкие кадры, их территориально поместить так, чтобы они стали кадрами территориальных частей, включить туда, закрепить за ними определенное количество граждан соответствующих возрастов, чтобы на заводе и на фабрике гражданин чувствовал себя частью своего полка. Думает ли кто-нибудь, что при нынешней бедности мы могли бы в течение 5 лет содержать Красную Армию нынешней численности? Конечно нет, ни в коем случае. Ни одна страна, даже гораздо более богатая, чем наша, этого сделать не в состоянии. Но мы имеем то преимущество, что через острый период, период революции, мы уже прошли и демобилизуем солдат, которые не войдут в страну, как носители идеи возмущения, разрушения, как это будет в Англии, Франции, а солдат, которые, несмотря на всякие несогласия, которые были в Красной Армии, показали свой моральный перевес над остальными армиями, возникавшими в России. Эти солдаты явятся в деревню, как элемент порядка.

Переход от военной мобилизации к трудовой совсем не так труден. Через этих солдат мы будем мобилизовать промышленность, введем всеобщую трудовую повинность, и не только на бумаге, но и на деле. Зачем мы организуем одновременно всеобщее обучение и регулярную армию? Потому, что никто нам не предсказал, долго ли будем воевать. Таким образом, всю активную работу в стране, все культурное строительство нужно направить, исходя из перспективы, что через 5, скажем, лет нам придется воевать на всех фронтах. Стало быть, мы должны быть подкованы на все ноги. Затруднения в наших условиях будут характера территориального. Страна велика, пути сообщения плохи, аппарат человеческой мобилизации слаб. Значит, враг может вторгнуться прежде, чем мы поставим на ноги нашу милиционную армию. Имеются затруднения и технические, но они имеются и в армии регулярной. Мобилизация при нынешнем состоянии путей в России настолько трудна, что операции рассчитаны были всегда на перспективу вторжения неприятеля в наши пределы.

Здесь упоминалось имя Жореса. Проследим его мысли по вопросу о мобилизации. Правящим кругам Франции Жорес говорил приблизительно так: «Германия больше способна к войне наступательной, мы же более способны к войне оборонительной, которая может перейти в наступательную. Но при этих условиях может получиться, что немцы вторгнутся к нам». Много писалось в газетах о нарушении бельгийского нейтралитета. Это — эпизод войны, досадный с точки зрения пограничного крестьянина и рабочего; но это только эпизод с точки зрения общей перспективы войны. В общем же, указывал Жорес, наметьте заранее линию обороны на вашей французской территории; в соответствии с темпом организации милиционной армии, она будет разбита по округам. Подсчитайте во сколько времени и какой численности немцы смогут подойти к этой линии. Здесь

их будут задерживать территориальные местные корпуса, пограничные части и милиция. К этой же линии будут сосредоточиваться все остальные войска. Вот что приблизительно говорил Жорес.

Здесь указали, что специальные рода оружия нуждаются в более длительной подготовке. При милиционной системе эти специалисты тоже должны проходить через военную школу, — назовем ее казармой. Конечно, это будет более высокий тип казармы. Эти военные школы можно сосредоточить в угрожаемой полосе. Франция совета Жореса не послушалась и заменила двухлетний срок службы трехлетним. Оказалось, что при 3-х-летнем сроке общее увеличение армии на 360 тысяч — пустяки, между тем считали, что этим увеличением создается такой таран, который успешно разрешит задачу конечной победой. Северные департаменты были потеряны Францией. Потеряли бы их и при другой системе, но при милиционной эта потеря была бы преднамеренной, а здесь обстановка сложилась вопреки всем ожиданиям генерального штаба. Ведь, только впоследствии, при помощи англичан и американцев, французам удается перейти от дефензивы к оффензиве. Это доказывает, что Жорес был прав, когда предупреждал Францию, что традиционное подражание Наполеону не отвечает ни нынешней экономике, ни политическим взглядам, ни военным возможностям, ни положению Франции.

Пред нами стоит вполне реальная задача. Ни одна страна, — а мы меньше чем кто-нибудь, — не сможет содержать постоянную, регулярную армию, которая бы отвечала действительным потребностям серьезной войны мирового или европейского масштаба. А если бы и пыталась содержать такую армию, она была бы ублюдком, и, при первой попытке вобрать в себя колоссальные массы мобилизованных, треснула бы по всем швам от внутренних политических противоречий. Нужно армию и народ приблизить друг к другу. В производственном процессе народ нужно приблизить к армии, а армию к процессу труда, к фабрике, к пашне. Мы возвращаемся, таким образом, к первобытной эпохе, когда не нужно было выучки, когда каждый пастух и земледелец брал палку и отправлялся сражаться. Это нас возвращает к тем временам, когда не было классовой борьбы и существовала лишь одна братская семья на основе бедности. Мы же хотим солидаризировать народы мира и объединить всю культуру экономическую, техническую и духовную. Задача эта может быть достижима, но сейчас мы видим лишь зачатки ее. Если бы два года тому назад какой-нибудь мудрец сказал, что Россия сперва будет иметь против себя Германию, а затем Англию, Японию и Америку — никто бы не поверил в нашу победу. И чем дальше, тем меньше шансов уничтожить нас.

Я не согласен с Жоресом в его политических перспективах. Тот, кто интересовался его книгой [39], заметил, что он рисует постепенное примирение всех классов общества в демократии, без переворота, без гражданской войны, — он рисует мирную социализацию общества. Мировая война обнаружила полное ничтожество французской демократии. Русский

царь и английский король распоряжались, как хотели, а демократия оставалась в стороне. И не всеобщим избирательным правом стали решать вопросы в эпоху вооруженного столкновения, а соотношением сил отдельных наций, а затем — отдельных классов. В Германии существует всеобщее избирательное право, учредительное собрание. Учредительное собрание было и у Колчака. Но и здесь, и там, формальным голосованием не решаются вопросы войны и мира. У нас учредительное собрание было разогнано, затем, когда научились сражаться с оружием в руках, мы разогнали учредительное собрание и у Колчака. Народные массы учатся органическим путем строить свою жизнь на новых основаниях.

К этому приходится приспособлять и организацию армии. В основу ставим рабочую массу, как наиболее сознательную, затем — крестьянство, начиная с бедноты. Именно их делаем надежной опорой новой идеи, так как всегда носителями были угнетенные массы прогресса. Ведь рыбаки, пастухи, бедняки были носителями идеи христианства, победившей идеи языческого мира. С этих же элементов начинаем и мы, так как на них держится не аристократическая и не привилегированная армия, но армия пролетарская. Идея Жореса правильна, в смысле сближения труда и военной организации, и ошибочна, вследствие надежды на то, что все совершится без переворота, путем сплочения трудящихся масс, и даже части имущих классов, средних классов буржуазии, вокруг поднятого им знамени. Цель была правильная, путь утопический.

Цель эта осуществляется кровавым путем, поскольку в рамках общего исторического развития мы хотим создать нечто стройное. В области вооруженной строительство должно породниться с идеями милиционной системы, воспринимая при этом милицию не как самодельщину, невежественное партизанство, т. е. повстанчество, которое вырождается в «четничество», с которым я познакомился во время балканской войны. «Махновщина» есть на одну десятую идеализм, а на 9/10 грабительство, насилие. Она может в одном месте сыграть прогрессивную роль, в другом — реакционную, но с милицией не имеет ничего общего. Милиция—правильная организация и учет человеческого материала, она по возможности минимально отрывает от труда народные массы,—в этом главное ее достоинство.

Скажут—этого не было, не было такого прецедента. Конечно не было. Но мы во многих областях являемся зачинщиками, мы многое начинаем сначала. Такой милиции не было, но предпосылки для нее были. В гражданских войнах, в войнах национальных, в последнюю империалистическую войну мы видели, как в краткий период создаются постоянные армии. Стало-быть, исторические предпосылки для милиции созданы, культура масс повысилась, а для милиции это именно и требуется. Возьмем среднего деревенского мужика, — оно уж не Кудиныч. На первых порах Кудиныч бил поляков неизвестно за что, а потом умирал на огороде, охраняя господское добро. Но затем Кудиныч проснулся. Пробуждение личности в нем выражается сначала в том, что он разрушает, уничтожает,

позволяет всяческое глумление над командным составом. Анархическая, махновская тенденция существовала в революции и отражением ее являлась пробужденная личность Кудиныча. Кудиныч, ударившийся в анархию, разрушение, столкнулся с другим, сознательным Кудинычем. Вот тут то и понадобилась новая форма взаимоотношений,—ее дает идея социализма: солидарность, сотрудничество людей. Новые Кудинычи дисциплинируются, вводятся в систему и им не втерпеж, когда рядом с ними другие Кудинычи переживают период озорства; эти новые Кудинычи сами требуют дисциплины. Налицо такие примеры, когда солдаты приговаривали своих же товарищей к порке, даже к расстрелу. Это не одно и тоже, когда аристократический начальник порет мужика. или когда 100 Кудинычей приговаривают 101-го Кудиныча к какому-либо наказанию за то, что он украл штаны. Тут находит выражение идея добросовестности.

Вот на этом то можно строить новую милиционную армию и мы будем ее строить Для этого планомерно используем материал Красной Армии, используем систему милитаризации труда, школы, чтобы труд народный в этом огромном хозяйстве применялся с большой рациональностью, чтобы каждый себя чувствовал частью одного колоссального коллектива.

Мелко-буржуазный, индивидуальный эгоизм, шкурничество, встречающиеся в жизни буржуазного общества, находят проявление в варварской грубости: заперся в своей квартире на замок и — все остальное нипочем. С течением времени коллективизм, солидарность все больше будут охватывать людей, и через сто лет мы поднимемся на большой уровень и материальном и, тем более, в духовном отношении. Все это случится благодаря коллективизму, который станет, если хотите, новой религией— конечно, без мистицизма. С моей точки зрения, в нашу эпоху возникает новая религиозная связь людей, в духе солидарности, — и этой то идеей нужно пропитать армию, народ, школу, фабрику и деревню. Теперь эта идея кажется утопической потому, что мы бедны, обовшивели, обнищали, должны заботиться о каждом куске хлеба, вследствие чего в нас пробуждаются элементы животного эгоизма, жестокость; но уже и сейчас можно наблюдать предпосылки более высокой, гуманной культуры, при возрастании же производительности труда, возможности в этом отношении открываются огромные. Конечно, Англия взяла нас за горло, но долго не продержит. Кудиныч пробудился везде — в деревне, в волости, в уезде. Он привлекается нами к строительству, и наши дети, которые через десять лет станут взрослыми, будут все проникнуты идеей солидарности.

Школу и труд мы объединим с армией. Объединим с ней все виды спорта. И построив братство народа на идее солидарности, добьемся того, что идея милиции в этой широкой перспективе даст, в конце концов, весьма большие результаты. Вместе с тем, эта идея милиции является для нас и делом безусловной исторической необходимости. Война рано или

поздно прекратится и такой армии, как нынешняя, содержать мы не сможем. Некоторое количество дивизий, конечно, сохраним для пограничных районов. Говорят, что в таком случае мы совмещаем несовместимое. Это не верно. Французская революционная армия была основана на амальгаме со старой королевской армией. Тут есть разница в технической структуре, но здесь нет разницы идеалов, потому что Конвенту удалось старые линейные полки и новые добровольческие пропитать одним и тем же духом, что и объединяло их. Уже через год—два между ними не было заметно разницы,—разграничение исчезло. Со стороны наших уважаемых теоретиков военного дела требовалось бы разработать военную программу России под углом зрения милиционной системы: мобилизацию, линию сосредоточения войск при милиционной системе, необходимый минимум войск линейных во время демобилизации, необходимый минимум их для обороны границ, в зависимости от непосредственной опасности, распределение военных школ, казарм, сосредоточение их в зависимости от потребностей милиционной системы.

Вот вопросы огромной важности, которые подлежат теоретической разработке, дабы получить практическое разрешение.

Из архива.

Тезисы о переходе к милиционной системе.

К IX Съезду Р. К. П.[40].

1. Приближение к концу гражданской войны и благоприятные изменения в международном положении Советской России ставят на очередь вопрос о коренных изменениях в постановке нашего военного дела, в соответствии с неотложными хозяйственными и культурными потребностями страны.

2. С другой стороны, необходимо установить, что до тех пор, пока в важнейших мировых государствах остается у власти империалистическая буржуазия, социалистическая республика ни в каком случае не может считать себя в безопасности.

Дальнейший ход событий может в известный момент снова бросить теряющих под ногами почву империалистов на путь кровавых авантюр, направленных против Советской России.

Отсюда вытекает необходимость поддержания дела военной обороны революции на должной высоте.

3. Нынешнему переходному периоду, который может иметь длительный характер, должна соответствовать такая организация вооруженных сил, при которой трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением их от производственного труда. Такой системой может явиться только построенная на территориальных началах рабоче-крестьянская Красная Милиция.

4. Сущность советской м и л и ц и о н н о й с и с т е м ы должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей.

5. В своем территориальном распределении милиционные части (полки, бригады, дивизии) должны быть приурочены к территориальному размещению промышленности так, чтобы промышленные очаги, с окружающей их и тяготеющей к ним сельско-хозяйственной периферией, образовывали основу для милиционных частей.

6. Организационно рабоче-крестьянская милиция должна опираться на вполне подготовленные в военном, техническом и политическом отношении кадры, которые держат на постоянном учете обучаемых ими рабочих и крестьян и способны в любой момент извлечь их из своего милиционного округа, охватить своим аппаратом, поставить под ружье и повести в бой.

7. Переход к милиционной системе должен иметь характер необходимой постепенности, в соответствии с военным и международно-дипломатическим положением Советской Республики, при непременном условии, чтобы обороноспособность последней во всякий момент оставалась на должной высоте.

8. При постепенной демобилизации Красной Армии лучшие ее кадры должны получить наиболее целесообразное, т. е. наиболее приспособленное к местным производственно-бытовым условиям размещение на территории страны и обеспечить, таким образом, готовый аппарат управления милиционных частей.

9. Личный состав милиционных кадров должен затем постепенно обновляться в направлении теснейшей связи с хозяйственной жизнью данного района так, чтобы командный состав дивизии, расположенной на территории, охватывающей, например, группу горных заводов с примыкающей к ним деревенской периферией, состоял из лучших элементов местного пролетариата.

10. В целях указанного обновления кадров, курсы командного состава должны быть территориально распределены в соответствии с хозяйственно-милиционными округами, и через эти курсы должны проходить лучшие представители местных рабочих и крестьян.

11. Военная подготовка на милиционных началах, которая должна обеспечить высокую боеспособность милиционной армии, будет складываться:

а) из допризывной подготовки, в области каковой военное ведомство работает рука об руку с ведомством народного просвещения, с профессиональными союзами, организациями партии, союзом молодежи, спортивными учреждениями и проч.;

б) из военного обучения граждан призывного возраста, со все более и более коротким сроком и со все большим приближением казармы к типу военно-политической школы;

в) из кратковременных повторительных сборов, целью которых является поверка боеспособности милиционных частей.

12. Предназначенная для задач военной обороны страны организация милиционных кадров должна быть в необходимой мере приспособлена для дела трудовой повинности, т. е. должна быть способна формировать трудовые части и снабжать их необходимым инструкторским аппаратом.

13. Развиваясь в сторону превращения в вооруженный коммунистический народ, милиция в настоящий период должна сохранять в своей организации все черты диктатуры рабочего класса.

28 февраля 1920 г.

IV.

ДЕЗЕРТИРСТВО И ТРИБУНАЛЫ.

Горе дезертирам!

Дезертир — это человек, который в трудную минуту покидает своих собратьев, стремясь, прежде всего, спасти свою шкуру. Дезертир — негодный член трудовой семьи.

На всех фронтах рабочие и крестьяне ведут последний тяжкий бой со своими заклятыми врагами. От исхода этого боя зависит — жить или погибать рабочему классу и крестьянству. Ибо если победит Колчак, то цвет рабочего класса будет утоплен в крови.

В то время, как честные сыны трудового народа напрягают все свои силы в борьбе, шкурники стремятся скрыться из рядов армии и прячутся по селам и городам. В разных частях советской страны немало действует колчаковских агентов, которые подстрекают темных или испорченных солдат к дезертирству. «Пускай воюют без меня, а когда победят, тогда и я приду на готовое», — так рассуждает шкурник.

Трус убегает, храброму приходится проливать кровь за двоих. Мало того: трус и шкурник, убегая из казармы или с пути, уносит с собой обмундирование, а нередко и винтовку. Честный солдат сражается иной раз на фронте без сапог, потому что дезертир унес сапоги.

Действующая армия охвачена чувством возмущения против презренных бегунов. Красные борцы давно требуют, чтобы Советская власть сделала большую метлу из колючей проволоки и вымела бы этой метлой дезертиров из всех углов и закоулков.

И поистине пора! Нельзя дольше терпеть ни одного часа, чтобы бездельники, предатели, мирские захребетники лежали на домашней печи в то время, как честные и самоотверженные борцы проливают свою кровь за благо трудового народа.

Горе дезертирам! Отныне из конца в конец советской страны пойдет на них беспощадная облава. Все советские власти, профессиональные союзы, партийные организации обязаны принять в борьбе с дезертирством самое энергичное участие. Председатели домовых комитетов, сельских и волостных советов будут отныне привлекаться к суровой ответ-

ственности за прямое или косвенное попустительство дезертирам. Укрыватели дезертиров будут караться наравне с участниками в государственной измене.

Конец долготерпению! Пробил последний час! Дезертиры нигде не найдут ни приюта, ни укрытия. Рабоче-крестьянская власть опустит на их головы тяжелую руку революционной кары.

Горе дезертирам!

Горе изменникам и предателям трудового народа!

3 мая 1919 г.
Симбирск.
«В пути», № 40.

Дезертиры — помощники Колчака.

В борьбе против капиталистов рабочие применяют стачку. Но и в среде рабочих бывают развращенные, порченные или совсем темные, забитые люди, которые подрывают борьбу рабочего класса во время стачки и становятся на работу, помогая таким путем капиталисту против пролетариата. Их называют немецким словом **штрейкбрехеры**, т. е. стачколомы. Рабочие всегда с величайшей и вполне справедливой враждой относились к стачколомам. Наиболее злостных, заведомо подкупленных капиталистами, бросали иной раз и в доменную печь или другими путями сживали со свету. На темных стачколомов действовали словом, а если не помогало, то применяли нередко и силу.

Что стачколомы в рабочей стачке против буржуазии, то дезертиры по отношению к воюющей армии. Наша война целиком и исключительно направлена против буржуазии. Наша армия есть армия рабочих и крестьян. Борьба ведется из за всей будущей судьбы трудового народа России и всего мира. Эту войну подрывают дезертиры, которые тяжесть войны и жертвы ее стремятся перекинуть с своих плеч в удвоенном виде на плечи мужественных и честных борцов.

Дезертиры — это военные штрейкбрехеры.

Но преступление дезертиров несравненно более тяжкое. Стачка против капиталистов ведется всегда частью рабочих из за какого либо частного вопроса. Война ведется всем рабочим классом и не из за частного вопроса, а из-за всей судьбы нашей страны. Стачкой рабочие решали вопрос, будет ли рабочий день на полчаса длиннее или короче. Войной рабочие и крестьяне решают вопрос о том, кто будет хозяином русской земли: трудящиеся или угнетатели.

Если ненависть сознательных рабочих к штрейкбрехерам была справедлива, то во много раз справедливее и священнее гнев солдат против дезертиров.

Ослабляя армию, дезертиры затягивают войну и увеличивают число жертв.

Дезертиры — помощники и слуги Колчака. Война против Колчака требует жестокой борьбы против дезертиров. В этой борьбе должны принять участие все честные граждане, командиры, комиссары, красноармейцы, а вслед за ними рабочие и крестьяне прифронтовой полосы и всего тыла.

Нужно создать такое положение, такое настроение в стране, чтобы дезертиру негде было приклонить голову, как Каину, который предательски поступил со своим братом. Родное село должно отказывать дезертиру в пище и крове. Фабрика, где он появится, должна гнать его со срамом назад. Отец, мать, брат, сестра, жена должны отвергнуть его руку и потребовать от него медленно смыть с себя бесчестье и вернуться для этого в ряды армии.

Убегая из полка, дезертир изменяет не только полку, не только армии, но и всему рабочему народу. Поэтому весь народ должен ополчиться на дезертиров.

Дезертиры — пособники Колчака. В семье честного трудового народа пособникам Колчака не может быть места.

Рабочие, крестьяне, солдаты! Да не будет отныне среди нас пощады бегунам, шкурникам, дезертирам. Пусть, как зачумленные, бродят они в стороне от сел и городов до тех пор, пока в каждом из них не проснется совесть и не скажет ему: «спасение для тебя одно — вернуться добровольно в ряды своей части и мужественной борьбой смыть с себя позорное пятно дезертирства».

3 мая 1919 г.
Якуша-Мелекесс.
«В пути», № 41.

Штатные советские дезертиры.

Борьба с дезертирством проходит мимо одного особенно вредного и злостного вида уклонения от воинского долга: дизертиры, укрывающиеся на разных советских должностях, все еще повидимому считают себя забронированными. Это все «незаменимые». Каждое учреждение, управление, каждый отдел имеют своих «незаменимых». Это относится ко всем ведомствам без исключения, в том числе и к военному. В то время, как наиболее ответственные политические работники снимаются и отправляются на фронт, советские бюрократы удерживают на второстепенных должностях ценных квалифицированных военных специалистов. Артиллеристы являются «незаменимыми» специалистами-кооператорами, без кавалериста невозможна бухгалтерия военные инженеры обеспечивают процветание изобразительных искусств. Выработались приемы бронирования «незаменимых». В случае надобности эти господа переходят из учреждения в учреждение, пока не найдут такого места, где они наиболее незаменимы.

Некоторые руководители советских учреждений решаются отстаивать «незаменимых» тем, что они хорошие работники. Как если бы в хороших работниках не было нужды в армии!

Легализованное советское дезертирство представляют собою отвратительную язву. Армии нуждаются в командном составе, а командиры, в отличие от простых дезертиров, скрывающихся в лесах, заседают в советских учреждениях на почетных местах.

Пора применить все законы о дезертирах и укрывателях к легализованным незаменимым советских учреждений и к тем, кто их легализовал.

Укрывающиеся командиры будут выгнаны на фронт. Штатному советскому дезертирству будет положен конец.

28 июня 1919 г
«В пути», № 55.

По поводу военных трибуналов.

Деятельность наших военных трибуналов, как и всех вообще революционных трибуналов, должна иметь огромное воспитательное значение. Трибунал судит поступки, которые идут в разрез со складывающимся новым революционным порядком. Трибунал есть одно из орудий принуждения в распоряжении рабочего государства, которое требует от всех граждан соблюдения определенных взаимоотношений, определенной согласованности действий, определенной дисциплины.

Наши трибуналы действуют не по каким либо письменным уложениям. Новый строй только складывается. Он складывается в условиях ожесточенной борьбы, среди небывалых еще в мировой истории трудностей. В огне этой борьбы выковывается революционное правосознание. Его не уложишь заранее ни в какие параграфы. Борьба проходит через периоды подъема и понижения, наступления и отступления. Одни и те же действия в разные моменты получают разный смысл и разное значение; трибунал же остается всегда орудием защиты завоеваний и интересов революции при все изменяющихся условиях. Его приговоры сообразуются с меняющимися обстоятельствами и потребностями революционной борьбы, с классовым происхождением преступника. Революционное правосудие, в том числе и революционное военное правосудие, не рядится в маску равной для всех справедливости, (которой в классовом обществе нет и не может быть), — революционное правосудие открыто провозглашает себя боевым органом рабочего класса в его борьбе с буржуазными врагами, с одной стороны, и с нарушителями дисциплины и солидарности в среде самого рабочего класса, с другой стороны. Именно потому, что наше революционное правосудие отбросило прочь все лицемерие старой юстиции, оно получило огромное воспитательное значение.

Необходимо однако, чтобы сам трибунал ясно сознавал это значение, и чтобы свои постановления он рассматривал не только с точки зрения кары определенного проступка, но и с точки зрения классового революционного воспитания. Огромное значение в этом отношении имеет самая формулировка приговора. Между тем в наших армейских газетах сплошь да рядом печатаются такие приговоры, которые, вероятно, вполне отвечают обстоятельствам дела, но совершенно непонятны человеку, не присутствовавшему при разборе дела и не знакомому со всеми его обстоятельствами.

Возьмем два - три примера. Революционный военный суд Н-й армии приговорил гражданина С. за участие в белогвардейском восстании, при доказанности обвинения, к тюремному заключению на 6 месяцев с зачетом предварительного заключения. Тот же военный революционный суд приговорил красноармейца К. за повторенное дезертирство к заключению в тюрьму до полной ликвидации чехо-словацкого и белогвардейского восстания на Урале. Больше ничего приговор военного революционного трибунала не сообщает. Несомненно, что в таком виде опубликование приговоров может играть скорее деморализующую, чем устрашающую или воспитательную роль. Доказанное участие в белогвардейском восстании карается заключением в тюрьме на 6 месяцев! Одно из двух, либо этот приговор преступно мягок, либо же в данном деле были обстоятельства, которые оправдывают мягкость приговора. Скорее можно допустить последнее. В таком случае нужно было, со всей определенностью и точностью, эти исключительные обстоятельства указать в приговоре, дабы не создавалось впечатления, что участник белогвардейского восстания рискует не более как шестимесячным тюремным заключением.

Еще поразительнее второй приговор. За доказанное двойное дезертирство виновник приговаривается к лишению свободы до окончания белогвардейского восстания. Так как цель дезертира состоит в уклонении от опасности, так как опасность будет продолжаться, пока длится война, то заключение дезертира в тюрьму до окончания опасной эпохи вполне отвечает его цели и представляет собой в отношении ко всем трусам и шкурникам прямое поощрение к дезертирству.

Опять таки приходится предполагать, что в данном случае имели место какие-то совершенно исключительные обстоятельства, ибо, повторяем, неслыханно мягкий приговор вынесен за установленное повторное дезертирство. Но и таком случае нужно было в самом тексте приговора со всей точностью указать причины, побудившие трибунал вынести столь мягкий приговор.

Особенно важно для трибунала проводить в своих приговорах ту мысль, что наказание за одно и то же преступление тем выше, чем выше пост, а стало быть и ответственность обвиняемого. В случаях дезертирства, самовольного оставления поста, невыполнения боевого приказа и проч. несравненно суровее карается командир и комиссар, чем красноармеец, ротный командир карается суровее, чем взводный и т. д. Все эти различия и оттенки должны быть ясно, точно и понятно подчеркнуты в самом тексте приговора.

То же самое относится к коммунистам. Принадлежность к коммунистической партии не есть, разумеется, служебный пост. Но это определенное политическое и нравственное положение, которое возлагает на носителя высокие обязанности. Гражданин, вступивший в коммунистическую партию, тем самым заявляет о себе, как о сознательном и активном борце за дело рабочего класса. Вступление в коммунистическую партию имеет

совершенно добровольный характер и, стало-быть, всякий коммунист сознательно и свободно берет на себя удвоенную и утроенную ответственность за свои поступки перед рабочим классом. Ясно, что коммунист — дезертир и нарушитель дисциплины не может оправдываться ссылкой на свою темноту, политическую слепоту и пр., и пр. При прочих равных условиях коммунист должен нести более тяжкую кару за совершенное преступление. И это всегда должно быть со всей ясностью выдвинуто в самом приговоре суда.

Правда, наши трибуналы, в том числе и военные, состоят из рабочих и крестьян, которые хотя, по общему правилу, и разбираются прекрасно в деле и выносят вполне отвечающие интересам революции приговоры, но которые лишены формальной выучки и поэтому крайне несовершенно, а иногда и прямо неудачно формулируют приговоры в письменном виде. Между тем эта сторона дела, как мы старались показать выше, имеет большое значение. Необходимо поэтому, чтобы при формулировке приговора составители его имели перед глазами не только подсудимого, но и широкие массы солдат, рабочих и крестьян. Приговор должен иметь агитационный характер: устрашать одних, подымать веру и бодрость в сердцах других. Только в этом случае работа военных трибуналов будет помогать интересам Красной Армии и всей вообще рабочей революции.

23 апреля 1919 г.
Вятка — Глазово.
«В пути», № 35.

V.

ВОЕННАЯ НАУКА И ЛИТЕРАТУРА.

Глубокомысленное пустословие.

Журнал «Военное Дело», в котором не мало полезных специальных статей, никак не найдет духовного равновесия. И не мудрено. На мировой арене, особенно же в нашей собственной стране произошли события, далеко не всеми сотрудниками «Воен. Дела» предусмотренные. Сперва многим из них казалось, что ничего вообще понять нельзя, никакие критерии не применимы, поэтому лучше от всяких критериев отказаться и тихонько дожидаться, что вообще из всего этого воспоследует. С течением времени, однако, стало обнаруживаться, что в великом хаосе, непредусмотренном сотрудниками «Военного Дела», появляются черты порядка. Человеческий ум вообще довольно ленив и пассивен и легче всего схватывает то, что ему знакомо, и что не требует поэтому дополнительного размышления. Так и здесь. Иные военные специалисты, убедившись, во-первых, в том, что их познания находят спрос и увидев затем в новой организации ряд знакомых черт, немедленно же пришли к несколько поспешному выводу, что под луной нет ничего нового и что, стало-быть можно в дальнейшем с успехом руководствоваться старыми канонами.

Более того. Умозаключив, что в военном деле все должно будет, в конце-концов, вернуться к старому, воспрянувшие духом стародумы решили, что и вокруг военного дела надлежит дожидаться реставрации. По сему поводу кое-какие сотрудники «Военного Дела» поторопились предъявить свои давно не проветривавшиеся общие воззрения — прежде всего на счет того, какое место занимают война и армия в истории развития человечества. Очевидно, они считают себя «специалистами» и по этой части. Роковое заблуждение! Хороший артиллерист или интендант далеко не всегда призван к исторической философии. Мы сейчас покажем это на 2 — 3 примерах.

В № 15 — 16 «Военного Дела» напечатана на первом месте статья гр. Ф. Гертцельмана: «Возможна ли война в будущем» [41].

В этой статье все ложно, начиная с заглавия. Автор ставит в сущности вопрос: неизбежны ли войны в будущем и приходит к выводу, что войны неизбежны. По этому вопросу, как известно, существует немалая литература. В нашу эпоху вопрос из области литературы

перешел в область напряженнейшей борьбы, которая во всех странах принимает характер открытой гражданской войны. В России у власти стала политическая партия, в программе которой ясно и точно охарактеризована социально-историческая природа прошлых и нынешних войн и столь же ясно и точно установлены условия, при которых войны станут не только ненужными, но и невозможными. Никто не требует от гр. Гершельмана проникновения коммунистической точкой зрения. Но если уж военный специалист затеял писать о войне в официозном русском издании—не 1914, а 1919 года!,—то можно казалось бы, требовать от него, по крайней мере, элементарного знакомства с той программой, которая является официальной государственной доктриной, составляющей основу нашей международной и внутренней политики. Но об этом нет и помину.

Автор начинает, как и полагается стародуму, от печки, т. е. от беспомощного в исторических вопросах схоласта Леера, извлекая у него в качестве большой посылки пошлейшую банальность на счет того, что «борьба лежит в основании всего живущего».

Приведенный афоризм, построенный на беспредельно-расширенном толковании слова «борьба», просто-на-просто вычеркивает всю человеческую историю, ибо растворяет ее без остатка в биологии. Когда мы говорим о в о й н е, не играя словами, то имеем в виду планомерное столкновение государственно-организованных человеческих групп, с применением доступных им технических средств, во имя целей, которые ставит себе государственная власть этих групп. Совершенно ясно, что ничего подобного вне исторического человеческого общества не существует. Если б о р ь б а есть удел всего живущего, то в о й н а есть чисто историческое, человеческое явление. Кто этого не замечает, тот, стало-быть, не подошел еще и к порогу вопроса.

Люди когда-то пожирали друг друга. Кое-где людоедство сохранилось и до нынешнего дня. Правда, ашантии не издают военных журналов, но если бы издавали, то их теоретики, вероятно, писали бы: «Надежды на то, что человек откажется от людоедства несбыточны, так как борьба лежит в основании всего живущего». На это можно было бы, с разрешения гр. Гершельмана, возразить ученому антропофагу, что речь у нас идет не о борьбе вообще, а о той особой ее форме, которая выражается в охоте человека за мясом ему подобного.

Совершенно бесспорно, что людоедство прекратилось не под влиянием проповеди, а вследствие изменения условий хозяйственного быта: когда стало выгоднее превращать пленников в рабочую скотину, антропофагия (людоедство) исчезло. Но «борьба» осталась?—Конечно. Речь у нас идет, однако, не о борьбе, вообще, а о людоедстве.

Когда-то самец дрался с самцом из-за самки. Древлянские женихи «умыкиваху девице у воды». В настоящее время, как известно гр. Гершельману, этот способ не практикуется, хотя «борьба является уделом всего живущего». Взаимное расшибание черепов в лесу или пещере сме-

нилось позже рыцарскими турнирами в присутствии дам, а также дуэлями. Но турниры и дуэли отошли в прошлое или превратились в подавляющем большинстве случаев в маскарадно-пошлый отзвук старых кровавых столкновений. Чтобы понять этот процесс, нужно проследить развитие хозяйства, взаимоотношение в хозяйстве мужчины и женщины, изменение на этой основе форм родового и семейного быта, возникновение и развитие сословий, историческую обусловленность рыцарских и обще-дворянских взглядов и предрассудков, роль дуэли, как элемента сословной идеологии, исчезновение социальной почвы под привилегированными кастами, превращение дуэли в бессмысленный пережиток и проч., и проч. На голом афоризме «борьба — удел всего живущего» в этом вопросе, как и во всех других, далеко не уедешь.

Славянские роды и племена воевали друг с другом. В удельно-вечевой период воевали друг с другом княжества. То же самое было с различными германскими племенами и с феодальными княжествами будущей единой Франции. Кровавые междоусобия феодалов, войны провинции с провинцией городов с рыцарскими войсками стояли в порядке дня не потому, что «борьба — удел всего живущего», а обусловливались определенными хозяйственными отношениями эпохи и исчезли вместе с этими последними. Причины, которые заставляли воевать московских людей с киевскими, пруссаков — с саксонцами, нормандцев — с бургундцами, были для своей эпохи не менее глубокими и обязательными, чем те причины, которые вызвали последнюю войну немцев с англичанами. Стало быть, опять таки дело тут не в законе природы, как таковой, а в тех специфических особых законах, которые определяют развитие человеческого общества. И, даже не выходя из области самых общих исторических суждений, позволительно спросить: если человек преодолел войны между Бургундией и Нормандией, Саксонией и Пруссией, Киевским и Московским княжествами, то почему ему не преодолеть войн между Англией и Германией, Россией и Японией! «Борьба» в самом широком смысле слова, конечно останется, но война есть особый вид этой борьбы, появившийся лишь с того времени, как человек стал строить общество и применять орудия. Этот особый вид борьбы — война — изменялся вместе с изменением форм человеческого хозяйства и может при известных исторических условиях исчезнуть совершенно.

Феодальные войны в своей дробности и чересполосности вызывались разобщенностью средневекового хозяйства. Каждая область рассматривала соседнюю, как замкнутый в себе мир, за счет которого можно поживиться. Рыцари из своих гнезд хищным оком глядели на развивавшиеся и богатевшие города. Дальнейшее развитие хозяйства объединило провинции и области в одно целое. На этой новой хозяйственной основе выросли единая Франция, единая Италия, единая Германия в результате ожесточенной внутренней и международной борьбы. Таким образом, хозяйственное объединение, превращая обширные страны в единый хозяйственный орга-

низм, сделало невозможными войны в рамках нового обширного исторического образования: нации — государства.

Но развитие хозяйственных отношений на этом не остановилось. Промышленность давно проникла за национальные рамки и связала весь мир связью взаимной зависимости. Не только Бургундия или Нормандия, не только Саксония, или Пруссия, не только Москва или Киев, но и Франция, и Германия, и Россия давно перестали быть самодовлеющими мирами, а являются зависимыми частями обще-мирового хозяйства. Мы слишком ясно чувствуем это теперь, в эпоху военной блокады, не получая необходимых продуктов немецкой и английской промышленности. Но и немецкие, и английские рабочие не менее тяжко чувствуют механический разрыв хозяйственного целого, не получая донского хлеба и сибирского масла.

Хозяйство в основе своей стало мировым. Но присвоение прибыли, т. е. право снимания сливок с мирового хозяйства, осталось в руках буржуазных классов отдельных наций. Если, таким образом, корни нынешних войн нужно искать в «природе», — то не в биологической природе и даже не в человеческой природе вообще, а в социальной «природе» буржуазии, которая сложилась и выросла, как класс эксплоатирующий, присвояющий, правящий, наслаждающийся, грабящий и заставляющий трудовые массы воевать во имя ее — буржуазии — целей. Мировое хозяйство, производственно тесно связанное в одно целое, создает небывалые источники обогащения и власти. Буржуазия каждой нации рвет эти источники к себе, дезорганизуя этим мировое хозяйство, как феодалы в переходную эпоху к новому строю разрушали национальное хозяйство.

Класс, который обречен разрушать хозяйство, — и чем дальше, тем больше, — не может долго держаться у власти. Именно поэтому сама буржуазия чуствует себя вынужденной искать выхода на пути создания «лиги наций». Мысль Вильсона состоит в том, чтобы объединенное мировое хозяйство рассматривать, как грабительское товарищество на паях, в котором барыши распределялись бы между капиталистами всех стран без войны между ними. Конечно, главные паи Вильсон хочет сохранить при этом для своих нью-йоркских и чикагских биржевиков, с чем не согласны, однако, лондонские, парижские, токийские и иные бандиты.

В этом столкновении буржуазных аппетитов и состоит трудность для буржуазных правительств разрешения вопроса о «лиге наций». Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что после опыта нынешней войны капиталистические классы важнейших стран создали бы условия для более или менее объединенной, централизованной эксплуатации всего земного шара без войн, подобно тому, как буржуазия ликвидировала феодальные войны в пределах национальной территории. Но эту новую задачу буржуазия могла бы разрешить в том случае, если бы рабочий класс не выступил против нее, как она в свое время выступила против сил феодализма. Смысл гражданской войны, которая закончилась в России победой пролетариата

и приближается к тому же во всех другиx странах, сводится к тому, что рабочий класс берет в свои руки разрешение той задачи, которая поставлена сейчас перед человечеством, как задача его жизни и смерти, именно: превращение всей земной поверхности, недр земных и всего, что на земле возведено трудом человека, в одно все более и более планомерное, руководимое по общему замыслу, мировое хозяйство, где распределение продуктов происходит так, как в одном большом артельном поместье.

Гр. Гершельман обо всем этом не имеет, повидимому, ни малейшего понятия. Он разыскал какую-то книжку какого-то профессора Даневского «Система политического равновесия, легитимизма и начал национальности» и на основании нескольких чахоточных выводов государственного правоведа обосновывает неизбежность войн до скончания веков. На страницах журнала Рабоче-Крестьянской Красной Армии — в мае 1919 года!, — в передовой статье глубокомысленно разъясняется, что начало... легитимизма не спасает от войн. Легитимизм — это признание незыблемости за всем сословным, кастовым и монархическим свинством, которое накопилось на земле. Доказывать, что признание вечных прав романовской и гогенцоллернской держав или державы парижских ростовщиков не обеспечивает от войн, поистине значит заниматься глубокомысленным пустословием. То же самое относится к теории так называемого «политического равновесия». Никто лучше марксизма (коммунизма) не раскрыл призрачности и фальши этой теории. Дипломатическое шуллерство «равновесия» было лишь прикрытием дьявольского соревнования военных машин, с одной стороны, и стремления Англии обессиливать Францию Германией и Германию Францией, — с другой стороны.

Навстречу друг другу по одним рельсам были пущены два паровоза,— в этом и состояла теория вооруженного мира путем «европейского равновесия», — теория, которую марксисты разоблачили задолго до того, как она целиком рухнула в крови и грязи.

О принципе национальном, как о фундаменте для вечного мира, могут говорить только мелко-буржуазные мечтатели или крупно-буржуазные шарлатаны. Войны велись под национальным знаменем тогда, когда развитие промышленности требовало перехода от провинции к более широкому национально-государственному объединению. Современные войны не заключают в себе национального принципа. Мы уж не говорим о гражданской войне. Колчак продает Сибирь Америке, Деникин готов три четверти русского народа закабалить Англии и Франции, — только бы сохранить возможность грабить последнюю четверть. Но и в международных войнах национальный принцип не при чем. Англия и Франция делят немецкие колонии, разворовывают Азию. Америка запускает лапу в европейские дела. Италия захватывает славян. Даже полузадушенная Сербия душит болгар. Национальный принцип тут, в лучшем случае, — предлог. Дело идет о миродержавии, т. е. о господстве над хозяйством всей земли. Подвергнув дешевой критике легитимизм, теорию политического равновесия

и принцип национальностей, гр. Гершельман даже и не подошел к вопросу о судьбах войны. А между тем эти судьбы сейчас решаются практически. Отбрасывая буржуазию от государственного руля, беря власть в свои руки, рабочий класс подготовляет создание федеративной советской республики Европы и всего мира на фундаменте объединенного мирового хозяйства.

Война была и останется формой вооруженной эксплоатации или вооруженной борьбы против эксплоатации. Федеративное господство пролетариата, как переход к мировой Коммуне, означает упразднение эксплоатации человеком человека, а, стало-быть, и ликвидацию вооруженного столкновения человека с человеком. Война исчезает так же, как исчезла антропофагия. Борьба останется, но это будет коллективная борьба человечества с враждебными силами природы.

10 июля 1919 г.
Воронеж-Колодезная.
Журн. «Военное Дело» № 23 — 24.

Нужно перевооружиться!

Совет некоторым военным специалистам

Мы уже не раз говорили и еще готовы повторить, что нам нужны военные специалисты. Они незаменимы для нашей работы и нужны нам не только на время, пока подрастает «свой» командный состав, как болтают некоторые легкомысленные люди. Нет, командиры, которые вошли в Красную Армию, в большинстве своем сливаются с ней, — растворятся в ней, растворятся в Советской Республике. Но если мы привлекаем офицеров бывшей царской армии, то это вовсе не значит, что мы терпимо относимся ко всем их унаследованным и благоприобретенным взглядам и предрассудкам. Еще меньше это значит, что мы способны пассивно наблюдать, как эти взгляды и предрассудки будут распространяться ими в войсках революции. А, между тем, такие попытки есть. Мы имеем в виду не злостную подпольную контр-революционную агитацию, с которой борьба ведется путем репрессий. Нет, речь у нас идет о совершенно легальных статьях и книжках, которые издаются ныне под советским флагом кое-какими военными специалистами, даже иной раз и неподозревающими в сердечной простоте, что они вступают в смертный бой с основными принципами Советской власти и коммунистической программы.

Предо мной «Сборник статей о дисциплине», изданный редакцией «Военного Дела». Трудно представить себе издание более несвоевременное, неуместное и более лишенное внутренней дисциплины мысли. Сборник, очевидно, предназначается для Красной Армии. По крайней мере, так приходится полагать. Ибо, если бы Сборник имел задачей поучать армию Деникина, то местом его издания должен был бы быть Ростов или Екатеринодар. Но нет, сборник издан в Москве, на Пречистенке — средствами советского государства. В педантском предисловии, которое отдает ученостью времен очаковских, нам, в качестве недосягаемого образца, называют Спенсера: ...«если Россия не имеет своего — Спенсера, то пусть читает и изучает английского Спенсера». Спенсер—типичный буржуазный индивидуалист, заклятый враг социализма. Миросозерцание его насквозь проникнуто буржуазным консерватизмом. В сущности, это — старший философский клерк английской буржуазии, который глядит на мир чрез окно банкирской конторы в Сити и считает, что ученые предрассудки старших клерков и составляют законы развития человечества. Армии революционного пролетариата рекомендуют учиться у буржуазно-консервативного Спенсера!

Дальше мысли и афоризмы Спенсера преподносятся целым букетом. Мы находим здесь фарисейскую удовлетворенность по поводу того, что постоянное истребление низших натур и культура возвышенных... из каннибалов и идолопоклонников произвели филантропов, деятелей мира. Спенсер хочет сказать, что пытки и тюрьмы, при помощи которых буржуазия истребляла «низшие натуры» несчастных бродяг и бездомных пролетариев и создали, в конце концов, тот цвет человечества, который увенчивается биржевыми филантропами и их философскими приказчиками. Буржуазный тупоумец не догадывается, что оплачиваемые такой дорогой ценой буржуазные филантропы по своему замкнутому своекорыстию, самомнению и эгоизму—отвратительнее отъявленных каннибалов.

В так называемой «философской» части Сборника на втором месте стоит определение дисциплины, данное Бисмарком: «Дисциплина есть дитя чести, рожденное любовью к отечеству и верностью к отцу последнего». Отец последнего — это Гогенцоллерн. Русскому красноармейцу и его красному командиру с добродушнейшим видом преподносится учение о дисциплине, продиктованное утробной мудростью прусского юнкерства и стилизованное в духе тошнотворной протестантской византийщины. 6-й пункт требует соблюдения чинопочитания (это все в «философской» части). На втором месте этой философии «дисциплины» находим афоризм самого «отца отечества» — императора Вильгельма: «Только вниманием и повиновением создаются и сохраняются военные доблести в каждой части и только с ними можно итти в дело и одерживать победу, не уступающую победам нашего славного прошлого. Поэтому каждый солдат должен оказывать внимание и повиновение всем начальникам, т. е. каждому офицеру и унтер-офицеру того полка или той части, где он служит, и исполнять точно их приказание». Глубина мысли, вполне достойная коронованного капрала, блестящий стиль, напоминающий шелуху, снимаемую с промерзлого картофеля. И этот афоризм преподносится, как поучение для Красной Армии. На странице 17-й приводятся цитаты из Спенсера и Тейло́ра, обнаруживающие «необходимость княжеской власти», причем не ясно, относится ли это к прошлому, или к будущему, то-есть, хочет ли автор объяснить, как пещерные люди на известном этапе развития пришли к княжеской власти, или же ведет нас к тому, что монархия есть шаг вперед по сравнению с советским режимом.

Несравненно психологически содержательнее и человечнее мысли Драгомирова, которые, разумеется, нуждаются в больших поправках для нынешней эпохи. Такие главы, как «Дисциплина последствий», «Обучение и умственная культура» (из книг психолога Бена) забрели в этот Сборник только потому, что составители его явно не тверды в дисциплинировании собственной мысли.

В качестве воззрений на дисциплину, вызванных требованиями современной войны, нам указывают «строгое исполнение правил отдания чести» и снова и снова требование «отличного отдания чести и особенно тщательной выправки».

Развитой солдат или молодой командир новой формации возьмет этот Сборник в руки, после первых строк широко раскроет глаза, а затем отшвырнет книжку с возмущением. И он будет прав. Правда, в Сборнике есть некоторое количество мыслей и указаний. Но сколько же рядом тяжеловесного хлама! Чего, однако, в Сборнике нет совершенно — это руководящей идеи. А наша эпоха требует больших руководящих идей. Нанизывать фразы и афоризмы — занятие ветхозаветных начетчиков. Революционной армии нужны не многоученные слова, а ясное и отчетливое научное слово, которое приводит в систему богатый опыт эпохи. Цитировать русскому красноармейцу близорукого буржуазного пошляка Спенсера — нелепо, преподносить ему нафабренного театрального дурака Вильгельма — не только нелепо, но и дерзко: это пахнет какой то немотивированной провокацией.

Что лежит в основе этого недоразумения? — Начетнический взгляд на науку, как на совокупность ученых цитат, формальных определений, подстрочных примечаний — старый академический хлам, который прицеплялся к практическому познанию военному, как мочальный хвост к воздушному змию. И гражданин Беляев, составитель Сборника, серьезно воображает, что все это кому-то нужно! И эту мудрость, изъеденную молью, несмотря на удушливый запах нафталина, редакция «Военного Дела» преподносит самой революционной армии в человеческой истории!

Граждане военные специалисты! Вы учились тактике и стратегии, одни — лучше, другие — хуже. Теперь рабочий класс учится этому у вас, учится прилежно и добросовестно, а дальше будет и еще лучше учиться. Но не воображайте, граждане военные специалисты, что, изучив артиллерию, вы знаете и все остальное. В вопросах общественных, политических, исторических вы в большинстве своем ничего не знаете или — еще хуже — то, чему вас учили, представляет собою старый мусор, давно отброшенный развитием человеческой мысли и служивший сикофантам царизма для того, чтобы законопачивать человеческие мозги. Этого нам от вас не нужно. И мы прямо говорим: грешно и преступно расходовать в наше время всеобщего обеднения бумагу, чернила и труд на печатание никому не нужных идейных обносков давно отошедших исторических эпох.

Граждане военные специалисты. Учите нас тому, что составляет предмет вашей подлинной специальности, а за пределами этого учитесь сами. Нет ничего постыдного сознать свое невежество, попытаться очистить мозги от старого хлама и взять в руки книжки, в которых нашло свое выражение движение человеческой мысли XIX и XX веков. Как знать, может быть, некоторые даже и из премудрых старцев военного дела убедятся, что теория коммунизма (марксизм) — вещь весьма большая и сложная и что с ней нельзя обращаться по образцу старых бурсаков, которые умели в 5 минут расколошматить Дарвина. Граждане военные специалисты! Садитесь за хорошую книжку, вместо того, чтобы издавать дурь\у.

Сентябрь, 1919 г.

Журн. «Военное Дело» № 26 (55).

Какой военный журнал нам нужен?

Речь на совещании редакторов и сотрудников военных изданий.

Мое предложение слить журналы «Красный Офицер» и «Военное Дело» в одно издание встретило решительный протест со стороны военных писателей, сотрудников «Военного Дела»[42]. Здесь, на этом совещании, мы слышали ряд возражений, которые сводились к одному: нельзя убивать военно-научный журнал во имя «популярного» издания. Но ничего подобного я и не предлагал. К военной науке, поскольку она заслуживает этого имени, т. е. поскольку она обобщает накопленный военный опыт, я отношусь с достаточным уважением. Нужно, только, чтобы это была действительно военная наука и, чтобы журнал, претендующий на наименование военно-научного, действительно выполнял свою задачу, т. е. проверял старые выводы военной науки на нынешнем опыте, в нынешней социальной среде и исторической обстановке. В «Военном Деле» этого нет или почти нет. Господа писатели пытаются говорить вневременным языком и излагать какие то вневременные истины. Правда, редактор «Военного Дела» — с перечнем статей в руках — ссылался на то, что редакция «откликалась»-де на все вопросы: писали и о крепостях, и об артиллерии, и о подготовке роты, и о германской военной доктрине и о многом другом. Этот перечень очень внушителен, но он свидетельствует только о том, что «Военное Дело» писало о военных вопросах. Больше ничего не доказывает. А вопрос в том: *как* писало? Военная наука—не геометрия. И те несколько «геометричных» истин, практически довольно худосочных, как их излагает старый Леер, вряд ли могут быть пополнены новыми «вневременными» истинами на страницах «Военного Дела». То, что нам нужно сейчас, это прямое и непосредственное участие журнала в работе по материальному и идейному формированию Красной Армии, той, что создается сейчас. К этому процессу редакция стоит, однако, если не спиной, то в пол-оборота.

Армия великой французской революции сложилась путем «амальгамы». Это слово тогда было широко распространено в военно-политическом обиходе. Старые линейные полки со старым командным составом были объединены в бригады с новыми революционными частями. Эта амальгама означала практически сочетание старого накопленного опыта с новым революционным героическим духом народных масс, находившим свое выражение в революционной армии. Известная амальгама происходит и у нас.

Правда, старые полки наши не сохранились, и формировать мы начали заново. Но от старого опыта и от старых специалистов мы не отказались. Наоборот. Мы их привлекли. Многие из них работают с успехом. И настоящая амальгама, т. е. некое химическое соединение происходит и у нас на фронте с большим успехом. Военная литература наша должна давать отражение, идейное выражение этому именно процессу. «Военное Дело» этого не делает. Вот в чем его основной грех.

Здесь предлагалось для более тесной связи издания с Красной Армией поручить известные отделы издания начальникам соответственных главных управлений. Против этого я стану решительно возражать. Такая связь будет чисто механической, и я совершенно согласен с тов. Свечиным, что она повела бы к полной бюрократизации издания. Заставить начальников управлений теоретизировать по поводу их собственной практики, с которой они пока что не очень хорошо справляются, — это задача совершенно недостижимая. Сами наши главные управления больше всего нуждаются в критике, в подстегивании, в идейных внушениях. А если им дать на съедение журнал, то они на страницах его закрепят только собственные свои силуэты. Другое дело — привлечь их к участию в журнале. Это, конечно, обязанность редакции. Я лично, как читатель, с удовольствием наткнулся на статьи старого интенданта Грудзинского по вопросам снабжения.

Специалист выступает против самодельщины, не желающей учиться и надеющейся все разрешить путем наития. Повод для недовольства и критики со стороны военного специалиста вполне законен. Но увы, статьи специалиста ни в каком смысле не оправдали ожидания. Я нашел собрание цитат, недурных шуток, которые свидетельствуют о том, что интенданту и в трудных условиях свойствен бывает юмор. Это отрадно, но деловой практической критики с широким захватом я не нашел вовсе. А между тем какая благодарная и ответственная тема: снабженец сталкивается с народным комиссариатом продовольствия и с высшим советом народного хозяйства. Это новые сложные образования, в которых находит свое выражение многообразный процесс социалистического строительства с ошибками, уклонениями, наследием рутины, неопытностью, исканиями новых путей. Казалось бы, от кого и требовать, как не от опытного снабженца, принципиальной деловой критики постановки работы в наркомпроде и высовнархозе — под углом зрения снабжения армии? Армия — организм в высшей степени требовательный, императивный, нужды которого не терпят отлагательства. Поэтому, все прорехи хозяйства во всех областях ярче всего сказываются на снабжении армии. Наши же специалисты интенданты подходят к наркомпроду и к высовнархозу, как к обрушившемуся на них фатальному несчастью, которое нужно претерпеть. Вместо критики, хотя бы самой решительной и резкой — либо тихое брюзжание, либо помалкивание, либо шуточки. Вот что отшибает от «Военного Дела».

Связь с Красной Армией нужна не механическая, не через передачу начальникам управлений отделов журнала. Связь нужна внутренняя, идейная, органическая.

Возьмем вопрос о социальном составе нашей армии. Мы ее строим на классовой основе. Этот вопрос подвергнут ли был обследованию с точки зрения военного дела? Ни разу *). Или может быть это вопрос с военной точки зрения безразличен? Но глядите: на Украине Скоропадский сделал другую попытку построения армии на классовом принципе. Он мобилизовал хлеборобов, имеющих не менее, кажется, 25 десятин земли. Мы имели, наконец, попытку учредиловцев построить «народную» армию на внеклассовой основе. Эта попытка рассыпалась прахом. Стало быть, мы живем в эпоху, когда классовый принцип построения армии навязывается сам собой. Какой отсюда вывод для военного дела, для формирования, для воспитания, для тактики? Какие практические боевые последствия? Ваш журнал ни разу не остановился на этом вопросе. Разве это не чудовищно?

Пойдем далее. Армия без командного состава — не армия. Командный состав мы берем из двух источников — из резерва старого офицерства и из среды рабочих и крестьян, прошедших инструкторские курсы. Оценка этого командного состава, попытка облегчения нашей работы по его привлечению, по его воспитанию и перевоспитанию — где они? Напрасно стали бы мы искать всего этого на страницах «Военного Дела».

Вопросы техники, тактики, стратегии нынешней войны? Вы их почти не затрогивали. Конечно, вы пишете и о крепостях и о многом другом. Но вся суть в том, как писать. Никто не требует какой то особенной, искусственной популярности. Дело совсем не в этом. Писать надо в соответствии с предметом. Конечно, нужно избегать кастового педантски канцелярского языка, но в конце концов популярность находится в соответствии с объемом вопроса, со сложностью понятий и их соотношений. Но, повторяю, дело вовсе не в том. Можно писать о крепостях, о танках, об английском флоте, о новых штатах австралийской дивизии, исходя при этом из внутренних потребностей и задач Красной Армии, т. е. стремясь расширить ее горизонт и обогатить ее опыт. А можно писать в качестве сторонних наблюдателей, которые посиживают, вокруг поглядывают и кое о чем пописывают. В том то и беда, что многие статьи «Военного Дела» написаны в тоне людей, которые пережидают и отписываются.

---

*) Когда то немецкий буржуазный экономист Луи Брентано на основании опыта войны 70 — 71 г. произвел анализ относительных качеств немецких рабочих и немецких крестьян в армии и пришел к выводу о военных преимуществах пролетариев. Наши военные специалисты затронули ли этот важнейший вопрос в журнале? Ни разу. А между тем в нашу эпоху жизнь армии вертится вокруг этого вопроса. Опыт накопился громадный. Учтен ли он? Нисколько.

Конечно, можно ко всей революционной эпохе относиться, как к недоразумению, или как пешеход относится к ненастью, которое нужно пережидать под зонтиком. Можно под зонтиком просидеть час-другой, в расчете на то, что погода переменится и позволит зонтик свернуть и пойти своей дорогой. Но увы! в таком настроении нельзя издавать журнал. Самое слово «журнал» происходит от «дня», а «дню довлеет его злоба». Можно быть еще, пожалуй, делопроизводителем в штабе или инспектором пехоты и даже начальником дивизии (конечно, плохим начальником), а в душе ждать пришествия чего-то или кого-то. Но с таким настроением нельзя издавать журнал. Писатель, ведь, весь в высказываниях. Он зовет, учит, обобщает, обличает, а куда ему звать, ежели он сам под зонтиком отсиживается. Вот, в этой психологии главная беда «Военного Дела».

Конечно, вы пишете о крепостях и о многом другом. Но мне, вот, вспоминаются статьи французских военных журналов о крепостях во время нынешней войны, в эпоху повального падения наших русских крепостей. Тогда шла лихорадочная переоценка значения крепости в военной печати. Удержатся ли фортификации старого типа или будут вытеснены укрепленными позициями нового траншейного типа? Но те, французские статьи, писались под углом зрения судьбы Вердена, Бельфора, вообще французских крепостей, их обороны, словом писались изнутри французской армии и для французской армии. Ваши же статьи о крепостях пишутся, как семинарские сочинения, «вообще», безотносительно. Это какая то военная геометрия, плохая геометрия, которая нередко смахивает на каляканье.

Тут один из сотрудников журнала, В. Борисов, категорически заявил нам, что сколько бы мы ни мудрили, но без начальника генерального штаба все равно ничего не выйдет. А когда начальник генерального штаба придет, то немедленно восстановит «Военное Дело», ежели бы даже мы его закрыли. Но что есть начальник генерального штаба? Это, видите ли, некий индивидуум, который должен все учесть, проверить, распределить, всему указать место и значение. Автор этого изречения был поддержан редактором журнала Лебедевым. Простите, пожалуйста, но от такой философии истории можно притти в полное упыние. Откуда же взяться этому провиденциальному начальнику генерального штаба, ежели у вас нет идей генерального штаба или, вернее, основных руководящих идей формирования армии и ее применения к действию? Вы ко всем вопросам фактической жизни нашей армии — той, которая ныне существует и растет — стоите спиной. Воздыхания во славу грядущего спасительного начальника генерального штаба только выражают идейную беспомощность: это пассивный бонапартизм крайне растерявшихся людей. Повторяю: можно, кому это нравится, сидеть в кельи под елью, выжидая появления начальника генерального штаба. Но человек, сидящий под елью, не может руководить военным журналом.

Те же лица указывали с укоризною на то, что у нас-де имеются лишь делопроизводители генерального штаба, которые сидят с телефонной труб-

кой и пишут злободневные приказы насчет пополнений. А я вам скажу, что эти делопроизводители с телефонной трубкой несравненно ценнее для военного дела и, если хотите, для военной науки, чем безжизненные педанты, которые показывают истории спину и выжидают пришествия мессии от генерального штаба. Ваше педантское презрение к той военной работе, которую история сейчас производит на ваших глазах, нашло наиболее яркое выражение в одном из примечаньиц, которое вы сделали к моей статье о военных специалистах, но которое, к сожалению, не напечатали. Очень прошу вас все эти примечания напечатать. У вас там говорится, что в нынешней гражданской или малой войне, конечно, можно позволять себе «все, что угодно», но для науки это-де не в счет, да науке, мол, и вообще тут делать нечего. А я скажу вам, господа военные специалисты, что это утверждение совершенно невежественно — и не с политической только, а прежде всего с военной точки зрения. Неправда, будто в гражданской войне нечего делать военной науке и нечем обогащать себя. Как раз наоборот. При подвижности, гибкости фронтов гражданская война дает огромный простор для подлинной инициативы и подлинного военного творчества, а задача все та же: достигнуть наибольших результатов с наименьшей тратой сил. Аналогия между военным и шахматным искусством проводилась не раз. Позвольте мне сделать экскурсию в шахматную область. Кто читал партии Морфи, величайшего шахматного стратега, тот знает, что эти партии отличаются совершенством; независимо от того, вел ли Морфи «большую» или «малую» войну, т. е. имел ли он равносильного противника или профана, Морфи всегда разворачивал одни и те же качества и добивался результатов путем минимального количества ходов. Это и есть основное требование военной науки, обязательное целиком и для стратегии гражданской войны. Как раз последняя большая война, как обнаружилось уже вскоре на западном, французском фронте, давала сравнительно мало простора для творчества. После того, как установился гигантский фронт от бельгийского побережья до Швейцарии, война сразу автоматизировалась, стратегическое искусство свелось к минимуму и все было поставлено на карту взаимного истощения. Между тем как наша война — сплошь подвижная, маневренная,— это-то и дает возможность в «малой» войне проявить величайшие дарования. Кто на эту войну поплевывает, тот обнаруживает полное невежество, педантизм и, конечно, ничему не способен научить других, ибо ничему не способен научиться сам.

«Военное Дело» не есть, конечно, массовое популярное издание, рассчитанное на красноармейцев. Красноармеец в массе своей есть советский гражданин, вооруженный винтовкой для борьбы за свои интересы. Удовлетворение своих идейных интересов красноармеец найдет на страницах общей печати. Командиры же в большей или меньшей мере специалисты, у них свой круг специальных военных интересов, для которых им нужно особое издание. Они предъявляют на такое издание острый спрос. Чтоб этот спрос удовлетворить, нужно видеть и чувствовать своего читателя,

ясно знать, для кого пишешь, а многие статьи «Военного Дела» походят на переписку добрых друзей между собой.

Тут были жалобы на цензуру, которая мешает писать, мешает критиковать. Охотно признаю, что цензура наделала бездну промахов и считаю весьма необходимым указать этой почтенной особе более скромное место. Цензура должна охранять военную тайну, — у нас, к слову сказать, слишком мало соблюдают ее в наших собственных, военных учреждениях, — а до всего остального цензуре дела нет. Надеюсь, что мы с этим супостатом критической военной мысли справимся общими силами. Но было бы слишком неосновательно взваливать ответственность за худосочие «Военного Дела» на цензуру.

Говорят еще: для того, чтобы приблизиться к сегодняшнему дню, дайте нам подступ к архивам гражданской войны. Конечно, это дело вполне осуществимое. Но с е г о д н я ш н е г о д н я все же нет надобности искать в архивах, он живьем ходит по улице, и не видеть его может только тот, кто закрывает на него глаза.

Тут было, с другой стороны сказано, что нужно вообще поставить крест на опыте постановки научно-военного журнала при помощи старых военных писателей. Я так далеко не иду. Пока что опыт не удался, хотя элементы улучшения несомненно имеются налицо. Я считаю, что сейчас единственным правильным шагом вперед будет извлечение наружу всех недостатков «Военного Дела»: нужно заставить редакцию ясно и отчетливо сказать, чего она хочет, как она себе представляет строительство армии, почему она молчит о важнейших вопросах. Нужно тихое брюзжание превратить в членораздельную критику. Нужно заставить господ педантов от военной псевдо-науки, жрецов идеи начальника генерального штаба померяться идейным оружием в открытой борьбе с подлинными строителями нынешней армии.

В наших военных учреждениях, особенно на фронтах, работает сейчас немало образованных военных специалистов, которые с успехом освобождаются от высокомерного академического педантства и которые, участвуя в практической работе создания армии, стоят несравненно ближе к подлинной военной науке. Открытая полемика выбьет военную мысль из равновесия неподвижности, внесет свежую струю и пробудит таких военных писателей, которые захотят и сумеют говорить о Красной Армии и для Красной Армии, нимало не поступаясь требованиями научности.

Долой самодовольную рутину! Ее место должна занять критическая военно-научная мысль.

Журнал «Военное Дело»,
№ 5—6, 23. II. 1919 г.

„Первая книга для чтения".

Стоит ли ее читать?

Обще-образовательная секция при военном отделе ЦИК выпустила «Первую книгу для чтения», предназначенную для солдат. Кто составлял эту книгу — не знаю, но ясно вижу, что составлял ее человек, во-первых, не знающий тех, для кого ее составлял, во-вторых, плохо разбирающийся в вопросах, о которых писал, и в-третьих, плохо знакомый с русским языком. А этих качеств не достаточно, чтобы составить «Первую книгу для чтения» наших солдат.

На первом месте этой книжки в 32 стр. помещена «Памятка воина и революционера». Написана памятка, где каждое слово должно бы быть взвешено, чудовищным языком. «Кучка генералов и министров топтала кости (!!!) миллионов солдат, которые шли на убой»... Каким образом можно топтать кости людей, находящихся в походе? «В деревнях не было куска хлеба или стакана молока, потому что все отдавалось помещикам и их собакам» (!!!) «Злой и хищный фабрикант пропивал по заграницам миллионы, а если рабочий требовал прибавки каких-то (!!!) грошей, то его расстреливали без пощады». В заключение от имени солдата говорится: «Я буду знать, что кроме силы мне нужна и другая сила — знания и грамотность». Очевидно, автор хотел сказать: «кроме силы оружия мне нужна и другая сила — грамотности и знания». Автор только забыл, что «сила грамотности» нужна и составителю учебников.

Среди «Наших поговорок», помещенных на втором месте, встречаются такие перлы, как: «Дремал, дремал, да и выдремал» или «Солдат без ружья — хуже бабы» и пр.

Далее идет монолог рабочего из крикливой, напыщенной и фальшивой пьесы Андреева — «Царь голод». Андреевских вычур не поймет, конечно, солдат, которому приходится учиться азбуке родного языка.

Затем неожиданно следует «Доля бедняка» Сурикова. Следующая страница посвящена «Русскому словцу» Гоголя. Потом следует басня »Мирон» Крылова, причем крыловским басням, этому кодексу мещанской мудрости и молчалинства, приписывается, кроме «глубины смысла», также и «огромное воспитательное значение для русского народа».

На 15 странице находим неожиданно басню Хемницера «Богач и Бедняк», в которой Хемницер жалуется на такую социальную несправедливость:

«А бедный, будь хоть из князей, хоть разум ангельский имей» и пр... Басня припоровлена к настроению благородного, но бедного дворянина. Зачем красноармейцу Хемницер в первой книжке для чтения — этого не разгадает никто!

Но лучше всего неподписанные статейки: «Земной шар», «Богатство», «Общественные отличия», «Мать земля» и пр. Тут мы читаем: «Мир принадлежит одинаково всем и должен быть поделен поровну». Каким образом поделить мир поровну и на сколько именно частей, автор не объясняет. Далее: «Работа каждого человека составляет собственность не его, но государства, которое кормит и одевает его». Автор, очевидно, в серьез воображает, что излагает социалистическую доктрину: «Работа (!) каждого составляет собственность (!!) государства» (!!!). Далее рассказывается, что богатство — «это оружие разбойника, с помощью которого (разбойника?) небольшая шайка грабителей присвоила себе плоды труда всех людей». Отсюда делается вывод, что богатство должно быть «отобрано от тех рук, которые слишком долго удерживали его». Отобрать от тех рук (!!!)...

«Общественные отличия» автор отвергает, хотя неизвестно, что он понимает под отличиями. В конце он рекомендует всему человечеству итти «по гладкой поверхности одинаковости (!) и равенства».

Что это, декаденство или безграмотность? Не забудьте, опять-таки, что это рекомендуется для чтения солдат, едва научившихся грамоте. О «Матери земле» сообщается, что она «принадлежит человечеству и потому должна быть поделена между всеми, кто желает ее обрабатывать». Этот черный передел вряд ли имеет что либо общее с коммунистическим учением.

На странице 20-й находим «Гимн Красной Армии» за подписью Николая Гермашева. В этом гимне (кем и когда, к слову сказать, сочинению Гермашева придано высокое звание гимна Красной Армии?) читаем: «Мрачно еще над землею, всюду не видно ни зги»...

Во-первых, это не по-русски: не **всюду**, а **нигде** не видно ни-зги, во-вторых, это неправда. Революционный поэт никогда так не охарактеризует нашу эпоху. Такие слова можно сказать об эпохе восьмидесятых годов, но никак не о нашем бурном времени.

О елейно-народническом поэте Якубовиче сообщается, что в своей книге «В мире отверженных» он «ярко и правдиво изобразил страдания политических ссыльных», что, как известно, вздор, ибо в книге говорится об уголовных каторжанах, а вовсе не о политических и тем более не о ссыльных.

В довершение всего, Гюи де-Мопассан, в связи с помещением его отрывка, рекомендуется читателям, как певец «вечных страданий беднейшей части человечества и в особенности французского пролетариата». Мопассан, как певец страданий французского пролетариата, — что же это такое? шутка? издевательство? Если издевательство, то над кем?

«Тройка» Гоголя и «Песнь о буревестнике» Горького, которая имела свое значение лет 15 тому назад и которая совершенно утратила его

ныне, — мало обогащают общее содержание сборника. Остается еще упомянуть, что в этой брошюрке бог и творец попадаются на каждом шагу.

Составлять книгу чтения, да еще первую книгу для солдат — трудное и ответственное дело. Нужно выбирать отрывки и отдельные произведения с большой находчивостью, с большим психологически-литературным чутьем и, прежде всего, — со здравым смыслом. Нужно обращаться к классикам или брать, по крайней мере, произведения широкого распространения. По нашему разумению ни тов. Гермашев, ни тот неизвестный автор, который рекомендует весь мир поделить поровну, точно грушу, не принадлежат к классикам. Им самим нужно поучиться, прежде чем учить других. Вот почему «Первую книгу для чтения» приходится признать никуда не годной.

9 января 1919 г.
г. Валуйки.
Журнал «Военное Дело» № 2.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ.

I. Наступление Красной Армии на Украину и Дон (январь—15 мая 1919 г.).

II. Наступление Деникина (15 мая — август 1919 г.).

III. Рейд Мамонтова. Мироновщина. Второе наступление Красной Армии на Украину. (Август — декабрь 1919 г.).

I.

НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА УКРАИНУ И ДОН

(январь — 15 мая 1919 г.).

Необходима суровая чистка.

Освобождается Украина. Наши южные армии с заметным успехом наступают на Дон [43]. Все новые и новые области открываются для Советской власти. Новые миллионы рабочих, работниц, крестьян и крестьянок приобщаются к социалистической революции. Но вместе с тем мы снова наблюдаем на новых местах те болезни молодости или детства, какие мы пережили у себя. Десятки и сотни темных элементов, авантюристов, искателей приключений примазываются к революции. Гигантский переворот, который теперь происходит на Украине, открывает в старом здании много щелей, и из этих щелей, как тараканы, выползают общественные паразиты, которые пытаются использовать неопытность революционных масс и создать себе карьеру на крови народа.

Так было всегда и во всех революциях. Так было и в октябрьскую революцию в Петрограде, в Москве. Прощалыги, охранники и полуохранники, прапорщики Шнеуры, внезапно перекрасились в большевиков, громче всех кричали, требовали самых кровавых мер против буржуазии, высовывались вперед и нередко захватывали довольно ответственные советские посты. На этих постах они, разумеется, оказались теми, кем были раньше, прохвостами. Они занимались шантажом, вымогательством, грабежом. Не только мещанские обыватели, но и значительные круги рабочих приходили в ужас и негодование при виде работы этих представителей Советской власти. Клеветники и враги трудящихся классов злорадствовали и улюлюкали: «вот они, комиссары, каковы!»

Прошли месяцы, прежде чем Советская власть отодрала от себя этих въевшихся, как репейник, приживалов и пролазов, которые перекрасились под защитный советский цвет. Одни из них были расстреляны, другие сидят в тюрьмах, третьи разбежались и снова попрятались в щелях. Эти последние не отказались, однако, от своей надежды. Украинский переворот

снова окрылил их. Там успешные восстания трудовых масс сгоняют с насиженных мест помещиков, капиталистов, полицейских, журналистов и прочих слуг буржуазного государства. Работники нужны везде и всюду. Знающих, опытных, дельных людей не так у нас много. В рабочем классе есть огромные силы, но они еще скрываются под спудом, — только будущая работа обнаружит их и поднимет наверх. Пока же приходится нередко хвататься за то, что есть под руками. И вот со всех концов России слетаются искатели приключений на огонек Украинской революции. Более мелкие из них орудуют по уездам, более крупные ставят себе «государственные» цели.

Курские анархисты обращаются с торжественным призывом ко всем «кандальникам и острожникам» «приобщаться к пиру жизни». Нечего и говорить, что кандальники и острожники даже и без любезного призыва анархистских пустословов готовы погреть воровские руки у костра Рабочей Революции.

Так называемые левые эс-эры разъезжают по закоулкам и призывают красноармейцев к восстанию против Советской власти. Какие-то подозрительные «максималисты» налагают контрибуции на население Валуйского уезда, стремясь сорвать с революции «максимальный» барыш. Бывший командир Волчанского полка Сахаров, державший себя до поры до времени «в границах», теперь, когда с Украины понесло запахом жареного, покидает позиции и бросается на поиски более высоких постов и связанных с ними благ. А в то же время Харьковский орган левых эс-эров «Борьба» через Карелина и других сотрудников в деле июльского восстания снова призывает к «единству» всех Советских партий в лоне Украинского революционного правительства. Господа эс-эры еще, повидимому, не твердо решили, поднимать ли им Сахарова против Советской власти или же благосклонно принять портфели во имя «единства социалистического фронта».

Авантюрист поднялся. Этот факт ни в коем случае не может быть истолкован, как довод против нравственной силы Рабочей Революции. Воды весеннего потока поднимают не только могучие корабли, но и трупы дохлых собак. Большие и малые авантюристы — это только грязная пена на гребне великих событий. Пена исчезнет, завоевания социалистической Революции останутся.

Из этого, однако, не следует, будто авантюристы, карьеристы, и просто мошенники, безвредны. Наоборот, они сейчас являются злейшими врагами нашего дела. Это можно проследить в большом и малом. С каким восторгом встретило население Валуйского уезда свое освобождение. И потом, через несколько дней, с каким горьким недоумением граждане озирались вокруг, когда бандиты обрушились на них градом контрибуций и бессмысленных и бесчестных расстрелов.

Наши товарищи коммунисты, богатые опытом Советской Великороссии, быстро справились с нахлынувшими налетчиками революции. На голову

максималистов, анархистов, левых эс-эров и просто уголовных искателей приключений сразу опустилась тяжелая рука революционной репрессии. В Валуйском уезде сразу установился порядок, и освобожденные рабочие и крестьяне снова узнали свою Советскую власть. Но в Волчанске еще самодурствует Сахаров, объявленный вне закона, и потому твердо знающий, что ему нечего терять.

В Украинских партизанских отрядах немало таких Сахаровых пытаются сейчас образовать хвост за Украинским Советским Правительством. Для нас не может быть никакого сомнения в том, что Правительство Рабочей и Крестьянской Украины поступит — на более широкой арене — так же, как поступили Валуйские коммунисты: сразу опустит тяжелую руку репрессий на бесшабашные головы авантюристов, политических спекулянтов и бандитов.

Нужно судить политические группы и отдельных людей по опыту их недавнего прошлого. Анархисты после октябрьской революции создали в Москве, Петрограде и др. городах воровские притоны и держали в осаде целые кварталы революционных столиц. После того, как Советская власть прошлась по ним ударом железной метлы, от всего этого уголовного маскарада вряд ли остались сколько нибудь заметные следы. Левые эс-эры восстали в июле, пытались поднять восстание на восточном фронте, поднимали полупьяные красноармейские мятежи во Льгове. Они ведут оголтелую черносотенную агитацию по закоулкам Москвы и Петрограда и в то же время тошнотворно-сладеньким голоском Карелина причитают об единстве украинского Советского фронта.

Нам не нужно их добродетельных слов. Мы их знаем по их пакостным делам. Великолепный подъем рабоче-крестьянского восстания на Украине является лучшей порукой в том, что Советская власть будет крепнуть не по дням, а по часам. Для этого ей нужны не сомнительные союзники — однодневки и не длинные хвосты из искателей приключений, а твердая ясная позиция коммунистической партии и суровый режим революционной дисциплины. Если нам после Октября понадобились месяцы для очистки от темных выскочек и проныр, то Украинской Советской власти, богатой нашим опытом, понадобятся недели, чтобы загнать навязчивых союзников уголовной лево-эс-эровской марки в такие щели, из которых им лучше никогда не выходить.

9 января 1919 г.
гор. Валуйки.
«В пути», № 21.

Пора кончать!

По всем границам Советской Республики проходит фронт: на севере, на востоке, на юге и на западе.

На нашем севере засели англичане, американцы, французы с небольшими группами сербов и чехо-словаков. Летом прошлого года они надеялись оттуда пройти на Вологду, на Ярославль, потом на восток — на Нижний, на Вятку, на Пермь, — соединиться с чехо-словаками и белогвардейцами Сибири. Но из этого плана ничего не вышло: мы удержали Вологду и прогнали чехо-словаков на восток.

Сейчас Северный фронт не открывает нашим врагам никаких надежд и видов. Французские газеты поговаривают о том, чтобы увести из Архангельска и Мурманска высаженные там чужеземные войска. Американские солдаты тем временем начинают брататься с нашими солдатами и справедливо говорят: «вы сражаетесь за вашу коммуну, а мы-то за что?»

На Восточном фронте у нас за последнее время была одна крупная неудача — потеря Перми и одна крупная удача — взятие Уфы. В общем положение на Восточном фронте для нас благоприятное. До недавнего времени против нас там боролись правые эс-эры и меньшевики, в союзе с открытыми черносотенцами. Теперь адмирал Колчак захватил власть и прогнал своих недавних помощников — эс-эров и меньшевиков [44]. В лагере у врага, стало быть, разлад, междоусобица, — нам это на руку. Наши войска на Восточном фронте продвигаются на Оренбург. Со взятием этого важного пункта открывается дорога на Туркестан. Оттуда нам навстречу идет Красная Армия Туркестанской Республики [45]. Из Туркестана мы получим хлопок, столь необходимый для нашей ткацкой промышленности.

На Западном фронте дела идут как нельзя быть лучше. Тут еще раз обнаружилось бессилие русских буржуазно-помещичьих белогвардейцев. Как только рухнул немецкий милитаризм, и в оккупированных областях западной России утвердились немецкие советы, русские белогвардейцы поняли, что дни их сочтены. Они вошли в сделку с немецкими офицерами и с англо-французским правительством. Из Парижа и Лондона, а также из Берлина, от своего Шейдемана, немецкие офицеры получили приказ советским властям не сдавать ни городов, ни дорог, ни военного имущества. Но немецкие солдаты уже вышли из подчинения. Они отказались сражаться с красными полками, стремясь, как можно скорее, уйти к себе в Германию. Белогвардейские полки под командой генерала Драгомирова

потерпели смертельное поражение под Псковом. С того времени советские войска продвигаются все дальше на запад, освобождая город за городом, губернию за губернией.

На северном конце Западного фронта советские войска продвигаются к Ревелю, и близок день взятия столицы Советской Эстонской Республики. Рига уже взята латышскими полками. Таким образом, Красная Латвия получила свою столицу. Советские полки вошли в Вильно — центр Красной Литвы. Население везде с восторгом встречает своих освободителей. Нужно не забывать, что Рига была взята немцами при Керенском, стало быть, еще до Советской власти, а литовская столица Вильно — при царизме, стало быть, из-под царского режима сразу перешла под режим кайзерский и еще вовсе не знала свободы.

Во всех этих западных областях мы находим много военного имущества — нашего старого и немецкого, — а это даст возможность Федеративной Советской Республике развернуть там новые крепкие дивизии, которые будут стоять на-страже революции от иноземного вторжения.

Переменилось положение и на Украине. Вслед за кайзером пал Скоропадский. Правда, англо-французские разбойники пытались гетмана взять к себе на службу. Но прежде чем их тридцать серебренников дошли до Киева, гетману уже пришлось спасать свою шкуру. На смену ему пришли Петлюра с Винниченко. Это старые знакомцы. Год тому назад они предали Советскую Республику, заключив союз на Дону с Калединым и с Корниловым, а в Брест-Литовске — с немецким кайзером, против рабочих и крестьянских Советов.

Когда украинские Советы победили, Петлюра, Винниченко и прочие предатели призвали на помощь германские и австрийские полки. Завладев Украиной, кайзер прогнал Петлюру и Винниченко, чтобы не путались под ногами, и посадил Скоропадского. После падения Скоропадского, Петлюра и Винниченко снова пытаются выступить в роли друзей и покровителей украинского народа. Но дни их сочтены. Им никто не верит. Они призывают ныне на помощь англичан и французов, как ранее призывали немцев. Опоры в народе у них нет. Украинские повстанцы уже завладели целым рядом пунктов и узлов на Украине и, прежде всего, таким крупным украинским центром, как Харьков. Можно не сомневаться, что это движение пойдет шире и шире. Украина скоро станет советской. Оттуда придет к нам хлеб и сахар, а мы дадим туда ткани, когда получим из Туркестана хлопок.

Дальше, на юго-восток, пролегает важнейший фронт от Воронежа до Царицына, где мы не одержали еще решающей победы. Это красновский фронт. Здесь, опираясь на богатое казацкое кулачество, собрались все темные, буржуазные, помещичьи, монархические, чиновничьи, кулацкие, противонародные элементы России. Здесь они создали свой лагерь насильников и грабителей, борющихся против социалистической революции. Они получали раньше помощь от германского империализма и хвалились этим.

Теперь им помогают англо-французские империалисты, — и красновцы снова с гордостью возвещают об этом. От кого бы ни шли патроны и снаряды, только бы нанести вред, причинить ущерб, раны, смерть и гибель рабочей и крестьянской России. Красновско-деникинские банды стоят здесь заслоном, отрезая от нас богатейшие местности, где нас ждут большие запасы хлеба, угля, руды, керосина и бензина.

Борьба на Юго-восточном фронте тянется давно — все время без решающего поворота. Несомненно, что здесь перед нами опасный враг: во-первых, потому, что этот враг борется с энергией отчаяния, зная, что если здесь разобьют его, то надежды у него больше нет: во-вторых, в среде красновско-деникинских войск много офицеров, которые служат в качестве рядовых и этим придают ударную силу белогвардейским полкам. Красновцы надеялись, что им удастся продержаться на Дону до прихода англо-французских войск. Еще не так давно, всего месяца два тому назад, казалось несомненным, что англо-французы направят к ним свою миллионную армию, чтобы задушить Советскую Россию. Но теперь дело изменилось. Во Франции и в Англии большое недовольство в народе и нежелание продолжать войну. В среде самих империалистических правительств Англии, Франции и Америки произошли разногласия насчет того, выгодно или невыгодно, опасно или неопасно вступать в бой с Советской Республикой.

Чем успешнее идут наши действия на востоке и на западе, тем труднее для империалистов становится наступление на нас. Путь до Москвы становится для них все длиннее и длиннее, потому что границы Советской Республики расширяются с каждым днем. Можно сказать с несомненностью, что если мы сокрушим красновские банды, мы докажем всему миру свою непобедимость, и тогда самым остервенелым империалистам, англо-французским разбойникам придется отказаться от мысли посылать против нас англо-французских рабочих и крестьян.

На Донском фронте разрешается теперь судьба Советской Республики. Это разрешение слишком затянулось. Пора кончать! На Южном фронте нами сосредоточены большие силы. Выполнена крупная организационная работа. Во главе полков, дивизий, армий стоит надежный командный состав и лучшие наши комиссары. Вся страна смотрит с величайшей надеждой на свои юго-восточные армии. Все чувствуют, что приближаются дни и недели развязки. Красновская конница мечется из угла в угол, нанося уколы красному фронту. Но и на этом фронте мы скоро сочтемся с врагом и раздавим оплот контр-революции.

Солдаты, командиры, комиссары Южного фронта! Ваш час пробил!

Пора кончать, пора очистить юг, проложить дорогу на Кавказ, пора нанести смертельный удар самому заклятому врагу рабочей и крестьянской России и дать истомленной стране безопасность, мир и довольство.

7/I — 1919 г
Курск.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 11 января 1919 г., № 76, гор. Балашов.

Лево-эс-эровские, анархические и прочие контр-революционеры!

Мною получен нижеследующий приказ Революционного Военного Совета группы Курского направления:

«Приказ Революционного Военного Совета группы Курского направления. Лево-эс-эровские авантюристы, во главе с Саблиным, Евдокимом, Муравьевым и Цветковым, в районе Уразово, Купянск и Валуйки, организовали заговор против рабоче-крестьянского правительства. Они тайно сформировали лево-эс-эровский штаб в составе командира 10-го Украинского полка Рындина, Колухина, Нилова, Ганенко и Цветкова. Главные силы этого штаба были роты, снятые Сахаровым с Лискинского фронта под командой Киряченко. В Купянске был организован Ревком во главе с Саблиным и Муравьевым. Под их угрозами в волостные Советы назначили только тех, кто назвал себя левым эс-эром. Сахаров взял на себя организацию Волчанского лево-эс-эровского центра. 26 декабря Купянские комиссары были загнаны в подполье и частью расстреляны. 29 декабря на закрытом заседании были подсчитаны лево-эс-эровские силы первый Валуйский повстанческий полк, второй Волчанский Сахарова, третий полк Чербияна. Отряд Сахарова в 16 тысяч человек числился в резерве против коммунистов. Было постановлено войти в тесный контакт и установить связь с отрядами Сиверса и Киквидзе. На этом же заседании был намечен состав Украинского лево-эс-эровского правительства: три представителя от названных полков, один левый эс-эр от Харьковского губсовдепа, по одному от Украинской и Российской партий левых эс-эров, один максималист и один анархист. Вместе с тем, эти авантюристы вели самую гнусную агитацию против Советской власти путем широкого распространения воззваний, в которых они призывали солдат к бунту. В одном из воззваний они писали, между прочим: «Товарищи красноармейцы, гоните же в шею своих командиров назначенцев, гоните в шею офицеров и генералов и т. д.». Как только эти сведения были получены в советских войсках группы Курского направления, сейчас же в Купянск был послан один батальон войск. Часть авантюристов разбежалась, солдаты остались верны Советской власти.

Арестованы: Муравьев, Белокабыльский, Цветков, Рындин и Киряченко, которые все преданы суду полевого трибунала. Цветков, отдавший приказ о разгроме Купянска, расстреле и разоружении коммунистов и им сочувствующих, расстрелян.

В настоящее время весь названный район очищен от авантюристов, и налаживается Советская власть. Главари именовали себя представителями восточной украинской повстанческой армии. Одного батальона Красных Советских войск было достаточно, чтобы эта «повстанческая армия» лопнула, как мыльный пузырь. Однако, в виду того, что мы сейчас находимся в боевой обстановке, Революционный Военный Совет группы войск Курского направления приказывает всем начальникам и комиссарам дивизий, командирам и комиссарам отдельных частей, отнестись со всей серьезностью и строгостью к авантюристам, — немедленно арестовать и препроводить в полевой трибунал всех, так или иначе, причастных к лево-эс-эровскому восстанию в Купянске и Уразово. Реввоенсовет группы войск Курского направления. И. Кожевников и И. Перчихин».

В приказе сообщается о постановлении лево-эс-эровскими контр-революционными заговорщиками войти в связь с отрядами Сиверса и Киквидзе. Само собой разумеется, что это намерение не привело ни к каким практическим результатам. Бригада, во главе которой стоял покойный тов. Сиверс, и дивизия, которой командует тов. Киквидзе, выполняют свой долг на южном фронте и ни в какие бесчестные авантюры вмешиваться не собираются.

Вполне одобряю энергичный образ действий Реввоенсовета группы Курского направления. Предлагаю Реввоенсоветам всех армий и всем комиссарам тщательно наблюдать за контр-революционной работой так называемых левых эс-эров и других врагов Рабочей и Крестьянской власти.

Телеграмма

Председателя Реввоенсовета Республики в Штаб 16-й дивизии по поводу кончины тов. Киквидзе *)

Ваш вождь Киквидзе, один из лучших солдат революции, выбыл из строя. Недавно контуженный, он продолжал оставаться на своем посту. На этот раз вражеская пуля попала метко. Один из самых грозных врагов красновской контр-революции выбыл из наших рядов. 16 дивизия отныне будет именоваться дивизией имени Киквидзе. Отныне дивизия Киквидзе должна знать только один лозунг, один клич: «Беспощадная месть за гибель своего вождя, смерть красновцам, вечная память герою Киквидзе».

---

*) Начальник 16 див. тов. Киквидзе был смертельно ранен пулей выше сердца 10 января в бою под Зубриловым. Л. Т.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту от 9 марта 1919 г., № 80, гор. Москва.

В начале января настоящего года Краснов сосредоточил значительные силы против Царицынского фронта, оттеснил наши части непосредственно в район Царицына и тем создал для всей расположенной там армии крайне критическое положение. В этот момент особой кавалерийской дивизии, под командой товарища Думенко, дана была командованием армии задача переброситься в район Дубовки и разбить в этом районе противника во что бы то ни стало. Удачными маневрами в течение месяца, с половины января до половины февраля, дивизия блестяще выполнила возложенную на нее армейским командованием задачу. В течение этого времени она совершила четырехсотверстный рейс, разбила 23 полка противника, из коих 4 пеших были полностью захвачены в плен. В качестве трофеев дивизия захватила у противника 48 орудий, более 100 пулеметов, бронированный автомобиль и много всякой другой военной добычи. Эти успехи дали возможность армии захватить в свои руки почин, перейдя в наступление, очистить от противника пространство до реки Дона и до станции Жутово Владикавказской ж. д. В многочисленных боях начальник дивизии Думенко, командиры бригады Буденый и Булаткин, командир полка Маслаков не только руководили боем, но и, невзирая на ранения, оставались в строю для выполнения поставленных им боевых задач.

Во внимание к этим исключительным заслугам перед революцией и советской республикой дивизия награждается почетным знаменем. Начальник дивизии Думенко, командир бригады Буденый, командир бригады Булаткин, командир полка Маслаков награждаются знаком ордена Красного Знамени. В распоряжение дивизии направляются боевые подарки для вручения отличившимся солдатам. Всем революционным воинам кавалерийской дивизии от имени Революционного Военного Совета Республики выражаю братскую благодарность.

Наш южный фронт.

Южный фронт — казацкий фронт. Дон — очаг контр-революции. При самодержавии казачество служило орудием произвола и насилия. Рабочие стачки, крестьянские волнения усмирялись в первую голову казацкой нагайкой. Именем казака матери-работницы и крестьянки пугали детей. На всех языках мира слово «казак» произносится одинаково и всюду оно означает: насилие и произвол.

Царское правительство и при его поддержке казацкие верхи искусно поддерживали обособленность казачества: казаки — по одну сторону, все остальные русские люди — по другую. Главная забота царского правительства состояла в том, чтобы трудовые казаки не почуяли свою связь с рабочими и крестьянами. И до известной степени это удавалось. Еще до сих не мало на Дону трудовых казаков, которые считают казацкое дворянство своим, а русских рабочих и крестьян — чужими.

Вот эта то сословная казацкая связь тружеников с паразитами, бедняков с богачами и составляет основу донской контр-революции. Вот почему на Дон стекались с первых дней свободы все обиженные помещики, фабриканты, чиновники. Вот почему на Дону восстание вспыхивало за восстанием. И сейчас, когда наши армии дошли до Северного Донца и Маныча, в тылу у них снова вспыхнуло кулацко-казацкое восстание [46].

На донском фронте решается не только судьба Донской области и не только судьба казачества. Казацкий генерал Краснов исчез, его заменил Деникин, с казачеством ничего общего не имеющий. Деникин ищет тесной связи с Колчаком. Дело идет не о Доне, а о всей советской России. Казачество только слепое и тупое орудие в руках монархистов-помещиков.

Этой весной и этим летом мы должны покончить с южным фронтом раз и навсегда. Нужно искоренить донскую контр-революцию. Нужно уничтожить реакционную связь трудового казака с казаком-помещиком. Нужно добить казака-помещика. Нужно заставить трудового казака почувствовать себя не казаком, а рабочим и крестьянином. Нужно Дон присоединить к Советской России. Нужно напрячь все силы, чтобы покончить с южным фронтом.

11 мая 1919 г.
Чертково.
«В пути», № 45.

Восстание в тылу.

Восстание части Донского казачества тянется уже ряд недель. Восстание поднято агентами Деникина — контр-революционными офицерами. Оно нашло опору в среде казацкого кулачества. Кулаки потянули за собой значительную часть казаков-средняков. Весьма возможно, что в том или другом случае казаки терпели какие-либо несправедливости от отдельных проходивших воинских частей или от отдельных представителей Советской власти. Этим умело воспользовались деникинские агенты, чтобы раздуть пламя мятежа. Белогвардейские прохвосты притворяются в районе восстания сторонниками Советской власти, чтобы легче втереться в доверие к казаку-середняку. Таким путем контр-революционные плутни, кулацкие интересы и темнота массы казачества слились на время воедино в бессмысленном и преступном мятеже в тылу наших армий южного фронта.

Мятеж в тылу у воина то же самое, что нарыв на плече у работника. Чтобы воевать, чтобы защищать и оборонять советскую страну, чтобы добить помещичьи-деникинские шайки необходимо иметь надежный спокойный, дружный рабоче-крестьянский и трудовой казаческий тыл. **Важнейшей задачей поэтому является сейчас очищение Дона от мятежа и мятежников.**

Центральная Советская власть приказала эту задачу разрешить в кратчайший срок. В помощь экспедиционным войскам, действующим против подлого контр-революционного мятежа, прибыли и прибывают прекрасные подкрепления. Лучшие работники-организаторы направляются сюда для разрешения неотложной задачи.

Нужно покончить с мятежом. Наши красноармейцы должны проникнуться ясным сознанием того, что мятежники Вешинской или Еланской или Букановской станиц являются прямыми помощниками белогвардейских генералов Деникина и Колчака. Чем дольше будет тянуться восстание, тем больше жертв будет с обеих сторон. Уменьшить кровопролитие можно только одним путем: **нанося быстрый, суровый, сокрушающий удар.**

Нужно покончить с мятежом. Нужно вскрыть нарыв на плече и прижечь его каленым железом. Тогда рука южного фронта освободится для нанесения смертельного удара врагу.

12 мая 1919 г.
Козлов.
«В пути», № 14.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по армиям Южного фронта от 15 мая 1919 г., № 98, гор. Купянск.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Один из командиров Украинской армии, так называемый «атаман» Григорьев, бесчестный и продажный авантюрист, подкупленный помещиками и капиталистами, поднял знамя восстания против Советской власти. Он объединил вокруг себя вином и лживыми посулами самую темную часть солдатской массы и толкает ее ныне на погромы, поножевщину и грабежи.

Красные Украинские войска окружили Григорьевские банды, чтобы положить скорый и решительный конец пьяному мятежу [17].

Бывший атаман Григорьев объявлен вне закона.

Ставлю об этом в известность каждого красноармейца, командира и комиссара в советских войсках южного фронта.

Какие бы то ни было сношения и связи с изменником Григорьевым или его агентами будут рассматриваться как измена Советской Республике и караться расстрелом.

Смерть предателю Григорьеву и всем его тайным и явным сообщникам!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!

За советский уголь!

Московская область и Петроград являются важнейшими средоточиями промышленной и политической жизни нашей страны. Там вырабатываются предметы потребления и средства производства. Там же обрабатывается и отшлифовывается народное сознание,—мысли, чувства, надежды народа получают форму определенных требований, лозунгов, программ.

Но для того, чтобы жизнь в центре не замерла, центр должен получать свое питание из окраин. Москве и Петрограду нужен хлеб для рабочих и работниц. Им нужны уголь и железо для производства. Им нужен хлопок для переработки его в ткани. С богатых окраин нашей страны сырой материал должен притекать в центр и, подвергнувшись там переработке, превратившись в необходимые для жизни продукты, растекаться по всей стране.

Помещичья и буржуазная контр-революция засела на окраине, укрепилась там и нарушила хозяйственный круговорот страны. С юга и с востока не поступает ни угля, ни хлеба. Изголодавшийся центр не дает ни югу, ни востоку необходимых тканей и машин.

Восстановить крепкую, здоровую хозяйственную жизнь, на благо всех трудящихся, можно только одним путем: прогнать контр-революционных хищников, очистить окраины, связать их тесно с центром правильно действующими линиями железных дорог.

В первую голову нам нужен уголь. Фабрикам, заводам, железным дорогам, пароходам, домашним очагам смертельно нужен уголь,—наш собственный советский уголь. Как только восстановим добычу этого драгоценного материала в Донецком бассейне, так не будет страшна нам никакая англо-американская блокада. Из своего советского угля и своей советской руды Советская Россия будет строить свои советские машины, чтобы перерабатывать на них советский хлопок в советские ткани.

В Донецком бассейне зарыт великий клад, от которого зависит благополучие, процветание и счастье всей страны. Это клад необходимо добыть с оружием в руках.

Сейчас идет мобилизация донецких рабочих. Они больше, чем кто бы то ни было, пострадали от расстройства хозяйственной жизни и от пьяного и дикого разгула красновских и деникинских банд. Они же, донецкие рабочие, будут в первых рядах в борьбе за советский уголь.

Эта борьба будет длиться недолго. В последнем своем наступлении враг израсходовал последние резервы и последние силы. Он уже явно начал слабеть. 15 мая мы вернули временно утерянный Луганск.

Нужно не терять времени! Нужно наступать до полного истребления деникинских банд!

Донецкие пролетарии! Вперед—на борьбу за советский уголь!

16 мая 1919 г.
Ст. Шипилово.
«В пути», № 46.

Украинские уроки.

Идиотский мятеж Григорьева нужно первым делом подавить. Но в то же время нужно из него извлечь уроки,—особенно для тех, для кого прошлые уроки оказались недостаточными. В нынешнем украинском мятеже нашло свое дикое и пьяное выражение вырождение все той же партизанщины. Ликвидировать ее приходится теперь тем более болезненно, чем более она себя пережила, т. е. чем более ее запустили.

Противопоставление партизанских отрядов регулярной армии делалось— да и сейчас еще подчас делается — без необходимой исторической перспективы. Вопрос ставится так, будто перед нами два самодовлеющих «принципа», рассматриваемых и оцениваемых вне пространства и времени. На самом деле партизанство имеет свои вполне законные «права», определяемые исторической обстановкой; за пределами ее оно столь же законно вырождается и заражает окружающую политическую среду.

Нельзя требовать создания регулярной армии от класса, который не имеет в своем распоряжении государственной власти и только еще борется за нее. Свои усилия он будет естественно направлять на то, чтобы разложить регулярную армию господствующего класса и из среды этой вражеской армии выделить для себя отдельные отряды или создать такие отряды сперва в подпольи, а затем уже на арене открытой гражданской войны. Другими словами, партизанство есть орудие более слабого в организационном и чисто-военном отношении класса (или угнетенной нации) в борьбе с тем классом, которому принадлежит централизованный государственный аппарат. В этот период партизанство является не только прогрессивным фактором, оно является вообще единственно возможной формой открытой борьбы угнетенного класса за освобождение. Разумеется, и в этой обстановке партизанство не есть какой-либо п р и н ц и п, ни даже какое-либо преимущество. Наоборот, революционный пролетариат стремится внести максимум планомерности в свою военную организацию, преодолевая, насколько возможно, ее кустарничество, чем пролетарская военная политика даже в эпоху завоевания власти глубоко отличается от крестьянски-мелкобуржуазного четничества.

В эпоху Керенского мы имели нелегальный аппарат, при помощи которого держали в связи отдельные полки и части полков, батареи, пулеметные команды и пр. Будучи партией революционной оппозиции, мы не могли, конечно, думать в тот период о создании своего Всероссийского

Главного Штаба, Центрального Управления снабжения и пр. и пр. Но и тогда мы уже были озабочены тем, чтобы преодолеть, по возможности, отрицательные стороны партизанства, обеспечить единство действий и централизованный характер руководства [48].

Исторически прогрессивное значение партизанской борьбы прекращается там, где угнетенный класс берет в свои руки государственную власть. Это совершенно не могли понять лево-эс-эровские пустобрехи (к сожалению, не только они одни). Господа Камковы обвиняли Советскую власть (не подпольную партию, а власть!) в том, что она строит регулярную армию вместо того, чтобы создавать партизанские отряды.

Остается спросить: зачем же вообще рабочему классу брать в свои руки государственную власть, если ему не полагается пользоваться ею для внесения государственного централизма в то дело, которое по природе своей требует высшей централизации—в военное дело?

Но суть в том, что мелкий буржуа, даже придя к власти или примазавшись к власти, остается в оппозиции к самому себе: власть ему не по плечу, она стесняет его, пугает, смущает, раздражает, ибо требует от него непривычной выдержки и внутренней дисциплины.

И вот, держась за власть, он в то же время норовит выскочить из государственной упряжки. В качестве «крепкого» мужика он устраивается в совете и в то же время устраивает время от времени восстания под самыми бессмысленными лозунгами, которые фабрикуются для него контрреволюционными авантюристами. В качестве лево-эс-эровского интеллигента он колеблется: вступить ли ему в Совет Народных Комиссаров или бросить на всякий случай бомбу в Кремль?

Наша революция именно потому довела до самых вопиющих абсурдов мелкого буржуа, что развитием своим выдвинула задачи исключительной трудности и потребовала для разрешения их высшего упорства и напряжения сил. Строить правильную армию, т. е. создавать сложный многочленный аппарат военного управления, брать на учет население под классовым углом зрения, мобилизовать не эксплоататорские классы, вести правильную борьбу с уклонениями от военного долга, подбирать надлежащий командный состав, контролировать его, формировать, сколачивать, воспитывать части, сводить их в более высокие объединения, терпеть при этом ряд неудач, исправлять их на опыте—какая трудная и в деталях своих будничная работа... Нельзя ли обмануть историю, взять ее на ура, зайти ей во фланг и в тыл небольшим партизанским отрядом? Такова потаенная мысль революционного мелкого буржуа. Он издевается над военной наукой, над требованиями техники, над системой, над военными специалистами, над штатами и уставами и обещает все это заменить революционной импровизацией, а кончает тем, что расшибает себе лоб о первые грабли.

Преодоление партизанства, являющееся важнейшей задачей ставшего у власти пролетариата, надлежит понимать не в формальном или, вернее, словесном смысле, как это бывает нередко, когда отряды переименовывают

себя в бригады или дивизии с соответственным переименованием начальников. Задача поглубже: она состоит в преобразовании внутреннего строя частей и в установлении в них определенного режима. Партизанство по самому своему существу враждебно централизованной государственной власти. Партизанство ревниво и всеми мерами отстаивает свою независимость. Оно подчеркивает и культивирует все то, что отделяет его от других, начиная с соседних партизанских же отрядов и кончая чуждым и полувраждебным правительственным центром. Армия победоносного революционного класса должна группироваться вокруг государственного аппарата, как своего стержня. Если она попытается сохранить характер отрядов, она неизбежно встанет в оппозицию государству. А оппозиция партизанов означает вооруженное восстание.

Украина была очищена в короткий срок от белогвардейско-петлюровско-англо-франко-греко-румынской нечисти, главным образом, партизанскими отрядами. Отсюда некоторые мечтатели пытались снова сделать вывод насчет преимущества партизанства над регулярными войсками. На самом же деле советская победа на Украине есть победа массового восстания рабочих и крестьян над буржуазией, но вовсе не победа партизанской формы военной организации над регулярной. Напор трудовых масс был так велик, все старые еле-еле державшиеся связи лопались так быстро, что белогвардейские войска подвергались неизбежному разложению. Не только петлюровцы, но и англичане, и французы, и греки, которым, ведь, тоже нужен тыл, чувствовали себя так, точно стоят на склоне горы и под ногами у них сдвигается почва, камни вырываются из-под ног и катятся вниз. Облегчая победу, революция в то же время затрудняет до известного момента правильные формирования. Направляя мысль по линии наименьшего сопротивления, она тем самым способствует культу партизанства. Это мы пережили в Великороссии. Мы, правда, имели основание надеяться, что на нашем опыте кое-чему научится Украина и не станет повторять наши ошибки. Эти надежды оправдались только отчасти. Культ партизанства, ликвидированный Великороссией, временно расцвел махровым цветом на Украинской почве. И не только в среде левых с.-р....

Между тем у нас было уже не мало случаев сравнения и проверки: достаточно, оказывалось, перевести партизанские отряды с Украины на другие советские фронты, где нет, с одной стороны, бурного подъема трудящихся масс, а с другой стороны, полной паники и разложения правящих классов, где, наоборот, среда достаточно дифференцировалась и друг против друга стоят правильно организованные армии со своим классовым тылом, — как немедленно же обнаружилась военная несостоятельность партизанских отрядов.

Правда, отсюда некоторые бессознательные и полусознательные идеологи партизанства делали тот вывод, что партизанские отряды нельзя подчинять «кабинетному», «ученому» командованию, что над ними нужно какое-то особое руководство и пр. и пр. Но все это крайне поверхностно,

чтобы не сказать ребячливо. На самом деле верно лишь то, что партизанские отряды победоносны, когда за ними победоносная революционная стихия. Когда же эта стихия с победой революционного класса входит в берега, и дальнейшие успехи зависят уже от организованности и оперативного искусства, партизанские отряды немедленно же обнаруживают свою несостоятельность.

В период восходящей гражданской войны партизанство одухотворено идеей разрушения ненавистного классового государства. Но когда власть уже перешла к рабочему классу, партизанство с его отрядной самостийностью становится безыдейным и реакционным. Развивая центробежные тенденции, т. е. отталкиваясь от революционной власти и не имея в то же время никакой своей особой идеи, никакого самостоятельного знамени, партизанство группируется вокруг лиц. Появляются отряды и армии Григорьевых и всяких других атаманов, батек и дядек. Этот личный культ беспринципного атаманства является в свою очередь мостом к контр-революционному вырождению партизанства, к прямому предательству на службе у своей или чужой буржуазии. Все это мы с избытком можем наблюдать на мятеже Григорьева. С другой стороны, мы на том же примере увидим в ближайшие дни, что партизанство, которое совершает иной раз чудеса, когда служит орудием восходящему классу в его борьбе за власть, оказывается жалким и бессильным и кончает пьяным дебошем, когда становится орудием авантюриста против исторически прогрессивного класса.

Проявляя крайнюю нестойкость и малую боеспособность в борьбе с более правильно организованными войсками Деникина, партизанские отряды на почве самой Украины поворачиваются, как мы видим, против того класса, революционная борьба которого вызвала их к жизни. Это и значит, что партизанство в конец пережило себя и стало реакционным фактором. С ним нужно покончить во что бы то ни стало.

История очищения Украины, завоевания Харькова, Екатеринослава, Киева, Одессы и Крыма войдет великолепной страницей в книгу революционной борьбы. Но история никогда не переворачивает дважды одной и той же страницы. Только педанты и худосочные мандарины могут презрительно фыркать по поводу работы, совершенной на Украине импровизированными отрядами пролетариев и крестьян. Подлинная военно-научная мысль охватывает и эту работу. Ибо наука, достойная этого имени, рассматривает вооруженные силы в их возникновении, развитии и внутренних изменениях, в связи с изменениями исторической обстановки. Но не менее смехотворны мандарины партизанства, которые хотят увековечить худо понятый ими вчерашний день.

Вчерашнее прошло и не вернется. Период партизанства слишком затянулся на Украине. Именно поэтому ликвидация его приняла столь болезненный характер. Сейчас приходится применять уже каленое железо. Но эту работу нужно выполнить. Нужно покончить с авантюристами не на словах, а на деле, и что еще важнее: нужно покончить с авантюризмом.

Нужно создать подлинную армию, правильно организованную, с твердым единообразным внутренним режимом. Нужно беспощадно разогнать никому и ничему не подчиняющихся невежественных пройдох. Нужно пробудить и поднять в Украинской армии уважение к военной мысли, к военной науке, к военным специалистам. Нужно поставить на надлежащее место хороших и ответственных работников. Нужно обеспечить молодой армии надлежащее политическое руководство. Нужно покончить с тяпкин-ляпкинщиной во всех ее видах.

Это не только украинский вопрос, ибо Украина — часть Федеративной Советской Республики. Советская страна в целом слишком заинтересована в том, чтобы на Украинской почве Красная Армия не могла становиться безвольным орудием прохвостов с большой дороги.

16 мая 1919 г.
Ст. Сватово.
«В пути», № 47

II.

НАСТУПЛЕНИЕ ДЕНИКИНА (15 мая — август 1919 г.).

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по N-ской армии от 22 мая 1919 г., № 99, гор. Изюм.

Прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах и командах.

Товарищи солдаты, командиры, комиссары!

Ваша армия занимает один из самых важных участков всего советского фронта. Против Деникинских и бело-казацких банд вы защищаете подступы к советской Украине и к советской России. В то же время вашим продвижением вперед вы должны очистить Донецкий бассейн, освободить от оков производительный труд донецких рабочих, дать каменный уголь советской России и советской Украине. Вся страна с напряженным вниманием следит за вашей борьбой. Вы понесли не мало жертв. Но вместе с тем вы успели нанести немало тяжких ударов. Сейчас наступил решающий момент. Враг на всех фронтах собрал все свои резервы и бросил их в последний бой [49]. Помещичьи и буржуазные банды знают, что если теперь не удастся им прорвать наш фронт и задушить Украину и Россию, то рабочая и крестьянская власть восторжествует в нашей стране навсегда.

Деникин посылает в наши части своих наемных агентов, которые пытаются внести разлад в нашу воинскую семью. Негодяи, предатели и шкурники пытаются время от времени нарушить дисциплину, вызвать беспорядок и паническое отступление. Будьте бдительны, товарищи-солдаты N армии! Помните, что от вашей выдержки, твердости и дисциплины зависит судьба рабочего класса и трудового крестьянства всей страны в долгом ряду поколений.

Вместе с благодарностью всем честным борцам от имени Совета Народных Комиссаров и Революционного Военного Совета Республики выражаю твердую уверенность в вашей близкой и решительной победе.

Да здравствует наша доблестная N армия!

Да здравствует рабочая и крестьянская Россия!

Южный фронт, подтянись!

Побольше предусмотрительности, точности, выдержки.

В ходе борьбы мы научились не пугаться частичных неудач. Это — большая и важная наука. В первое время местные советские учреждения легко поддавались панике и, в случае падения какого-нибудь городка, волна испуга разливалась по широкой полосе. Теперь мы на опыте знаем, что если сдаем какую нибудь местность на время врагам рабочего народа, то в конце концов возвращаем ее и наступаем дальше.

Но все же у нас много лишних частичных неудач, т. е. таких, которых можно было бы избежать—при бдительности и выдержке. Вот этих то качеств нам не всегда хватает. Когда дела наши идут хорошо и красные полки наступают, отбрасывая неприятеля, — руководители слишком легко успокаиваются и считают, что дальше все само пойдет, как по маслу.

Это величайшее заблуждение. Дело пролетарской борьбы никогда не идет «само». Оно требует величайшей энергии, бдительности, настойчивости и нажима по всем направлениям.

Создать полк трудно, а расслабить и раскрошить его можно иной раз в несколько минут. То же самое относится к дивизии и войскам целого фронта...

Когда дела на фронте принимают дурной оборот, неприятель начинает теснить,—у нас вместо уныния и упадка всегда обнаруживается подъем. Командиры, комиссары подтягиваются и подтягивают свои части, тыл лихорадочной работой приходит на помощь фронту; армии выравниваются и спешно переходят в наступление. Начинается полоса успехов. Вот тут то сплошь да рядом наблюдается упадок бдительности и напора. Слишком легко у нас удовлетворяются достигнутыми частичными успехами. Слишком многое возлагают на «авось».

Сейчас это целиком относится к южному фронту. Объезд армий этого фронта показал мне с полной несомненностью, что главная тяжесть вины за последнюю заминку и за частичные неудачи на южном фронте ложится на организационный аппарат самого фронта.

Слишком многие работают спустя рукава. Вместо того, чтобы рассчитывать и предвидеть, куда направить снабжение, дабы оно в нужный момент попало в руки той части, для которой назначено,—господа бюрократы до-советского и советского воспитания работают автоматически, т. е. впустую, не справляясь с тем, что делается в соседнем отделении. Запоздания

не только на часы, но на сутки и недели являются результатом канцелярской непредусмотрительности. А отсюда неудачи.

После нескольких успехов командиры и комиссары начинают нередко почивать на лаврах. Учение в частях, отведенных в резерв, не производится; уставы не соблюдаются; не принимаются даже необходимейшие меры предосторожности на расстоянии 20—30 верст от фронта. Как только в частях расслабляется и отмирает твердый военный режим, так сейчас же начинается распад: подлецы дезертируют, а середняки впадают в уныние.

Страна дает нам сейчас все, что может: не только свое имущество, но и лучших своих сынов. Нужно использовать до последней нитки то, что нам дают. Ни одна лишняя капля крови, ни один лишний патрон не должны быть израсходованы. Экономия времени, экономия имущества, экономия человеческой силы! А для этого—перетряхнуть весь аппарат, выкинуть слепых канцеляристов, отвести в тыл усталых, проверять и проверять распоряжения на месте!

Побольше предусмотрительности, побольше системы, побольше упорства и выдержки, товарищи командиры и комиссары, а в особенности — снабженцы и передвиженцы!

Южный фронт, подтянись!

26 мая 1919 г.
Лиски.
«В пути», № 49.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по N-ской армии

от 25 мая 1919 г., № 100, гор. Богучар.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Конец подлому Донскому восстанию!
Пробил последний час!

Все необходимые приготовления сделаны. Сосредоточены достаточные силы, чтобы обрушить их на головы изменников и предателей. Пробил час расплаты с Каинами, которые свыше двух месяцев наносили удары в спину нашим действующим армиям южного фронта. Вся рабоче-крестьянская Россия с отвращением и ненавистью глядит на те мигулинские, вешенские, еланские, шумилинские банды, которые, подняв обманный красный флаг, помогают черносотенным помещикам: Деникину и Колчаку!

Солдаты, командиры, комиссары карательных войск!

Подготовительная работа закончена. Все необходимые силы и средства сосредоточены. Ваши ряды построены. Теперь по сигналу—вперед!

Гнезда бесчестных изменников и предателей должны быть разорены. Каины должны быть истреблены. Никакой пощады к станицам, которые будут оказывать сопротивление. Милость только тем, кто добровольно сдаст оружие и перейдет на нашу сторону. Против помощников Колчака и Деникина — свинец, сталь и огонь!

Советская Россия надеется на вас, товарищи солдаты. В несколько дней вы должны очистить Дон от черного пятна измены. Пробил последний час!

Все, как один — вперед!

Девятый вал.

То, что мы сейчас переживаем — это девятый вал контр-революции. Она теснит нас на западном и южном фронтах. Она угрожает опасностью Петрограду. Но в то же время мы твердо знаем: ныне контр-революция собрала свои последние силы, двинула в бой последние резервы. Это ее последний, девятый вал.

Какая огромная разница с тем положением, какое было летом прошлого года! Тогда у нас были еще могущественные международные враги, которые могли задушить нас прямым военным натиском. Их сдерживала до поры до времени междоусобная кровавая свалка. В Москве сидел тогда граф Мирбах, как представитель могущественного германского милитаризма. На востоке восстали наемники буржуазной Франции — чехо-словаки. На севере высаживались первые англо-американские десанты. Советская Россия стояла лицом к лицу с вооруженным до зубов и еще почти не поколебленным европейским милитаризмом.

В то же время внутри страны положение было крайне натянутое и неустойчивое. Крестьянство еще не осмыслило тогда необходимости той войны, которую нам навязали капиталисты и помещики, свои и чужестранные. Мы делали первые шаги на пути обязательной мобилизации. Крестьяне нередко сопротивлялись этим шагам. Настроение крестьянства отражалось на наших первых, еле сколоченных полках. Волна бессмысленных, бесцельных, но нередко крайне кровавых мятежей прокатилась весною прошлого года по частям Красной Армии. Растерянность и смутное недовольство значительной части крестьян и солдат заражали даже наиболее отсталую часть рабочих. Мелко-буржуазные партии эс-эров и меньшевиков открыто или полуоткрыто призывали к восстанию против Советской власти. За их прикрытием белогвардейские элементы строили монархические заговоры.

Какая огромная разница во внутреннем и международном положении Советской Республики — тогда и теперь!

Огромные массы крестьянства на опыте, как наших военных неудач, так и успехов, успели понять, что наша война есть их война, что наша армия защищает интересы крестьян. Несмотря на то, что Советская власть оказалась вынужденной мобилизовать ряд крестьянских поколений, несмотря на то, что тяготы войны за этот год крайне возросли, мы видим в то же время огромный шаг вперед на пути полного сближения крестьянства с Советской властью. Крестьяне, разумеется, недовольны войной, но они поняли, что источник ее — не Советская власть, а буржуазные враги трудящегося народа. После ничтожных вспышек в марте мы наблю-

дает полное спокойствие крестьянства и вполне удовлетворительный ход мобилизации почти во всех губерниях. Если не считать отдельных погромных движений, вроде гомельского восстания или пьяного григорьевского мятежа, в местностях, которые лишь за последние месяцы установили у себя Советскую власть, — на протяжении всей остальной страны мы видим в красноармейских полках рост сплоченности и дисциплины. Что касается пролетариата, то в своих добровольных мобилизациях он раскрыл свою неразрывную связь с Советским строем.

Международное положение изменилось в такой же степени. Германский и австро-венгерский милитаризм разбит вдребезги. Французский и английский еще существует по внешности, но внутренне он гнил и небоеспособен. Ни Америка, ни Англия, ни тем более Франция не способны выбросить ни одного корпуса на русскую территорию для борьбы с Советской властью. В их распоряжении пока еще только огромный материальный военный аппарат, неисчислимое количество орудий, пулеметов, огнеприпасов, броневиков, танков. Вынужденные отказаться от непосредственной и прямой борьбы с нами силой французских и английских рабочих и крестьян, англо-французские бандиты снабжают смертоносными орудиями русскую контр-революцию.

Надо признать, что эта последняя крайне усилилась за истекший год. В мае прошлого года русские капиталисты и помещики опирались исключительно на чехо-словацкие и вообще иноземные штыки. С того времени они успели создать свои собственные вооруженные силы. Буржуазии в этом отношении изо всех сил помогали, с одной стороны, эс-эры и меньшевики, организовавшие Колчаку его «народную» армию под знаменем учредительного собрания, с другой стороны — англо-французские империалисты, обеспечивающие белую армию материальным снабжением и доставляющие ей нужных инструкторов. Год тому назад можно было опасаться, что, справившись с Красновым и Дутовым, мы столкнемся лицом к лицу с главным врагом — германским или англо-французским милитаризмом. Ныне мы знаем твердо: справившись с Колчаком и Деникиным, мы тем самым добьемся полной неприкосновенности Советской Республики и дадим могучий толчок революции в Европе и всем мире.

Больше тех сил, что Деникин, Колчак, бело-эстонцы и бело-финны выставили против нас ныне, в распоряжении контр-революции нет и не будет. На южном фронте, на востоке, под Петроградом русская и с нею мировая контр-революция поставила на карту всю свою судьбу. С нашей стороны необходимо последнее напряжение всех физических и нравственных сил для того, чтобы отбросить прочь последний отчаянный натиск темных сил старого, буржуазного, общества.

Контр-революция бросила на нас свой девятый вал, — он разобьется о бронированную грудь наших рабоче-крестьянских полков.

ст. Евстратовка,
1 июня 1919 г.
«В пути», № 50.

Махновщина.

Есть советская Великороссия, есть советская Украина. А рядом с ними существует одно мало-известное государство: это — Гуляй-Поле. Там правит штаб некоего Махно. Сперва у него был партизанский отряд, потом бригада, затем, кажется, дивизия, а теперь все это перекрашивается чуть ли не в особую повстанческую «армию». Против кого же восстают махновские повстанцы? Вот на этот вопрос надо дать и ясный ответ: ответ словом и ответ делом.

Махно и его ближайшие единомышленники почитают себя анархистами и на этом основании «отрицают» государственную власть. Стало быть, они являются врагами Советской власти? — Очевидно, ибо Советская власть есть государственная власть рабочих и трудовых крестьян.

Но махновцы не решаются открыто сказать, что они против Советской власти. Они хитрят и виляют: Советскую власть на местах они, мол, признают, но центральную власть отрицают. Однако же все местные советы Украины признают центральную власть, которую они сами выбрали. Стало быть, махновцы на деле отрицают не только центральную украинскую власть, но и власть всех местных украинских советов. Что же они признают? Они признают власть Гуляй-польских махновских советов, т. е. власть анархического кружка на том месте, где ему удалось временно укрепиться. Вот и вся разгадка политической премудрости махновщины.

Однако же махновской «армии» нужны патроны, винтовки, пулеметы, орудия, вагоны, паровозы и... деньги. Все это сосредоточено в руках Советской власти, вырабатывается и распределяется под ее руководством. Стало быть, махновцам приходится обращаться к той самой власти, которой они не признают, с просьбой то о деньгах, то о патронах. Но так как махновцы вполне основательно опасаются, что Советская власть может их лишить всего того, без чего они жить не могут, то они решили обеспечить свою независимость, захватив в свои руки большие богатства страны, чтобы затем вступить в «договорные» отношения с остальной Украиной.

В Мариупольском уезде много угля и хлеба. А так как махновцы висят на мариупольской железнодорожной ветке, то они отказываются отпускать уголь и хлеб иначе, как в обмен на разные припасы. Выходит так, что отрицая «государственную власть», созданную рабочими и крестьянами всей страны, махновские верхи организовали свою собственную мелкую, полу-разбойничью власть, которая осмеливается стать поперек

дороги Советской власти Украины и всей России. Вместо целесообразно организованного хозяйства страны по общему плану и замыслу и вместо артельного, социалистического, равномерного распределения всех необходимых продуктов махновцы пытаются установить хозяйничанье шаек и банд: кто что захватил, тот тем и владеет, а потом выменяет на то, чего ему не хватает. Это не продуктообмен, а товарограбеж.

Махновцы кричат: «долой партийность, долой коммунистов, да здравствуют беспартийные советы!» Но, ведь, это же жалкая ложь! Махно и его соратники вовсе не беспартийные. Они все принадлежат к анархическому толку и рассылают циркуляры и письма, скликая анархистов в Гуляй-Поле для организации там своей анархической власти. Если они выкидывают флаг беспартийности, то только для того, чтобы пустить пыль в глаза самым темным и отсталым крестьянам, которые в партиях не разобрались. На деле же беспартийность служит лучшим прикрытием для кулацких элементов. Открыто признать свою принадлежность к партии черносотенцев кулаки не смеют, ибо боятся расправы. Поэтому, они охотнее всего выставляют напоказ свою беспартийность. Беспартийностью же ныне прикрываются эс-эры, худшая часть меньшевиков, кадеты и все, вообще, контр-революционеры, которым в натуральном виде слишком опасно показываться на улице.

Коммунисты не прячут своего лица и не свертывают своего знамени. Они открыто выступают перед трудовым народом, как партия. Рабочие и крестьяне узнали коммунистов на деле, на опыте, в тяжелой борьбе. Именно поэтому партия коммунистов-большевиков приобрела решающее влияние в трудящихся массах, а стало быть, и в советах.

Контр-революционеры всех мастей ненавидят коммунистическую партию. Такое же чувство питают к коммунистам и махновцы. Отсюда глубочайшие симпатии всех погромщиков и черносотенных прохвостов к «беспартийному» знамени махновцев. Гуляй-польские кулаки, мариупольские спекулянты с восторгом подпевают махновцам: «мы не признаем государственной власти, которая требует угля и хлеба. Что мы захватили, тем и владеем»... В этом отношении, как и во всех остальных, махновцы ничем не отличаются от григорьевцев. Григорьев тоже восставал против центральной власти во имя местных беспартийных советов, т. е. против организованной воли всего рабочего класса, во имя отдельных кулацких групп и банд. Недаром же, подымая знамя дикого погромного мятежа и принимаясь истреблять коммунистов, Григорьев призывал «батьку» Махно заключить с ним погромный союз. Правда, Махно воздержался. Но никак не по принципиальным причинам. На Гуляй-польском съезде анархистов Махно открыто призывал к восстанию против Советской власти. Если он не восстал вместе с Григорьевым, то только потому, что побоялся, понимая, очевидно, всю безнадежность открытого мятежа.

«Армия» Махно — это худший вид партизанщины, хотя в ней немало есть хороших рядовых бойцов. Никакого намека на порядок и дисциплину в этой «армии» не найти. Никакой организации снабжения. Продоволь-

ствие, обмундирование, боевые припасы захватываются, где попало, расходуются, как попало. Сражается эта «армия» тоже по вдохновению. Никаких приказов она не выполняет. Отдельные группы наступают, когда могут, т. е. когда нет серьезного сопротивления, а при первом крепком толчке неприятеля бросаются в рассыпную, сдавая малочисленному врагу станции, города и военное имущество. Вина за это целиком падает на бестолковых и беспутных анархических командиров.

В этой «армии» командиры выборные. Махновцы с хрипом кричат: «долой назначенцев!» Этим они только вводят в обман темную часть собственных солдат. О назначенцах можно было говорить при буржуазном строе, когда царские чиновники или буржуазные министры назначали по своему усмотрению командиров, державших солдатскую массу в подчинении буржуазным классам. Теперь у нас нет другой власти, кроме власти выборных от всего рабочего класса и трудового крестьянства. Следовательно, командиры, назначенные центральной Советской властью, поставлены волей трудовых миллионов. Махновские же командиры отражают интересы ничтожной анархической кучки, опирающейся на кулаков и темноту.

Противонародный характер махновщины ярче всего сказывается на том, что Гуляй-польская «армия» так и называется: «армия Махно». Здесь вооруженные люди объединяются не вокруг программы, не вокруг идейного знамени, а вокруг лица. Совершенно то же было и у Григорьева. В советской Украине и советской России полки и дивизии являются орудием в руках всего рабочего класса. В Гуляй-польском государстве вооруженные отряды являются орудием в руках гражданина Махно. К чему это приводит — мы видали. Личная «армия» атамана Григорьева сперва шла с петлюровцами, потом присоединилась к Советской власти, затем во главе с Григорьевым восстала во имя власти самого Григорьева. Темные, обманутые беспартийностью, вооруженные массы становятся слепым орудием в руках авантюристов.

Таково Гуляй-польское государство и Гуляй-польская «армия». Поскобли махновца — найдешь григорьевца. А чаще всего и скоблить то не нужно: оголтелый, лающий на коммунистов кулак или мелкий спекулянт откровенно торчит наружу.

Советская власть — это диктатура рабочего класса, который государственную власть превратил в орудие социалистического переустройства. В то же время Советской власти приходится ограждать социалистическую страну от бешеного натиска буржуазии. Мыслимо ли при этом допускать на территории советской республики существование вооруженных банд, которые объединяются вокруг атаманов и батек, не признают воли рабочего класса, захватывают, что хотят и воюют с кем хотят? — Нет, с этим анархо-кулацким развратом пора кончить, кончить твердо, раз навсегда, так, чтобы никому больше повадно не было!

2 июня 1919 г.
Купянск — Харьков.
«В пути», № 51.

Беседа с представителями харьковской печати.

Донецкий фронт является сейчас без всякого сомнения важнейшим фронтом для всех советских республик. Говоря это, я не забываю о Петроградском фронте, но вполне сознательно считаю, что потеря Петрограда (не сомневаюсь, что мы Петрограда не потеряем) не была бы для нас так тяжка, как длительная потеря Донецкого бассейна. Поскольку советская республика является сейчас крепостью мировой революции, постольку можно сказать, что ключ этой крепости находится сейчас в Донецком бассейне. Вот почему все внимание сосредоточивается сейчас на этом участке обширнейшего фронта советской республики.

Наши неудачи в Донецком бассейне являются частью наших последних неудач на южном фронте вообще. Мы оказались вынужденными временно ослабить внимание и поддержку по отношению к южному фронту. Как всем известно, это вызвано было значительными (по крайней мере по внешности) успехами Колчака. Колчак является сейчас главнейшим врагом, так как все элементы контр-революции признали его своим вождем и так как он является кандидатом империализма Антанты. На Версальском и Парижском совещаниях вопрос о признании Колчака ставился все время со всей определенностью. Естественно, если мы должны были ближайший удар нанести на восток. Естественно опять таки, если это вызвало необходимость сосредоточить все внимание и силы на Волжском фронте. Здесь мы, как ясно всем, добились огромного успеха. Колчак из под Самары откатился до Уфы, продолжает откатываться на всем среднем течении Волги. Мы приближаемся к Сарапулу, к линии Камы [50].

Воевать нам приходится посредством армии, которую мы тут же строим. Раз мы с особой напряженностью строим армию на востоке, неизбежно ослабевает строительство на юге. Так и было. Разумеется, с точки зрения правильной схемы, можно пожалеть о таком методе строительства, но он неотделим от природы революционной эпохи, в которой элементы импровизации играют огромную роль, особенно, если принять во внимание, что ситуация мировая, международная и, вместе с тем, стратегическая изменяются очень быстро, и если можно предвидеть общее направление событий со всей несомненностью, то нет никакой возможности предвидеть этапы этих событий, формы, в какие они выльются и, в частности, с какой стороны в каждый данный момент будет грозить наибольшая

опасность. Нам приходится держать и раздвигать фронт на протяжении свыше 8.000 в. При этом противники всегда имеют возможность, выбрав слабое место фронта в данный момент, нанести более значительный удар. Так и произошло на юге.

Революционные войска — нервные войска, способные к быстрым метаморфозам. Их можно в короткий срок оздоровить, закалить, но в короткий же срок можно довести до распада. Искусство командования и управления требует постоянного учета этой быстрой восприимчивости, воспламеняемости, вообще революционной нервности войск, человеческий материал которых прошел в значительной своей части четырехлетнюю бойню, эпоху революции и гражданских столкновений.

На Донецком участке южного фронта за последнее время были элементы явной и очевидной неустойчивости войск, которые объясняются, с одной стороны, тем, что здесь были еще свеже сколоченные части (самые лучшие полки знают в прошлом один-два случая паники и бессмысленного отступления), с другой стороны, крайне вредным соседством и влиянием еще неизжитой украинской партизанщины. На крайнем правом фланге Донецкого фронта топчется бригада или дивизия или армия, — затрудняюсь вам сказать, — некоего Махно. Эта «боевая» единица притягивает в настоящий момент к себе все элементы разложения, распада, возмущения, гниения. Это вполне понятно. Район — богатый, кормиться можно, дисциплины и порядка нет, наступают по линии наименьшего сопротивления, отступают, когда хотят и куда хотят. Соседство такой «армии», разумеется, беспокоит и тревожит ближайший правый фланг соседних армий, и эта неуверенность сказывается на всей линии Донецкого фронта. Вот почему оздоровление должно начаться с праваго фланга.

В чем оно должно состоять? Мне кажется, что это вполне ясно: упразднение Гуляй-Польской независимой анархо-республики, установление единства Советской власти, единства армии, ее методов управления, аппарата командования. Как раз в настоящий момент махновцы пытаются созвать военно-советский Съезд пяти уездов. Разумеется, командование ничего подобного не разрешит и не допустит и покажет Гуляй-польским анархо-григорьевым, что в борьбе с Деникинцами мы не потерпим в ближайшем тылу, а тем более на самой линии фронта никаких элементов дезорганизации и распада.

Как только это будет достигнуто, наш южный фронт нанесет Деникинским войскам удар в том направлении, какое будет указано командованием.

Вы предлагаете мне высказаться о Петрограде? На Петроградском фронте я не был давно, со времени нашего отступления на западном фронте не был там ни разу. Могу сказать вам лишь следующее: все операции были рассчитаны на быстроту. Противник прекрасно знал (это мне известно из одного очень красноречивого документа), что мы из Петроградского района оттянули значительные резервы на восточный фронт.

Отсюда вытекал план овладения Петроградом в такой короткий срок, чтобы мы не могли перебросить из центра страны подкрепления (Как вы знаете, величайшим преимуществом нашим является наше центральное положение по отношению к нашим врагам, что позволяет нам действовать по внутренним операционным линиям и перебрасывать резервы в наиболее угрожаемые участки фронта). Однако, враг просчитался. Сейчас наступление задержано, а это значит, что дело выиграно. Под Петроград брошены очень значительные подкрепления и мы с полным основанием можем рассчитывать в ближайшие недели, если не дни, решительного изменения ситуации на Петроградском участке фронта.

Что касается неудач на других участках западного фронта, то они объясняются, во-первых, теми же общими причинами, какие я привел по отношению к южному фронту: временное сосредоточение сил и средств на востоке, во-вторых, неудачи эти в значительной мере объясняются особой структурой западного фронта, который был разбит на национальные участки с национальными армиями. При единстве врага, при единстве его оперативных замыслов такое чисто национальное дробление фронта оказалось несостоятельным, не говоря уже о том, что во многих мало сознательных частях порождало национальный антагонизм. Сейчас нами установлено полное единство фронта советских республик в том отношении, что фронт делится на армии в зависимости исключительно от стратегических, а не от национальных соображений, и что отдельные национальные части, украинские, латышские, польские, эстонские, мы применяем там, где они могут быть с наибольшей выгодой использованы, отнюдь не обязательно на так называемом национальном фронте.

Это относится целиком и к Украине. Задача украинского фронта, как такового, разрешена. Украина освобождена на огромной части своей территории. Петлюровцы разбиты. Жалкий последыш петлюровцев — Григорьев — разгромлен. Остается Донецкое направление и польско-галицийско-румынское, но оба эти направления не являются украинским фронтом, а общим фронтом советских республик, ибо Деникин наступает на Украину и на Великороссию одновременно. Румынско-польская шляхта и галицийское кулачество готовы действовать одинаково против Украины и против Великороссии, где прикажет Антанта.

Относительно помощи советской Венгрии могу на ваш запрос ответить лишь в том смысле, что эта помощь выражается в нашем давлении на запад, при чем имею все основания думать, что это давление будет в ближайшее время возрастать.

Я с полным удивлением выслушал ваш вопрос относительно опасности, будто бы угрожающей Харькову. Разумеется, мы живем в эпоху, когда ничто неустойчиво на этом свете, но думаю, что Харькову угрожает не большая опасность, чем Твери, Пензе, Москве и всем другим городам советской республики.

Наконец, на последний ваш вопрос относительно мобилизации считаю, что мобилизовать нужно, как можно большее количество возрастов без всяких изъятий, без всяких отсрочек, в самый короткий срок. Нам нужно провести на Донецком бассейне определенную операцию. Чем скорее мы ее проведем, тем меньше пострадает угольная донецкая промышленность и вся экономическая жизнь в Харьковском районе.

4 июня 1919 г.
«В пути», № 52.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по армиям Южного фронта от 5 июня 1919 г., № 105, гор. Харьков.

Наш южный фронт переживает сейчас тяжелый кризис. Нет сомнения, что кризис этот будет преодолен, и в результате его мы выйдем окрепшими, как выходили из предшествовавших кризисов. Нужно только ясно и отчетливо оценить причины неудач и принять меры к их радикальному устранению.

Одной из важнейших причин наших неудач является совершенно недопустимое, во многих случаях преступное, отношение ответственных работников армии как командиров, так и комиссаров, к вопросу об оперативных донесениях.

Оперативные донесения должны давать ясную и отчетливую картину боевых действий каждой части, ее силы и слабости в бою, ее жертв, ее фактических неудач и действительных успехов, потерь и трофеев.

Чтобы достигнуть этого, необходима величайшая добросовестность и строгая критическая проверка всех сообщений. Ничего подобного в большинстве случаев нет. Оперативные донесения пишутся по недостойному революционной армии шаблону, целью которого является скрыть и замаскировать свои неудачи и преувеличить свои успехи.

Когда наши части занимают какую-либо местность, то — если верить донесениям — не иначе, как с жестоким боем. Между тем, бой сплошь да рядом выражается в бесцельной и безрезультатной стрельбе, т.-е. в расходовании патронов и снарядов. Такие донесения никогда не дают возможности судить о том, сохраняет ли наступающая часть контакт с отступающим неприятелем, преследует ли его действительно или же на почтительной дистанции занимает уже очищенную неприятелем местность. А, ведь, это крайне важно. Слабая сторона наших войск или, вернее, их командования и комиссаров состоит в том, что при отступлении врага не развивается необходимой энергии в преследовании, дезорганизации, уничтожении отступающего. Командиры и комиссары слишком часто удовлетворяются тем, что занимают без боя очищенную местность. В оперативных донесениях этот факт затушевывается пышными фразами о занятии сел и городов с боем, при чем никогда не указывается число жертв с той и другой стороны.

Когда наши части отступают, то — если следить по тем же донесениям — не иначе, как под натиском превосходных сил противника и не иначе, опять таки, как с боем. Между тем нередко под этими фразами скрывается печальный факт панического оставления позиций крупными частями при виде отдельных разъездов и даже под влиянием паники и провокаторских слухов о приближении неприятеля. «Отступают с боем» — означает нередко: отступают, стреляя по всем направлениям для того, чтобы заглушить собственную панику, т. е. бессмысленно расходуя патроны.

Нередко в донесениях повторяется фраза о том, что в столкновениях с превосходными силами неприятеля полки потеряли половину или три четверти своего состава. В большинстве случаев это значит, что полк разбежался. Оперативное донесение умалчивает о том, сколько убито, сколько ранено, сколько попало в плен, сколько пропало без вести. Разумеется, такие данные не всегда можно привести с точностью. Но можно дать хотя бы приблизительную картину потерь, — для этого нужно только стремиться выяснить истину. Этого стремления часто нет налицо. Наоборот, у нас немало таких господ, которые считают своей задачей написать донесение так, чтобы скрыть от высшей инстанции позор бессмысленного отступления перед слабейшим противником.

Хвастовство относительно колоссальных, неисчислимых трофеев широко в ходу. Нередко на поверку оказывается, что под трофеями, будто бы отбитыми у врага, надо понимать орудия без замков, испорченные пулеметы, поломанные телеги, которые неприятель сознательно покинул при своевременной эвакуации. Точных сведений о так называемых трофеях почти нельзя получить.

Ещё хуже обстоит дело с потерями материальной части. Такие факты замалчиваются почти всегда и обнаруживаются лишь впоследствии, когда начальнику снабжения приходится требовать новое имущество для пополнения убыли.

Каковы результаты такого рода образа действий? Результат этот нельзя назвать иначе, как гибельным. У командного и комиссарского состава вырабатывается психология официального благополучия, т. е. забота о том, чтобы все было шито-крыто. Это презренная психология чиновников, а не революционных воинов, которые должны не только врагу, но и самой жестокой правде глядеть смело в глаза. Командиры и комиссары, которые видят недочеты и слабости своей части и открыто их признают, непременно примут меры к устранению этих слабых сторон. Командиры и комиссары, которые скрывают дезертирство, паническое отступление, как секретную болезнь, вгоняют эту болезнь внутрь и разлагают часть окончательно.

Вместе с тем ложные донесения вводят в заблуждение высшие инстанции. В штабе дивизии не знают, что произошло в действительности на участке полка. Штаб армии получает фальшивые оперативные сведения из дивизии. В штабе фронта не знают точно, что делается в армиях. Таким

образом, командование бродит в потемках. Когда наступает час боевого испытания, ложная картина благополучия рассыпается в прах, и фронт переживает тягчайший кризис.

Великий революционер Фердинанд Лассаль сказал некогда, что всякое революционное действие требует прежде всего «сказать то, что есть», т. е. выяснить правду. Этого же требует всякое военное действие. Полная правдивость и точность в донесениях есть долг каждого воина.

Этого мы должны ныне добиться во что бы то ни стало.

Приказываю реввоенсовету южного фронта и реввоенсоветам армий южного фронта немедленно принять меры к строжайшей проверке всех донесений и суровой расправе над всеми фальшивомонетчиками, которые занимаются преступными подделками, вместо честных донесений.

Нужно научить и заставить командиров и комиссаров называть бой — боем, панику — паникой, подвиг — подвигом, трусость — трусостью. Указывать со всей возможной точностью действительное число жертв, т. е. убитых и раненых, число сдавшихся в плен, панически разбежавшихся и дополнительно доносить: вернулись ли они или не вернулись. Если командир пишет зря о превосходных силах противника, комиссар не смеет подписывать лживого донесения. А если подпишет — под суд обоих. Если пехотный полк покинул позиции, завидев казачий разъезд, так и пиши: «тысяча стрелков постыдно бежали перед 30 казаками». Если была «ожесточенная перестрелка», то пиши, была ли действительная стрельба по неприятелю или пальба по небесам. Если часть сдала противнику обоз, пулеметы, орудия, признавайся открыто в позоре. Если часть захватила у неприятеля военное имущество, то не хвастай, не преувеличивай, а говори, сколько захватили, в каком состоянии и при каких условиях.

Нужно беспощадно изгнать из оперативных донесений похвальбу, вертлявую уклончивость и прямую ложь. Изгнание это произвести двумя путями: с одной стороны, разъяснить важность и обязательность правды в военном деле, с другой стороны, шельмовать и клеймить бахвалов, хвастунов и лжецов. Им не место в рядах революционной армии, тем более на командных и комиссарских постах.

Настоящий приказ должен быть через реввоенсоветы армий вручен под личную расписку комиссарам и командирам до командиров и комиссаров отдельной части включительно. Эти последние должны в своей части собрать подчиненный им командный состав, одновременно или группой (в зависимости от обстановки), прочитать ему и разъяснить настоящий приказ.

Ответственность за строжайшее проведение в жизнь изложенных в настоящем приказе начал возлагается на реввоенсоветы армий.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 6 июня 1919 г., № 106, ст. Балаклея.

Пользуясь временным отступлением наших частей, негодяи, провокаторы, агенты Деникина, подняли голову и действуют во-всю. Они пускают темные слухи, сеют панику, ведут агитацию против Советской власти и поставленного ею командного состава, подбивают солдат на неисполнение боевых приказов и на покидание боевых постов.

Обстановка на фронте требует полного напряжения сил, порядка, дисциплины и строгого выполнения долга.

Интересы рабочей и крестьянской советской Украины и всей советской федеративной Республики требуют беспощадных мер расправы с изменниками и предателями, подрывающими силу Красной Армии.

Объявляю, что для этой цели создан Чрезвычайный Военно-Революционный Трибунал под председательством члена Украинского Совета Народных Комиссаров товарища Пятакова.

Трибуналу даны чрезвычайные полномочия для расправы над всеми врагами советской страны и советской армии — независимо от занимаемого ими положения и выполняемой ими работы.

Председатели уездных, волостных и сельских исполкомов, уездные и волостные военные комиссары, коменданты и комиссары станций, обязаны внимательно и тщательно следить за всеми проезжающими лицами и немедленно арестовывать всех замеченных в бесчестной агитации.

Командиры и комиссары полков, начальники эшелонов должны тщательно следить за теми негодяями, которые проникают в среду красноармейцев и пускают подлые слухи об измене командиров для того, чтобы таким путем поддержать шкурников и подбить трусов к отступлению.

Честные товарищи-красноармейцы должны оказывать в этом советским властям необходимое содействие.

Кулацкие сынки, горланы, григорьевцы, махновцы, проникшие в среду Красной Армии, должны быть беспощадно раздавлены.

Предупреждаю, что врагам народа и их попустителям и потатчикам пощады не будет. Каленым железом рабочая и крестьянская власть выжжет язву провокации, григорьевщины и махновщины.

Смерть шкурникам-негодяям!

Да здравствуют честные борцы рабочей и крестьянской Красной Армии!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 6 июня 1919 г., № 107, ст. Балаклея.

Группа лиц, объединенных вокруг партизана Махно, встала на путь изменника и предателя Григорьева и приступила к организации заговора против Советской власти. Эта банда из Гуляй-Поля осмелилась назначить на 15-е июня съезд анархо-кулацких делегатов для борьбы с Красной Армией и Советской властью.

Этот съезд запрещен. Объявляю, что всякий участник съезда будет рассматриваться, как изменник, который в ближайшем тылу наших красных войск организует заговор и открывает ворота врагу.

Махновцы призывают к себе из других частей и армий перебежчиков.

Объявляю:

Всем военным властям и заградительным отрядам, высланным по моему распоряжению, отдан приказ ловить всех тех предателей, которые самовольно покидают свои части и перебегают к Махно, и предавать их Революционному Трибуналу, как дезертиров, для суда по законам военного времени.

Им кара может быть только одна — расстрел.

Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом России и Украины мне приказано навести порядок на фронте в Донецком бассейне и в ближайшем тылу. Объявляю, что этот порядок будет наведен железной рукой. Враги рабочей и крестьянской Красной Армии, шкурники, кулаки, погромщики, махновцы, григорьевцы, будут беспощадно раздавлены регулярными стойкими, надежными частями [61].

Да здравствуют революционный порядок, дисциплина и борьба со врагами народа!

Да здравствует советская Украина и советская Россия!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по всем войскам Советской Украины.
от 8 июня 1919 г., № 108, ст. Лозовая.

Прочесть во всех полках, ротах, эскадронах, командах.

Конец махновщине!

Кто является виновником наших последних неудач на южном фронте, в особенности в Донецком бассейне?

Махновцы и махновщина.

На словах эта братва сражается со всем миром и побеждает всех врагов, но когда дело доходило до боя, махновские командиры бесстыдно покидали вверенные им позиции и бессмысленно откатывались назад на многие десятки верст.

Среди солдат махновской бригады было не мало хороших честных бойцов. Но без правильной организации снабжения и управления и, главное, без внутренней дисциплины и разумного командования махновские части оказывались совершенно не боеспособными, и конные белогвардейцы гнали их перед собой, как стадо баранов.

Махновцы предательски обнажили правый фланг Донецкого фронта и тем самым нанесли тяжкий удар ближайшей армии.

Мало того, махновцы принялись разлагать соседние части: из штаба Махно рассылались агитаторы по соседним полкам с призывом не подчиняться установленному Советской властью командованию, а переходить на махновское положение, т. е. в ряды бесшабашной, разнузданной небоеспособной махновской партизанщины.

Гуляй-польские заправилы пошли еще дальше. Они назначили на 15-е июня съезд воинских частей и крестьян пяти уездов для открытой борьбы против Советской власти и того порядка, какой установлен в Красной Армии.

Терпеть дальше подобное издевательство со стороны зарвавшейся банды стало невозможным. Если бы дать махновцам осуществить их план, мы имели бы новое Григорьевское восстание из Гуляй-польского гнезда.

В виду этого центральная военная власть категорически воспретила съезд и направила надежные честные воинские части для наведения порядка в районе махновщины.

Ныне преступной затее положен конец. **Махно смещен с командования. Махновщина ликвидируется.**

Правда, не мало еще осталось шкурников и громил, которые в разных частях называют себя махновцами и стремятся проникнуть поближе к Гуляй-Полю: там нет дисциплины, там нет обязанности честно сражаться с врагами рабочего народа, стало быть для труса и бездельника — рай земной.

Но после устранения Махно от военного дела, махновщине будет положен конец суровой рукой. Порядок, какой должен быть в армии, устанавливается не отдельными бандами, а Всеукраинским и Всероссийским Съездами Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. Решения этих Съездов для нас священный закон. Этот закон мы призваны исполнять. Полки, бригады, дивизии служат не себе, а рабочему классу и трудовому крестьянству. Оружие вручено красному воину для защиты тружеников от эксплуататоров, помещиков, капиталистов, без различия языка, нации, рода, племени.

Развращенные полки, которые не выполняют боевых приказов, самовольно меняют место своего пребывания, позволяют себе насилие над мирным населением, разгоняют созданные Советской властью учреждения и вооруженной силой захватывают вагоны, паровозы, чинят насилья над рабочими железнодорожниками, — все такие порочные, развращенные, преступные полки будут стерты с лица земли, и в первую голову понесет кару командный состав.

Рабочему классу и крестьянству нужна полная, решительная и скорая победа над белогвардейской армией помещиков и капиталистов. Эту победу нам дадут стройные, регулярные, красные полки, спаянные железной внутренней дисциплиной и готовые беззаветно бороться и умирать за счастье трудового народа.

При поддержке всех сознательных рабочих и честных трудовых крестьян мы такую армию создадим.

Долой шкурников и мародеров!

Долой трусов и громил!

Долой григорьевцев и махновцев!

Да здравствует честная рабочая и крестьянская Красная Армия!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 9 июня 1919 г., № 121, гор. Харьков.

Один из военных работников восточного фронта подал рапорт, в котором ходатайствует об увольнении от обязанностей в виду назначения к нему комиссара, в чем он усматривает недоверие к себе, как члену партии коммунистов.

По поводу этого неуместного рапорта считаю необходимым печатно сделать разъяснение, которое устно делалось неоднократно. Назначение комиссара ни в каком случае не означает недоверия к соответственному командиру или начальнику. Комиссары выполняют большую самостоятельную организационно-политическую и агитационно-просветительную работу в том учреждении или в той части, в какую назначены. Комиссары назначаются при командирах-коммунистах и вообще при всех командирах, которым Советская власть безусловно доверяет, независимо от того, принадлежит ли он к коммунистической партии или стоит вне таковой.

Стыд и срам.

На станцию Лиски прибыли по железной дороге транспорты раненых в ужасающем состоянии. Вагоны без подстилок. Многие без одежды, в одном, давно не смененном белье, лежали раненые и больные; среди них не мало было заразных. Ни медицинского персонала, ни сестер, ни начальника эшелона. Один из эшелонов, в котором было свыше 400 раненых и больных красноармейцев, простоял на станции с раннего утра до вечера, причем больные не получали никакой пищи. Трудно представить себе что либо более преступное и постыдное!

Конечно, у нас мало врачей. Значительная часть их сбежала в контрреволюционное царство Деникина и Колчака. Тем не менее недостатком врачей не оправдывается подобное безобразие. Снабдить раненых и больных пищей можно и при отсутствии санитарного персонала. Предупредить по телеграфу заранее о прибытии эшелона больных, голодных, измученных борцов Красной Армии, потребовать от местных властей принятия необходимых мер по снабжению больных пищей — все это, конечно, вполне осуществимо. Ясно, что военно-санитарная организация южного фронта находится в плохом состоянии.

Однако, и местные власти хороши! Комендант станции Лиски объяснил тот факт, что больных морили голодом в течение 12 часов, отсутствием необходимых денежных ассигновок. Продукты в распоряжении местной власти в Лисках имеются. Но так как кто то не позаботился своевременно заказать для больных и раненых обед, с обязательством внести соответствующую плату, то комендант станции и начальник эвакуационного пункта считали, что единственный выход из положения — проморить больных и раненых голодом 12 часов. А остальные советские власти? Они не знали? Но вчера на этой же станции был такой же случай. Казалось бы, исключительная обстановка требует и исключительных мер. Были ли привлечены к делу местный исполком или организация железнодорожников? Ничего подобного! Никто и не поинтересовался. Раненые в одном окровавленном белье корчились на грязных досках вагонов от боли, голода и жажды. А им ничего не отпускали, потому что кто то не внес денег и, стало быть, прокормление больных грозило временным нарушением отчетности. Можно ли себе представить более тупоумную бессердечность и более бесстыдную канцелярщину даже в самые гнусные времена гнуснейшего царизма!

Негодность военно-санитарного аппарата, непредусмотрительность и нераспорядительность комендантов и заведующих эвакуационными пунктами, безучастность местных советских учреждений соединились здесь в одно. Легко понять, в каком настроении томились больные и раненые и какие проклятия посылали они по адресу властей, на которое возложена о них забота.

Этот позорный случай (как сказано, не единственный) должен быть расследован до конца. Нужно изгнать из военно-санитарной организации и из организации военных сообщений преступную беспечность и подлейшую безучастность. Нужно также энергично встряхнуть и местные Советские учреждения, которые закрывают глаза на то, как у них под носом страдают и гибнут солдаты Красной Армии, защищающие их неприкосновенность.

Нужно во что бы то ни стало улучшить, расширить, оздоровить военно-санитарный аппарат. И нужно на деле показать бездельникам и саботажникам, что безучастное отношение к раненым и больным Красным воинам Советская Республика будет карать наравне с изменой социалистическому отечеству.

10 июня 1919 г.
Лиски.
«В пути», № 53.

О положении на Южном фронте.

Доклад Пленуму Харьковского Совета Раб., Кав. и Кр. Деп. 12 июня 1919 г.*)

Харьков в непосредственной опасности.

Я вынужден отказаться от заявления, данного мною представителям прессы несколько дней тому назад, о том, что Харьков в военном отношении находится в безопасности.

Сейчас я должен внести в это заявление серьезную поправку. Положение гораздо более тревожно, чем я думал, основываясь на имеющейся информации. Мои слова, разумеется, не могут быть истолкованы, как отражение панического настроения или как материал для таких панических настроений или панических выводов.

В военном деле мы должны держаться открытой политики, ибо наши военные силы на три четверти в каждом конкретном случае и на четыре четверти во всем историческом объеме зависят от энергии, сознательности и активности лучших передовых элементов рабочего класса.

И для того, чтобы достигнуть необходимого перелома на южном фронте — а мы этого перелома достигнем! — нам нужно сейчас ясно, во всеуслышание сказать: положение — неблагополучно.

Махновщина.

— Армия, которая оперирует на донецком фронте, имеет партизанское происхождение. Она подверглась значительной переработке, что дало очень ценные и положительные результаты.

Эта армия планомерно и систематически наступала на Донецкий бассейн. Но за последнюю неделю в ней произошел резкий перелом, рецидив, восстановление старой болезни, только частично преодоленной.

Отряды Махно показали вполне, что они были неспособны к защите важнейших участков южного фронта. Под влиянием первого толчка, они обнажили правый фланг той армии, которая непосредственно стоит между Харьковом и деникинскими войсками. Но главное зло, имевшее печальные последствия, — это махновщина.

— Представьте себе рядом, бок о бок, две армии. В одной — от солдат требуют, чтобы они сражались во имя великих идей, соблюдали поря-

*) Приводится в сокращенном изложении. *Л. Т.*

док, в другой — от солдата ничего не требуют — ему говорят: все, что возьмешь — твое. Эта вторая армия — армия Махно. Темным, отсталым элементом наполнены ряды этой армии, которому любы принципы махновщины.

Слава о Гуляй-польской земле, где от солдат не требуют ничего, где нет дисциплины, разошлась далеко. И вот отрезвление — среди отрядов Махно, среди более сознательной части рабочих и крестьян начался знаменательный поворот.

У нас есть надежные сведения о том, что в последние дни среди Махновцев поднялся крик протеста против хаоса и безобразия, которые приводят к стадной, бараньей панике и предательскому бросанию фронта.

Там уже требуют перехода на положение регулярных войск,

Не успели мы разгромить банду Григорьева, как Гуляй-Поле поставило в порядок дня созыв съезда пяти уездов, причем задачей съезда выставлялось — свержение существующей власти рабочих и крестьян. Махно отказался от командования и перешел к организации самостоятельной повстанческой армии.

Эти эксперименты производились на деникинском фронте, в стране, только что потрясенной григорьевским мятежом, в стране, представляющей лагерь, и центральное командование заявило, что назначенный на 15 июня съезд допущен не будет.

Когда приказ об этом был подкреплен сосредоточением сил, направлявшихся против Деникина, готовых направить свое оружие против Махно, последний прислал телеграмму, что он революционер и что он сдаст свою бригаду или дивизию тому, кого мы пришлем.

Но с ликвидацией Махно не ликвидируется еще махновщина, имеющая свои корни в темных народных массах.

Борьба с махновщиной.

— Более темный, развращенный элемент увидел возможность разгуляться. Это типичное кулацко-мародерское настроение.

Переходя к мерам, ведущим к искоренению махновщины в рядах войск и восстановлению боеспособности, необходимо отметить, что к этому ведут два пути: идейное организационное воздействие и суровая расправа с нездоровыми элементами.

— Мы должны применять беспощадные меры не только в отношении нашего классового врага, но и в собственной среде, против всех тех, кто становится поперек исторического пути рабочего класса. Сейчас момент слишком ответственный, чтобы можно было допускать колебания.

Рабочий Харькова, подтянись!

Если неделю тому назад могли быть полемики о мобилизации, то теперь этот час прошел.

Если мобилизация в Харькове не проходит достаточно хорошо в силу того, что часть рабочего класса не стоит на той классовой, моральной и политической высоте, как московский и питерский рабочий, то рабочий класс всей страны в целом может сказать харьковскому рабочему — «подтянись»...

Харьков — крепостной район.

Товарищи! Мы сейчас пришли к необходимости применить в Харькове те меры, какие применялись при колчаковском нажиме в Самаре, Казани и Симбирске.

Наступило время превратить Харьков в укрепленный крепостной район, который будет бороться с наступающей белой гвардией, независимо от того, удержат ли полевые войска линию фронта или нет.

Положение на фронте стало неустойчивым вследствие развала полевых частей, к восстановлению боеспособности которых уже приняты меры. Попутно с этим необходимо превратить Харьков в крепость с сильным рабочим гарнизоном и единой централизованной военной властью.

Происходящая в Харькове мобилизация будет нами проконтролирована в смысле поверки, насколько действительно незаменимы советские служащие, оставленные на своих прежних постах, и все лишние будут поставлены под ружье.

Одновременно мы будем самым энергичным образом стремиться к оздоровлению полевых частей и к замене усталых и разложившихся полков более стойкими и надежными.

На бывшем махновском участке фронта нам уже удалось заменить бежавших махновских партизанов регулярными войсками.

Все под ружье!

В отношении Харькова мы должны стать на твердую позицию. Харьков становится крепостью, осаждаемой врагами. Мы создадим в Харькове суровый революционный режим.

Все под ружье!

Все, что есть честного и сознательного в харьковском пролетариате, будет нами немедленно привлечено к активной борьбе в крепостных окопах. Рабочие, служащие и все честные противники наступающей наглой реакции будут мобилизованы, обучены и вооружены для решительной борьбы на смерть.

Со шкурниками и дезертирами мы расправимся железной рукой, буржуазию мы заставим взять на себя окопные и крепостные работы.

Перед лицом всего организованного пролетариата Харькова мы открыто и прямо заявляем о жестокой опасности, угрожающей красному советскому Харькову со стороны деникинских банд, но с той же ясностью и определенностью мы твердо заявляем, что Харькова мы ни в коем случае не сдадим. В этом мы клянемся перед лицом всего рабочего класса Харькова.

Из грудей лучших честных сынов рабочего класса мы создадим несокрушимую железную броню, которую Деникину никогда не пробить *).

*) После доклада пленумом Харьковского Совета совместно с райсоветами правлениями профсоюзов и фабзавкомов, была принята следующая резолюция:

1. Харькову угрожает непосредственная опасность подвергнуться нападению белых банд, уничтожающих как все завоевания рабочего класса, так и физически истребляющих пролетариат.

2. Харьков в опасности, но установление этого факта не должно служить источником паники. Эта оценка положения должна лечь в основу всей работы советских, партийных и проф. организаций рабочего класса.

3. Харьков не должен быть и не будет сдан врагу. Поэтому, все силы на оборону Харькова! Город и подступы к нему превращаются в укрепленный район. Гарнизон крепостного района должен быть укомплектован, вооружен и обучен в кратчайший срок.

4. В этих целях мобилизация должна быть расширена и углублена. Изъятия должны быть пересмотрены. Уклонившиеся должны быть привлечены. Злостно уклоняющиеся должны быть сурово наказаны.

5. Во главе харьковского крепостного района должен быть поставлен революционный военный совет крепостного района в составе коменданта и двух членов по назначению Харьковского Совета. В руках совета крепостного района сосредоточивается вся власть до момента отражения опасности Харькову.

6. В Харькове Совету Крепостного Района вменяется в обязанность установить режим, который отвечает положению крепости, непосредственно угрожаемой со стороны врага.

Все честные и здоровые элементы — под ружье! Буржуазные элементы — на окопные работы! Контр-революционные — в концентрационные лагери! Суровое подавление всех действий, подрывающих единство, стойкость и боеспособность Харьковского укрепленного района.

7. Так как в настоящий тревожный момент всякое отвлечение внимания трудящихся от непосредственной организации отпора белым является содействием врагам,—все группы, прикрывающиеся флагом сторонников Советской власти, но ставящие те или иные условия при проведении в жизнь обороны пролетарской крепости и ведущие в этом направлении агитацию, — считаются изменниками рабоче-крестьянского дела и с ними нужно поступить по законам военного времени.

Одним из наиболее действительных приемов Махновцев и агентов Деникина, действующих с ними в этом заодно, является огульное, бессмысленное заподозрение командного состава как в действующих частях, так и в тылу, в частности, в самом Харькове. Принимая во внимание, что в районе армий Донецкого бассейна, стало быть на всех подступах к Харькову, действует Чрезвычайный Военно-Революционный Трибунал, под председательством тов. Пятакова, в распоряжение этого Трибунала и должны направляться все обвинения против командиров, комиссаров и ответственных работников вообще. Совершенно очевидно, что распространение неопределенных и темных обвинений против ответственного командования является предательским ударом в спину армий и поэтому должно пресекаться самыми суровыми мерами.

В виду того, что главнейшим фактором разложения нашей армии явилась махновщина, стремящаяся воинскую дисциплину, твердый революционный порядок, правильное обучение военному делу, заменить самочинными действиями отдельных, независимых друг от друга банд — необходимо удвоить и утроить энергию в борьбе с гнилью и развратом кулацкого мародерства, выступающего под знаменем анархо-махновщины. Не скрывая всей остроты создавшегося положения, представляя перед рабочими и крестьянами правду такой, как она есть, полномочное представительство Харьковского пролетариата призывает всех трудящихся к спокойствию и выдержке.

Л. Т.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 18 июня 1919 г., № 112, гор. Харьков.

Суровая кара над дезертирами, махновцами, дезорганизаторами и предателями Рабочей и Крестьянской Красной Армии.

Деникинские помещичье-буржуазные банды угрожают сейчас екатеринославским, харьковским, полтавским, курским и воронежским рабочим и крестьянам. Южный фронт наш пошатнулся. Кто виновник? Кто открыл ворота контр-революционным бандам, собирающимся отнять землю у крестьян и надеть ярмо на рабочих? Ворота открыты изменниками, дезертирами, григорьевцами, анархо-бандитами, махновцами, не желающими признавать никакого порядка, никакой дисциплины в рядах армии.

Чрезвычайный Военный Революционный Трибунал под председательством Украинского Народного Комиссара товарища Пятакова рассмотрел дело о предателях-махновцах, сперва пытавшихся подорвать рабочую и крестьянскую власть на Украине, а потом открывших ворота заклятым врагам трудового народа.

Трибунал сурово покарал изменников и предателей. Такая же кара постигнет всех, кто подрывает сплоченность, дисциплину, боеспособность армии. Махновский штаб уничтожен, но яд махновщины еще не истреблен. Еще отдельные агенты предательства подбивают красноармейцев на бессмысленные отступления. Еще там и сям на южном фронте целые полки самовольно покидают позиции и бесчинствуют по пути.

Чрезвычайный Военный Революционный Трибунал своим приговором свидетельствует, что Советская власть справится с разложением и развратом и сотрет виновников с лица земли.

Объявляя приговор *) по делу предателей-махновцев, приказываю огласить и разъяснить его во всех ротах, эскадронах, батареях, командах армий, действующих на Донецком фронте.

---

*) Приговор 17/VI 1919 года, по делу Михалева-Павленко, Бурбыги, Олейника, Коробко, Костина, Полунина и Добролюбова.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 13-й армии от 19 июня 1919 г., № 113.

XIII армия находится сейчас в состоянии полного упадка. Боеспособность частей ее пала до последней степени. Полки отступают перед слабым численно, но обнаглевшим от безнаказанности неприятелем. Случаи бессмысленной паники наблюдаются на каждом шагу. Шкурничество процветает. Если бы это позорное разложение XIII армии, у которой в прошлом имеются серьезные боевые заслуги, продолжалось и дальше, — оно грозило бы величайшей опасностью южному фронту и всей Советской Республике.

Для того, чтобы произвести в настроении и поведении XIII армии необходимый поворот, нужно ясно понять причины развала.

I. Одной из важнейших причин тех позорных явлений, какие переживает сейчас XIII армия, является наследие партизанщины. Многие полки XIII армии сложились из партизанских отрядов. Правильной организации в них нет до сих пор. Почти нет обоза. Хозяйственная часть поставлена кое-как. Самоснабжение, а, стало быть, и мародерство находят себе широкое применение. Поэтому главные усилия должны быть направлены на полное истребление партизанщины. Части XIII армии должны получить правильное строение в соответствии со штатами. Первым делом нужно завести обозы, чтобы полки не висели на железной дороге, а были способны к маневренным операциям. Необходимо ввести в жизнь Уставы — особенно внутренний и полевой. Устав есть выражение разумного, целесообразного порядка, который обеспечивает воинской части боеспособность и наивысший результат боя. Надо добиться понимания Уставов, уважения к ним и их практического применения на деле.

II. В связи с этим получает огромное значение вопрос о командном составе. Те командиры, которые прониклись насквозь партизанщиной или притерпелись к ней, должны быть призваны к порядку или заменены. Мы не можем терпеть командиров, которые не соблюдают полевого устава, работают кое-как, надеются на «авось». В армии, которая разъедается беспорядком, недисциплинированностью, командный состав должен быть стальным рычагом для перелома.

Каждый боевой начальник отвечает за подчиненный ему низший командный состав. Нужна строжайшая проверка каждого командира в от-

дельности на деле. Кто нерадив, бездеятелен, мирится с беспорядком, тот либо сознательный изменник, либо способен стать изменником в подходящую минуту.

Чтобы очистить XIII армию от элементов паники, предательства и гниения, нужно первым делом очистить командный состав от бездельников, паразитов, предателей. Командир Красной Армии должен быть образцом твердости, стойкости и мужественного выполнения долга по отношению к трудящемуся народу.

III. В деле оздоровления армии решающая роль должна принадлежать комиссарам. Комиссар полка — вот от кого зависит больше всего настроение и дух полка. Полк — это основная единица армии. Комиссар дивизии может давать общие указания, но непосредственно руководить жизнью товарищей солдат на учении, в походе, в боевой обстановке, на отдыхе может только комиссар полка.

Комиссар не командует. Для этого существует командир полка. Командование должно быть единым. Но комиссар является представителем рабочей и крестьянской власти в полку. Он — политический руководитель, вдохновитель и вождь полка. Он должен быть образцом революционного долга. Он должен твердо знать весь командный состав своей части, его сильные и слабые стороны. Не вмешиваясь сам в командование, он должен следить за тем, чтобы это командование всегда было на месте. Он должен проверять его на опыте и, в случае негодности, неспособности или ненадежности командира, принимать меры к его скорейшей замене.

Комиссар должен знать состав своего полка; своих лучших и своих худших солдат. Комиссар должен создать возможность в самых трудных условиях собрать вокруг себя лучших солдат полка, при их помощи дать отпор шкурникам и переломить настроение колеблющихся. Комиссар должен быть неутомимо бдительным к малейшим проявлениям недовольства, противодействия, шкурничества или контр-революционной агитации, для того, чтобы своевременно принимать меры к устранению причин законного недовольства, подтягивать или карать шкурников и беспощадно расправляться с контр-революционерами.

Горе тому комиссару, который живет по старому правилу: «Все обстоит благополучно», занимается укрывательством прорех своего полка. Хороший комиссар — спасение полка, плохой комиссар — гибель полка.

Комиссарский состав XIII армии должен быть внимательно просмотрен на основании опыта последних недель. Слабые, нестойкие должны быть устранены и заменены.

IV. Огромную помощь комиссарам и командирам в деле оздоровления расшатанной армии могут и должны оказать товарищи коммунисты, члены партийных ячеек. Солдат-коммунист — это наиболее сознательный, мужественный и самоотверженный боец. Стало быть, он должен быть образцом дисциплины и выдержки. На таких коммунистах держится рота, батальон, полк, держится армия.

Но надо сказать, что коммунист коммунисту рознь. С того времени, как коммунистическая партия стала у власти, в ее ряды вошло немало рабочих и крестьян, которые лишены ясного коммунистического сознания и необходимого революционного закала. В боевой обстановке такой молодой, необстрелянный коммунист нередко заражается настроением несознательных солдат, поддается панике, сам нарушает порядок и этим подает разлагающий пример другим. Мало того, нередко к коммунистам примазываются развращенные элементы, карьеристы, рассчитывающие на то, что звание коммуниста даст ему привилегии везде и всюду. Такие лже-коммунисты являются худшей занозой в теле армии. Вокруг них образуются гнойники. Для оздоровления армии необходимо предварительное очищение коммунистических ячеек. Рука об руку с комиссарами работой чистки должны заняться наиболее сознательные и энергичные члены самих ячеек. Нужно строжайше проверить, как держали себя все члены партийных ячеек и все сочувствующие во время последних отступлений: помогали ли они комиссарам, останавливали ли бегущих, истребляли ли провокаторов, или же сами поддавались бессмысленной панике и являлись источником разложения. Коммунист, который митингует, когда нужно сражаться, партии не нужен. Лучше меньше коммунистов в ячейке, но пусть это будут надежные и твердые товарищи, которые и в тяжкую минуту остаются на своем посту.

V. Красная армия объединена высокой идеей борьбы за права и интересы угнетенных. Но одной идеи мало. Нужен твердый революционный воинский порядок. Каждый должен отвечать за свои действия. Не все могут быть героями, но каждый обязан выполнить долг солдата, которому винтовка вручена трудящимся народом. Кто уклоняется от выполнения долга, тот должен понести кару. Безнаказанности в армии не должно быть. Комиссар и командир, которые сквозь пальцы глядят на небрежное отношение к своим обязанностям, особенно со стороны командного состава, не годятся: они этим покровительствуют разгильдяйству и шкурничеству. Безответственность убивает армию. Этой безответственности немало еще осталось в XIII армии, в качестве наследства от эпохи партизанства. Агитаторы махновщины немало поработали над внесением в полки XIII армии разнузданности и хулиганства. К этим явлениям нужно относиться теперь с удвоенной суровостью. Ни один проступок, а тем более преступление, не должны оставаться безнаказанными. Комиссар и командир вооружены дисциплинарным уставом для кары более легких проступков. В армии имеется Революционный Трибунал для кары преступления. Шкурники, контр-революционеры, дезертиры, махновцы должны быть искоренены, — тогда лучшие элементы поднимут голову и оздоровят полки.

XIII армия не смеет терять времени. Дорог каждый час. Работа оздоровления должна быть проведена в течение ближайших двух недель. Для этого требуется величайшее сосредоточение физических и нравственных сил. Не сомневаюсь, что эти силы найдутся. И другие армии переживали периоды упадка и разложения, — все они выходили окрепшими из испытаний. Теперь очередь за XIII армией.

Командиры, комиссары, коммунисты XIII армии! Советская Республика приказывает вам: изгоните из рядов вашей армии разложение и гниль, пропитайте ваши полки духом самоотвержения и в двухнедельный срок займите достойное место на вверенном вам участке Советского фронта.

Угроза Воронежу и Курску.

Осенью прошлого года Воронежу грозила опасность. Ныне эта опасность возродилась вновь. Сейчас непосредственная военная опасность сама по себе может казаться даже более серьезной, чем в прошлом году. Что же произошло в таком случае за эти месяцы? Что изменилось? Кто стал сильнее? Кто слабее?

В прошлом году Красновские войска были лишь нерегулярным авангардом других более могущественных и опасных нам сил: полчищ Гогенцоллерна и войск Антанты. Мы все понимали и говорили тогда: «Придется ли красным войскам временно отступать под налетом красновской конницы или же они сомнут ее — вопрос не в этом. Неделей раньше или позже советские войска разобьют белых. Но исход величайшей в мире революции зависит от того, успеют ли притти нашим белым на помощь белогвардейцы Германии, Англии, Франции и Америки».

Вот где было решение вопроса. И вот где произошли величайшие изменения.

Германский милитаризм исчез. Несмотря на свое жалкое учредительное собрание, Германия разъедается гражданской войной, которая неизбежно ведет к власти пролетариата. Англия, Франция, Америка победили, но их военная сила уже обречена. Это мы видели в Одессе и Крыму, откуда союзные хищники бежали, и на-днях бессилие англо-французского милитаризма снова подтвердилось на судьбе Петрограда. Англо-французское правительство категорически заявляло о близком вступлении генерала Юденича в Петроград. Уже по всей Европе и по всему миру прошла весть о том, что красный Петроград пал. На французской бирже стояло ликование. Но Петроград устоял [52]. Английская и французская буржуазия оказывается бессильной помочь своим русским союзникам. Америка снова собирается уводить свои отряды из Архангельска. Колчак, которого империалисты Антанты собирались признать, откатывается на Урал и за Урал. «Союзники» и здесь бессильны ему помочь. Англо-французский милитаризм — уже не более, как колоссальная картонная декорация. Он внутренно опустошен. Его источила насквозь революция. Скоро-скоро он рухнет на глазах всего мира.

Банды Деникина, продвигающиеся с юга — это уже не авангард англо-французских войск, нет, — это вся та армия, которую контр-революция способна ныне выдвинуть против нас. За спиной у Деникина нет ничего, кроме враждебного ему тыла.

Правда, за эти месяцы южная контр-революция успела создать значительную армию. Наши южные войска, разбив банды Краснова, натолкнулись на своем пути, во второй линии на белогвардейские войска Деникина. Мы ведем на юге в течение последних месяцев вторую войну. Враг обновился, наши полки остались те же. Наши главные силы и наше внимание было временно отвлечены на восток. К этому присоединилось разложение украинского партизанства и отрава махновщины. Наш южный фронт заколебался и сдвинулся назад к Царицыну, к Балашову, к Воронежу.

Из всех предшествовавших испытаний Красная Армия выходила окрепшей. Сейчас удары по Харькову и Екатеринодару заставят подтянуться и выправиться Советскую Украину, которая ныне переживает такой же период, какой мы переживали летом прошлого года, когда чехословаки захватили у нас Поволжье, включая Казань. Рабоче-крестьянская Украина — источник огромных материальных и личных сил. Ныне она целиком поднялась на поддержку южного фронта. Пополнения стекаются во все возрастающем числе. Пройдет немного недель и на южном фронте произойдет решительный перелом. В эти переходные недели нужно всеми силами и средствами притти на помощь войскам южного фронта.

Нужно укрепить тыл. Нужно очистить всю прифронтовую полосу от дезертиров. Под непосредственной угрозой помещичьей и генеральской палки миллионы курских, воронежских, тамбовских, саратовских крестьян встряхиваются и сами гонят дезертиров в ряды красных войск. Ни одного уклоняющегося не должно оставаться в селе!

То же самое относится к командному составу. На всяких советских должностях сидят сотни и тысячи бывших офицеров старой армии. Они укрываются или их укрывают в качестве «незаменимых». Если они сейчас где «незаменимы», — то в рядах Красной Армии. Этому худшему виду легализованного дезертирства ныне будет положен конец.

Курск, Воронеж, Тамбов, Саратов превращаются в крепостные районы. Ядро крепостных районов составляют вооруженные коммунисты. Об эту линию укреплений разобьется деникинская волна.

Положение южного фронта тяжкое. Удвоим усилия! Утроим и удесятерим их! Уготовим Деникину участь Колчака!

27 июня 1919 г.
Воронеж.
«В пути», № 55.

Еще раз украинские уроки.

Неудачи на донецком фронте разрослись. Очищены нами не только весь донецкий бассейн, а за ним ближайшие уезды Харьковской и Екатеринославской губерний, — сдан и самый Харьков, столица Восточной Украины. Это — серьезный удар. Он тяжко отдастся во всей Украине и во всей Советской России. Харьков — большой, богатый, промышленный, рабочий город. Даже временное его очищение представляет большие выгоды для врагов, большой ущерб для революции.

До сих пор было так, что неудачи вызывали у нас не упадок духа, а наоборот — напряжение энергии, в результате чего являлся новый шаг вперед. Нельзя сомневаться, что так же будет и на этот раз. Этим и отличается молодой революционный класс от старого гниющего. Для царской монархии военные неудачи были гибелью, — для революционного рабочего класса они становятся толчками и возбудителями его энергии.

Ныне очередь за Украиной. Ибо потеря Харькова есть в первую голову удар по Украине и урок для Украины, — как в прошлом году потеря Самары, Симбирска, Казани, была суровым, но спасительным уроком для Великороссии. Не только украинское крестьянство, но и украинский рабочий класс до последнего времени не оценивали в полной мере военной опасности, которая грозит восточной, т. е. важнейшей половине Украины. Настроения, какие господствовали в трудящихся массах украинского юга, затрудняли мобилизацию и правильные формирования. Эти настроения имеют свою причину, которую нужно понять.

Часто приходится слышать: «у нас на Украине сильно кулачество, отсюда все эти банды...» Это, конечно, верно. Кулачество на Украине играет не малую роль. Но ближайший ход революции зависит от того, кто будет руководить средним крестьянством: рабочий класс или кулачество? Нужно поэтому объяснить, почему кулачество забрало верх над украинским крестьянством? Постоянное это явление или временное?

Украина прошла за последние два с лишним года через множество режимов. После низвержения царской монархии установился режим Керенского, который на Украине преломлялся в виде Киевской рады. Она оказалась ниспровергнутой Советской властью. Потом рада вернулась при содействии немецких штыков. Режим немецкой оккупации прикрывался мелко-буржуазной лже-демократией.

Потом немцы выкинули демократический хлам и поставили своего вельможного приказчика, гетмана Скоропадского. Потом немецкая рево-

люция, немедленно отдавшаяся на Украине, выгнала скоропадчину. Временно установилась петлюровщина. Как полагается, петлюровщина была дополнена англо-французским, греко-румынским и арабо-негрским нашествием. Потом Советская власть ниспровергла петлюровщину, Украинский крестьянин через все это прошел. Пассивно или активно он сопротивлялся за эти два года семи, сменявшим друг друга, режимам. Немудрено, если крестьянину начинало казаться, что ему вообще никаких режимов не нужно, — он в своем Золотоношском или Мариупольском уезде и так проживет. Государственная власть, какие бы формы она ни принимала, требовала от крестьянина хлеба для города и мобилизовала крестьянского сына. Отсюда оппозиция крестьянина ко всякой государственной власти, как почва для анархистских тенденций. Эти настроения породили Григорьева с григорьевщиной, Махно с махновщиной и — кучу Зеленых, Струков, Шкилей и прочих бандитов анархо-лево-эсэровской и — чисто погромной окраски. Конечно, как только «антигосударственники» анархо-бандитского типа сколько нибудь расправляли крылья, они немедленно же причиняли крестьянину столько ущерба, сколько не причинял ему, пожалуй, и царизм, который грабил и насиловал систематичнее. Но до поры до времени казалось, что махновские банды дают некоторую местную защиту от помещичьих нападений. На деле не оказалось и этого. Всесильные на грабеж, махновцы оказались бессильными против регулярных частей. Когда кавалерия Шкуро заполонила Таганрогский и Мариупольский уезды, украинский мужик стал понимать, что дело с государственной властью не так просто. Конечно, советская власть требует от крестьянина известного самоограничения и значительных жертв. Но при всякой другой власти крестьянству будет в десять раз хуже, чем при советской. Вот эта простая истина тяжелым молотом неудач вбивается теперь в сознание украинского селянства.

Параллельный процесс происходит и в головах украинских рабочих.

В силу ряда исторических причин оппортунистический, мелкобуржуазный социализм имел у нас на юге гораздо большее влияние на верхи рабочего класса, чем на севере. Это обстоятельство с самого начала подсекало размах пролетарской революции на Украине. После того, как немцы разгромили украинские советы, наиболее революционные элементы рабочего класса покинули пределы Украины и сражались затем в Кубани, в Терской Области, в Астраханских степях, на Дону, под Царицыном, под Новохоперском и под Воронежом. Под режимом рады, скоропадчины и петлюровщины меньшевики и право-эс-эры выступали, как легальная «оппозиция», от имени рабочего класса, и в меру сил своих отравляли сознание его ядом крохоборчества и приспособленчества. Они пользовались каждым затруднением Советской власти, каждой военной неудачей, — вторжением немцев, как и вторжением Антанты, — для того, чтобы подрезать революционные надежды и ожидания трудящихся масс Украины. При большой отсталости украинского пролетариата эта работа не могла оставаться бесследной. До последних дней меньшевики и эс-эры играли не малую в своем

роде роль в рабочем движении — в частности в профессиональных союзах — Украины. В Харьковском профессиональном объединении меньшевики и их присные задавали тон. Разумеется, флаг меньшевизма прикрывал нередко простую темноту и шкурнические инстинкты или закоснелую ограниченность, подобную охарактеризованной выше ограниченности украинского крестьянина: «Мы-де видали разные режимы. Обойдемся и вовсе без режима». Или еще проще: «Нам, что ни поп, то батька». Во время наших неудач в Донецком бассейне харьковские меньшевики вели тлетворную агитацию, в конец разлагавшую волю рабочих. Они на словах как бы признавали необходимость мобилизации, но обставляли это такими оговорками, что каждый, кто верил им, должен был сказать себе: «Ну, при таких условиях проливать свою кровь я не стану». Руководители харьковского профессионального движения, под аккомпанемент меньшевистских речей, занимались постыдным торгашеством на счет того, когда и при каких условиях они согласятся подумать о необходимости приступить к подготовке некоей мобилизации...

Деникинский удар явился и тут суровым уроком. Деникин поучает теперь отсталую, полумещанскую часть украинского пролетариата тому, что без «режима» жить нельзя: если исчезает советский режим, то его место автоматически занимает режим белогвардейский.

Утрата Харькова — тяжкая потеря. Но, если она приведет к полной ликвидации в украинском пролетариате мелкобуржуазных, соглашательских иллюзий и шкурнических настроений, то придется сказать, что за это заплочено не слишком дорогой ценой.

Перелом уже в значительной мере налицо. Мобилизация украинских рабочих проходит с значительным успехом. Крестьяне во многих местах Украины сами потребовали, чтобы их мобилизовали наравне с рабочими против помещичьего ига, надвигающегося с востока. Нет сомнения, что объявленная украинскою советскою властью мобилизация девятнадцатилетних даст ожидаемые результаты.

Не менее важен тот психический перелом, который должен сказаться и уже сказывается во всем аппарате советской власти на Украине. Там еще слишком много хаоса, неразрывного с первой эпохой революции. Перелом в сторону советского порядка, исполнительности, учета, дисциплины, медленно подготовлявшийся, теперь, под влиянием тяжких испытаний, наступит сразу. Украинские крестьяне и рабочие поймут теперь, что удержать завоеванное нередко труднее, чем завоевать, и они потребуют от своих представителей во всех советских учреждениях строгой исполнительности в рамках советского централизма.

Разложившаяся украинская партизанщина открыла опаснейшую дыру на южном фронте. Нет сомнения, что уже в ближайшие недели сосредоточившая свои силы Украина не только заткнет эту дыру, но и рука об руку с Советской Великороссией раздавит деникинских белогвардейцев, прижав их к Кавказскому хребту.

28 июня 1919 г.
«В пути», № 56.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 29 июня 1919 г., № 119, гор. Курск.

В пределах Курской губернии имеется весьма значительное количество граждан, уклонившихся от исполнения воинской повинности, или прямо дезертировавших из частей Красной Армии. Сейчас временные успехи Деникина позволили ему захватить часть Курской губернии. Деникин мобилизует крестьян и рабочих, превращая их во врагов и палачей трудовой страны. При этих условиях каждый дезертир является вдвойне и втройне предателем рабочего класса.

Приказываю принять меры исключительной строгости для извлечения дезертиров и уклонившихся из рядов населения Курской губернии. Пойманных с оружием расстреливать на месте.

Утративших или продавших часть обмундирования подвергать суровой расправе через военный трибунал.

Укрывателей дезертирства карать беспощадно, конфискуя у них лошадей, повозки, скот и проч. и привлекая к суду трибунала.

Тем дезертирам, которые явятся добровольно, хотя бы и по истечении установленного Советом Обороны срока, даровать по возможности снисхождение.

Вменить в обязанность всем уездным, волостным и сельским советским властям полное напряжение сил в деле борьбы с дезертирством. В эти дни, когда обнаглевшие помещики и капиталисты угрожают поработить курских рабочих и крестьян, ни одного дезертира не должно оставаться в пределах Курской губернии. Обо всех предпринятых мерах и достигнутых результатах доносить мне по телеграфу каждые три дня.

Причины неудач на Южном фронте.

Наши неудачи на Южном фронте очень значительны. Временная утрата Риги и Вильно с военной точки зрения не имеет и в далекой мере того значения, как утрата Царицына, Новохоперска, Харькова, Екатеринослава. На Западе мы продвинулись после германской революции почти без боя. Сил у нас там было немного. Организация Западного фронта находилась до последнего времени в зародыше, — нет ничего удивительного, если под действием первого серьезного толчка мы отодвинулись назад. На Западе вся работа еще впереди.

Другое дело на Южном фронте. Тут приложено не мало усилий, и зимние успехи наши на Южном фронте были очень значительны. Почему же после периода победоносного наступления настал период тяжких неудач?

На эту тему ведется сейчас не мало разговоров и пишется не мало статей. Нужно сказать, однако, что значительная часть этих статей ищет причины наших последних неудач совсем не там, где их искать полагается.

Неудачи наши происходят от самой естественной, самой основной, самой простой причины большинства неудач на войне: мы оказались в известный момент значительно слабее нашего врага. Как это произошло?

Армии Южного фронта сражались с Красновскими войсками. Сперва, когда на Южном фронте господствовала партизанщина и самодельщина, мы отступали. Когда же противодействие партизанов, явных и тайных, было преодолено и установилось объединенное, централизованное командование, мы сразу получили крупный перевес и стали быстро продвигаться к Ростову и Новочеркасску, охватывая гнездо контр-революции железным полукольцом. Если бы дело ограничивалось Красновским казачеством, наши армии Южного фронта давно довели бы дело до конца.

Но за спиной Краснова, на юге, стояли Деникинские белогвардейские войска. Знали мы о них? Конечно, знали. Но за спиной Деникинских войск стояли северо-кавказские советские армии. Эти две армии насчитывали чуть не 150.000 или даже 200.000 человек. По крайней мере, снабжение они требовали на такое число. Но это не были правильно организованные войска, а партизанские отряды, за которыми тащилось много беженцев и просто дармоедов и мародеров. Никакой правильной организации снабжения, управления и командования не было и в помине. Само-

дельные командиры не желали никому подчиняться и боролись друг с другом. Как всегда водится у партизанов, страшно преувеличивали свои силы, с презрением относились ко всем предостережениям центра, а потом, после первого серьезного удара со стороны деникинцев, стали рассыпаться на части. При этом сдали врагу множество военного имущества и погубили при отступлении неисчислимое количество человеческих сил. Нигде, может быть, партизанщина не обошлась так дорого рабочим и крестьянам, как на Северном Кавказе.

Быстрый крах Северо-Кавказских партизанских советских армий сразу развязал руки Деникину. В Новороссийске, Екатеринодаре, Ставрополе, Пятигорске, Владикавказе Деникин оставил лишь небольшие гарнизоны, а главные свои силы, хорошо снабженные благодаря английской помощи, перебросил на север, на Донской и Донецкий фронт. Наши Южные армии, прошедшие несколько сот верст и понесшие большие жертвы в борьбе с красновскими казаками, встретились на своем пути с очень многочисленными и свежими Деникинскими войсками.

Таким образом, основною причиной наших южных неудач являются не недостатки организации армий южного фронта, а предательская, в полном смысле слова, роль пережившей себя партизанщины.

В то время, как не желавшие знать ни порядка, ни дисциплины Северо-Кавказские атаманы дали возможность Деникину без всякой помехи перебросить свои войска на Дон и Донец, украинская партизанщина пришла на помощь Деникину на крайнем правом фланге южного фронта. Как ни тяжко было положение ослабевших и уставших красных полков после столкновений с деникинцами, но наши войска ни в коем случае не откатились бы так далеко, если бы махновцы не открыли белогвардейской кавалерии широких ворот для захода нашим армиям в тыл.

Разумеется, во время быстрого отступления наблюдалось не мало случаев паники, невыполнения приказов и прямого разложения частей. Но и эта зараза шла целиком из махновского угла и распространялась волнами, как тиф или холера, сперва на правый фланг соседней армии, потом передвигалась на центр, а потом — на левый фланг и далее, причем полк тем больше поддавался заразе, чем более сам он был близок по своей организации к партизанскому отряду.

Обеспечив своим бессилием и ничтожеством численный перевес за нашим врагом, партизанщина в довершение всего еще раз подставила нашим армиям ножку, когда дело дошло до решающего столкновения. Отсюда видно, какой жалкой болтовней являются речи о том, будто причинами неудач являются методы построения Красной Армии. Как раз наоборот: если ослабленный Южный фронт не развалился, а сохранил свои кадры, то именно потому, что получил правильную организацию. Только благодаря этому он имеет сейчас возможность вобрать в свои кадры десятки и сотни тысяч свежих борцов для нанесения белогвардейщине смертельного удара.

Организация, как и отдельные люди, лучше всего познаются в трудную минуту. Так и теперь на Южном фронте. Именно в беде, в поражениях и отступлениях обнаружилось целиком, что крепче всего те полки, где лучше и полнее всего проведена наша советская военная система.

Особенно жалкими являются попытки снова разжечь вопрос о военных специалистах и потребовать его «пересмотра». Конечно, под влиянием неудач число случаев измены возрастает. Но никакой изменник и перебежчик, и все перебежчики вместе, не причинили и не могли причинить Советской России столько вреда, сколько причинила ей партизанщина на Северном Кавказе, Махновщина и Григорьевщина — на Украине. На одного изменника приходятся сейчас сотни бывших офицеров, которые связали судьбу свою с Красной Армией, работают честно и с успехом.

Привлечение нами военных специалистов оправдалось вполне.

Разделение труда между командирами и комиссарами и в то же время тесное сотрудничество между ними проверены опытом и не нуждаются в изменениях.

Это, конечно, не значит, что все обстоит благополучно. Нет, у нас множество нехваток: и по части снабжения, и по части командного состава, и по части комиссаров и коммунистических ячеек. Но это уже не вопрос системы. Аппарат снабжения нужно улучшать, негодных командиров нужно устранять, изменников — расстреливать. Слабых комиссаров необходимо смещать. Коммунистические ячейки надлежит проверять на опыте и очищать от недостойных элементов. Эта работа не должна ослабевать никогда, как и работа военного обучения и политического воспитания наших красноармейских частей.

Сейчас, когда Южный фронт получает столь значительное количество свежих политических работников и командиров, можно не сомневаться в том, что армии Южного фронта в течение ближайших недель переродятся и покажут зарвавшейся белогвардейской сволочи, что военная Советская система, доказавшая свою победоносность в борьбе против Колчака, вполне пригодна и для того, чтобы окончательно справиться с Деникиным.

8 июля 1919 г.
гор. Козлов.

Зеленый и белый.

За последнее время появились в прифронтовой полосе, так называемые, зеленые войска. Что это такое?

Обыкновенно говорят, что зеленые банды создаются из беглых солдат, дезертиров, которые не хотят сражаться ни на той, ни на другой стороне. На первых порах оно так и выходит: красные войска сражаются за свободу и независимость трудового народа, белые войска сражаются за восстановление власти помещиков, капиталистов и царя, а зеленые хотят только отстоять свою шкуру и поэтому прячутся в лесах.

Но на деле результаты получаются иные. Последние донесения сообщают о том, что зеленые банды вошли в состав армии Деникина и сражаются на стороне белых против рабочих и крестьян. Как же это случилось?

— Очень просто. Главную массу зеленых составляют, конечно, темные шкурники и трусы. Но тайными организаторами и провокаторами везде выступают деникинские офицеры. Если бы белогвардейский провокатор открыто предложил дезертирам и шкурникам перейти на сторону Деникина, — они, конечно, отказались бы, потому что сражаться за интересы помещиков им еще меньше хочется, чем бороться за интересы трудового народа. Деникинцы пустились поэтому на хитрую уловку, чтобы прибрать постепенно дезертиров к своим рукам. В разных местах появились тайные белогвардейские агенты, которые начали собирать дезертиров в зеленые банды, убеждая их, что так они не будут сражаться ни с красными, ни с белыми. Однако, когда банды возникли, они сразу оказались между двух огней: с одной стороны, советские войска, с другой стороны, нажимающие белогвардейцы. Положение зеленых банд, попавших между молотом и наковальней, стало безвыходным. Тут-то деникинские агенты стали действовать в открытую: объяснив обманутым ими дезертирам, что другого выхода нет, они привели их в лагерь белых под защиту Деникина. А тот стал гнать их пулеметами вперед против рабоче-крестьянской Красной Армии. Таким образом, дезертиры, которые надеялись в лесах спрятаться от войны, попали в первую линию огня и теперь гибнут и истребляются с обеих сторон.

И это вполне правильно. Между красными и белыми, между помещиками и крестьянами, идет смертельная борьба. Тут никаких зеленых быть не может. Лучше открытый враг-белогвардеец, которого знаешь,

чем подлый предатель — зеленый, который прячется до поры до времени в лесу, а потом при приближении деникинцев всаживает нож в спину революционным бойцам.

Советская власть проявляет величайшее снисхождение к тем дезертирам и уклонившимся, которые честно и добровольно возвращаются в ряды Красной Армии. Но бандитам, шкурникам и мародерам, которые объединяются в зеленые банды, пощады быть не может. Они должны быть своевременно истреблены. Леса и волости должны быть очищены от зеленых негодяев.

Наш Южный фронт окреп и готовится к нанесению решительного удара. Но прежде, чем красные полки перейдут в наступление против белых по всему фронту, они раздавят своим каблуком зеленую нечисть, чтобы обеспечить себе надежный тыл.

Зеленый — худший враг народа. Первый удар зеленому!

11 июля 1919 г.
гор. Воронеж.
«В пути», № 59.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 11 июля 1919 г., № 123. гор. Воронеж.

Президиум Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов вручил мне, в качестве дара от Московского Совета, 10 почетных знамен для раздачи отличившимся на фронте частям. Два знамени вручены мною Сибирским и Самарским курсантам, покрывшим себя славою в боях на южном фронте. Остальные будут вручены наиболее отличившимся полкам. От имени Красной Армии передаю Московскому Совету братскую благодарность.

Восток и Юг.

Дела наши на Востоке идут прекрасно. Красные войска неутомимо преследуют разбитые, расстроенные, запуганные колчаковские банды. Лучшие колчаковские полки, т. е. те, которые состоят из наиболее сознательных рабочих и крестьян, добровольно сдаются нам в плен. Менее сознательные разбегаются. Повидимому, осталось вовсе уж немного охотников отдавать свою рабочую или крестьянскую голову за то, чтобы на адмиральскую голову Колчака надеть корону. Мы взяли Златоуст, приближаемся к Екатеринбургу, движемся на Челябинск. Красный гарнизон Уральска, который временно был окружен казацкими белогвардейцами, не сдавался, ожидая помощи извне. Помощь пришла: советские полки разбили кольцо вокруг Уральска и соединились с его красным гарнизоном.

Наши блестящие победы на Востоке имеют огромное значение для всей страны. Открываются богатейшие хлебородные пространства. Уральская промышленность возвращается в руки рабочих и крестьян. Заводы Перми и Златоуста, — а вскоре и Екатеринбургского района, — заработают в интересах Красной Армии. Ижевский завод, вырванный из рук Колчака, уже производит столь необходимые для нас винтовки. Велика наша победа на Востоке [53].

На Юге победы еще нет. Мы только задержали наступление противника. Но и это уже великое дело. Во-первых, это показывает, что Деникин израсходовал свои силы и выдохся. Во-вторых, это дает нам возможность подтянуть подкрепления, снабдить и укомплектовать расстроенные части, воссоздать могучий фронт. Именно этим теперь занята Советская Россия.

Руководящие работники южного фронта! Комиссары, командиры, сознательные красноармейцы! Не теряйте ни единого часа. Задержав наступление, мы выиграли передышку. Эту передышку мы должны использовать для укомплектования, снабжения, обучения и воспитания наших частей. Занятия должны итти напряженно и добросовестно. Десятки тысяч пополнения необходимо воспитать, дисциплинировать, превратить в хороших солдат.

Южный фронт должен равняться по восточному. Нужно уготовить Деникину участь Колчака. У нас для этого достаточно сил и средств. Эти силы и средства возрастают с каждым днем. Нужно только привести их в порядок, а затем вперед!

Солнце всходит на Востоке, а к полдню поднимается на Юге. Так и победа наша. Она взошла на восточном фронте, а в ближайшие недели солнце победы высоко поднимется над южным фронтом и осветит наши красные знамена в Ростове, Новочеркасске и Екатеринодаре.

15 июля 1919 г.
Букреевка — Коренная Пустынь.
«В пути», № 61.

До зимы закончить!

С Деникиным нужно во что бы то ни стало покончить до зимы. Зимняя война — тяжкая война — требует великих жертв кровью и имуществом. Нужно сделать все, чтобы избежать зимней кампании. Для этого есть один путь: удвоить и утроить энергию летне-осенней кампании. Нужно поставить трех стрелков на том месте, где ныне стоит один, пять всадников — там, где ныне один боец сидит на коне. Это вполне возможно. Недостатка в живой силе у нас нет. Мобилизация 19-летних и части 18-летних, прилив крестьян, уклонявшихся ранее от явки по мобилизации, все это создает мощный, почти неисчерпаемый источник пополнения и укомплектования нашей армии.

Но этого одного недостаточно.

Нужен командный состав. Он имеется в большом количестве на разных штатских должностях и до сих пор тщательно укрывался от мобилизации различными советскими учреждениями. Декрет Совета Обороны направляет командиров туда, где им быть надлежит: на фронт. Отныне всякое противодействие местных властей, всякая попытка задержать, укрыть сколько нибудь ценного и опытного военного работника является самым злостным саботажем.

Наряду со старым офицерством необходим новый командный состав. Нужно как можно шире развернуть командные курсы. Здесь мы сталкиваемся чаще всего с вопросом о помещении. Местные советские власти нередко задерживают на месяцы открытие или расширение командных курсов под тем предлогом, что соответственные здания необходимы для культурных целей. Иногда таким образом налагается рука на помещения бывших кадетских корпусов, наиболее приспособленных для командных курсов. Трудно заклеймить с достаточной энергией подобную близорукость. Все культурные задачи отступают сейчас на второй и третий план перед необходимостью дать Красной Армии лишних тысячу командиров. Недостаток командного состава приводит сплошь да рядом к тому, что мы временно сдаем врагу целые губернии со всеми их культурными учреждениями и предприятиями. Никто не смеет забывать, что Советская Россия есть военный лагерь! Местные советские учреждения обязаны сейчас на ближайшие месяцы, не только предоставить командным курсам наиболее пригодные помещения, но и вообще поставить эти курсы в такие материальные и духовные условия, при которых курсанты могли бы работать с высшим напряжением сил.

Необходимо снабжение. Это коренной вопрос. Нужно накормить, одеть, обуть, снабдить, вооружить новые сотни тысяч борцов. Все источники и средства снабжения должны быть мобилизованы и милитаризованы. Разумеется, страна от этого пострадает. Но она пострадает меньше, чем от тяжкой войны. Мобилизовать по-немножку, вооружать по́-немножку, воевать по-немножку, действовать «малыми пакетами», как говорят французы, — это самый изнурительный способ ведения войны. Собрать все силы, сосредоточить средства, сконцентрировать энергию — вот единственный правильный путь. В конечном счете, именно этот путь дает наибольшую экономию сил и средств, ибо приводит в кратчайший срок к решающей победе.

Сейчас в центре достигнуто необходимое сосредоточение всех органов и учреждений военного снабжения. Необходимо, чтобы местные учреждения пошли в этом отношении целиком навстречу центру. Сапоги, белье, шинели — на фронт. Шить, как можно больше, шинелей, сапог, белья. Еще и еще. Грузовые автомобили, легковые машины, мотоциклетки — на фронт. У местных советских учреждений немало лошадей. У армий — огромный недочет конского состава. Лошадей — на фронт! Разумеется, все это тяжело отразится на местной жизни и работе. Но лишь на-время. В дальнейшем это окупится сторицей. Нужно как можно скорее закончить войну, чтобы все силы и все средства перевести на хозяйственную и культурную работу.

Война — суровое и тяжелое дело. Но раз мы вынуждены вести войну, то нужно вести ее как следует, чтобы скорее довести до конца. Нельзя выплачивать по ее требованиям в рассрочку. Нужно действовать сразу, оптом. Довольно политики «малых пакетов». Нужно высшее сосредоточение сил и средств во времени. Нужно в течение этого лета и осени покончить с Деникиным. Первый зимний снег должен стать погребальным саваном для донской и северо-кавказской контр-революции.

16 июля 1919 г.
Ст. Возы — Поныри.
«В пути», № 61.

Преступная демагогия.

В городе Сумах, т. е. в прифронтовой полосе, издается газета «Красная Звезда», на коей напечатано, что она является органом Харьковского комитета коммунистов-большевиков и политического управления Харьковского военного округа. В этой газете от 10-го июля напечатана преступно-демагогическая статья: «Военспецы — или красные командиры?»

«Одной из основных причин разложения южного фронта — так говорит статья — надо считать предательство командного состава, который целыми «пачками» перешел из рядов Красной Армии к Деникину».

Вся эта фраза представляет собой чудовищную ложь, состоящую из двух отдельных одинаково лживых утверждений.

Южный фронт не разложился. Южный фронт потерпел большие неудачи, вследствие двойного и тройного перевеса сил на стороне противника. Этот перевес получился у Деникина потому, что северо-кавказские советские войска, которых считалось 150.000, совершенно разложились в несколько недель,—а там не было никаких «военспецов». Зато было много горланов и партизанов, которые занимались демагогией. После того, как наши армии южного фронта оказались несравненно слабее неприятеля, который получил с северного Кавказа, Кубани, Одессы, Крыма большие подкрепления,—среди некоторых частей южного фронта началось разложение. Но где? — На крайнем правом фланге, среди банд Махно и среди войск бывшей курско-украинской группы, т. е. там, где сильнее всего царили партизанщина, самодельщина и недоверие к нашей военной организации.

Чистейшей ложью является утверждение, будто на южном фронте командный состав «пачками» перебегал к неприятелю. Если оставить в стороне харьковскую группу, о которой речь будет особо, то на всем остальном гигантском южном фронте случаи измены и предательства командного состава исчисляются единицами, — в то время, как случаи геройской смерти в бою лиц командного состава насчитываются сотнями.

Автор преступно-демагогической статьи не дает себе труда подумать, почему же побеждает наш восточный фронт, который весь целиком построен на принципе дружного и тесного сотрудничества политических работников с опытными командирами, из коих многие тысячи — из старого кадрового офицерства? Автор не спрашивает себя, почему тот же южный фронт одерживал блестящие победы над Красновым и приблизился на

20 верст к Новочеркасску? Автор не имеет понятия о фактах, о событиях, о действительном ходе операций, об ослаблении наших армий на южном фронте, вследствие того, что все силы были временно сосредоточены против Колчака. Автор, повидимому, понятия не имеет о том, что Северо-Кавказская партизанщина помогла Деникину перебросить большие силы на Дон,— не зная всего этого, клевещет одновременно и на южный фронт, в целом, и на его командный состав, в частности. Он утверждает, будто южный фронт разложился, тогда как на самом деле южный фронт только потерпел временное поражение, вследствие перевеса неприятельских сил. Автор уверяет, что командный состав на всем южном фронте перебегал к Деникину пачками, тогда как на самом деле командный состав перебегал к Деникину только на тех ничтожных участках южного фронта, где вся организация никуда не годилась и где среди политических работников не было порядка, а были растерянность и демагогия.

Демагогия — это такая политика, такая агитация, которая вводит в заблуждение малосознательные народные массы, указывая им ложные причины бедствий, сообщая им ложные сведения и направляя их мысль на ложный путь спасения; — словом, демагогия это как раз то самое, чем занимается «Красная Звезда» в прифронтовой полосе.

Под конец та же статья говорит: «надо же понять урок, который нам дает катастрофа (а как же иначе назвать разложение южного фронта?), которая постигла нас временно в борьбе с Деникиным! Надо иметь мужество сознаться в своих прежних ошибках; очередным лозунгом нашим должен сейчас быть: — «Да здравствует Красный Командир!»

Здесь опять то же самое преступно демагогическое искажение фактов в интересах ложного вывода. Из тяжелых испытаний южного фронта вытекает единственный урок: под ударами превосходных неприятельских сил разложились те части, в которых не было серьезных дельных комиссаров и опытных ответственных серьезных командиров. Лучше всего сохранились те армии, где военная система, установленная Советской властью, была проведена полнее всего. Хуже всего организован во всех отношениях украинский угол южного фронта. И автору преступно-демагогической статьи нужно, прежде всего, поучиться на нашем восточном фронте и на других участках южного фронта, прежде чем сметь преподавать «уроки», исходя из пока еще печального опыта украинской самодельщины.

На-днях, т. е. уже после всех пережитых на южном фронте испытаний, политические работники двух соседних армий южного фронта на своих совещаниях почти единогласно (при одном воздержавшемся в одной армии и при двух — в другой), подтвердили полную безусловную правильность нашей военной политики [54]. А там — серьезные и ответственные работники, которые не мало уже сделали за полтора года для развития Красной Армии. Они поистине не нуждаются в уроках со стороны болтуна из «Красной Звезды».

Правда, на Харьковском участке было значительное количество измен. Но мы не раз наблюдали и на других фронтах, в период их младенчества, как работа мнимо-революционных демагогов дополнялась изменами командного состава. Подавляющее большинство среди офицерства старой армии лишено элементарного политического просвещения. Они легко теряются при малейшем изменении политической обстановки. У них сильны предрассудки мещанской среды. Но в то же время наша партийная программа, против которой восстают демагоги из «Красной Звезды», ясно и точно говорит о тех методах, при помощи которых рабочий класс может и должен использовать опыт военных специалистов: 1) общее руководство жизнью армий и контроль над верными специалистами должны сосредоточиваться в руках организованных представителей трудящихся масс; 2) необходимо установить отношения товарищеского сотрудничества с военными специалистами, создав для них обстановку, в которой они могут развернуть свои силы.

Бывают горе-коммунисты, которые обращаются с военными специалистами, как с подсудимыми, или просто арестантами, полагая, что таким путем они обеспечивают интересы революции. На самом деле, они таким путем толкают неустойчивых, колеблющихся представителей командного состава искать спасения в деникинском лагере.

На командные посты в частях Харьковского участка и на разные административные должности были поставлены военные специалисты, семьи которых находились в Харькове. Когда Харьков оказался захваченным, эти «специалисты» предпочли остаться при своих семьях. Многие из них в своем политическом невежестве думали, вероятно, что сдача Харькова означает крушение Советской власти, ибо среди старого офицерства не мало политически невежественных простаков, которые воображают, что Деникин может задержать ход революции, как раньше они верили в могущество гетмана Скоропадского. Конечно, эти командиры, мечущиеся из одного лагеря в другой или просто боящиеся оторваться от своих семейств, представляют собою не лучший человеческий материал. Насколько же предусмотрительно ставить их в такое положение, когда местожительства их собственной семьи склоняет их к тому, чтобы перейти в лагерь противника. На ком здесь вина?—На военной советской организации.

Нет сомнения, что среди оставшихся в Харькове было известное число прямых деникинских агентов, состоявших у него на жалованьи ранее. Мировая контр-революция дает нам свой последний бой, и разложение наших частей, в частности, подкуп командного состава является одним из ее важных методов. Мы должны и будем строго наблюдать за работой контр-революционных негодяев, проникающих в наши ряды. Но в то же время мы не позволим неуравновешенным болтунам и демагогам мешать серьезным партийным работникам в деле строительства правильно организованной армии, в частности, путем широкого использования подготовленного командного состава.

9 июля Центральный Комитет нашей партии обратился с гласным письмом ко всем организациям, в котором подвергает рассмотрению вопрос о военном положении.

Центральный Комитет отмечает, что теперь, в эпоху крайне обостренной борьбы на западном и южном фронтах попытки подкупа, случаи измены неизбежно учащаются и требуют внимания и бдительности со стороны всех ответственных работников армии.

«Но, — продолжает Центральный Комитет, — было бы непоправимой ошибкой и непростительной бесхарактерностью возбуждать из-за этого вопрос о перемене основ нашей военной политики». Нам изменяли и будут изменять сотни и сотни военспецов, мы будем их вылавливать и расстреливать, но у нас работают систематически и по долгу тысячи и десятки тысяч военспецов, без коих не могла бы создаться та Красная Армия, которая выросла из проклятой памяти партизанщины и сумела одержать блестящие победы на Востоке. Люди опытные и стоящие во главе нашего военного ведомства справедливо указывают на то, что там, где строже всего проведена партийная политика на счет военспецов и на счет искоренения партизанщины, там, где тверже всего дисциплина, где наиболее заботливо проводится политработа в войсках и работа комиссаров, — там меньше всего в общем и целом, является охотников изменять среди военспецов, там меньше всего возможности для таких охотников осуществить свое намерение, там нет расхлябанности в армии, лучше ее строй и ее дух, там больше побед. Партизанщина, ее следы, ее остатки, ее пережитки причинили и нашей, и украинской республикам неизмеримо больше бедствий, распада, поражений, катастроф, потери людей и потери военного имущества, чем все измены военспецов [56].

Наша партийная программа как по общему вопросу о буржуазных специалистах, так и по частному вопросу об одной из их разновидностей, о военспецах, с полной точностью определила политику коммунистической партии. Наша партия борется и будет «беспощадно бороться с мнимо радикальным, на самом же деле невежественным самомнением, будто трудящиеся в состоянии преодолеть капитализм и буржуазный строй, не учась у буржуазных специалистов, не используя их, не проделывая *долгой школы* работы рядом с ними». В то же время Советская власть будет по прежнему и лучше прежнего расправляться с изменниками и с изменой.

Этот голос ясен. То, что демагогу «Красной Звезды» кажется последним словом мудрости, выводом из всего опыта, — нашим Центральным Комитетом названо «мнимо радикальным невежественным самомнением». Центральный Комитет требует «беспощадной борьбы» с этим невежественным самомнением. Совершенно ясно, что невежественному самомнению нельзя поручать работу воспитания красноармейских масс.

Армия нуждается в серьезных ответственных политических деятелях. Демагогам в ее среде места нет.

17 июля 1919 г.
Ст. Ворожба.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по войскам Южного фронта от 18 июля 1919 г., № 126, ст. Скородино.

За время нашего отступления контр-революционные банды Деникина совершили неописуемые злодейства по отношению к рабочим и крестьянам временно захваченных ими областей.

Красная Армия заодно с трудовым населением исполнена ненависти к белогвардейским насильникам и громилам.

Теперь, когда войска южного фронта переходят в наступление, можно опасаться, что справедливое возмущение красных солдат приведет в некоторых случаях к истреблению пленных белогвардейских офицеров.

Ввиду этой возможности, считаю долгом обратиться ко всем бойцам южного фронта со словами предупреждения:

Товарищи красноармейцы, командиры, комиссары! Пусть ваш справедливый гнев направляется только против неприятеля с оружием в руках. Щадите пленных, даже если это заведомые негодяи. Среди пленных и перебежчиков будет не мало таких, которые по темноте или из-под палки вступили в деникинскую армию. Деникинские генералы распространяют среди насильно мобилизованных ими солдат и младших офицеров лживые слухи, будто красные войска истребляют пленных. Этим путем деникинцы стремятся, с одной стороны, запугать своих солдат и офицеров, чтобы удержать их от перехода на нашу сторону, а с другой стороны — ожесточить свои войска и довести их до зверских погромов над рабочими и крестьянами.

Тем важнее для нас показать деникинским солдатам и офицерам, что мы истребляем только врагов. Кто приносит повинную, кто переходит на нашу сторону с чистым намерением, или кто попадает к нам в руки, как пленник, — тому пощада.

Приказываю: пленных ни в каком случае не расстреливать, а направлять в тыл по указанию ближайшего командования.

Командирам и комиссарам строжайше следить за выполнением настоящего приказа.

О всех случаях его нарушения доносить по команде для немедленной высылки Революционного Военного Трибунала на место совершенного преступления.

Урожай и война.

Богатейший урожай на полях Украины. Пышно колосятся нивы. Нас пугали, что без помещиков, без исправников и без царя земля родить перестанет. Но природа не занимается саботажем. Дождь увлажняет землю, солнце согревает ее, росток превращается в стебель, стебель дает колос,— и все это без помещиков, без исправников и без царя. Разница одна: прежде львиная доля урожая поступала в закрома капиталиста, теперь же все это составляет собственность крестьян и рабочих.

То же самое с фабрикой. Так же способен гореть уголь в доменной печи, так же плющит железо паровой молот, и по-прежнему паровая пила выкраивает доски — без фабриканта, без капиталиста. Стало быть, помещик и фабрикант не нужны для хозяйства. Они как нарывы на теле: ничего не дают организму, а только высасывают из него соки. При этом богатейшем урожае страна оправилась бы в несколько месяцев и зажила бы полной жизнью, если бы в руках рабочих были донецкий уголь и донецкая руда.

Как быстро поднялось бы хозяйство, богатство народное, если бы вернуть со всех фронтов рабочих и крестьян на заводы и на пашни! Война слишком затянулась. Слишком медленно рабочие и крестьяне Украины и всей России очищают свою землю, свои города, свои деревни от проклятых врагов, которые подрывают народное хозяйство и народное счастье.

Нужно скорее кончать. Нужно очистить Донецкий бассейн и северный Кавказ. Нужно вернуть Баку. Тогда уголь, железо, чугун и нефть оживят хозяйство всей страны. Уже свободен Урал. Скоро, скоро прибудет туркестанский хлопок. Нужно кончать с Деникиным. В течение лета и осени нужно добить заклятых врагов рабочего класса, очистить украинскую землю от царских генералов и от мелких бандитов, — Григорьевых, Зеленых, Ангелов, Махно и других, — тогда Советская Украина рука об руку с Советской Великороссией вступят на широкую дорогу хозяйственного благополучия и духовного развития.

Нужно последнее напряжение, последнее усилие. Нужно безукоризненно провести мобилизацию людей, лошадей, всех необходимых сил и средств.

Полновесные колосья на украинских полях свидетельствуют, какую хозяйственную мощь способны будут развить все российские рабочие и крестьяне, если доделают дело до конца. Нажмем же покрепче, рабочие и крестьяне! Впереди последний перевал. За ним свобода, довольство и счастье.

19 июля 1919 г.
Лохвица — Ромодан.
«В пути», № 66.

Действительность и „критическая“ болтовня.

В «Известиях ВЦИК» от 10 июля в статье Тарасова-Родионова читаем «Деникинский наскок учит нас обращать теперь наше главное внимание не столько на количество, сколько на качество наших войск»[56]. Эти слова, если они вообще имеют какой нибудь смысл, надо понимать так, будто у нас имелся на Южном фронте большой перевес количества, тогда как за Деникиным оказался перевес качества. И вот проницательный автор статьи в «Известиях» хочет нам разъяснить необходимость замены большого количества хорошим качеством. Откуда этот «урок»? Откуда эти сведения? Они целиком высосаны из пальца. На самом деле, успех Деникина является целиком и полностью результатом перевеса большого количества над меньшим. Не все вопросы, с этим связанные, можно в настоящий момент осветить в печати. Но представляется необходимым поставить кое-какие факты и кое-каких «критиков» на место, чтобы прекратить ту свистопляску, которую легкомысленнейшие люди, подобные Тарасову-Родионову, при попустительстве иных редакций разводят вокруг самых острых вопросов нашей вооруженной борьбы на фронтах.

Если Деникинский «наскок» чему-нибудь учит серьезных людей, то именно тому, что при самом лучшем качестве войск, какое имелось в большинстве армий Южного фронта (за вычетом правого фланга), нельзя позволять количеству этих войск опускаться ниже известного уровня.

Многие товарищи, даже относящиеся несравненно более добросовестно ко всем вопросам, в том числе и к военному, чем Тарасов-Родионов, склонны забывать, что наши войска Южного фронта ведут в одной и той же полосе вторую войну в течение последнего полугодия: разбив красновскую армию, красные войска встретились с очень значительными силами Деникина. Эти последние прибыли из Кубани, Северного Кавказа, отчасти из Крыма и Одессы.

Центральная Советская власть, разумеется, знала о том, что за спиной у Краснова, на расстоянии нескольких сот верст, имеются деникинские войска и не закрывала глаз на эту опасность. Но в то же время мы знали, что в Кубани и на Северном Кавказе с Деникиным борются местные советские войска, насчитывавшие 150—200 тысяч человек. При столь огромном количестве эта армия в лице своих местных Тарасовых-Родионовых, очень высоко ставила свое качество, особенно кичась тем, что построена она не по обще-советской «бюрократической» системе, что она знать не хочет

устаревших положений, уставов и военспецов,—но зато в боевом отношении стоит на большой высоте. В центре относились, разумеется, сдержанно к этой самооценке партизанов, которые, как водится, не называли себя партизанами и по каждому случаю божились своею преданностью идее правильно организованной армии. Но все же в центре не ожидали того позорного краха бессильных самодельных отрядов при невежественном командном составе,—краха, который одним ударом освободил войска Деникина и дал им возможность стянуться на линии Дона и Северного Донца. К этому присоединилось, как известно, разложение и прямое гниение партизанских отрядов на правом фланге самого Южного фронта.

Руководящие работники этого последнего неоднократно предупреждали центр о возможных осложнениях. Так, тов. Сокольников телеграфировал в Москву 21-го апреля: «Замедление операций на Южном фронте объясняется разложением N армии, которую теперь приходится перестраивать сверху донизу, а также полной небоеспособностью частей Махно. Противник получил отсрочку, которую великолепно использовал, перебросив несомненно значительные силы с Кубани и Кавказа. Вместо разбитой донской армии пред нами стоит новая армия, с более свежими силами, чем наша. До сих пор противнику не удалось вырвать у нас инициативу, но он производит радикальную перегруппировку своих частей, одновременно с их реорганизацией в крупные боевые единицы, причем вероятное направление его удара в центр охватывающей дуги на участке Луганск—Каменская можно считать определившимся. При этом плане Деникин, конечно, имеет ввиду соединиться с восставшими на Среднем Дону, разрезать нас глубоко на две части, поднять снова против нас Донобласть. Наше положение еще нельзя считать поколебленным, но за последние два месяца соотношение сил изменилось в пользу противника и продолжает изменяться в этом направлении».

Дальше тов. Сокольников указывает на восстание в тылу, которое в свою очередь отвлекло силы и без того ослабевшего фронта, и приходит к такому выводу: «практическая задача: предупредить на южном фронте белогвардейский рецидив, подобный рецидиву на восточном фронте, который (рецидив) назревает вследствие стационарного состояния наших сил при усилении противника. Сюда надо отвлечь силы второстепенных фронтов... Надо выставить принцип: фронт донецкого бассейна есть важнейший украинский фронт... Не нарушая сосредоточения, внимания и энергии широких кругов на восточном фронте, необходим теперь же ряд организационных мер, обеспечивающих от неудач на юге»... Такова красноречивая телеграмма тов. Сокольникова.

В тот период, однако, центр, даже сознавая всю серьезность предостережения, был вынужден временно поступиться интересами южного фронта во имя восточного. Украина, на которую была возложена забота о Донецком бассейне, оказалась тогда еще не в силах дать сколько-нибудь устойчивые части. В результате, армии южного фронта, истощенные много-

месячной, бессменной борьбой, продвижением в несколько сот верст по снегам и весенним хлябям, ослабленные численно, дрогнули при столкновении со свежими силами неприятеля, прекрасно снаряженного и вооруженного и на многих участках фронта превосходившего нас численно вдвое и втрое.

Благодаря длительной, самоотверженной и упорной работе лучших коммунистов и лучших военных специалистов, южный фронт приобрел прошлой осенью и зимою устойчивую организацию, твердые, надежные кадры и насчитывал в своих рядах не мало героических полков и дивизий. Если этот фронт сдал, то только потому, что не получал достаточных пополнений, так что расход человеческого материала был больше притока. В результате этого неизбежно изнашивались кадры. Эта простая, совершенно неотразимая, ибо основанная на фактах и на цифрах причина неудач, казалось бы, не может дать никакой почвы для болтовни о том, что работники военного ведомства увлеклись количеством за счет качества. После того как на южный фронт, начиная с осени прошлого года, были брошены нашей партией тысячи и тысячи лучших пролетариев-коммунистов, партия не нуждается в разъяснениях Тарасова-Родионова о военном значении «качества».

Правда, на южном фронте наблюдались явления деморализации и распада. Но они имели место почти исключительно на крайнем правом фланге, т. е. там, где по словам телеграммы тов. Сокольникова, еще только приходилось «перестраивать войска сверху донизу», подчиняя их обще-советскому режиму. Поскольку же отдельные проявления распада наблюдались и на других участках южного фронта, они являлись уже результатом тяжких ударов, отступлений и потерь, т. е. были неизбежны по психологическим последствиям физического перевеса деникинских войск. И единственный вывод, который вытекает из фактов, гласит, что только благодаря исключительно высокому качеству армий южного фронта, они не только сохранили под жесточайшими ударами превосходных сил противника свои кадры, но и показали полную свою способность в короткий срок принять большие пополнения и придать им необходимую устойчивость. Теперь, когда вся задача тыла сводится к тому, чтобы обеспечить кадры южных армий необходимым человеческим укомплектованием, критические упражнения Тарасова-Родионова насчет того, что важно не количество, а качество, весьма напоминают пожелания того мудреца, который на похоронах говорил: «носить вам — не переносить», а на свадьбе: — «канун да ладан».

19 июля 1919 г.
Бахмач.
«В пути», № 65.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии

от 21 июля 1919 г., № 129, гор. Кременчуг.

Совет Народных Комиссаров поставил своей задачей обеспечение семей красноармейцев необходимейшими предметами потребления и поэтому, вместо повышения жалованья деньгами, — что при настоящих хозяйственных условиях далеко не всегда приводит к цели, — установил обеспечение семей красноармейцев натурой.

Между тем декрет, согласно которого семьи красноармейцев обеспечиваются пайком, равно как и декрет, обязывающий местные советы приходить на помощь семьям красноармейцев в деле обработки полей, далеко не всюду выполняются[57]. В тех местах, где во главе сельских и волостных советов стоят кулаки, семьи красноармейцев остаются без помощи. Бывает также, что и городские советы не всегда в должной мере проявляют заботу о семьях красноармейцев. Этому должен быть положен конец. Семьи красноармейцев должны быть обеспечены. Это может быть достигнуто настойчивой проверкой выполнения на местах и привлечением к ответственности тех советских учреждений, которые не проявляют должной заботы о семьях красноармейцев.

Посему приказываю:

Революционным Военным Советам армий призвать приказами по армии всех красноармейцев, получающих с родины вести о неудовлетворении их семей, немедленно представить такие письма или заверенные с них копии комиссару своей части для представления в реввоенсовет армии.

Реввоенсоветам немедленно поставлять в известность соответственного уездного военного комиссара, на которого возлагается в этом случае обязанность строго проверить на месте жалобу и привлечением виновных к ответственности добиться удовлетворения законных прав семей красных воинов.

Нужен порядок.

Советской Украине больше всего сейчас нужен твердый порядок. Борьба с немцами, скоропадчиной, петлюровщиной, французами и англичанами растрясла страну, выбила многих из колеи и потому затрудняет установление порядка. Но порядок необходим, твердый рабоче-крестьянский советский порядок. Все силы и все средства должны быть взяты на учет и распределены, как следует быть. Пока воюем, главные силы и средства—для армии.

Первым делом нужно покончить с бандитизмом. Нельзя дольше терпеть ни одного дня, чтобы развратные негодяи под именем атаманов и батек набирали себе столь же развратные банды, громили мирное население, разрушали железнодорожные сооружения, устраивали крушения поездов, губили сотни и тысячи человеческих жизней. Нужно истребить дочиста всех Григорьевых, Зеленых, Махно и всех кулацких помощников и попустителей.

Нужно установить твердый порядок в Красной Армии. Опыт показал, что самые храбрые украинские отряды иногда без основания отступают перед деникинскими частями только потому, что украинские отряды не имеют еще правильной организации и не соблюдают с необходимой тщательностью правил охранения, разведки и связи.

Смотр Полтавского гарнизона, назначенный на 9 часов 21 июля, открылся после 10 часов только потому, что некоторые части гарнизона запоздали на час и более. Это недопустимо и свидетельствует о полной расхлябанности командного состава и комиссаров. Что будет на поле сражения с частью, которая в мирной гарнизонной обстановке опаздывает на час к смотру, назначенному еще накануне? Нужно твердо установить в украинской армии правило: за каждую часть отвечает командир и комиссар. Украинские военные комиссары притерпелись к непорядкам и привыкли сквозь пальцы смотреть не только на проступки, но и на прямые преступления. Этому должен быть положен конец. Комиссары, — военные комиссары частей в особенности,—должны быть проводниками идей революционного советского порядка и твердой дисциплины.

Многие украинские командиры позволяют себе неслыханные нарушения правил, положений и уставов. Командиры частей захватывают мобилизованных на месте рабочих и крестьян, предназначенных для этой цели, и самовольно включают их в свои части.

Занятия в частях ведутся слабо. Во всем видна небрежность. Оружие содержится плохо.

Многие командиры думают заслужить любовь своих частей тем, что не требуют ничего от товарищей красноармейцев. Но, когда дело дойдет до боя, часть увидит свою беспомощность и проклянет командира и комиссара, которые нерадиво относились к обучению и воспитанию солдат. Многие солдаты, перенесшие невзгоды и боевые испытания, остаются необутыми и необмундированными. Больно и обидно глядеть на честных борцов без сапог, в грязной вшивой рубахе. А с другой стороны, немало есть шкурников и негодяев, которые под видом добровольцев забираются в часть, получают обмундирование и немедленно уходят во-свояси. Иные так и кочуют из части в часть. Необходимо железной рукой положить конец этому подлому промыслу. Злостных расхитителей воинского достояния необходимо беспощадно карать.

Украина может в короткий срок стать богатой, счастливой страной. Украинская армия может в небольшой срок стать непобедимой армией. Но для этого нужен порядок.

Долой нерях, ротозеев, болтунов, лентяев!

Смерть бандитам, злостным шкурникам и мародерам!

Да здравствует твердый революционный порядок везде и во всем!

21 июля 1919 г.
Полтава.
«В пути», № 66.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по войскам, прибывающим и сражающимся на территории Украинской Социалистической Советской Республики от 26 июля 1919 г., № 130, гор. Кременчуг.

Многочисленные военные грузы, проходящие по железным дорогам Украинской Социалистической Советской Республики, сплошь да рядом не доходят до места своего назначения. Объясняется это чаще всего тем, что отдельные воинские части перехватывают в пути военные грузы независимо от их назначения и забирают их в собственное распоряжение. Такой образ действий представляет собой худший вид бандитизма и нередко равносилен предательству, так как бывало немало случаев, что действующие части оставались без оружия или огнеприпасов в критический момент только потому, что назначенные для них предметы снабжения были перехвачены кем-либо в пути.

Объявляю:

Самовольный захват военного имущества будет отныне караться, как тягчайшее государственное преступление. Начальники и комиссары частей, повинных в самовольном захвате, будут подвергаться тягчайшему наказанию, наравне с бандитами, независимо от всех своих прежних заслуг.

Настоящий приказ вручить под личную расписку всем командирам и комиссарам отдельных частей, а также комендантам станций для вручения начальникам эшелонов.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 14-й армии

от 22 июля 1919 г., № 131, гор. Кременчуг.

Некоторые части 14-ой армии по-прежнему занимаются самопополнением, то-есть принимают в свой состав добровольцев, из соседних сел и волостей, а иногда захватывают и мобилизованных уездными комиссариатами. Ставлю всех командиров и комиссаров 14-ой армии в известность, что такой способ самопополнения безусловно воспрещен центральной военной властью. Вливающиеся в полк добровольцы обычно лишены необходимой выучки, легко поддаются панике и делают часть небоеспособной. Кроме того, под видом добровольцев нередко проникают в части шкурники, желающие получить винтовку и сапоги и уйти домой.

Добровольцы должны немедленно отводиться в тыл для включения в запасные части, откуда маршевыми ротами могут быть направлены в соответственные полки. Другой путь укомплектования безусловно недопустим. Командиры и комиссары, части которых будут и впредь заниматься самопополнением, будут привлекаться к суду Военного Революционного Трибунала, как за нарушение боевого приказа.

Настоящий приказ объявить всем командирам и комиссарам 14-ой армии под их личную расписку.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 12-й и 14-й армиям

от 26 июля 1919 г., № 132 ст. Коренево.

1. Советские имения УССР в прифронтовой полосе ставятся, по соглашению с Советом обороны, под охрану действующих армий. Благодаря богатейшему урожаю, советские имения дадут возможность в ближайшем году преодолеть продовольственную нужду в городах Украины и Великороссии. Они обеспечат в тоже время питание армий. Нужно теперь, чтобы армии сохранили советские имения от умышленных и неумышленных повреждений и опустошений.

Все, вытекающие отсюда мероприятия принимаются реввоенсоветом армии по принадлежности. Задачей этих мер является создание условий, при которых не было бы расхищения живого и мертвого инвентаря, запасов фуража, продовольствия совхозов, сахарных, зерновых,—поджогов и разрушений. Реввоенсовет соответствующей армии, вступает в сношения с местными уземотделами, получает от них все необходимые сведения о расположении совхозов, об угрожающих им опасностях, и принимает соответственные меры, возлагая принятие мер по охране совхозов на определенном участке на комиссаров дивизий. В случае надобности реввоенсоветы придают комиссарам дивизий для означенной цели помощников. Комиссары дивизий в случае необходимости выставляют караулы, привлекают к охране совхозов местные исполкомы. Там, где это вызывается необходимостью, берут заложников по соглашению с местной властью, словом, принимают все меры, могущие послужить действительной охране советских имений.

Во всех тех случаях, когда кулацкие элементы пытаются нанести в том или другом отношении ущерб совхозам, реввоенсоветам предлагается действовать беспощадно, охраняя народное достояние и питание трудящихся масс.

2. Одновременно вменяется в обязанность опродкомам 12 и 14 армий при полном всестороннем содействии реввоенсоветов означенных армий принять все зависящие от них меры содействия земотделов по уборке и реализации урожая совхозов.

С этою целью опродкомарм совместно с наиболее крупными уземотделами создает временную комиссию по реализации урожая, каковая

комиссия правомочна принимать чрезвычайные меры, как принудительное привлечение рабочих сил и транспортных средств на основе трудовой повинности, причем реввоенсоветы армий обязаны предоставлять для этого необходимые воинские силы.

Во всех случаях опродкомармам действовать совместно с уземотделами лишь при отсутствии последних действовать самостоятельно. Строго следить за согласованностью всех мероприятий с существующими декретами.

Широко распространить среди красноармейцев понимание того, что охрана и своевременный сбор урожая совхозов означает обеспечение Красной Армии, ибо продзапасы 12 и 14 армий, согласно постановления Совета обороны будут, прежде всего, пополнены из урожая совхозов. Обо всех принимаемых мерах не реже двух раз в неделю доносить Совобороны УССР.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора командирам и комиссарам 9 армии Южного фронта от 29 июля 1919 года № 134, гор. Пенза.

Девятая армия Южного фронта имеет немало боевых заслуг. Возникши в значительной мере из партизанских отрядов, она прошлой осенью выравнялась и приобрела правильную организацию. Были случаи неповиновения и озорства со стороны отдельных лиц командного состава. Трибунал жестоко покарал дезорганизаторов. Дисциплина командного состава стала образцом для красноармейцев. Если дисциплина командного состава сколько-нибудь ослабела во время отступления — ее нужно возродить и поднять на должную высоту.

9 армия пострадала больше других. Она отступала под тяжкими ударами сильнейшего врага. Разложение партизанских северо-кавказских советских армий освободило силы Деникина с Северного Кавказа и дало ему возможность произвести переброску на Дон и Северный Донец. Вот где причина неудач Южного фронта и 9 армии, в частности.

В настоящее время Деникин использовал все свои резервы. Численного перевеса у него больше нет. Наши армии Южного фронта укомплектовались свежими пополнениями и получили серьезные подкрепления. Снабжение поставлено на должную высоту. Южный фронт обеспечен всем необходимым. Задача только в том, чтобы распределить поступающее снабжение, как следует быть, между частями. Обязанность командиров и комиссаров состоит в том, чтобы проследить самым внимательным образом за быстрой и энергичной переброской и точным распределением всех предметов снабжения между частями и красноармейцами. Нужно добиться в течение ближайших дней, чтобы каждый солдат был накормлен, одет, обут, вооружен.

Вся страна заботится теперь о Южном фронте. Нужно, чтобы командиры, комиссары и вслед за ними красноармейцы поняли, что уже сейчас мы на Южном фронте значительно сильнее Деникина. Силы наши возрастают с исключительной быстротой. Воинские эшелоны и маршрутные поезда снабжения непрерывным потоком идут на юг. Теперь нужно все это организовать и вдохновить идеей решительного наступления.

9 армия — наряду с другими — долго отступала. Этот факт отразился до известной степени на настроении не только рядовых борцов, но

и командного состава и комиссаров. Были отдельные случаи предательства и перехода на сторону врага ответственных командиров. Нашлись отдельные предатели и глупцы, которые вообразили, что Деникин способен остановить величайший мировой процесс рабоче-крестьянской революции, как раньше наиболее заскорузлая часть старого офицерства поверила во всемогущество Скоропадского. Разумеется, предательства отдельных нерасчетливых карьеристов не могут побудить Советскую власть изменить свою политику в отношении старого офицерства, которое в огромной своей части честно и мужественно служит рабочему классу и трудовому крестьянству в рядах Красной Армии.

Задача командиров и комиссаров 9 армии состоит сейчас в том, чтобы подготовить армию к решающему наступлению в течение ближайших недель. Нужно проверить в каждой части командный состав и политработников. Нужно внушить им удвоенную энергию и добросовестность в работе. Нужно объяснить всем красноармейцам, что мы теперь численно сильнее и лучше вооружены, чем наш враг. В частях, оттянутых в резерв, в запасных батальонах занятия должны вестись с высшим напряжением, причем в этих занятиях должны быть широко использован опыт последних столкновений с деникинскими войсками, в особенности, с его кавалерией.

Армиям Южного фронта приказано перейти в наступление и раздавить последнего крупного врага. Советская республика ждет, что 9 армия — наряду с другими - выполнит свой долг. Командиры, комиссары, все вообще ответственные работники 9 армии должны отныне поставить своим лозунгом: «еще две - три недели непрерывной напряженной подготовки к наступлению, а затем—стремительный несокрушимый натиск на юг до полного истребления деникинских войск!»

Под этим лозунгом я приветствую славную девятую армию!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красным Армиям Южного фронта от 1 августа 1919 г., № 135, гор. Воронеж.

По имеющимся сведениям отдельные воинские части не всегда проявляют достаточно внимательное отношение к местному населению. В этом отношении необходимо добиться полной перемены. Крестьянство прифронтовой полосы ныне уже сплошь поняло, что красные войска Южного фронта являются единственной его защитой от разнузданных деникинских банд, истребляющих посевы, сжигающих села, убивающих крестьян, насилующих крестьянок. Подавляющее большинство местных крестьян охотно идет, чем может, на помощь Красной Армии. Комиссары и командиры должны следить за тем, чтобы, в случае той или другой потребности, воинские части обращались через посредство сельских и волостных властей, ибо бессмысленно и преступно брать силой там, где крестьяне дают своей волей.

В братском единении Красной Армии с крестьянами и рабочими — спасение Советской республики!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Красному Флоту

от 2 августа 1919 г., № 136, гор. Ворожба.

5-го августа 1918 г. возникла под стенами захваченной белыми Казани небольшая группа красных войск. 10-го августа эта группа была приказом названа 5-й армией [68]. Лучшие работники Москвы, Петрограда и всей страны помогли небольшому отряду превратиться в крепкую, сплоченную, победоносную армию. В борьбе с чехо-словаками, как и в борьбе с Колчаком, 5-я армия занимала и занимает одно из первых мест.

Приветствуя 5-ю армию в годовщину ее рождения, считаю долгом вручить армии почетное знамя, полученное мною из рук Московского Совета для доблестной части. На знамени этом укреплен орден Красного Знамени, который отныне будет отличать 5-ю армию в целом.

При расформировании 5-й армии, после окончательной победы над врагами, ее почетное знамя займет место в музее Красной Армии в качестве священной революционной реликвии.

Возврати винтовку!

Красная армия растет не по дням, а по часам. Сотни тысяч крестьян, уклонявшихся раньше от мобилизации, являются ныне добровольно и требуют своего включения в ряды армии для беспощадной борьбы против помещичьей армии Деникина. Много, много тысяч великорусских крестьян прибыло на Украину. Многие тысячи украинских рабочих и крестьян сражаются на великорусских участках южного фронта. Армия быстро растет. Но производство оружия не поспевает за ростом армии.

Нам нужны винтовки. Мы могли бы выставить сразу вдвое и втрое больше солдат, если бы страна не нуждалась в оружии.

Каждая винтовка, скрытая у населения, есть преступление пред Красной Армией.

На Украине в руках населения немало винтовок. Значительные массы крестьянства не сдают винтовок, считая, что в случае нужды сами будут защищать себя от Деникина. Ложный и пагубный расчет! Отдельные крестьянские отряды, наспех вооруженные, не могут противостоять деникинским войскам. Нужны правильные, хорошо организованные части, объединенные твердым командованием. Харьковские и екатеринославские крестьяне, укрывавшие свои винтовки, тем самым помогли Деникину захватить Харьковскую и Екатеринославскую губернии и снова посадить помещика, исправника и пристава на шею трудовому крестьянству.

Красной Армии необходимо оружие. При достаточном числе винтовок мы в несколько недель сотрем помещичьи банды Деникина с лица земли. В руках украинских крестьян имеется достаточное количество винтовок Кто не сдает их, тот помощник Деникина, тот изменник и предатель трудового народа.

Украинский крестьянин! Если у тебя есть винтовка,—передай ее немедленно в ближайший военный комиссариат или в штаб ближайшей части. Этой винтовкой мы вооружим твоего сына, брата или, может быть, тебя самого, если ты подлежишь по возрасту мобилизации. Эта винтовка есть орудие борьбы за свободу и независимость крестьян.

Красная Армия требует от тебя, украинский крестьянин: «возврати винтовку».

2 августа 1919 г.

Бахмач.

«В пути», № 73.

Кто предал Полтаву?

Сдали Полтаву бесславно. Если про Харьков и Екатеринослав еще можно было сказать, что нас застигли врасплох, то насчет Полтавы этот довод не годится. После сдачи Харькова и Екатеринослава было у нас время подготовиться. Более того, незадолго до сдачи Полтавы мы взяли Константиноград. Дела шли как будто хорошо. И вдруг... Полтава пала.

— «Предали», говорит красноармеец, «наверно, предали нас в штабах командиры». «Предали, — вторит другой... «Явное дело — подкуплены», — прибавляет третий, и даже кое-какие коммунисты, говорят (надо полагать, не очень серьезные) выходили на митинги со словами: «Полтава была сдана из за предательства командного состава.

Не знаю, не знаю, товарищи красноармейцы! Очень может быть, что были в нашей Полтавской армии отдельные изменники — деникинские агенты — в среде командного состава, а также, может быть, и в среде красноармейцев. Но сдать Полтаву они не могли. Изменники есть в наших армиях и на Восточном фронте, однако же мы прекрасно продвигаемся на Востоке и бьем Колчака на славу.

Хорошо организованной и спаянной, боевой, дисциплинированной, твердой армии изменники большого вреда причинить не могут. Изменники опасны той армии, которая вообще еще не твердо стоит на ногах — качается, шатается и спотыкается. Такова пока что Украинская армия.

Хотите знать, товарищи красноармейцы, кто предал Полтаву? Скажу вам по совести: Полтаву предал беспорядок в самой Красной Армии. У нас два полка из бригады бандита Богунского самовольно снялись и пошли, куда глаза глядят. Вот кто предал Полтаву. При смене негодного командира начинается митингование шкурников и бездельников: принять или не принять нового, поставленного Советской властью командира? По поводу боевых приказов опять-таки разговор, пересуды, митингование... Отделенные и взводные, вообще низший командный состав, нередко равняются не по приказу, а по шкурникам, у себя во взводе и в отделении. Вот как предали Полтаву!

Соблюдаются ли строго правила охранения? Нет, не соблюдаются. Наши Украинские части нередко дают застигнуть себя врасплох. Ведется ли серьезная разведка? Нет, разведка ведется кое-как. Поддерживается ли правильная связь? Посылаются ли своевременно донесения? Нет и нет. Действуют, как взбредет на ум или как случится. Порядка нет, дисциплины

нет, строгой ответственности нет. Всякий кивает на другого: красноармеец винит командиров и зря обвиняет в предательстве штаб, а слабые и неопытные командиры обвиняют красноармейцев.

Этим пользуется Деникин. Его агенты рыщут везде и пускают слухи: «Полтава была продана, Деникин заплатил штабу». Легковерные прислушиваются, дураки же повторяют. Среди красноармейцев идет шатание, колебание, недоверие, а Деникину это с руки. Тут он может Украинскую армию голыми руками брать!

Нет, товарищи, пустые пересуды надо оставить. Не изменники сдали Полтаву, а собственный ваш непорядок. Теперь вот мы начнем непорядок этот изгонять изо всех углов, а где нужно, так и каленым железом выжигать. Безнаказанности не оставим и следа. Всякий воин Красной Армии отвечает перед Советской Республикой за каждый свой шаг. Солдат есть солдат, приказ есть приказ! Война дело серьезное. Легкомыслия, болтовни и разгильдяйства она не допускает. Командир и комиссар за свой полк отвечают головой. Коммунисты в бою должны занимать первое место. Честному и храброму — хвала и награда; трусу и шкурнику — беспощадная кара!

Украинский революционный солдат — превосходный боец. Нужен только порядок. Твердый, непоколебимый, железный порядок. Общими усилиями мы этот порядок установим. Тогда вернем Полтаву. И не только Полтаву, но и Харьков, и Екатеринослав, и Донецкий бассейн, и Северный Кавказ. Тогда разгромим Деникина, как Колчака.

3 августа 1919 г.
Миргород.
«В пути», № 74.

Махно и другие.

По полученным сведениям, Махно застрелил на свидании, так называемого „атамана“ Григорьева. Причина та, что Григорьев действует заодно с контр-революционерами — не только петлюровцами, но и деникинцами. Сведение это нуждается еще в проверке: из повстанческих кружков и банд распространяются самые фантастические слухи; необходимо десять раз проверить, прежде чем поверить.

Но допустим, что сведение это подтвердится. Что оно означает?

Махно убедился, что Григорьев — не что иное, как грязный, наемный контр-революционный бандит; поэтому Махно решил покончить с Григорьевым. Ни один честный человек не станет спорить или жалеть: после убийства Григорьева на свете стало меньше одним негодяем — и только. Ну, а сам Махно, спросят себя многие? Он то что намерен дальше делать?

Григорьев на время вошел в русло рабоче-крестьянской революции и плыл по течению. Потом он выступил против революции, не желая подчиняться дисциплине Рабочей и Крестьянской Украины. Свой отряд Григорьев враждебно противопоставил Красной Армии. Но тут вскоре обнаружилось все его бессилие. Григорьев был разбит в боях, отряд его рассыпался, часть сдалась, часть скрылась по лесам. Увидав свое бессилие, Григорьев стал искать к кому бы прислониться, с кем бы объединиться, чтобы стать сильнее. На Украине же, как и во всей России, есть сейчас только две силы: революционная организация рабочих и крестьян, объединяемых Советской властью, с одной стороны, и помещичье-буржуазная организация, с Колчаком и Деникиным во главе — с другой стороны. Все, что треплется между этими двумя лагерями — ничтожно и бессильно. Порвав с советским лагерем, Григорьев неизбежно стал искать связи с лагерем Деникина.

Это испугало Махно. Объединяться с контр-революционерами Махно не хочет, но, подобно Григорьеву, Махно тоже порвал с лагерем революции. Он выскочил из рядов Красной Армии, нарушил ее дисциплину, причинил ей неисчислимые беды и сейчас продолжает строить какие-то свои собственные отряды.

Это показывает только, что Махно не умеет свести концы с концами. Если он понял пагубу григорьевщины, то он должен понять и гибельность махновщины. Ибо это только разные ступени одной и той же лестницы, которая ведет вниз, в пропасть.

Среди повстанческих атаманов и батек есть люди двух категорий: есть бандиты, проходимцы, продажные карьеристы, но есть и честные люди, не сведшие концов с концами.

Григорьев вредил Красной Армии из карьеризма, жадности, продажности. Весьма возможно, что Махно во всех этих пороках неповинен, но и он причинил Красной Армии ужасающий вред, ибо действовал по ложной анархо-повстанческой программе. И сейчас махновщина продолжает оставаться ядом, отравляющим отсталые части Украинской армии. Убийством Григорьева Махно, может быть, успокоил свою совесть, но своих преступлений перед Рабочей и Крестьянской Украиной Махно этим еще не искупил. Если Махно и некоторые другие партизаны действительно хотят свернуть с пути григорьевщины, возродиться, встать на защиту революции — у них для этого один путь: открыто заявить, что они раз навсегда отказываются от дезорганизации, атаманства, своеволия, а предоставляют свои силы, как дисциплинированные солдаты, целиком и всецело в распоряжение Рабочей и Крестьянской власти на Украине.

4 августа 1919 г.
Ст. Лубны.
«В пути», № 75.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 14-й армии

от 8 августа 1919 г., № 142, гор. Конотоп.

Коммунисты в рядах армии должны быть образцом выдержки, дисциплины, исполнительности. Между тем, в течение короткого времени пришлось убедиться, что отдельные ответственные работники 14-й армии позволяют себе отлучаться «для докладов» из района действия армии, не имея на то никакого разрешения. Такие примеры действуют пагубно и расшатывают твердую дисциплину, без которой нет армии и невозможна победа.

Предупреждаю, что каждый коммунист, делегируемый партией в ряды армии, является тем самым красноармейцем, имеет те же права и обязанности, что и всякий солдат Красной Армии.

Самовольно отлучившиеся будут рассматриваться, как дезертиры, и, независимо от занимаемых ими постов, будут предаваться революционному трибуналу для суда по законам военного времени.

Коммунисты, уличенные в проступках и преступлениях против революционного воинского долга, будут караться вдвойне, ибо, что может быть прощено темному несознательному человеку, того нельзя простить члену партии, стоящей во главе рабочего класса всего мира.

Слово украинским солдатам, обманутым бандитами.

На Украине действует сейчас не мало банд. Во главе каждой такой банды стоят атаманы — Петлюра, Зеленый, Соколовский и прочие и прочие, и прочие... Чуть не каждый день появляются мелкие атаманы. Они захватывают оружие, вербуют в свои банды то дезертиров, то темных солдат из Красной Армии, то кулаков из деревень и сел, то просто разбойников с большой дороги.

От этих банд нет житья на Украине. Банды грабят крестьян, учиняют погромы в городах, разрушают железнодорожные пути, совершают крушения, подвергают гибели сотни и тысячи ни в чем неповинных людей — стариков, женщин и детей.

Чего хотят главари этих банд? Это ясно без больших рассуждений: каждый из них называет себя атаманом, стремится, стало быть, к власти, к могуществу, к богатству. Все они думают, что Украина теперь — просто большая добыча, выброшенная хищникам на растерзание, и каждый торопится урвать себе, по возможности, крупный кусок.

Есть среди них не мало таких, которые прямо подкуплены Деникиным.

Попадаются в лапы этим атаманам, наряду с громилами, ворами и разбойниками, иной раз и честные, но темные, несознательные солдаты и крестьяне. На Украине жить сейчас трудно, потому что многолетняя война, немецкая оккупация, хозяйничанье Скоропадского, грабежи французов и англичан, преступления Петлюровщины — все это расстроило, истощило, обессилило страну.

Чтобы спасти Украину, поднять ее, чтобы обеспечить лучший достаток рабочему и крестьянину, сделать жизнь их легче, счастливее, — для этого необходима напряженная, дружная работа миллионов крестьян и пролетариев на общее благо трудящихся.

Но есть не мало темных крестьян, которые видят только трудности жизни, но не знают путей выхода. К ним являются искусители — агенты Деникина и Петлюры, бандиты, в роде Зеленого и Соколовского, зовут их в свои ряды, обещая им и свободу, и привольную жизнь. В каждой губернии, чуть ли не в каждом уезде образуется своя банда. В результате разгула и разбоя этих банд Украина истощается и беднеет еще более. Еще несколько месяцев безобразной, бесчестной, кровавой анархии и украинский народ превратится в труп.

Вот почему Советская власть поставила главной своей задачей в настоящий момент очистить Украинскую землю от всех повстанческих атаманов и бандитов. На Украине власть должна принадлежать только объединенному украинскому крестьянству и рабочему классу. Воля их выражается через Всеукраинский Съезд Советов и Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет. Вооруженная сила на Украине может быть только одна — Красная Армия, созданная волею украинских трудящихся масс. Никаких банд, никаких партизанских отрядов, никаких атаманов, батек, бандитов и громил.

Революционный Военный Совет Российской Социалистической Федеративной Советской Республики совместно с Советом Украинской Социалистической Советской Республики приняли все необходимые меры к тому, чтобы в течение ближайшего времени с корнем вырвать украинский бандитизм и беспощадно разгромить украинских бандитов.

Теперь, когда Особо-Уполномоченный Совета Обороны т. Ворошилов приступает к этой работе, я считаю долгом обратиться с последним словом предупреждения ко всем тем солдатам и крестьянам, которые вовлечены в бесчестные бандитские дружины, но способны еще одуматься и своевременно отказаться от своей каиновой работы.

В первый период Советской власти не мало было банд в Великороссии. Все они давно истреблены; наиболее виновные члены их расстреляны; остальные же в местах заключения искупают свои преступления. То же самое ждет бандитов Украины. Твердые надежные части посланы по всей Украине для извлечения оружия, ловли дезертиров, истребления банд. Чистка будет доведена до конца.

Обманутые солдаты, обманутые крестьяне, вы все, которые носите позорную кличку григорьевцев, петлюровцев, зеленовцев, соколовцев и проч. — прислушайтесь к слову предупреждения Революционной Советской власти! Откажитесь, во имя вашего собственного блага, блага ваших детей и блага всей Советской Украины от бандитизма. Выдайте ваших кровожадных, хищных атаманов, сдавайтесь добровольно в руки Советской власти — вы встретите с ее стороны не жестокость, а мягкость, как раскаявшиеся блудные сыны, которые вернулись в трудовую семью.

Украина должна быть очищена от хищников и коршунов! Тогда Красная Армия справится с Деникиным в короткий срок. Тогда Украина заживет спокойной, свободной и счастливой жизнью.

Смерть черному, бандитскому, атаманскому воронью!

Да здравствует власть рабочих и крестьян на свободной и счастливой Украине!

Инструкция ответственным работникам 14-й армии.

Последние тяжкие неудачи свидетельствуют, что военные и политические работники 14-й армии не справились еще до настоящего момента с поставленными перед ними задачами: превратить расшатанную армию в дисциплинированную и боеспособную. Сейчас в 14-ю армию вливаются дополнительные силы как политические, так и командные. Необходимо планомерно использовать эти силы и на основании тяжких уроков преодолеть во что бы то ни стало недочеты и пороки 14-й армии.

1. Прежде всего необходимо провести строжайшим образом учет всех лиц командного состава и всех коммунистов в составе армии. Эта работа должна быть начата немедленно и закончена в недельный срок, т. е. не позже 17-го августа.

2. Комиссар дивизии и политотдел ее должны тщательно проверить комиссаров полков, оставить на месте только тех, которые проявили свою твердость и мужество во время неудач. Совместно с проверенными комиссарами — проверить комячейки, удалить из их среды случайные элементы, ввести в эти ячейки твердых и надежных работников, присланных в армию. Если в каждой роте будет хотя бы только четыре-пять твердых коммунистов в качестве красноармейцев, членов ротной ячейки, тогда, при хорошем комиссаре, можно в короткий срок добиться полного оздоровления полка.

Ячейки всегда должны сохранять внутреннюю связь, поддерживать комиссара в его борьбе с негодными, контр-революционными, кулацкими и шкурническими элементами. Члены ячейки должны быть образцовыми красноармейцами в строю и в бою.

3. В украинских частях имеется большое количество развращенных кулацких элементов, в том числе не мало бывших солдат царской армии, которые ведут разлагающую агитацию, с кулацкой ненавистью относятся к коммунизму, противодействуют агитационно-организационной работе, подталкивают красноармейцев на погромы и бандитизм. Коммунисты в составе воинской части должны самым внимательным образом присматриваться к такого рода вредным элементам и указывать на них комиссару, дабы можно было в короткий срок очистить от них полк и наиболее виновных подвергнуть беспощадной расправе.

Выкинув из каждого полка несколько десятков шкурников и кулаков и введя на их место несколько десятков коммунистов, можно перевоспитать полк в течение одной - двух недель.

На помощь комиссарам и политотделам в деле очищения полков от негодяев и предателей должны притти особые отделы.

4. Необходимо немедленно же приступить к формированию заградительных отрядов, армейских и дивизионных. Заградительные отряды должны формироваться из лучших, наиболее надежных красных солдат со значительным числом коммунистов. Особенно важно подобрать для загротрядов безусловно надежный, по возможности коммунистический, командный состав. Организацию заградительных отрядов - целесообразнее всего развернуть по штатам приказа № 220, формируя штатные отделения и взводы, чтобы было возможно, в случае необходимости, сводить заградительные отряды в батальоны и выше [69]. Задача заградительных отрядов — поддерживать порядок в ближайшем тылу, задерживать дезертиров, истреблять на месте преступления бандитов и громил, препятствовать паническому отступлению, показывать, в случае надобности, расстроенным частям пример твердости и мужества.

До тех пор, пока у дивизий 14-й армии не будет своих надежных заградительных отрядов, установление твердого порядка и дисциплины останется невозможным.

5. Одновременно необходима чистка командного состава. В украинских частях еще слишком много петлюровских, партизанских и атаманских элементов в роде Богунского, Лопаткина и пр. Даже лучшие среди этих партизанских командиров не понимают до сих пор значения приказа и считают невыполнение его делом естественным. Те ответственные комиссары, которые прямо или косвенно попустительствуют самовольству партизанских командиров, невыполнению ими боевого приказа, совершают тягчайшее преступление перед делом рабочего класса. Нельзя оставлять безнаказанным ни одного проступка командиров по отношению к дисциплине. Только суровой расправой, беспощадными карами за предательское самовольство можно приучить украинский командный состав к строжайшему выполнению боевых приказов.

6. Каждый комиссар должен точно знать семейное положение командного состава вверенной ему части. Это необходимо по двум причинам: во-первых, чтобы притти на помощь семье в случае гибели командира в бою, во-вторых, для того, чтобы немедленно арестовать членов семьи в случае измены или предательства командира.

Все сведения о семейном положении командного состава и политработников должны быть сосредоточены в политотделе Реввоенсовета армии.

7. Опыт всех армий показал полную недопустимость проживания семейств военнослужащих в районе расположения действующих частей и штабов. Внимание командира, комиссара и политработника не может быть ни на минуту отвлечено семейными обстоятельствами. Во время

отступления более чем когда-либо ответственный работник армии должен думать о вверенной ему части или учреждении, но не об эвакуации своей семьи. Поэтому строжайше предписывается в недельный срок удалить из района расположения 14-й армии семьи всех военнослужащих не ближе, чем на пятьдесят верст в тыл. Реввоенсовет, разумеется, примет все меры к тому, чтобы выселение семейств произошло безболезненно, и окажет к этому необходимое содействие.

8. Особый отдел армии должен привлекать к работе только испытанных и безусловно честных, по преимуществу партийных, работников. Особый отдел является органом Реввоенсовета Республики и должен действовать в тесном сотрудничестве с политотделом и трибуналом.

9. Все руководящие учреждения армии — Реввоенсовет, политотдел, особый отдел, ревтрибунал должны твердо установить и провести в жизнь то правило, что ни одно преступление в армии не остается не наказанным. Разумеется, кара должна быть строго сообразована с действительным характером преступления или проступка. Приговоры должны быть таковы, чтобы каждый красноармеец, читая о них в своей газете, ясно понимал их справедливость и необходимость для поддержания боеспособности армии.

Наказания должны следовать, как можно скорее, за преступлением. Поэтому трибунал должен иметь достаточное количество выездных сессий и необходимое число следователей.

10. На одном из первых мест стоят вопросы снабжения. Необходимо в самый краткий срок одеть и обуть солдат 14-й армии. Необходимое вещевое снабжение уже доставлено и будет доставляться впредь. Нужно его быстро и точно распределить, составить арматурные списки и строго следить за тем, чтобы военное имущество не расхищалось, не распродавалось, не растеривалось и не расходовалось зря. Комиссар дивизии совместно с начальником снабжения, комиссаром снабжения, начальником штаба и по возможности с начальником дивизии (поскольку это не отрывает его от неотложной оперативной работы) должны самым тщательным образом выработать план скорейшего распределения обмундирования, снаряжения и вооружения. Комиссар дивизии должен побудить комиссаров полков следить за тем, чтобы заведующий хозяйственной частью не задерживал снабжения ни на один лишний день. Красноармейцы должны увидеть и почувствовать, что о них заботятся. Вместе с тем за каждый случай продажи или обмена военного имущества красноармейцы должны строго караться.

11. Необходимо поднять авторитет командного состава. Украинские солдаты видели в прошлом не мало бестолковых атаманов, которые подводили их под расстрел, не мало также предателей, перебегавших к врагу. И сейчас еще, при расхлябанности и недисциплинированности частей, наибольшую власть имеют сплошь да рядом никуда негодные командиры, которые потакают худшим элементам своей части. С установлением более твердого режима и серьезного контроля случаи измены и пре-

дательства сразу уменьшатся. Честные командиры смогут поднять голову.

Комиссар должен всячески поддерживать твердого и энергичного командира, не конкурируя с ним, а идя с ним рука об руку во всей работе.

12. Газета армии «В ружье!» должна стать действительно армейской газетой, то-есть — зеркалом достоинств и недостатков армии, ее успехов и неудач. Сейчас этого еще нет. В агитационном отношении газета ведется хорошо, но это еще не армейская газета. Нужна непосредственная связь со всеми частями. Нужно использовать широко донесения комиссаров. Нужно посылать специальных корреспондентов, пользоваться едущими в командировку, посылать сотрудников газеты в санитарные поезда для опроса раненых, вскрывать всякие непорядки, создавать заслуженную славу героям, клеймить и поносить бездельников, трусов, предателей. — Сказанное относится и к газетам отдельных групп в армии («Красная Звезда»).

13. Нужно обеспечить распространение газеты и литературы вообще во всей армии. Создать самостоятельный аппарат правильного распространения печати — задача не осуществимая. Но вполне можно использовать все случаи и оказии для распространения литературы. Нужно организовать дело так, чтобы ни из штаба, ни из управления снабжения, ни из политотдела или особого отдела ни одно лицо не отправлялось в сторону фронта без пакета литературы для сдачи его под расписку комиссару дивизии, бригады или полка, или другому ответственному лицу. Точно так же должен действовать политотдел дивизии, комиссар бригады, комиссар полка, — так, чтобы в результате печать по самым различным каналам доходила непрерывно до красноармейца, стоящего на линии огня. Эта задача может быть разрешена и должна быть разрешена.

14. Важнейшее значение в жизни нашей армии имеют запасные части. Они являются источниками пополнения, перевоспитания и оздоровления армии. Для этого запасные части нужно поставить в благоприятные условия в отношении квартирного, пищевого и вещевого довольствия. Обучаемых снабдить лаптями, чтобы не изнашивалась преждевременно обувь. Занятия должны вестись со строжайшей точностью. Политическое воспитание в запасном батальоне имеет первостепенное значение. В число красноармейцев постоянного и переменного состава необходимо влить достаточное количество коммунистов, которые ни в условиях жизни, ни в занятиях ничем не должны выделяться из остальной массы солдат. Необходимо отвести достаточное место гимнастике, спорту, играм, дабы противодействовать вредному влиянию казарменной обстановки.

Главной виной ответственных работников 14-й армии является то, что они не сумели поставить на должную высоту запасные части. Сейчас необходимо наверстать упущенное. Включение в состав воинских частей, так наз., «добровольцев» (нередко хищных шкурников) или же необученных мобилизованных должны караться, как тягчайшее преступление. Полки должны пополняться не иначе, как маршевыми ротами из запасных ба-

тальонов, куда вливаются как мобилизованные, так и добровольцы. По мере введения в полк свежих маршевых рот, нужно извлекать из полка необученные, недисциплинированные и истрепанные элементы и передавать их на обработку в запасные батальоны.

Создать крепкую армию нельзя с налету. Затыкая и штопая дыры на фронте делу не поможешь. Переброска отдельных коммунистов и коммунистических отрядов в наиболее опасные места может только на время улучшить положение. Спасение одно: преобразовать, реорганизовать, воспитать армию путем упорной, настойчивой работы, начиная с основной ячейки, с роты, и, поднимаясь выше через батальон, полк, дивизию; наладить правильное снабжение, правильное распределение коммунистических сил, правильные взаимоотношения командного состава и комиссаров, обеспечить строгую исполнительность и безусловную добросовестность в донесениях. На этот путь должны немедленно стать ответственные работники 14-й армии.

9 августа 1919 г.
Из архива.

14-я армия и ее командующий.

Во главе 14-ой армии стоит Революционный Военный Совет. Членом этого Совета является Командующий армией, который несет полную ответственность за оперативное руководство действиями войск. Каждый красноармеец имеет право интересоваться личностью командующего, от действий которого, в значительной мере, зависит успех и неуспех борьбы. Особенно велик интерес к личности командующего армии должен быть в 14-ой армии, ибо на Украине слишком часто привыкли объяснять неудачи ошибками и даже изменами штабов.

Кто же таков командующий 14-ой армией?

Товарищ Егоров, бывший офицер старой армии. Но он родом из трудовой семьи и всегда оставался преданным делу трудового народа. Сын крестьянина Самарской губернии, т. Егоров был одно время кузнецом, затем грузчиком; упорным трудом получил образование, сдал экзамен за пять классов реального училища, окончил юнкерское училище в Казани в 1905 году. Еще в училище считался неблагонадежным, был на подозрении, о чем уведомлялось впоследствии и его полковое начальство. Это подозрение было основательно: т. Егоров состоял в юнкерском училище членом тайного социалистического кружка. После окончания юнкерского училища он прослужил в армии три года. В начале войны был мобилизован и прослужил всю войну. Командовал ротой, батальоном, полком. Дослужился до подполковника. Во время империалистической войны был ранен пять раз. После Февральской Революции т. Егоров организовал полковой и дивизионный комитеты и сам состоял членом комитета полка, дивизии и армии. От армейского комитета он был выбран в члены Центрального Исполнительного Комитета 2-го созыва и предназначался на должность выборного Главнокомандующего Северного фронта, после октября. В первую эпоху революции т. Егоров примкнул к левому крылу социалистов-революционеров. Это был тот период, когда левые соц.-революционеры шли рука об руку с коммунистами-большевиками в борьбе против предательской политики Керенского, против империалистской войны. Но затем, как только левые социалисты-революционеры, поддаваясь кулаческим и обывательским настроениям, открыли борьбу против Рабоче-Крестьянской власти, т. Егоров не колеблясь ни минуты, порвал с этой партией взбалмошных интеллигентов и вступил в коммунистическую партию рабочего класса.

За свою борьбу против империалистской бойни тов. Егоров был во время правительства Керенского судим судом офицеров полка и смещен с должности.

После демобилизации старой армии т. Егоров непрерывно работает в деле строительства новой, Красной Армии. Он занимал ряд ответственных постов: был комиссаром по формированию и обучению Красной Армии, был председателем Высшей Аттестационной Комиссии, дающей оценку кандидатам на командные должности, был комиссаром Всероссийского Главного Штаба. С середины августа прошлого года тов. Егоров в качестве командующего руководил 9-ой армией южного фронта, а в декабре был назначен командующим 10-ой армией.

Благодаря своей энергии и знанию военного дела, т. Егорову удалось поднять боеспособность 10-ой армии на большую высоту. Солдаты и командный состав относились к нему с полным доверием; под его руководством 10-ая армия одержала ряд блестящих побед и пройдя с боем 400 верст форсировала реку Маныч. В это время развернулось наступление Деникина, подтянувшего свои войска с Северного Кавказа. Деникинские войска, после отхода 10-ой армии на реку Сал, прорвали фронт и стремились разъединить части армии. Тогда т. Егоров принял непосредственное руководство двумя кавалерийскими дивизиями и был ранен в атаке пулей навылет.

Не успела еще эта, шестая, рана зажить, как тов. Егоров был призван Советской властью снова на ответственный пост. Он был назначен помощником командующего южным фронтом и членом Революционного Военного Совета южного фронта, причем, в виду особой важности работы по устройству и боевому воспитанию 14-ой армии на Украине, задача эта была возложена на г. Егорова.

На Украине т. Егоров не впервые. Уже после октябрьской революции в декабре 1917 г., т. Егоров был командирован на Украину военным отделом Ц. И. К. для выяснения некоторых вопросов и был здесь арестован правительством Винниченки-Петлюры в январе 1918 года за участие в подготовке к попытке взорвать Раду изнутри. Из тюрьмы т. Егоров был освобожден красноармейскими войсками после взятия Киева.

В лице своего командующего 14-ая армия имеет, таким образом, прекрасного боевого солдата и преданного делу рабочего класса коммуниста. Пусть же красноармейцы и командиры равняются по своему командующему, первому солдату 14-ой армии! [60]

9 августа 1919 г.
г. Конотоп.

Украинский август.

Тяжело сейчас приходится Советской Украине. Помещичьи и шляхетские войска теснят ее со всех сторон. Украинская армия отступает. Враги злорадствуют. У иного малодушного друга опускаются руки.

Оглянемся назад. Год тому назад Советская Россия переживала не менее тяжкие дни. Август 1918 года был самым черным месяцем в истории Советской Республики. Западная полоса, Украинский юг и Финляндия были в руках германского милитаризма. На Архангельском и Мурманском севере упрочивались первые воровские отряды англичан и французов. На Дону восстал Краснов. На Волге подняли знамя мятежа французские наемники — чехо-словаки. Совместно с белогвардейцами они захватили Самару, Симбирск, Казань и угрожали на юг—Саратову, на север—Н. Новгороду. Они отрезали от России Урал и всю Сибирь.

Страшны казались не временные успехи врагов, — гораздо страшнее было бессилие Красной Армии. Молодая, неопытная, едва сколоченная из случайных отрядов Восточная армия отступала по всей линии. В начале августа пала Казань, и казалось, что чехо-словакам и белогвардейцам открыт путь на Москву.

Но крайние бедствия вызвали у рабочих и революционных крестьян крайнее напряжение сил. Все честное в стране поняло, что решается вопрос о судьбе трудового народа на многие и многие годы. Рабочие, крестьяне отодвинули назад свои требования, личные и групповые интересы, свое недовольство, — все поняли, что нужно первым долгом раздавить врага.

Одновременно с этим обеспечивали армии крепкий тыл. В августе прошлого года российское и, в особенности, поволжское кулачество впервые почувствовало суровую руку Советской власти. Была проведена широкая, правильная мобилизация. Кулаков, которые братались с белогвардейцами и чехо-словаками, беспощадно расстреливали, имущество их конфисковывалось в пользу бедноты и для нужд Красной Армии.

В слабые, необстрелянные воинские части влиты были наиболее твердые и мужественные рабочие и крестьяне. Установлена была непреклонная дисциплина. Командный состав был беспощадно очищен от предателей и недисциплинированных «атаманов», которые не умеют ни приказывать, ни повиноваться. В напряженной, лихорадочной работе прошел август месяц. Вся страна с замиранием глядела на восток: сдержим ли

врага на Волге, отбросим ли его на восток, или наоборот — поддадимся отступим и откроем широкие ворота на Москву?

Прошлогодний август был, следовательно, не только черным месяцем бедствий и тревог, но и временем величайшего напряжения сил, лихорадочной работы по формированию и снабжению красных советских полков.

Эта работа не пропала даром. Сентябрь пожал то, что посеял август. 10 сентября полки 5 армии, при содействии части 2 армии. вырвали Казань из рук врагов. Через два дня, 12 сентября, соседняя 1 армия вернула Симбирск. Эти события означали величайший перелом и навсегда вошли в историю русской революции. Красная Армия почувствовала себя сильной после первых побед, — дух врага упал. С того времени мы знали и поражения и победы. Но в общем Красная Армия далеко расширила за этот год пределы Советской республики и, главное: рабочие и крестьяне России теперь твердо знают, что они не беззащитны.

Черный август прошлого года ныне повторился для Украины. Ее теснит враг с запада, востока и юга. Наша Красная украинская армия еще молода, лишена необходимой организации и боевого закала. Она продолжает отступать. Злорадствуют враги. Друзья спрашивают себя с тревогой: устоит ли рабоче-крестьянская Украина?

Но и для Украины этот тяжкий месяц является не только временем поражений, но и временем напряженного строительства. Сотни, тысячи лучших, наиболее сознательных рабочих и крестьян вливаются в украинские части. Тысячи и десятки тысяч пополнения проходят через запасные батальоны и превращаются там в дисциплинированные маршевые роты. Снабжение начинает правильно прибывать и распределяться. А в тылу начинается серьезная чистка. Советская власть Украины берет в руки метлу из колючей проволоки, чтобы вымести прочь из городов и сел белогвардейщину и хищное кулачье.

Так, с двух концов, очищается и крепнет Советская Украина. Мы еще отступаем. Но мы копим силы, — украинская армия крепнет и растет. На смену украинскому «черному» августу придет сентябрь украинских побед.

Не вешать руки и не падать духом, товарищи рабочие и крестьяне! Не бывать Украине под помещиком и царем! Навсегда останется Украина пролетарской и мужицкой, честной трудовой страной.

«В пути», 12 августа 1919 г., № 80.

10-я армия.

Как и некоторые другие наши армии, десятая создавалась, главным образом, из партизанских отрядов. В отрядах этих было не мало героев рабочих и крестьян, стремившихся во что бы то ни стало отстоять завоеванную трудовым народом свободу. Но как всегда бывает, к партизанскому знамени прилипало не мало негодных элементов и гнилых, праздных лентяев, садившихся на армейский паек, как мухи на сахар. И не раз бывало, что геройство лучших борцов сводилось на нет постыдной трусостью шкурников. Но не только этим. Десятой армии больше всего не хватало подлинного армейского порядка, при котором каждый полк является частью правильно построенной дивизии, а дивизия является органом армии, управляемой по общему замыслу и плану. Пока десятая армия была партизанской, своеволие отдельных командиров, не выполнявших боевого приказа, было в ходу. Правильное снабжение отсутствовало и заменялось нередко самочинными захватами частей. Со стороны плохих частей захваты эти превращались в прямой грабеж и вызывали справедливое негодование местного населения. Лучшие элементы армии повели против всего этого необходимую борьбу. Наиболее сознательные рабочие и крестьяне-красноармейцы борьбу эту поддержали. Десятая армия подтянулась. Много негодных командиров было выброшено, другие партизанские командиры, лучшие и честнейшие, поняли, что нужно сделать шаг вперед: создать правильную организацию и установить подлинный воинский порядок.

Перестройка и перевоспитание армии совершились осенью и зимой прошлого года с большим успехом. Армия перешла в наступление, нанесла Краснову много жестоких ударов, дошла до Маныча и перешла на южный его берег, пройдя с боем около 400 верст.

Но деникинские резервы оказались сильнее. Наши армии южного фронта, усталые и преданные украинской махновщиной, не выдержали натиска деникинских войск. Десятая армия стала отступать. При отступлении аппарат армии неизбежно приходил в известное расстройство. Мало того, твердо установленный порядок подвергался нередко нарушениям, дезорганизаторы и шкурники пытались снова высоко поднять голову. Однако, благодаря своим твердым и закаленным в боях кадрам, десятая армия выдержала тяжкое испытание. Она остановилась и задержала врага. Ныне она сама перешла в наступление и уже с значительным успехом теснит врага.

Для того, чтобы успех этот развить, превратить его в сокрушающий удар по правому флангу деникинских войск, нужно в организации самой десятой армии довести до конца установление порядка и изгнание последних остатков партизанщины.

Армия есть армия. Это — организация вооруженных борцов рабочего класса и трудового крестьянства. В армии не должно быть семейств, — семьям место в тылу. Воин должен думать только о сокрушении врага. Семья, которая тянется в обозе, является обузой для армии. О семье должна заботиться Советская власть в тылу. Семьи увеличивают и утяжеляют обозы, а это делает воинские части менее подвижными и менее энергичными. Первой задачей является очищение армии от семейств, которые должны быть переведены в тыл, где будут пользоваться необходимой помощью Советской власти.

Армия есть армия. Обоз служит для снабжения воинских частей. В обозе не должно быть ни одного лишнего пуда. Если захваченные трофеи не полагаются части по штатам, то есть не нужны ей для боевых задач, они должны быть немедленно изъяты армейским управлением и переданы по принадлежности. Горе той части, у которой слишком велик обоз!

Армия есть армия. Это совокупность бойцов, связанных единством командования и единством железной дисциплины. Где дисциплина нарушается, где приказ не выполняется, где не соблюдаются Уставы, не принимаются необходимые меры разведки, охранения, связи, донесения, — там не может быть длительных, прочных, серьезных побед. Там армия перестает быть армией. Проведение в боевую жизнь наших Красных Уставов является священной обязанностью командиров и комиссаров десятой армии.

Десятая армия численно пополнилась и возрастает с каждым днем. Израсходованное или утерянное военное имущество возмещается с избытком. Советская страна напрягает все силы, чтобы обеспечить всем необходимым армию, у которой в прошлом было не мало боевых заслуг и которая сейчас стоит на одном из важнейших направлений.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары десятой армии! Приветствуя вас в этот поворотный час для южного фронта, призываю вас вместе с тем к геройскому и единодушному напряжению сил для очищения армии от всего, что ослабляет и разлагает ее, для установления в ней единства воли и единства действий, для превращения ее в могучий стальной молот, который с волжского побережья нанесет смертельный удар по черепу донской и кавказской контр-революции!

18 августа 1919 г.
г. Саратов.
«В пути», № 83.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по армиям Южного фронта

от 13 августа 1919 г., № 142, гор. Воронеж.

Товарищи красноармейцы!

Действуя исключительно нечистыми средствами, Деникин и деникинцы распространяют много подложных приказов за моей подписью. Цель этих приказов — затуманить головы подневольных солдат белой армии и обмануть вас, солдат Красной Армии, внести смуту и раскол в вашу среду.

Не сомневаюсь, что разумный воин без труда отличит деникинскую подделку от подлинного приказа Советской власти. Для колеблющихся и сомневающихся сообщаю надежный признак: если приказ продиктован интересами рабочих и крестьян в их борьбе против помещиков, стало-быть приказ подлинный; если же приказ направлен на поддержку помещичьей жадности и буржуазных барышей, значит тут рука Деникина и его сообщников.

В частности, деникинцы за последнее время фабрикуют подложные приказы об отпусках красноармейцев и всячески подбивают красных бойцов требовать отпусков. Цель их ясна; сразу разредить ряды бойцов, ослабить нас и задушить.

Товарищи воины!

Отпуск нам нужен всем. Более того, нам нужно увольнение в запас: повесить винтовку на стену, жить в родной семье и работать в мирной обстановке на благо всему народу.

Этот отпуск мы завоюем победой над деникинской помещичьей ордой. Раздавив гада, вернемся к мирному труду.

В Ростов-на-Дону, куда Деникин перенес свой штаб, мы пойдем за отпусками, красные борцы!

III.

РЕЙД МАМОНТОВА. МИРОНОВЩИНА. ВТОРОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ НА УКРАИНУ.

(Август — декабрь 1919 г.)

На облаву!

Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение в пределы Тамбовской губ. Задача белогвардейской конницы состоит в том, чтобы испугать наши южные войска, напирающие на Деникина, и заставить их отойти. Но эта надежда тщетна. Красные полки на южном фронте сохранили незыблемую твердость и на важнейших участках с успехом продвигаются вперед. Прифронтовая полоса с уверенностью говорит красным бойцам: «продолжайте вашу работу,—с налетом деникинских бандитов справится тыл».

И в этом сейчас состоит священная обязанность тыла, прежде всего — Тамбовской губернии.

Задача ясна и проста: крепкой облавой окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы, и уверенной рукой затянуть аркан.

Для этого нужно, чтобы рабоче-крестьянские массы, под руководством своих советов и коммунистических организаций, встали на ноги, как один человек, против белых налетчиков. Нужно заставить помещичьих наемников почувствовать, что они попали в рабоче-крестьянскую, то есть во враждебную им страну. Опасность должна подстерегать белых бандитов изо всех углов, из-за каждого холма, изо всякого оврага.

При их приближении **крестьяне должны угонять своевременно лошадей, скот, телеги, увозить хлеб** и всякую снедь. Чего не успеют увезти — уничтожать. Советская власть покроет все понесенные убытки. Горе крестьянину, который в чем бы то ни было добровольно поможет помещичьим войскам!

Коммунисты, на передовые посты! Во всех селах, волостях, уездных городах Тамбовской губернии и соседних с ней уездов других губерний коммунистические организации должны поставить перед собой вопрос:

чем и как мы можем сейчас непосредственно повредить налетчикам и облегчить дело регулярных частей?

Нужно прекрасно поставить разведку. Собирать сведения о каждом неприятельском разъезде, следить за ним и захватив врасплох уничтожать или забирать в плен. Там, где белые вздумают заночевать, их должен пробудить пожар. Их конница должна наткнуться на колючие проволоки там, где накануне был открытый и свободный путь.

Горе исполкому, который снимается с места без крайней необходимости, не причинив деникинцам всего вреда, на какой он только способен!

На территорию Тамбовской губернии ворвалась деникинская стая хищных волков, которые режут не только мужицкий скот, но и рабочий люд. На облаву, рабочие и крестьяне! С оружием и с дубьем! Не давайте хищникам ни времени, ни сроку, гоните их со всех концов! Ату, белых! Смерть живорезам!

18 августа 1919 г.
«В пути», № 84.

Храбрость от отчаяния.

Деникинская кавалерия прорвала наш фронт у Новохоперска и глубоко продвинулась по Тамбовской губернии. Налет смелый. Но в то же время всякий здравомыслящий человек должен спросить себя: на что надеются руководители этой операции? Несколько белых кавалерийских полков оторвались от своей базы чуть не на 200 верст; совершают налеты на железнодорожные станции, на телеграфную линию, на села и деревни, захватывают лошадей и хлеб. Белые кавалеристы действуют в местах, большинство населения которых враждебно относится к ним, ибо знает, что они выполняют волю помещиков, стремящихся вернуть себе утраченные земли. Конечно, прорвавшаяся конница может еще там и сям причинить не мало вреда: взорвать в отдельных местах мосты, перерезать провода, ограбить крестьян, сжечь несколько сел и деревень. Но какова военная цель этой авантюры? Неужели деникинские генералы и впрямь надеются путем кавалерийского налета захватить Москву? Нет, они не так глупы, чтобы верить в это. Они знают также, что оторванная от своей базы, в тылу наших войск, их конница долго держаться не сможет. Вокруг нее, раньше или позже сомкнется стальное кольцо,—оно смыкается уже сейчас,— и тогда лихие всадники превратятся в жалких бандитов, которые окружены и пойманы пехотной облавой. Почему же Деникин решился на такой шаг? Потому, что ему не оставалось ничего другого. Это шаг, вызванный безвыходностью. Это смелость от отчаяния.

Нанеся первый крепкий удар нашим армиям, поколебав их устойчивость и связь, Деникин использовал затем до конца свое главное преимущество: обилие кавалерии. Его работа свелась к тому, чтобы не дать красным войскам времени зацепиться, закрепиться, пополниться и упрочиться. Белая конница преследовала наши войска в течение нескольких недель. Такой образ действий диктовался Деникину простейшими правилами военного искусства, но в то же время способ этот предполагал наличие серьезных резервов, в соответствии с размерами поставленной задачи. Этих-то резервов у Деникина не оказалось и в малой мере для того огромного фронта, до которого он раздулся, благодаря быстрому натиску своей кавалерии. Недостаток резервов скоро сказался. Сила преследования стала ослабевать. Наши резервы подоспели. Отступавшие войска приобретали все больше устойчивости и, наконец, закрепились на всем фронте, кроме крайнего правого, украинского фланга, наиболее удаленного от деникинской

базы (Ростов — Екатеринодар). Тот час, когда войска Деникина оказались вынуждены остановиться на протяжении почти всего фронта, был уже по существу часом поражения южной контр-революции, ибо отсутствие резервов должно было тут сказаться со всей очевидностью. И малое тело, когда быстро летит, может нанести тяжкий удар: тут небольшая масса дополняется высокой скоростью. Быстрота кавалерийского натиска заменяла, до поры до времени, недостаток тяжелых резервов. Но как только деникинское наступление остановилось, его собственные войска слишком ясно почувствовали, что их мало. Красный фронт оказался несравненно плотнее. Красные войска вернули себе самообладание и со спокойной уверенностью группировали свои силы и материальные средства для нанесения заклятому врагу последнего, беспощадного, сокрушающего удара.

Деникин и его Мамонтовы видали и чувствовали эту наростающую силу и уверенность врага. Резервов не было. Напрасно молил Деникин Англию и Францию: те уже не в силах помочь ему воинскими частями. Тогда вождю южной контр-революции не осталось ничего другого, как пытаться одним рискованным, азартным ударом сорвать грозную стену красного фронта.

Тогда был задуман отчаянный налет кавалерии генерала Мамонтова. Первая часть замысла выполнена была удачно: белая конница с размаху открыла себе ворота и проскочила в глубокий тыл. Но только тут и открывался настоящий вопрос о том, какое влияние окажет кавалерийский налет на устойчивость и силу красных полков южного фронта.

Иметь за спиной конницу, разумеется, неприятно и беспокойно. Когда человек готовится нанести удар, ему может помешать укус осы, которая вонзит свое жало в плечо. Испуганный от неожиданности боец может обернуться и выпустить оружие из рук. В этом то и состоит деникинский расчет. Его кавалерия — это жалящая оса за спиною красного стрелка, стоящего лицом к Новочеркасску и Ростову. Испугать наши южные войска неожиданностью прорыва, стремительностью налета, неопределенностью опасности в тылу, вызвать панику в населении, расстройство рядов, нарушение связи, распад аппарата управления, смятение и тревогу в частях, их беспорядочное отступление по обеим сторонам прорыва и, наконец, полное крушение красного южного фронта — таков замысел Деникина.

Тут все рассчитано на неожиданность, на внезапность, на испуг.

Но Деникин просчитался. Прорыв выполнен не без лихости, но южный фронт наш устоял, чуть дрогнув тем местом, куда его ужалила кавалерийская оса. А это значит, что деникинский план потерпел полное крушение и через несколько дней обрушится на голову своих организаторов.

Тяжелой, компактной массой стоят по прежнему красноармейские полки, заделав ту пробоину, которую произвела в их стене белая конница. Наш левый Камышинский фланг успешно наступает: наступает и наш тяжелый центр. Густыми рядами продвигаются красные стрелки вперед, как бы вовсе не заботясь о том, что за спиною у них звенит ядовитое

насекомое. И они правы. У красного южного фронта достаточно резервов, чтобы справиться с дерзким налетом. Туже и туже смыкается вокруг налетчиков кольцо. Ворота, которые они себе проломили, закрылись за ними. Они хотели и надеялись внести отчаяние и испуг, — перед лицом твердости Красной Армии они сами пропитываются испугом и отчаянием. Мамонтовский кавалерийский отряд обречен. Он будет окружен, в целом или по частям, обезоружен, разбит; часть разбежится. Но погибнет не только отряд. Вместе с ним погибнет последняя надежда на спасение. Последняя крапленая карта деникинской стратегии будет бита, и деникинские войска с безнадежностью увидят, что их слишком мало.

Кавалерийская авантюра создаст момент полного и окончательного перелома на южном фронте. Наше наступление станет общим, уверенным, неудержимым. История запишет, что деникинские всадники прорвались в Тамбов только для того, чтобы своим отчаянным налетом возвестить Советской России близкий час падения Донской и Кубанской контр-революции.

«В пути», 19 августа 1919 г., № 84.

Кавалеристам корпуса Мамонтова.

Кавалеристы!

Казаки, обманутые Мамонтовым!

Обращаюсь к вам с кратким словом разъяснения и предупреждения.

Предводимые белогвардейскими генералами, вы прорвались в новохоперском направлении, временно заняли Тамбов, потом очистили его под давлением нашей пехоты, ныне рыщете по линии Козлов-Богоявленск.

Вас уверили, что этим налетом вы спасете деникинскую армию. Но вас обманули. Деникина спасти нельзя. Силы его исчерпаны. После разгрома Колчака мы сосредоточили на южном фронте многочисленные войска, которые в ближайшие недели нанесут Деникину смертельный удар.

Первым натиском занят Камышин и важный узел Валуйки на харьковском направлении. На всем фронте красные войска перешли в победоносное наступление. Заняты Борисоглебск и узловая станция Поворино[61].

Те ворота, через которые прорвалась ваша конница, захлопнуты тяжелыми массами пехоты. Сплошной стеной стоит красный южный фронт от Волги до Днепра. Вам выхода нет. Руководимые вашими генералами вы можете разрушить тот или другой мост, опрокинуть телеграфные столбы, поджечь какие-либо склады, перебить захваченных вами безоружных рабочих и крестьян. Но спасения вам нет. Вы в кольце.

Расчеты ваших генералов не оправдались: южный фронт ничуть не дрогнул от вашего прорыва, наоборот, сплотился еще более и двинулся вперед. Связь вашей конницы с отступающими деникинскими войсками порвана навсегда. На ноги поставлены тяжелые и легкие резервы южного фронта, чтобы вас окружить, и если будете дальше бесчинствовать, разрушать, поджигать, грабить, насиловать, — задушить.

Обманутые кавалеристы!

Для вас спасение одно: отказаться от постыдного разбойничьего налета на рабочих и крестьян, самим арестовать ваших преступных командиров и протянуть руку примирения рабочим, крестьянам и красноармейцам всей страны.

При этом условии от имени рабоче-крестьянского правительства обязуюсь предоставить вам возможность мирного существования в Советской России или же беспрепятственного возвращения — по вашему желанию — на родину, когда вы сами того захотите.

Советская власть не ведет войны с рабочими, крестьянами и трудовыми казаками. Беспощадную борьбу трудовая Россия ведет лишь против

помещиков и тех бывших царских генералов, которые хотят восстановить дворянские привилегии, чиновничий произвол и царское самовластие. Эту истребительную борьбу против насильников мы доведем до конца.

Колчак нами раздавлен. Красные войска приближаются к колчаковской столице, Омску. Та же участь уготована Деникину.

Вам ли, трудовые казаки, рабочие люди, отдавать свои головы за угнетателей народа?

Теперь, когда вы узнали правду, поступите, как велит вам совесть и как требует ваш собственный интерес.

Вы — в стальном кольце. Вас ждет бесславная гибель. Но в последнюю минуту рабоче-крестьянское правительство готово протянуть вам руку примирения.

24 августа 1919 г.
Москва.
«Изв. ВЦИК», № 188.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 4 сентября 1919 г., № 146, гор. Тула.

На борьбу с разбойниками мамонтовской шайки.

Банды конных разбойников под командой генерала Мамонтова, бывшего помещика, прорвались на Тамбов, откуда — на Козлов и на Елец.

Конные бандиты разрушают железные дороги, телеграф, грабят, насилуют, поджигают, убивают рабочих и крестьян.

Задача Мамонтова в том, чтобы запугать трудовое население, помочь Деникину — задушить рабочих и крестьян, восстановить власть дворян и капиталистов.

В виду сего объявляется:

1. Всякая помощь мамонтовским разбойникам, прямая или косвенная, представляет собой измену народу и карается расстрелом.

2. Сельские и волостные исполкомы угрожаемых мест обязаны организовать свою конную и пешую разведку и предупреждать об опасности ближайшие железнодорожные и военные власти. За выполнение настоящей меры личная ответственность возлагается на председателя каждого исполкома.

3. Сельские и волостные исполкомы при приближении опасности обязуются угонять лошадей и скот, увозить продовольствие, дабы не доставалось мамонтовским бандитам. В случае невыполнения настоящего приказа члены исполкомов будут караться трибуналом по законам военного времени.

4. Со стороны железнодорожных работников, красноармейцев железнодорожной обороны, почтово-телеграфных служащих угрожаемой полосы требуется высшая бдительность и своевременное принятие всех мер против опасности конного налета. Всякий уличенный в невнимательности и халатности будет караться трибуналом, как пособник врага, по законам военного времени.

5. Среди буржуазных элементов местного населения, в том числе среди советских служащих, имеется не мало агентов Мамонтова. Необходимо удвоить надзор. Всякий честный гражданин обязуется о полученных им сведениях или о своих подозрениях сообщать в ближайшую Чрезвычайную Комиссию, в Особый Отдел или комиссару ближайшей воинской части. Кто знает об агентах Мамонтова и молчит, тот будет караться, как изменник и предатель, по суровым законам войны.

6. Коммунистическим ячейкам в селах, волостях, на железных дорогах, на телеграфе, в тыловых военных учреждениях вменяется в обязанность самый тщательный надзор за всеми подозрительными и ненадежными элементами. Действуя за одно с Чрезвычайными Комиссиями и Особыми Отделами, необходимо задушить мамонтовскую и деникинскую агентуру.

7. Любой гражданин в угрожаемой полосе, в руки коего попадет настоящий приказ, обязан потребовать созыва сельского или волостного исполкома для обсуждения практических мер борьбы против мамонтовских разбойников. К числу таких мер относятся: организация разведки, установление тесной связи с ближайшими воинскими частями, железнодорожными властями и железнодорожной охраной, порча путей, по коим должен проследовать неприятельский обоз или его артиллерия; устройство засад, истребление неприятельских разъездов и отдельных бандитов. В дальнейшем такие заседания должны происходить ежедневно, с занесением всех постановлений в протокол. Губернским Чрезвычайным Комиссиям и Особым Отделам угрожаемой области предлагается проверять означенные протоколы и немедленно привлекать к ответственности председателей исполкомов, не принимающих необходимых мер.

8. При прохождении мамонтовских бандитов местные контр-революционные гады поднимают голову. Они оказывают налетчикам услуги, указывают им местных коммунистов и семьи красноармейцев, подводя тем десятки и сотни людей под виселицу. Предупреждаю: мамонтовская конница пройдет, Советская власть остается. Погибшие рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки будут отомщены. Контр-революционные гады будут раздавлены. Их имущество будет конфисковано и передано бедноте. За каждого убитого бедняка ответят головой кулаки, изменники, контрреволюционеры.

Настоящий приказ вывесить на станциях железных дорог, в казарменных помещениях, в этапных и продовольственных пунктах, в помещении почты и телеграфа, в вагонах пассажирских поездов и воинских эшелонов, в помещениях сельских и волостных исполкомов. Соответственные комиссары и председатели советских учреждений обязуются за личной ответственностью прочитать настоящий приказ на сельских сходах, на собраниях железнодорожных и почтово-телеграфных служащих, местных воинских частей и пр.

Вся местная советская печать в угрожаемой полосе обязуется напечатать настоящий приказ на видном месте и всячески содействовать его распространению и проведению в жизнь.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 4 сентября 1919 г., № 147, гор. Орел.

Мамонтовская конница почти безнаказанно разбойничала до сего дня потому, что у нас плохо была налажена разведка и связь. Вместо точных данных, местные власти питались нередко темными слухами. Неизвестность есть мать паники. А между тем наши уездные и волостные ревкомы пребывали в неизвестности. И сейчас еще разведывательные донесения местных органов заменяются нередко передачей слухов и злостных выдумок. Со всем этим надо покончить.

1. Мамонтовские командиры распространяют разными путями выгодные для них слухи — как о направлении своей кавалерии, так и о том, будто по пятам за ней следуют неисчислимые деникинские войска. Задачей Ревкомов и вообще местных советских и, в особенности, военных учреждений является точная разведка, постоянная и строгая проверка всех слухов и донесений. Особенно важно проверять собственную пешую и конную разведку, которая, как свидетельствуют факты, нередко уклоняется от соприкосновения с разъездами противника и в донесениях своих опирается на росказни с чужих слов.

Предупреждаю: распространение непроверенных сведений в утвердительной форме будет караться наравне со злостным сеянием паники. Шептунов, болтунов, сплетников преследовать беспощадно!

2. Некоторые части местного назначения обнаружили полное отсутствие стойкости и покидали позиции до встречи с неприятелем. Результатом этого являлось вторжение мамонтовских банд в села и города, истребление беспомощных и невооруженных тружеников и тружениц.

Предупреждаю: трусость, шкурничество, дезертирство на внутреннем фронте будет караться так же, как и на внешнем — расстрелом.

3. Команды и отряды, предназначенные для преграждения доступа к определенным пунктам (железнодорожным узлам, мостам, городам...) должны строго проверяться. Нужно подобрать по возможности испытанных командиров. В состав команд вводить хотя бы небольшое число твердых коммунистов. Установить суровую расправу над шкурниками.

4. Где отряд имеет значительную численность (несколько сот человек и выше), необходимо создать при нем небольшой заградительный отряд из твердых боевиков, которые умеют сами сражаться и умеют расправляться с дезертирами и шкурниками.

5. В борьбе с мамонтовской конницей твердо помнить, что лучше иметь 50 решительных и самоотверженных борцов, чем 500 колеблющихся и неустойчивых. Мамонтовские казаки — шкурники и трусы. Драться они не хотят. Они обнаруживают свою удаль только на безоружных, на женщинах и на детях. При отпоре они обращаются в бегство. Поэтому необходимо каждому отряду, каждой команде придать несколько беззаветно-решительных смельчаков.

6. В виду того, что мамонтовские казаки являются простыми громилами и бандитами, их необходимо истреблять всеми путями. Никто не имеет права уклоняться от облавы на мамонтовских бандитов и громил — группами или в одиночку. Ревком, который пропускает разбойников мимо себя, является предателем по отношению к соседям. Предательство же карается на войне сурово. Именем Революции требую от всех и каждого не только твердости и выдержки, но и беззаветного героизма!

Рабочие и крестьяне, выходите на облаву!

Кавалерия Мамонтова еще не раздавлена. Она продолжает бесчинствовать и зверствовать. Конные бандиты уничтожают, сжигают, грабят все, что попадается под руку. Серьезного военного значения их операция не имеет. Но зверств и преступлений они учиняют без числа. Разрушая железную дорогу, они затрудняют подвоз продовольствия. Они расхищают хлеб и другие съестные продукты, захватывают у крестьян скот, телеги, как полагается, пьянствуют, учиняют насилия над женщинами, избивают стариков. В Тамбове, в Козлове, в Лебедяне их путь отмечен отвратительными преступлениями и безобразным распутством.

Мамонтовская конница, оторванная от своих войск, уклоняющаяся от сражений, занимающаяся поджогами, грабежами и насилиями, не может, разумеется, считаться воинским отрядом. Это банда разбойников, поджигателей, насильников, громил. Тут не может быть и речи о войне,— нужна облава, как на хищного зверя.

Облаву нужно развернуть со всей энергией и в течение нескольких дней довести до конца. Нельзя позволить бандитам дольше бесчинствовать. Каждый упущенный день означает новые сотни человеческих жертв — рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. Рабоче-крестьянское правительство объявило помилование тем из мамонтовских кавалеристов, которые добровольно сдадутся в руки советских властей. Но тем из мамонтовцев, которые будут пойманы с оружием в руках, не может быть пощады: это не пленные, а застигнутые на месте преступления разбойники. Их нужно беспощадно истреблять,

В этом состоит сейчас обязанность рабочих и крестьян той полосы, по которой мамонтовские кавалеристы совершают свои набеги. Сельские, волостные, уездные и губернские исполкомы и партийные организации на 50—100 верст вокруг мамонтовского пятна должны все свои силы отдать делу борьбы с конными грабителями и убийцами. Местные коммунисты должны в этой борьбе занимать первое место.

Задача поставлена ясно. Не дать мамонтовцам прорваться на север, к Туле и Москве. Не допускать их на юг, в тыл нашим красным войскам Воронежского и Курского участков фронта. Отрезать им путь на запад и на восток. Истребить их на месте, уничтожить, как бешеных собак.

Замыкайте круг, рабочие и крестьяне! Выводите народ на облаву, товарищи коммунисты! Смельчаки, на первое место!

4 сентября 1919 г.
Москва — Тула.
«В пути», № 86.

Нужны ли нам партизаны?

Против Мамонтовской кавалерии мы кликнули клич к боевикам, к смельчакам-партизанам. Иной может сказать себе с недоумением: «как же так? Советская военная власть все время осуждала партизанство и выводила его из употребления, а теперь сама снова насаждает партизан?»

Такое понимание вопроса будет простым недоразумением, происходящим от того, что под словом «партизанство» понимают совершенно разные явления. Украинское партизанство, оказавшееся неспособным отстоять советскую Украину, состояло из наспех сколоченных отрядов, набранных из необученных, плохо вооруженных рабочих и крестьян повстанцев. Правильно построенной, регулярной армии на Украине еще не создалось.

Вся наша Красная Армия выросла из добровольчества, повстанчества, первобытной неопытной партизанщины. Путем долгой борьбы мы эту бесформенную, неуклюжую партизанщину преодолели, построили правильные, обученные, дисциплинированные полки и дивизии. Но именно теперь, когда у нас есть сильная регулярная армия, мы можем и должны дополнить ее хорошо сколоченными партизанскими отрядами. Армия действует сплошной массой, заметая противника, завладевая обширной территорией. Партизанские отряды, подчиненные тому же командованию, отрываются, когда нужно, от основной армии, выполняют отдельные задачи, наносят врагу ущерб, глубоко забираясь ему в тыл [62].

Конечно, нам нужны партизаны не такого типа, как у Махно. Нам нужны не беспомощные, пугливые банды еле вооруженных людей, а прекрасно построенные, обученные, закаленные, смелые, легкие отряды, снабженные всем необходимым и выполняющие задания общего командования.

В зависимости от задач партизанские отряды могут быть разной величины: от 10 — 20 смельчаков до кавалерийского отряда в несколько тысяч сабель с легкой артиллерией и броневиками.

Потребность в партизанских отрядах сейчас остро поставлена налетом Мамонтова. Это тоже несомненный партизан. Он оторвался на сотни верст от деникинских войск, бродит в тылу наших армий, разрушает железные дороги. Отряду Мамонтова нельзя отказать в ловкости и подвижности. Правда, он совершает разбойничью работу, истребляет невооруженных рабочих и крестьян, насилует и проч. Но такова уже судьба контрреволюционной партизанщины, которая служит нечистым целям помещи-

ков и капиталистов. Мы же должны партизанство поставить на службу высоким задачам трудового народа.

Тяжеловесной пехоте за Мамонтовской конницей не угнаться. Тут нужны легкие отряды, конные, на телегах, на автомобилях, на лодках, но также и пешие, действующие внезапно из засад, подбирающиеся ночью, застигающие врага врасплох. Для таких отрядов нужны лучшие бойцы, наиболее самоотверженные, наиболее дисциплинированные, ибо в отличие от разнузданной махновщины настоящее партизанство требует железной дисциплины, более суровой, чем в регулярных полках.

Мамонтовский налет заставит нас сделать шаг вперед в деле построения нашей армии. Если мы оумели от повстанчества и бесформенных отрядов перейти к регулярной, централизованной армии, то мы точно так же сумеем эту централизованную армию дополнить, укрепить, усилить превосходными, вылитыми из стали партизанскими отрядами, которые будут вонзаться как острые занозы в тело врага.

На вопрос, нужны ли нам партизаны, должно ответить: да, партизаны нам нужны, они нам необходимы, но только настоящие партизаны, подлинные храбрецы, воины без страха и упрека, для которых нет ничего невозможного. Отряды таких смельчаков могут в последний период гражданской войны, опираясь на тяжелые массы Красной Армии, сыграть огромную роль, пролагая ей пути, ускоряя ее наступление, прикрывая ее фланги, угрожая неприятельскому тылу, поднимая в этом тылу восстания, являясь всюду и везде живым воплощением духа революции.

Такое партизанство мы ныне должны создать.

6 сентября 1919 г.
Орел.
«В пути», № 88.

Авантюристам, карьеристам, проходимцам входа нет!

Неудачи украинских армий — великий и тяжкий урок. Украинская революция победила, благодаря могучему напору масс. Но украинская армия создавалась слишком медленно. В строительстве ее не нашли применения (почему, — вопрос другой) начала правильной организации и твердой дисциплины.

Теперь, после жестокого урока украинского разгрома, работу приходится начинать почти сначала. Нужно принять поэтому меры к тому, чтобы не повторять старых ошибок. Первым же делом нужно расчистить почву от негодных элементов.

После октябрьского переворота не мало проходимцев (поручиков Шнеуров, корнетов Покровских и проч., и проч.) пыталось примазаться к новому строю. Особенно много их было в бедной людьми провинции. После первых месяцев советского режима началась энергичная чистка. Проходимцы, карьеристы, авантюристы вытеснялись из центров, пробирались, переползали в провинцию, сперва в крупные губернские города, оттуда в уезды или подальше в прифронтовую полосу. Как только раздвигались рамки Советской Республики, все вытесненные Советской властью искатели приключений или прямые преступники, разыскиваемые соответственными властями, бросались на вновь занятую территорию, чтобы там поискать счастья, повластвовать, покуражиться — до тех пор, пока первоначальный хаос не сменится и в новой области более твердым советским порядком.

Особенно много авантюристов и политических негодяев сосредоточилось на Украине, где политические режимы сменялись с чрезвычайной быстротой и каждый из этих режимов оставлял после себя кучу искателей приключений. Как только Украина была очищена от скоропадчины, петлюровщины и англо-французской оккупации, в щели советского аппарата стали забираться тысячи темных и полутемных субъектов, которым нельзя доверить ломаного гроша, не то что государственного строительства. При развитии деникинских успехов эти субъекты первые покидали свои посты, эвакуировались с имуществом в глубокий тыл и стали принюхиваться к новым возможностям по части быстрой и ослепительной карьеры.

К этому моменту войска восточного фронта очистили Урал и значительную полосу Западной Сибири. Однако на этот раз приняты были

меры предосторожности: Советская власть установила на Урале строгий кордон. Над прохожими и проезжими путями поставлены шлагбаумы, а над ними надпись: «Темным искателям приключений доступа нет».

Среди этой братии не мало таких, которые облыжно называли себя коммунистами и даже запаслись партийными билетами. Чрезвычайные комиссии должны, конечно, беспощадно вылавливать шантажистов, которым удалось на Украине временно замаскироваться коммунистами, — с такими расправа должна быть вдвойне сурова.

Есть опасность, что сунувшиеся на Урал и в Сибирь дельцы, найдя сибирские ворота закрытыми, попытаются снова вернуться на Украину и принять участие в работе по возрождению армий украинского фронта. Против этого должны быть приняты самые энергичные и решительные меры. Работники, присланные из центра, вместе с лучшими, наиболее ответственными работниками Украины должны начать с самой беспощадной чистки всех эшелонов, эвакуированных учреждений и частей. В ближайшем приукраинском тылу наряду с серьезными, ответственными работниками, ищущими приложения своим силам, сосредоточилось великое множество профессиональных бездельников и паразитов, которые снова норовят присосаться к советской и, в особенности, военной работе на Украине. Военные Трибуналы рука об руку с Особыми Отделами должны очистить ближайший тыл. Для этого, разумеется, нужно произвести чистку в самих Особых Отделах, оставив там лишь людей безусловно испытанных и беззаветно преданных делу революции.

Временно утерянную Украину мы вернем. На этот раз мы ее вернем организованной военной силой и обеспечим в ней рабоче-крестьянскую власть незыблемо. Но приступая к изгнанию деникинских бандитов и громил, мы сразу должны принять меры к тому, чтобы в хвосте победоносных войск на Украину не проникли мародеры и мелкие плуты. Над входом в Украину, которую нам нужно освободить, мы укрепим ясную и отчетливую надпись: «Авантюристам, карьеристам, проходимцам входа нет!»

8 сентября 1919 г.
Брянск.
«В пути», № 90.

Пролетарий, на коня!

Главная беда Красных Армий в недостатке конницы. Война наша имеет маневренный характер, требует наивысшей подвижности. Это отводит коннице большую роль. Нашу слабость в этом отношении мы ощущали и раньше: у Каледина, у Краснова, у Дутова всегда был перевес в коннице. Теперь разрушительный налет Мамонтова остро поставил вопрос о создании многочисленных красных кавалерийских частей.

Недостаток у нас конницы имеет не случайный характер. Родиной старой русской кавалерии являются степи с их казачеством. Революция же пролетариата родилась в больших промышленных центрах. У нас нет недостатка в пулеметчиках, в артиллеристах. Но мы испытываем большую нужду во всадниках. Отдаленные от центров степи явились очагами контрреволюции. Из Донской области, из Урала выходили Каледины, Красновы и Дутовы. На Дону и Кубани нашел свою важнейшую опору Деникин. Что касается не казачьих кавалерийских частей, то они были искони достоянием привилегированного и титулованного офицерства. В кавалерии всегда царил наиболее реакционный дух. Последними на сторону октябрьской революции перешли старые кавалерийские полки. И сейчас больше всего измен и предательств мы наблюдаем со стороны старых кадровых кавалеристов.

С чисто-военной точки зрения кавалерия основательно считалась наиболее отсталым родом оружия. Ее строй, приемы боя мало подвергались изменению в течение веков; казацкая лава осталась такою же, какой была в XVI и XVII веках...

В последней империалистской войне кавалерия в тех или других случаях могла оказывать значительные услуги, но, в общем, ее роль оставалась третьестепенной. Ныне в условиях гражданской войны мы наблюдаем всевозрастающее значение кавалерии. Она становится могущественным орудием маневренной войны, совершает прорывы, глубокие обходы, врезывается в далекий тыл.

Возрождение кавалерии в гражданской войне не случайно. Рейд Мамонтова был бы невозможен, если бы в нашем тылу он не нашел опорных пунктов, сообщников, агентов, сочувствующих, осведомителей и проч. С другой стороны, нет никакого сомнения в том, что за спиной деникинского фронта наша кавалерия встретила бы несравненно больше друзей, чем кавалерия Мамонтова — за спиной наших южных войск.

Помимо прямого сочувствия и содействия глубокий рейд облегчается уже тем, что совершается он в своей стране, где люди и нравы всем участникам рейда близко знакомы, где говорят на одном с ними родном языке. Словом, это — условия не международной, а гражданской войны. Самый консервативный и в значительной мере отмирающий род оружия как бы внезапно ожил и стал важнейшим средством обороны и нападения в руках самых консервативных и отмирающих классов. Это оружие мы должны вырвать из их рук и сделать своим. Рабочая революция должна создать могущественную красную конницу.

Возможно ли это? Необходимо, — стало быть, возможно.

Создание Красной Армии в целом было несравненно более трудной задачей. Однако же рабочий класс разрешил ее. Тем менее у него оснований останавливаться перед трудностями в деле создания своей собственной кавалерии.

Легче всего устранить недостаток людского и конского вооружения и снаряжения. Златоуст дает нам необходимое количество сабель. У нас есть полная возможность построить достаточное количество седел. Нужно только, чтобы за это дружно взялись на местах, где есть подходящие условия, не дожидаясь инициативы центра.

Труднее с лошадьми. Но и этот вопрос может быть вполне успешно разрешен. На востоке наши армии углубляются в богатые лошадьми степные пространства. Каждый наш шаг вперед на южном фронте будет снова открывать перед нами широкие возможности закупки лошадей. Наконец, и в самой Великороссии источники далеко не исчерпаны.

Необходимо только, чтобы создание кавалерии стало задачей трудящихся масс. Необходимо, чтобы пролетариат понял важность для дела революции этого нового шага вперед. Нужно, чтобы коммунист стал кавалеристом. Исполкомы — губернские, уездные, районные, волостные — должны открыть состязание в деле создания хотя бы немногочисленных отрядов конницы местными силами и из местных средств. Эти отряды смогут затем быть сведены в более крупные соединения [63].

Советской Республике необходима конница. Красные кавалеристы — вперед! На коня, пролетарий!

11 сентября 1919 г.
Тула—Ряжск.
«В пути», № 93.

Местное советское ополчение.

Глубокий прорыв мамонтовской конницы вызвал необходимость из-под земли доставать местные войска. Можно сказать, что советский наш аппарат обнаружил и на этот раз достаточную гибкость и способность к сосредоточенной работе над неожиданным заданием: во многих местах— узловых станциях, уездных городах, тем более в губернских — создались буквально «из ничего», группы, отряды, причем не только пешие, но и конные. Если в течение первых дней мамонтовский отряд продвигался совершенно беспрепятственно, то после захвата им с налета Тамбова он уже на каждом шагу наталкивался на сопротивление.

Нужно однако сказать, что сопротивление это не отличается еще надлежащей стойкостью. Местное советское ополчение, порожденное для отпора налетчикам, еще далеко не стоит на высоте своей задачи.

Отряды ревкомов слишком заражены местным духом.

Местная ограниченность выражается прежде всего в том, что начальники этих отрядов не ищут с необходимой энергией связи направо, налево и в глубину и крайне неряшливо относятся к обязанности донесений. Это чрезвычайно затрудняет объединение сил и руководства. Начальник каждого отряда, специально сформированного для борьбы с мамонтовской конницей, должен смотреть на свой отряд не с точки зрения защиты своего узла, или поселения, а с точки зрения общей задачи окружения и истребления мамонтовской конницы. Каждый отряд есть только звено в общей цепи. Поэтому на первом месте — связь и правильные точные донесения.

Привязанность к месту выражается также и в отсутствии надлежащей инициативы. Уездный отряд терпеливо дожидается, когда белая конница навалится на уезд, чтобы дать ей на месте отпор. Это никуда не годится. Мелкие советские отряды должны поставить себе задачей не давать неприятельской коннице проходу, преследовать ее, настигать врасплох, причинять ей всяческий вред. Если советский отряд мал, он, конечно, не может ставить своей задачей столкновение с крупными колоннами врага, но у него всегда есть возможность истреблять разъезды, нападать на тылы, на обоз, на отставших, захватить пленных, разогнать, захватить или истребить — смотря по обстановке — отдыхающих лошадей и проч., и проч. Относительно таких отдельных предприятий советские отряды должны, не дожидаясь указаний сверху, сами проявить надлежащую инициативу.

Выжидательная тактика недопустима еще и потому, что угашает дух, вместо того, чтобы закалять его. Свеже сформированный отряд, который пассивно дожидается неприятельского налета на границах своего уезда или на подступах своего города, в большинстве случаев оказывается мало боеспособным при действительном столкновении с конницей врага. Продолжительное, бездеятельное ожидание неприятеля расстраивает людей, порождает вялость и даже склонность к панике. Как только отряд сформирован — ему нужно дать задачу. До правильного подчинения отряда ближайшему командованию участка задачу должен ставить самостоятельно начальник отряда. Первая задача должна быть разведывательная: войти в связь с неприятелем, захватить несколько человек в плен и проч. После первого же удачного налета отряд преобразится: он сразу почувствует прилив веры в себя уже по тому одному, что на деле увидит, насколько мамонтовские кавалеристы пугливы, ибо чувствуют себя со всех сторон окруженными врагом.

Нужно во что бы то ни стало преодолеть неподвижность и вялость отрядов советского ополчения. Для этого в их состав должны входить лучшие, наиболее боевые местные работники. Лучших лошадей, лучшие автомобили и вообще транспортные средства — советским отрядам!

Побольше веры в себя, поменьше пассивной выжидательной оглядки по сторонам, побольше инициативы, побольше примеров отваги, находчивости, дерзания! — тогда местное советское ополчение скоро приобретет необходимый боевой характер, и каждый отряд станет одухотворенным звеном одной общей цепи. Этой цепью мы задушим Мамонтова.

11 сентября 1919 г.
Тула.
«В пути», № 93.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красным войскам, наступающим в направлении Грязи—Воронеж от 12 сентября 1919 г., № 149, гор. Тамбов.

Главные удачи Мамонтова объяснялись до сих пор крайней медленностью наступления наших войск. В результате захват городов, расстрел рабочих, разрушение станций и прочее. Каждый выигранный нами час спасает тысячи рабочих жизней, миллионы народного достояния.

Призываю командиров, комиссаров, красноармейцев напрячь все усилия. Где — на колесах, где — верхом, где — пешком, — вперед, без остановки! Быстротой наступления измерит Советская республика заслугу отдельных частей, командиров и комиссаров. Каждому будет воздано по заслугам. Не давать Мамонтовским громилам покоя, бить их по затылку, отрезать обозы, разрушать их тылы.

На выручку Воронежу! Вперед!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по N-ской армии
от 12 сентября 1919 г., № 150, Ртищево.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, командах, батареях.

Бывший казачий полковник Миронов одно время сражался в красных войсках против Краснова. Миронов руководился личной карьерой, стремясь стать Донским атаманом. Когда казачьему полковнику Миронову стало ясно, что Красная Армия сражается не ради его, Миронова, честолюбия, а во имя интересов крестьянской и казачьей бедноты, Миронов поднял знамя восстания. Вступив в сношения с Мамонтовым и Деникиным, Миронов сбил с толку несколько сот казаков и пытается прорваться с ними в ряды N дивизии, чтобы внести туда смуту и предать рабочие и крестьянские полки в руки контр-революционных врагов.

Как изменник и предатель, Миронов объявлен вне закона. Каждый честный гражданин, которому Миронов попадется на пути, обязан пристрелить его, как бешеную собаку.

Смерть предателю!

Да здравствует союз рабочих, крестьян и трудовых казаков!

Да здравствуют честные воины N дивизии! [64]

Полковник Миронов.

Постыдно и жалко заканчивается карьера бывшего полковника Миронова. Он считал себя и многие другие почитали за его большого «революционера». Миронов вел борьбу против Краснова и примкнул со своими первыми партизанскими отрядами к красным советским войскам. Что явилось причиной временного присоединения Миронова к революции?

Теперь это совершенно ясно: личное честолюбие, карьеризм, стремление подняться вверх на спине трудящихся масс.

Революция имеет своей задачей установить полное и прочное господство трудящихся. Представителем и вождем эксплоататоров на Дону был генерал Краснов, как теперь Деникин. Поэтому борьба советских войск направлялась против Краснова. Цель этой борьбы состояла в том, чтобы поднять на ноги казацкую бедноту, самые придавленные низы, организовать их, сплотить, при их помощи подавить казацкое дворянство и кулачество и создать возможность новой, более справедливой, более счастливой жизни на Дону.

Миронов ничего этого не понимал и не прочувствовал. Он считал, что если разбить Краснова да посадить на Дону наказным атаманом его бывшего полковника Миронова, то этим все вопросы будут разрешены. Народную революцию он понимал, как смену лиц на верхушке, т. е. видел в восстании и борьбе трудящихся лишь средство для собственной политической карьеры. Когда он стал замечать, что победа советских войск ведет не к его власти, а к власти местной бедноты, он стал возмущаться, ожесточаться. Чем дальше, тем больше стал он агитировать против Советской власти Да и как же иначе? Ведь это власть трудовых советов, а не казацкого полковника Миронова!

При продвижении красных войск на Дон были несомненно совершены в разных местах отдельными советскими представителями и худшими красноармейскими частями несправедливости и даже жестокости по отношению к местному казацкому населению. Эти ошибки вызваны были тем, что казачество слишком долго поддерживало проклятую белогвардейщину. Мыслящий и честный человек должен понять причины взаимного ожесточения и приложить все усилия к тому, чтобы вражду между красными войсками и местным казачеством смягчить, устранить вовсе, заменить взаимным пониманием, содружеством. Отдельные ошибки, ложные шаги представителей Советской власти устраняются ею самой, и централь-

ное правительство жестоко карает тех местных представителей, которые не понимают своих задач по отношению к трудовому народу.

Совсем иначе действовал Миронов. На промахах и ошибках отдельных местных работников Миронов решил нажить себе политический капиталец, создать себе популярность, рекламу, славу. В своих бестолковых воззваниях и речах, он стал изображать из себя защитника и покровителя казацкой массы, натравливая ее на подлинную Советскую власть. Он стал при этом пускать — за одно с Деникиным — подлый слух о том, будто Советская власть хочет истребить казачество. Борьбу против казацких генералов и кулаков, — за казаков бедняков и середняков, — Миронов стал лживо изображать, как борьбу против трудового казачества [66].

Людям серьезным, старым революционерам, которые десятки лет боролись против угнетателей, было ясно, что Миронов идет к гибели.

Немало за время революции всплывало на поверхность такого рода нежданных-негаданных радетелей трудового народа — революционеров на день. Со стороны отдельных ответственных товарищей делались попытки вразумить Миронова, удержать его на краю пропасти: «если представители Советской власти на Дону делали ошибки», — так говорили ему, — «то будем эти ошибки общими силами исправлять, будем по возможности сразу привлекать представителей казацких низов к советскому управлению... Трудовая революция — трудное и тяжкое дело, без больших ошибок тут не обойтись, но, в конце концов, только Советская власть выведет народ, и в том числе трудовое казачество, на широкую дорогу».

Однако, эти речи были Миронову не по душе. Все его возражения сводились к одному: «Сделайте меня Донским наказным атаманом, и все будет хорошо». Но, конечно, на такой шаг Советская власть согласиться не могла: во-первых, потому что донским трудовым казакам не нужно наказного атамана, им нужна их собственная казацкая, крестьянская и рабочая Советская власть: а во-вторых — взбалмошному, бестолковому крикуну и болтуну Миронову вообще никакой власти давать нельзя.

Убедившись окончательно, что в атаманы ему не пройти, Миронов решился на отчаянный шаг: подобно украинскому атаману Григорьеву, на него похожему, как родной брат, Миронов поднял знамя восстания против Советской власти. Конец Григорьева известен. Обманутые им войска были после первых столкновений рассеяны, разбиты, разбежались или перешли в ряды красных армий. Сам Григорьев был убит. Совершенно очевидно, что такой же жалкий, постыдный конец ожидает Миронова, только еще скорее. Григорьеву удалось все же на время увлечь за собой несколько тысяч обманутых темных крестьян под руководством кулаков. Миронов же с самого начала увел за собой лишь несколько жалких сотен приверженцев Как все прогоревшие авантюристы, Миронов распускает слухи о своей силе, о том, что за ним 7000 сабель и прочее. На деле же за ним нет и 700.

Восстав против Советской власти, украинский атаман Григорьев через неделю вступил в сношения с Деникиным, ища у него защиты и поддержки.

Миронов, как известно, клятвенно уверяет, что Деникин ему не друг, а враг. Но какой же глупец станет верить клятвам изменника Миронова? Деникин говорит себе: «Миронов восстал против Советской власти, стало-быть, Миронов мне, Деникину, помощник». Миронов говорит себе: «Деникин воюет против ненавистной мне Советской власти, стало-быть Деникин мне защитник и опора». Рука руку моет: Деникин не мешает Миронову, Миронов помогает Деникину. Нет никакого сомнения, что между ними уже натягиваются тайные связи, темные посредники переходят из Деникинского лагеря в Мироновский и обратно, за спиной одураченных Мироновым казаков.

Что же будет далее? Предсказать не трудно. Миронов сунется в одно место, в другое, попытается внести смуту в 23-ю дивизию, которой он раньше командовал. Никто за ним не пойдет. Кулаки не пойдут, потому что у них есть свой вождь, более надежный, более сильный — Деникин. Трудовые казаки не пойдут, потому что им нужен не наказной атаман Миронов, а власть трудовых казацких депутатов.

Авантюра Миронова лопнет, как мыльный пузырь, причинив, однако, не малый вред делу трудящихся масс. В могилу Миронова история вобьет осиновый кол, как заслуженный памятник презренному авантюристу и жалкому изменнику.

13 сентября 1919 г.
Балашов.
«В пути», № 94.

Урок Мироновщины.

Преступная и глупая авантюра Миронова прикончена. Главный виновник ее пойман со всеми своими помощниками и обманутыми последователями. Поимка произошла без единого выстрела, не было ни убитых, ни раненых — ни с той, ни с другой стороны. Уже один этот факт является лучшим свидетельством того, как шатко и неуверенно чувствовали себя мятежники. Если Миронов поднимал борьбу, стремясь стать наказным донским атаманом, то большинство его сотрудников не знало толком, куда идет и во имя чего. Поэтому в критический момент у них не нашлось сил даже для сопротивления. Они сдались целиком при первом столкновении с красной советской конницей. Спешенные и обезоруженные они отправлены в распоряжение революционного военного трибунала.

Замечательно однако следующее: как только мироновцы были захвачены, они немедленно же предложили командиру нашего конного корпуса взять их на службу к себе. Эти люди поднимали восстание против Советской власти, выступили в поход против Красной Армии, имели с ней отдельные стычки, разоружили отдельные группы красноармейцев, а затем, как ни в чем не бывало, стали проситься на службу в Красную Армию, — как будто мало-мало пошалили, а затем хотят вернуться на работу.

Что это значит?

Значит то, что **среди казачества борозда между красными и белыми все еще не прошла достаточно глубоко.** В то время, как казаки-капиталисты и кулаки прекрасно понимают свой классовый интерес и поддерживают всякую буржуазную власть (Краснова, немецкого кайзера, Скоропадского, Деникина, англо-французских империалистов), трудовое казачество еще слишком слабо понимает свои интересы и слишком легко дает себя обмануть разным авантюристам и проходимцам, выставляющим обще-казаческие лозунги.

Таких обще-казаческих лозунгов, без лжи и обмана, нет. Казачество распадается на враждебные классы. Есть казацкая беднота, пролетарская и полупролетарская часть казачества, которая сейчас уже всей душой своей тянет к нам. Есть верхи казаческие, непримиримо враждебные пролетариату и Советской власти. И есть широкий промежуточный слой казаков-середняков, в политическом отношении еще очень отсталых.

Вот их-то и обманывают грабители Красновы и Деникины и авантюристы Мироновы. Казак среднего сельского достатка наблюдает ожесто-

ченную борьбу белых и красных и не знает, куда примкнуть. Он примыкает обыкновенно к тому, кто ему кажется в данный момент посильнее. Приходят красные — он с ними, а когда белые временно вытесняют красных — середняк не сопротивляется и белым.

Миронов отражает путаность и переметчивость отсталого казака-середняка. Пока наши войска победоносно наступали на юг, Миронов вел свою дивизию в общих рядах. Когда же наш фронт пошатнулся, поддался, и Деникин отбросил нас на сотни верст назад, Миронов перешел в оппозицию и дошел на этом пути до открытого мятежа.

Но Миронов не только **отражает** неустойчивость середняка, нет, Миронов сознательно и злостно **эксплоатирует** его темноту, стремясь при его помощи создать свою карьеру. Когда красные войска очищали Дон, Миронов надеялся при их помощи взять в свои руки власть над казачеством. Когда же Деникин временно забрал силу — Миронов стал подлаживаться Деникину, явно готовясь продать ему трудовое казачество за атаманский пост. При этом Миронов неизменно играл на **обще-казачьих** лозунгах и настроениях.

В своих прокламациях и речах Миронов утверждал, будто Советская власть затеяла «истребление казачества». Миронов тут попросту валил в одну кучу казака-помещика, кулака, середняка и бедняка. **Истребление** Советская власть несет донской буржуазии и казацкому кулачеству. Казаку-бедняку и середняку, который идет рука об руку с Советской властью, она несет свободу и избавление.

В своей попытке обмануть казачество обще-казачьими лозунгами и словами Миронов жестоко обжегся: он был пойман и разоружен красными казаками. Казачьи полки 23-й дивизии, которою он раньше командовал, с негодованием и презрением отвернулись от авантюриста и предателя.

Тем не менее, как сказано выше, соратники Миронова обнаружили готовность из белого отряда перейти в красный, как перед тем из красного перешли в белый. Разумеется, им в этом было отказано на-отрез. Они все предаются трибуналу. Задачей последнего является показать всем колеблющимся казакам, чтобы борьба красных и белых, рабочих и эксплоататоров, тружеников и угнетателей, есть борьба не на жизнь, а на смерть. В этой борьбе Советская власть никому не позволит шутить шутки и заводить авантюры.

В то же время, проникая все глубже в Донскую область, Красная Армия и Советская власть сразу примут все необходимые меры, чтобы заставить трудового казака понять, что он должен **раз навсегда сделать выбор между красными и белыми**.

Ложь, будто Советская власть собирается насилием гнать казачество в царство коммуны. Коммунизм будет насаждаться только словом убеждения и примером. Но чего Советская власть не позволит трудовым казакам, это — перебегать из лагеря в лагерь и наносить в трудную минуту

Красной Армии предательские удары в спину. Ведя истребительный поход против донской контр-революции, мы словом и делом свяжем бедного и среднего казака с Красной Армией и рабоче-крестьянской властью, ибо только в этом — спасение трудового Дона.

16 сентября 1919 г.
Поворино — Балашов.
«В пути», № 95.

Руководящие начала ближайшей политики на Дону.

Заметки из архива.

1. Мы разъясняем казачеству словом и показываем делом, что наша политика не есть политика мести за прошлое. Мы ничего не забываем, но за прошлое не мстим. Дальнейшие взаимоотношения определяются поведением различных групп самого казачества.

2. Критерием в наших отношениях к различным слоям и группам донского казачества в ближайший период будет не столько классовая оценка разных слоев (кулаков, середняков, бедняков), сколько отношение различных групп самого казачества к продвигающейся Красной Армии. Мы возьмем под свое решительное покровительство и вооруженную защиту те элементы казачества, которые пойдут нам навстречу. Мы дадим возможность оглядеться и разобраться тем слоям и группам казачества, которые настроены выжидательно, не спуская в то же время с них глаз. Мы будем беспощадно истреблять все те элементы, которые будут прямо или косвенно оказывать поддержку врагам или чинить затруднения Красной Армии. Эти критерии, чисто практические, очень ясны, очень просты, их смысл и их справедливость понятны будут каждому красноармейцу, в том числе красноармейцу-казаку, а равно и местному казачеству и не-казаческому населению.

3. Мы строжайше следим за тем, чтобы продвигающаяся вперед Красная Армия не производила грабежей, насилий и пр. Твердо помня, что в обстановке Донской области каждое бесчинство красных войск превращается в крупный политический факт и создает величайшие затруднения. В то же время мы требуем от населения всего, что необходимо Красной Армии, забираем организационным путем через опродкомы и заботимся о своевременной и точной уплате.

4. Социальные группировки у казачества очень бесформенны. Тем не менее можно в общем и целом предвидеть, что охарактеризованные по их отношению к Красной Армии группы в самых грубых чертах совпадут с казацкой беднотой, середняками и кулаками. Хотя донской, тем более кубанский, середняк богаче тверского и новгородского кулака, тем не менее классовые антагонизмы, хотя и при других имущественных пропорциях, развивают свое действие и на Дону. Нашей поддержке бедноты и части середняков необходимо сразу придать демонстративный политический характер, оказывая помощь тем, которые пострадали от белых.

5. Столь же демонстративный характер нужно придавать расправе над теми элементами, которые проникнут на Дон при его очищении и попадутся в каких либо злоупотреблениях против казачества.

6. Ясное и настойчивое проведение в агитации и на практике той мысли, что мы не принсволиваем к коммуне.

7. При создании временных органов местной власти принимать все меры к тому, чтобы привлечены были представители оставшегося на месте, а следовательно нам не враждебного населения. В то же время безусловно необходимо в каждом исполкоме иметь хотя бы одного иногороднего коммуниста, который гораздо бдительнее ко всяким контр-революционным местным настроениям и проявлениям.

8. Тщательная организация советской связи и разведки.

16 сентября 1919 г.

План операций на Южном фронте.

Заметки из секретного архива.

Априорно выработанный план операций на Южном фронте оказался безусловно ложным. Неудачи на Южном фронте объясняются в первую голову ложностью основного плана.

1 .В основе плана лежало отожествление Деникинской белогвардейской опасности с Донским и Кубанским казачеством. Это отожествление имело больший или меньший смысл, пока центром Деникина был Екатеринодар, а пределом его успехов — восточная граница Донецкого бассейна. Чем дальше, тем больше отожествление становилось неверным. Задачи Деникина — наступательные, задачи Донского и Кубанского казачества — оборонительные в пределах их областей. С продвижением Деникина в Донецкий район и на Украину элементарные соображения подсказывали необходимость отрезать его выдвинувшиеся на запад силы от их первоначальной базы — от казачества. Удар на Харьков — Таганрог или Харьков — Бердянск представлял собою наиболее короткое направление по территории, населенной не казачеством, а рабочими и крестьянами, и обещал наибольший успех с наименьшей затратой сил.

2. Казачество в значительной своей части оставалось бы враждебным нам, и ликвидация специально казаческой контр-революции на Дону и Кубани оставалась бы самостоятельной задачей. При всей своей трудности, это — местная задача, и мы могли бы и имели бы полную возможность разрешить ее во вторую очередь.

Дон, как база, истощен. Большое число казаков погибло в непрерывных боях. Что касается Кубани, то она в оппозиции к Деникину. Нашим прямым наступлением на Кубань мы сближаем кубанцев с деникинцами. Удар на Харьков — Таганрог, который отрезал бы деникинские украинские войска от Кубани, дал бы временную опору кубанским самостийникам, создал бы временное замирение Кубани в ожидании развязки нашей борьбы с деникинцами на Донце и на Украине.

3. Прямое наступление по линии наибольшего сопротивления оказалось, как и было предсказано, целиком на руку Деникину. Казачество Вешенской, Мигулинской, Казанской станиц поголовно мобилизовалось, поклялось не сдаваться. Таким образом, самым направлением нашего движения мы доставили Деникину значительное количество бойцов.

4. Для поверки оперативного плана не лишне посмотреть на его результаты. Южный фронт получил такие силы, какие никогда не имел ни один из фронтов: к моменту наступления на Южном фронте имелось не менее 180.000 штыков и сабель, соответственное количество орудий и пулеметов. В результате полуторамесячных боев мы имеем жалкое топтание на месте в восточной половине Южного фронта и тяжкое отступление, гибель частей, расстройство организации в западной половине. Другими словами, наше положение на Южном фронте сейчас хуже, чем было в тот момент, когда командование приступало к выполнению своего априорного плана. Было бы ребячеством закрывать на это глаза [66].

5. Попытки свалить ответственность на состояние армий Южного фронта, организацию аппарата и пр. являются в корне несостоятельными. Армии Южного фронта ни в каком отношении не хуже армий Восточного фронта. 8-я армия вполне равняется 5-й. Более слабая 13-я армия во всяком случае ниже 4-й. 9-я армия стоит примерно на том же уровне, что 3-я. В значительной мере эти армии строились одними и теми же работниками, и для всякого, кто наблюдал эти армии в периоды их удач, как и неудач, чрезвычайной фальшью звучат речи о каких-то организационных и боевых различиях Южного и Восточного фронтов.

6. Верно лишь то, что Деникин несравненно более серьезный враг, чем Колчак. Дивизии, перебрасывавшиеся с Восточного фронта на Южный, отнюдь не оказывались выше дивизий Южного фронта. Это относится целиком к командному составу. Наоборот, в первый период дивизии Восточного фронта оказываются по общему правилу слабее, пока не приобретают сноровки в новых условиях против нового врага.

7. Но если враг на юге сильнее, то и мы были несравненно сильнее, чем были когда либо на каком либо из фронтов. Поэтому причины неудачи необходимо искать целиком в оперативном плане. Мы пошли по линии наибольшего сопротивления, т. е. части средней устойчивости направили по местности, населенной сплошь казачеством, которое не наступает, а обороняет свои станицы и очаги. Атмосфера «народной донской» войны оказывает расслабляющее влияние на наши части. В этих условиях деникинские танки, умелое маневрирование и пр. оказываются в его руках колоссальным преимуществом.

8. В той области, где меньшие силы с нашей стороны могли дать несравненно большие результаты на Донце и на Украине, мы предоставили Деникину полную свободу действий и, таким образом, дали ему возможность приобрести колоссальный резервуар новых формирований.

9. Все разговоры о том, что Деникин на Украине ничего не сформирует, являются пустяками. Если на Украине мало политически воспитанных пролетариев, что затрудняло наши формирования, то на Украине очень много офицеров, помещичьих буржуазных сынков и озверелого кулачья. Таким образом, в то время, как мы напирали грудью на Дон, уве-

личивая казачеcкий барьер перед собой, Деникин почти без помех занимается на всей территории новыми, особенно кавалерийскими, формированиями.

10. Ошибочность плана сейчас настолько очевидна, что возникает вопрос: как вообще этот план мог возникнуть?

Возникновение его имеет историческое объяснение. Когда Колчак угрожал Волге, главная опасность состояла в соединении Деникина с Колчаком. В письме к Колчаку Деникин назначал свидание в Саратове. Отсюда задача, выдвинутая его старым командованием, создать на Царицынско-Саратовском плесе крепкий кулак.

Восточный фронт считал невозможным в этот период передавать свои части. Тогдашнее главнокомандование обвиняло Восточный фронт в задержке. Последнее напирало на то, что проволочка не будет слишком долгой и опасной, ибо части будут поданы непосредственно на левый приволжский фланг Южного фронта.

Отголоском этих старых планов плюс второстепенные соображения об экономии времени на переброску частей с Восточного фронта привели к созданию особой группы Шорина. Все остальные соображения (о решающем ударе по Донской, Кубанской базе и пр.) были притянуты за волосы уже пост-фактум, когда несообразность априорного плана стала обнаруживаться все резче.

11. Теперь, чтобы скрасить действительные результаты, выдвинута новая гипотеза: если бы главные силы не были сосредоточены на Царицынско-Новочеркасском направлении, то Деникин был бы в Саратове, и Сызранский мост был бы взорван. Все эти воображаемые страхи должны служить нам компенсацией за реальную опасность, угрожающую Орлу и Туле, после потери нами Курска. При этом игнорируется, что Донскому казачеству было бы так же трудно наступать на Саратов, как нам сейчас на Новочеркасск.

Сентябрь 1919 г.

Тульская сталь.

Великая борьба близится к развязке. Вражеская армия дает высшее напряжение своих сил. Растянув свои мускулы и жилы, она протягивает в предсмертной судороге свою руку к жемчужине советской республики — Туле.

Там выковывается для рабоче-крестьянской армии булатная сталь. Тула — великая оружейная мастерская революции. Оттуда идут к нам винтовка, штык, пулемет, патрон и сабля.

Бессильный справиться с тяжелыми массами Красной Армии, которая все могущественнее нажимает на Дон, Деникин поставил себе цель — пробраться глубоко в тыл нашим войскам, нагрянуть на Тулу, разрушить заводы, уничтожить великую кузницу Красной Армии.

Правда, Тула теперь у нас не одна. Освобожден Урал. Могучие заводы Ижевска, Воткинска, Перми, Екатеринбурга, Златоуста, не покладая рук, куют оружие для наших бойцов. Заводы эти ширятся и растут. Но за Тулой все еще остается первое место. Советская власть не может поэтому допустить, чтобы Туле был нанесен хотя бы временный ущерб.

Вся местность между Москвой и Южным фронтом превращена в укрепленный район. Каждый город, каждый узел в этом районе — фронт революции. Каждый рабочий, каждый сознательный крестьянин — защитник и боец этого укрепленного района. От села к селу, от волости к уезду, от уезда к губернии протягивается сеть непрерывной боевой связи, и в центре этой сети стоит Тула, как вылитая из стали скала революции.

Молодому тульскому гарнизону поставлена высокая задача: охранять подступы к великой мастерской, где тысячи красных кузнецов куют для красных фронтов раскаленную сталь. Вдвойне почетно сейчас звание красного солдата тульского гарнизона!

Для пролития русской рабочей и крестьянской крови Деникин получил винтовку и патрон из арсеналов английского и французского капитала. Золото и оружие чужеземного империализма помогают русским помещикам и капиталистам терзать, разрушать, разорять нашу страну. Но не видать им победы! В последней схватке мы тверды и непоколебимы, как в первый день борьбы. Близок день, когда оружие насильников разобьется вдребезги о тульскую сталь!

6 октября 1919 г.
Москва—Тула.
«В пути», № 96.

Приветствие Реввоенсовету Южного фронта

по поводу разгрома конных корпусов белых под Воронежом.

Весть о блестящей победе над Мамонтовым и Шкуро вызывает могучий радостный отголосок на всех фронтах. Под Петроградом, где 7-ая армия начала бить Юденича, ваши победы вызовут новый прилив энергии. На взятие Воронежа 7-ая армия ответит взятием Красного Села, Гатчины, Ямбурга и Гдова. Ко второй годовщине Советская Республика перед всем миром обнаруживает свою непобедимость. Обнимаю Буденного и героев его непобедимого корпуса. Приветствую командующего и членов Реввоенсовета Южного фронта [67].

«В пути», 26 октября 1919 г., № 102.

Великая победа.

Буденный разбил Мамонтова и Шкуру.

Кто такой Буденный? Это верный воин Рабоче-Крестьянской России, бывший кавалерийский унтер-офицер, ныне командующий красным конным корпусом на южном фронте. Корпус Буденного слагался постепенно, в непрестанных боях: сперва с Красновым, потом с Деникиным. В корпусе не мало красных казаков, донских, кубанских. Не мало также крестьян и рабочих. Корпус Буденного — первое крупное кавалерийское соединение Красной Армии. Первое, но не последнее. Другим корпусом на том же южном фронте командует герой Думенко, при котором Буденный в течение нескольких месяцев был помощником.

Командиры дивизий, бригад и полков, входящих в состав корпуса Буденного, в большинстве своем заслуженные герои. Многие из них, как и сам Буденный, отличены орденом Красного Знамени. «Прикажите итти на Мамонтова», ходатайствовал Буденный во время Мамонтовского налета на Тамбов-Козлов. Застигнуть Мамонтова на лету пехотным частям не удалось. Буденный был отправлен в догонку. В конце концов он нагнал Мамонтова и приковал к себе, а заодно с ним, и пресловутого Шкуру. В течение нескольких дней Буденный, как приготовившийся к прыжку лев, стоял выжидательно между обоими генеральскими корпусами. Прыжок последовал, — гибельный для Шкуры и Мамонтова прыжок!

Вся сила деникинской контр-революции — в коннице. Основу белогвардейской конницы составляли два корпуса: Мамонтова и Шкуры. Если мы на юге терпели поражения, временами очень тяжкие, то потому, что не могли противопоставить врагу равносильной конницы. Кавалерию труднее всего создать, и поэтому создается она медленно. Но вот теперь, под Воронежем, Красная Армия блестяще сдала свой кавалерийский экзамен. Красный конный корпус Буденного разбил белые корпуса Мамонтова и Шкуры.

Борьба на юге еще далеко не закончилась. Но врагу нанесен удар, от которого он уже не оправится.

До второй годовщины со дня возникновения Советской Республики остается еще почти две недели. За это время события на юге пойдут своим ходом; за победами под Орлом и Воронежем последует ряд других. Нет сомнения, что и на северо-западном петроградском фронте ближайшие две недели принесут окончательную развязку. VII армия не отстанет от победоносных войск юга и ко второй Советской годовщине добьет банды Юденича [66].

25 октября 1919 г. Петроград.

«В пути», № 102.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красным войскам, вступающим в пределы Украины,

от 30 ноября 1919 г., № 174. гор. Москва.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Товарищи солдаты, командиры, комиссары!

Вы вступаете в пределы Украины [69]. Разбивая деникинские банды, вы очищаете от насильников братскую страну.

Украина — это земля украинских рабочих и трудовых крестьян. Только они имеют право хозяйничать на Украине, править ею и строить на ней новую жизнь.

Нанося беспощадные удары деникинцам, вы должны в то же время с братским вниманием и любовью относиться к трудящимся массам Украины.

Горе тому, кто вооруженной рукой причинит насилие труженикам украинского города или села! Пусть рабочие и крестьяне Украины чувствуют себя уверенно под защитой ваших штыков.

Помните твердо: ваша задача — не покорение Украины, а освобождение ее. Когда деникинские банды будут разбиты в конец, тогда трудовое население освобожденной Украины само решит, как ему жить с Советской Россией. Мы все верим и знаем, что трудовой украинский народ выскажется за самый тесный братский союз с нами.

Выполняйте же ваш долг, красные солдаты, командиры, комиссары.

Смерть насильникам и угнетателям — деникинцам, помещикам, капиталистам и кулакам!

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует свободная независимая Советская Украина!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора о мерах преодоления партизанства от 11 декабря 1919 г., № 180, гор. Москва.

Армии Южфронта все больше входят в область украинского партизанства. Практическая политика в отношении партизанства и добровольчества получает огромное значение: от нее зависит не только наша победа над Деникиным, но и вся дальнейшая судьба советского режима на Украине. Необходимо немедленно же принять ряд мер, которые исключали бы возможность повторения тех явлений, которые погубили советскую Украину в прошлый раз.

1) Необходимо, прежде всего, обезопасить красные полки, продвигающиеся по Украине, от заражения партизанством и махновщиной. С этой целью:

а) вести широкую устную и печатную агитацию, выясняющую преимущества правильной армии над повстанческими отрядами, использовав примеры прошлого для выяснения предательской роли махновцев и махновщины.

б) Очищать вступающие в Украину части от недисциплинированных и склонных к партизанству комиссаров, командиров и членов коммунистических ячеек.

в) Принимать все необходимые меры к тому, чтобы красноармейцы украинского происхождения не имели возможности уходить из частей в свои села, тем более с оружием.

г) Поднять вообще дисциплину в частях, ведя суровую борьбу со всеми проявлениями бандитизма и произвола.

2) Категорически воспретить командирам и комиссарам действующих частей принимать непосредственно в состав последних добровольцев, одиночками или группами. Все добровольцы должны отправляться в тыл и включаться в состав запасных частей армии или фронта. За нарушение этого приказа комиссары и командиры должны привлекаться к суровой ответственности.

3) Особому Отделу совместно с Политотделом выслать вперед, в район действия повстанцев, значительное число своих агентов из надежных, преданных и тактичных работников. Этим товарищам войти в состав партизанских отрядов для того, чтобы изнутри ознакомиться всесторонне с характером каждого отряда и взаимоотношением в нем разных групп и лиц.

Этим агентам, со всей необходимой осторожностью, вести в партизанском отряде агитацию, поясняющую преимущества регулярных частей над отрядами.

4) Принять за твердое правило, что партизанский отряд перестает быть боевой частью после того, как он оказывается по сю сторону линии неприятельского фронта и входит в непосредственное соприкосновение с нашими частями. С этого момента он становится только материалом для переработки, с каковою целью отводится в наш тыл и передается Управлению формирований (негодные элементы изгоняются, командный состав обновляется, вводится необходимое число коммунистов, обучение производится с необходимой энергией).

Отдельным, наиболее боевым отрядам может быть предоставляемо право снова проникнуть в тыл противника.

Ни в коем случае партизанским отрядам, как таковым, не может предоставлено право сражаться в рядах Красной Армии.

5) Отношение наших командиров и комиссаров к партизанским отрядам должно сочетать в себе непреклонную твердость с величайшим тактом.

а) Для полного подчинения себе отрядов необходимо опираться на заранее посланных в состав отрядов агентов (пункт 3), а также на лучшие элементы, которые этими агентами будут вокруг себя объединены.

б) С момента нашего соприкосновения с отрядом, агитация за подчинение его регулярной системе должна сразу принять широкий характер.

в) Никакого снабжения до полного подчинения нашему командованию партизанский отряд не должен получать.

г) Наиболее заслуженные и дисциплинированные партизаны могут и должны быть награждаемы боевыми подарками, а также и орденом Красного Знамени.

д) Негодные элементы должны исключаться из части, переводиться в штрафные роты, в тыловое ополчение, или передаваться в руки военных трибуналов.

6) В том случае, когда пришедший с нами в соприкосновение партизанский отряд отказывается подчиниться порядку, проявляет разнузданность и своеволие, грабит местное население или пытается поднять смуту в регулярных частях, этот отряд должен быть подвергнут беспощадной каре. Наше ответственное командование должно в таком случае строго и точно рассчитать удар. Причины расправы должны быть ясны и понятны каждому крестьянину, рабочему и красноармейцу. Соответственный приказ разъяснительного характера должен быть заранее своевременно отпечатан в соответственном количестве экземпляров. Для учинения расправы должны быть назначены вполне и безусловно надежные части. Разоружение, следствие и расправа должны совершиться в кратчайший срок, по возможности не дольше 24 часов. Самой строгой каре подвергать командный состав и кулацкие верхи отряда.

7) В виду того, что партизанские отряды на Украине легко возникают и исчезают, растворяясь в массе вооруженных крестьянского населения,

основным условием успеха борьбы с партизанством является безусловное и поголовное разоружение деревенского населения. Эта работа, имеющая огромное значение, должна проводиться со строгой планомерностью. Каждая армия обязуется в районе своих действий обезоружить население при помощи всех средств, какие имеются в ее распоряжении (агитация, агентурная разведка, оплата сдаваемого оружия деньгами и натурой, повальные обыски, штрафы деньгами и натурой, круговая порука, система заложников, расстрел виновников и проч., и проч.).

Разграничительные линии между дивизиями, бригадами и проч. разграничивают, вместе с тем, и область, подлежащую обезоружению. При Реввоенсоветах армии и штабах дивизии, бригад и полков создать особые комиссии или поставить отдельных уполномоченных по руководству всеми мерами, направленными на разоружения местного населения. В распоряжение этих уполномоченных предоставить особенно надежные команды (комендантские, отряды заградительные, особого назначения и пр.), доведя их численность до размеров, соответствующих общей обстановке.

Реввоенсоветам фронта и армий вменяется в обязанность на указанные в настоящем приказе задачи обратить сугубое внимание.

Командиры и комиссары отдельных частей, руководясь заботой о наиболее быстром пополнении своих рядов, нередко склонны нарушать запреты, подобные настоящему. В то же время, толкаемые законным боевым самолюбием вперед, они слишком часто не принимают необходимых мер по обеспечению своего тыла. Наблюдение за фактическим и неуклонным проведением указанных здесь мер возлагается поэтому целиком на высшие органы фронтового и армейского управления. Руководясь соответственными указаниями правительства, Реввоенсовет Республики приказывает занимать территорию лишь в тех случаях и в тех пределах, когда имеется достаточная сила для того, чтобы очистить эту территорию от всех проявлений анархии и бандитизма и обеспечить на ней твердую Советскую власть и правильную военную организацию.

Весь командный и комиссарский состав фронта должен проникнуться пониманием того, что только выполнением настоящего приказа могут быть обеспечены высшие интересы советской республики и что поэтому нарушение указанных здесь директив, как тягчайшее государственное преступление, будет караться по законам военного времени.

Настоящий приказ, относящийся в первую голову к армиям, вступающим в Украину, распространяется и на другие фронты, где партизанство в тылу отступающего врага получило широкое развитие (юго-восточный фронт, Туркестанский фронт, Восточный фронт).

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ.

Наступление Колчака.

(Март — апрель 1919 г.)

Коммунистам на восточном фронте.

Неудачи, какие постигли нас на восточном фронте, не заключают в себе ничего катастрофического. Нет никакого сомнения, что в самый короткий срок восточный фронт возродится, подтянется и перейдет снова в победоносное наступление. Тем не менее потери, какие мы понесли, не могут быть названы незначительными. Достаточно напомнить о сдаче Перми и Уфы [70]. Силы врага значительны, но они не так велики, чтобы объяснить наши неудачи и отступление наших армий на значительной части фронта. Несомненно, имеются внутренние причины наших неудач. А так как главные причины наших успехов заложены в энергии, сплоченности, дисциплинированности, самоотверженности коммунистов, то здесь же, в работе коммунистов нужно искать одну из причин постигших нас неудач.

В некоторых учреждениях восточного фронта сосредоточились коммунисты, которые одну из своих важнейших задач видели в критике и осуждении военной системы, в вынесении по этому поводу резолюций, вынесении постановлений о ненужности знака отличия, вынесении протестов против уставов внутренней службы и проч., и проч. Это вело в свою очередь к конфликтам с теми коммунистами, которые добросовестно руководили политикой партии. Конфликты вели в свою очередь к ослаблению внутренней связи, дисциплины, самым пагубным образом отражались на всей работе, а, стало-быть, и на боеспособности армии.

Необходимо со всей решительностью напомнить сейчас всем без исключения членам партии, работающим на фронте, что они отправлены сюда не для критики военной системы, а для ее единодушного проведения в условиях боевой обстановки. Член Революционного Военного Совета фронта или армии, комиссар дивизии, бригады или полка, работник политического отдела или член ротной коммунистической ячейки — они все делегируются партией для выполнения определенной политики и для наблюдения за ее выполнением со стороны всех других. Кто этой политики не разделяет, тот не имеет права выступать от имени партии, злоупотреблять ее именем и авторитетом, ибо для партии и для Советской Республики в конце концов безразлично, кто подрывает внутреннюю связь армии, ее единство и нравственный авторитет — левый с.-р. или недисциплинированный коммунист, который злоупотребляет своим ответственным постом для цели, прямо противоположной той, на имя которой он послан на фронт.

Все органы и учреждения Военного Ведомства, все партийные ячейки на фронте представляют собой не дискуссионные клубы, а боевые органы, созданные для практической цели и обязанные к этой цели итти путями, указанными решением партии. Кто не умеет подчинить свое личное несогласие необходимости единодушия, кто пускается в резонерство, критику, брюзжание, тот тем самым нарушает и военную дисциплину и дисциплину партии.

Политический отдел армии есть контрольно-воспитательный орган Революционного Военного Совета армии. Никаких самостоятельных задач, никаких самостоятельных методов, кроме тех, какие поставлены и предписаны Революционным Военным Советом политическому отделу, быть не может. Политический отдел безусловно подчиняется Революционному Военному Совету. Издание армии является печатным органом соответственного Революционного Военного Совета. Эти издания никоим образом не могут превращаться в свободную трибуну для критики и обсуждению установленных методов строительства армии. Каждый солдат Красной Армии должен в своем издании находить твердую руководящую линию, которая укрепляет его в уверенности, что Советская власть делает все от нее зависящее для наиболее целесообразного использования красных частей в интересах рабочего класса. Тем более недопустимо дискредитировать в военной печати учреждения и лица, на которых возложена Советской властью та или другая ответственная задача.

Необходимо начать с основы и строго проверить во всех частях состав коммунистических ячеек и полковых комиссаров. На них держится боеспособность части, и соответственная часть сохраняет свою боеспособность лишь при том условии, если партийный коллектив не вырождается в маленький политический клуб, куда приходят со своим брюзжанием и своим недовольством, а остается сплоченным боевым авангардом части, подающим пример строжайшей и безусловной дисциплины всем остальным солдатам.

Нужно напомнить товарищам комиссарам, что они прямо и непосредственно отвечают наряду с командирами за безопасность своей части. За последнее время на восточном фронте было не мало случаев, беспримерных и даже постыдных отступлений полков. Какие меры предпринимались во всех этих случаях комиссарами, где была, что делала коммунистическая ячейка? После каждого такого отступления должен быть тщательно проверен комиссаром дивизии или политическим отделом армии личный состав ячейки, поведение каждого из ее членов, в отдельности, в критический момент.

Число коммунистов в штабах и в политических отделах армии нужно свести к минимуму, направив наиболее энергичных, опытных и самоотверженных работников непосредственно в действующие части. Нужно поднять на большую высоту звание комиссара полка, направив на эти посты лучших работников — коммунистов.

Вместо того, чтобы заниматься судачением и болтовней относительно знаков ордена Красного Знамени, нужно создать такое настроение, чтобы каждый солдат-коммунист считал для себя делом революционной чести заслужить в бою орден Красного знамени, как выражение своих революционных заслуг перед рабочим классом.

Огромное количество времени уходит на обсуждение всяких приказов и мероприятий. Между тем на войне экономия времени является необходимейшим условием успеха. Необходимо совершенно упразднить бесцельные, раздражающие, разлагающие дискуссии. Коммунисты должны на собственном примере показать, что приказ есть приказ и подлежит безусловному и немедленному исполнению.

Ни одно нарушение долга и дисциплины, особенно, если оно совершается коммунистом, не должно оставаться безнаказанным. Необходимо возродить на фронте то высокое нравственное напряжение, которое характеризовало всех работников-коммунистов восточного фронта в период очищения Волги от белых. Если с того времени в рядах коммунистов накопились элементы усталости, они должны быть устранены и удалены. Кто, занимая ответственный пост, чувствуя себя неспособным действовать со всей той твердостью, какие вызываются положением Советской Республики, тот пусть об этом открыто заявит, вместо того, чтобы давать своей усталости и дряблости выражение в бесплодной разлагающей критике.

Партия на своем съезде проверила возражения, указания и критику. Своим решением она закрепила те методы, какие ею же были положены в основу строительства Красной Армии. Эти методы дали нам уже большие победы в прошлом. Они обеспечат полную победу над бандами Колчака, если каждый из нас, коммунистов, на своем посту недопустит никаких колебаний и уклонений.

Обращаясь с этим письмом к товарищам коммунистам, я прошу их оказать революционному Военному Совету Восточного фронта единодушную героическую поддержку в деле восстановления боеспособности Восточного фронта.

24 марта 1919 г.
«В пути», № 27.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 2-й армии

от 26 марта 1919 г, № 87, гор. Сарапуль.

Солдаты, командиры, комиссары!

Сейчас белогвардейские полки нового самодержца Колчака поставили себе задачу разбить вашу армию и открыть себе дорогу на Казань.

Этим самым на вашу армию возлагается великая и почетная задача: дать врагу трудовой России, наемнику американских капиталистов беспощадный отпор. Ваша армия имеет уже в прошлом великие заслуги перед Советской Республикой. Не сомневаюсь, что и на этот раз каждый из вас и все вы вместе окажетесь на высоте. Вся Рабочая и Крестьянская Россия с надеждой и уверенностью глядит на вас.

2-я армия, тесней ряды!

Смерть и гибель буржуазным и помещичьим бандам!

Смерть и гибель Колчаковскому самодержавию!

Смерть и гибель чужестранным империалистам!

Да здравствует красная II армия!

Да здравствует Рабочая и Крестьянская Россия!

Восточный фронт.

Речь на объединенном заседании Самарского Губисполкома, Комитета РКП и представителей профсоюзов 6 апреля 1919 г.

Товарищи, наше международное и внутреннее положение снова подошло к критическому моменту. Чего-чего, а критических моментов, трудностей, опасностей и неожиданностей в развитии нашей революции было немало. Развитие это идет не по прямой восходящей и не по кривой равномерной линии, а зигзагами, волнистой линией, но все выше и выше. Так вообще только и может развиваться революция, которая является столкновением враждебных сил, а в борьбе враждебных сил, если они могущественны, неизбежно бывают уклоны в ту или другую сторону, подъемы, понижения, наступления и отступления. Но только одна из них является прогрессивной, ведущей человечество вперед, это сила рабочего класса, которая через все эти отступления, и наступления, общие подъемы и общие успехи, должна, чем дальше, тем яснее и несомненнее, обнаруживаться. Это мы видим в развитии нашей рабочей и крестьянской революции и революции международной.

Товарищи, мы начали в октябре с бурного подъема и почти без сопротивления смели господство помещиков и буржуазии, но уже в тот период, более опытным представителям рабочего класса было ясно, что октябрьская победа не есть последняя победа, что буржуазия и имущие классы вообще не сдадут без боя своих наследственных позиций, привилегий, барышей, что они приведут в движение все—и небо и преисподнюю и свои международные связи и свое искусство лжи, травли и военную силу, поскольку они ею располагают, силу обольщения, силу подкупа—одним словом, все те средства, какие выработали имущие классы в течение столетий и тысячелетий своего господства,—и это подтвердилось.

Уже в январе и феврале наше положение стало критическим. Мы оказались между молотом германского империализма и наковальней империализма англо-французов и американцев. Тогда молот казался более угрожающим, и нам пришлось пойти на вынужденное соглашение с австро-германским империализмом путем заключения ужасающего, до того периода еще не бывалого в истории по своей жестокости, брест-литовского мира; после брест-литовский мир был превзойден теми условиями, какие Англия и Франция, эти великие демократии—освободительницы народов, навязали истощенной и ослабленной Германии. Многие из вас, товарищи, помнят,

вероятно, объективное положение страны и те настроения, какие господствовали тогда в рабочем классе, в эти проклятые месяцы после подписания брест-литовского мира и до начала наших побед на восточном фронте.

С запада мы находились в железных тисках германского империализма. Эти железные тиски изнутри поддерживались русской буржуазией и всеми ее слугами, и в то же время эти слуги и лакеи пользовались фактом германских железных тисков, чтобы травить нас и говорить: «А, смотрите, Советская власть сдала Россию германскому империализму». И в то же самое время по призыву и приглашению русской буржуазии и услужающих ей партий на северо-востоке поднималась новая опасность — чехословацкая. Непосредственная опасность угрожала Поволжью, а после захвата Архангельска и вообще северному побережью.

Товарищи, я не думаю, чтобы великий народ был когда-либо в таком ужасающем положении, в каком находились мы в марте, апреле, мае, июне, июле, августе прошлого года. Казалось, последние счеты наши с историей подведены и подписаны, с одной стороны германским империализмом, а, с другой империализмом англо-французским и японо-американским. Торжествовавшим врагам нашим казалось, что революционная Россия представляет собой политический труп, который пойдет в виде удобрения на ниву чужой культуры, чужой цивилизации, что самостоятельное будущее у русского революционного народа не будет. Буржуазия и те партии, которые ее поддерживали, —и этого мы никогда не должны забывать, и об этом мы всегда должны напоминать им,—они ведь тогда только то и делали, что приглашали иностранных варягов володеть и княжить нами. Они обращались по разным адресам, к Германии, Англии, Японии, Америке, в зависимости от того, какой адресат был ближе. Украинская буржуазия и те оскорбленные русские буржуа, которые бежали на Украину, обратились к немцам и австрийцам. Наша северная поморская буржуазия и кулачество искали приюта в Англии, на востоке они братались с чехословаками, которые, как мы знаем, были только боевым отрядом французской биржи.

И несмотря на то, что русская буржуазия в этот критический ответственный момент раскололась на несколько частей, т. е. продавала русский народ разным государствам, свое внутреннее единство она сохраняла. В этот период она показала трудящимся массам русского народа, что патриотизм и интересы отечества представляют собой не что иное, как маску, которая прикрывает выгоды барышей и привилегированного положения, и что каждый Колчак, Милюков, Деникин, Скоропадский готовы трижды — что я говорю трижды? — десятикратно, стократно — предать и перепродать Россию, только бы сохранить одну десятую часть своих старых привилегий и барышей.

Это была великая школа для русских трудящихся масс, великая школа. И второй такой школой был затем здесь на востоке опыт с Кол-

чаком. Поскольку октябрьская революция явилась неожиданной и идейно неподготовленной для русского крестьянства, особенно в восточной полосе, где оно более зажиточно, менее голодает, и потому менее чутко к коммунистической пропаганде, поскольку октябрьская революция явилась идейно неподготовленной для крестьянства восточной полосы,—постольку в его среде долго находил отклик лозунг и идея так наз. учредительного собрания. Крестьянство в массе своей—это его несчастье—беспомощно. Оно раздроблено, оно живет, не как рабочие, которые сосредоточены на фабриках, на заводах в городах, ближе к университетам, школам, ближе к образованию, ближе к газетам, ближе к театру. Как ни обездолены были рабочие при капиталистическом строе, они все же ближе соприкасались с источниками культуры, цивилизации, просвещения. Крестьянство было разбросано в полумиллионе сел и деревень, раскинуто на огромном пространстве старой царской России. В каждом селе сотни, в лучшем случае, тысячи жителей без связи друг с другом, идейно беспомощные. Эта крестьянская масса с трудом находит выражение своих стремлений, своих потребностей. Она мечется из стороны в сторону и не находит для себя ясной программы. Это не вина крестьянства, это беда его прошлой тяжкой судьбы. Его обманывала монархия, попы всех религий, бюрократы всех стран, его обманывала буржуазия либерализмом, идеями демократии. И крестьянство подвергалось время от времени внутренним толчкам, ужасающим революционным взрывам, поджигало помещичьи имения, а потом снова уставало и покорно сдавалось имущим классам. История человечества знает эти страшные взрывы крестьянского негодования и возмущения и, вместе с тем, крестьянской беспомощности. Имущим классам более образованным, всегда в конце концов удавалось надеть узду на поднявшееся на дыбы крестьянство.

Вот эта опасность была в революции и у нас. Если этого не случилось, так только потому, что впервые во всей мировой истории во главе воставшего крестьянства оказались не городские имущие классы, а неимущий класс пролетариев. Рабочий класс стал во главе крестьянства, чтобы вывести его из нищеты, и язык его возмущения и страдания перевести на язык революционных идей, революционных лозунгов—не для того, чтобы обманывать крестьянство, а для того, чтобы в первый раз в истории встряхнуть его и освободить от голода, от старых обманов. Но, товарищи, этот поворот исторический, поворот идейный был слишком катастрофичен для крестьянских масс, и не мудрено, если они, выброшенные из царского варварства и дворянского гнета, из поповской тюрьмы, выброшенные сразу на дорогу пролетарской социалистической революции, не всегда умели различать друзей и врагов; а затем, товарищи, чего стоит сам по себе этот тяжкий процесс, особенно в истощенной стране, в стране, которая пережила четырехлетнюю войну и сейчас выдерживает натиск мирового империализма. Революция есть родовые муки нового общественного строя. Младенец, рождаясь, причиняет орга-

низму матери тяжкие муки, а здесь рождается новый строй из старого, и, разумеется, весь организм страны потрясен ужасающими родовыми муками, которые ощущаются крестьянством и рабочим классом во всей стране.

Но рабочий класс отдает себе отчет в том, что это переходный период, что за этим переходным периодом последует настоящее нормальное развитие нового общества, которое и возместит все трудности, все тяготы, все болезни этого переходного периода. Крестьянину это понять несравненно труднее, он много сильнее ощущает трудности и бедствия переходного периода, когда новые раны налагаются на старые раны, старые язвы и еще усугубляют их боль, подобно тому, как в тот момент, когда вы снимаете с каторжника въевшиеся в его руки и ноги цепи, ему больнее, чем когда он спокойно лежит, прикованный к стене. В этот период его старые раны и язвы казались особенно невыносимыми, а тут к нему явились правые с. р. и меньшевики и поведали ему, что имеется особый способ безболезненно разрешить все вопросы через учредительное собрание, путем мирного всеобщего голосования. Соберутся все в одном здании, которое называется парламентом, будет председатель, который называется Черновым, будут партии, будут голосовать, будут урны, куда будут опускать записки, — как опустят, так и выйдет: отдавать или не-отдавать землю крестьянину, быть ли хозяином в стране рабочему или капиталисту. Все выйдет по записке, честь-честью, без кровопролития.

Рабочий знает, что такие коренные вопросы не разрешаются голосованием, поднятием и опусканием рук и другой парламентской гимнастикой, что имущие классы не отдадут без боя своих позиций, а взять их можно лишь силой, грудь против груди, сталь против стали, кровь против крови. Рабочий это знает, крестьянина же сбивали с толку.

Но вот тут в Самаре, на всем Поволжьи история произвела гигантский опыт по просветлению сознания самых отсталых масс. Здесь заседала учредилка, т. е. Колчак, дутовцы и та промежуточная группа интеллигенции, которая путается между помещиками и крестьянами, крестьянами и рабочими. И вот эта-то промежуточная, никчемная, межеумочная эс-эровско-меньшевистская группа и является носительницей идеи учредительного собрания. Колчак знает, что дело — в материальной силе. Деникин тоже знает, и мы это знаем. Они же думают, что дело в чарах Чернова, Авксеньтева и других величин парламентарной демократии. Здесь история произвела опыт. Они оторвались от нас, свое учредительное собрание оторвали от рабочего класса и крестьянской бедноты, и шли в обозе в качестве нестроевой команды в армии у Колчака, в армии у Дутова, и составляли там отряд, который был посредником между черносотенцами и белогвардейцами, — белое и черное здесь одно и то же — с одной стороны, и между трудовыми массами, с другой. Лозунгами учредительного собрания, идей демократии они помогли Колчаку создать армию. Колчак — авантюрист, бывший царский адмирал, который искал помощи у немцев, перешел на

американскую службу, ездил в Нью-Иорк, получил свои серебренники и прибыл сюда. Это — чистый тип авантюриста без вчерашнего и — не будем сомневаться!—без завтрашнего дня. Этот авантюрист не имел бы успеха, если бы вокруг него не было создано декораций учредительного собрания. А когда эти декорации помогли ему создать армию, тогда он сказал Чернову и Авксентьеву: «раб сделал свое дело — пошел вон». Это было реально.

И выполнивши свою работу учредиловские рабы разбежались в разные стороны. Авксентьев отправился во Францию и Англию выпрашивать помощи у европейского империализма против нас. Чернов со своими единомышленниками, со всем президиумом священнейшего учредительного собрания постучался в ворота нашего советского дома и просил нас пустить его, ибо ему невтерпеж стало дольше в той атмосфере, которую создало учредительное собрание [71].

И это большой урок, товарищ, для самых отсталых и темных масс. Лучшего урока, более яркого урока, хотя и оплаченного дорогой ценой, нельзя было желать и требовать. Теперь, постучитесь к русскому крестьянину, у которого мозги сколько-нибудь шевелятся в голове, и спросите его: «ну, что же учредительное собрание, пойдешь под его знаменем?» Что должен ответить крестьянин, который сколь-нибудь следил за жизнью страны. Он должен ответить: «я видал это знамя в Самаре, я видал его в Екатеринбурге, в Уфе, я видел, как это знамя пошло Колчаку на портянки».

Итак, самые авторитетные носители этого знамени, господа с.-р., искали потом приюта — где? Да, там, где революция сохранилась, потому что рабочий класс там не обольщался формальными внешними идеями демократии, а сказал, что защита революции это организованный вооруженный рабочий класс, который берет в свои руки власть, у каждой двери ставит своего вооруженного часового и говорит: «в этот дом насильникам и прохвостам хода нет».

Таким образом, товарищи, со стороны внутреннего развития у нас были подъемы и понижения, наступления и отступления, но в общем и целом история великолепно работала за нас, разрушая все старые предрассудки. И результат этой работы мы видели как раз во время последних крестьянских восстаний, которые происходили внутри страны, которые поднимались прямыми агентами Колчака, поддерживались кулаками, но вовлекали в свой водоворот в некоторых местах значительные группы среднего крестьянства,—вследствие того, что крестьянство чувствует, что трудно жить, но не всегда разбирается, где правильный выход.

Но во время восстания, какой же лозунг выставляли, выдвигали его участники? Если в начале первой февральской революции, они еще выдвигали лозунг за царя, то дальше они этот лозунг скинули со счетов. Они узнали, что с ним подходить к сколько-нибудь широкой массе нельзя, и переняли у с.-р. лозунг учредительного собрания. Ведь, за учредилку был тогда Краснов, Деникин, — все, кто только мечтал о восстановлении поме-

щичьей самодержавной власти; являясь перед лицом народа, они надевали на себя маску учредительного собрания. Эта маска израсходована Колчаком. От нее не осталось живого пятна. И вот почему во время последних восстаний, здесь в тылу восточного фронта, контр-революционные агитаторы выдвигали уже лозунги: не «да здравствует учредительное собрание», а «да здравствует Советская власть», но «долой партию коммунистов», «долой инородцев» и т. д. Но лозунга «долой Советская власть» они выбросить не посмели, и,—у меня есть довольно много и печатных и рукописных воззваний, распространявшихся белогвардейцами в Симбирской и Казанской губерниях, — они везде подделывали наши лозунги и наши организации. У них появляется свой штаб, в котором есть и военный комиссар и военный руководитель, честь-честью, как полагается по декретам Советской власти. Стало быть глубоко в сознание, в нервы и в кожу крестьянских масс проникли идеи Советской власти, если обмануть крестьянина, поднять его на восстание можно не иначе, как выступая со знаменем Советской власти в руках...

Мы должны вывести этот урок из последних восстаний. Я по этому поводу докладывал на-днях в московском совете и вспоминал там о том, как 50 лет назад, или около этого, когда наши русские революционеры представляли собой еще ничтожную и слабую кучку, а крестьянство было насквозь пропитано религиозными и монархическими предрассудками,— возникло известное чигиринское дело, во главе которого стоял покойный товарищ Стефанович, — тогда еще неопытный юноша, сделавший очень рискованный шаг. Эта группа революционеров обратилась к крестьянству с поддельной грамотой от имени царя, — грамота называлась золотой и имела большую золотую печать [72]. Что это означало? Это означало крайнюю слабость революционеров и большую силу монархических предрассудков в крестьянских массах. Этот шаг был осужден всеми революционерами, потому что, как бы революционеры ни были слабы, они никогда не имеют права подделываться под ложные взгляды народных масс. В чем сила революционной партии? Да в том, что мы просветляем и просвещаем сознание трудящихся масс. Революционная партия никогда — ни в минуту удачи, ни в минуту неудачи, ни в часы силы, ни в часы бессилья, слабости не имеет права, никогда и ни в чем, лгать и обманывать трудовые массы.

Вот почему революционная партия, как я сказал, осудила эту авантюру группы слабых революционеров. Но, товарищи, если 50 лет тому назад мы имели ложный шаг молодой и слабой революционной партии, то теперь мы видим перед собой последнюю азартную ставку издыхающей контр-революции. У нее нет идейной почвы под ногами. Она вынуждена становиться на нашу почву.

Вот почему левые с.-р., которые считают себя не учредиловской, а советской партией, теперь образуют прикрытие для контр-революции. Как в предшествующий период это было с правыми с.-р., которые давали Колчаку на подержание, на прокат знамя учредительного собрания, так

теперь левые с.-р. дают тем же самым колчаковским агитаторам и всем вообще контр-революционерам на подержание знамя мнимое, фальшивое, — поддельное знамя Советской власти.

Стало-быть, в этих восстаниях мы узнали свою величайшую идейную и организационную силу. Но вместе с тем, разумеется, восстания были и признаком нашей слабости. Ибо они вовлекли в свой водоворот, как я упомянул, не только кулаков, но и — не нужно себя обманывать на этот счет — известную часть среднего промежуточного крестьянства. Объясняется это общими причинами, которые мною были обрисованы — отсталостью самого крестьянства. Но не нужно, однако, все валить на отсталость, ибо Маркс когда-то сказал, что у крестьянина есть не только предрассудок, но и рассудок, и можно от предрассудка апеллировать, взывать к рассудку крестьянина, подводить его на опыте к новому строю, чтобы крестьяне чувствовали на деле, что они в лице рабочего класса, его партии, его советского аппарата, имеют руководителя, защитника; чтобы крестьянин понимал наши вынужденные реквизиции, принимал бы их, как неизбежность, которую мы применяем к восставшим крестьянам, так чтобы двойная, тройная тягота ложилась на кулака; что мы входим во внутреннюю жизнь деревни, разбираемся, кому легче, кому тяжелее, производим внутреннюю дифференциацию, расслоение, и ищем теснейшей дружеской связи с крестьянами-середняками. Это нам нужно по двум причинам.

Во-первых, потому, что рабочему классу России необходимо против его врагов внешних и внутренних до тех пор, пока в западной Европе не стал у власти рабочий класс, пока мы левым нашим флангом не имеем возможности опираться на пролетарскую диктатуру в Германии, во Франции и в других странах, — до тех пор правым нашим флангом мы вынуждены опираться в России на крестьянина-середняка. Но не только в этот период; нет, и после окончательной, неизбежной и исторически обусловленной победы рабочего класса во всей Европе перед нами в нашей стране останется важная огромная задача социализации нашего сельского хозяйства, превращения его из раздробленного, отсталого, мужицкого хозяйства в новое коллективное, артельное, коммунистическое. Каким образом этот величайший в мировой истории переход может быть совершен против желания крестьянина? — Никаким. Здесь нужны будут не меры насилия, не меры принуждения, а меры педагогические, меры воздействия, поддержки хорошим примером, поощрения, — вот методы, какими организованный и просвещенный рабочий класс разговаривает с крестьянами, с крестьянами-середняками.

И на Дону, товарищи, когда наши красные полки встречались с казаками, с казачьими низами, как освободители от власти Краснова, — там спрашивали наших комиссаров-коммунистов: «а как же будет дальше? Вы все теперь бросите в общий котел? А у нас все отнимете и передадите в коммуну?» Те комиссары, которые лучше понимали смысл коммунистической политики, отвечали им: «Нет, насилие мы применяем только по

отношению к капиталистам, эксплоататорам, помещикам и деревенским кулакам, эксплоатирующим чужой труд для наживы и спекуляции хлебом. Что касается середняка, в том числе и казака-середняка, то по отношению к ним мы будем применять методы идейного воздействия, т. е. мы будем поощрять создание коммунистического хозяйства. Этим хозяйствам государство будет приходить на помощь агрономическими знаниями, научной, денежной, технической помощью, а отдельные хозяйства пусть попробуют соперничать с этим коммунистическим, тогда казаки, сомневающиеся казаки, проникнутые чувством мелкого собственника, говорили, почесавши в затылке: «что ж, это не плохо. Мы посмотрим, если у вас коммуна пойдет хорошо, и мы перейдем на то же положенье».

Вот это единственно правильный метод пролетариата, стоящего у власти: видеть в крестьянине союзника и по этой линии направлять всю свою политику в деревне. Те восстания, которые были здесь в Поволжьи, дали нам предостережение и предостережение вдвойне грозное потому, что на западе еще пролетариат не у власти. Ошибки всегда плохи, но когда мы будем сильны победой пролетариата на западе, наши ошибки будут менее опасны, — сейчас же они опасны, тем более, что тут не только ошибки, но сплошь и рядом прямые преступления. Советская власть есть власть. Власть открывает для отдельных лиц возможность всяких привилегий, незаконной наживы и обогащения, барышей и насилья и к Советской власти неизбежно прилипли в разных местах элементы глубоко развращенные. Разумеется, есть много работников, которые при старом строе жили в известной среде и верили в старое, но увидали новое и перешли на нашу сторону, как честные люди, понявшие правду. А есть очень много таких, которые при старом строе были прожженными прохвостами, которые держались старой точки зрения, потому что было выгодно и которые при любом режиме готовы перекраситься в любую краску, молиться любому богу, — как в одной из старых драм сказано, что старый царедворец Эстерман сперва помолится русскому богу, потом турецкому, потом немецкому, а потом всех трех и — обманет.

Так вот, товарищи, и на верхах и на низах к Советской власти прилипли элементы, духовно глубоко чуждые коммунистической политике, чуждые духовно и нравственно трудящимся массам, — и, смотрите, кое-где в уездах, волостях они ведут себя по отношению к крестьянам так, как вели себя в старину исправники, пристава, урядники, стражники и земские начальники. Кое-где крестьяне буквально в неистовстве, в бессильном протесте берут в руки дубину, вилы и отправляются в своей идейной беспомощности взрывать рельсы, мосты, подбиваемые на это контр-революционными агитаторами. Так, мне показывали в Казанской губернии документы относительно Сенгилеевского уезда, где крестьяне подвергались невероятным заушениям со стороны кое-каких маленьких советских чиновников, именно чиновников, а не советских работников, которые обслуживают нужды крестьян, объясняют, разъясняют, против прямого врага при-

меняют, разумеется, открытое насилие, но к малосознательным крестьянам относятся, как к друзьям. Здесь же были старые царские приемы, старый гнет и насилье. И, когда я эти документы прочитал, я спросил, что же вы сделали с ними. Я сказал, что будь я в вашем трибунале, я бы созвал крестьян Сенгилеевского уезда, вызвал бы, с одной стороны, тех подлейших агентов Колчака, которые их подбивали к разрушению ж. д., а, с другой стороны, вот этих будто бы советских прохвостов, которые, пользуясь именем Советской власти, угнетали, крестьян и одним и тем же взводом красноармейцев расстрелял бы и тех и других.

Товарищи, отдадим себе ясный отчет в этом предостережении. Посмотрим и проверим наши советские ряды, очистим их от всех чужеродных элементов и заставим крестьян понять, что для него выход один — это переваливать вместе с рабочим классом через трудный перевал, у подошвы которого мы сейчас находимся. Ибо, если внутреннее положение наше трудно и в голодные месяцы весны, и лета будет еще труднее, а эта трудность будет использована всеми нашими врагами, то наше международное положение становится все лучше и лучше и открывает перед нами все более светлые и радужные перспективы.

Товарищи, я начал с описания брест-литовского мира, самой тяжелой и черной страницы в истории Советской власти. Вы все, вероятно, помните, как улюлюкали по нашему адресу все так наз. патриоты, которые говорили и о подкупе и о предательстве. Это были ужасные недели и месяцы, когда Советская власть обнаружила свое бессилье. У нас не было армии — старая армия рассыпалась, запрудила наш транспорт и разрушила хозяйство, а новой армии не было — и мы вынуждены были подводить итоги войны, в которой царская армия потерпела ужасающее поражение. Мы должны были платить по старым царским и милюковским векселям. Это обрушилось на нас.

И когда мы с вами тогда говорили: «подождите, будет и на нашей улице праздник. Германская революция разразится, германский кайзер не вечен», — как они издевались по нашему адресу, эти мудрецы, которые говорили: «вы кормите русский народ баснями. Улита едет, когда-то будет», и «пока солнце взойдет, роса очи выест». Они прямо говорили это. Хуже того, немецкие меньшевики и с.-р., Шейдеманы и Эберты в своих газетах за десять дней до германской революции писали: «большевики сознательно обманывают русский народ, рассказывая о революции в Германии, у нас революции не будет». За десять дней до германской революции они писали эти строки. Наши русские меньшевики их цитировали, писали об этом, ссылаясь на их мнение, на их суждение.

Товарищи, и здесь, как и в вопросе об учредительном собрании, работала на славу и предупредила все соглашения и все предсказания как шарлатанские, так и предсказания научного социализма. В Брест-Литовске мы были раздавлены, там против нас сидел барон Кюльман, граф Чернин, представители Гогенцоллернов и Габсбургов и, товарищи, нужно

было бы, чтобы вы все поглядели на них так близко, как я на них глядел... Впрочем, не пожелаю вам хоть на полчаса пережить то, что нам приходилось испытывать перед лицом этих дипломированных, патентованных, сиятельных дипломатических тупиц Гогенцоллерна и Габсбурга.

А они, товарищи, смотрели на нас так, как какая нибудь барыня глядит на заморское растение.

«Вот, мол, что довелось увидать на веку... Советская власть. Ну что же, надо поспешить на нее посмотреть, ибо предсказано точно, что погибнуть ей на той неделе в четверг».

И барон Кюльман, и граф Чернин — люди, конечно, высокой полировки; в официальных разговорах они только намекали, а в частных прямо говорили, что «подписывать мир будете вы, а выполнять его будут другие, — те, кто придет вам «на смену», т. е. те, кто почище, т. е. буржуазные солидные правители, а, может быть, и монархия, те же Романовы. Они были убеждены в этом и не сомневались. И когда этот наглый граф Мирбах, не тем будь помянут покойник, приходил ко мне в военный комиссариат, разумеется без всякого приглашения, — это происходило в мае месяце прошлого года, когда чехо-словаки восстали на востоке, а немцы наступали на юге, вся Украина была в их руках, Скоропадский уже сидел в седле и думал, что сидит твердо, — в это проклятое время граф Мирбах спрашивал с высоты своего величия: «что же, когда будете прощаться с Россией...».

По долгу вежливости я пытался уклониться и ответил в том смысле, что, знаете, мол, граф, в наше переменчивое и тревожное время устойчивых правительств вообще нет. На что он мне со всей наглостью прусского юнкера повторил: «Нет, я говорю о вашем правительстве». Тут позабыв всякий долг вежливости, я бросил: «не верьте, граф, что наше правительство покрепче кое-каких наследственных правительств».

И нужно было бы, товарищи, вам видеть физиономию графа Мирбаха. Это было как раз в тот день, когда в голодной Москве контр-революция во время крестного хода хотела вызвать столкновения на улицах: по Москве вдоль Кремля шли крестные ходы, а граф Мирбах, глядя в окно — разговор происходил в третьем этаже — повторял: «везде, везде покачивается».

И вот, когда я сказал, что наше правительство покрепче кое-каких наследственных, он взглянул на меня, как на сумасшедшего человека, забывшего все законы, божеские и человеческие.

Много ли времени прошло с того дня — ведь года не прошло, но что такое год в истории народов? — а где теперь граф Мирбах? Он, правда был убит, но где сейчас германский кайзер? — он сидит в Голландии, где-то взаперти и не смеет показаться к себе в страну. А барон Кюльман и граф Чернин, с которыми мы заседали там в Брест-Литовске? А германская монархия? — От нее не осталось и следа. Германская армия? Ее нет, она рассыпалась в прах. А германский рабочий класс? — Он борется за власть.

Австро-венгерская монархия разбита, раздроблена. Где австро-венгерский император Карл? Он где-то прячется. Граф Чернин? — где-то скрывается. А Советская власть существует и в Москве, и в Петрограде, и в Самаре, и везде она во сто раз прочнее, чем была год тому назад.

Нам угрожали тиски англо-французского империализма, и был момент, когда эти тиски, казалось, грозили нас смертельно зажать. После победы над Германией не было предела всемогуществу англичан и французов. Более того, сама германская буржуазия вместе с Гинденбургом охотно шла на службу к Франции и Англии для подавления большевиков. У меня есть свежие немецкие газеты, где прямо говорится в ряде передовых статей: «на западе, т. е. на границе между Германией и Францией, возвышаются стены из бетона и чугуна, крепости, — там возвышаются стены старой национальной ненависти между Францией и Германией. Но это все ничтожно по сравнению с той пропастью, какая отделяет нас на востоке. С Францией мы должны так или иначе притти к соглашению, но с большевиками, но с Советской властью — никогда. Это другой миропорядок, они отрицают — так прямо и сказано: — они отрицают всякие основы хозяйственной жизни и частную собственность» и — прибавим от себя: — порядок, на котором основан священнейший барыш. Борьба с Англией и Францией, старые крепости Бельфор, Верден, — все это ничтожно по сравнению с той ненавистью, которую мы внушаем объединенному европейскому капиталу. Таково признание германской буржуазии, придавленной, униженной, ограбленной, которая и сейчас, извиваясь под пятой французской и английской буржуазии, говорит: «а все же ты мне ближе, ты мне роднее, чем эта страшная советская коммунистическая республика». Вот чувство, какое они к нам питают в Германии, во Франции, в Англии, везде.

Правда, вы можете сказать, что, когда Англия и Франция предлагали поездку на Принцевы острова, Советская власть согласилась на такую поездку, и согласилась сейчас, как тогда в Брест-Литовске, потому, что мы готовы использовать всякую возможность для того, чтобы сократить наш фронт, завоевать перемирие, передышку, облегчить тяготы нашей Красной Армии и всего рабочего народа. Разумеется, мы поехали бы на Принцевы острова, как мы ездили в Брест-Литовск, не из симпатии, уважения и доверия к Клемансо, Ллойд-Джорджу и к этому старому заокеанскому ханже и лицемеру Вильсону, — нет, товарищи, на этот счет Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон, как раньше Гогенцоллерны и Габсбурги, не заблуждаются ни на один час, они знают, что мы к ним питаем те же самые чувства, какие они питают к нам. Мы связаны с ними внутренней ненавистью, внутренней смертельной враждой, и соглашение с ними диктуется только холодным расчетом и является по существу своему временным перемирием, после которого борьба неизбежно разразится с новой силой.

Раньше казалось, что нас задушат, потом нам предложили Принцевы острова, потом перестали об этом говорить. Почему? — Потому что Колчак, Деникин, Краснов и Маннергейм в Финляндии заявили империалистической

бирже: «дайте нам срок, дайте нам еще два-три весенних месяца: Советская власть будет задушена и вам не понадобится с ней договариваться на Принцевых островах». На это Ллойд-Джордж отвечал: «вы нам обещали это давно. Раньше всех обещал Милюков, потом Керенский, Скоропадский на Украине, потом Краснов, теперь Краснов бежал из Ростова, его сменил Богаевский, — вы все обещали. Колчак давно обещал Америке. Мы вам помощи войсками больше не дадим, у нас положение на севере и на юге становится все хуже и хуже». Тогда Колчак, Деникин и другие отвечали: — «мы просим, мы умоляем дат нам хоть небольшой срок, чтобы покончить с Советской властью. Не вступайте же с ней в переговоры, не укрепляйте ее положения. К весне мы подготовим широкое наступление».

И вот оно наступило — это весеннее наступление, его мы теперь переживаем. Союзники в течение всей зимы давали денег, снаряды. Они не давали живой силы, ибо боялись впутаться слишком глубоко в наши дела, увязнуть в нашей советской равнине, ибо на опыте Германии поняли, что к нам в Россию войска империалистов вступают под трехцветным знаменем империализма и насилия, а отсюда, из Советской России те же войска уходят под красным знаменем коммунизма.

Они согласны давать оружие, деньги, винтовки, серебренники, но уводят своих солдат.

Во Франции руководящая газета «Время» и в Англии газета того же имени «Таймс» открыто говорят о том, что из Одессы уводят французские войска потому, что после падения Николаева и Херсона положение десантной армии в Одессе стало слишком опасным. Так прямо и говорят об этом в европейской печати. У меня есть телеграмма, полученная сегодня или вчера, относительно положения союзнических войск на севере России, — не знаю, была ли она опубликована в печати: «Америка. Радио из Парижа для Канады. Невольное волнение, охватившее британские круги относительно серьезной опасности уничтожения, грозящей архангельской экспедиции, только подтвердило мнение американских военных, высказанное много месяцев тому назад. Прибавились новые яркие факты, а именно: бунт финских войск в Архангельске».

Американцы и англичане мобилизовали или вернее привлекли к себе финские полки, когда немцы занимали Финляндию, а англичане выступали, как финские освободители от германского империализма. Теперь американское радио из Парижа сообщает открыто о бунте финских солдат в составе англо-американской армии на нашем северном побережье: «Бунт финских войск, грозящий отрезать единственный путь наших солдат, а также концентрация большевиками боевых судов на Двине и Ваге доказывает их готовность к атаке. Люди из Канады составляют главную часть отряда в этом месте. Официальные лица признают, что нет ни малейшей надежды усилить их состав до большевистского нападения».

Лондонская Дейли-Мейль говорит в передовой статье: «ответственность за опасность лежит на союзниках. Они послали эту союзную армию

и отказались отозвать ее обратно. Это они сделали с полным сознанием и совершенно пренебрегли опасностью, угрожающей армии, несмотря на предостережения со стороны солдат и моряков. Взоры всего мира обратятся к ним, если они попадут в руки врагов, т. к. их судьба будет ужасна» и пр. и пр. Разумеется, это наглая ложь. Если они попадут к нам в руки, мы поступим с ними так, как поступили с теми сотнями, а теперь вероятно уже тысячами французов, англичан и американцев, которые взяты нами в плен на Украине и на севере. Мы их посадили за школьную скамью и дали им преподавателей, французов, англичан-коммунистов, и они оказывают превосходные успехи.

Недавно в английском парламенте буржуазный депутат запрашивал морского министра, правда ли, что некий англичанин Прайс вел преступную большевистскую агитацию на Мурманском побережьи, и верно ли, что там было восстание английского батальона и что его пришлось убрать. И английский морской министр вынужден был подтвердить, что да, этот Прайс был раньше корреспондентом газеты «Манчестер Гардиан», английской демократической газеты, у нас в советской школе стал коммунистом, отправился из Москвы на север и вел там агитацию с огромным успехом, что там было восстание больше, чем одного батальона, и что эти войска пришлось увезти к себе. А в Одессе французским генералом были расстреляны два французских товарища за агитацию среди войск. Недаром этот французский генерал сослался на слишком суровый климат и поторопился увезти свои войска на родину.

Я мог бы привести цитату из той же немецкой газеты, которая говорит: «Красная Армия сильна, но она сильна не столько оружием, сколько словесной пропагандой. Большевики — говорит газета — это не простая политическая партия, которая в настоящее время господствует в русском государстве, — нет, это мировые революционеры, которые принцип государственного интернационализма проводят практически и практически же отрицают положения хозяйственной жизни и понятия частной собственности.

И дальше: — «против внушительной массы Красной Армии» — говорит она — «мы не сможем сопротивляться нашими гинденбурговскими добровольческими отрядами и защищать границу, потому что в ее распоряжении имеется колоссальная сила пропаганды, ибо всех недовольных во всем мире она мобилизует под знамя Советской власти».

Вот признание, которое делает буржуазная газета «Берлинер Тагеблат». Она констатирует страшнейшую растерянность господствующих классов во всем мире и заканчивает прямыми комплиментами по адресу советского правительства: «насколько ясна и сознательна политика Ленина и Троцкого, настолько бессмысленна и противоречива политика стран согласия. Своей политикой они только толкают Германию в руки большевиков» и пр. и пр.

Вот то сознание, которое теперь господствует в головах имущих классов, буржуазии, министров, правительств, генералов всех стран. Они ви-

дят, как какая-то могущественная стихия проникает в сознание трудовых масс. Везде они воздвигают какой-то пояс, карантин, который должен окружить Советскую Россию и не пропускать бацилл большевизма, микробов Советской власти туда на запад, и в то же время они выбрасывают свой десант к нам и получают кратчайший путь для заражения. Растерянность, беспомощность, полная идейная и политическая прострация, констатируются руководящей печатью. Я цитировал и Таймс, и Тан, и французскую, и берлинскую газеты — все они жалуются на растерянность и на глупость своих господствующих классов. Давно сказано, что кого Юпитер хочет погубить, у того он отнимает первым делом разум. Это понятно, когда положение класса становится безвыходным, — он часто теряется.

Я не стану входить в оценку этого. Да дело и не в оценке. Там, где история работает за нас, за рабочий класс, она толкает его вверх. Там, где история показывает всю основу господства старых классов, там неизбежно мы будем иметь успех. Они осуждены историей. На это я указывал, когда говорил, что наше международное положение становится лучше с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем. Мы становимся крепче, они слабее. Вот почему не испугались мы перемирия. Время работает за нас. Перемирие закончится, — мы будем сильнее, они будут слабее. Будет ли перемирие, или нет, не знаю, но они свои войска уводят, на севере мы продвигаемся успешно вперед. Эти вопли не случайны. После взятия Шенкурска, там сосредоточиваются новые силы, и как раз вчера телеграмма сообщает о новом прыжке в сторону Архангельска на 18 верст вперед. Я не сомневаюсь, что это только начало нового наступления, которое передаст в нашу коммунистическую школу несколько тысяч хороших английских и американских коммунистов.

Все это говорит за то, что наше международное положение благоприятно. Последние недели, последний месяц, два месяца еще оставлено историей для наших внутренних врагов. И они знают, что если теперь, вот, в апреле, в мае, в июне или в июле им не удастся заставить нас поскользнуться, упасть у самого порога европейского социализма, это не удастся им никогда. Бывает, что здоровый и крепкий человек поскользнется на апельсинной корке и сломит себе шею. Так и они надеются на то, что рабочая и крестьянская власть, в этих трудных условиях, когда европейская революция развертывается, но еще не до полной победы, когда нас тормошат со всех сторон; когда Колчаку и Деникину достаточно будет, может быть, в одном месте прорвать фронт, запугать, терроризовать, лишить духа Красную Армию, обмануть крестьян-середняков, поднять их лозунгом Советской власти против Советской власти, создать замешательство и кровопролитие — что в этих трудных условиях Советская власть погибнет в России накануне своего полного торжества во всем мире.

Вот смысл наступления Колчака. На всех других фронтах наступление сорвалось. Немецкие гинденбурговские батальоны имеют кое-какой успех в Латвии, на западе вообще, вместе с поляками, вместе с латыш-

скими, эстонскими, литовско-белорусскими белогвардейцами, но те же самые газеты — тут две у меня: восточно-прусская и берлинская — прямо говорят: «это случайные, частичные успехи, мы их развить не можем. Если у нас есть сколько-нибудь стойкие части, они нам нужны теперь в Берлине, против спартаковцев, а не против русских большевиков».

Положение на западном фронте восстанавливается. Петлюровские банды расползаются, разлагаются. Они нам не страшны. Советская революция из Украины перешла в Галицию, а Галиция была тылом Петлюры. Этот тыл горит теперь ярким пожаром за их спиной. На Украине регулярных красноармейских частей было немного. Однако и перед этим могущественным рабочим и крестьянским восстанием отступали деморализованные, не только русские белогвардейцы Гришина-Алмазова, но и англо-французские регулярные части, с которыми мы сражались под Березовкой, где забрали большую военную добычу в том числе и три грозных танка.

На Дону, в Донецком бассейне, никакого наступления против нас не вышло. Там идет и продолжается наше победоносное продвижение на Дон, а в дальнейшем пойдет и на Кавказ. Краснов разбит. Деникин будет разбит. В Донецком бассейне, где они сосредоточивают все, что у них есть, и где мы их берем в железные тиски, от Мариуполя на Таганрог, от Воронежа и Великокняжеской через Торговую на Батайск и на Ростов, — тиски сжимаются все крепче и сильнее. Пройдет месяц весеннего половодья, и двинется вперед наше наступление, развернется своим естественным путем. Мы там сильнее. Не скрою от вас того, что у преддверия Каспийского моря стоит наша превосходная флотилия, несравненно более могущественная, чем флотилия противника.

Остается только восток, один восток. Урал, Сибирь, где наступает Колчак, а мы отступаем, где наш враг имеет успех, а мы последнее время терпели неудачи. И здесь Колчак поставил своей задачей до наступления весны перерезать Волгу во что бы то ни стало и лишить нас этой важнейшей артерии. Когда-то не так давно мы очистили Волгу от белогвардейцев и превратили ее в честную советскую реку. Теперь белогвардейцы снова хотят обесчестить и загрязнить Волгу и отнять ее у рабочих и крестьян, которым она необходима для транспорта. Если есть опасность, которая грозит Советской власти, власти рабочих и крестьян — так это колчаковские банды, скрепленные поддержкой с.-р. и меньшевиков идеей учредительного собрания.

У Колчака большой тыл. В Сибири богатое кулацкое крестьянство. На него Колчак опирается. К Колчаку сбежались со всей страны худшие контр-революционные элементы старого офицерства. При их помощи и при помощи кулаков Колчак производит довольно широкую мобилизацию крестьянских масс. Он получил из Америки необходимое снабжение, владеет пока большей частью Урала, отнял у нас снова завоеванную кровью рабочих и крестьян Уфу и угрожает подступам к Казани, подступам к Самаре. И здесь, товарищи, мы стоим перед важнейшей задачей рабочих и кре-

стьян всей страны в настоящий момент: мы должны во что бы то ни стало сосредоточить лучшие силы на восточном фронте. Успех Колчака объясняется в значительной мере тем, что мы вынуждены были осенью прошлого года и в первую часть зимы после крупных успехов на востоке снять с восточного фронта отдельные крепкие части, снять лучших работников и перебросить их на юг против Краснова, который перед Воронежом угрожал Москве, сердцу Советской России.

На юге работа сделана на три четверти. Она будет доделана до последней четверти и теми силами, какие там есть. Сейчас, все резервы, все силы, какие имеются, в виде войсковых частей, силы организаторские идейные, должны быть направлены на восточный фронт. Лозунг Советской России в настоящий момент — это Урал: сосредоточить там всю силу создать напряжением и рабочих и крестьян ударные полки, выдвинуться с Волги на восток к Уралу.

Урал должен быть наш, как нашим является уже Поволжье, как нашим в значительной мере является Дон. Урал должен быть наш. Мы должны вернуть Златоуст, Екатеринбург, Пермь, должны проложить себе дорогу через Челябинск в Сибирь, где нас ждут рабочие Сибири и крестьянская беднота, как избавителей.

Если в этом — главная задача всей советской страны на востоке — это вдвойне и втройне главная задача для вас, товарищи самарцы. Здесь у вас было сильное гнездо белой гвардии, а теперь — узел нашей Красной Армии. Здесь переплетаются пути трех армий восточного фронта. Поэтому все внимание, все силы должны быть сосредоточены на задаче и потребностях восточного фронта. Вы — ближайший тыл, вы — прифронтовая полоса. Надо сжать гражданские советские учреждения, расширить военные. Все, кто на фронте может оказать пользу, — на фронт... комиссаром, в органы снабжения, в ячейки, и полки, в штабы. Лучших работников вы обязаны отдать на фронт. На восточном фронте сейчас решается судьба Советской России и вместе с тем судьба всей мировой революции. Мировая революция, разумеется, не погибнет, она проложит себе пути, но она может быть отброшена на год, на два и на десять лет назад. Мы хотим пойти в эту мировую революцию, опираясь на Советскую Россию, как она есть сейчас, какой мы ее подготовляли в течение десятилетий упорного революционного труда и борьбы, какой мы ее с вами завоевали в октябрьские дни и защищали в борьбе против всех врагов. Вот эту Советскую Россию, обновленную кровью рабочего народа, испытаниями его, мы ни за что отдать не хотим. Нашей грудью мы образуем вокруг вокруг нее щит, и этого щита не проломит никакая сила.

Товарищи, на фронте я буду иметь полное право, надеюсь, сказать, что у 5-й, 4-й, и 1-й армий и у южной группы в лице Самары имеется твердый закаленный тыл.

Товарищи самарцы, когда вам приходилось туго, когда здесь, быть может в этом самом зале раздавались речи Дутова, — в Москве, в Петро-

граде мы ударили тревогу. Мы сказали рабочим Петрограда и Москвы, что на Волге завязался тугой узел, который нужно рассечь, ... и голодные, истощенные петроградские рабочие, не жалуясь на плохой паек, подтянули туже кушаки, взяли винтовки и пошли освобождать Волгу и вашу Самару.

Сейчас, товарищи, Самара свободна, в Самаре есть крепкий гарнизон, мужественная организация самарских советских, профессиональных союзов и заводских комитетов, цвет самарского рабочего класса, объединен общей идеей и закален тяжкими испытаниями и всей предшествующей борьбой. И теперь вы не потребуете, чтобы московский, петроградский рабочий освобождал вас, ибо вы не собираетесь сдаваться и вы не будете нуждаться в освобождении.

На этом собрании, объединенном единой мыслью и волей, мы заявляем, что все покушения Колчака перерезать Волгу являются покушениями запальчивого бессилья. Самарский совет, самарский гарнизон, самарский пролетариат вместе с нашим фронтом и вместе с нашим глубоким тылом обещает и клянется, что Самара не будет сдана, Волга останется честной советской рекой.

На Урал!

Долго подготовлявшееся весеннее наступление врагов Советской Республики развернулось. На западном фронте оно после первых успехов противника приостановлено. Немецкая печать вынуждена признать что германские баталионы, которые играли важнейшую роль в наступлении на западном фронте, совершенно ничтожны по численности и крайне неустойчивы. Да и немудрено! Немецкой буржуазии и ее лакеям-соглашателям крепкие части гораздо более нужны в Берлине, чем в Ковно. Польские войска, несмотря на все обещания союзников, не обуты, не одеты и голодны. Коммунизм делает в Польше все более широкие завоевания. Западный фронт серьезной опасности не представляет.

На Украине дела идут прекрасно. Попытка контр-наступления со стороны петлюровцев, потерпела жалкий крах. Они уже сдали Коростень. Надежда на галицийские полки оказалась обманчивой. После победоносной советской революции в Венгрии, могущественное революционное движение перекатывает свои волны по всей Галиции. Бывший глава правительства Украинской рады Голубович, предавший в Брест-Литовске германскому империализму Россию и Украину, захвачен восставшими галицийскими рабочими и сидит под замком.

Сдав Херсон и Николаев, англо-французы отказались от надежды удержаться в Одессе. Они спешно эвакуируют свои войска. Гришин-Алмазов, белогвардейский генерал, еще бесчинствует в столице юга, еще вешает одесских рабочих на фонарях, но дни господства буржуазии не только в Одессе, но и в Крыму сочтены.

На Дону операции временно задержаны весенним разливом рек. Перевес сил здесь несомненно на нашей стороне. После взятия Великокняжеской и форсирования Маныча, царицынская армия протягивает вооруженную руку к узловой станции Торговая, открывая новую угрозу, на Батайск и Ростов. В то же время украинские войска, занявшие Мариуполь наступают на Таганрог. В Донецком бассейне происходит сосредоточение наших сил. Ликвидация Донецко-Донской контр-революции—дело ближайших недель.

На Архангельском севере положение противника безнадежно, по признанию буржуазной англо-американской печати. После сосредоточения там достаточных сил, мы перешли в наступление и успешно продвигаемся вперед. Ликвидация Архангельско-Мурманской авантюры в полном ходу.

Восстания, поднятые внутри страны для поддержки внешнего наступления, почти везде ликвидированы или успешно ликвидируются. Обманутые в некоторых местах крестьяне-середняки сознают свою ошибку и с повинной головой возвращаются в семью рабочих, красноармейцев и крестьян.

Таким образом, общее наступление контр-революции на внешнем и на внутренних фронтах сорвалось. Только **на восточном фронте** обнаружился у неприятеля успех.

В течение ряда месяцев Колчак формировал свои силы под прикрытием так называемого учредительного собрания. Краснов, Деникин, Гришин-Алмазов открыто выступали, как черносотенные бандиты. Колчак выступал под знаменем Учредительного Собрания. Чернов, Авксентьев, Лебедев, Фортунатов, Вольский и другие светила эс-эровской учредилки сосредоточились вокруг Колчака, вели агитацию, обманывали крестьян, помогали их мобилизовать и создавали, таким образом, армию для узурпатора из царских адмиралов. Обилие богатых кулацких элементов в среде сибирского крестьянства, как и широкий приток белогвардейского офицерства, облегчали Колчаку его задачу.

С другой стороны, после достигнутых на Волге успехов, центральная Советская власть сосредоточила все внимание на южном фронте, куда посылались с восточного крепкие части и переводились испытанные, энергичные руководители. В результате этого на востоке произошло ослабление фронта. Мы потеряли Уфу, и Колчак ставит своей задачей одновременное наступление на Казань и на Самару. Восточный фронт получает сейчас первостепенное значение. Правда, все сведения говорят о том, что в армиях Колчака не благополучно. Мобилизованное крестьянство наступает из-под палки, происходят частые мятежи и усмирения, на более спокойных участках фронта колчаковские солдаты перебегают к нам десятками и сотнями. Тем не менее, надо признать, что на восточном фронте имеются в настоящее время самые значительные силы русской контр-революции. Сюда, стало быть, должен быть направлен главный удар с нашей стороны.

Снова, как в августе прошлого года, мы поднимаем клич: **на восточный фронт!** Мы дадим не только новые свежие части, мы призовем сюда лучших испытанных рабочих—и не только из Москвы и Петрограда, как в прошлом году, а из всего освобожденного Поволжья, из Самары, Симбирска, Казани, Сызрани. Все сознательные крестьяне Поволжья поддержат, как один человек, Красную Армию и помогут ей нанести Колчаку смертельный удар.

Последняя карта контр-революции—армия Колчака. Эта карта должна быть бита. Урал должен вернуться в распоряжение Советской России, Уфа, Златоуст, Екатеринбург, Пермь должны вернуться в семью рабочей и крестьянской России. Через Челябинск мы должны открыть себе ворота в Сибирь.

На Урал, солдаты рабочей и крестьянской армии!
На Урал, революционные пролетарии!
На Урал, сознательные крестьяне!
Товарищи коммунисты, вперед!

7 апреля 1919 г.
Самара.
«Правда», № 83.

Весна, которая решает.

В истории человечества наступали решающие недели. Не успела улечься волна восторга по поводу установления советской республики в Венгрии, как пролетариат Баварии овладел властью и протянул руку братского союза Российской и Венгерской Советским республикам [73]. Рабочие немецкой Австрии спешат сотнями и тысячами в Будапешт, где добровольно вступают в ряды красной армии. Временно затихшее движение германского пролетариата снова вспыхивает с возрастающей силой. Углекопы, металлисты, ткачи посылают братский привет победоносной Венгерской республике и требуют от германских советов полной перемены фронта: разрыва с империалистами — своими, англо-французскими, американскими — и тесного союза с Россией и Венгрией. Нет сомнения, что этому движению будет придан еще более могущественный размах победой пролетариата в Баварии, советское правительство которой порвало всякую связь с душегубами Берлина и Веймара — с Эбертом и Шейдеманом, слугами германского империализма, убийцами Либкнехта и Розы Люксембург.

В Варшаве, которую союзные империалисты пытаются сделать центром наступления на Советскую Россию, польский пролетариат поднимается во весь рост и, в лице Варшавского Совета рабочих депутатов, посылает привет Венгерской советской республике.

Французский министр иностранных дел Пишон, заклятый враг русской революции, докладывает в парламенте о печальном положении дел: «Одесса эвакуируется» (это было еще до взятия Одессы советскими войсками), «большевики проникают на Крымский полуостров, положение на севере неблагоприятное». Не везет! Греческие солдаты высаженные на берегах Крыма, по сообщению союзных дипломатов и газетчиков, были посажены на крымских ослов, но ослы не поспели во время к Перекопскому перешейку. Не везет! Очевидно и ослы начали выбиваться из империалистской упряжки...

Иностранные консулы не хотят уезжать из Украины и хлопочут перед своими правительствами о признании Украинской республики. Вильсон послал в Будапешт не оккупационные войска для разгрома советской республики, а медоточивого генерала Сметса для переговоров с Венгерским Советом Народных Комиссаров.

Вильсон окончательно переменил фронт и, повидимому, вынудил Францию отказаться от всякой надежды на вооруженный поход против Советской России. Война с Советской Россией, которую требовал фран-

цузский главнокомандующий генерал Фош, должна была бы, по мнению американских политиков, затянуться на десять лет.

Еще не прошло и полугода после решающей победы союзников над центральными империями, когда казалось, что мощи англо-французского и американского империализма пределов нет. Тогда все русские контрреволюционеры не сомневались, что дни Советской Республики сочтены. Но события упорно идут по Советскому пути. Рабочие массы всего мира становятся под знамя Советской власти, а мировым разбойникам империализма изменяют даже крымские ослы. Сейчас можно со дня на день ждать победы советской республики в Австрии и в Германии. Не исключена, может быть, возможность, что пролетариат Италии, Польши или Франции нарушит очередь, обогнав рабочий класс других стран. Эти весенние месяцы станут решающими в истории Европы. Вместе с тем, эта весна окончательно решит и судьбу буржуазно-кулацкой, противосоветской России.

На востоке Колчак мобилизовал все свои силы, двинул в дело все свои резервы, ибо он твердо знает, что если не победит сейчас, то не победит никогда. Наступила весна, которая решает. Конечно, частичные успехи Колчака ничтожны по сравнению с общими завоеваниями Советской власти в России и во всем мире. Что значит временная утрата Уфы перед лицом занятия Одессы, продвижения в Крым, и, особенно, перед лицом утверждения Баварской Советской республики? Что значит очищение Белебея, вызванное военными соображениями, перед лицом могущественного нарастания пролетарской революции в Польше и в Италии?

Тем не менее было бы преступным легкомыслием с нашей стороны пренебрегать той опасностью, какую на востоке представляют белогвардейские банды Колчака. Только упорство, настойчивость, бдительность и мужество в военной борьбе обеспечили до сих пор русской Советской республике ее международные успехи. Победоносная борьба на всех фронтах Красной Армии подняла дух европейского рабочего класса и дала возможность возникнуть и укрепиться сперва Венгерской, потом Баварской республикам. Работа наша не закончена еще и сейчас. Еще не добиты окончательно банды Деникина. Еще банды Колчака продолжают продвигаться в направлении к Волге.

Наступила весна, которая решает. Наша сила удесятеряется сознанием того, что радиотелеграфные станции Москвы, Киева, Будапешта и Мюнхена обмениваются не только братскими приветствиями, но и словами деловых соглашений о совместной оборонительной борьбе. Но главную часть нашей возросшей силы мы должны у себя, на нашей территории, направить против наиболее опасного врага: против колчаковских банд. Это прекрасно сознают товарищи Поволжья. В Самарской губернии все Советские организации переведены на военное положение, лучшие силы отданы для обслуживания армии, для формирования пополнений, для

агитационно-просветительной работы в рядах красных войск. Партийная, Советская и профессиональная организации в Сызрани единодушно откликнулись на призыв центральной власти поддержать восточный фронт. Из лучших своих рабочих и крестьянских элементов Сызрань, сама еще не столь давно стонавшая под пятой белогвардейцев, мобилизует особый ударный полк. Заволжье становится центром внимания всей Советской России. Чтобы выполнить наш международный долг, мы должны разбить в первую голову банды Колчака. Чтобы поддержать победоносных рабочих Венгрии и Баварии, чтобы помочь восстанию рабочих в Польше, Германии и во всей Европе, мы обязаны утвердить окончательно и неоспоримо Советскую власть на всем протяжении России.

На Урал! Таков лозунг Красной Армии и всей Советской страны!

Урал будет последним перевалом в напряженной борьбе. Победа на Урале не только даст хлеб голодной стране, хлопок текстильной промышленности, но и доставит, наконец, заслуженный отдых нашей геройской Красной Армии.

9 апреля 1919 г.
Пенза.
«В пути», № 29.

Чего хочет Колчак?

Из-за чего воюет Колчак? Чего он хочет? Ради чего мобилизует он сибирских крестьян? Из-за чего заставляет их проливать свою кровь?

Сперва Колчак говорил, что не хочет отдать Россию на поругание немцам. Он призывал к низвержению Советской власти, чтобы вести дальше войну с Германией. А что мы видим сейчас? В то время, как Колчак наступает на Советскую Россию с востока, на западе Гинденбург, собравши белогвардейские остатки прежней немецкой армии, пытается наступать на Вильну и Ригу. Стало-быть, ложью были слова Колчака о борьбе с немцами. В войне с Советской Россией Колчак действует ныне за одно с самым заклятым генералом бывшего немецкого кайзера.

Колчак объяснял, что задачей его является объединение России, Но что мы видим на деле? Россия, разбитая в империалистической войне и разодранная хищниками на части, все более и более объединяется ныне Советской властью. Сейчас Россия едина от Петрограда до Одессы и от Оренбурга до Риги. Великороссия, Украина, Латвия, Литва, Белоруссия добровольно объединились под знаменем Советской власти. Колчак господствует только над частью Урала и Сибири. Для того, чтобы объединить Россию по плану Колчака, ему нужно сейчас еще завоевать Волгу, Петроград, Москву, Киев и Харьков, Литву и Ригу, т. е. другими словами, всю Россию. Колчак хочет Великороссию, Украину, Латвию, Белоруссию, Литву присоединить к Уралу и Сибири. Между тем гораздо проще присоединить Сибирь ко всей России: для этого нужно только устранить самого Колчака.

Колчак говорит дальше, что хочет освободить Россию от евреев, которых он называет жидами. Но и это неправда. Колчак находится в тесном союзе с американской буржуазией. Вернее сказать, Колчак — наемник американской буржуазии. Прежде, чем начинать свой поход, он отправился в Нью-Иорк и Вашингтон. Там он получил обещанную поддержку, оттуда ему доставляли деньги и военные припасы. Но американская буржуазия—самая разноплеменная на свете. Среди американских капиталистов есть и англо-американцы, есть и немцы, есть и евреи. Нигде нет столь богатых евреев капиталистов, банкиров, ростовщиков, как в Америке. Они там нещадно эксплоатируют и угнетают американских рабочих: англо-американцев, немцев и евреев. На американской бирже, в американском банковом мире, в американской военной промышленности, в амери-

канской буржуазной печати евреи — капиталисты, банкиры, адвокаты, буржуазные журналисты — играют огромную роль. Можно не сомневаться, что на каждые 100 рублей, которые получает Колчак от Америки, не меньше 25 еврейских, т. е. награбленных еврейской буржуазией у американского рабочего и переданных Колчаку для борьбы против русских рабочих и крестьян.

Когда красные полки вступили прошлой осенью в Казань, Симбирск, Сызрань, Самару, буржуазия покинула свои дома, а рабочие и беднота остались на местах. Куда бежала буржуазия? В царство Колчака. Бежали одинаково русские купцы и дворяне, еврейские купцы, татарские богачи — все они бежали искать защиты у Колчака. Все рабочие без различия наций встретили красных солдат, как освободителей. Вот как обстоит дело...

Стало-быть, Колчак лгал, когда говорил, что воюет с Советской властью для того, чтобы начать войну с Германией: на деле Колчак за одно с германской буржуазией.

Колчак лгал, когда говорил, что хочет объединить Россию: Россия уже объединилась против Колчака, а Колчак стремится разделить ее.

Наконец, Колчак лгал и лжет, когда говорит, что хочет освободить Россию от евреев: Колчак расстреливает русских рабочих и крестьян, наравне с еврейскими рабочими — для того, чтобы установить в России власть международной буржуазии, в том числе и еврейской.

Такова подлинная задача Колчака. Во имя возвращения помещикам земли, капиталистам прибыли, он проливает кровь рабочих и крестьян.

Но Колчак не может открыто признаться в этой цели. Он вынужден лгать, он вынужден обманывать. Он каждый раз выдвигает все новые и новые причины для войны, пускает темным сибирским рабочим и крестьянам пыль в глаза, морочит их и продает их американской, немецкой, английской, французской и еврейской буржуазии.

Колчак долго утверждал, будто он воюет за права учредительного собрания. Капиталисты и помещики хитро подсвистывали ему, хотя прекрасно знали, в чем дело. Дурачки (меньшевики и с.-р.) верили ему и поддерживали его. Когда с.-р. помогли Колчаку создать армию, он прогнал их вон, чтобы не путались под ногами, и от учредительного собрания не осталось и следа! Теперь Колчак уже прямо говорит о царском престоле, только не сказывает, какая династия будет у нас царствовать: Романовская или Колчаковская.

Буржуазия радостно приветствовала бы корону на голове Колчака. Православный поп, католический ксендз, татарский мулла, еврейский раввин одинаково благословили бы Колчака на царство, как они раньше благословляли Романовых. Победа Колчака означала бы восстановление господства ничтожного меньшинства над огромным большинством трудящихся. Царские генералы и помещики вернули бы себе свои чины, звания и привиллегии. Дворяне снова окружили бы жадной толпой двор. Из крови рабочих капиталисты чеканили бы себе золотые барыши. Земские

начальники, урядники, стражники охраняли бы священную собственность помещика, а поддерживаемые полицией попы получили бы снова возможность морочить народ. И снова по прихоти правящей банды русские рабочие и крестьяне были бы ввергнуты в новую империалистическую войну.

Вот чего хочет Колчак. Вот во имя чего он ведет войну против Советской власти, мобилизует уральских и сибирских рабочих и крестьян и проливает их кровь.

Колчак сейчас есть руководитель всех угнетателей, эксплоататоров, хищников, всех ненавистников рабочего класса. На знамени Колчака написано — гибель трудящимся массам России. Если бы Колчак победил, он утопил бы в крови сотни тысяч лучших рабочих и крестьян, мстя им за «обиды», которые они нанесли богатым классам.

Все темное, бесчестное собрал Колчак вокруг себя. По одну сторону Урала — Колчак, по другую сторону — рабочая и крестьянская Россия. Буржуазный наемник Колчак бросает вызов всей России. Рабочая и крестьянская Россия приняла этот вызов. Она знает, что ее спасение в гибели Колчака. **Уральский хребет стал ныне главной баррикадой рабочей и крестьянской России.** Эту баррикаду мы должны взять во что бы то ни стало.

Солдаты Красной Армии! На Уральские баррикады! Вперед!

10 апреля 1919 г.
Симбирск — Нижний.
«В пути», № 30.

Борьба за Волгу.

На юге, на западе дела идут прекрасно и улучшаются с каждым днем. Взятие Одессы — огромная победа. Отсюда нам грозила наибольшая опасность. Сюда империалисты свозили солдат со всех частей света и всех цветов кожи. В конце концов они бежали, — лучшее доказательство тому, что европейский империализм утратил веру в себя. Он ослаблен, растерян, и от растерянности, жадности, трусости поглупел. Наше продвижение в Крыму идет великолепно. Симферополь, Ялта, Бахчисарай, Евпатория в наших руках. Можно ждать в ближайшем будущем сообщения об очищении всего Крымского полуострова. И тогда мы из Керчи будем непосредствено угрожать Новороссийску и Екатеринодару.

Из пограничных мест Бессарабии румыны отступают без боя. Вся Бессарабия колышется. Колышется также Румыния. Буржуазные политики Франции и Англии не сомневаются, что боярская грабительская буржуазия Румынии вместе с ее монархией не устоит между Советской Венгрией и Советской Украиной. В Австрии ждут Советской революции с часу на час. Германский Керенский—Шейдеман—окончательно потерял голову, а волны Советской революции вздымаются в Германии все выше. Во французском парламенте социал-патриот Муте, т. е. заклятый враг диктатуры пролетариата, вынужден открыто признать, что французский солдат не поднимет штыка против Советской России.

Победоносные союзники, того и гляди, вцепятся друг другу в глотку. Французские хищники с налитыми кровью глазами хотели бы ограбить всю Германию, присвоить себе ее земли и рудники, превратить ее рабочих и крестьян в своих рабов и в то же время заставить ее платить себе миллиарды дани. Вильсон понимает бессмысленность такой программы мира и угрожает французским империалистам разрывом союза. «Если вы не умерите ваши аппетиты — говорит он парижским биржевикам, — то я разорву союз и самостоятельно заведу с немцами и русскими торговлю». Французская буржуазия не знает, на что решиться: слепая жадность соединяется в ее помутившейся голове с ужасом перед надвигающейся коммунистической заразой.

Революция шествует по Европе, переступая через старые границы, начертанные кровью народных масс. Буржуазные классы Европы и всего мира поняли неизбежность революции, почувствовали начало конца. От их былой самоуверенности не осталось и следа. Некогда буржуазный мир казался им единственным возможным миром. Волнения народных масс

казались им неприятными, но преходящими трениями на бесконечном пути буржуазного господства. Этого сознания теперь нет. Классовой самоуверенности буржуазии всего мира русской, венгерской, баварской революцией нанесен смертельный удар. Буржуазия пошатнулась. Отсюда ее колебания, дрязги, ссоры, разложение, распад. От прежних разбойничьих мыслей об удушении Советской России буржуазия переходит к мысли об обмане, о подкупе, о сделке. Если ненависть к рабоче-крестьянской власти осталась та же, то старой силы и уверенности в себе уже нет. Это есть величайшее завоевание революции. Неуверенность в рядах врага увеличивает самоуверенность европейского пролетариата, а возрастающий его натиск усугубляет распад в рядах буржуазии.

Через голову белогвардейских, финских, эстонских, польских, литовских банд мы глядим с уверенностью на запад, где число союзников советской России растет не по дням, а по часам. Революция шагает без остановки. Никакая сила в мире уже не может остановить ее.

Но мы не имеем права глядеть только на запад, ибо на востоке у нас еще есть опасный враг. Это Колчак. Он пытается вонзить нам в спину нож в тот самый момент, когда мы готовимся вступить на порог победоносной революции европейского пролетариата. Презренному авантюристу нечего терять. Нет сомнения, что и сам он не надеется подчинить себе Россию. Но с остервенелой необузданностью дворянско-буржуазного наемника он стремится нанести рабочим и крестьянам как можно больше вреда. Достигнуть Волги — вот его главная задача. Перерезать великий водный путь, по которому с конца апреля можно будет направлять хлеб голодающим губерниям центра и севера России, — такова его цель.

Ни у кого из нас не может быть и тени сомнения в том, что мы в конце концов победим колчаковскую армию и сотрем контр-революционные банды с лица земли. Но нам нужна победа не в конце концов, а немедленно, сейчас же. Нам нужно оградить Москву и Петроград от тягчайших испытаний голода ближайших месяцев весны и лета. Нам нужно сохранить за собой Волгу.

Командованию восточным фронтом дана основная задача: р а з б и т ь б а н д ы К о л ч а к а. Но этого мало: Колчака нужно разбить не на Волге, а дальше, на восток от Волги. Его нельзя подпускать ни к Самаре, ни к Симбирску, ни к Казани. Волга на всем своем течении должна оставаться советской рекой.

Об этом позаботятся рабочий класс Поволжья и крестьянская беднота!

Молодые рабочие, сознательные революционные крестьяне Поволжья! Коммунисты! Вам всем сейчас место в армии. Призванные и не призванные по мобилизации, вы должны сплотиться в небольшие группы и войти в наши регулярные полки. Достаточно нескольких десятков твердых самоотверженных пролетариев, чтобы сделать несокрушимым целый полк.

Нам нужен обоз, нам нужны сапоги, нам нужен усиленный ремонт винтовок, пулеметов, орудий.

Все на помощь! Все силы и средства поволжских губерний должны быть немедленно мобилизованы в интересах восточного фронта!

В ближайшие недели пойдет ожесточенная борьба за Волгу. Из этой борьбы мы должны выйти победителями во что бы то ни стало! Волга должна остаться нашей, советской рекой.

12 апреля 1919 г.
Нижний.
«В пути», № 31.

На что надеется Колчак?

Колчак имел несколько серьезных успехов на восточном фронте. Красная Армия, которая каждый день записывает все новые и новые успехи в свою летопись, не может быть, однако, победоносной во всякое время на всех фронтах. Наша главная задача была до недавнего времени на юге. Туда мы направляли главные наши силы. Мы этим ослабили восточный фронт. Это дало Колчаку некоторый временный перевес. Он им воспользовался для наступления и получил, благодаря этому, частные удачи. Колчак вступил в Уфу, взял Белебей, Мензелинск, Сарапуль. Но что дальше? Надеются ли Колчак и его соучастники, что они одолеют всю Россию, Украину, Латвию и Литву, возьмут Москву и Петроград, Киев и Харьков, Ригу и Вильно? Думает ли в самом деле Колчак, что народ, совершивший величайшую в мире революцию, признает над собой власть авантюриста из царских адмиралов?

Нет никакого сомнения в том, что сам Колчак нисколько не заблуждается насчет своей действительной силы. Да, он с помощью учредиловцев сколотил известную армию. Да, с помощью офицеров и кулаков, путем расстрелов и порки он еще держит сегодня эту армию в руках. Да, он получил некоторый временный перевес и захватил часть территории. Но может ли Колчак надеяться на дальнейшие крупные успехи? Может ли он надеяться на окончательную победу?

Повторяю: этого не думает он сам. Он слишком хорошо знает, как непрочна его армия и как неизбежно она рассыплется в порошок при первом серьезном ударе. А за таким ударом дело не станет. Вся рабочая и крестьянская Россия готовится дать Колчаку решающий отпор. Почему же Колчак продолжает войну? На что он надеется?

Вся беда Колчака в том, что ему не остается ничего другого. Колчак не только палач, но и жертва. Он обманывает крестьян, он обманывает офицеров, но и сам обманут. Колчак обманут американской буржуазией, американской биржей, американским правительством. Союзные империалисты полгода тому назад обещали Колчаку, Краснову, Деникину сотни тысяч своих солдат для удушения Советской России. Только в расчете на эту внешнюю помощь Краснов, Деникин и Колчак поднимали знамя контр-революционного мятежа. Во всех своих воззваниях Краснов, Деникин, Колчак говорили о близкой помощи могущественных «демократий» Америки, Англии и Франции. Русские контр-революционеры прекрасно знали, что самим им не под силу выдержать решающее столкновение с советскими войсками. Именно поэтому Краснов,

Деникин, Колчак, и устно, и письменно, умоляли правительство американских хищников о скорейшей присылке помощи. При каждой своей неудаче Колчак распространял вести о новых десантах французов в Одессе и Новороссийске, а Краснов при каждом поражении своем сообщал казакам о приближении Колчака вместе с англичанами и американцами к Москве и Петрограду.

Но чем дальше, тем уклончивее становился голос англо-французских и американских генералов и дипломатов. Становилось все яснее, что помощи от них ждать нельзя. Сейчас позорное бегство французского десанта из Одессы означает полное и окончательное крушение всяких надежд на вооруженное вмешательство бандитов Согласия. Им не до того! Колчак и Деникин предоставляются своим собственным силам. Это значит, что им грозит неминуемая гибель. Но у них уже выбора нет. Их приговор уже подписан историей. Они вынуждены итти по своему пути до конца.

Колчаковцы скрежещут зубами от злобы и ненависти. Англо-французские и американские империалисты обманули их и предали. Это несомненно. Мы имеем перед собой предательство разбойников более мелких другими, более крупными. Этим самым гибель Колчака предрешена. Сам он об этом знает. В остервенении обманутый авантюрист стремится нанести рабоче-крестьянской стране как можно больше ущерба и урона. Ему уже нечего терять. Его ничто не спасет.

Но если нечего терять Колчаку, то этого нельзя сказать о многих из тех, кто еще идет за ним. Эс-эры и меньшевики боязливо отшатнулись от Колчака. Но не мало беспартийных людей, особенно из среды офицеров, шли за Колчаком только потому, что верили в его победу. Сколько было граждан, которые говорили: «Краснова, Деникина и Колчака советское правительство бесспорно разобьет, но гораздо труднее будет его задача, когда на поддержку Колчака в Россию вторгнутся победоносные союзники».

Вот на этом играл Колчак. На удочку американской помощи ловил он многих офицеров и завлекал их на путь своей предательской авантюры.

Эта авантюра сорвалась. Помощи союзников не будет. Захват Уфы и Белебея ничего не меняет. Советская власть растет и крепнет с каждым днем. Советская власть вернула себе Одессу и возвращает весь Крым. Советская власть каждый день находит себе новых союзников в Европе. Империалистические правительства открыто говорят о неизбежности переговоров с Советской властью. Для тех офицеров, которые связали свою судьбу с судьбой Колчака еще остается короткий срок, чтобы разорвать эту преступную связь и с повинной головой явиться в пределы рабочей и крестьянской России. Таким путем будет сбережено не мало крови. Рабочее и крестьянское правительство ведет беспощадную борьбу против мятежников и контр-революции. Но оно готово всегда протянуть руку прощения всем тем, которые поняли тщету и безумие колчаковской авантюры и честно заявят о полной готовности работать в рядах граждан Советской страны.

13 апреля 1919 г.
Нижний — Казань.
«В пути», № 31.

Что нужно России?

России нужен покой и мирный труд. Русскому народу нужно залечить тяжкие раны, которые нанесла ему война, вызванная царем и буржуазией. Трудовой России нужно восстановить хозяйство на новых, товарищеских, артельных началах.

Больше всего ныне страдает Россия от вынужденного продолжения войны. Рабочим приходится покидать заводы и фабрики и с винтовкой в руках оборонять страну на наших многочисленных фронтах. Расстроенные железные дороги заняты воинскими эшелонами и военными грузами, а города стонут от недостатка продовольствия. Мобилизация за мобилизацией выводит работников из деревни. Крестьянам не легко, потому что расстроенная, оскудевшая промышленность не доставляет им необходимых сельскохозяйственных орудий, тканей и всего вообще необходимого.

И крестьянину, и рабочему больше всего нужен мир. За два, три года мирного труда мы восстановили бы и приумножили наше народное хозяйство: и городское и сельское. Мы наладили бы сухопутный и водный транспорт, мы установили бы правильный обмен продуктов между городом и деревней. Рабочие получали бы и хлеб, и мясо, и молоко. Крестьяне не чувствовали бы недостатка ни в гвоздях, ни в сукне, ни в ситце, ни в сахаре. Нам нужен мир для того, чтобы крестьяне и рабочие почувствовали бы в полной мере, какие огромные завоевания дала русская революция народу: нет ни помещиков, ни земских начальников, ни жадных капиталистов, ни ростовщиков,—общий труд на общую пользу!

Нам нужен мир. Но враги рабочего класса и крестьянства не хотят оставить нас в покое. Помещики и капиталисты, чтобы вернуть себе земли, чины и капиталы, поднимали не раз восстания, призывали немцев на Украину, потом стали звать англичан и французов, американцев и японцев, отдали им Архангельск и Сибирь.

Крестьянам и рабочим нужен мирный, спокойный, честный, товарищеский труд, а помещики и капиталисты устраивают заговоры, мятежи, взрывают железнодорожные мосты, и заставляют крестьян и рабочих создавать крепкую Красную Армию, чтобы оборонять страну от своих и чужеземных угнетателей.

Самым грозным врагом Советской России был германский империализм. Но он ныне разрушен в корне. Германская революция низвергла кайзера. От самого страшного врага мы освободились.

Империалисты Франции, Англии и Америки, победившие германского кайзера, злобно угрожали рабочей и крестьянской России. Все наши внутренние враги, сторонники царского, дворянского и буржуазного самодержавия, крепко надеялись на помощь англо-французского империализма. Но не вышло! У французов, англичан, у американцев теперь в собственном дому хлопот полон рот. Им приходится спешно уводить свои войска во-свояси. С этой стороны опасность рассеивается, как дым.

Стало быть, главные враги рабочей и крестьянской России сходят со сцены. Желанный мир и спокойный труд все более и более приближаются. Но для того, чтобы получить, наконец, возможность отложить в сторону винтовку и пулемет и взяться за плуг и молот, нужно покончить с последним врагом, который осмеливается угрожать Советской России. Это—Колчак.

Если армия Деникина в Донецком районе и на Северном Кавказе продолжает оказывать сопротивление, то только потому, что надеется на успех Колчака. Если эстонская, латышская, польская, литовская белая гвардия продолжает сопротивляться красным полкам, то только в расчете на то, что Советская Россия будет ослаблена бандами Колчака. Наконец, если англо-американцы, отказавшиеся фактически от мысли о войне с Россией, продолжают топтаться на нашем севере, то только потому, что не утратили еще последней оставшейся надежды на успехи Колчаковских банд.

Удар по Колчаку будет иметь решающее значение. Разгром его армии не только обеспечит за советской Россией Урал с Сибирью, но и отразится немедленно на всех других фронтах. Крушение колчаковцев приведет немедленно и неизбежно к полному крушению деникинских добровольцев («добровольцев» из-под палки) и к окончательному разложению белогвардейских, эстонских, латышских, польских и англо-американских отрядов на западе и востоке.

Россия, ее трудящийся класс, больше всего нуждается в мире. Но для того, чтобы получить этот мир, нужно разбить банды Колчака. В этом теперь главная задача всей страны. Колчак — последний серьезный враг. Три четверти Красной Армии, если не девять десятых, можно будет демобилизовать после победы над Колчаком. Рабочий вернется к станкам. Крестьянин вернется в деревню. Освобожденные железные дороги станут работать исключительно в интересах хозяйства. Из освобожденного Туркестана пойдет хлопок на фабрики. Из Донецкого бассейна направится на заводы уголь. Железные дороги повезут крестьянам ткани, инструменты, сельско-хозяйственные орудия и станут доставлять в города хлеб и прочие продовольственные продукты. Страна свободно вздохнет. Освобожденный труд вступит в свои права. Два-три года мира и покоя,—и России нельзя будет узнать. Наши села расцветут. Наши города забьют ключом хозяйственной и культурной жизни. Дети рабочих и крестьян получат доступ ко всем источникам знания. Социалистическая страна сделает могучий прыжок вперед по пути довольства, знания и счастья.

Для всего этого нам нужен мир. Для получения мира нужно задушить главного, почти единственного сейчас нарушителя мира—Колчака.

Вот задача, на которой мы в течение наступившей весны должны сосредоточить все наши силы, всю нашу волю.

Россия должна жить и будет жить! Колчак погибнет! В течение этой весны его банды будут сокрушены руками рабочей и крестьянской России.

14 апреля 1919 г.
Казань.
«В пути», № 32.

За дымовой завесой.

На волжско-уральском фронте идут бои. Рабочие и крестьяне — с одной стороны, колчаковские банды — с другой. Льется кровь, уничтожаются богатства — плод народного труда, сжигаются деревни, разрушаются железные дороги, мосты. Огонь войны, пыль и дым разрушения завесой возвышаются на восточном фронте. И все это почему? — Потому, что бывшие рабовладельцы, насильники и эксплоататоры не хотят жить мирной, трудовой жизнью, а хотят вернуть себе свое наследственное право угнетать и грабить трудовых людей.

Но что творится там, за линией колчаковского фронта, за дымовой завесой войны, на Урале, и в глубинах Сибири? Кто там господствует? Какие там устанавливаются порядки? На этот счет к нам доходят очень поучительные сведения. Над ними должен призадуматься каждый рабочий, каждый крестьянин.

За спиной Колчака длинной полосой тянется сибирская железная дорога, которая упирается в Великий океан. Неисчислимые труды и жертвы были положены рабочими людьми нашей страны на то, чтобы проложить железнодорожный сибирский путь через горы и дремучие леса. В чьих же руках теперь эта железная дорога?

Не в руках сибирских рабочих и крестьян. Но и не в руках Колчака. Американское, японское и французское правительства не мало спорили друг с другом из-за того, кому именно из них хозяйничать на сибирской дороге. Там есть американские части, есть японские отряды, есть остатки чехо-словацкого корпуса, который состоял из наемников французской буржуазии. В конце концов иноземные империалисты кончили на том, что сибирская железная дорога должна находиться в руках междусоюзнической англо-франко-американско-японской комиссии. В таком именно положении дело находится сейчас. Сибирская железная дорога перестала быть сибирской, она стала чужеземной: она служит не для того, чтобы связывать воедино разные части Сибири и всю Сибирь с Россией, а для того, чтобы дать возможность иностранным капиталистам грабить Сибирь и вывозить из нее награбленные богатства.

«Сибирь — золотое дно». Эта старая народная поговорка характеризует неисчислимые естественные богатства Сибири. Там и золотые россыпи, и пушной зверь, и хлеб, и скот.... Все эти богатства должны бы быть достоянием трудящихся масс всей России. Но сейчас Сибирь со своими богатствами оторвана от России и становится добычей иностранных

захватчиков-капиталистов. Стонет сибирский рабочий и сибирский крестьянин. Но и грозный самодержец Колчак не имеет, в сущности, никакой власти в Сибири. Он — только исполнитель воли американских и японских биржевиков. Колчак им нужен только для того, чтобы отделить Сибирь от России. А грабить Сибирь они будут уже сами.

На войне бывает так: для того, чтобы невидимо для врагов произвести перегруппировку войск, устраивают густую дымовую завесу путем стрельбы особыми дымовыми снарядами. Дым столбом перерезает поверхность, и сквозь этот дым не проникнуть глазу. Вот для устроения такой дымовой завесы и понадобился Колчак иностранным капиталистам. Они ему дают на это деньги и снаряды. Они знают, что Сибирь,—золотое дно,—с избытком вернет им затраченный капитал. И Колчак ревностно выполняет свою задачу: дым коромыслом стоит на Урале и Поволжьи; истребляются тысячи рабочих и крестьян; сжигают села и деревни: в пламя и прах превращаются сотни миллионов народного богатства.

А за этой дымовой завесой иноземные хищники выполняют свою дьявольскую работу: захватывают сибирскую железную дорогу, завладевают россыпями, лесами, пашнями, готовясь опустошить Сибирь до самого дна.

Некогда казак Ермак завоевал Сибирь. Теперь адмирал Колчак продает ее. Что Колчаку интересы и нужды русского трудового народа? Разве Колчак был когда-нибудь связан с трудовыми массами страны? Разве он когда-либо боролся с рабочим классом и крестьянством против угнетателей? Царский адмирал, который заботился только о своей карьере, готов в любой момент продать себя и богатства страны тому, кто больше заплатит: Гинденбургу, или Вильсону, или Ллойд-Джорджу, или Клемансо — ему все равно. Колчак нанялся, Колчак обязался завоевать Сибирь для американской эксплоатации. В этом весь смысл его каиновой работы.

За дымовой завесой, устроенной Колчаком, имеются, однако, не только иноземные воры и хищники. Там — миллионы уральских и сибирских рабочих и крестьян. Они со страстным нетерпением ждут того часа, когда дымовая завеса рассеется, и они смогут чрез Урал протянуть братскую руку рабоче-крестьянской России. Вернуть Сибирь России значит в первую голову вернуть Сибирь сибирским рабочим и крестьянам.

Нам необходимо эту нашу задачу довести до конца, как можно скорее и как можно решительнее. Нужно раз навсегда показать всем громилам, взломщикам и мародерам, что Советская Россия и Сибирь — один общий, великий трудовой дом, куда прохвостам входа нет. Еще в течение этой весны нужно беспощадно, соединенными силами всей страны, задушить колчаковскую гадину. Тогда рассеется восточная дымовая завеса, воздух станет прозрачным и ясным над Волгой и Уралом, советская Сибирь примкнет к Советской России, и великий сибирский железнодорожный путь станет тем, чем должен быть: великим средством хозяйственной и духовной связи между трудящимися массами Европейской и Азиатской России.

В «Пути», 18 апреля 1919 г., № 32.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора комиссарам 3-й армии от 23 апреля 1919 г., № 90, гор. Вятка.

В течение нескольких месяцев 3-я армия откатывается перед наступающим неприятелем [74]. Было бы совершенно неосновательно объяснять это непрерывное отступление **перевесом сил** противника. С колебаниями в ту или другую сторону силы были приблизительно равны. Было бы также неуместно ссылаться на **усталость** армии. Разумеется, усталость велика, но она имеется на всех фронтах, имеется и в голодном тылу. Наш фронт растянулся на 8.000 верст, и пока мы не достигнем решающей победы на одном из участков фронта, в стране не может быть таких резервов, чтобы сменять действующие на фронтах армии. Самый верный путь к отдыху — скорая победа, а скорая победа может быть достигнута только **величайшим напряжением сил**.

Отсюда вытекает для руководящих работников-коммунистов в армии главная заповедь: отбросить прочь всякие разговоры о численном превосходстве противника, перестать ожидать спасения из центра, а создать немедленно перелом внутри самой армии; установить в ней твердый режим; заставить лучших солдат, прежде всего—коммунистические ячейки, понять, что от поведения 3-й армии зависит сейчас судьба страны; **добиться полного перелома настроения и перехода в наступление ценой каких-угодно усилий и жертв.**

В армии числилось до недавнего времени 12.000 коммунистов. Это величайшее недоразумение. Если бы в 3-й армии было не 12.000, а 2.000, даже одна тысяча подлинных коммунистов, то-есть самоотверженных закаленных борцов, мы бы давно смяли колчаковские банды на Пермском фронте.

1. Необходимо поэтому **произвести чистку коммунистических ячеек**. Необходимо на деле проверить как держал себя член ячейки в трудную минуту. Необходимо установить, как правило, что принадлежность к ячейке не дает никаких привилегий и прав, а только налагает обязанность более мужественно и самоотверженно сражаться за интересы советской страны.

2. Необходимо снова запечатлеть в сознании каждого **комиссара**, что он вместе с командиром **отвечает за боеспособность своей части**. Пост комиссара воинской части — один из самых ответственных, какие существуют в советской республике. Комиссар должен быть образцом личного мужества. В критические минуты от комиссара зависит не-

редко поведение всей части и спасение позиции. Необходимо поэтому освежение комиссарского состава. Необходимо на деле проверить, как держали себя комиссары каждой части в наиболее ответственные моменты. Комиссарам, слишком уставшим от испытаний, нужно дать смену. Комиссаров, потерявших веру в победу или успевших привыкнуть к позору постоянного отступления, нужно отправить в тыл. Комиссаров, которые подчинились целиком настроению своей части и заботились, главным образом, о безопасности отступления, нужно предать суду. В те батальоны, роты, команды, которые действуют на отлете, или которые подверглись процессу разложения, нужно назначить особых комиссаров. Красноармейцев, которые под огнем испытания доказали свою преданность и решимость, нужно выдвинуть на комиссарские и командные посты. Всю эту работу нужно произвести в кратчайший срок.

3. Необходима проверка командного состава. Нужна беспощадная чистка 3-й армии от тех командиров, которые в момент боя прячутся по щелям, а в момент отступления оказываются первыми на колесах. Нужно внимательно и энергично выдвигать на низшие командные посты твердых решительных красноармейцев.

4. Необходимо установить в армии режим суровой непреклонной дисциплины. В некоторых частях 3-й армии до сих пор еще сохранились навыки партизанства или атаманства, обсуждение боевых приказов и неисполнение их под разными предлогами. Необходимо установить прямую непосредственную ответственность командиров и комиссаров за исполнение боевых приказов.

Некоторые коммунисты, ссылаясь на свою принадлежность к коммунистической партии, оправдывают этим своевольное нарушение военных порядков. Нужно установить прямо противоположное правило: за нарушение приказа и единства действий коммунисты караются вдвойне. Никакие заслуги в прошлом не могут и не будут служить оправданием тому, кто в будущем окажется недисциплинированным членом революционной воинской семьи.

5. В частях, которые наступают, первое слово принадлежит героям. В армии, которая долго отступает, постепенно забирают силу шкурники. Эта опасность грозит 3-й армии. Необходимо в наиболее разложившиеся части ввести в качестве красноармейцев действительных и надежных коммунистов, которые свежим глазом разобрались бы во внутренней жизни части, помогли бы выкинуть из нее прямых агентов Колчака, передав их в руки трибунала и тем заставили бы замолчать шкурников.

6. Необходимо установить, как незыблемое правило, что ни одно преступление, ни один проступок против революционного воинского долга не останется безнаказанным. Следствие должно быть кратким, дабы наказание следовало по возможности немедленно за преступлением. Нужно, чтобы трибуналы своими приговорами заставили понять менее сознательных красноармейцев, менее твердых командиров и комиссаров, что дело

идет сейчас о жизни и смерти рабочего класса и что никакой пощады не может быть преступникам, бездельникам, трусам и бесхарактерным потатчикам.

7. С другой стороны, необходимо, чтобы лучшие солдаты, комиссары и командиры чувствовали себя окруженными вниманием и любовью армии и всей страны. Необходимо, чтобы комиссары частей были в самой гуще солдатской массы, в строю, в бою, на отдыхе и в развлечении. Необходимо обязать к тому же и командный состав. Нужно установить более тесную связь очищенных и проверенных коммунистических ячеек с командирами и комиссарами в деле наблюдения над поведением красноармейцев. Нужно обязать комиссаров частей периодически представлять по команде отзывы о солдатах своих частей, выдвигая наиболее способных на командные должности и представляя их к награде, освещая их деятельность в печати.

8. Нужно обязать комиссаров доставлять правильно, не реже раза в неделю, сведения Политотделу и корреспонденции в армейскую газету. Газета армии не должна быть простым воспроизведением советских или коммунистических газет. Она ни на минуту не должна забывать, что является армейской газетой, она должна изображать жизнь армии во всех ее деталях. Каждая часть должна узнавать себя там, как в зеркале: герои должны быть высоко подняты в сознании массы, шкурники должны быть подвергнуты презрению и осмеянию. Такое конкретное освещение внутренней жизни армии имеет более воспитательное значение, чем общеполитические агитационные статьи. Красноармеец, который способен следить за политической жизнью вообще, будет читать общие советские издания.

Все перечисленные меры должны быть проведены в кратчайший срок. Время распутицы должно быть использовано для полного внутреннего перерождения 3-й армии. Это перерождение нужно начать с верхов, с комиссаров, с командиров, коммунистических ячеек. Всем нужно встряхнуться, сбросить с себя усталость и уже создавшуюся привычку к отступлению, остановиться, сосредоточить всю энергию, всю волю и ценой каких-угодно усилий двинуться вперед. Не может быть никакого сомнения, что насильственно мобилизованные, принудительно сколоченные Колчаковские войска рассыплются на части после первого серьезного удара. Но этот удар должен быть нанесен. 3-я армия численно не слабее противостоящей ей армии Колчака. Стало быть, сейчас все зависит от инициативы, решимости, преданности, героизма, самоотверженности товарищей-коммунистов. К ним партия, в лице своего Центрального Комитета, обращается с призывом: «товарищи-коммунисты 3-й армии, от вас зависит спасти революционную честь 3-й армии и, вместе с тем, спасти революцию». В том положении, какое создалось для 3-й армии и для страны, для коммунистов не может быть сейчас ни сомнения, ни колебания ни оглядок, ни критики — только один лозунг: Вперед!

Задача Восточного фронта.

Эта задача ясна и проста: разбить Колчака, уничтожить его армию. Но этого нельзя достигнуть отступая. Необходимо *перейти в наступление*. Это есть главная задача восточного фронта, солдат, командиров, комиссаров. *Перейти в наступление — вот требование момента.*

За последние недели армии восточного фронта отступали. Пермская армия отступает уже в течении месяцев. Отсюда выработалась известная привычка к отступлению. Части отступают тогда, когда для этого нет никакого оправдания в соотношении сил и в объективном положении.

Восточный фронт наш усиливается не по дням, а по часам. Страна напряженно работает над отправкой сюда пополнений и всего необходимого снабжения. Но для победы недостаточно иметь солдат и вооружение, — нужна непреклонная *воля к победе*. Ее нужно пробудить и закалить в течение ближайших дней.

Когда шар катится под действием полученного толчка, он уже не остановится, пока не израсходует всей полученной им энергии движения. Иногда это бывает и с армиями, когда они утрачивают свою волю. Но в армиях восточного фронта нет и тени потери воли к победе. Есть только ослабление ее напряженности. Нужно, чтобы командиры и комиссары взяли на себя инициативу движения вперед, и эту инициативу передали всей армии.

Распутица и бездорожье создали для нас короткую передышку. Это дает нам возможность привести в порядок расстроившиеся ряды, выкинуть вон негодные элементы, обновить и освежить, где нужно, командный и комиссарский состав и подготовиться таким образом к движению вперед.

Конец отступлению! Мы должны разбить Колчака. Разбить его можно только путем напряженного наступления на всем фронте. Такое наступление потребует гораздо меньше жертв, чем затяжное отступление. Один решительный удар — и насилием созданные, плетями сплоченные полки Колчака рассыплются на части. Такой удар мы должны нанести.

Комиссары и командиры! Советская республика налагает на вас величайшую ответственность в эти дни. Вы не смеете терять ни одного дня, ни одного часа. Вы обязаны встряхнуть ваши части и пробудить в них несокрушимую волю к победе. Ни шагу назад! Пробил час наступления.

Горе тем полкам, которые не выполнят боевого приказа!

Честь и слава мужественным солдатам, командирам и комиссарам восточного фронта!

24 апреля 1919 г.
Вятка.
«В пути», № 36.

Всем гражданам Вятской губернии!

Рассчитывая на вятскую буржуазию и на сельских кулаков, Колчак разослал своих агентов по всей Вятской губернии. Им поставлена задача: 1) разрушать железнодорожные пути, взрывать мосты, уничтожать телеграфную и телефонную связь; 2) поднимать кулацкие мятежи в тылу красных войск; 3) вносить смуту и разложение в ряды красных полков.

В городе Вятке, в местах расквартирования некоторых частей найдены белогвардейские колчаковские воззвания за фальшивой подписью «Крестьянин», «Уралец» и прочее. Подобная же агитация ведется среди железнодорожных служащих и в деревнях. Колчаковские агенты — наемники русских и американских империалистов — не останавливаются ни перед какими средствами в борьбе с рабочими и трудовыми крестьянами. Советская власть в свою очередь не остановится пред самыми суровыми мерами в борьбе с контр-революционными предателями и их пособниками.

Сим объявляется:

1. Все граждане, которые будут уличены в прямом или косвенном содействии агентам Колчака — в предоставлении им квартиры, содействии передвижению, укрывательстве их, в недонесении об их действиях ближайшим военным или гражданским властям, — будут приравнены к изменникам и судимы по законам военного времени.

2. Ответственность за неприкосновенность железнодорожного пути, телеграфных линий и всех вообще сооружений, имеющих военное значение, возлагается на Советы и все вообще население тех сел и волостей, которые расположены вдоль железнодорожных и телеграфных линий. Соответствующая разверстка путей будет объявлена особо чрез посредство местных властей. В случае злоумышленной порчи путей, столбов, проволоки, мостов, кулаки и белогвардейцы, взятые в качестве заложников, подлежат расстрелу.

3. Коменданты казарменных помещений, комиссары, командиры обязуются неослабно следить за появлением подозрительных лиц в местах расквартирования красноармейских частей. Все честные товарищи красноармейцы обязуются оказывать в этом отношении всяческое содействие Наемные агенты Колчака должны быть изловлены и истреблены.

4. Прямое или косвенное содействие уклонению от воинского долга,— подстрекательство к дезертирству или укрывательству дезертиров, — карается в пределах Вятской губернии, как государственная измена по всей строгости законов военного времени.

5. Буржуазные и кулацкие элементы должны помнить, что они живут в социалистической республике, которая ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с врагами рабочего класса: в случае малейших попыток оказать помощь Колчаку, на городскую и сельскую буржуазию Вятской губернии опустится беспощадная рука красного террора.

Настоящее объявление вывесить во всех советских учреждениях, во всех публичных местах и вручить под личную расписку председателям волостных и сельских исполнительных комитетов Вятской губернии.

«В пути», 24 апреля 1919 г., № 35.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 3-й армии от 26 апреля 1919 г., гор. Вятка.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Товарищи солдаты, командиры и комиссары! Командование вашей армии отдало вам приказ: приготовиться к наступлению. Этот приказ должен быть вами выполнен с величайшим напряжением всех ваших сил. Нужно использовать те немногие дни, которые еще остаются для подготовки. Нужно налечь на учение. Нужно исправить все недочеты, заделать все промахи, наверстать упущенное. Каждый командир должен внимательным и строгим оком осмотреть свои части. Каждый комиссар должен напомнить солдатам своего полка о высокой ответственности, которая на них лежит. Каждый солдат должен помнить, что на него с ожиданием глядит теперь вся страна.

Когда будет отдан приказ перейти в наступление, тогда не должно быть никаких сомнений, колебаний, оглядок по сторонам. Горе тому солдату или командиру, который выйдет из общих рядов, как нарушитель единства, как отщепенец! Железная дисциплина должна установиться в ваших рядах. Этого требует спасение страны. Каждый командир от отделенного до начальника дивизии должен помнить, что он отвечает за свою часть. Каждый комиссар должен помнить, что он разделяет ответственность с командиром.

Я провел среди вашей армии несколько дней. Я видел части вашей армии, беседовал с солдатами, командирами, комиссарами. Твердо верю, что настал момент решительного перелома. Отступления больше не будет, третья армия перейдет в наступление.

Посылаю братский привет всем тем частям третьей армии, с которыми мне на этот раз не довелось повидаться лично. В ближайшие недели встречусь с вами, товарищи, в Перми, а затем и в Екатеринбурге. Пусть же победа венчает ваши знамена!

Да здравствует третья армия!

Да здравствует рабоче-крестьянская Россия!

Что делаешь, делай скорее!

Наши войска заняли Бендеры. В Бессарабию открыта широкая дверь. В Каменец-Подольском направлении украинские части продвигаются на соединение с войсками Советской Венгрии. В то же время и на Севере дела идут хорошо. Английское командование недели 4 тому назад совсем отчаялось, затем как-будто успокоилось, но теперь опять дела пошли для него из рук вон плохо. Белые восстают, призывают наши войска, переходят на нашу сторону, сражаются в наших рядах. Так произошло в районе деревни Тулгасской (на левом берегу С. Двины). Благодаря этому наши части, несмотря на крайне неблагоприятные физические условия, одним ударом заняли крайне важный укрепленный район Тулгасской волости, до деревень Карповская и Бутаковская включительно. Мы можем, стало быть, с полной уверенностью ожидать дальнейшего развития событий на Северном фронте.

Правда, нас постигла крупная неудача на западе. Польские легионеры завладели Вильно. Но, несмотря на крупное значение Вильно, как литовского центра, самый факт падения Вильно не заключает в себе ничего угрожающего с военной точки зрения. Взаимоотношения между Советской Россией и Польшей разрешатся не военными стычками тех, крайне незначительных, по существу, сил, которые в данном столкновении определяют «судьбу» Вильно на несколько недель. Пролетариат Варшавы, Ченстохова, Домброва ребром ставит вопрос о Советской власти. Правительство польского капитала может еще сегодня бросить ударные группы против Вильно, но едва ли оно способно создать сколько-нибудь устойчивый режим в Варшаве. Колебания западного фронта имеют поэтому третьестепенное значение. Здесь весь вопрос будет разрешен сразу в широком масштабе.

Остается по-прежнему Восточный фронт. Было бы поспешно утверждать, что там уже достигнут необходимый перелом. На северном участке операции почти приостановлены жестокой распутицей. На южном участке Колчак продолжает кое-где теснить наши части. Пополнения и подкрепления идут с разных сторон, но они *идут слишком медленно*. Коммунисты мобилизуются в большом числе, но они *поступают слишком медленно*. Маршрутные поезда снабжения идут на восток, но они *идут слишком медленно*. Нам же не только необходимо победить Колчака, нам необходимо победить его в скорейший срок, с наименьшей затратой сил и средств.

Поэтому, обращаясь ко всем учреждениям и работникам тыла — к Центральному Управлению Снабжения, к Всероссийскому Главному Штабу, к округам, губернским и уездным военным комиссариатам, к советским и партийным организациям, к профессиональным союзам, — **Восточный фронт призывает: что делаешь, делай скорее!**

«В пути», 27 апреля 1919 г., № 37.

Не теряйте времени!

Колчаковская опасность вызвала, несомненно, огромный подъем в стране. Все остальные вопросы временно отстранены. Снова обнаруживается, что великая классовая связь рабочих масс несравненно сильнее и могущественнее всех местных профессиональных и бытовых трений и недоразумений. Недовольство положением вещей, или другими действиями Советской власти несомненно существует. Да и как ему не быть? Страна еще не выбилась из тисков голода и разрухи. Иногда это недовольство принимает острые формы. При подстрекательстве белогвардейцев и левых эс-эров, при содействии меньшевиков и правых эс-эров, недовольство превращается подчас в местные восстания и стачки. Но стоит появиться общей опасности, как все частные вопросы отступают на задний план, — трудящиеся массы объединяются сознанием того, что как ни трудно теперь временно приходится им, но при правлении буржуазии им придется несравненно труднее и, главное, не будет выхода. Отсюда этот боевой подъем, несмотря на тяжкую усталость, отсюда эта готовность бороться до конца за Рабоче-Крестьянскую Республику.

Однако же, организационный аппарат и тут действует слишком медленно. Между готовностью трудящихся масс сражаться и между ее применением оказывается слишком долгий путь.

Маршевые пополнения поступают слишком медленно нередко из-за недостатка обмундирования. Местные советские учреждения работают сплошь да рядом врозь. Обмундирование, имеющееся у Совнархоза или продовольственного комитета, не находится в нужный момент в распоряжении губернского или уездного военного комиссариата. Необходимо положить этому конец. **Отправка маршевых рот должна стать центральной задачей всех советских учреждений и партийных организаций.**

Мобилизация коммунистов, сочувствующих и добровольцев идет хорошо, но мобилизованные слишком медленно доходят до фронта. Снимаемые с ответственных постов работники слишком долго передают дела. Этому нужно положить конец. Сдача дел должна производиться в несколько часов. Мобилизуемые должны, по возможности, в тот же день отправляться на место назначения.

Местные комитеты партии и исполнительные комитеты стремятся мобилизованных ими свести в более крупные единицы — в батальоны

и полки. Это вызывается вполне понятным и отнюдь не предосудительным чувством соревнования. Но такой порядок отправки пополнений неблагоприятно отражается на фронте. Значительную часть мобилизованных коммунистов лучше всего вводить красноармейцами в очередные маршевые роты пополнений, остальных спешно сколачивать в отдельными ротами, по мере накопления, отправлять на фронт. Там у нас во всех армиях имеются хорошие закаленные кадры, в ближайшем тылу имеются хорошо организованные запасные полки. В обстановке фронтовой полосы обучение и формирование идет гораздо более быстрым темпом, чем в далеком тылу.

Главная сейчас задача не терять времени. Прибытие каждой новой маршевой роты, — при наличности твердых кадров, — имеет громадное материальное и нравственное значение на фронте. Получив пополнение, полк перерождается. Каждый свежий работник-коммунист может приобрести огромное значение для жизни каждой отдельной части.

Но нужно спешить. Нужно, чтобы маршевые роты, добровольческие формирования, командный состав, коммунисты прибывали на фронт немедленно, теперь же. А для этого необходимо в каждом уездном и губернском городе покончить решительно с волокитой и междуведомственной невязкой. Каждый уезд должен действовать так, как если бы колчаковская опасность надвигалась непосредственно на него и от его усилий зависело отразить его. Только в этом случае мы достигнем полного, решающего, а главное — скорого успеха.

Товарищи, спешите! Не теряйте времени!

«В пути», 28 апреля 1919 г., № 38.

Россия или Колчак?

Всколыхнулась страна. Надвинувшаяся с Востока опасность пробудила великую энергию трудовых масс. Силы мобилизуются, воля сосредочивается, — готовится отпор.

Конечно, страна устала. За долгий ряд лет накопилась эта усталость. Трудовой подъяремный народ не выходил из состояния усталости никогда. В усталом виде он был брошен в пекло империалистической бойни. Февральская революция поманила его призраком освобождения, а затем обманула и увеличила усталость.

Октябрьская революция пробудила силы народа, указала ему путь выхода. Но эта же октябрьская революция, ставшая страшной угрозой для буржуазии всего мира, положила начало ряду бешеных походов и атак на рабоче-крестьянскую власть. 17 месяцев мы ведем почти непрерывную борьбу. На нас нападают, мы обороняемся. Рабочие и крестьяне не хотели и не хотят войны, но они не хотели и не хотят превратиться снова в вьючных скотов, которых будут водить по команде Колчака.

Истощенная страна оборонялась и обороняется, истекая кровью. На усталость страны рассчитывали сперва немецкие империалисты, потом англо-французские хищники, а теперь Колчак. Он сам, разумеется, сознает, что с многомиллионной рабоче-крестьянской Россией ему не совладать. Но он рассчитывает на то, что у народа опустятся руки.

Столько бед, невзгод и тягот выпало на долю трудового русского народа за последние пять лет, что казалось бы, откуда и взяться еще силы народной для сопротивления и отпора? И Колчак надеется: поникнет головой русский рабочий, упадет сердце русского крестьянина, опустятся у них руки и скажут они: «нет у нас больше сил на сопротивление, пускай приходит, кто хочет — Колчак, английский король, японский микадо; пускай грабят, душат, пускай делают, что хотят, — мы больше сопротивляться не можем и не хотим». Вот на что рассчитывает Колчак.

И действительно, если бы надломился дух народный, тогда пришла бы гибель наша.

Но этого нет! этого не будет!

На наших глазах совершается великое дело. Грозная опасность вызвала в народных недрах новый прилив энергии и силы. Так бывает и с отдельным человеком. Усталый, истомленный, полусонный бредет он лесной дорогой, готовый свалиться под первым пнем и заснуть мертвым сном.

Но вот в лесной вечерней тиши послышался ему разбойничий посвист,— и полумертвый от усталости путник встряхнулся, пробудился, вперяет взор в сумрак, рукой сжимает дубину, камень, нож, что есть под рукой. Смертельная опасность пробудила в нем упавшую энергию.

Русский народ сейчас великий путник. Сбросив со своих плеч цепи старого рабства, идет он к новым великим целям — к устройству честной, справедливой, трудовой и счастливой жизни, основанной на началах братского труда. Но путь тяжел. Подъемы и спуски, ухабы и овраги, и острый щебень под ногами. И ядовитые гады прячутся под камнями подорожными. Черное воронье, зловеще каркая, кружится над головой и ждет добычи. Но путник, преодолевая препятствия, истощенный голодом идет к своей цели. Моментами кажется, что он остановился — не то от усталости, не то от раздумья. Даже как будто сомнение шевельнулось в его душе: дойду ли?

Вот, такой момент уловил Колчак. Он изловчился, сосредоточил все, что у него было, и ударил из сибирского тыла по русскому народу. «Ты истощен, пролетарий; ты устал крестьянин. У вас сердце дрогнуло, у вас руки опускаются, — стало быть, теперь вы будете мои. Я подомну вас под себя, я закую вас в железо, я надену на вас новый намордник самодержавия, калеными, стальными прутьями я заставлю вас по прежнему служить вашим вековым господам—помещикам, фабрикантам, генералам и адмиралам. И снова станет Россия царской и дворянской».

Но не рассчитал Колчак. Усталость народную он подметил правильно. Усталость эта есть у всех. Вся страна хочет мира и спокойного труда. Но есть не только усталость. Есть в народе сознание, несокрушимая воля— к свободе, к независимости и к счастью. Нынешняя Россия — новая Россия, не дворянская, не буржуазная, не царская, не колчаковская, а рабоче-крестьянская. Прозвучал на всю Россию вечевой колокол тревоги, и не только рабочие Петрограда и Москвы, не только трудовое население Поволжья, которому непосредственно угрожает Колчак, но и крестьяне самых захолустных уездов и волостей услышали и поняли, что последний сильный и опасный враг угрожает всему, что народом завоевано и, главное, — всей его будущности. Перед каждым рабочим и крестьянином, перед каждым сознательным и честным солдатом Красной Армии вопрос стоит теперь так: кому жить, а кому погибать — России или Колчаку?

Россия — это трудящиеся, которые взяли в свои руки управление страной и принялись залечивать ее старые раны и язвы и строить новую разумную жизнь. Россия — это многомиллионный народ, который желает жить в мире и братстве со всеми другими трудовыми народами. Россия — это молодые и грядущие поколения, дети наши, внуки и правнуки, которым мы передадим страну, освобожденную от того варварства и зверства, которые тяготели над нею веками.

Колчак — это воплощение всей старой неправды русской жизни. Превратить всю страну в страшную каторжную тюрьму, где надсмотрщиками и палачами были бы обиженные ныне эксплоататоры, а каторжниками —

трудовые рабочие и крестьяне,—такова единственная цель колчаковского похода.

Встрепенулась страна. В губерниях, в уездах, в волостях, в центре всеобщего внимания стоит теперь один вопрос—собрать и сосредоточить все силы и средства для отпора Колчаку. Помимо мобилизации пяти лет, объявленной Советом Народных Комиссаров, все губернии стремятся создать образцовые части из наиболее сознательных, революционных и самоотверженных рабочих и крестьян—добровольцев. Пример подали губернии Поволжья, где коммунисты Сызрани, Самары, Симбирска, Казани с лихорадочной энергией создают ударные революционные полки. Рабочие Москвы живут единой мыслью, единой заботой—обеспечить восточный фронт. В Петрограде совершается героическая работа в интересах восточного фронта, Пензенские рабочие телеграфируют о спешном формировании ими ударного полка. В Ярославской, в Вологодской губерниях коммунисты выполняют свой долг, мобилизуя для восточного фронта лучших борцов. Россия встрепенулась, губерния соперничает с губернией, уезд с уездом в деле отпора Колчаку. Это—благородное соперничество, вызываемое несуетным честолюбием, а стремлением оказать наибольшую услугу делу рабоче-крестьянской революции.

Опасность на восточном фронте велика. Силы Колчака еще не разбиты и даже движение его к Волге не остановлено. Но уже сейчас можно сказать с глубокой уверенностью, что колчаковской опасности Советская Россия противопоставит могучий, сокрушающий отпор.

Не терять ни дня, ни часа! Все силы, все средства взять на учет и поставить на дело! Каждого работника поставить на надлежащее место! Каждая губерния, каждый уезд, каждая волость должны сейчас работать так, как если бы вся тяжесть колчаковского нашествия должна была обрушиться целиком на них. Эти весенние недели решат вопрос целиком. Рассыпется Колчак—исчезнут вслед за ним остатки красновских и деникинских банд, англичане увезут прочь свои оккупационные войска, и Гинденбург уберется вон со своими жалкими «железными» батальонами.

Колчак—единственная серьезная опасность. Эта опасность будет преодолена, устранена, задушена. Рабоче-Крестьянская Россия хочет жить и будет жить.

Гибель и смерть Колчаку!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Россия!

Еще раз: не теряйте времени!

Положение на восточном фронте остается попрежнему тревожным. Пополнения поступают слишком медленно. В темпе работы советских учреждений не наблюдается необходимого напряжения. Объясняется это в значительной мере тем, что мы за полтора года Советской власти слишком привыкли к опасностям и привыкли победоносно справляться с ними. Многие товарищи рассуждают так: «Неужели же Колчак одолеет Советскую Республику?!» — и на этом успокаиваются. Такого рода настроение грозит величайшими опасностями. Во всяком случае оно крайне замедляет мобилизацию необходимых сил и тем самым отдаляет час наших побед. Между тем, победа нам нужна скорая. Мы не имеем права терять времени. Страна изголодалась. Страна нуждается в хлебе, угле, нефти, хлопке. Все это может доставить рабочим и крестьянам только скорая и решительная победа. А такая победа возможна только при подлинно-революционном напряжении всех передовых сил рабочего класса и сознательного крестьянства.

Работа идет слишком медленно. Многие решения и мероприятия, которые могли бы быть приняты сегодня, откладываются на завтра. При передаче распоряжений от учреждения к учреждению теряется много времени. Ответственные работники на местах далеко не всегда проверяют исполнение постановлений. Слишком многие убаюкиваются словами.

Местные интересы все еще нередко оказывают слишком большое влияние на работу по содействию восточному фронту. Слишком большое число работников оказывается на положении «незаменимых» для местной работы. Слишком медленно снимаются с мест те, которые назначены на фронт. Слишком долго сдают дела. Для маршевых пополнений несвоевременно требуют подвижного состава. Невязка наблюдается всюду. В одном месте потерян час, на другой передаче — полчаса, там — целые сутки... А в результате подкрепление поступает на фронт на целую неделю позже, чем могло бы. На войне же время более, чем где бы то ни было, имеет решающее значение.

Товарищи — члены губернских и уездных исполнительных комитетов и комитетов партии! От вас зависит придать всей этой работе новый размах. В советской нашей механике накопилось уже не мало рутины, волокиты, новой советской обломовщины. Нужно, чтобы работа по обслуживанию восточного фронта не была парализована этими пороками. Центральный Комитет требует, чтобы местные организации три четверти своих сил со-

средоточили сейчас на работе по проведению очередных мобилизаций, формирований и отправки подкреплений на восточный фронт. Это постановление Центрального Комитета партии надлежит понимать буквально. Стало быть, из каждых четырех местных работников трое должны быть двинуты на военную работу в широком смысле этого слова. Еще раз повторяю: каждая губерния, каждый уезд должны действовать так, как если бы колчаковская опасность стояла непосредственно у их границы и могла быть отражена только их собственными силами.

Нужно ускорить отправку на фронт товарищей, мобилизованных партией и профессиональными союзами.

Нужно со всей энергией провести работу по отправке 10—20 человек от каждой волости, согласно постановлению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Обороны от 25 апреля с. г.

Нужно одновременно принять меры по ускорению плановых формирований и отправке плановых пополнений.

Русский рабочий класс поставлен пред последним тяжким испытанием. Это испытание будет выдержано: победа будет одержана, но под одним условием, не убаюкивать себя оптимизмом, не надеяться на других, не надеяться на «авось», не терять ни минуты времени!

Пусть каждый советский работник, каждый член партии вывесит у себя над столом или над станком надпись: **Помни о восточном фронте! Не теряй времени!**

30 апреля 1919 г.
Москва.
„В пути“, № 39.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по войскам Восточного фронта от 1 мая 1919 г., № 92.

После периода временного ослабления и отступления восточный советский фронт пополнился и окреп. Мы сдерживаем наступление врага и на некоторых участках сами начинаем переходить в наступление. Еще неделя-другая, — и перелом обозначится по всей линии фронта. Колчаковские войска будут отброшены назад.

На рубеже нового, победоносного периода в работе восточных армий напоминаю о строжайшем исполнении ранее отданного приказа об отношении к перебежчикам и военно-пленным:

Перебежчиков встречать дружелюбно, как освободившихся из-под колчаковской палки товарищей или как раскаявшихся противников. Это относится не только к солдатам, но и к офицерам. Кто перешел к нам, с тем делить хлеб-соль.

Сдавшихся или захваченных в плен противников ни в коем случае не расстреливать. Твердо помнить, что в армии Колчака часть обманута, другая часть сражается из-под палки и лишь ничтожная часть состоит из монархистов-колчаковцев. Даже в среде колчаковских офицеров только адмиральская и генеральская верхушка состоит из заклятых врагов рабочего народа. Большинство низшего офицерства мобилизовано насильственно и радо бы выбраться из петли.

Увидав на чьей стороне правда и сила, не только солдаты Колчака, но и многие из его офицеров будут затем честно работать в советских рядах.

Самовольные расстрелы не только перебежчиков, но и пленных врагов будут беспощадно караться по законам военного времени.

Пусть палачи Колчака расстреливают пленников. Рабоче-крестьянская армия раскаявшихся врагов превращает в друзей.

Командирам, комиссарам, сознательным солдатам строго следить за исполнением настоящего приказа.

Революционным Военным Советам восточных армий предписывается настоящий приказ предать самой широкой огласке, распространить его во всех частях армии восточного фронта, вручить на руки командирам и комиссарам частей, чтобы никто не мог отговариваться неведением. В то же время принять меры к тому, чтобы приказ стал известен всем солдатам и командирам контр-революционной армии Колчака. Пусть они сами определяют свою судьбу!

Начало перелома.

Результаты усиленной работы на восточном фронте и в тылу уже начинают сказываться. Линия колчаковского наступления дрогнула[75]. На южном участке восточного фронта у нас определился серьезный успех. В Оренбурге и Уральске наше положение становится вполне прочным. Линия Самара Белебей быстро переходит в наши руки. Непосредственная угроза по левому берегу Камы на Спасск может считаться отстраненной.

На северном участке восточного фронта перелом еще не определился в очевидных для всех формах. На фронте пермской армии — временный застой в операциях, вызванный еще незакончившейся распутицей и необходимыми подготовительными операциями.

Отступление соседней к югу армии, правда, продолжается. Но это отступление не имеет ничего общего с тем, какое мы наблюдали на разных участках восточного фронта до недавнего времени. В данном случае отступление вызывается определенными соображениями командования, оно заранее ограничено определенной линией и производится со всей необходимой планомерностью.

Перелом на восточном фронте обозначился. Линия колчаковского наступления дрогнула и на юге стала под нашим натиском оттягиваться назад к Уралу.

Было бы, однако, величайшим легкомыслием и преступлением считать, что главное уже сделано, что будущая победа вполне обеспечена.

Нет! Сделан только первый шаг. Намечен только перелом. А нам нужен не перелом, нам необходима полная, решительная, сокрушительная и, главное, быстрая победа.

Этой мыслью должна быть проникнута вся работа тыла. Спешите! Гоните сюда пополнения! Не теряйте ни дня, ни часа!

Колчак дрогнул. Надо его опрокинуть. Надо донести дело до конца. Надо уничтожить гадину!

4 мая 1919 г.
Инза—Рузаевка.
«В пути», № 41.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 5 мая 1919 г., № 92, гор Казань.

Армиями восточного фронта в течение 8 месяцев руководил С. С. Каменев. Под его командованием армии нанесли не один удар чехословакам, бандам Дутова и Колчака Под руководством т. Каменева войска восточного фронта вернули Советской Республике Уфу, Оренбург, Уральск. Вследствие ряда причин наш восточный фронт временно ослабел, и Колчак снова овладел Уфой, оттеснив наши войска на значительное расстояние. Однако за последние недели предприняты были восточным фронтом, под руководством командующего Каменева, энергичные меры по восстановлению положения. Меры эти уже привели к первым серьезным успехам. На большей части линии восточного фронта армии наши перешли в успешное наступление.

Напряженная и непрерывная работа командующего восточным фронтом вызвала потребность во временном отдыхе. Увольняя товарища Каменева в шестинедельный отпуск и выражая ему благодарность от имени Красной Армии, твердо надеюсь, что войска восточного фронта под руководством нового командующего А. А. Самойло разовьют уже полученные успехи и дадут Советской Республике полную победу над Колчаком.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по N-ской дивизии от 6 мая 1919 г., № 95, Вятские Поляны.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Товарищи солдаты, командиры, комиссары N дивизии! С основным ядром вашей дивизии я познакомился в памятных прошлогодних боях под Казанью. После того прошло не мало времени, тогдашний отряд развернулся в правильную и могучую дивизию, о которой враги говорили с ненавистью, а друзья — с уважением и любовью. Что спаяло вашу дивизию воедино? Ясное сознание того, что наша борьба есть честная, святая борьба. Враги рабочего народа, помещики, капиталисты, заставили нас взяться за винтовки. Но раз так, — сказали вы себе, — то мы должны быть подлинными солдатами революции, неустрашимыми борцами. Вы выдержали много боев. Вы записали на ваших знаменах много побед. Вы несли свободу городам и деревням.

Правда, за последнее время ослабленный восточный фронт дрогнул. Вам пришлось отступать. Но если вы временно отступали, то только для того, чтобы лучше разбежаться и прыгнуть вперед. Теперь момент героического прыжка вперед наступил. Наши угнетенные братья в Перми, в Екатеринбурге с нетерпением ждут часа свободы. Эту свободу дадите им вы.

Посетив 6-го мая ваши ряды, я из бесед с вашими стрелками, артиллеристами, кавалеристами, броневиками, моряками, командирами, комиссарами убедился, что временное отступление не надломило вашего духа. Он крепок сейчас, как и был.

Борцы N-ой дивизии! Отступлению конец. Ни шагу назад!

Смерть и гибель бесчестным бандам Колчака!

Да здравствует мужественная N-ая дивизия!

Да здравствует Рабочая и Крестьянская Красная Армия.

Великий экзамен.

Губернские и уездные партийные, советские и профессиональные организации держат великий экзамен. От энергии, от точности их работы зависит успех операций на восточном и южном фронтах.

Было бы преступным легкомыслием считать, что с возвращением Бугуруслана, Сергиевска, Чистополя наша задача на восточном фронте близится к разрешению. Этого нет, еще далеко нет. Поощряемый продолжительным отступлением наших восточных армий, Колчак слишком далеко зарвался вперед. При переломе настроения в наших войсках, при переходе в наступление мы быстро смяли его авангарды. Но **только** авангарды. Как многочисленны колчаковские резервы, какую стойкость они проявят — это может обнаружиться только на деле. Только дальнейшее развитие операций приведет нас к непосредственному столкновению с резервами Колчака. И не трудно предвидеть, что для полной победы недостаточно того напора, который наши армии восточного фронта развивают сейчас.

Мы не имеем права останавливаться. Мы не имеем права терять темпа. Мы должны непрерывно продвигаться вперед, развивая свой успех, не давая врагу остановиться, совершить необходимую перегруппировку, упрочиться и дать нам отпор.

Сейчас в наших руках великое преимущество инициативы. Мы должны его за собой сохранить. Нам нужно наступать, наступать, наступать — до полного сокрушения колчаковских банд. А для этого фронту необходимы пополнения. Быстрота и непрерывность их поступления зависит от энергии и точности работы губернской и уездной Советской власти.

До сих пор эта работа совершалась гораздо медленнее, чем этого требовали обстоятельства. Резолюции о поддержке восточного фронта текли гораздо обильнее, чем маршевые роты. А между тем готовность рабочих и крестьян отдать все для победы над Колчаком не подлежит сомнению. Нужно только, чтобы губернские и уездные аппараты Советской власти работали непрерывно, точно, без перебоев. Нужно, чтобы никто не смел откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Поистине, наши местные организации держат ныне великий экзамен. Задача партийного и советского центра состоит в том, чтобы точно следить за тем, как этот экзамен будет выдержан. Инициативные, надежные, способные, добросовестные работники познаются именно в критический

момент. Выдвинутые обстоятельствами, они должны будут получить в дальнейшем возможность более широкого приложения своих сил. Наоборот, те работники, которые обросли на местах паутиной канцелярщины, должны быть сняты со своих постов.

Великий экзамен, который держит страна, ни в коем случае не должен пройти бесследно для нашего внутреннего строительства. Напряжение всех сил должно привести к очищению советского аппарата от всех элементов пассивности, ротозейства и гнили и к обеспечению руководящего места в работе за всеми творческими элементами рабочего класса.

7 мая 1919 г.
Казань—Шихраны.
«В пути», № 43.

БОРЬБА ЗА ПЕТРОГРАД.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора солдатам Северной армии, охраняющим подступы к Петрограду от 11 февраля 1919 г., № 79, гор. Ямбург.

Товарищи солдаты, командиры, комиссары!

Прибыв по поручению Совета Народных Комиссаров на ваш фронт, приветствую всех честных, стойких и мужественных борцов вашей армии!

Приветствую вас от имени солдат южного фронта, которые нанесли смертельный удар красновским бандам и ныне победоносно приближаются к Ростову и Новочеркасску!

Приветствую вас от имени войск украинской армии, которые освободили Харьков, Полтаву, Екатеринослав, Чернигов, Киев, Елисаветград!

Приветствую вас от имени войск восточного фронта, которые, очистив Волгу, принялись за очистку Урала и, после взятия Оренбурга, снова связали советскую Россию с советским Туркестаном!

Приветствую вас от имени войск западного фронта, которые освободили от немецкого белогвардейского ига Латвию, Литву и Белоруссию!

Товарищи! Только на участке вашей армии советская Россия с изумлением наблюдала до последнего времени неудачи. Вместо того, чтобы наступать и освобождать рабочих и крестьян, как подобает революционным войскам, вы до сих пор отступали [76].

Почему?

Так ли силен наш враг?

Нет, враг малочислен. Вы несравненно многочисленнее. Если вы отступали и давали возможность обнаглевшему врагу захватывать город за городом, то виною тому недостаточная стойкость в ваших собственных рядах.

Я знаю: в вашей армии были не только отдельные солдаты, но и целые полки, которые честно и мужественно сражались. Они все будут отмечены и вознаграждены. Имена их будут с уважением произноситься во всей советской России. Приказываю командирам и комиссарам всех частей вести внимательный учет всем отличившимся солдатам и представлять их к награде по команде.

Но не мало среди вас оказалось бессознательных, трусливых и даже бесчестных солдат, не мало шкурников, которые в минуту опасности думают не о рабочем народе, не о своих собратьях, а только о себе, о своей собственной шкуре. Эти шкурники вносили развал в красные полки и пе-

редко подбивали их к постыдным отступлениям. Шкурники нередко дезертировали и подбивали к дезертирству колеблющихся. Такое поведение сделало вашу армию самой слабой, самой бессильной в ряду многочисленных армий Советской Республики.

Ныне этому будет положен конец. Красные полки не должны знать отступления. Из рядов революционных войск не может быть дезертирства. Дело, за которое вы сражались — самое великое и святое дело на земле: вы охраняете Рабочую и Крестьянскую Революцию от натиска злобных помещиков и буржуазных банд, которые находят поддержку в англо-французском империализме.

Ваша армия охраняет подступы к красному Петрограду. Уже эстонские и финские белогвардейцы похваляются захватить этот великий центр рабочей и крестьянской революции. Этому не бывать! Ваша армия должна подтянуться и выравняться по другим лучшим победоносным армиям Советской Республики. Командиров и комиссаров предупреждаю, что неисполнение боевых приказов ляжет грозной ответственностью прежде всего на них.

Лучшие солдаты обязаны поддерживать командный состав и помогать ему железной рукой справляться с трусами и шкурниками. Ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным. В то же время ни один подвиг не должен оставаться без награды.

Революционный Военно-Полевой Трибунал должен беспощадно карать всех тех солдат, которые предают своих братьев в бою.

Честь и слава храбрым сознательным солдатам!

Смерть и гибель шкурникам, дезертирам, изменникам, предателям!

Да здравствует Рабочая и Крестьянская Красная Армия!

Финляндия и тринадцать других.

Предостережение финской буржуазии.

Болтливый и хвастливый лорд Черчилль насчитал 14 объединенных супостатов у Советской России. К их числу относится и Финляндия. Европейские газеты за последнее время много говорили о сделке, которую Антанта заключила с финляндской буржуазией. Предметом сделки является наступление на Петроград. За это Англия дает 6 миллионов фунтов стерлингов, соответственное количество хлеба, снарядов и всего прочего. Черчилль назвал и срок реализации сделки, то есть наступления: конец августа. На биржевом языке это называется «ультимо».

Где тут кончается ложь и где начинается полуправда?

«Самостоятельная» буржуазная Финляндия является бесспорно самой жалкой, придавленной и порабощенной страной. Получив самостоятельность из рук октябрьской русской революции, финская буржуазия, после подавления своего пролетариата, непрерывно продавала эту самостоятельность в обмен на чужеземные штыки в защиту буржуазной собственности. Сперва Финляндия стала мелким вассальным княжеством Гогенцоллерна, потом — прислужницей Антанты. Ген. Маннергейм с одинаковой готовностью продавал свои палаческие услуги как немцам, так и англичанам.

Но до каких бы низин политической проституции ни пала финская буржуазия, она все же не может отказаться от беспокойства за некоторые минимальные гарантии существования своей страны. Да к тому же народные массы Финляндии — за исключением петушиного сословия мелкобуржуазной шовинистической интеллигенции, так называемых активистов — отнюдь не склонны ставить свою судьбу на карту военной авантюры. Что же касается Ллойд-Джорджа, Клемансо и прочих мировых плутов лиги наций, которые божились свободой и независимостью мелких народов, то для них Финляндия, разумеется, не самоцель, а лишь третьестепенное средство: это, по просту сказать, охапка соломы, которую они хотят швырнуть в российский костер, чтобы разжечь пламя гражданской войны и таким путем содействовать обессилению и обескровлению русского народа. Если при этом сгорит Финляндия, — что до того зарвавшимся бандитам империализма?

Финскую буржуазию берет оторопь. Она прикидывает на счетах, торгуется, просит отсрочки, заламывает цену, соглашается и снова пугается. Эта неустойчивая канитель тлеется уже долгий ряд месяцев. Ге-

нерал Маннергейм совсем было собрался захватывать Петроград в феврале месяце этого года. Он назначил на Карельской границе маневры, которые должны были служить репетицией наступления. Дело, однако, закончилось печально. Мобилизованные финны замитинговали. На маневры явились две роты. Мы укрепили Карельский перешеек, увеличили петроградский гарнизон, поставили на боевую ногу балтийский флот, и вместе с тем заявили, что инициативу наступления на Финляндию ни в каком случае на себя не возьмем.

Авантюра на этот раз сорвалась. На выборах президента генерал Маннергейм потерпел крушение. Подталкиваемая соглашателями финская буржуазия выбрала в президенты бесцветного профессора Стольберга, политика которого сводится к тому, что он одинаково трепещет перед большевизмом, вмешательством в авантюру и угрожающим перстом Антанты.

Избрание трепещущего Стольберга и отъезд в Италию бряцавшего шпагой Маннергейма как будто означали ликвидацию плана военного вмешательства Финляндии. Иностранные газеты писали даже чуть ли не о разрыве между Финляндией и Антантой. Но на собственный запрос в английском парламенте правительство ответило, что смена президентов не отразилась на отношении союзников к Финляндии.

И действительно, в финских и эстонских водах наблюдается большое оживление. Скандинавская печать, как и другие источники, сообщают о значительных транспортах военного снабжения, приходящих в порты Финляндии. По тем же сведениям, германские заводы поставляют Финляндии пулеметы, взрывчатые вещества. Наблюдается оживление толков вокруг жалкой олонецкой экспедиции. Есть сведения о том, что готовится наступление на карельском участке, сперва под видом «зеленых». Как уже упомянуто выше, в самой Финляндии лишь небольшая группа бешеных шовинистов идет навстречу бандитским замыслам Великобритании. Часть офицерства, во главе с Игнациусом, угрожала даже чуть ли не восстанием в связи с уходом в отставку Маннергейма. Финские активисты считают, что вернее всего получат Восточную Карелию и незамерзающий порт на Белом море, если в качестве «залога» захватят... Петроград. Эта идея вполне в духе фантастики финских былин Калевалы. Там, как известно, фигурируют гигантская утка, из яиц которой вылупляются земля и небо, исполинская корова с таким хвостом, что от начала до конца его птице приходится лететь целые сутки. Идея захвата Петрограда финскими активистами, в качестве «залога», вполне относится к циклу образов Калевалы. Только в народном творчестве все это дышит наивной поэзией, а в политике взбалмошных шовинистов — горячечным бредом.

Захват Петрограда при помощи финнов означал бы, конечно, превращение самой Финляндии в безвозвратный «залог» для Деникина.

Вопрос однако не в активистах. Английский империализм, если верить Черчиллю, обязал финскую буржуазию наступать на Советскую Россию

в ближайшие дни. Во всяком случае мы в самом скором времени получим в этом вопросе необходимую ясность.

Наряду с другими тринадцатью врагами вмешательство Финляндии не может, конечно, иметь крупного непосредственного значения: военные силы, какие Маннергейм завещал Стольбергу, крайне незначительны. Тем не менее вопрос о Финляндии становится сейчас принципиальным. Расслабленная в военном отношении Антанта хочет грызть и терзать тело Советской России зубами наемных мелких собак. Открытое вступление в их свору Финляндии подняло бы до некоторой степени дух наших врагов и затянуло бы развязку. Вот почему Советская Россия не может дальше позволить буржуазной Финляндии играть с идеей наступления на Петроград.

Мы ведем слишком большую борьбу мирового масштаба, чтобы у нас могло быть какое бы то ни было желание откликаться на мелкую провокацию. Поэтому повторяем: если Финляндия останется в границах благопристойности, — ни один красный солдат не перешагнет через ее порог. Это решение твердо и нерушимо.

Чтобы облегчить гельсингфорскому правительству необходимое решение, мы напоминаем ему несколько основных фактов. Колчак, глава союза четырнадцати, разбит совершенно. Уральские и сибирские добровольцы исчисляются уже сейчас десятками тысяч. Освобожденные на востоке могущественные резервы только в одной своей части нашли счастливое применение на юге. Деникину нанесены первые жестокие удары. Он откатывается на юг. Пройдет немного времени — и наше наступление на южном фронте приобретет решающий характер.

Но и сейчас уже мы имеем полную возможность сосредоточить против Финляндии силы, достаточные не только для отпора, но и для наступления. И не только для наступления, но и для истребления — виновников провокации и бандитизма.

Мы употребляем это суровое слово — и с т р е б л е н и е — не случайно. Попытка финляндской буржуазной черни нанести удар по Петрограду вызовет с нашей стороны истребительный крестовый поход против финляндской буржуазии.

Мы не откликались на долгий ряд провокаций, шедших из Гельсингфорса — отчасти потому, что были слишком заняты на востоке, отчасти потому, что рассчитывали на внутреннее противодействие в самой Финляндии. Если бы этот последний фактор оказался недостаточным, и трепещущий Стольберг явился бы проводником наглых замыслов Маннергейма, нашей первейшей и неотложнейшей задачей явилось бы — вскрыть длинным и острым ножом финляндский нарыв.

Наша политика диктуется не чувством мести, а революционным расчетом. Но бывают условия, когда революционный расчет требует беспощадной мести. Таково положение с Финляндией. Нужно показать продажной буржуазии мелких государств, что каиновы сделки с Англией не пред-

ставляют выгоды. Этот урок мелким государствам мы дадим на спине Финляндии. В случае провокации со стороны последней, мы поставим себе по отношению к ней малую задачу, которую разрешим независимо от того, каким темпом пойдет разрешение задач большой войны.

Для экзекуции финляндской буржуазии мы найдем надлежащую силу. Советская Россия приступила к организации независимости народов Азии — башкир, киргизов и других. Эти народы, напряженно формирующие свои пехоту и конницу для обеспечения полученной независимости, знают, что финляндская буржуазия является помощницей Колчака и помогает установить его самодержавную власть над всеми народами бывшей царской империи. В числе тех дивизий, какие мы теперь перебрасываем на Петроградский фронт, башкирская конница займет не последнее место, и, в случае покушения буржуазных финнов на Петроград, красные башкиры выступят под лозунгом — на Гельсингфорс. Беспощадный истребительный поход против буржуазии, которая продает кровь собственного народа и кровь рабочих Петрограда в интересах английского золотого мешка!

Советская Россия бодрствует. Петрограда она не отдаст. Покушение на первый город пролетарской революции вызовет с нашей стороны крестовый поход смерти и опустошения.

1 сентября 1919 г.
Москва — Тверь.
«Правда», № 194.

Петроград обороняется и внутри.

Задача не в том только, чтобы отстоять Петроград, но в том, чтобы раз навсегда покончить с северо-западной армией противника [77].

С этой точки зрения для нас в чисто военном отношении наиболее выгодным было бы дать юденичской банде прорваться в самые стены города, ибо Петроград не трудно превратить в великую западню для белогвардейских войск.

Петроград — не Ямбург и не Луга. Северная столица рабочей революции занимает площадь в 91 кв. версту. В Петрограде почти два десятка тысяч коммунистов, значительный гарнизон, огромные, почти неисчерпаемые средства инженерной и артиллерийской обороны.

Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадут в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо угрозой, либо смертельной опасностью. Откуда им ждать удара? Из окна? С чердака? Из подвала? Из-за угла? — Отовсюду! В нашем распоряжении пулеметы, винтовки, наганы, ручные гранаты... Мы можем оплести одни улицы колючей проволокой, оставить открытыми другие и превратить их в капканы. Для этого нужно только, чтобы несколько тысяч человек твердо решили не сдавать Петрограда.

Каковы силы врага? Предположим, что 5 тысяч, допустим даже, что 10. На улицах они не смогут маневрировать ни компактными массами, ни развернутыми цепями. Им придется разбиться небольшими группами и отрядами, которые затеряются в улицах и переулках Петрограда, без правильной связи друг с другом, окруженные опасностью за каждым углом.

Весь аппарат внутренней городской связи оставался бы целиком в наших руках. Занимая центральное положение, мы действовали бы по радиусам от центра к периферии, направляя каждый раз удар по наиболее важному для нас направлению. Возможность непрерывных перебросок и обилие транспортных средств удесятеряли бы наши силы. Каждый боец чувствовал бы за своей спиной хорошо организованную базу и обильные подвижные резервы.

Если бы белогвардейцам удалось даже подвести на достаточно близкое расстояние артиллерию, до подхода наших подкреплений, — и в этом случае они не достигли бы ничего. Артиллерийский обстрел Петрограда мог бы, конечно, причинить ущерб отдельным случайным зданиям, уничтожить

некоторое количество жителей, женщин, детей. Но несколько тысяч красных бойцов, расположившихся за проволочными заграждениями, баррикадами, в подвалах или на чердаках, подвергались бы в высшей степени ничтожному риску в отношении к общему числу жителей и выпущенных снарядов.

Наоборот, каждый белогвардеец, вступивший в город, подвергался бы личной прямой и непосредственной опасности, ибо защитники Петрограда направляли бы по нападающему удары из-за баррикад, из окон из-за углов.

Труднее всего придется при этом белогвардейским всадникам, так как лошадь скоро станет для каждого из них тяжкой обузой.

Достаточно двух-трех дней такой уличной борьбы, чтобы прорвавшиеся банды превратились в запуганное, затравленное стадо трусов, которые группами или по одиночке сдавались бы безоружным прохожим или женщинам.

Вся суть в том, чтобы не спасовать в первый момент. Давно сказано, что большой город есть большая паника. И, несомненно, в Петрограде не мало мещански-лакейских остатков старого режима, без воли, без энергии, без идеи, без мужества. Эта людская мякоть сама по себе не способна ни на что. Но в критический момент она нередко сильно разбухает, впитывая в себя все испарения шкурного страха и стадной паники.

К счастью для революции в Петрограде есть люди другого духа, иного закала: это передовые пролетарии, и в первую голову сознательная молодежь рабочего класса. На эти элементы возложена внутренняя оборона Петрограда или, точнее, истребление белогвардейских банд, если бы они с размаху влетели в стены пролетарской столицы.

Конечно, уличные бои сопряжены со случайными жертвами, с разрушением культурных ценностей. Эта одна из причин, почему полевое командование обязано принять все меры к тому, чтобы не подпустить врага к Петрограду. Но если бы полевые части не оказались на высоте и открыли бы зарвавшемуся врагу дорогу в самый Петроград, это вовсе не означало бы конца борьбы на Петроградском фронте. Наоборот, борьба приняла бы более сосредоточенный, более ожесточенный и более решающий характер. Невинные жертвы и бессмысленные разрушения легли бы целиком на ответственность белых бандитов. А мы ценой решительной, смелой, ожесточенной борьбы на улицах Петрограда достигли бы полного истребления северо-западных банд.

Готовься, Петроград!

Дни октября не раз бывали в истории для тебя великими днями. Тебя судьба призывает в этом октябре вписать новую, может быть, славнейшую страницу в истории пролетарской борьбы.

16 октября 1919 года.
Бологое — Петроград.
«В пути», № 98

Удар по Петрограду.

Свора буржуазных псов со всех сторон рвет тело Советской России. На юге Деникин изо всех сил тянется к Туле и Москве. При этом ему приходится ослаблять себя самого на Украине, — результатом явился смелый захват Киева красными войсками.

На западе лязгает зубами польская шляхта. Немецкий генерал фон-дер-Гольц перекрасился в гетмана Гольцева и, подуськиваемый биржевой сволочью всех стран, захватывает при помощи монархических банд Прибалтийский край, чтобы оттуда ударить на Москву.

На северо-западном участке фронта кровавая пьяная троица: Юденич, Балахович, Родзянко наступают на Петроград [78].

Удару белогвардейских банд предшествовали мирные переговоры эстонских белогвардейцев, выступавших как бы и от имени генерала Юденича. Сейчас еще трудно понять, являются ли эстонские белогвардейцы прямыми агентами Юденича или жалкими дурачками в его руках. Но факт таков, что эстонские мирные переговоры послужили средством для убаюкивания красных петроградских войск, для усыпления их сознания, для понижения их боеспособности.

Армия, охраняющая подступы к Петрограду, не выдержала первого натиска и стала отступать. Над Петроградом снова нависла грозная опасность. Английские и французские радио с дьявольским злорадством сообщают о наших неудачах на Ямбургском пути. Биржевая печать всего мира, захлебываясь от восторга, предсказывает близкое падение Петрограда.

Они просчитаются и на этот раз. Петроград не падет. Петроград устоит. Петрограда мы не сдадим. Для защиты первого города пролетарской революции найдутся достаточные силы у рабоче-крестьянской страны.

Успех Юденича есть успех кавалерийского налета. Молодые пехотные полки, не имевшие дела с кавалерией, подались назад. Но продвижению конницы Юденича будет положен предел. На помощь Петрограду идут боевые части с других фронтов, и прежде всего на помощь Петрограду поднялся петроградский рабочий класс.

Вопреки завываниям буржуазных шакалов всего мира Петроград не падет. Он устоит. Рабочий класс отстоит его и на этот раз. Но нужно, чтобы этот раз был последним. Мало отстоять Петроград. Надо проломить череп юденичским бандам англо-французского империализма.

16 октября 1919 г.
Москва — Петроград.
«В пути» № 97.

Борьба за Петроград.

Речь в Петроградском Совете Раб., Крест. и Кр. Депутатов в заседании 19 октября 1919 г

Прежде всего, я считаю необходимым остановиться, хотя и в коротких общих чертах, на положении на всех наших фронтах, для того, чтобы положение Петрограда уяснить себе в общей связи военных событий.

Северный фронт был наиболее спокойный, он остается таким же и теперь; там произошли, однако, события целиком в нашу пользу: оттуда эвакуировались англичане, которые перед тем долго угрожали нам. На Северном фронте, вместо английского главнокомандующего — русский, белогвардеец, который в своем приказе по войскам и по области, в последних числах прошлого месяца, призывает не поддаваться панике, с одной стороны, с другой стороны — открыто признает, что белым, после того как англичане покинули Беломорское побережье, придется, вероятно, эвакуировать Архангельск и перевести свою базу на Мурманское побережье. Стало быть, на этом участке фронта мы не можем ждать каких-либо неожиданных неприятностей, хотя несомненно, что те затруднения, которые испытывает за последнее время Петроградский фронт, поднимут наглость у остатков белогвардейщины на Северном фронте. Тов. Зиновьев указал здесь на то, что мы за последнее время переживали заминку на Восточном фронте, который последние месяцы был наиболее победоносным. На фронте, где наши войска в течение двух с лишним месяцев прошли с запада на восток около тысячи верст, несомненно, наблюдалась заминка. Она явилась не следствием какого-либо разложения или распада наших частей, она явилась в значительной мере результатом механического ослабления сил, их численности. Мы с Восточного фронта — это не тайна ни для кого — сняли не одну дивизию для других фронтов, в частности и в особенности для Южного.

Кроме того, вы знаете, что Колчак потерпел решительное поражение под Пермью и под Челябинском, оттянул остатки своих войск глубоко в тыл, там их доформировывал, преобразовывал. В течение известного периода времени наши войска Восточного фронта продвигались почти без сопротивления, и, когда они по инерции прошли еще тысячи верст, они натолкнулись на барьер, на пополненные и сколоченные остатки колчаковских войск. Точно так же, как отдельный человек, который разбежится и потом бежит по инерции, и в известный момент на известном пункте натолкнувшись на барьер, отшатнется, — так и армия, которая уже автома-

тически продвигалась в последние недели, без сопротивления Колчака, на известном этапе отшатнулась на несколько десятков верст назад и сосредоточилась на западном берегу Тобола. Но за последнее время она подтянула туда свои резервы и перешла в наступление по всей линии фронта. Те события, которые произошли там за последние дни, имеют для остатков колчаковской армии столь же решающее значение, какое большие бои под Пермью, под Екатеринбургом, под Челябинском имели в свое время для всей основы, для всей толщи колчаковской армии. Мы получили донесения за последние два-три дня о разгромленных начисто основных дивизиях Колчака, о захваченных у него десятках орудий, сотнях пулеметов и прочей военной добычи, о том, что враг разбит, рассыпался и отступает панически, и что наши войска победоносно продвигаются вперед по всей линии фронта. Это значит, что временная заминка там ликвидирована. При этом к чести Восточного фронта нужно сказать, что он из нового временного затруднения вышел целиком собственными силами, без поддержки остальных фронтов.

На Южном фронте картина, действительно, еще далеко не так благоприятна, как на фронте Восточном. Здесь борьба гораздо суровее, здесь силы врага несравненно многочисленнее, здесь дело идет именно не о десятках, а о сотнях тысяч солдат с обеих сторон. Как вы знаете, здесь, на Южном фронте, величайшим орудием Деникина является его богатая донская и кубанская конница. Здесь мы не могли ему противопоставить ничего равноценного, потому что конница всегда была, как я подчеркивал не раз, во всей истории наиболее консервативным, реакционным родом оружия; Дон, Кубань, степи, Астраханская и Оренбургская губернии, Тургайская область, Уральская, т. е. наиболее отсталые части страны, являются той территорией, где выросла и воспиталась коренная русская конница. Русским же пролетариям приходится только взбираться на коня, только усаживаться в седло и обучаться кавалерийскому делу после того, как для нас стало ясно, что в гражданской войне, в подвижной, маневрирующей по преимуществу, нам необходимо создать свою собственную революционную конницу.

Мы ее создадим и в этом отношении нагоним и обгоним нашего врага. Но тот период, в течение которого мы приспособляемся к особенностям Южного фронта, когда мы учимся, создаем свою конницу или свои орудия отпора кавалерийским атакам,— этот период явился для нас глубоко болезненным и тяжелым. На Южном фронте мы потеряли ряд опорных важных пунктов и широкие территории, которые явились для Деникина резервуаром для мобилизации многочисленных масс. Я, однако, целиком присоединяюсь к выводам товарища Зиновьева о том, что и там, в основном, перелом уже достигнут, и достигнут не только непосредственно в военном отношении. Он достигнут прежде всего тем, что несмотря на предшествовавшие военные поражения на Южном фронте, наши политические силы обнаружились там во весь рост. Мы имеем на Южном

фронте, в течение последних полутора-двух месяцев, два гигантского значения политических опыта; во-первых, измену казачьего полковника Миронова, во-вторых, кавалерийский налет — рейд генерала Мамонтова, ворвавшегося в Новохоперск, в Тамбовскую губернию, захватившего Рязанскую, Тульскую, Воронежскую, Курскую губернии, Мамонтов имел в своем распоряжении около семи тысяч сабель и хороший командный состав. Он выбирал свой путь по наиболее богатым контр-революционным частям южных губерний. Прежде всего он ворвался в Тамбовскую губернию, губернию с кулацким, контр-революционным, буржуазным элементом в деревнях, и поднимал везде знамя восстания, подкрепляя его аргументами казацкой шашки и пики, знамя восстания кулачества против Советской власти. Весной этого года почти по всей стране Советской России прокатилась волна кулацких, даже середняцких контр-революционных восстаний. Казалось, когда было бы и ожидать восстаний богатых кулаков-крестьян в южных губерниях России, как не теперь, когда на помощь кулачеству явился целый конный корпус, столь серьезная сила. Этот конный корпус в глазах Мамонтова и его хозяина Деникина был кристаллом, который опускался в насыщенный раствор Советской России, вокруг этого кристалла должна была обрасти сельская и городская буржуазия, развернуться контр-революция в виде открытого восстания буржуазии и сельских и городских масс.

Что же мы увидели на деле? Мы увидели, как корпус Мамонтова, подобно комете с грязным хвостом из грабежей и насилий, пронесся по целому ряду губерний. Нигде решительно Мамонтову не удалось поднять восстания, хотя бы только одних кулаков против Советской власти. Чем это объясняется? Тем что, крестьяне, не только середняки, но даже и кулаки, поставлены были перед необходимостью выбирать открыто в военном смысле между властью Советской и властью контр-революционного монархического засилья, и он, кулак, пассивно, а середняк активно, голосовал делом за Советскую власть, не поддержал Мамонтова ничем и без всякого сопротивления вернулся снова в рамки советского режима.

Товарищи, мы прошли в значительной мере мимо этого факта, не оглянулись на него, не оценили его достаточно, а между тем этот факт знаменует собой колоссально возросшее ко второй годовщине политическое могущество советского режима в деревне. Это же доказано было по отношению к наиболее реакционному слою и реакционной части населения страны, к середняцкому казаческому населению Дона, восстанием Миронова. Миронов поднял лозунги, какие в свое время поднимались правыми, а затем левыми эс-эрами, лозунги демократии, Учредительного Собрания, под именем так называемых народных советов: «долой засилие партии коммунистов, долой чрезвычайки, да здравствуют трудящиеся массы!» — лозунги, популярные для среднего обывателя, для мещанина в городе и для крестьянина и казака — середнака. И Миронов на Дону имел колоссальную популярность. Вся борьба, все восстания низов против

верхов казачества там поднимались в виду дуэли между народным героем Мироновым и генералом Красновым. Этот Миронов, которому мы дали средства формирования, вооружения, снабжения, этими популярными для отсталых масс деревни лозунгами поднял восстание. Он надеялся стать на Дону хозяином положения в течение нескольких недель, может быть дней. И что же? Дон отверг его в лице нашего конного корпуса, в лице нашей XXIII дивизии, которой он раньше командовал, и которая в значительной части, в большинстве своем, состоит из кавалеристов. В казаках он не нашел никакой поддержки, и несколько сот их, под командой одного казака, окружили его отряд и овладели последним и самим Мироновым без единого выстрела. Миронову нельзя отказать в искренности, он типичный представитель мещанства, середняцких мелкобуржуазных слоев казачества, ему не чужд авантюризм, внешний карьеризм, связанный с интересами средних слоев казачества, но ему не чужда, повторяю, также и искренность. Он первым делом выступил с заявлением, что ответ должен нести он, ибо он других увлекал и вовлекал в то время, как его сподвижники продавали его и отрекались от него. Этот Миронов, наученный опытом того отпора, который дала ему пробужденная казацкая среда, заявил, — и его заявление не было трусливым лепетом ребенка, а было заявлением прозревающего революционера, отмечающего ряд иллюзий, — он заявил, что его действия были политически глубоко преступными, что падение партии коммунистов, в чем он теперь убежден, было бы величайшим несчастием для дела революции, и он молил об одном, чтобы ему дали возможность своею смертью в бою загладить преступление, какое он совершил. Вы знаете, что Центральный Исполнительный Комитет даровал ему жизнь, и в той или другой форме Советская власть даст ему возможность загладить его преступление, и войти в историю донской борьбы в качестве честного борца. Но что означает судьба его восстания, его затеи? Она означает, что если царский генерал Мамонтов не способен поднять восстания самых контр-революционных элементов деревни лозунгами единой и неделимой России (будто бы единой и неделимой, которую они делят и распродают), лозунгами самодержавия, православия, народничества, если он этого не может, то на Дону мы замечаем еще большее чудо: мелкобуржуазный демократ оказывается уже неспособным поднять восстания середняцких элементов казачества против господства пролетариата и деревенских низов.

Это значит, что мы стали политически несокрушимы, что против нас может бороться концентрированная, вооруженная, организованная сила генералов-империалистов, которые палкой и плетью гонят мужиков и рабочих в свою армию, но между этими генералами-империалистами уже не может быть никакой партии, никакой группы, никакого знамени, вокруг которого способны были бы идейно-политически объединиться сколько-нибудь широкие слои хотя бы отсталого, среднего элемента деревни. Таким образом, политически мы стоим теперь, несмотря на голод, не-

смотря на разруху, несмотря на двухлетнюю гражданскую войну, крепче, чем когда бы то ни было, и не только в городах, где новые и новые тысячи пролетариев входят в ряды нашей партии, коммунистической партии; (уже партийная неделя в Москве, например, дала свыше тридцати тысяч новых членов), не только в городах, но и в деревнях, не только среди сельской бедноты, но среди середняков, и не только в губерниях, близких к промышленному центру, но и в тяжеловесных, отсталых губерниях юга, даже на Дону, где чем дальше, тем глубже антагонизм между донцами и кубанцами, с одной стороны, и Деникиным, с другой. Эта колоссальная на вид гора Деникинского могущества все больше и больше подкапывается, с одной стороны, ударами, с другой стороны, внутренним социальным, политическим и национальным антагонизмом. Все сведения и печать Дона и Кубани говорят о том, что антагонизм между этими областями и Деникиным достиг высшей остроты: Дон и Кубань отпали от Советской власти в лице своего казачьего кулачества, которое вело шайку середняков, но, конечно, они не думали о походе на центральную Россию, они не думали о походе на Москву. Они пережили тот самый период, какой переживало крестьянство всей России, когда оно разочаровалось в известных чертах Советской власти и пыталось восставать против нее... до того момента, пока Колчак и Деникин не научили их уму-разуму.

Теперь пришла очередь для Дона и Кубани. Там Деникин выколачивал за этот год со всей энергией, в которой ему отказать нельзя, все предрассудки даже отсталых слоев казачества. Мы стоим перед неизбежностью, что три четверти, если не девять десятых донских и кубанских казаков открыто будет вынуждено повернуть свой фронт против Деникина и протянуть нам руку. Они встретят сочувственную руку помощи, которая будет протянута с нашей стороны. Наша политика по отношению к крестьянству за последний период в значительной мере направлялась на соглашение с крестьянами-середняками. Даже на Дону и на Кубани, которые в течение известного периода времени были как будто непоколебимым резервуаром контр-революции, наша политика должна будет в ближайшую эпоху направляться на соглашение с казаками-середняками, с теми казаками-середняками, которые выдвинули Миронова, как героя, как вождя, и вместе с героем этим провалились. Они должны будут понять и признать, что спасение трудового казачества идет только через соглашение с рабоче-крестьянской властью. Все это, товарищи, явления, которые не в двадцать четыре часа развертываются. Конечно, дело Красной Армии важное, от нее непосредственно зависит исход борьбы, но самое дело Красной Армии зависит от соотношения классовых сил, от политического отношения группировок; в этом смысле группировка на Дону и на Кубани складывается, как нельзя быть лучше.

Тов. Зиновьев упомянул о событиях на Кавказе. Здесь я не могу отказать себе в праве прочитать вам свежее телеграфное сообщение, кото-

рое я получил третьего дня вечером от одного из выдающихся работников Закавказья, который пробрался теперь в пределы Советской России. Это превосходно осведомленный товарищ, коренной кавказец, который, на основании собственных наблюдений, продолжавшихся более года, в то время, как он был отрезан от нас, дает картину того, что происходит сейчас на Кавказе:

«Всеобщее общественное мнение Кавказа приковано к начавшемуся в конце августа восстанию горных народов Кавказа—дагестанцев, ингушей, чеченцев и кабардинцев. Вдохновителями и руководителями восстания являются духовные вожди горцев, всегда шедшие с народом и за народ. Кроме кучки изменников и предателей офицеров, продавшихся Деникину, все слои горных народов, не имея ни откуда помощи, но доведенные до отчаяния зверствами Деникина, решительно отказались платить наложенную контрибуцию, дать требуемые полки для борьбы против Советской власти. С одними винтовками и кинжалами, т. е. без пулеметов и без орудий, бросились они в кровавый бой с офицерскими казачьими бандами, решив победить или умереть. Всеобщий энтузиазм, доходивший до фанатизма, охватил также женщин, детей и стариков, на которых ложится все сложное дело снабжения фронта и повстанческих отрядов, ибо все мужчины поставлены под ружье. На арбах и лошадях самое небоеспособное население подвозит на фронт для бойцов все, что имеется в аулах. Все новые и новые победы окрыляют повстанцев, проявляющих чудеса героизма, а громадная военная добыча подкрепляет отряды, обеспечивая их вооружением, которого у горцев очень немного. В ряду боев одними дагестанцами захвачено: более трех миллионов патронов, 16 орудий и несколько десятков пулеметов; уничтожен целый гарнизон на горном пункте Дагестана, где убитых казаков более 3.000 человек. По полученным белогвардейской газетой «Айзербейджан» сведениям, 28 сентября под Грозным разыгрались крупные сражения между горными повстанческими частями и 4 полками корпуса Шкуры, переброшенными с советского фронта специально для подавления горного восстания. Взяты громадные трофеи: 28 орудий, 31 пулемет, 48 тысяч винтовок, большое количество патронов, обоз, взяты в плен и изрублены 800 человек; остатки добровольцев отступают к Кизляру. К 7 октября повстанцами были очищены от Деникина опорные укрепленные пункты, заняты города Грозный, Темир-Хан-Шура и Дербент».

Вот, товарищи, картина событий, которые происходят сейчас на Кавказе. Это могучее восстание в непосредственном тылу у Деникина. И мы здесь читаем о том, что он снял часть корпуса Шкуры, лучшие свои воинские части, с советского фронта и перебросил туда. Более того, представителю Мамонтова заявили в Айзербейджане, что если они не выступят непосредственно против восстания горцев, то Деникин, снимет новый корпус с советского фронта, для того, чтобы сокрушить весь Айзербейджан. Стало быть, у нас на Южном фронте прибавилось несколько

новых красных дивизий, которых мы не формировали, не вооружали и не снимали с других фронтов. Это — горцы, свободолюбивые горцы — бедняки, восстали против издевательств, насилий и истязаний Деникинских банд, и мы с вами можем сказать им: добро пожаловать, товарищи горцы, наши новые союзники, честь вам и место в нашей советской семье.

Что касается Украины, то я могу только присоединиться к словам тов. Зиновьева относительно огромного политического значения того раскола и той вооруженной борьбы, которые происходят теперь между Деникиным и Петлюрой. Конечно, Петлюра не представляет собою ни серьезной военной силы, ни серьезной политической фигуры, но за спиной его уже сейчас стоят в значительной мере буржуазная Польша и буржуазная Румыния, которые вооружают и снабжают Петлюру и поддерживают его против Деникина. Почему? Потому что они боятся победы Деникина, который, разумеется, несет смерть и гибель самостоятельному существованию всех маленьких народов. Деникин заявил уже, что он не признает независимости Польши, а только ее автономию. Он заявил также, например, что не признает хохлацкого языка, что государственным языком на Украине должен быть язык великорусский. Он уже сейчас подверг население, помимо других материальных издевательств, издевательству национальному и восстановил против себя украинское мещанство и украинскую буржуазию. Таким образом, он поколебал ту социальную базу на Украине, из которой мог черпать для себя силы, как в военном, так и в социально-политическом смысле. Все это не может не воздействовать на Западный фронт. Еще месяца три-четыре тому назад можно было опасаться, бояться, — а буржуазия Антанты могла надеяться,—что Деникин, соединившись с поляками, т. е. соединив Южный фронт с Западным, пойдет совместно на Москву. Теперь же мы можем с полным основанием сказать, что если Деникин и соединиться с поляками, то, главным образом, для того, чтобы вцепиться друг другу в глотку, потому что они понимают, что они друг другу смертельные враги.

Это нас в политическом смысле чрезвычайно укрепило на Западном фронте. Мы считали Западный фронт второстепенным, а Южный, как раньше,—первостепенным. Когда я говорил о второстепенности Западного фронта, я имел в виду то, что нам противостояли второстепенные военные силы. Мы при этом мысленно, конечно, исключали Петроград, потому что та часть фронта, в которую входит Петроград, как борец, или Петроград, как город, которому угрожает опасность,—эта часть фронта не может ни в коем случае быть второстепенной. Мы переживали период, в течение которого казалось, что судьба Петрограда ограждена и обеспечена от каких бы то ни было опасностей, и даже некоторые товарищи, полушутя — полу-серьезно, говорили о том, что, не пора ли подумать о том, чтобы перенести советскую столицу снова в Петроград, перенести ее снова на берега Невы. Финляндская буржуазия увидала себя вынужденной отказаться от наступления на Петроград; эстонская буржуазия, боровшаяся

с нами, оказалась вынужденной всем ходом внутренних событий и событий внешних отказаться от мысли поддерживать империалистический поход против Москвы и Петрограда. Седьмая армия, которая сражается здесь и защищает нашу красную столицу, революционная седьмая армия упиралась в границы Финляндии и Эстляндии, и, казалось, что у ней нет задачи: она топталась на месте, в ней создавалось настроение как бы бесцельности ее существования; в основном на границах Финляндии и Эстляндии ее задача казалась разрешенной, и мы—этого нельзя утаивать—снимали с фронта седьмой армии и хорошие части, и лучших работников, и командиров, и опытных военно-политических работников. Это, конечно, не могло не ослабить седьмой армии. Но, повторяю, больше всего ее ослабило сознание, что перед ней нет более важных, решающих задач. Это ослабило внутренний режим.

Товарищи, армия не есть естественный организм, армия не есть организм, который создается производством, хозяйственным, промышленным трудом. Те связи соединения, которые создаются в деревне, в селе, на фабрике или заводе, — я не говорю об отношениях, которые создаются в семье, — гораздо прочнее, естественнее. органичнее. Те связи, те отношения, которые существуют в армии, в значительной мере чувствуются каждым участником и определяются, как искусственные отношения. Каждый из нас не стремится вырваться из труда, мы знаем, что мы будем работать всегда, но каждый из нас стремится вырваться из армии, скорее закончить дело войны и перейти к хозяйственному, культурному строительству. Вот почему, когда нажим внешних обстоятельств прекращается или ослабевает, ослабевает и внутренний, военный, режим в армии; это и наблюдалось у нас в седьмой армии, которая считалась за последние недели армией второстепенной, не потому, что Петроград второстепенная величина, — ясно, что это не так, — а потому, что казалось, что опасность, ему угрожавшая, отходит в прошлое.

К этому прибавлю переговоры с эстонцами, с латышами. Какую роль играли эти мелкобуржуазные парламентарии Эстонии: были ли они сознательными обманщиками, провокаторами, агентами Юденича или же поддерживая пассивно, а в значительной мере и активно, Юденича, под давлением Антанты, в то же время стремясь найти опору с левого фланга — со стороны Советской России, — это для нас все равно. Мы не обязаны распространяться о психологии эстонских и латышских меньшевиков и кадетов, но факт таков, что роль, какую они сыграли, была роль того белого флага, который наиболее предательскими вероломными частями выкидывается иногда для того, чтобы обмануть врага, подпустить его на близкое расстояние и потом всадить ему нож в грудь, в бок, или спину. Эти переговоры о мире, до настоящего момента, со стороны Эстляндии и Латвии имели как бы характер опиума, они имели в виду усыпить сознание значительной части Красной Армии, поселив в ней уверенность в том, что война на этом фронте близится к концу, с тем, чтобы затем

напустить на нас цепную собаку Антанты — Юденича, и позволить ему вырвать клок мяса из тела Советской России. Во всяком случае, в дальнейшем, как бы ни шли переговоры, мы, с военной точки зрения, должны быть гораздо осторожнее, бдительнее, внимательнее и недоверчивее по отношению к этим мелкобуржуазным соглашателям, вольным или невольным агентам Антанты. Мы, вместе с тем, должны себе сказать, что близится время, когда Эстляндия и Латвия должны будут решить, мирятся ли они с нами, или воюют, ибо мы не можем,—как по отношению к Финляндии мы не могли терпеть политики Маннергейма, — не можем терпеть долго такого состояния, когда эти страны с нами не воюют, но в то же время поддерживают Юденича, Балаховича, Родзянко, Ливена и, от времени до времени, выпускают их против нас. Мы мириться хотим, — с каким чувством по адресу буржуазии этих стран — все равно, — но мириться хотим из трезвого расчета, считая, что и худой мир лучше доброй ссоры. Но мы не можем взять на себя всех отрицательных сторон и мира и войны. Мы заставляем нашу армию топтаться перед границами Финляндии, Эстляндии и Латвии, мы заставляем ее не переходить к открытой борьбе и в то же время даем право буржуазии названных стран накапливать у своей границы силы и выбрасывать их на нас, когда это заблагорассудится Антанте. Вот почему наша нынешняя борьба на Петроградском фронте является не только отпором налету на Красный Петроград, и имеет своей задачей не одно только истребление банд Юденича, Родзянки, Ливена. Нет. Эта борьба должна в своем дальнейшем и скором развитии поставить вопрос перед Эстляндией и перед Латвией ребром.

Я думаю, что мы в течение ближайшего периода здесь сосредоточим достаточную силу для того, чтобы поставить эти страны не только перед доводами разума, перед доводами политической логики, но поставить их перед доводами реальной силы, чтобы показать, что мы на этом фронте достаточно могучи, что мир с нами выгоден для стран, которым сейчас угрожает небезызвестный атаман Гольцев. Я не буду останавливаться на нем; во всяком случае поучительно, что история выдвинула фон-дер-Гольца, бывшего константинопольского пашу, превратившегося в русского атамана. Гольцеву поручили отстаивать единую неделимую Россию: большего издевательства нельзя себе представить. Нас обвиняли в свое время в союзе с кайзером, в пренебрежении интересами России, говорили о священной национальной ненависти к немцам, как вековому врагу русского народа. Теперь история, повторяю, выдвинула самого презренного реакционера, авантюриста, который обратился в мусульманскую веру,—его показали, как выразителя высшей идеологии русской буржуазии, все равно милюковской, деникинской, колчаковской или какой-либо другой марки. Фон-дер Гольц-паша — вот подлинный вождь,—это мы можем сказать перед лицом всего народа. Это опять-таки до последней степени упрочивает наше политическое положение, наши политические позиции. Дело мелкобуржуазных демократий на западных окраинах становится труднее. Фон-дер-Гольц не

столько немецкий агент, сколько агент французской буржуазной республики. Между молотом Антанты, в руках которой фон-дер-Гольц только орудие, и наковальней русской и мировой революции, находится мелкобуржуазная демократия западных окраин. Западный фронт нам не угрожает, но та часть Западного фронта, — его северо-западная часть, — где живет и дышит израненный, но еще крепкий Петроград, эта часть фронта находится сейчас под угрозой. Товарищи, если употребить вульгарное сравнение, в той игре, которую мы ведем, в той политической, мировой, исторической колоде, которую мы сдаем, есть несколько карт, которые не могут быть биты. Игра может сложиться так или иначе, но есть карта, которая зовется Петроградом, есть карта, которая зовется Москвой, есть карта, которая зовется Тулой, где сосредоточена военная промышленность, и как бы ни шла величайшая историческая игра, которую мы теперь ведем с контр-революцией, эти три карты не могут быть и не должны быть биты.

Вот почему, товарищи, можно было бы в частных разговорах договариваться, что теперь, мол, Советская власть так крепка, что если бы взяли и Петроград, то, конечно, Советская власть устоит, а потом и Петроград вернет. Это, с точки зрения развития исторического, конечно, верно. Но когда, вместо предположений, гипотез и логических выводов, крушение Петрограда стало казаться реальностью, когда опасность Петрограду обнаружилась за последние дни вполне на деле, какой-то электрический ток прошел по всей стране, и прежде всего через сердце Москвы, через ее центральные учреждения, и все сказали: Нет! Мы, вот, сражаемся на севере, на востоке вновь гоним Колчака, мы открыли ворота на Туркестан, мы поднимаем в Азии знамя Советской власти,—из мятежного Афганистана прибывает в Москву посол, приветствующий тов. Ленина от имени угнетенного империализмом азиатского народа; это великая борьба двух миров; тут могут быть отступления, наступления, победы и временные поражения; но есть, товарищи, одно отступление, которого мы себе позволить не можем, — это отступление на восток от Петрограда, и этого отступления не будет!

Товарищи, то, что мы взяли у вас, — а мы взяли у вас слишком много и тем ослабили ваш ближайший Северо-Западный фронт, — теперь мы стремимся с лихорадочным напряжением вам вернуть—вернуть сюда и хорошие части, и хороших работников — командиров, и политработников. Мы сейчас все же достаточно твердо стоим на ногах, чтобы выполнять эту работу без серьезного урона для других фронтов. Когда мы из центра спрашивали вас, ваших представителей и тов. Зиновьева, что вам нужно сейчас в ближайшие дни, чтобы отстоять Петроград, и получили требование, то мы дали вдвое, втрое более, чем требовалось. Товарищи, подкрепления сейчас идут почти по всем линиям, которые связывают в настоящее время Петроград с остальной страной. Этих подкреплений будет достаточно для того, чтобы выполнить ту задачу, о которой я говорил. Но, товарищи, мы теперь переживаем на Петроградском фронте самый

критический период. Новые подкрепления еще не сосредоточены и не развернуты, еще не заняты позиции. Этот период измеряется днями, неделей. Тут указывал тов. Зиновьев на то, как несовершенна работа железных дорог. Она, конечно, несовершенна в значительной мере в силу общих причин, но, конечно, как и везде, отчасти и в силу злой воли и нерашливости отдельных элементов страны. Но пройдут дни, пока все необходимые силы и средства будут сосредоточены, пройдут дни, пока ослабевшие части 7-ой армии будут подтянуты, пока аппарат управления достигнет необходимой степени и силы напряжения, твердости и сноровки. Это делалось не раз нашими работниками на других фронтах, и это будет сделано теперь на Петроградском фронте. Но пройдут дни, часы, а каждый день и каждый час теперь имеет у вас здесь колоссальное значение, ибо фронт слишком близок от Петрограда.

На других фронтах мы могли себе говорить, что мы отведем ослабленные дивизии на 15—20 верст в тыл и там их переформируем, вольем свежие, крепкие, здоровые элементы, устраним негодные, перевоспитаем их. Здесь, на Петроградском фронте, мы не можем себе позволить этой роскоши отвода в тыл на 15—20 верст ослабленных дивизий. Если они раздадутся, то белые банды — а мы здесь имеем небольшие, но искусные и ловкие шайки—могут врезаться острием в тело Петрограда. Конечно, мы отдаем себе отчет, что Петрограда им не взять,—это город все-таки с миллионным населением и не может быть удержан в когтях шайки в несколько тысяч человек, — но повредить, нанести ущерб, учинить жестокое кровопускание ему они могут. Мы недавно имели пример: Мамонтову не удалось завладеть ни Тамбовом, ни Козловом. Он пытался завладеть, а у него было больше силы, чем у этих господ, но не завладел, восстания не поднял; он угрожал этим городам, истребил большое число рабочих, работниц, жен красноармейцев, оставил опустошение, ужас, отчаяние в семьях низов трудового населения... Это они могут произвести и здесь, в этом сосредоточии, людского резервуара, который называется Петроградом. Эта опасность есть. Вы знаете, что мы, коммунисты и представители Советской власти, в силу нашей основной политики, не скрываем от широких народных масс опасностей, ошибок и угроз, которые открываются перед нами. В этом наша единственная сила. Всегда, в любой день и час, каждый должен иметь возможность выйти на любую трибуну, на любую площадь и сказать народу правду. В этом есть существо Советской политики, и сейчас мы должны сказать с этой трибуны,—вы все должны сказать вашим избирателям на заводах, фабриках, на рабочих собраниях, везде, где вы видите борьбу за торжество революции, — что никогда еще Петроград не стоял перед такой опасностью, как в эти дни. Другими словами, несмотря на то, что общая раскладка в нашей великой революционной борьбе для нас благоприятна, нашей петроградской карте, для нас бесконечно дорогой и важной, грозит опасность быть битой. Поэтому мы должны себя сразу застраховать двояко: с одной стороны — на фронте, с другой стороны—

в самом Петрограде, т. е. обороняться не только там, по близкой линии Детского Села, но обороняться и той организацией, которая создастся здесь в самом сердце Петрограда, ибо, товарищи, те, которые попытаются, может быть, нагрянуть ночным налетом на Петроград, чтобы здесь перерезать горло спящим рабочим и работницам и их детям, должны узнать, и они это уже знают, что Петроград при всех тех недочетах, на которые справедливо указывал тов. Зиновьев, лихорадочно работал и лихорадочно будет работать эту ночь, завтра днем и в следующую ночь, и во все эти наиболее критические для него часы, над тем, чтобы упорядочить, укрепить свою внутреннюю организацию, чтобы свои районы и части этих районов превратить в ряд неприступных фортов, которые в совокупности дадут мощную **организацию внутренней обороне** Петрограда [79].

Я писал и повторю: я глубоко верю, что мы все же и в ослабевшем Питере достаточно сильны, чтобы сокрушить, стереть в порошок белогвардейских налетчиков, если бы их было даже не 3—4—5 тысяч, а даже 10 тысяч. Это огромный город-лабиринт, который охватывает около 100 кв. верст, город с миллионным населением, в руках у которого, т.-е. у рабочего населения, имеются могучие средства обороны, инженерные средства, артиллерийские средства и, наконец, имеются советские, профессиональные и партийные аппараты. Этот город может создать одну сплошную западню, один капкан для белогвардейских налетчиков. Петроград не Тамбов, Петроград не Козлов, Петроград — это Петроград. Товарищи, вот в эти дни, в эти часы мы должны мобилизовать здесь для внутренней обороны все то, что не годится или не может быть оторвано для обороны внешней. Если для женщин слишком непосильны лишения, трудности походной жизни и полевых боев, то здесь, в рабочих кварталах, в домах, превращенных в рабочие крепости, женщина-работница, женщина-жена и женщина-мать будет не хуже мужчины вооружаться винтовкой и наганом и ручной гранатой для защиты на улицах, площадях и в домах Петрограда будущности русского и мирового рабочего класса. Все сейчас делается для того, чтобы дать полевым войскам необходимую сноровку, чтобы заставить их понять, что перед ними не какой-либо сплошной фронт, не серьезные тяжеловесные части, против которых надо действовать планомерно, систематически и методически, перед ними отдельные шайки банд, которые наносят уколы, порезы, — и их нужно душить, их нужно громить.

Единственная тактика, единственная стратегия, которая диктуется этой войной, с ее исключительными особенностями на этом фронте, это — наступать и душить. В тех случаях, когда наш полк, двинутый вперед хорошим командиром или комиссаром, уверенным, решительным человеком, начинает наступать — белые не принимают боя. Почему? Потому, что их мало. Они хорошо вооружены, у них автоматические ружья, пулеметы, но их мало: их втрое, вчетверо, в пять раз меньше, чем нас. Когда они на расстоянии или ночью поднимают массовую стрельбу, тогда

наши солдаты не могут отдать себе отчета, сколько белых и сколько своих. Но в этот момент, когда наши солдаты видят белых, и когда белые видят наших, то они взаимно убеждаются, что красных много, а белых ничтожная горсточка. И это происходит при всех столкновениях. Вот почему белые систематически уклоняются от прямой встречи, от рукопашной, от штыкового боя, а стараются действовать с фланга, с тыла, путем обстрела с неожиданных мест, поддерживая представление о своей многочисленности и о своем могуществе. Какой для нас отсюда вывод? Тот, что нужно, чтобы наша Красная Армия, наши солдаты увидели белых и поняли, что их мало; надо, чтобы белые увидели красных и поняли, что их много. Как этого достигнуть? Очень просто, — свести белых с красными. Как этого достигнуть? Вести красных вперед, толкать, если надо, гнать вперед. Кто это может сделать? Питерские рабочие, мужественный комиссар. Для этого не надо большой стратегии, для этого не надо кончать академии, мечтать о сплошном фронте, — это не позиционная война, не надо непрерывной цепи войск, нужен крепкий кулак бригады, твердый командир, который идет на опасность, на шум врага, на угрозу, ибо, куда бы мы ни пришли, мы везде сильны и многочисленны. Эту простую истину надо преподать нашим командирам и комиссарам. Сейчас единственная стратегия на Петроградском фронте, это — итти вперед, наступать. Белые будут отступать, и мы сокрушим их. В течение нескольких дней мы к этой стратегии перейдем; завтра—послезавтра совершится перелом психологический, как предпосылка перелома боевого и всей обстановки на фронте.

Последнюю ночь мы все-таки показали, что на призыв тревоги, на набат, хотя с некоторым опозданием кое-где, но питерский пролетариат умеет откликнуться в лице лучших боевых элементов. Он стал прошлою ночью на ноги, и если потребуют обстоятельства, он станет сегодня ночью или завтра днем с удвоенной и даже утроенной силой. В этом не может быть сомнения, и это несомненно является единственной гарантией того, что белые банды десять раз подумают, прежде чем сунуть сюда свою преступную голову.

Стало быть, мы отдаем себе отчетливое представление в том, что Петрограду сейчас угрожает непосредственная опасность. Это вы должны сказать, разумеется, борясь в то же время против всяких бессмысленных панических слухов. Проверяя их через ваши районы или в Совете Внутренней Обороны, проверяя эти слухи и беспощадно карая всякого, кто распространяет их, в то же время вы должны во всей остроте преподнести сознанию питерских рабочих, что сегодня — завтра Петрограду угрожает непосредственная опасность. Через несколько дней мы будем несокрушимы на этом фронте, благодаря перелому, который произойдет, и благодаря войскам, которые подходят, но сейчас у нас еще много незащищенных мест на теле Петрограда. Мы защищаемся укреплением фронта и организацией внутри. Советом Народных Комиссаров посланы сюда войска

для того, чтобы здесь на месте оказывать содействие вашему центральному органу и военным властям в их работе по укреплению Петрограда.

Я не скрою от вас, что я ехал сюда с тревогой в душе... Конечно, мы повторяли не раз, что Петроград является неисчерпаемым резервуаром работников и революционной энергии, но эту неисчерпаемость нельзя понимать абсолютно. Ни один город в мире, может быть, не пережил того, что пережил Петроград. В конце-концов, притупляется чувствительность, нервы растягиваются и опускаются, как ненатянутая струна, люди перестают реагировать на опасность. Если бы это произошло с Петроградом теперь, это было бы смертельной опасностью, это было бы величайшей опасностью не только для него одного, но и для всей страны, ибо Петроград не только часть страны, но он барометр, революционный барометр красной советской Республики. Но этого нет, товарищи. Конечно, тов. Зиновьев, как призванный руководитель петроградского рабочего класса и рабочего класса всей страны, с полным правом отмечает здесь недочеты, нехватки, прорехи, неряшливость, халатность в тех или других сторонах вашей организационной подготовки. Но позвольте все же сказать, что, несмотря на эту неряшливость и халатность, которые кое-где наблюдаются, все же Петроград в эти сумрачные, холодные, голодные, тревожные, осенние ненастные октябрьские дни дает нам снова величавую картину подъема, уверенности в себе, энтузиазма и героизма. Город, который так страдал, внутренно горел, столько раз подвергался опасностям, который так не жалел себя, который так опустошал себя, этот Красный Петроград остается тем, чем был — светочем революции, стальной скалой, на которой мы строим церковь будущего. И этого Петрограда мы объединенными силами всей страны не сдадим никаким врагам.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 7-й армии

от 18 октября 1919 г., № 155, гор. Петроград.

Во вчерашней оперативной сводке Полевого штаба Республики сказано, что наши войска после ожесточенного боя очистили Гатчину. Это неверно. Никакого ожесточенного боя не было, а была постыдная паника, за которой последовало бессмысленное бегство. Полевой Штаб пишет на основании донесений 7-й армии. А штаб армии доносит на основании сообщений из дивизий. Неправда идет снизу вверх.

В Гатчине многочисленный отряд оказался охвачен паникой, вследствие стрельбы, которую открыла кучка белогвардейцев, забравшихся в парк. Сейчас же послышались голоса насчет обнаженного фланга, захода неприятеля в тыл и проч., и проч.

Еще более бессмысленное отступление произошло сегодня. Рота стрелкового полка заволновалась по поводу неприятельской цепи против ее фланга. Из роты беспокойство прошло по всему полку, и командир полка отдал приказ отступать. В полном составе полк снялся с места и рысью прошел верст 8—10, откатившись на Александровку. По проверке оказалось, что на фланге находится не неприятель, а наша же собственная часть, которую паническая рота стрелкового полка обстреляла, а потом своей паникой заразила весь полк.

Отхлынувший полк оказался, однако, вовсе не так уже плох. Как только ему было возвращено доверие к себе, он немедленно повернул назад и, где быстрым шагом, а где бегом, весь в поту, несмотря на холодную погоду, прошел 8 верст за час, выбил немногочисленного противника и занял прежние свои позиции, понеся небольшие потери. Равным образом и курсанты, сдавшие Гатчину, вовсе не плохие бойцы. Наоборот, они прекрасно настроены и готовы жертвовать собою во имя интересов трудового народа.

Вся беда в управлении, в командовании.

Командование крайне пассивно, нерешительно, склонно к панике, без критики повторяет вздорные слухи насчет обхода, окружения.

Сила противник в слабости нашего командного состава. Противник действует маленькими отрядами, хорошо вооруженными, берет неожиданностью, нахрапом. До прямого рукопашного столкновения

дело никогда не доводит. Совершенно понятно, почему противник этого избегает: его слишком мало и если бы он столкнулся с нашими войсками в грудь-грудью, то был бы смят в порошок. Противник держится поэтому всегда на расстоянии выстрела. При помощи пулеметов, автоматических ружей он развивает сильный огонь, который скрашивает его ничтожную численность.

Не видя неприятеля, не наталкиваясь на него, наши красноармейцы лишены возможности почувствовать, убедиться и твердо сознать, что неприятель ничтожен, а они сильны. Главная задача командного состава в том и состоит, чтобы обнаружить этот факт для глаз наших солдат. Как же этого достигнуть? Очень просто: наступлением, стремительным натиском на горсть противника, который маскирует свою слабость, расстреливая в большом количестве патроны.

Интерес врага — держать нас на расстоянии выстрела, чтобы не дать нам увидать его вблизи и убедиться в его ничтожестве. Наш интерес — приблизиться на расстояние штыкового удара, когда один вид наш должен совершенно раздавить малочисленного врага. Нужно раз навсегда прекратить и запретить болтовню о том, что враг отрезал нас, зашел нам в тыл, окружает нас. Ничтожный по числу враг не способен ни отрезать нас, ни окружить, ибо где бы он ни оказался: справа, слева или сзади нас, мы всегда можем повернуться к нему лицом, наперeть на него и раздавить его своею тяжестью.

Командир, который отводит свою часть, потому что у нее «обнажен фланг», должен быть предан суду и наказан, как предатель. Имея перед собою отдельные, малочисленные отряды, группы, бессмысленно растягивать свои силы кордоном, сплошной ниткой, держаться рука за руку. Наоборот, силы нужно держать кулаками на важнейших направлениях. При этом у каждого кулака справа и слева будет неизбежно обнаженное пространство, которое нужно освещать разведкой и, нащупав врага, бить по нему всем кулаком или частью. Проникнувшись твердо этой мыслью, командиры и комиссары должны разъяснить и внушить ее каждому красноармейцу: кто говорит — «отступай, ибо враг заходит в тыл!» — тот либо дурак, либо предатель.

Противник действует ночью, дабы воспользоваться темнотою, скрыть свою ничтожную численность и напугать нас. Для ночных операций требуется большая скрытность действий, тщательность, подготовка. Противнику ночные налеты удаются иногда только потому, что мы в течение дня топчемся на месте, давая врагу возможность приспособиться к обстановке и подготовить налет до мелочей. С этим нужно покончить. Мы должны пользоваться днем, потому что мы заинтересованы в том, чтобы на деле обнаружить численную слабость противника. Наши крупные части не годятся к тому же к ночным операциям. Отсюда совершенно ясно вытекает наша линия: действовать при свете, не терять дня. В течение дневного времени преследовать противника неутомимо и загонять

его так, чтобы у него не было более ни охоты, ни возможности тревожить нас ночью.

Как только наши командиры перестанут бояться обхода, армия Юденича перестанет для нас существовать. Каждый его мелкий отряд, нахально оторвавшийся от остальных отрядов, будет раздавлен, ибо наши крупные части будут не уходить от отрядов, а итти на него.

В этом состоит сейчас задача самовоспитания командного состава и воспитания 7-й армии.

Нужно ясно понять правду. Не нужно скрывать правды. Не нужно писать ложных оперативных сведений о жестоких боях там, где была жестокая паника. Такой неправдой командиры оправдывают себя в своей слабости и убаюкивают совесть своих солдат. За неправду нужно карать, как за измену. Военное дело допускает ошибки, но не допускает лжи, обмана и самообмана. Ибо ошибка может быть исправлена, а ложь, идущая снизу вверх, порождает ошибку, идущую сверху вниз, — и так без конца.

Заруби у себя в памяти, товарищ командир:

Врага несомненно меньше, чем нас. Враг не держит сплошного фронта. Наоборот, он разбит на небольшие отряды. Эти отряды скользят вокруг наших частей, боясь к ним приблизиться и обсыпая их огнем. Вся мысль, вся забота противника в том, чтобы наш солдат его не увидал, а, испугавшись выстрела, уходил бы назад. Ты втрое и вчетверо сильнее, а нередко и впятеро. Неприятельский командир боится, чтобы красные не увидали, как мало белых, и чтобы рядовой белый солдат не увидал, как много красных. Стало быть, твой прямой интерес, красный командир, показать красным солдатам, как мало белых, и показать белым солдатам, как много красных. Для этого ты должен сделать свою часть видимой и осязаемой. Чтобы сделать ее видимой — ты должен наступать. Чтобы раздавить врага, нужно только ударить. Чтобы ударить — нужно подойти. Поэтому — вперед, наступай, наступай, наступай! В этом для тебя залог победы!

Перед переломом.

Северо-Западный Советский фронт подкатился к самому Петрограду. Несмотря на несомненную малочисленность врага, наши части продолжают отступать. Перелома на фронте все еще нет. Тем не менее можно сказать, что происходят явления, которые предвещают неизбежный перелом.

Почему мы откатились от Наровы до Петрограда? Первая причина — малая стойкость, а стало быть, малая сознательность частей. Вторая причина — значительное число негодного командного состава. Третья причина — недостаточная энергия, настойчивость и бдительность политических работников. Четвертая причина — преждевременное успокоение передовых рабочих России и самого Петрограда насчет Северо-Западного фронта: мы дошли до границ Финляндии, Эстляндии; прибалтийские соглашатели затеяли с нами мирные переговоры; Юденич подрался с Балаховичем; в итоге казалось, что предстоит полная ликвидация Северо-Западного фронта.

Армия есть искусственная организация. Когда давление обстоятельств уменьшается, армия начинает расползаться, бдительность ослабевает, воля размягчается. В одном месте ослабеет гайка, в другом разболтается винт,— при первом серьезном толчке весь механизм начинает разваливаться.

Действующая армия должна находиться в состоянии постоянного напряжения, — иначе она не нужна вовсе. Такого напряжения в 7 армии за последние недели не было вовсе, и петроградский пролетариат, столь широко отдающий своих сынов всем фронтам, слишком мало наблюдал за своим собственным фронтом. Когда разыгралась неудача, сперва под Псковом, потом у Ямбурга, петроградский пролетариат, видавший всякие виды и привыкший ко всем испытаниям, чуть-чуть тряхнул головой: «справимся». Но наступление Юденича развивалось. Внутренно расслабленные собственной пассивностью части продолжали откатываться. Фронт все больше придвигался к Петрограду.

Сперва передовые рабочие не верили, недоумевали: каким образом банда в несколько тысяч человек, хотя и хорошо организованная, способна угрожать великому революционному городу? Но после падения Красного Села, и особенно Гатчины, петроградский пролетариат понял, что вопрос стоит слишком серьезно. И с этого момента начинается лихорадочная работа в двух направлениях: укрепить фронт и создать условия внутренней обороны Петрограда.

Для укрепления фронта нужно подвинтить гайки там, где они ослабели. Нужно очистить войска от командиров, которые отделываются ложными оперативными донесениями насчет «давления противника», отступления «с боем» и пр., вместо того, чтобы действительно вести свои части в бой, сламывать сопротивление и двигаться вперед. Командир без воли, без энергии, без стремления к победе — тряпка и дрянь, но не командир. Комиссар и вообще коммунист, который притерпелся к расшатанности своей части и терпеливо отступает вместе с нею — никуда не годен. Нам нужны стальные комиссары, олицетворяющие революционную волю рабочего класса. Бесхарактерность, вялость и дряблость руководителей влекут неизбежно деморализацию солдат. Эгоизм, трусость, шкурничество поднимают голову. Но война есть война. Для победы нужно, чтобы единицы подчинились целому. Тех шкурников, которые с этим не хотят считаться, мы должны суровой силой заставить выполнять свой долг. Затяжная война не может быть проведена и победно завершена при помощи импровизации энтузиазма, личного подъема. Она требует организации, точности, исполнительности и сурового режима.

Красный Петроград, лучшие работники 7 армии, под давлением неудач снова почувствовали все это со всей остротой и потребовали беспощадной расправы над всеми теми, кто нарушает единство действий, легковесно относится к воинскому долгу, или не дает полного напряжения своих сил. Неряшливость, легкомыслие, леность, тем более предательство, причиняют на войне смерть и гибель сотням и тысячам других. Виновники подобных преступлений должны сами караться смертью.

Прилив в армию лучших работников, как суровая расправа над худшими являются необходимым условием скорого возрождения армии.

Одновременно с этим пролетариат встрепенувшегося Петрограда решил не вверять судьбы своей красной столицы одним только полевым войскам, — он решил, если понадобится, оборонять город Октябрьской Революции в границах его собственных стен. Все рабочие и работницы, которые, по тем или другим причинам, не могут сражаться в поле, привлекаются ныне к организации городской обороны. Революционная решимость отстоять себя сочетается в этой работе с применением всех технических сил и средств, какими богат Петроград. Задача — превратить каждый квартал в бронированную часть одного грозного лабиринта — как раз по плечу передовым петроградским рабочим и успешно разрешается ими в настоящие дни и часы.

Линия фронта за истекшие сутки стала хуже. Но пролетариат Петрограда глубже понял опасность. Он хочет и может ее устранить. А это значит, что общее положение стало лучше. Через день—через два на петроградском фронте наступит неизбежный перелом!

18 октября 1919 г.
«Правда», № 234.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики красноармейцам, командирам, комиссарам, защищающим Петроград,
от 20 октября 1919 г., гор. Петроград.

Красноармейцы, командиры, комиссары! Завтрашний день решает судьбу Петрограда. В то время, как на юге красные армии перешли в решительное и победоносное наступление, вернули Орел и разбили 10 полков Мамонтова, — в Петрограде ряд неудач заставил наши войска откатиться до Пулковских позиций. Дальше отступать нельзя. Петроград сдавать нельзя, — даже временная сдача Петрограда означала бы гибель тысячей рабочих жизней и неисчислимых культурных ценностей. Петроград необходимо отстоять какой угодно ценой.

Все меры приняты. Подтянуты свежие части, которые обеспечивают нам огромный перевес. Освежен и обновлен командный состав. Привлечены к делу лучшие, закаленные в боях пролетарии. Все условия победы налицо. Нужно только, чтобы вы захотели и поклялись эту победу обеспечить.

Помните: на вашу долю выпала великая честь защищать тот город, в котором родилась рабочая и крестьянская революция.

Вперед!

В наступление!

Смерть наемникам чужеземного капитала!

Да здравствует красный Петроград!

Перелом.

Сегодняшний день был критическим. Наши войска отступили на Пулковские высоты, стало быть, на последний рубеж перед Петроградом. Отступление отсюда означало бы, что борьба будет вестись уже в стенах города, т. е. превратится во внутреннюю оборону.

Показания перебежчиков и другие данные свидетельствуют о том, что противник отдал приказ в ночь с 20 на 21-ое овладеть Пулковской высотой. Приказа этого белая армия, однако, не выполнила [80]. Мы не только не покинули важнейшего рубежа, а, наоборот, по всему фронту продвинулись с боем вперед. Нами захвачены пленные, пулеметы и другие трофеи. При этом даже наиболее слабые части обнаружили упругость и силу сопротивления. В боях приняли, с несомненным успехом, участие первые танки петроградского производства. Красные войска с восторгом приветствовали появление первой бронированной гусеницы.

Исход сегодняшнего дня можно оценить, как вполне благоприятный. Благодаря свежим резервам, с одной стороны, освежению командного и комиссарского состава, с другой, в 7-ой армии произошел несомненный внутренний перелом: части вернули себе самообладание и стремятся вперед. Снабжение поставлено более чем удовлетворительно. Настроение вполне уверенное. Особенно курсанты стремятся вознаградить себя за ряд неудач.

Тем не менее положение по смыслу самой обстановки остается напряженным: враг в расстоянии одного перехода от Петрограда. Следовательно, чтобы застраховать себя от случайностей, мы обязаны, не покладая рук, продолжать работу над укреплением Петрограда, над организацией его внутренней обороны. Обеспеченный изнутри Петроград является в то же время превосходным тылом для возродившегося фронта.

Перелом произошел. В ближайшие дни это должны будут признать столь лживые англо-французские радио.

21 октября 1919 г.
Петроград.
«В пути», № 99.

Первый удар.

До 21-го Юденич наступал, встречая слабое сопротивление. 21-го 7 армия закрепилась на линии Пулкова и дала отпор. Наступление Юденича приостановилось. 22-го Красная Армия перешла в наступление. Сопротивление белогвардейских войск оказалось очень упорным. В течение 21-го и 22-го октября, когда продвижение Юденича приостановилось, он успел подтянуть резервы и тем самым уплотнить свои ряды. Бои получили ожесточенный характер.

К вечеру 23-го мы завладели полностью Детским Селом и Павловском. Это серьезный успех. Мы не только остановили наступление, но и нанесли противнику крупнейший удар.

Наши части переродились. Аппарат связи и управления действует без перерывов и перебоя. Благодаря усилиям лучших работников Петрограда, снабжение поставлено на должную высоту. Части, застигнутые наступлением Юденича врасплох и ожесточенные рядом неудач, ныне соперничают в самоотверженности и героизме.

В рядах врага произошел первый надлом. В прошлые дни почти не было пленных; перебежчики насчитывались единицами. Теперь число перебежчиков и пленных сразу возросло. Они прибывают десятками и скоро начнут прибывать сотнями и тысячами.

Успех велик. Но до окончания задачи еще далеко. Нужно раздавить Юденича, стереть его с лица земли и тем раз навсегда обеспечить спокойствие Петрограду. Мы же пока нанесли белым бандам лишь первый удар.

Опасность, нависавшая над Петроградом отодвинулась но не исчезла. Враг стоит на расстоянии двух переходов от Петрограда. Работы по укреплению города должны поэтому итти полным ходом. С неменьшей энергией должны вестись работы по укомплектованию полевой армии людьми, по обеспечению ее лошадьми и всеми необходимыми предметами снабжения.

Было бы непростительно, если бы первый успех послужил причиной легкомысленного успокоения. Наоборот: он должен стать сигналом к новому напряжению энергии. Враг поколеблен, но не разбит. Мы сорвали его с важной позиции. Теперь нужно преследовать его неутомимо. Нужно привести в движение все силы и средства наступления; не давать бандам Юденича ни отдыха, ни срока; улучшать армейский аппарат, укреплять связь, повышать дисциплину, наступать, преследовать, бить—до конца, до полной победы. Тогда за первым ударом скоро будет нанесен последний.

23 октября 1919 г.
Петроград.
«В пути». № 100.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 24 октября 1919 г., № 158, гор. Петроград.

Бандам Юденича нанесен крепкий удар.

Хвастливые и лживые телеграфные донесения англо-французских империалистов уже сообщали о занятии Юденичем Петрограда. Но героизм солдат, командиров и комиссаров Красной Армии поставил крест на этом кровожадном замысле международных хищников. Петроград не сдан и не будет сдан. 7-я армия наступает. Белые отступают. Число пленных и перебежчиков из белого лагеря увеличивается с часу на час.

Товарищи красноармейцы! *Щадите пленных!* Встречайте по-товарищески перебежчиков. В белогвардейской армии только ничтожное меньшинство состоит из бесчестных, развращенных, продажных врагов трудового народа. Подавляющее большинство состоит из одураченных или насильственно мобилизованных. Даже среди белого офицерства значительная часть сражается против Советской России из-под палки или обманутая агентами англо-французских и русских биржевиков и помещиков.

Против белогвардейцев, которые наступают на нас и угрожают Петрограду, мы действуем и будем действовать беспощадно. Мы будем преследовать их огнем и мечом, доколе не сотрем с лица земли. Но *пленных мы щадим.* Бессмысленная кровожадность чужда рабоче-крестьянской Красной Армии. *Перебежчикам не грозит в нашей среде ни малейшей опасности.* Кто понял бесчестие белогвардейского похода, в ком пробудилась совесть трудового народа, то иди смело в наши ряды, тот нам друг и брат!

Это относится не только к рядовым солдатам, но и к офицерам. На Восточном фронте из армии Колчака к нам перебежали многие сотни офицеров, которые прониклись величайшим уважением к организации, сплоченности и героизму Красной Армии. Теперь они служат в наших рядах.

Нет сомнения, что предстоящий распад армии Юденича толкнет в наши ряды лучшую часть белогвардейских офицеров, которые ныне еще идут на вожжах у Юденича. Всякий, кто искренно и честно хочет служить рабоче-крестьянской власти, найдет место в наших рядах.

Горе тому недостойному солдату, который занесет нож над безоружным пленным или над перебежчиком.

Да здравствует сознательный воин Красной Армии, беспощадный к врагу, великодушный к пленному и перебежчику!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту

от 24 октября 1919 г., № 159, Детское Село (бывш. Царское).

Две Англии.

Красные воины!

На всех фронтах вы встречаетесь с враждебными кознями Англии. Контр-революционные войска стреляют по вам из английских орудий. На складах Шенкурска, Онеги, южного и западного фронтов вы находите снабжение английского производства. Захваченные вами пленные одеты в английское обмундирование. Женщины и дети Архангельска и Астрахани убиваются и калечатся английскими летчиками при помощи английского динамита. Английские корабли обстреливают наши побережья. Английское золото сеет разврат, подкупая бесчестные элементы на фронте и в тылу. Английский радио лжет и клевещет изо дня в день на рабоче-крестьянскую Россию и ложью пытается отравить весь мир.

Солдаты! Матросы! Ваши сердца не раз переполнялись ненавистью против хищной, лживой, лицемерной, кровавой Англии. И ваша ненависть справедлива и священна. Она удесятеряет ваши силы в борьбе против врага.

Но и сейчас, в минуту наших ожесточенных боев против наемника Англии Юденича, я требую от вас: *не забывайте никогда, что существуют две Англии. Наряду с Англией барыша, насилья, подкупа, кровожадности существует Англия труда, духовного могущества, великих идеалов международной солидарности.* Против нас борется биржевая Англия, низменная и бесчестная. Трудовая, народная Англия за нас. Мы твердо верим, что она скоро выпрямится во весь рост и наденет смирительную рубашку на преступников, которые ныне руководят заговорами против трудящихся масс России. Движимые этой несокрушимой верой, мы восклицаем в огне и дыму борьбы: Смерть хищникам империализма! Да здравствует рабочая, трудовая, народная Англия!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красному Флоту
от 24 октября 1919 г., № 160, гор. Петроград.

Возрожденному дружными усилиями лучших военно-морских работников Балтийскому флоту нанесен серьезный удар. Три миноносца выбыли из строя, наткнувшись на мины в отважном ночном предприятии [81]. Много прекрасных жизней уничтожено. Несмотря на скорбь, которая пронзила наши сердца при первой вести об этом ударе, каждый из нас с законной гордостью может воскликнуть: жива душа красного флота!

Предприятие, на какое шли миноносцы, таило в себе исключительный риск. Все моряки, отправлявшиеся на миноносцах, ясно сознавали, как велика опасность. И, тем не менее, они шли бодро и уверенно — на бой, как на праздник. Жива душа Балтийского флота!

Опасность есть неизбежный спутник суровой войны. Доколе есть война — дотоле будет опасность, дотоле мужественно будут итти ей навстречу.

На смену выбывшим судам уже пришли новые. Молодые, мужественные борцы идут на смену павшим героям. Жив красный флот, жива душа его!

Но память о павших будет жить неизменно в наших сердцах. От командира дивизиона и до самого молодого из матросов они дали нам пример мужества и солидарности в борьбе и в самой гибели. Даже белогвардейские радио вынуждены признать мужество экипажа и верность командного состава советскому знамени.

Пусть же память об этом ударе военной судьбы теснее сплотит семью красных военных моряков Балтийского моря. Пусть смоются волнами его последние остатки розни. Да будет флаг Балтийского флота флагом братского единения в служении свободе и независимости трудового русского народа.

Слава павшим!

Да живет Балтийский флот, да закаляется в испытаниях душа его!

Танки.

Мы наступаем и бьем Юденича. Теперь самому молодому солдату 7-ой армии ясно, что мы сильнее белогвардейских банд.

А между тем всего несколько дней тому назад части 7-ой армии отступали перед войсками Юденича с чрезвычайной быстротой. По какой причине? По причине паники. Застигнутые врасплох, вследствие беспечности многих командиров и комиссаров, красноармейские части не успевали ни остановиться, ни оглянуться, ни обдумать действительное положение,— они откатывались назад.

В этой временной панике большую роль сыграли танки. Мало кто от них пострадал, даже мало кто их видал. Но самое слово «танк» производило страшное впечатление на многих простачков. Этим пользовались изменники, агенты Юденича, и запугивали танками молодые красноармейские части. «На левом фланге танки», «справа у нас танки», «в тылу появился танк»... Стоило пустить такой слух, и начинался повальный откат.

Страх перед танками — бессмысленный страх. Танк есть просто особого устройства металлическая телега, в которой передвигаются пулеметы и орудия. Никаких особых средств для истребления людей танк не имеет. Он действует пулеметным и пушечным огнём. Пулемет или орудие на танке ничем не отличается от пулеметов и орудий вообще.

Танк есть металлическая повозка. Особенность этой повозки состоит в том, что она может передвигаться через рвы. Но на Петроградском фронте много прекрасных шоссейных дорог, по которым броневик проходит не хуже танка. А через реки и болота танк бессилен переползать, как и броневик.

Танки играют большую роль в позиционной войне. Там, где на определенном участке сидят неподвижно в окопах солдаты, танки, способные переползать через окопы, могут причинить большой вред. Нужно только, чтобы они действовали сразу, большими массами, десятками и сотнями. Но в нашей полевой войне два-три танка не могут играть серьезной роли.

Отчего же такой страх перед танками? От новизны. Чего люди никогда не видали, того нередко пугаются. И не только люди, но и животныя. Кто из нас не видал, как деревенская лошадь пугается автомобиля: увидав диковинную машину, лошадь начинает хрипеть, глаза наливаются кровью, передние ноги вверх, задом лошадь напирает на телегу, воротит ее в сторону, нередко опрокидывает в канаву и калечит при этом себя.

Бессмысленный страх перед танками ничем не лучше лошадиного страха перед автомобилем. От танков погибли, может быть, немногие единицы, а **о т с т р а х а** перед танками погибли десятки и сотни, ибо перепуганные откатывались ничего не видя, а неприятель стрелял по бегущим, как хотел.

Танки теперь производятся у нас на Петроградских заводах. Некоторые наши русские танки уже действуют на фронте и действуют не хуже английских. Но сами по себе танки, — ни английские, ни наши, — решить дела не могут. Все зависит от живых людей, от их храбрости, сознательности, твердости и преданности делу рабочего класса. Мужественной, решительной части всякое оружие на пользу. Паническим, т. е. легко пугающимся солдатам ничто не идет впрок: они и винтовку, и пулемет, и танк просто сдадут врагу.

Товарищ-красноармеец! Когда внезапный и бессмысленный страх охватит твое сердце при слове «танк», вспомни перепуганную лошадь перед автомобилем, — вспомни и устыдись: ведь человеку даны не лошадиный разум и не лошадиное сердце.

Паника — мать всех бед. Оттого враг прилагает все силы к тому, чтобы вызвать панику. Если кто либо в бою начнет пугать тебя разными страхами, особенно танками, знай: это провокатор, наемник Юденича, который хочет взять подлостью, потому что не может взять силой.

Красноармеец помни, что нас больше, что мы сильнее, что дело наше правое. Помни, что в рядах Юденича сражаются люди, которые телом не сильнее тебя, а душой слабее. Как только ты поймешь свою силу и, раз навсегда, изгонишь подлую панику из своих рядов, ты станешь непобедимым. Тогда закончим борьбу в короткий срок на севере и на юге. Раздавив врага, вернемся все домой в города и села к мирному труду.

25 октября 1919 г.
«В пути», № 101.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 7-й армии

от 28 октября 1919 г., № 161, гор. Петроград.

Первая часть задачи 7-й армии выполнена: враг отброшен от Петрограда. Красная пролетарская столица вне опасности. Все — от командующего армией и до самого молодого красноармейца выполнили свой долг и заслужили признательность социалистического отечества. Теперь остается с таким же успехом выполнить вторую половину задачи — окончательно уничтожить врага. Для этого путь один: не давать врагу передышки, гнать его и бить до полного истребления. Положение армии Юденича по существу безнадежное. Временно спасти ее могло бы только промедление с нашей стороны. Отсюда долг 7-й армии сосредоточиться и напрячь все силы для преследования полуразбитых банд. Наступать и гнать противника вперед, преодолевая собственную усталость, преследовать врага по пятам. Каждый упущенный теперь час пришлось бы в дальнейшем наверстывать ценою новых тяжких жертв. Поэтому не терять ни минуты. Успех облавы зависит от ее скорости.

Красноармейцы, командиры, комиссары! Советская власть ждет от вас высшего напряжения сил. Вперед! Окружайте разбитого врага. Отрезайте ему путь отступления. Вперед! Не давайте врагу передышки, гоните его, душите его, бейте его беспощадно. Час отдыха наступит тогда, когда уничтожим гадину.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора войскам 7-й армии от 28 октября 1919 г., № 162, гор. Петроград.

28 октября, узнав из доклада командующего армией о небольших боевых неудачах в районе деревень Гостилицы, Дятлицы и Волковицы, я выехал на этот участок, чтобы на месте выяснить причины этих неудач.

Из доклада начальника боевого участка тов. Каштанова и других начальствующих лиц стало ясно, что многие младшие начальники по небрежности или незнанию допустили целый ряд нарушений Полевого Устава, а за эти нарушения поплатились кровью честные воины рабоче-крестьянской армии.

1. В деревне Волковицы два взвода N полка, выставя сторожевое охранение к югу, т. е. в сторону противника, не выслали разведки к востоку на деревню Мулдыя, где находился противник, и не связались дозорами со своими соседями у Ратталя. В результате противник, выбив нашу заставу из Ратталя, выйдя неожиданно в тыл двум взводам, находившимся в Волковицы, взял их в плен. Подобной катастрофы не случилось бы, если бы все требования Полевого Устава об обеспечении фланга и связи с соседями были выполнены.

2. Отряд матросов, находившийся в деревне Витино, получив из приехавшей кухни пищу, разошелся по домам селения и занялся обедом, позабыв о сторожевом охранении. Белогвардейцы воспользовались халатностью начальника отряда матросов, напали врасплох на отряд и выгнали матросов из деревни Витино.

Отсутствие сторожевого охранения на поле сражения, что требуется Полевым Уставом, есть одно из тягчайших воинских преступлений, и провинившийся начальник будет сурово наказан.

3. Части батальона N полка, находившиеся в деревне Перелрово, узнав об оставлении красными частями соседних деревень, отошли в неизвестном направлении, не донеся об этом начальнику боевого участка.

Полевой Устав требует при отходе немедленно доносить начальнику боевого участка о времени отхода, причинах, вследствие которых был отход совершен и месте, куда отошла воинская часть, в противном случае отряд, ушедший самовольно с позиции и не донесший об этом по команде, может подвести и другие части, что и случилось.

4. Отряд партизанов, будучи послан в Переярово, и зная, что в этом селении находятся части N батальона, шел беспечно, ограничившись высылкой одного дозора в 5 человек, который шел в 200—300 шагах впереди колонны. Начальник отряда позабыл, что на войне обстановка меняется не только каждый час, но каждую минуту. В действительности части N баталиона, боясь окружения, оставили деревню Переярово и ушли в неизвестном направлении, не донеся об этом начальнику боевого участка. Головной дозор из 5 человек в районе деревни Переярово был остановлен окриком — «кто идет?» Узнав, что сзади идет колонна красноармейцев, белые открыли по колонне пулеметный огонь, и отряд отступил, понеся потери. В данном случае головной дозор принес пользу белогвардейцам, сообщив им, что сзади него идет отряд партизанов Красной Армии.

Полевой Устав требует, чтобы головной дозор шел на такой дистанции от колонны, которая предохранила бы последнюю от ближнего ружейного и пулеметного огня. Колонна в деревню должна была втянуться после получения донесения от начальника головного дозора, что деревня свободна от противника.

5. Баталион N полка, будучи выслан из Красного Села на усиление боевого участка тов. Каштанова, прибыл на этот боевой участок, причем командир баталиона не донес о своем прибытии начальнику боевого участка.

Полевой Устав требует, чтобы каждая часть, подходя к полю сражения, доносила об этом начальнику боевого участка. Полевой устав подчеркивает особую важность соблюдения этого правила при подходе к полю сражения. Командир баталиона нарушил в данном случае непреложное требование Полевого Устава.

Несоблюдение всех указанных правил и требований Полевого Устава привели к тому, что части войск, будучи застигнуты врасплох противником, не только принуждены были оставить ряд селений — Витино, Глухово, Переярово и Волковицы, но и поплатились кровью за халатность и беспечность своих начальников.

За нераспорядительность, невнимание к требованиям Полевого Устава, беспечность и халатность войсковых начальников, а, может быть, и за незнание ими Полевого Устава, заплатили своей жизнью или получили раны многие храбрые воины рабоче-крестьянской армии.

Такие проступки не могут быть терпимы в Красной Армии и все военно-начальники, допустившие отступление от требований Полевого Устава и нарушения его правил, будут строго наказаны.

Пусть все знают, что леность, халатность и пренебрежение к Полевому Уставу Красной Армии караются самым беспощадным образом до расстрела включительно.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора от 30 октября 1919 г., № 163/а, гор. Петроград.

Прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Оборона Петрограда лежит не только на VII, но и на XV армии. Нажимая с юга на войска Юденича вы тем самым обеспечиваете красный Петроград; от вас требуется величайшая энергия в наступлении. Вы устали, вы утомлены, но бывают дни и часы, когда высшим напряжением воли нужно преодолеть все затруднения, побороть усталость и дать наивысшее напряжение своих сил. Этого требует вся обстановка. Мы можем сейчас добить Юденича согласованными ударами VII и XV армий. Не теряйте же ни дня, ни часа, наступайте, идите вперед, гибель Юденича близка, а стало быть близок заслуженный отдых.

Да здравствует XV армия! [82]

Петроград.

Октябрь 1917—1919 г.

Ко второй годовщине октябрьской революции Петроград снова стоит в центре напряженного внимания всей страны. И опять, как два года тому назад, Петроград оказался под опасностью с юго-запада и совершенно так же, как и тогда, в конце октября 1917 г. (ст. ст.) решалась судьба Петрограда под Пулковскими высотами.

Тогдашние военные операции как с противной, так и с нашей стороны, были окутаны атмосферой полнейшей неопределенности. Никто не мог, хотя бы приблизительно, сказать нам, какие силы на нас наступают. Одни говорили—тысяча казаков, другие—три, пять, десять тысяч и т. д. Буржуазная печать и буржуазная молва (тогда еще обе были очень многоречивы) чудовищно преувеличивали силы Краснова. Помню, первые достоверные сведения о количестве прибывших казаков я получил от тов. Воскова, который наблюдал их эшелоны в Сестрорецке и категорически настаивал на том, что казаков никак не более тысячи сабель. Но все же оставалось возможным, что пришли еще какие-либо части походным порядком, — тов. Восков говорил лишь о железнодорожных эшелонах.

Столь же неопределенны были те силы, какие мы могли противопоставить казакам. В нашем непосредственном распоряжении был весьма значительный по численности петроградский гарнизон. Но он состоял из полков, которые в первых сотрясениях революции утеряли боеспособность. Старая дисциплина разрушалась вместе со старым командным составом. Революция требовала разрушения старого военного аппарата. Новой военной дисциплины еще не было. Создавались наспех рабочие красногвардейские отряды. Какова была их ударная сила? Этого никто не мог еще сказать. Мы не знали толком, где находилось необходимое снабжение. Старые военные власти отнюдь не спешили предоставить его в наше распоряжение. Новые власти не знали к нему пути. Все это создавало обстановку чрезвычайной неопределенности, в которой легко возникали и разростались панические слухи.

В Смольном, при участии тов. Ленина и моем (не помню точно какого числа) созвано было гарнизонное совещание с участием командного состава. Часть офицерства уже скрылась в этот период. Но значительная часть оставалась при своих полках, не зная, что предпринять и по традиции считая недопустимым покидать свою часть. Ни один

из офицеров, принимавших участие в этом совещании, не позволил себе хотя бы заикнуться относительно неприемлемости «гражданской войны» и нежелательности отпора Керенскому и Краснову. Объяснялось это, главным образом, полной растерянностью офицерства, у которого не было причин, конечно, дорожить режимом Керенского, но не было также оснований радоваться пришествию советского режима. Организованного лагеря контр-революции еще не было. Агентура Антанты еще не расстелила своих сетей. При таких условиях наиболее простым решением для командного состава было держаться за свой полк и выполнять его решения. К этому нужно прибавить, что командный состав был уже выборным. Наиболее злостные элементы были отброшены.

Однако же никто из командиров не хотел взять на себя ответственность за руководство всей операцией, отчасти потому, что среди участников совещания, насколько помню, не было лиц с серьезным боевым стажем, а, главным образом, потому, что никто не хотел слишком просовывать свою голову вперед, не зная, что из этого выйдет. После нескольких неудачных попыток привлечения командиров полков, выбор пал на полковника Муравьева, сыгравшего потом не малую роль в военных операциях Советской России.

Муравьев был прирожденным авантюристом. В этот период он считал себя левым эс-эром (Левое эс-эрство было тогда прикрытием для многих пролаз, желавших примазаться к советскому режиму, но не решавшихся наложить на себя тяжелое бремя большевистской дисциплины). По военному своему прошлому, Муравьев был, кажется, преподавателем тактики в юнкерском училище. Хлестаков и фанфарон, Муравьев не лишен был однако некоторых военных дарований: быстроты соображения, дерзости, умения подойти к солдату и ободрить его. В эпоху Керенского авантюристские качества Муравьева сделали его организатором ударных боевых отрядов, которые направлялись, как известно, не столько против немцев, сколько против большевиков. Теперь, с приближением Краснова к Петрограду, Муравьев сам, и притом довольно настойчиво, выдвинул свою кандидатуру на пост командующего Советскими войсками. После понятных колебаний, кандидатура его была принята. При Муравьеве была учреждена выбранная гарнизонным совещанием пятерка из солдат и матросов, которым внушено было иметь за Муравьевым неослабное наблюдение и, в случае малейшей попытки к измене, убрать его прочь.

Муравьев, однако, не собирался изменять. Наоборот, с величайшей жизнерадостностью и верою в успех он принялся за дело. В отличие от других военных работников того периода, особенно партийных, он не жаловался на недочеты, прорехи, на саботаж, а наоборот все недочеты заделывал жизнерадостным многословием, заражая постепенно и других верою в успех.

Главная организаторская работа легла, однако, на рабочие районы. Там разыскивали необходимые ружейные патроны, снаряды, орудия, лошадей и упряжку и выкатывали импровизированные батареи на позиции, которые тем временем укреплялись.

Полки Петроградского гарнизона выступили на позиции довольно вяло. Тогда, на заре октябрьской революции, у рабочих масс еще не было сознания неизбежности суровой борьбы для закрепления переворота. Захваченным идейной силой революции массам казалось, что вопрос решится до конца и одними мерами агитации, силою слова. Вооруженные столкновения с казаками казались им прискорбным недоразумением, случайно нарушившим победоносный ход октябрьской революции. Предстоявших боев они не брали в серьез, предпочитая отправлять навстречу противнику агитаторов и парламентеров.

Петроградские пролетарии относились к делу серьезнее, чем солдаты гарнизона, но они могли выставить лишь наспех созданные отряды так называемой Красной Гвардии...

Исход боя решила артиллерия, которая с Пулковских высот внесла значительные опустошения в ряды Красновской конницы. Называли 300—500 убитых и раненых,—число, несомненно, преувеличенное. Казаки сражались без всякой охоты. Их уверили, что петроградское население встретит их как избавителей, и достаточно было небольшого артиллерийского удара, чтобы остановить их движение. Остановившись, они зароптали против своих командиров, замитинговали, вступили в переговоры с представителями красногвардейцев... Наконец, казаки отступили к Гатчине, где находился Красновский штаб. Керенский бежал, обманув Краснова, который, повидимому, собирался обмануть его. Адъютанты Керенского и состоявший при нем Войтинский были покинуты им на произвол судьбы и взяты нами в плен, как и весь штаб Краснова.

Натиск был отбит, октябрьская революция закреплена. Вместе с тем открылась эпоха непрерывной напряженной гражданской войны.

Два года спустя нам опять приходится обеспечивать октябрьскую революцию на тех же Пулковских высотах. Неосмотрительно отпущенный на волю в 1917 г. Краснов, сражается ныне в войсках Юденича, под той самой Гатчиной, где он был взят нами в плен. За этими чертами сходства — какое однако огромное различие: тогда Петроград еще кишел буржуазными и интеллигентскими элементами, группами, кружками, партиями, газетами, и вся эта пестрая братия считала, что мир держится на ней, что Советская власть — недолговечная случайность. Пролетариат вошел в свою революцию с большим энтузиазмом, с великой верой, подъемом, но и с большим запасом благодушия. За эти два года метла революции сурово прошлась по петроградской буржуазии. С другой стороны, рабочие Петрограда прошли через огромные испытания. Энтузиазм не горит таким внешне ярким пламенем, как два года назад, но зато прибавилось опыта, твердости, уверенности, душевного закала. Враг организовался и стал сильнее. Уже не тысяча казаков наступает на Петроград, а много сотен тысяч бойцов, вооруженных средствами мирового империализма, наступают на Октябрьскую Россию. Петрограду угрожают десятки тысяч белых солдат, прекрасно вооруженных. Английские корабли выбрасывают на наше

побережье пятнадцати-дюймовые снаряды. Но и мы стали сильнее. Старых полков нет. Импровизированные отряды вооруженных рабочих также отжили свой век. Их место заняла правильно организованная Красная Армия, которая — нельзя отрицать — знает моменты упадка, неудач и даже малодушия, но которая, в конце концов, в минуту опасности, всегда умеет сосредоточить необходимую энергию и дать отпор врагу.

Два года назад Петроград выступал, как великий зачинщик. Теперь на Петрограде международный империализм хочет показать свою силу в деле удушения революции. Борьба из-за Петрограда получает характер мирового поединка между пролетарской революцией и капиталистической реакцией. Если бы этот поединок закончился неблагоприятно для нас, т. е., если бы даже мы временно сдали Петроград, — этот тяжелый удар еще вовсе не означал бы крушения советской республики. За нашей спиной еще необъятный плацдарм, который позволит нам маневрировать до полной победы. Но зато наша победа в петроградском поединке означает сокрушительный удар англо-французскому империализму, который слишком многое поставил на карту Юденича. Борясь за Петроград, мы отстаиваем не только колыбель пролетарского восстания, но боремся самым непосредственным образом за его мировое распространение. Это сознание удесятеряет наши силы. Петрограда мы не отдадим. Петроград мы отстоим.

30 октября 1919 г.
«Правда», № 250.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 7-й армии от 2 ноября 1919 г., № 163, гор. Петроград.

Подавляющее большинство командиров 7 армии с честью выполняет свой долг перед Советской Россией. Но некоторое число изменников, агентов Юденича, оказалось все же на низших командных должностях. Эти наемники чужеземного капитала злонамеренно вызывали в отдельных случаях замешательство и тревогу, сеяли панику в своих частях и, пользуясь этим, перебегали в стан белых, предавая в их руки часть красноармейцев.

Приказываю командирам и комиссарам неукоснительно следить, чтобы ни один из этих случаев измены не прошел безнаказанно.

Семьи изменников должны быть немедленно арестованы.

Самих предателей занести в Черную Книгу армии, дабы после близкого и окончательного торжества революции ни один из предателей не ушел от кары.

В боевой обстановке командиры, комиссары и передовые красноармейцы должны зорко блюсти за тем, чтобы не давать предателям совершать свою работу: нужно истреблять на месте всякого, кто пытается вызвать панику, призывает бросить оружие и перейти в стан белых.

Издыхающий враг прибегает к подкупу и провокации. В ответ на это — удвоить бдительность и беспощадность по отношению к предателям и провокаторам!

Вмешаются ли финны?

Беседа с представителем советской печати.

Последние радио принесли весть о том, будто буржуазия Антанты, в обмен за Аландские острова, заручилась согласием финской буржуазии участвовать в разбойничьем походе на Петроград. По этому вопросу, представляющему столь исключительный интерес не только для Петрограда, но и для всей страны, можно сообщить следующее:

1) Само сообщение представляется непроверенным и даже маловероятным. Юденич быстро откатывается от Петрограда и Красной Армии поручено добить его во что бы то ни стало. Прекрасное положение на других фронтах дает возможность высшему командованию выделить для разгрома Юденича достаточные силы. В такой момент представляется крайне маловероятным, чтобы финская буржуазия рискнула поставить всю свою судьбу на неверную карту Юденича.

2) Если бы, тем не менее, невероятное стало фактом и финская буржуазия действительно обрушилась бы на Петроград, такое покушение обошлось бы ей чрезвычайно дорого. Местное командование получило все необходимые инструкции как относительно дальнейшего развития укреплений Карельского перешейка, так и относительно необходимого сосредоточения живой силы. Советское правительство, верное своей основной принципиальной линии поведения, отметает какие бы то ни было шаги или заявления, которые могли бы иметь характер вызова или провокации по отношению к Финляндии. Но именно поэтому, в твердом сознании своей правоты, советское правительство ответит на военное выступление Финляндии решительным контр-наступлением, причем сделает ответственным за покушение на Петроград не только финляндскую буржуазию в целом, но и каждого финского буржуа в отдельности.

В заключение, мы считаем необходимым повторить еще раз, что есть все основания рассчитывать на то, что финляндской буржуазии не понадобится такого сурового урока.

3 ноября 1919 г.

Солдатам армии генерала Юденича.

Читайте! Слушайте! Обдумайте!

Советская власть побеждает помещиков, капиталистов и царских генералов на всех фронтах.

В Сибири мы бьем и гоним Колчака. Наши войска приближаются к Омску. Колчак бежал из Омска в Иркутск.

На юге наши войска взяли Воронеж и Орел. Царский генерал Деникин отступает под натиском рабоче-крестьянской армии.

Юденичу не устоять. Мы вернули Детское (бывшее Царское) Село, Павловск и Красное Село. Мы вернули Лугу. Красные войска подходят к Гдову. Палачу рабочих и крестьян, Юденичу, не сдобровать.

Слушайте, подневольные солдаты, рабы царского генерала Юденича: красные войска все плотнее окружают вас. Против вас сосредоточена могущественная артиллерия, бронепоезда, бронемашины и танки петроградского производства.

Вам спасение одно: с д а в а й т е с ь!

Красная Армия не воюет против рабочих и крестьян. Она борется только против помещиков и капиталистов.

Подневольные солдаты царского генерала Юденича, сдавайтесь!

Переходите на нашу сторону. Истребляйте командиров, которые этому мешают. Идите к нам! Вы будете приняты, как братья. В стране наступит мир и братский труд. Без помещиков, без капиталистов и ростовщиков, без царских генералов и сановников страна заживет спокойной и счастливой жизнью.

Смерть царскому генералу Юденичу!

Да здравствует единая Рабоче-Крестьянская Россия!

3 ноября 1919 г.
«В пути», № 103

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по северо-западной белой армии от 3 ноября 1919 г., № 164, гор. Петроград.

Прочесть во всех ротах, командах, эскадронах, батареях.

Ввиду того, что враг народа, царский генерал Юденич, самовольно и насильственно мобилизовал трудовое население против Рабоче-Крестьянской России, именем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Трудовых Казачьих Депутатов настоящим объявляю:

1. Все без исключения части так называемой северо-западной белогвардейской армии генерала Юденича (Конно-егерский полк, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Рижские полки, 3-й Талабский, Семеновский, 2-й Островский, 7-й Уральский, Вятский, 53-й Волынский, Красногорский, 12-й Темницкий, 1-й Ингерманландский, 9-й Кремневский, 1-й, 2-й, 3-й запасные полки 1-го корпуса генерала Палена, Конный полк Балаховича, 23-й Печерский полк, 21-й Чудский, 1-й Георгиевский, 2-й Ревельский, 3-й Колыванский, 4-й Гдовский, 1-й Островский, 2-й Литовский, 13-й Нарвский, 1-й Псковский, Деникинский, Вознесенский, 2-й Тульский, 2-й Горайский, Кочановский, 1-й запасный полк корпуса генерала Арсеньева и все другие) распускаются.

2. Все солдаты северо-западной армии с получением настоящего приказа освобождаются от военной службы и обязуются вернуться к себе домой.

3. Все командиры северо-западной армии, которые будут чинить препятствия к выполнению настоящего приказа, объявляются вне закона, и всякий солдат обязуется убить их, как врагов народа, на месте.

4. За оружие, доставленное демобилизованными солдатами северо-западной армии Юденича в один из штабов Красной Армии, будет уплачено полностью:

за винтовку	600	рублей,
„ пулемет	2000	„
„ отдельные части	по расценке,	
„ орудие	15000	рублей,

5. Солдаты, потерявшие трудовое время в силу преступных действий Юденича, в возмещение сохраняют за собой обмундирование, а также лошадь и другое имущество, необходимое для крестьянского обихода.

6. Всем демобилизованным солдатам армии Юденича обеспечивается бесплатный проезд на родину по железным дорогам.

7. Утайка настоящего приказа от солдат будет приравнена к тягчайшему государственному преступлению и будет караться по законам военного времени.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по 7-й армии от 3 ноября 1919 г., № 165, гор. Петроград.

Временно приостановленное наступление возобновляется. Нами сосредоточены огромные массы артиллерии и технических средств. Число наших бойцов значительно превышает силы врага. У нас все данные для полного разгрома банд Юденича.

Необходимо, чтобы весь аппарат 7-ой армии действовал безукоризненно.

1. Начальникам снабжения воинских частей неослабно следить за тем, чтобы солдат был обут, одет, накормлен и снабжен боеприпасами. Никаких перерывов в питании, никаких перебоев в снабжении. Все необходимое имеется налицо. Нужно только правильно доставлять и распределять. Начальники снабжения частей отвечают за эту правильность.

2. Командирам и комиссарам вести свои части твердой рукой. Боевые приказы выполнять безусловно и беспрекословно. Никаких изъятий или отговорок допущено не будет. Командиры и комиссары отвечают за свои части перед Советской Республикой.

3. Пехоте твердо помнить, что артиллерия и броневики не заменяют пехоты, а только помогают ей.

4. Коммунистам быть на самых опасных постах, подавая пример мужества и неутомимости. Коммунистов, проявляющих черты шкурничества, карать вдвойне.

5. Против трусов и шкурников — суровые кары. Отступающих без приказа после предупреждения истреблять на месте. Заградительным отрядам передавать дезертиров немедленно трибуналу. Трибуналам действовать на месте так, чтобы наказание следовало немедленно за преступлением.

6. Командирам, комиссарам, коммунистам, честным солдатам иметь неослабное наблюдение, чтобы предатели не расстраивали наших рядов. Провокаторов и сеятелей паники истреблять на месте. Всем и каждому быть на посту, работать не за страх, а за совесть, давая высшее напряжение своих сил, помнить, что единодушием нашего натиска мы можем достигнуть на этот раз полного истребления северо-западной армии Юденича.

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора Реввоенсовету 7-й армии от 3 ноября 1919 г., № 166, гор. Петроград.

Иностранный радио принес одновременно два важнейших известия:

1. О том, что империалисты согласия добились будто бы от Финляндии, путем уступки ей Аландских островов, готовности напасть на Петроград.

2. О том, что белогвардейское правительство Эстонии, отдельные полки которого поддерживают Юденича, объявило ныне общую мобилизацию.

Оба эти известия, если они подтвердятся, могут получить крупнейшее военное значение для 7-ой армии.

Советское правительство заявляло не раз, — и заявления свои доказывало на деле, — что оно ни в малейшей мере не помышляет о войне против независимых Эстляндии и Финляндии.

Наоборот, Советское правительство видит величайший свой интерес в том, чтобы на деле доказать всем народам политику подлинного уважения к праву всех наций на самоопределение. Но, само собой разумеется, Советское правительство ни в каком случае не может терпеть покушений со стороны буржуазии мелких государств на независимость рабоче-крестьянской России. Если бы Юденич, укрываясь от преследования 7-ой и 15-ой армий, нашел поддержку со стороны Эстляндии, то задачей 7-ой армии явилось бы отбить нападение не только Юденича, но и его бело-эстонских сообщников. При этом 7-я армия должна была бы твердо помнить, что ее целью является не нарушение самостоятельности Эстляндии в каком бы то ни было отношении, а только разгром белогвардейских банд; поэтому 7-ой армии пришлось бы выступить против эстонской армии лишь постольку и в тех случаях, поскольку и когда эстонские части активно выступали бы на поддержку Юденича.

Покушение финляндской буржуазии на Петроград означало бы столь чудовищный и бессмысленный разбойничий набег, что, несмотря на заверение иностранного радио, известие надлежит считать маловероятным. Если бы, тем не менее, оно подтвердилось, то задачей 7-ой армии явилось бы не только дать нападению надлежащий отпор, но и отучить финляндскую буржуазию раз навсегда от всяких замыслов против Советской России. В случае сосредоточения финской буржуазией военных сил против Петро-

града, необходимо будет первым делом разъяснить, через посредство комиссаров и командиров, всем солдатам 7-ой армии разбойничий смысл затеваемого Финляндией нападения и ответственность за это преступление, в полном соответствии с фактами, возложить не только на финляндскую буржуазию в целом, но и на каждого финского буржуа в отдельности. Каждый финский буржуа своим имуществом и своею жизнью будет отвечать за кровожадный вызов русскому пролетариату, который готов жить в мире со всеми народами.

В соответствии с изложенным предлагаю:

1) развить линию карельских укреплений, придав ей вполне законченный характер;

2) сосредоточить на русско-финляндской границе достаточные войска из числа многочисленных подкреплений, поступающих в 7-ую армию;

3) командующему разработать во всех отношениях план короткого и мощного удара на Финляндию, в случае явного вызова с ее стороны;

4) принять все необходимые подготовительные меры к тому, чтобы преследование и разгром Юденича могли без задержки продолжаться и по ту сторону эстляндской границы;

5) при проведении всех этих мер строжайше избегать какого бы то ни было вызова по отношению к Финляндии или Эстляндии с нашей стороны, ибо имеются еще все основания рассчитывать на то, что финляндская и эстонская буржуазия в последний момент откажутся связывать свою судьбу с судьбой обреченного на полный разгром и гибель Юденича [83].

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора командирам, комиссарам, всем ответственным работникам 7-й армии,

от 4 ноября 1919 г., № 167, гор. Петроград.

Противник отступает по всей линии. Непосредственным результатом этого является устранение опасности, которая нависла над Петроградом. Но задача, поставленная перед 7-ой армией, состоит не в том, чтобы отстранить непосредственную угрозу великому городу революции, а в том чтобы разбить, уничтожить, стереть с лица земли армию Юденича и тем действительно обезопасить Петроград.

Величайшей опасностью было бы поэтому обольщать себя мыслью, будто главное сделано. Нет, противник не разбит. Он отступает, чтобы не быть разбитым. Пока что он отступает в порядке, уводя материальную часть.

Обязанность 7-й армии — преследовать врага, не терять с ним боевого соприкосновения, наносить ему удары, перерезать ему путь, вносить в его ряды разрушение, смуту, разбить его на части, — и, в конце концов, уничтожить его совсем.

Выполнить настоящую задачу 7-я армия сможет лишь при том условии, если руководящие работники приложат все усилия к дальнейшему улучшению организации, дисциплины, исполнительности точности и к воспитанию непреклонной воли к победе.

Армия разрушается легче, чем созидается. Мелкая неряшливость в одном, неисполнительность в другом, невнимательность в третьем — и в результате крушение частей и распад целых армий. Необходимы неутомимая бдительность, напряженность внимания, настойчивость, борьба со всеми видами беспечности, неисполнительности, недисциплинированности, суровая расправа над дезорганизаторами, трусами, шкурниками. Другого пути нет.

Нужно глядеть не назад на достигнутые результаты, а вперед на еще не разрешенные задачи.

Необходимо усовершенствовать аппарат снабжения, обеспечив быструю подачу и правильное распределение продовольствия и боевых припасов.

Нужно поставить на должную высоту разведку, придать ей больше инициативы, отваги, находчивости. Нужно непрерывно улучшать связь. Нужно приучать части к строгому соблюдению мер охранения. Нужно

проводить экономию в расходовании огнеприпасов и воспитывать связанную с этим дисциплину огня.

Все условия налицо, чтобы 7-я армия стала одной из лучших армий советской республики.

За дело же, товарищи!

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по поезду ПредРВСР от 4 ноября 1919 г., № 169, гор. Петроград.

Последние недели октября и начало ноября навсегда войдут в историю: в эти дни 7-ая армия рука об руку с петроградскими рабочими обороняла Красный Петроград от белогвардейских хищников.

В героической борьбе 7-ой армии работники нашего поезда принимали достойное участие с 17 октября по 3-е ноября. Товарищи Клигер, Иванов и Застар пали в бою. Товарищи Преде, Драудин, Пурин, Чернявцев, Куприевич, Тесиек ранены, товарищи Адамсон, Пурин, Киселис контужены. Среди работников поезда не было ни одного, который хотя бы на волос уклонился от исполнения своего революционного и воинского долга. Я не называю других по именам, потому что пришлось бы назвать всех. В том переломе, какой произошел на фронте, работникам нашего поезда принадлежит не последнее место.

Твердо верю, что последние испытания, бои и жертвы, приведшие к славной победе, еще более скрепят боевое братство нашего поезда, который вот уже пятнадцать месяцев служит делу победы рабочего класса над всеми его врагами [84].

Приказ

Председателя Реввоенсовета Республики и Наркомвоенмора по Красной Армии и Красному Флоту

от 4 ноября 1919 г. № 170, гор. Петроград.

От Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала мною получено пять знамен для передачи наиболее заслуженным частям Красной Армии. Три знамени мною получены с тою же целью от Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов. Оповещая об этом Красную Армию и Красный Флот, могу с уверенностью сказать, что теперь, когда мы победоносно бьем врагов на всех фронтах, недостатка в частях, достойных отличия, не будет.

Оборона Петрограда.

Доклад во ВЦИК'е 7 ноября 1919 г.

Товарищи! Позвольте начать с сообщения, которое только что пришло к нам из Петрограда от т. Зиновьева: 7-я армия вместе с соседней 15 армией — две армии, которые ведут борьбу против белых банд Юденича — успешно продвигаясь вперед, передали в наши руки единственный в сущности город, который служил опорным пунктом Юденичу, — город Гдов. Если вспомните, товарищи, что недели 4 тому назад наше военное положение не только казалось, но и было весьма угрожающим, то можно сказать, что за последний месяц Красная Армия на всех фронтах сделала большие успехи.

Как раз к юбилейному нашему празднику, вчера и сегодня, Красная Армия вернула нам Чернигов, Севск и Гдов.

На важнейшем фронте, на южном, мы еще не сделали главного дела, мы еще не сокрушили основного ядра деникинских войск, но мы уже сильно ущемили это ядро. Наступления противника более нет, если не считать отдельного продвижения на небольших участках; наоборот, отступление Деникина совершается на огромном протяжении, и о причинах этого, с естественной и законной тревогой, спрашивает себя англо-французская печать. Что сталось с Деникиным? спрашивает себя английское и американское радио, кто его, так сказать, сглазил, этого победоносного недавно Деникина? Они кое-чему научились в течение последних двух лет, эти господа, они видели, как Колчак, который был уже почти миропомазан всеми биржевиками и ростовщиками обоих полушарий, как этот Колчак, протягивающий руку к Москве, великолепно откатывается на восток и, по имеющимся у нас известиям, перенес резиденцию свою из Омска в Иркутск, — ближе к своим собратьям, биржевикам Токио и Нью-Иорка.

Хороши наши дела и на северо-западе. Как раз у порога второй советской годовщины разразился удар из того угла, откуда мы как бы перестали ждать удара, — я говорю о северо-западной армии, армии Юденича, которого товарищ Демьян Бедный, с основанием ли или без основания, считает потомком Иуды. У Юденича почти не было тыла, этим он был слабее двух других кандидатов: Колчака и Деникина. Но у него была обильная помощь Антанты, он был наиболее близок, наиболее доступен с моря, он опирался на вновь образовавшиеся прибалтийские государства.

После своего майского наступления Юденич был нами отбит, — отбит, но не добит. В тиши, на эстонской территории, при поддержке в первую голову Англии, он восстановил свои силы и начал наступление.

Работа у нас была в высшей степени напряженная, мы были заняты Деникиным и вынуждены были, чтобы охранять пути на Тулу и Москву, ослабить 7-ю петроградскую армию. Как раз к тому моменту, когда на юге наши дела стали лучше и непосредственная опасность Туле и Москве миновала, разразился удар из Ямбурга на Петроград. Дело было поставлено так, что к вопросу о Петрограде как бы приковались все надежды, аппетиты и вожделения всех наших врагов; как бы приковался вопрос о судьбе Советской власти. На самом деле это не так, и сейчас, когда опасность Петрограду миновала, мы можем с уверенностью сказать, что если бы мы даже временно сдали Петроград, мы бы конечно, не погибли. Но буржуазные классы всех стран, которые боролись с нами в течение двух лет и с нетерпением дожидались нашего падения, они — в тот момент, когда им показалось, что Петроград будет в их руках — сказали себе: это начало гибели Советской власти — от Петрограда недалек путь и до Москвы. Они так много связали с походом на Петроград, так сильно приковали к этому походу внимание всего мира, что наша удача явилась для них подлинной катастрофой.

У меня под руками имеются интересные и поучительные свидетельства буржуазной, главным образом, скандинавской печати, и из этих свидетельств видно, как тщательно подготовлялся и с материальной и с идейной стороны — если могут быть названы идеями слова лжи, травли, клеветы,— как тщательно подготовлялся последний поход Юденича. Финляндская буржуазная газета в номере от 15 октября рассказывает о том, как долго и тщательно шла подготовка, как велика уверенность в успехе. Они мобилизовали все, что могли мобилизовать: эстонские и ингерманландские части, английский флот, армию Юденича, подкрепив ее отборным батальоном «светлейшего князя» Ливена, как он именуется в приказах, а также и части, снятые с архангельского фронта. Все это — отборные в своем роде части, во многих из которых во главе каждого звена стоит офицер, т. е. на семь-восемь человек солдат — один офицер. При каждом шаге солдата назад, он немедленно убивается на месте.

Преимущества, которые были в борьбе против нас у войск буржуазной контр-революции, заключались в том, что они были превосходно обеспечены всем необходимым и, разумеется, имели с технической стороны больше возможностей, чем мы. Кто привез эти легионы из-под Архангельска? Конечно, английский флот. У Юденича оказались танки. Кто привез эти танки? Англия. Кто управлял этими танками? Квалифицированные английские специалисты военного дела. Кто обстреливал из тяжелых орудий Красную Горку? Английские суда, мониторы, вооруженные 15-ти-дюймовой артиллерией — последнее слово морской артиллерийской техники, введенное только в 1916 г. Наши матросы отстаивали Красную

Горку под этими страшными снарядами. У меня под руками сообщение по радио о том, что Красная Горка должна быть взята сегодня или завтра, есть сообщение о том, что Кронштадт пал под ударами с английских мониторов. Они думали, что наши моряки не выдержат обстрела 15-дюймовой артиллерии, но наши матросы выдержали, и Красная Горка и Кронштадт крепче в наших руках, чем когда бы то ни было.

Повторяю, они подготовлялись к этому походу, они ждали его, они жаждали этого решающего момента. В первых числах октября, еще до удара Юденича на Ямбург, одна из буржуазных газет писала, что на-днях предстоит наступление Юденича на Петроград, которое будет решающим — это до нас тогда не дошло, мы получили газету с запозданием. Разумеется, английская газета выдавала военную тайну, но им так не терпится обещать, подсказать низвержение Советской власти, что они делают это даже с нарушением собственных военных интересов. Английские империалисты типа Черчилля слишком связали свою судьбу с судьбой интервенции, и на Черчилля напирает отчаявшаяся буржуазия, говоря: «ты ухлопал на походы русской буржуазии два с лишком миллиарда франков — это чисто военные расходы английского империализма — и эти расходы ничего не дали, кроме укрепления военной мощи русской Красной Армии». Он, Черчилль, отвечал: «погодите еще, вот неделю, две, три недели, и генерал Юденич сделает то, что не сделал обманувший нас Колчак и чего не доделал Деникин. Он возьмет Петроград и там в Петрограде он первым делом начнет формировать могущественную армию для наступления в глубь России». Об этом плане говорит шведская газета до начала похода: решающий короткий удар на Петроград, захват Петрограда, обеспечение базы, формирование и затем удар из Петрограда на Москву. Все было тщательно подготовлено.

Правда, Англия хотела, чтобы удар шел одновременно с двух сторон со стороны Эстонии и со стороны Финляндии. И в течение октября вся английская печать науськивала Финляндию, например, английская газета «Таймс» писала в своей передовой статье о «нравственном долге» Финляндии участвовать в разбойничьем походе, о том, что это поднимет ее международный авторитет. Могущественная Англия, в руках которой все милости и все кары, применила всю силу материальных угроз и посулов для того, чтобы вовлечь Финляндию в авантюру на помощь Юденичу. Финляндия колебалась и шаталась все это время, она не решилась до сих пор, и разгадку этой нерешительности мы находим в финской буржуазной прессе. У меня есть интереснейшее свидетельство о росте и возрождении коммунистического движения Финляндии. Вот, что говорит газета «Карьяла». «До последних месяцев, — говорит газета, — большевистские газеты распространялись у нас подпольно, издания приходили из Петрограда, но за последние месяцы наша рабочая пресса взяла чисто большевистский тон. Есть целый ряд легальных изданий, которые прямо и открыто угрожают революцией в случае наступления на Советскую Россию».

Вот, товарищи, важнейшее обстоятельство, которое связывало финскую буржуазию по рукам и ногам. Мы, правда, читали радио о том, что вопрос «решен» и что генерал Маннергейм уже едет из Европы в Финляндию, и затем вдруг снова перемена. Ген. Маннергейм раздумал, финская погода вредно влияет на его подагру, он остается в Париже. Так он и пребывает в Париже до настоящего момента. И то, что дал петроградский пролетариат и дала армия в эти критические дни позволяет нам с полной уверенностью сказать, что и при наступлении Финляндии мы удержали бы Петроград. Теперь после того, как Юденич отброшен, нас тем более не страшит наступление маннергеймцев.

Но, разумеется, мы все глубоко заинтересованы в том, чтобы Финляндия не наступала. Те шаги, которые делала Советская дипломатия, конечно диктовались реальными интересами и реальными соображениями, а не симпатиями к финляндской буржуазии. Никогда мы на этот счет не вводили в заблуждение никого,—ни друзей, ни врагов. Но поскольку интересы финляндской буржуазии требуют,—если вообще история еще обеспечит за ней известную эпоху существования,—чтобы страна, которая расстилается на расстоянии одного или двух переходов от такого важнейшего центра нашей республики, как Петроград, чтобы эта страна в лице своих правящих буржуазных классов сказала себе, что она не просунет своей головы в ту щель, куда ее толкнет англо-французский империализм, ибо ясно для самого тупоголового выборгского мещанина, что мы не можем жить год за годом под постоянной угрозой, не решится ли генерал Маннергейм или кто другой «взять» у нас Петроград.

Поскольку Финляндия самостоятельна,—а мы открыто и честно, без всякой задней мысли, ее самостоятельность признали,—постольку за эту самостоятельность, за ее существование, как страны, несет прямую ответственность стоящая сейчас у власти финляндская буржуазия. И мы, считаясь с тем, что история прокладывает свои пути и в Финляндии, делаем свое собственное дело внутри нашей страны, и финский пролетариат не требует и не потребует от нас вооруженного вмешательства, ибо понимает, что такое вмешательство принесло бы только вред делу финляндской революции в настоящую эпоху. Вот чем объясняется возможность мирных отношений, мирного сосуществования между нами и Финляндией. Но, с другой стороны, повторяем, город, в котором сейчас еще есть не один десяток тысяч работников и работниц, который ослаблялся, обескровливался, но остается попрежнему превосходнейшим очагом революционной энергии — этот город не может жить под дамокловым мечом наступления со стороны Финляндии, и если бы чаша весов склонилась в сторону вмешательства финляндской буржуазии,—чего мы не хотим,—то мы на этот раз сказали бы себе, что дело нужно доделать до конца.

Итак, Юденич выбит даже из своего Гдова... а ведь счастье казалось так возможно и так близко. Министр Юденича, петроградский адвокат Маргулиес, министр снабжения и продовольствия бывшего Гдовского

государства, заготовил в Финляндии все, вплоть до стеариновых свечей для почти завоеванного Петрограда. Они торговались там по счетам с финляндскими поставщиками от имени разных правительственных учреждений. Вопрос казался предрешенным. И надо сказать, что кой-какие шансы у этих господ были. Наша армия откатилась до пулковских высот— в расстоянии однодневного перехода от Петрограда. С пулковской высоты город открывается, как на ладони, ночью он кажется морем огня,—даже теперь при недостатке освещения он представляет ночью большое и привлекательное световое пятно. Детское Село, которое называлось Царским Селом, и одним своим именем привлекало всю международную буржуазию, так что каждый мелкий мещанин, каждый лавочник Парижа знал, что Царское Село—летняя резиденция царя, почти Петроград,—и вот в этом Царском Селе Юденич и Родзянко! Какая победа! Рассказывают, что генерал Родзянко прибыл 20 числа в Царское Село и, когда ему предложили в бинокль посмотреть на Петроград, сказал: «не надо, завтра-послезавтра будем гулять по Невскому и без бинокля увидим». Теперь ему нужны сильные увеличительные стекла, товарищи.

Чем объясняется наш откат?—Он объясняется целым рядом причин Война, товарищи, это ясно для нас всех, которые на нее посмотрели поближе,—а кто из нас не видел ее теперь более или менее близко?— война не столько процесс материальный, сколько психический. В этом отношении положение нашей 7 армии сложилось крайне неблагоприятно. Юденич скрывал свой хвост в Эстонии и в Финляндии, а главной базой его были британские острова. Мы против Финляндии не воюем, против Эстонии не воюем,—наоборот, мы вели переговоры с этими странами Эстония будто бы крайне интересовалась мирными переговорами с нами Кто кого там обманывал, или они совместно и сознательно пытались обмануть Россию, чтобы обеспечить успех наступления Юденича, этого сразу не разберешь, потому что в мелкобуржуазной политике эстонских правителей страшно трудно понять, где их обманывают, а где они обманывают. Но факт таков, что эти переговоры, положительного значения которых никто из нас не может отрицать, ибо они оказывают свое влияние на эстонское население, показывая ему на деле, что мы насилия над Эстонией не хотим,—эти переговоры воспринимались, однако, солдатами нашей 7 армии так, что дело закончено. Одни говорили, надо нас перебросить на южный фронт. Другие просто отдыхали, внимание притуплялось,—не думали, что грозит какой удар.

Я уже упомянул, что мы из 7 армии взяли целый ряд работников и комиссаров на южный фронт. И вот это состояние армии, выжидательное, вялое, не напряженное,—с фронтом, упирающимся в Эстонию и в Финляндию, с которыми мы не воюем,—и придало известную рыхлость армии и этим дало возможность Юденичу воспользоваться положением и применить с большим успехом новые механические орудия—танки. И здесь опять танки не сами по себе страшны. Танки в конце концов действуют только

пулеметами и орудиями, и в полевой войне их значение не велико, но самая форма их, способ передвигаться, ореол, которым окружены танки, произвели сразу большое впечатление на наших солдат, вызывая нередко настоящую панику. Новое техническое средство, танки, умелый командный состав, офицер на каждое звено, особенно в батальонах «светлейшего князя» Ливена, в лучших ударных частях,— и все это при выжидательной расслабленности у нас — вот общие предпосылки похода, который дал основание контр-революции утверждать, что она войдет в Петроград не позже конца октября — начала ноября. Однако, они не учли того морального фактора, которым располагает наша армия в лице передовых рабочих, в лице коммунистов, нашей великой способности мобилизовать дух армии, поднять и напрячь ее волю в короткий срок.

Такой способности не имеет, — это мы можем сказать с уверенностью,— ни одна армия в мире. У нас есть много недостатков и недохваток, и мы стараемся их устранить. Мы теперь соорудили даже и танки, которые действовали против Юденича и действовали с большим успехом. Это произвело громадное впечатление на нашу Красную Армию. Наши красноармейцы с радостью говорили: «у нас есть теперь своя Танька на фронте». Но все же у нас очень много своих технических прорех, и бывают случаи, когда нам то там, то здесь приходится эти прорехи затыкать мочалкой. Но зато у нас есть наш незаменимый, надежный, необманный аппарат пролетариев - коммунистов: наших коммунистов—командиров и комиссаров— не могут заменить Юденичу те офицеры, которых так много в главных его частях. Они, конечно, способны на героизм. Там было не мало истреблено их, таких офицеров Юденича, в жестоких боях,— но это все же представители мелкобуржуазной интеллигенции: они способны на порыв, легко окрыляются при успехе, но после первой же неудачи падают духом. Совсем другое дело московские и петроградские пролетарии: чем их больше бьют удары судьбы, тем они делаются крепче.

Теперь мы это испытали снова. Каждый раз, когда такое испытание взваливается на нашу сторону, мы снова и снова убеждаемся в крепости пролетариата. Глядите на Петроград... Сколько мы выкачали работников из Петрограда, сколько их погибло на всех фронтах, но тем не менее Питер выдвинул новые тысячи в час опасности, которые не дали врагу опрокинуть себя. Задачу обороны Петрограда мы разделили на 2 части: противник находился у пулковских высот, там боролась полевая армия, она, откатившись, пришла в небоеспособное состояние, и ее нужно было укрепить, перегруппировать, закалить. Но с другой стороны, если бы полевая армия сдала все же свои позиции и Юденич ворвался в Петроград, то мы решили весь город превратить в один боевой лагерь, где каждый район, каждый сектор пришлось бы брать с боя. Петроградских работников разделили на две группы. Одни были привлечены на линию боя восстановлять части 7 армии, а другим было сказано: укрепляйте город, стройте окопы, создавайте дружины, собирайте пулеметчиков, гранатчиков, создавайте отряды,

находите подходящие дома, устраивайте там посты, занимайте подвалы, снабжайте работников или работниц оружием и гранатами, пусть они встретят достойно врага, если бы тот прорвался на несколько часов. В течение нескольких дней мы разделили город на районы, разделили районы на отсеки, организовали и распределили дружины, произвели необходимые укрепления, — и если бы белым пришлось ворваться в Петроград, то им пришлось бы грызть зубами каждый квартал, каждый сектор, каждый район. Если бы полевая армия и отступила, это не значило бы, что Петроград сдан. Это значило бы только, что борьба переносится на улицы города, и здесь, на улицах Петрограда — мы не сомневались в этом — мы истребили бы армию Юденича до конца.

Но до этого дело не дошло. Взятие Детского Села и Павловска было последним успехом Юденича. 21-го наступление его было задержано, 22-го мы перешли в наступление. 23-го мы взяли Детское и Павловск, через несколько дней Красное Село. Уже взятие нами 2-х первых деревень имело решающее значение. Оно показало, что VII армия возродилась, что в ней появилась упругость и цепкость, что в ней нет того безволия, которое появилось, когда она была неожиданно отброшена от Ямбурга и отступала назад. Задача наша состояла в том, чтобы добиться перелома настроения. Гатчина была взята противником путем искусного ночного налета. Ничтожная часть, может быть одна рота,—это еще не выяснено,— пробралась в парк, открыла ночью стрельбу и этим создала панику. Искусством квалифицированных партизан враг использовал эффект неожиданности. Одна рота произвела величайшее замешательство... Надо было во что бы то ни стало заставить наши части встряхнуться, нужно было каждого солдата заставить понять, что враг слаб, а мы сильны, надо было показать красным белых, нужно было вдохнуть уверенность в своей силе в каждого бойца армии, — и это произвел петроградский и московский рабочий. Нужно было показать, что танки это не больше, как железные ящики, в которых сидят несколько человек, вооруженных всеми теми средствами, которыми вооружены обыкновенные пулеметчики и артиллеристы, и в этом нам могли помочь только живые силы, прибывшие из Москвы и Петрограда, которые, появившись, сделали сразу свое огромное дело. А когда они взяли две-три первые деревеньки, то вопрос был решен, потому что нас было больше, вооружены мы были весьма недурно и хотели сокрушить врага.

Перелома мы добились. Через несколько дней уже из среды противника появились пленные, даже перебежчики,—а в дни нашего отступления их не было, именно потому, что VII армия непрерывно отступала. Перелом совершился. Этот факт, товарищи, нам доводилось наблюдать не раз на наших фронтах, когда та или другая наша армия, импровизированная, то есть в короткий срок более или менее самодельным путем созданная, мало сколоченная, теряет как будто свое боевое отличие, теряет самообладание — именно в силу того, что ей не хватает сноровки, выучки,

не хватает иногда надлежащего командного состава, — она как будто расшатывается, почва из-под ног ее уплывает. Но достаточно влить в эту армию только известное количество мужественных пролетариев, которые твердо сговариваются: погибнуть, но не отступать, и перелом наступает. Это тот новый фактор войны, которого не знали старые армии империализма и которого до сих пор не поняла английская биржа — этот новый наш собственный революционный танк,—московский и питерский пролетарий,—делает чудеса.

Этот танк преодолевает все затруднения. Нужно только, чтобы он ясно понял, что опасность велика. В этом вся суть. Когда, товарищи, у нас бывают неустойки на фронте, питерский и московский рабочие говорят иной раз: «Ничего, справятся, не раз там справлялись»... И выходит нередко беда, но когда он сам поймет, что опасность велика, что опасность непосредственна, тогда он всегда найдет где-то под спудом у себя неизрасходованные силы, и они оказываются каждый раз больше, чем все те силы, которые он расходовал предшествующий раз. И борьба под Петроградом имела для нас значение двойное: с одной стороны, биржа поставила на карту Юденича большую ставку, она обязалась, что это наступление будет иметь решающий характер, — сперва Питер, а потом Москва. Стало быть, не отдать Петрограда, значило, ударить крепко по европейской бирже, значило скомпрометировать ее, представить ее в смешном, жалком виде, перед широкими рабочими массами Европы и Америки; с другой стороны, вопрос о Петрограде имел характер внутреннего испытания, внутренней пробы. Есть ли еще порох в пороховницах русской революции и, в частности, у петроградского пролетариата после того, как мы этот революционный порох расходоваали нещадно? Оказалось, что есть, что Петроград способен за себя постоять.

Тот факт, что мы Петрограда не сдали, имеет огромное значение для отношения к нам европейского пролетариата и, рикошетом, для отношения к нам европейской буржуазии.

Европейский пролетариат не начинает своей революции именно потому, что европейская буржуазия представляет собой силу покрупнее нашей буржуазии. Есть известная инерция, косность классовых отношений, которая затрудняет старому рабочему классу поднять восстание против старой могущественной буржуазии. Пролетариат Европы идет к этому, но более медленным путем. Его буржуазия, пользуясь медленным развитием революции, борется с нами при помощи всех трех орудий и средств, которые она способна привести в движение. Правда, Англия на нашу территорию не бросала своих дивизий, а только свои 15-дюймовые снаряды. Почему не бросала? — потому, что уже не может. Но если не могла, то тем более не сможет дальше бороться против английского рабочего. Лондонские пролетарии, которые угрожали буржуазии всеобщей стачкой в случае продолжения войны с Россией, которые с осторожностью, с опаской спрашивали себя, будут ли они сильны поднять открытую

борьбу против английской биржи, они скажут теперь этой биржи: «Что же, ты открыла борьбу против Петрограда, против России, обещала Балтийское море поджечь. Обещала взять Красный Петроград, но не взяла. Как был Петроград городом пролетарским, таким и остался». Вот что скажет английский рабочий.

И чем больше мировая пресса поднимала интерес к вопросу о взятии Петрограда, тем сильнее, тем жесточе будет скомпрометирован мировой империализм в сознании мирового пролетариата, не только с моральной стороны (тут уже давно кредита нет), но и со стороны реальной военной силы. А что интерес к вопросу о судьбе Петрограда был в высокой степени напряженным, мы видим из той же буржуазной печати. Шведская газета прямо пишет: «Мировая неделя петроградской лихорадки». Взять Петроград—писали буржуазные газетчики,—значит открыть новую главу в мировой истории. Стало быть, под пулковскими высотами, где мы боролись с Юденичем, в этих небольших сравнительно армиях, были представлены два отряда двух величайших мировых сил: с одной стороны—мировая буржуазия, которая дала все, что могла дать в данный момент против нас; с другой стороны—европейский пролетариат, который в этот момент не мог дать ничего, кроме своих пламенных симпатий, ибо моря, пароходы, кабели и радио еще не в его руках. Борьба получила, следовательно, не только материальный, но и символический характер: была проба сил мировой революции и мировой буржуазии. Это произошло как раз накануне второго юбилея Советской власти. Как будто история попыталась ко дню нашего праздника испытать с одной стороны нас, с другой—мировую биржу, этак пощупать, покачать обе стороны, крепко ли стоят на ногах. В боях под Петроградом Советская власть показала, что стоит на ногах крепко и несокрушимо. Поэтому петроградские бои получают огромное принципиальное и агитационное значение, которое скажется в ближайшие недели и месяцы.

Это не значит, что задача решена — нет, она не решена еще даже и на петроградском фронте, она в основе своей решена, пожалуй, только на восточном фронте — там противник разбит, и там вся задача состоит в том, чтобы пожирать пространства, эти необъятные пространства до Тихого океана—там нужно организовать и укреплять Советскую власть — это уже задача на девять-десятых не военная. На юге военная задача не решена. Не решена она еще и на северо-западе. Петроград вне опасности, что — несомненно, враг надломлен, однако не сломлен еще, он отступает, но еще не бежит и, во всяком случае, еще не раздавлен. Эта задача должна быть нами выполнена, и армия Юденича должна быть раздавлена.

Войска с петроградского фронта должны быть как можно скорее освобождены для других задач, прежде всего на южном фронте, где перелом произошел вполне, но где нужно сосредоточить в ближайшие недели максимум сил, максимум воли и творческой энергии, ибо, как показал нам

пример VII армии, горе нам, когда мы после крупных успехов позволяем нашей организации замирать, распускаться, расшатываться. Нам приходится потом путем невероятных усилий и многих лишних жертв наверстывать то, что мы теряем при отсутствии выдержки. К счастью, опыт, чем дальше, тем больше нас закаляет и делает более упорными и систематичными в работе.

Нет никакого сомнения после всего того, что мы пережили на наших фронтах, что нашу военную задачу мы разрешим вполне победоносно. У нас, товарищи, в нашей молодой армии, уже есть превосходные кадры, есть борцы, подобных которым мы не много найдем в мировой истории. Если мы, товарищи, открыто говорим о наших недочетах и промахах, о случаях паники, то я считаю, что мы имеем право и обязаны сказать о том героизме, о том из ряда вон выходящем подъеме, который наблюдался на петроградском фронте. Почитайте деникинские сводки, их сообщения в печати, где они говорят о том, что наши красноармейцы, наши курсанты, наши коммунисты дерутся, как они выражаются, с безумной страстностью. И это верно. Там, где на небольших участках у врага на семь человек один офицер, где третья часть вооружена автоматическим оружием, где имеются танки и автомобили и где не теряют патронов зря, где стреляют только по живой силе, — там с нашей стороны было меньше сноровки и встречались недочеты, но они с избытком восполнялись энтузиазмом и героизмом.

Белые утверждали, что у нас больше жертв, чем у них, хотя они признаются, что жертв много и у них. Верно это или нет, проверить трудно. Но — факт, что наша седьмая армия нанесла врагу непоправимый удар. Было много жертв. Я видел там в деле молодых рабочих и крестьян, московских и питерских курсантов. Какие борцы! Полки, прибывшие с восточного фронта, латышский полк — какие герои! Они бросались на танки с револьвером в руке. Ротный командир латышского полка вскочил на танк с криком: «танк наш!» — Это все факты, которые Юденич называет фактами героического безумия. Я верю, что при такой армии третий год Советской власти будет годом полного сокрушения наших врагов и твердого мира, обеспеченного вооруженной рукой пролетариата.

Да, я верю, что третий год будет годом мира, к которому мы так стремимся, который нам так нужен. Мы не ищем победы для победы, мы воюем потому, что нас вынуждают воевать. Мы хотим мирного хозяйственного строительства, развития и расцвета культуры. В навязанной нам войне мы видим страшную помеху нашим самым великим и святым задачам. Первый день мира принесет нам демобилизацию армии, вернет в наши ряды многие сотни тысяч пролетариев и крестьян, которых советская страна дала армии для защиты независимости и свободы трудовой республики. Они все вернутся, но они вернутся не вполне теми, какими ушли, они вернутся измененными и — в лучшую, а не в худшую сторону. То, что они там пережили, то напряжение оставит в их душах глубокие

рубцы и даст их воле новый стальной закал. Куда бы ни поставили в дальнейшем наших курсантов и красноармейцев — они свою работу выполнят. Мы им говорим: «враг — Юденич, разбей», они его бьют. Завтра, когда разобьем Юденича и Деникина и вы вернете своих бойцов к себе в тыл и скажете: «враг — это холод, голод, разруха в стране, разбей его», и тогда вся энергия, тот энтузиазм, то самоотвержение, которое скопили в Красной Армии, все это пойдет на службу мирному труду, на благо нашим изголодавшимся рабочим, работницам, матерям и детям. И мы станем тогда подлинно непобедимыми, мы залечим раны нашей страны, мы обеспечим ей мир, довольство, свободное развитие и станем свободной страной в ряду других счастливых стран.

Петроград, будь на страже!

Петроград награжден орденом Красного Знамени, — вот кто его действительно честно заслужил! При награждении отдельных лиц всегда могут быть ошибки, случайные привилегии. Но при награждении Петрограда не было ни ошибки, ни пристрастия. Тут заслуги стоят ясно перед всей страной и перед всем миром.

Означает ли орден Красного Знамени для Петрограда право на отдых? Пока еще нет. Северная столица стоит у блокированной Балтики и с двух сторон, с запада и северо-запада, открыта сквозным ветрам империализма. Еще не заключен мир ни с Эстляндией, ни с Финляндией, и немало есть проходимцев, русских и иноземных, которые стремятся пролить кровь эстонских и финских рабочих и крестьян, ради восстановления царско-помещичьего самовластия и барышей англо-французской биржи.

В октябре эстонская буржуазия вовлекла свою армию в авантюру Юденича. Юденич разбит. Бело-эстонские войска отброшены частью за Лугу, частью за Нарову. В Дерпте (Юрьеве) ведутся переговоры [85]. Со стороны Советской власти целью этих переговоров является искреннее и добросовестное стремление к скорейшему заключению мира. Каково главное условие с нашей стороны? Оно совершенно ясно вытекает из опыта вчерашнего дня. Эстонское правительство должно дать действительные гарантии безопасности нашей Нарвской границы. Должны установиться добросовестные и добрососедские отношения. Эти условия понятны каждому эстонскому и каждому русскому рабочему и крестьянину. Мы хотим подлинного мира, а не временной передышки, при которой Юденич сможет собрать за Наровой свои силы и затем совершить на нас новый разбойничий набег.

Независимая Эстония не должна более служить будкой для цепных собак контр-революции — вот все наши условия.

Финляндия не принимала открытого участия в походе Юденича на Петроград, хотя косвенно сделала все, что могла, для его успеха. В октябре и ноябре мы ничем не отвечали на провокации финских шовинистов. Причина этому, конечно не в военной слабости Советской Республики. В центре страны и на наших победоносных фронтах, простирающихся на несколько тысяч верст, мы всегда могли бы найти два-три десятка полков, т. е. силу вполне достаточную для того, чтобы раз навсегда отбить у наших северо-западных соседей охоту прямо или косвенно покушаться на Петроград. Если мы твердо отказывались от применения силы, то именно потому

что выше всего ставим достижение и сохранение мира. Мы воюем только там, где нас вынуждают воевать, где нам не дают возможности не воевать,— и только до тех пор, пока мы вынуждены воевать. Основная задача советского правительства целиком лежит в области хозяйственного и культурного строительства. Советской власти одинаково чуждо стремление к территориальным приобретениям и национальному угнетению. Вся наша политика в отношении к Финляндии, Эстляндии, Латвии, Литве и Польше вытекает из нашей уверенности в том, что существование этих стран возможно только при условии мирных и добрососедских отношений с Россией.

Эстония и Финляндия, которые захотят сделаться орудием великодержавного империализма, будут неизбежно размолоты между двумя жерновами. Финляндия и Эстляндия — в мире с Советской Россией — будут несравненно независимее в отношении ко всем великодержавным насильникам.

Нам нужен мир. Не менее нужен он Эстляндии и Финляндии. Но мир между нами не нужен кому-то третьему. Если в Дерпте решения будут вынесены волею эстонского и русского народов, то мир будет заключен, ибо сильнейшая сторона — Советская Россия — не хочет войны. Но если дерптские решения будут продиктованы эстляндскому правительству англо-французской биржей, для которой Эстляндия только ничтожная гирька на весах мирового могущества, тогда под Наровой будет литься кровь.

Решение еще не вынесено. Эстонское правительство колеблется. Не исчезла также опасность со стороны Карельского перешейка, ибо финляндское правительство не заявило о своей готовности к миру.

Опасность не исчезла. Стало быть Петрограду надлежит зорко стоять на часах у северо-западных подступов к Советской Республике. Время отдыха еще не пришло. Наоборот, сейчас Советская Республика переживает дни величайшего напряжения в жесточайшей борьбе.

Во время успехов нужно не меньше выдержки, чем во время неудач. Успех не должен усыплять нас ни на одном из участков нашего необозримого фронта, тем более на таком участке, где в вершине угла стоит Петроград. Опасность не прошла, — бдительность не должна ослабевать.

Привет Петрограду, городу Красного Знамени!

Привет и призыв: Петроград, будь на-страже!

22 декабря 1919 г.
Москва — Петроград.
«В пути», № 104.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания и все остальные приложения составил С. И. Венцов.

Примечания

1. Статья «Порядок из хаоса» была издана отдельной брошюрой Издательством ВЦИК. Москва. 1919.

2. Речь идет об январском восстании 1919 г. берлинских рабочих и солдат. Это восстание было вызвано предательской политикой соц.-дем. правительства Эберта — Шейдемана. В ответ на приказ правительства об отставке начальника берлинской полиции, независимого с.-д. Эйхгорна, рабочие ответили массовыми демонстрациями. Через день началась всеобщая забастовка. Во главе движения стал революционный комитет в составе Карла Либкнехта, Ледебура и Шольце. Комитет работал при поддержке спартаковцев и берлинской организации независимых с.-д. Правительство начало переговоры о соглашении, и одновременно стянуло военные силы из буржуазной молодежи, белогвардейского студенчества и унтер-офицерских кадров старой армии. 11-го января под руководством Носке началось кровавое подавление этого восстания. 15-го января Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты конвоировавшими их офицерами по дороге в тюрьму.

3. Высадка французских войск в Одессе в начале января 1919 года происходила во исполнение общего плана помощи союзников Деникину. Иностранные и русские капиталисты были заинтересованы в промышленности Донбасса и Кавказа Несмотря на обнаружившееся уже во время отхода немецких оккупационных войск отсутствия единодушия по русскому вопросу у Франции и Англии, началась активная поддержка белогвардейского движения. В начале января союзники выгрузили в Ново российском порту около 6 миллионов снарядов, в Севастополе большое количество аэропланов и в Одессе 30 танков. В течение января и февраля в Одессу и Севастополь прибыла эскадра из французских, английских, итальянских и греческих военных судов с частями союзных войск, которые предназначались для несения гарнизонной службы и охраны железной дороги Началось правильное курсирование военного и торгового флота. Главнокомандующим всеми союзными войсками в России был назначен генерал французской службы Франше-де-Эспере

4. После ухода с территории Польши германских войск, вождь польских легионеров Пилсудский был провозглашен «Главой Польского государства». Благодаря эвакуации большей части крупных заводов в Россию, польский рабочий класс был распылен и ослаблен. Все это позволило Пилсудскому без труда создать буржуазное правительство во главе с Морачевским, которое сразу же стало в подчеркнуто боевую позицию по отношению к советскому правительству. Тов. Троцкий еще во время Брестских переговоров заявил о признании полной независимости Польши. Наше правительство обратилось к Морачевскому с предложением возобновить дипломатические сношения. Польское правительство протестовало против установления Советской власти в Литве и Белоруссии; 2-го января произошел расстрел нашей краснокрестной миссии агентами польского правительства. Одновременно на западной польской границе разгорелась борьба в восточной Галиции, австрийской Силезии и в восточной Пруссии.

5 О Циммервальдской конференции см примечание 106 к 1-му тому (стр. 418).

6. После революции в Германии немецкие войска, занимавшие Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию и Украину, хлынули обратно в Германию. Красная Армия, не встречая сопротивления, начала продвижение на запад и юг. С 25-го ноября по 10-е января 1919 г. нами были взяты на западе: Псков, Нарва, Двинск, Минск, Юрьев, Рига и Митава. На Украине, покинутой немцами на произвол судьбы, правительство Скоропадского не могло справиться с восставшими рабочими и крестьянами и бежало из Киева; на короткое время его сменил Петлюра. Но уже с севера наступали красные части, все время обраставшие новыми формированиями. 3-го января 1919 г. был занят Харьков, 12-го января 1919 г.—Чернигов и 18-го января —Полтава

7. 23-го февраля 1919 г. по случаю празднования двухлетней годовщины организации Красной Армии, в Москве были устроены большие митинги и собрания. Тов. Троцкий выступал на курсах комсостава в здании бывш. Алексеевского военного училища. На следующий день 24-го февраля в колонном зале Дома Союзов на собрании курсантов всех школ гор. Москвы был прочитан доклад «На фронтах». Он издан отдельной брошюрой в издательстве «Советский мир», Москва, 1919 г.

8. Разложение германской армии началось с тех войск, которые занимали Украину и наши западные окраины. Ноябрьская революция в Германии ускорила процесс, который развивался под влиянием революционного движения в России. Немецкие солдаты часто отказывались бороться с украинскими повстанцами, избирали советы солдатских депутатов и полковые комитеты. Революционизирование оккупационных войск имело значительное влияние на разложение всей германской армии.

9. О Брест-Литовском мире см. подробнее в примеч. 20 к 1-му тому (стр. 404).

10. О превращении армии учредительного собрания в армию Колчака и о судьбе учредилки см. ниже примечания 70 и 71.

11. О восстании чехо-словаков и борьбе с ним см. I-й том стр. 210—265 и примеч. к этим страницам.

12. Преимущество стороны, действующей по внутренним операционным линиям, заключается в возможности при выигрыше времени бить по частям наступающие части противника. Подвижность и энергия в действиях всегда позволяют с выгодой использовать такое положение. Германия в мировую войну, используя богатую сеть железных дорог, выявила блестящий пример действий по внутренним операционным линиям. Основной чертой оперативных условий, в которых находилась Красная Армия во время гражданской войны, было полное окружение ее противником. Это теоретическое преимущество превратилось в фактическое с того времени, как мы организовали централизованный аппарат управления боевыми операциями, когда мы смогли использовать все силы и средства страны (железные дороги, укрепленные районы и т. д.), одним словом с того времени, как наша армия стала регулярной, а вся страна превратилась в военный лагерь в материальном и моральном отношении.

13. Донецкому бассейну на этот раз удержаться не удалось. Сосредоточив добровольческую армию с Кубани и Кавказа, Деникин развил стремительное наступление против левого фланга южного фронта (10-я армия) на Царицын. Наши ослабевшие, благодаря непрерывному наступлению, части с трудом сдерживали противника. Появление значительных конных масс в нашем тылу вынудило 10-ю армию к отходу на север. 19-го мая Деникин начал наступление на правом фланге нашего фронта у Юзовки. Занимавшая этот участок бригада Махно не выдержала удара, и в образовавшийся прорыв направилась конница противника. Донецкие рабочие, несмотря на сильное сопротивление, еще один раз в течение шести месяцев должны были пережить власть белых (Подробнее об этих событиях см. отд. «Южный фронт»).

14. Об утрате Архангельского и Мурманского районов см. примеч. 74 и 78 к I-му тому (стр. 412)

К 1-му января 1919 г. к английскому десанту успели присоединиться американцы, итальянцы и сербские отряды бывших военнопленных. Помимо захвата территории и наших богатств на севере, союзники все время стремились прорваться к Уралу и Волге на соединение с Колчаком. К 1-му января неприятель, овладев уже Шенкурском, находился в 70-ти верстах севернее Вологды. Нашей 6-ой армии ставились в этот период только оборонительные задачи. Но эта армия не только отбивалась, по временам и сама наносила сильные поражения белогвардейцам. Первым нашим успехом было занятие Шенкурска. В очень тяжелых условиях местности, по колена в снегу, ночуя под открытым небом в 37 град. мороза, красноармейцы штурмовали Высокую гору и выбили противника из занятых укрепленных позиций. В течение одного месяца (ко середины февраля) наша армия продвинулась вперед на 150—200 верст. Для решительных операций тогда еще время не наступило.

15. В конце декабря 1918 г. в распоряжении советского украинского правительства имелись следующие регулярные войска: дивизия пехоты под командой Крониванского и вторая пехотная дивизия под командой Ауссема; в состав последней входил также казачий червонный полк.

16. О столкновении наших частей с белогвардейцами в Эстляндии в начале 1919 г. см. ниже примечание 76.

17. О гражданской войне в Финляндии см. примеч. 25-е к 1-му тому (стр. 405).

18. Положение на фронте к этому моменту см. на схеме № 1.

19. О завесах см. примеч. 48-е к 1-му тому (стр. 408).

20. Центральное Управление Снабжений Красной Армии (ЦУС) было создано 1-го июня 1918 года. В ведение ЦУС'а были переданы все главные довольствующие управления и учреждения. Во главе ЦУС'а был поставлен Совет в составе Главного Начальника Снабжений (специалист) и двух комиссаров. Такая организация просуществовала до декабря 1918 года, когда с назначением т. Межлаука Начальником Цус'а вводится принцип единоначалия.

21. VIII Съезд РКП (б) состоялся в Москве 18—23 марта 1919 г. (см. примечание 69 к I тому стр. 411) Тезисы тов. Троцкого под заглавием «Наша политика в деле создания армии» помещены в I-м томе стр. 186—195. В виду выезда тов. Троцкого на Восточный фронт, основной доклад по военному вопросу сделал тов. Сокольников; после содоклада т. Смирнова длительные прения о военной политике велись в специальной военной комиссии Съезда. После обсуждения Съезд утверждает тезисы, предложенные тов. Троцким.

22. О положении на восточном фронте к этому времени см. ниже примеч. 70.

23. Во время существования Высшего Военного Совета и в первый период после организации военных комиссариатов (см. примеч. 48 к 1-му тому стр. 408) во главе последних стояли военные специалисты, а при них по 2 комиссара. Со второй половины 1919 года были введены новые штаты, по которым ответственность за военную работу в округах, губерниях и уездах возлагалась на Военных Комиссаров; при них в качестве технических помощников назначались военные руководители из среды специалистов.

24. Объединение всех снабженческих органов в Республике произошло по декрету ВЦИК от 9-го июля 1919 г. Главные положения этого декрета следующие: «В целях объединения всего дела снабжения Красной Армии за исключением снабжения ее продуктами, поставляемыми Народным Комиссариатом продовольствия, поднятия производительности заводов, работающих на оборону, а также быстроты и правильности распределения предметов снабжения как в тылу, так и на фронте, ВЦИК постановил: 1) Чрезвычайным Уполномоченным Совета Рабоче-Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота назначается тов. А. И. Рыков, 2) Чрезвычайный Уполномоченный Совета Обороны входит в РВСР на правах его

члена. 3) Все органы снабжения Нар. Комиссариата по военным и морским делам, центральные и местные как в тылу, так и на фронте, равным образом Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии и Центральный отдел военных заготовок со всеми их местными органами, подчиняются Чрезвычайному Уполномоченному Совета Обороны, которому присваивается неограниченное право назначения, смещения, ареста и предания суду всех подчиненных либо ему, либо имеющих к снабжению армии отношение должностных лиц.

25. По штату, объявленному в приказе № 220, было предусмотрено большое количество транспортных средств: один продовольственный транспорт стрелковой дивизии насчитывал 612 повозок, не считая 184 повозок в каждой стрелковой бригаде и полкового обоза. Фактическое состояние транспортных средств было значительно меньше штатного, и это доставляло большие затруднения в организации снабжения войсковых частей.

26. Тезисы тов. Тарасова-Родионова опубликованы в двух номерах «Военного Дела» №№ 17—18 и 19 за 1919 г. под названием «Военное строительство» (всего 20 тезисов). Привожу из них несколько выдержек:

«Относительная малочисленность, по сравнению с армией империалистической войны, Красной Армии, объясняющаяся военными и экономическими предпосылками, делает позиционную войну невозможной и превращает ее в маневренную, что обязывает военных коммунистов изучать историю и искусство маневренных операций прежних войн. Маневренный характер классовой войны должен подчинить себе и строительство Красной Армии... Для маневренной войны требуется успешное и усиленное формирование конницы, уничтоженной последней позиционной войной, а также формирование легкой полевой артиллерии, конных и мотоциклетных команд, броневиков и бронепоездов и необходимо полное игнорирование минометного и газового дела, а равно и других громоздких видов оружия последнего слова буржуазной военной техники...

Верхи аппарата буржуазного военного господства, ответственные организаторы и администраторы империалистической позиционной армии, руководители буржуазной политики, генералы и генштабисты, поскольку пролетарской классовой политики они не понимают и не признают, а буржуазные методы военного дела считают аполитичными, внеклассовыми и единственно правильными — никакой пользы для Красной Армии принести не могут и поэтому для Красной Армии не нужны».

27. Гражданская война в Северной Америке длилась 4 года с 1861 по 1865 год. Вопросы об общем противоречии экономических интересов и освобождении рабов привели к вооруженному столкновению землевладельцев — аристократов Юга с промышленниками Севера. Наличие кадра командного состава и масс, приученных переносить тяготы войны, давало большие преимущества консервативному Югу. Север располагая преобладающим городским населением (правда превосходящим по численности) при полном отсутствии командного состава, должен был в начале терпеть ряд поражений. Конечная победа оказалась на стороне северян.

28. Первая директива по пятой армии была отдана 11 августа 1918 г. после оставления нами Казани. Формирование этой армии началось в начале августа. Армия обеспечивала московское направление и была предназначена для главного удара по чехо-словацким войскам. 10 сентября пятая армия, совместно с Арской группой второй армии, с боем вступила в Казань, а затем эта армия начала быстрое продвижение в Уфимском направлении. До самого конца разгрома Колчака пятая армия успешно вела свою боевую работу на Восточном фронте.

29. О первом наступлении Юденича и его неудачах см. примечание 76.

30. Национальный центр — контр-революционная организация союзнической ориентации. Краткая история этой организации по материалам обвинительной речи тов. Крыленко такова: еще до октябрьской революции в августе 1917 г. в Москве

состоялось совещание общественных деятелей под председательством Родзянко, которое выделило Совет Общественных Деятелей с программой: а) борьба с Советской властью, б) восстановление частной собственности, в) признание конституционной монархии, как единственно приемлемой для России формы правления.

В марте 1918 г. почти одновременно образовалось два контр-революционных центра внутри Советской республики: один правый центр, под общим руководством бывшего министра Кривошеина и проф. Новгородцева, и левый, так называемый «Союз возрождения России», объединявший народных социалистов, правых эс-эров, группу «Единство» и правых меньшевиков. В связи с расколом по вопросу о Брестском мире часть деятелей правого центра создала новое объединение «Национальный центр» союзнической ориентации. Наступление Колчака и Деникина вызывали у всех перечисленных организаций надежду на скорое падение Советской власти; в целях подготовки образования новой власти в марте — апреле 1919 г. был создан «Тактический центр», объединивший в своих рядах делегации Совета Общественных Деятелей, Национального центра и Союза возрождения. Это объединение было связано с Деникиным и военной организацией в городе Москве. В августе 1919 г. все эти организации были раскрыты, и дело о них слушалось в Верховном трибунале ВЦИК'а с 16 по 20 августа 1920 г.; по этому делу были привлечены к ответственности Щепкин, Леонтьев, Урусов, проф. Каптерев, проф. Мельгунов, В. Н. Розанов, С. А. Котляревский, Кишкин, Д. Протопопов и многие другие; большинство руководителей были приговорены к расстрелу, но часть из них затем были амнистированы с заменой тюремным заключением и концентрационным лагерем на разные сроки.

31. Положения, выдвинутые тов. Смилгой, были выявлены в его речи на декабрьском 1919 г. совещании политработников. Возражая против системы коллегиального управления, тов. Смилга предлагает вместо военных советов учредить должности особых комиссаров с непосредственным подчинением им политотдела, особ. отдела и ревтрибунала. Эти же комиссары, по его мысли, должны были ведать аппаратом награждения. Помимо этого тов. Смилга считал возможным: 1) предоставить командирам право единоличного приказа, 2) упразднить комиссаров в тех управлениях и войсковых частях, во главе коих стоят испытанные люди. Статья тов. Смилги об единоначалии помещена в № 2 1919 г. «Военной Мысли», — органе Реввоенсовета Востфронта.

32. Приказ № 180 (секретный) от 11/XII 1919 г. помещен на стр. 308.

33. В связи с поражением Колчака, Юденича и Деникина Британское правительство — руководящая сила европейской контр-революции — признало невыполнимость плана с оружием в руках победить Советскую Россию. Наше правительство уже на декабрьском 1919 г. Съезде Советов обратилось целиком к рассмотрению вопросов восстановления разрушенного хозяйства. С декабря 1919 г. начались переговоры тов. Литвинова с представителем Великобританского правительства О'Греди в Копенгагене.

34. Всероссийская конференция РКП (б) в конце сентября 1920 г. происходила в обстановке тяжелых неудач на польском фронте. На конференции по этому вопросу, после длительного обсуждения, было решено пойти на мир с Польшей чтобы все силы направить для борьбы с Врангелем.

Важнейшим вопросом в порядке дня конференции был вопрос о задачах партийной работы. После дискуссии о верхах и низах была выработана резолюция с рядом практических мероприятий для оздоровления партии, борьбы с злоупотреблениями, излишествами и бюрократизмом. На этой же конференции был избран первый временный до съезда) состав контрольной комиссии, и определены задачи этих комиссий.

35. Часть командного состава петроградского фронта организовала заговор против Советского правительства в Кронштадте, Ораниенбауме, Красной Горке и Красном Селе. Эта организация была тесно связана с Юденичем и ставила

себе целью занять Петроград одновременно с войсками северо-западной армии. Заговорщики установили связи на двух дредноутах (Петропавловск и Андрей Первозванный) и рассчитывали на их содействие, а также и на помощь английского флота. Руководил этим восстанием командир форта «Красная Горка» Неклюдов. Преждевременность восстания, непереход команды дредноутов на сторону восставших и отсутствие английской помощи привели к тому, что 12 июня 1919 г. только одна Красная Горка оказалась в руках заговорщиков. После обстрела с Кронштадта Красная Горка 16 июня вновь была занята отрядом матросов.

36. О «Союзе возрождения России» см. выше примечание 30.

37. Для характеристики взглядов проф. А. Свечина на «Лагерь Валленштейна» привожу две фразы из его статьи «Культурно-классовые типы армий», журнал «Военное Дело» № 15: «Правильное строительство армии республики начинается только тогда, когда она преодолеет свой страх перед грядущим генералом на белой лошади, откажется от всех перестраховок, в виде милиций, всеобуча, военных советов и советников, лишения действительной власти всякого начальника и командарма в особенности... В изолированности и независимости от гражданских влияний Валленштейновского лагеря, в его антимилиционной сущности, в его терпимости — религиозной, политической и социальной, в его сосредоточенности всех сил на выработке особого солдатского миросозерцания заключается огромная строительная сила».

38. «Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой войны 1914—18 г.» была создана в конце 1918 г. при Всероссийском Главном Штабе. Помимо своих работ по истории мировой войны, Комиссия устраивала публичные заседания по разным военным вопросам. На первой дискуссии 21 ноября 1920 г. был заслушан доклад тов. Вацетиса на тему «Строительство вооруженной силы под огнем и влияние этого на стратегию». На втором публичном заседании по вопросу о милиционной армии выступил тов. Троцкий.

39. Речь идет о книге Жореса «L'armée nouvelle». Имеется в русском, правда, очень скверном переводе под названием «Новая армия».

40. IX-й съезд РКП состоялся 29 марта — 4 апреля 1920 г. В порядке дня стояли вопросы: отчет ЦК, очередные задачи хозяйственного строительства, профессиональное движение, организационные вопросы, задачи Коминтерна, переход к милиционной системе и пр. Приводимые тезисы явились одновременно и резолюцией Съезда по докладу тов. Троцкого.

41. Основные положения, высказанные Гершельманом в своей статье, заключались в следующем: надежда на прекращение войны несбыточна; война не прекратится уже потому, что слишком отвечает природе человека. Далее в качестве главного доказательства, что не нельзя разрешать основные вопросы политики без войны, Гершельман ссылался на историко-догматическое исследование Даневского «Система политического равновесия, легитимизма и начал национальности». Три системы, кои предлагались для избавления от войн оказались неудовлетворительными, и вопрос о возможности мира в системе государств остался нерешенным. Далее Гершельман в подробностях ознакомил с взглядами Даневского на указанные выше три системы.

42. «Красный офицер» — военно-педагогический журнал, начал выходить с 1 октября 1918 г., издавался и редактировался сотрудниками Гувуз'а.

«Военное Дело» — военно-научный журнал, руководимый группой военных специалистов, работавших в Комиссии по исследованию и использованию опыта мировой войны 1914—18 г.г. Журнал закрыт по приказу тов. Троцкого в 1920 г.

43. Бои на южном фронте в конце 1918 г. (см. примечание 103 и 105 к 1-му тому) шли непрерывно с переменным успехом. Линия фронта, незначительно изменяясь, в общем проходила близ границ Донской области. Положение это продолжалось до начала нашего наступления 4 января 1919 г. К этому моменту между атаманом Красновым и ген. Деникиным под давлением союзников состоялось соглашение, по

которому Донская армия входила в состав вооруженных сил юга России, главное командование над которыми находилось в руках Деникина. Последний в начале января отдал распоряжение о переброске с Кавказско-Каспийского фронта частей кавказской добровольческой армии ген. Врангеля, которая освободилась благодаря успехам, одержанным над 11-й и 12-й Красными армиями. Наши силы южного фронта к началу января слагались из частей 8-й, 9-й, 10-й и 13-й армии, сформированной из революционных украинских частей (быв. группа тов. Кожевникова). Армии юж. фронта начали свое успешное наступление для ликвидации Воронежской группы противника с 8 января 1919 г. К 21 января Донская армия белых быстро отступала, оказывая сопротивление лишь на путях к Донбассу. На правом фланге южфронта действовали украинские части, которые, быстро преодолевая незначительное сопротивление петлюровцев, к 20 января вышли на линию Круты, Полтава, Синельниково (Схема №2).

44. О колчаковском перевороте см. ниже примечание 70 и 71.

45. 22 января 1-й армией восточного фронта и отрядами тов. Зиновьева из Туркестана был занят гор. Оренбург. Этим открыта была связь между Россией и Туркестаном.

46. Для справки о кулацком восстании на Дону необходимо возвратиться к более раннему времени. В середине марта 1919 г. в районе станиц, расположенных по обоим берегам Дона на участке Казанская—Вешенская, вспыхнуло восстание казаков: оно было подготовлено командованием отступавшей Донской армии. Быстрое продвижение наших частей, их малочисленность, неналаженность работы особых и политотделов — все это вместе с неумелыми действиями и ошибками власти на местах — возбудили враждебное настроение Донского кулачества. Выделенный из состава 9-й армии экспедиционный корпус с задачей ликвидации этого восстания не справился. К середине апреля у восставших насчитывалось до 30 тысяч бойцов, 27 пулеметов и 6 орудий. Это восстание имело большое значение на ход операции южного фронта против Деникина.

47. Восстание Григорьева началось 7-го мая 1919 года. Бывший петлюровец, Григорьев в январе 1919 года, во время наступления Красной Армии на Украине, перешел со всеми своими отрядами на нашу сторону и действовал против Петлюры. К моменту восстания в его партизанских отрядах насчитывалось 15 тысяч бойцов, 40 орудий, 10 броне-площадок, 10 тысяч снарядов и 6 миллионов патронов (цифры взяты из доклада тов. Троцкому командующего армиями украинского фронта тов. Антонова-Овсеенко от 12 мая 1919 г.). Военное имущество было отбито Григорьевым у австро-германцев, греков и румын, захваченных в Херсоне, Николаеве и Одессе. Предполагавшаяся переброска дивизии в Донбасс не состоялась ввиду выяснившейся наклонности Григорьева искать мирного разрешения в борьбе с казачеством. Получив приказ о переброске дивизии в Бессарабию для борьбы с румынами, Григорьев не выполнил этот приказ и 7-го мая выступил против Советской власти. Его восстание встречено было сочувственно населением Херсонщины: ему оказывается поддержка. К моменту выступления Григорьева 3-я армия (штаб в Одессе) получила уже приказ о выступлении на фронт. Взамен этого пришлось все эти войска бросить на ликвидацию Григорьевского мятежа. К 23-му мая тов. Ворошилов (он командовал войсками Харьковского участка) донес о полном разгроме Григорьева и ликвидации мятежа. Григорьевское выступление повлияло на ход операций против румын и на помощь Украины южному фронту, так как значительные силы были отвлечены на внутренний фронт.

48. О «Военной организации» нашей партии см. примеч. 2-е к тому 1-му. Несмотря на трудные условия работы 16-го июня 1917 года была созвана Всероссийская конференция военных организаций, которая в своем составе насчитывала представительство до 500 отдельных частей с общим количеством 30 тысяч большевиков. На этой конференции выделено было Центральное бюро военных организаций, которое вело объединяющую работу среди партийных ячеек в армии.

49. В результате трехмесячных усилий Красной Армии (январь — апрель 1919 года) нанести окончательное поражение белогвардейцам на юге России, они оказались сжатыми между Сев. Донцом, Доном и Азовским морем в четырехугольнике Таганрог, Бахмут, Луганск и Новочеркаск (схема № 3). К маю 1919 года Деникин успел стянуть к Донбассу большую часть добровольческой армии с Кавказа и готовился перейти в общее наступление. Учитывая преимущества охватывающего положения, наше Командование решило ликвидировать противника в Донецком районе. 8-го мая началось наступление и к середине этого месяца наши красные части после упорных боев заняли большую часть Донбасса, прервав железнодорожное сообщение противника с Ростовом. Конная группа, брошенная в тыл Ростову, 6-го мая была уже в 40 верстах от этого города. Успех на флангах, не поддержанный на центральном участке, не привел к предполагавшемуся разгрому противника. С 16-го мая началось контр-наступление Деникина. Сосредоточив превышающие нас и более свежие силы, Деникин развил свой удар в двух направлениях: на наш правый фланг у южной границы Донецкого бассейна и на Миллерово. Партизаны Махно, расположенные на правом фланге 13-ой армии, были сбиты без труда, и в образовавшийся прорыв бросилась Деникинская конница; к 23-му мая линия нашего фронта на этом участке обозначилась уже более чем на сто верст к западу от прежней. 1 июня добровольцы уже заняли Бахмут. Перевес в силах позволяет Деникину одновременно развить удар и в Царицынском направлении на соединение с восставшими казаками Хоперского района. 24-го мая части Деникина форсируют р. Сев. Донец у стан. Каменской, и 29-го мая части противника были уже у ст. Миллерово. 7-го июня ему удалось соединиться с восставшими казаками. В июне 1919 года весь наш южный фронт совершал отступательный марш. Состояние войск, утомленных предшествовавшими боями, и полное отсутствие резервов затруднили вывод частей из боя и приведение их в порядок. Схема № 3.

50. Об отходе Колчака см. примечание 75.

51. Махновщина — анархо-повстанческое движение среди украинского крестьянства. Еще в 1918 году, во время германской оккупации, Махно вел партизанскую борьбу с немцами и Скоропадским. При нашем первом наступлении на Украину Махно перешел на сторону Красной Армии, но вскоре, опираясь на кулацкие элементы района Гуляй-Поле, поднял восстание против Советской власти. Махно поддержал наступление Деникина, но вскоре организовал партизанскую борьбу и в его тылу. Окончательно Махновщина была ликвидирована в 1921 году после отмены хлебной разверстки и перехода к политике свободной торговли.

52. О майском наступлении сев.-зап. корпуса на Петроград см. прим. 76.

53. О ходе событий на востоке см. прим. 75 и хронологический указатель.

54. Правильность военной политики Ц.К.Р.К.П. (б) и Наркомвоена была подтверждена в эти дни: а) на совещании политработников 8-й армии в Воронеже 11 июля 1919 года, б) на совещании ответственных партийных работников 13-й армии и Ливенской организации Р.К.П. (б) от 13 июля 1919 г.

55. Процесс превращения партизанских армий в регулярные происходил особенно медленно на Украине. Политбюро Ц.К.К.П.У. в постановлении своем от 4 августа констатировало: «почти еще отсутствует правильная сеть политкомов, дисциплина, обученный командный состав, организованное снабжение, правильно организованное управление. Главнейшей причиной этого,—говорится далее в постановлении,—является то, что создавать регулярную армию на Украине приходится в процессе обостреннейшей гражданской войны, в суматохе неизжитой партизанщины».

56. В Известиях В.Ц.И.К. от 10 июля 1919 года напечатана статья т. Тарасова-Родионова «Рота коммунистов», в которой он, на основании опыта использования коммунистов в одной из дивизий южфронта, делает выводы о неорганизованном и нецелесообразном использовании этих драгоценных сил в армии.

57. Оба упоминающиеся декрета имели большое значение в деле помощи семьям призванных в Красную Армию. Первый декрет Совнаркома «О запашке и засеве полей в хозяйствах призванных в армию красноармейцев» был издан 20 марта 1919 года и предписывал всем Земельным Отделам и Сельским Советам принять все меры к запашке указанных полей, прибегая к широкой помощи и обязательным общественным работам. Далее предлагалось Наркомвоену согласовать отпуска красноармейцев с периодами полевых работ. Постановление Совета Обороны об обеспечении продовольствием семейств красноармейцев состоялось 20 августа 1919 года. Согласно этому постановлению семьи красноармейцев получали дополнительный паек по продовольственным карточкам «Красная Звезда».

58. О создании 5-й армии см. прим. 28.

59. Приказом № 220 от 13 ноября 1918 года введены в Красной Армии штаты трех-бригадной (9 полков) стрелковой дивизии. Этот штат являлся сколком с сибирских частей. Дивизия соответствовала прежнему стрелковому корпусу. Штаты эти просуществовали до окончания гражданской войны

60. Четырнадцатая армия, несмотря на тяжелые неудачи при отступлении из Украины, сохранила свои кадры и, получив необходимые подкрепления, вновь стала одной из лучших армий Южного фронта. Именно на ее участке Деникин сосредоточил свои лучшие добровольческие дивизии, и именно четырнадцатая армия формировала ударную группу, которая нанесла Деникину сильное поражение в середине октября 1919 года под Орлом.

61. О нашем контр-ударе в августе 1919 года см. ниже прим. 66. Успехи этого наступления были частично парализованы прорывом нашего фронта крупной массой Донской конницы (7.000 сабель) под начальством ген. Мамонтова. 10 августа, прорвав фронт у Новохоперска, эта конница проникла в наш глубокий тыл на Тамбов, Козлов, Елец и Воронеж. Мамонтов прошел по узловым станциям железных дорог, уничтожая связь, склады и грабя местное население. Этот рейд сильно нарушил работу тыла и отвлек часть наших сил для противодействия набегу. После окончания рейда Мамонтову удалось соединиться с войсками своего фронта у Воронежа (Схема № 3).

62. Партизанская война представляет самостоятельные действия отрядов, выделенных армией, прервавших с нею связь, хотя бы временно и наносящих вред противнику, преимущественно в тылу. Уязвимость тыла дает наиболее благоприятные условия для развития партизанских действий (сравнить действия партизанских отрядов в тылу Наполеона в 1812 году). Цель действия таких отрядов заключается, главным образом, в перерыве или затруднении сообщений неприятельской армии с источниками ея довольствия и комплектования, а также в уничтожение этих источников. Весьма важной задачей партизанских отрядов является также организация сил в тылу противника, пропаганда и создание ячеек осведомительного характера.

63. Формирование немногочисленных отрядов конницы из средств местных военных комиссариатов дало большие результаты лишь в 1920 году. Из этих пополнений составилась большая часть Второй конной армии, действовавшей против Врангеля.

64. Фактическая сторона выступления Миронова рисуется по материалам, опубликованным тов. Смилгой («Военные очерки», издательство «Экватор») в следующем виде: Миронов, бывший казачий полковник, после октябрьского переворота формировал из добровольцев дивизию своего имени: комячеек в дивизии у него не было, к комиссарам относился подозрительно; среди населения, в родной ему Усть-Медведицкой станице и вокруг нее, Миронов пользовался большими симпатиями. Во время наступления в январе—феврале 1919 года он командовал группой из двух дивизий, продвигаясь впереди 9-й армии к Северному Донцу. Уже в этот период выявилось его стремление демагогическими приемами и агитацией против местных работников заслужить себе славу защитника казачьих интересов против коммунистической опасности. Ошибки в нашей Донской политике давали ему бога-

тую почву для этой демагогии. Это заставило главное командование перевести Миронова на западный фронт. С началом успеха Деникина Ревсовет южфронта вновь настоял на назначении его командиром формирующегося в г. Саранске Донского корпуса. С этого момента Миронов начал вести себя очень подозрительно, послал ультимативные телеграммы Советскому правительству и выступал на митингах с резкими протестами против политики тт. Ленина и Троцкого. В середине августа, когда южный фронт начал свое неудачное наступление на Харьков, а на стыке 8-й и 9-й армий прорвалась мамонтовская конница и заняла Козлов и Елец, Миронов решил без приказа Командюжа выступить на фронт, мотивируя саботажем правительства в деле формирования его корпуса. Тов. Смилга пытался уговорить Миронова, вызвал к себе в Пензу, но ничего не помогло, и 23 августа Миронов, объявив о своем решении бороться на два фронта (против Деникина и большевиков), начал движение своих частей к 23-й стрелковой дивизии, которой он командовал и на поддержку коей рассчитывал. Силы его — около 4 тысяч бойцов (из них вооруженных лишь 2 тысячи), 1 тысяча конных, 2 орудия, 10 пулеметов. Расчеты Миронова на присоединение к нему казачьих масс не оправдались. Он был объявлен мятежником. Для ликвидации восстания сформирован был сводный отряд в составе частей из запасной 1-й и 4-й армий, а также Самарского укрепрайона под общим командованием т. Гольдберга Первые столкновения произошли 26 августа. Миронов благополучно уходил от преследования, пока не наткнулся на конный корпус т. Буденного, который перебрасывался из южгруппы Востфронта на помощь южному фронту. В несколько часов с мятежниками было покончено. Миронов и все активные участники восстания были приговорены к расстрелу, но большинство из них, в том числе и Миронов, были помилованы постановлением президиума ВЦИК. В борьбе против Врангеля Миронов командовал 2-й конной армией. Зимой 1921 года он был вновь арестован в связи с организацией восстания на Дону и расстрелян.

65. Для того, чтобы яснее понять программу Миронова, привожу выборки из Приказа-воззвания командира Донского корпуса Миронова от 22 августа: «Честные граждане Российской Республики. Город Козлов, где находился штаб южного фронта, эвакуируется. Красная Армия под натиском деникинских полчищ, лишенная моральных устоев, отходит, как отходит она на западном фронте под натиском польских легионов.

Кольцо вокруг русской революции, после страшных человеческих жертв, принесенных на ее алтарь, суживается. Земле и воле грозит смертельная опасность, которой не миновала венгерская революция.

Причины гибели нужно видеть в сплошных, злостных деяниях господствующей партии, партии коммунистов, восстановивших против себя общее негодование и недовольство трудящихся масс».

Воззвание это было закончено следующим призывом: «Что остается делать казаку, объявленному вне закона и подлежащему беспощадному истреблению? Только умирать с ожесточением.

Что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана в степь, на загон? Только сжигать свои станицы и хутора. Таким образом, в лице всего казачества мы видим жестоких мстителей коммунистам за поруганную правду, за поруганную справедливость, что в связи с общим недовольством трудящегося крестьянства России, вызванном коммунистами, грозит окончательной гибелью революционным завоеваниям и новым тяжким рабством народу. Чтобы спасти революционное завоевание, остается единственный путь свалить партию коммунистов».

66. Точной даты этих заметок выяснить не удалось. Они писались после августовского контр-маневра Южного фронта против ген. Деникина. К первому августа 1919 года наши отступающие части Южного фронта остановились на линии: Николаев, Елизаветград, ст. Бобринская, Ромны, Обоянь, Коротояк, ст. Лиски, Поворино, Камышин

и далее вниз по Волге до ее устья (см. схему № 3) С этого момента наше командование решило нанести контр-удар противнику в двух важнейших направлениях: а) с фронта Балашев-Камышин на Нижний Дон и б) с Курско-Воронежского участка на Харьков. Первое направление было признано решающим. Наступление наших войск началось в середине августа. Противник был сбит в обоих направлениях и в течение 12 дней мы овладели на западе Волчанском, Купянском и Валуйками, подойдя на 60 верст к Харькову. На востоке мы выдвинулись на линию Среднего Дона. Эти частные успехи не создали общего перелома. Объяснение причин этих неудач дается в настоящих заметках (ход событий можно проследить по хронологическому указателю и схеме № 3).

67. Победа т. Буденного под Воронежом являлась частью общего плана по разгрому Деникина. После Мамонтовского набега противник вновь продолжал свое наступление, но теперь победы доставались ему дорогой ценою. 21 сентября нами был оставлен Курск, а 14 октября Орел. В середине октября была закончена подготовка наших войск для решительного контр-удара. Для этой цели образовывались две группы: одна из резерва Главкома (Латдивизия, бригада Павлова, кавбригада червонных казаков и части 14 армии, к северо-западу от Орла для действия на Курско-Орловскую жел. дорогу; вторая группа к востоку от Воронежа из конного корпуса Буденного, который вместе с частями восьмой армии должен был разбить противника под Воронежом и ударить в тыл Орловской группе противника в направлении на Касторную.

Бои конного корпуса Буденного под Воронежом имели весьма важное значение для развития операций на решительном участке нашего контр-удара. 24 октября конница Буденного, разбив части генерала Мамонтова и Шкуро, заняла Воронеж и двинулась на станцию Касторную. Одновременный нажим наших ударных групп под Орлом и Воронежом вынудил противника к отходу на всем центральном участке фронта.

68. О положении на фронте седьмой армии см. в отделе «Борьба за Петроград» и примечание 78, 79 и 80,

69. В результате упорных месячных боев Деникин должен был начать отступление по всему фронту. Только к 1 декабря 1919 года было сломлено его сопротивление и отражены его попытки сорвать нашу операцию. В результате этих боев наши армии вновь вступили в пределы Украины (ход событий можно проследить по хронологическому указателю). (См. схему № 4.).

70. К концу марта на восточном фронте была следующая обстановка: за 8 месяцев активной борьбы с чехо-словаками и народной армией учредительного собрания, наша Красная Армия на всем южном участке восточного фронта имела значительные успехи. Фронт от Волги перекинулся к Уралу, на самой южной окраине советская республика соединилась с Туркестаном; только на северном участке противник после упорных боев занял Пермь и угрожал этим флангу нашей Уфимской группы (5-я армия). Значительно улучшилось в течение зимы и состояние наших войск: из неорганизованных, действовавших вразброд, без связи между собою, красные части превратились в регулярные армии, которые успешно преодолевали тяжелые географические условия и упорное сопротивление противника. Между тем, у последнего к марту 1919 года тоже произошли крупные перемены. Крушение учредиловской армии под Самарой заставило эс-эровское самарское правительство принять участие в Уфимском совещании, где произошло объединение всех контр-революционных сил на платформе борьбы с большевиками. Создалась директория в составе ген. Болдырева, кадета Астрова, н. с. Чайковского, сибирского националиста Вологодского и эс-эра Авксентьева. Остатки учредиловской армии переданы были ген. Болдыреву. Директория начала вести все более и более реакционную политику, в состав кабинета министров директории в качестве военмина вошел А. В. Колчак. 18-го ноября всероссийское временное правительство распалось, остаток учредительного собрания, переправившийся из Самары в Екатеринбург, был арестован и переправлен в Челябинск, а оттуда в Уфу. Колчак был единогласно избран «Верховным правителем» России. С этого момента параллельно с разгромом всех

рабочих организаций, бесконечными арестами и расстрелами — шло деятельное формирование армии при ближайшей помощи союзников. Использовав момент отвлечения наших сил на другие фронты, Колчак в начале марта, не дождавшись полного сосредоточения своих сил, начал энергичное наступление к Волге, имея конечной целью — захват Москвы. Оперативное стремление белых дробилось по двум направлениям: с одной стороны на Вятку для соединения с Архангельской группой союзников, с другой стороны на Самару для соединения с Деникиным.

Сосредоточив значительные силы против левого фланга 5-й армии к северу от Уфы, Колчак перешел в наступление и 13-го марта занял Уфу. В дальнейшем началось наше отступление по всему восточному фронту. К середине апреля наши войска под давлением противника находились в 80-ти верстах от Казани, 60-ти верстах от Самары, 10 верстах от Оренбурга (См. схему № 5).

71. Политика учредительного собрания в Самаре, а затем в Екатеринбурге привела к перевороту 18-го ноября, поставившему у власти Колчака. Учредиловцы приняли ряд грозных резолюций, обсуждение которых прекращено было небольшим отрядом 25-го Екатеринбургского горных стрелков полка; 19-го ноября этот отряд подверг аресту всех членов учредилки во главе с Черновым и 20-го ноября Съезд, посаженный в теплушки, был направлен вначале в Челябинск, где была главная квартира чехо-словацкого командования, а отсюда в Уфу. Эс-эры, входившие в состав кабинета министров директории (Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский), были отправлены под особой охраной в Харбин, отсюда в Америку и далее по собственному выбору. Так окончило свое существование учредительное собрание на территории России. Часть членов учредительного собрания из Уфы перешла к нам в Советскую Россию.

72. В 1875 г. т. Стефанович совместно с т. т. Бохановским и Л. Дейчем, воспользовавшись аграрными волнениями в Чигиринском уезде, Киевской губ., решили попытаться организовать крестьянское восстание с помощью царских манифестов. Стефанович заготовил подложную грамоту от имени Александра II-го, напечатанную на большом листе бристольской бумаги с золотой печатью. Кроме этой грамоты Стефанович распространял от царского же имени устав крестьянского общества «Тайная дружина». На этой почве создалась и работала подпольная организация. Подробнее об этом см. записки самого Стефановича, приложенные к «Истории революционных движений в России» Туна.

73. Венгерская Советская Республика была образована 21-го марта 1919 года. Мелкобуржуазное правительство графа Карольи, под давлением революционных масс принуждено было устраниться от власти и передать последнюю социал-демократической партии. Эта партия, не имея никакого авторитета в массах, должна была разделить власть с вождями венгерской коммунистической партии. Образован был Совет Народных Комиссаров, в состав которого вошли как коммунисты (Бела Кун, Тибор Самуэли, Варга и др.), так и социал-демократы. Антанта ответила на эту революцию блокадой и войной, бросив на красную Венгрию белые войска Румынии и Чехо-Словакии. В результате 4-месячной борьбы румынская армия заняла Будапешт и провозгласила диктатуру адмирала Хорти. Организатор красной армии Тибор Самуэли застрелился, десятки тысяч коммунистов и пролетариев подверглись расстрелу, часть эмигрировала в Австрию и была освобождена благодаря вмешательству Советской России.

74. 3-я армия в составе 29-й, 30-й дивизий и особой бригады была расположена на самом левом фланге восточного фронта. В то время, как на Уфимском и Оренбургском направлениях части 5-й и 1-й армии имели до начала марта значительный успех, — 3-я армия, прикрывавшая сначала Пермь, а затем Вятку, все время отходила назад. После упорных боев противник занял Пермь и этим сильно угрожал нашей Уфимской группе. К середине апреля 3-я армия подошла к Глазову. Схема № 5.

75. Максимального успеха Колчак достиг к середине апреля 1919 года. Лишь Оренбург и Уральск оставались в наших руках, вклиниваясь в его расположение и заставляя сильно растягивать фронт. Угрожающее положение на восточном фронте приковывало к нему все внимание партии и рабоче-крестьянских масс Республики. С невероятной быстротой на Волге создались укрепленные районы вокруг Самары, Симбирска и Казани с назначением служить опорой фронту при обороне. Спешно были высланы пополнения, сняты дивизии с других фронтов, массами в части влиты коммунисты. Первые наши успехи были одержаны под Оренбургом, для взятия которого Колчак перебросил из района Златоуста две дивизии 4-го корпуса. В бою 27-го апреля на р. Сакмаре этот корпус был почти совершенно уничтожен. Это поражение противника позволило командованию восточного фронта закончить сосредоточение маневренной группы, которая, использовав наше выгодное фланговое положение в районе Бузулука, в 20-х числах апреля перешла в наступление в общем направлении на Бугуруслан, который и взят нашими войсками 4-го мая. Оренбург, оставшийся под защитой почти одних только рабочих, отбил упорные атаки белых. С этого момента **Колчак начал отступать на всем фронте** (Дальнейший ход событий можно проследить по хронологическому указателю). Схема № 6

76. Речь идет о **неудачах частей 7-й армии**, которая, наступая непрерывно в глубь Эстляндии и расстроенная отрывом от баз, встретила в районе Ревеля свежие силы белогвардейских формирований и к середине февраля откатилась на линию р. Наровы и Чудского озера. Основное ядро противника слагалось из эстонских частей и «Северного корпуса» под командой полковника Дзерожинского. Этот корпус начал формироваться в Псковском районе еще во время немецкой оккупации, средствами и попечением немецкого командования. Согласно Брестскому договору немцы должны были эвакуировать этот район, и «охрану порядка» они решили передать белогвардейским организациям, раскинувшим свои вербовочные бюро по всему Балтийскому побережью. После германской революции и наступления Красной Армии этот «Северный корпус», сильно потрепанный, отошел в пределы Эстляндии и начал реорганизацию под руководством эстонского главнокомандующего Лайдонера. Ободренные этим успехом белогвардейцы заняли Нарву, Валк и угрожали Пскову. На этом закончились боевые действия зимнего периода. Схема № 7.

77. **Северо-западная армия Юденича** создалась из формирований, упомянутых в примечании 76. В мае 1919 г. предшественник Юденича, ген. Родзянко пытался расширить свой плацдарм и захватом Ямбурга и Пскова увеличить свои запасы. 14-го мая этот корпус прорвал фронт 7-й армии между Нарвой и Гдовом, занял Ямбург и Псков и начал быстрое продвижение к Петергофу, Гатчине и Луге. Это первое наступление было быстро ликвидировано, и к началу августа белогвардейцы отошли в исходное положение. Все это время Родзянко, а затем и Юденич продолжали свои формирования. Корпус превратился в северо-западную армию, которой оказана была материальная помощь Антанты. Не наладились у Юденича отношения с Эстонией, независимость которой он упорно признавать не желал.

78. **В первой половине октября северо-западная армия делает вторую попытку наступать на Петроград.** 28-го сентября части противника потеснили нас в Лужском и Псковском направлении и нанесли частичное поражение 19-й и 10-й дивизии 7-й армии. Плохая работа разведывательных органов наших штабов не позволила нашему командованию расшифровать значение этой перегруппировки: белым удается сосредоточить в главном для них Ямбургском направлении превосходные силы. Кордонное расположение ослабленной и численно и качественно 7-й армии, отсутствие резервов и маневренных групп — все это позволило Юденичу легко прорвать наш фронт и одиннадцатого октября занять Ямбург. Главные силы Юденича действовали вдоль железной дороги Ямбург — Гатчино (1-й корпус), вспомогательный удар, который должен был обеспечить возможность захвата Петрограда, наносился в направлении на Лугу и вдоль южного побережья Финского залива.

17-го октября белые без боя заняли Гатчину и Струги-белые. Таким образом, создалась серьезная угроза красному Петрограду. Схема № 8.

79. К 19-му октября, когда произносилась эта речь в Петроградском Совете, положение на фронте значительно ухудшилось. Уже к вечеру 17-го октября левый фланг 7-й армии находился в расстоянии 15-ти верст от Николаевской ж. д.; перерыв этой дороги неминуемо привел бы к возможности для Юденича ворваться в Петроград. 18-го октября ген. Родзянко ставит войскам 1-го корпуса задачу овладеть городом. Наши части, благодаря сокращению фронта и близости питающего центра, получили большую упругость и устойчивость; вместо непрерывного отката — части задерживались на каждой удобной позиции. Одновременно на фронт выброшены были группы лучших коммунистов, частично сменен командный состав, наиболее потрепанные части отведены в тыл, подошли новые пополнения, усилилась агитация и, наконец, по приказанию т. Троцкого удвоен был продовольственный паек. Командующим армией назначен тов. Надежный; бывший командарм Харламов приступил к формированию Колпинской ударной группы.

Но несмотря на эту подготовку 5-я Ливенская дивизия, действовавшая на левом фланге 1-го корпуса противника продолжала 18—19-го октября теснить наши части и заняла предместье Лигово. Главное командование и Петроградский Совет сознавали возможность прорыва белых в самый город. Здесь произведена была деятельная подготовка к внутренней обороне. Весь город был разбит на районы, которые руководились специальными штабами. Важнейшие пункты опутывались проволокой, был выбран ряд позиции для артиллерии с заранее намеченным обстрелом, укреплялись каналы, скверы, стены, заборы и дома; вся южная часть города превратилась в сплошную крепость. На многих улицах и площадях были устроены баррикады. См. схему № 8.

80. К вечеру 20 октября части 7-ой армии отошли на линию Пулковских высот. На этом рубеже разыгрались решительные бои. Заняв Детское Село, противник в ночь с 20 на 21 октября наступал на Пулковские высоты с целью прорваться в Петроград. К этому моменту в районе Колпино и Тосно, благодаря сохранению в наших руках Николаевской ж. д., мы уже имели сосредоточившейся резервную группу т. Харламова. В 23 часа 20 октября отдан был приказ о наступлении 7-й армии. Противник Пулковских высот не занял, и в кровопролитных боях 21—22 октября ему нанесен первый удар.

81. 21 октября, когда армия ген. Юденича, упорно обороняясь, стремилась обеспечить левый фланг отступающих частей, в Копорском заливе было замечено движение судов противника; т. к. учитывалась возможность высадки неприятельского десанта, командование Балтийским флотом предприняло ночную операцию по заграждению минами залива. Вышедшие на эту работу 4 миноносца—«Азард», «Гавриил», «Константин» и «Свобода»—попали на минное заграждение, на котором три из них взорвались и затонули; четвертый миноносец «Азард» благополучно возвратился в Кронштадт.

82. 15-я армия (командарм Корк, наштарм Кук), к моменту перехода инициативы на петроградском направлении в наши руки, занимала фронт от Псковского озера на Селище ст. Батецкая, оз. Белое. Своим расположением по отношению к направлению главного удара противника, армия эта прямым движением вперед угрожала глубокому тылу и коммуникациям Юденича. Приказом штаба запфронта от 24 октября 15-я армия должна была перейти в наступление на участке Луга-Псков. Лесистая местность, изрезанная реками, болотами и озерами представляла большие удобства для обороны. Части 15-й армии, продвигаясь крайне медленно, 31-го октября заняли Лугу. Только согласованными действиями 7-й и 15-й армии можно было успешно закончить полную ликвидацию Юденичской авантюры. Схема № 8.

83. Ошибками, ускорившими разгром и гибель Юденича, были: а) непризнание самостоятельности Эстонии и Финляндии, что отбило у этих государств желание ока-

зывать ему помощь материальными средствами и живой силой, несмотря на побуждение к этому Антанты: таким образом, у северо-западной армии оказались необеспеченными оба фланга; б) союзники в решительную минуту также не оказали помощи северо-западной армии, английский флот не оказался под фортами Кронштадта и Красной Горки. Крупной стратегической ошибкой было то, что увлекшись ударом на Петроград, Юденич в достаточной мере не озаботился перерывом Николаевской ж. д. и тем позволил нам сосредоточить необходимые резервы.

84. Поезд т. Троцкого был организован в ночь с 7-го на 8-ое августа в Москве и на утро отправлен в Свияжск на Чехо-Словацкий фронт. Уже в 1918 году поезд представлял из себя летучий аппарат управления. В поезде работала своя типография, телеграфная станция, радио, электрическая станция, библиотека, гараж и баня. В трудные минуты на ответственных участках фронта появлялся этот поезд, организующий волю и ведущий к победе. Во время октябрьского наступления Юденича поезд был переброшен к Петрограду. Из его состава была выделена одна команда в бронепоезд имени т. Ленина, а другая влита в части Красной Армии в районе Лигово. За участие в этих боях поезд награжден орденом Красного Знамени. За время всей гражданской войны поезд совершил 36 рейсов, общим протяжением 97629 верст.

85. Мирный договор с Эстонией был подписан 2-го февраля 1920 года. Обстановка на фронтах к этому моменту видна на схеме № 9.

Хронология важнейших военных событий

1919 г.

Январь

3. Восстание рабочих в Харькове и занятие его Украинскими красными частями. Рига взята Советскими войсками.
6 — 13. Восстание рабочих в Берлине (Спартаковская неделя).
8 Усть-Двинск занят красными латышскими частями. XVI-я Красная армия заняла Вильно, Ошмяны и Барановичи.
На Южном фронте Борисоглебск и Бутурлиновка заняты нашими войсками.
9. Нашими частями занята Митава.
12. Чернигов занят Украинскими частями.
18. Первые отряды союзников прибыли в Одессу.
21. Украинскими частями заняты Луганск, Конотоп и Бахмач.
22. Занятие нами гор. Оренбурга. Части Восточного фронта соединились с войсками Ташкентской группы.
24. При преследовании остатков Дутова красными войсками занят город Уральск.
26. На Северном фронте после упорных боев занят гор. Шенкурск.
Взятие гор. Екатеринослава.
28. Обращение Украинского Советского Правительства ко всем государствам об организации Рабоче-Крестьянского Правительства под председательством тов. Раковского.

Февраль

4. Нота Советского Правительства о готовности принять участие в конференции на Принцевых островах.
Виндава занята красными латышскими частями.
5 Киев занят красными Украинскими частями.
8 — 9. На Южном фронте нами заняты ст. Качалинская, Усть Медведицкая и Усть-Хоперская. Железная дорога Борисоглебск — Царицын очищена от казаков.
15 Отставка Донского атамана Краснова. Донской круг избирает атаманом ген. Богаевского.
18. Красными войсками занят Бахмут.
20. Белосток и Брест-Литовск заняты бело-поляками.
Отказ французских солдат и матросов в Одессе сражаться с русскими революционными войсками.
21. Опубликование постановления ВЦИК об организации особых отделов для борьбы с контр-революцией и шпионажем в армии и флоте.

24. Набеги красных партизан на Великокняжескую и Маныч.
26. Массовые восстания против румын в Бессарабии.
28. Бердичев занят Украинскими войсками. На восточном фронте нами занят Орск.

Март

2. Занятие Херсона Украинскими советскими войсками.
2—7. Первый конгресс Коммунистического Интернационала в Москве.
3. В Оренбургском районе нашими войсками занят Актюбинск.
6. Переход Колчака в наступление на Восточном фронте.
13. На Барановичском направлении противник отброшен к Слониму.
Уфа занята войсками Колчака.
14. Союзные войска покинули Николаев, власть перешла в руки Совета.
15. Украинские советские части заняли Умань и Житомир.
18. Атаки Колчака в Уфимском и Пермском районах. Наши латышские части оставили Митаву.
20. Винница занята Украинскими советскими войсками.
21. В Венгрии провозглашена Советская Республика.
24. Наши войска достигли Крымского перешейка у Сиваша.

Апрель

3. Юзово и Великокняжеская заняты нашими частями.
5. В Ставропольском направлении нами форсирована р. Маныч.
6. Одесса занята Украинскими советскими войсками.
Красные части прорвались в Крым у Перекопа.
7. Восстание рабочих в Мюнхене. Провозглашение Советской Республики в Баварии.
Стерлитамак, Белебей и Мензелинск заняты частями Колчака.
10. Симферополь и Евпатория заняты советскими войсками Украины.
11. На Южном фронте наши части форсировали Маныч и Донец. На Восточном фронте Бугульма занята противником.
12. Ялта, Бахчисарай и Житомир заняты Украинскими советскими войсками.
15. На Восточном фронте нами оставлен Бугуруслан. Упорные бои в районе Бахмута и Луганска.
21. Украинские войска заняли Каменец-Подольск.
Уличные бои с поляками в Вильно.
23. Вильно оставлено нашими войсками.
26. На Восточном фронте нами нанесено сильное поражение Колчаку в Бузулукском и Бугурусланском направлениях.
29. Севастополь занят Украинскими советскими войсками.

Май

1. Нота Российского и Украинского Советского Правительства к Румынии об очищении Бессарабии от румынских войск.
3. Вторжение финских войск на территорию Р. С. Ф. С. Р.
Нашими войсками на Восточном фронте занят Бугуруслан.
4. Опубликование декрета о социальном обеспечении инвалидов-красноармейцев и их семейств.
Добровольческой армией Деникина занят гор. Луганск.

5. Падение Баварской Советской Республики.
Деникин начал общее наступление от р. Маныча.
На Северном фронте нашими частями взят Олонец.
7. Начало восстания атамана Григорьева на Украине.
13. Вступление Красной Армии в Бессарабию.
На Восточном фронте после упорных боев Бугульма занята нашими войсками.
14. Северо-Западный корпус ген. Родзянко прорвал фронт между Нарвой и Гдовом и начал наступление на Петроград.
15. Гдов оставлен нашими войсками.
17. Части ген. Родзянко успешно продвинулись в Гатчинском направлении.
19. Украинскими войсками занят Кременчуг.
Прорыв конницы Деникина у Юзовки.
20. В Нарвском направлении нами оставлено Волосово.
23. На Пермском направлении Красная Армия наступая перешла через Каму.
Части Деникина форсировали р. С. Донец у ст. Каменской.
25. Псков оставлен нашими войсками.
27. Украинскими частями занят г. Николаев.

Июнь

1. Бахмут занят добровольческой армией.
4. Начало Махновского мятежа на Украине.
6. Нами оставлен Бердянск и Славянск.
9. Занятие гор. Уфы войсками Восточного фронта. Главные силы Колчаковской армии начали отход на Челябинск и Оренбург.
12. Измена командного состава на Красной Горке и захват ее мятежниками.
14. Купянск занят частями ген. Деникина.
На Восточном фронте нашими частями занят Екатеринбург.
16. Красная Горка занята отрядом матросов.
21. Наступающие части ген. Деникина заняли Павлоград, Волчанск, Валуйки и Калач.
Продолжая наступление на Пермском направлении наши части заняли Оханск.
25. Харьков занят войсками ген. Деникина.
29. Части противника заняли гор. Бобров.
В Нарвском направлении наши наступающие части заняли Коренево.
30. Частями ген. Деникина заняты Екатеринослав, Царицын, Константиноград и Лиски.

Июль

1. На Восточном фронте Пермь и Кунгур заняты Советскими войсками
2. В Нарвском направлении Красные части, продолжая наступление заняли Высоцкое, Юрьев, мызу Ламаха.
4. Борисоглебск и Балашов заняты частями Деникина.
8. Украинская Советская армия заняла Волочиск.
11. Соединение наших частей с осажденным Уральском.
12. На Восточном фронте наши наступающие части заняли Верхние и Нижние Салдийские заводы.
15. Борисоглебск и Боково заняты нашими войсками.

16. Нашими войсками заняты Екатеринослав и Люботин.
20. Части Северного фронта заняли Онегу.
24. Занятие Верхне-Уральска и Ирбита частями Восточного фронта
25. Взятие г. Челябинска.
31. Части Деникина заняли Полтаву.

Август

1. Падение Советского Правительства в Венгрии.
3. Нами занят г. Ямбург. Англичане разбиты в бою под Онегой.
6. Нашими войсками на Востфронте заняты Троицк и Шадринск.
Бутурлиновка и Новохоперск заняты добровольческой армией Деникина.
8. Г. Минск занят поляками.
Наши части перешли в наступление в Мурманском районе.
10. Переход 8-ой и 9-ой армий в наступление на Харьков.
Прорыв Южного фронта конницей ген. Мамонтова; занятие им г. Тамбова.
16. Нами занят Курган. Гадяч занят противником.
18. Частями Деникина заняты Херсон, Николаев и Воронеж.
22. Валуйки, Поворино и Камышин заняты частями Красной Армии.
23. Восстание командира казачьего корпуса Миронова против Советской власти. Части ген. Деникина занимают Одессу. Борисоглебск занят нашими войсками.
30. Киев занят Петлюровцами. На Восточном фронте наши части заняли Орск.
31. Киев перешел от Петлюры к Деникину. Советское Правительство предлагает Эстляндии начать мирные переговоры.

Сентябрь

2. Г. Актюбинск занят Советскими войсками.
3. Организация Сибирского революционного комитета.
На Южном фронте нами заняты Калач и Иловля.
7. Начало мирных переговоров с Эстонией. Частями Деникина занят Новый Оскол.
13. Соединение Актюбинской группы с Ташкентскими войсками. Ликвидация южной армии Колчака. Открытие сообщений с Туркестаном.
14. Ликвидация восстания Миронова.
17. Войска Деникина заняли Суджу. Томск занят красными партизанами
20. Войска ген. Деникина заняли Курск.
24. Фатеж и Рыльск заняты противником.
28. На Западном фронте поляки заняли Лепель. Нами оставлены Глухов и ст. Касторная.
30. Тобольск занят частями Колчака.

Октябрь

2. Бои наших частей с поляками у Борисова и Бобруйска.
3. Дмитриев и Ливны заняты частями Деникина.
6. Противником занят г. Воронеж.
10. Переход в наступление Южного фронта с целью решительного поражения армии Деникина. Начало боев на линии Дмитровск—Кромы.

11. Начало второго наступления армии ген. Юденича на Петроград. Противник занял г. Ямбург.

12. Части Деникина заняли Чернигов. Рига взята войсками фон-дер-Гольца.

14. Бои в 11 верстах от Гатчины. Деникин занял Орел.

16. Красное Село занято Юденичем. Части ген. Деникина, продвигаясь к Туле заняли г. Севск.

19. Начало общего перелома на Южном фронте. Конный корпус Буденного разбил объединенную конницу Мамонтова и Шкуро.

20. Орел занят нашими войсками. Ожесточенные бои под Петергофом и Детским Селом.

22. Перелом на Петроградском фронте. Нами занят Павловск и Детское Село.

24. После поражения конницы Мамонтова, Буденный занял Воронеж.

26. Наши наступающие части заняли Красное Село и ст. Плюссы. На Южном фронте нами занят Дмитров.

30. Занятие г. Петропавловска.

31. После упорного боя части Юденича оставили Лугу.

Ноябрь

2. Частями Красной Армии заняты Ливны. Противник занял Фастов.

3. Наступающие части 7-й армии ворвались в Гатчино и Ропшу.

5. Взятие Чернигова нашими войсками.

7. Взятие Гдова. На Южном фронте нами заняты Севск и Малоархангельск.

14. Занятие г. Ямбурга. Частями Восточного фронта занят Омск. Противник оставил Глухов и Фатеж.

17. Взятие г. Курска. Южнее Касторной нами разбита конная группа противника.

24. Преследуя части Деникина, наши войска заняли Конотоп, Старый Оскол, Коротояк и Лиски.

30. На Северном фронте нашими частями занят Яренск.

Декабрь

1. Прилуки и Сумы заняты частями Красной Армии.

9. Занятие Бердичева, Богодухова и Валуек.

11. Красная Армия на Восточном фронте заняла Семипалатинск.

12. Минусинск и Красноярск захвачены повстанцами. Занятие нами Харькова.

13. Преследуя армию Деникина, наши части вступили в Полтаву.

14. На Восточном фронте нами занят Новониколаевск.

16. Занятие Киева, Купянска и Ромодана.

20. Томск взят частями Красной Армии.

24. Наши части заняли Казатин и Лозовую. Занятие нами ст. Тайги.

26. Нами заняты Славяносербск, Миллерово и Луганск.

27. Арест Колчака и образование нового Правительства в Иркутске.

30. Занятие Екатеринослава. В Сибири занят Мариинск.

31. Окончательное освобождение Донецкого бассейна от белогвардейских войск. Заключение перемирия с Эстонией.

Предметный указатель

(главнейшие военные вопросы)

*) Цифрами обозначены нумера страниц в тексте.

Именной указатель ко всем томам будет дан в конце последнего тома.

СОДЕРЖАНИЕ

Стран.

III. Переход к милиционной системе.

IV. Дезертирство и трибуналы.

V. Военная наука и литература.

Южный фронт.

I. Наступление Красной Армии на Украину и Дон (Январь—май 1919 г.)

II. Наступление Деникина (Май—август 1919 г.).

Стран.

III. Рейд Мамонтова.—Мироновщина.—Второе наступление Красной Армии на Украину. (Август—декабрь 1919 г.)

Восточный фронт.

Наступление Колчака (Март—апрель 1919 г.).

Стран.

Борьба за Петроград.

Замеченные опечатки.

Стран.	Строка		Напечатано	Следует
62	9	снизу	на стремилось	не стремилось
» 80	» 12	»	оказался	оказалась
» 80	» 12	»	заявила	заявил
» 80		сноска	№ 108	№ 180
» 117	» 22	снизу	Сечина	Свечина
» 122	» 3	сверху (№ сноски)	83	38
» 130	» 20	снизу	вооруженной строительство	вооруженного строительства
» 293	» 3	сверху	за его	его за
» 314	» 13	снизу	безопасность	боеспособность
» 352	» 1	»	В «Пути»	«В пути»
» 449	» 20	сверху	отсутствия	отсутствие

Печатаются

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Том II, книга 2-я

и

Том III (в двух книгах)

СХЕМА № 1
общего военного положения
Р. С. Ф. С. Р.
к концу февраля 1919 г.
ПЕТРОГРАД
МОСКВА
САРАТОВ
АСТРАХАНЬ
Р. Волга
Армия
Условные знаки
Масштаб
Общее протяжение линии фронта Красной Армии 8320

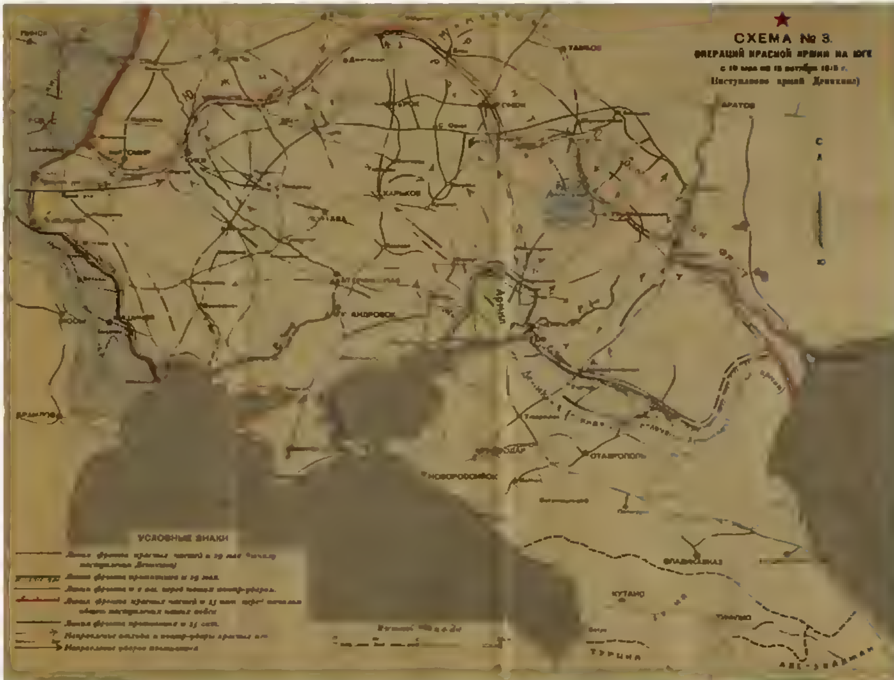

СХЕМА № 3.
ОПЕРАЦИЙ КРАСНОЙ АРМИИ НА ЮГЕ
ХАРЬКОВ
ТАМБОВ
СТАВРОПОЛЬ
НОВОРОССИЙСК
ВЛАДИКАВКАЗ
ТУРЦИЯ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

СХЕМА № 4
Условные знаки

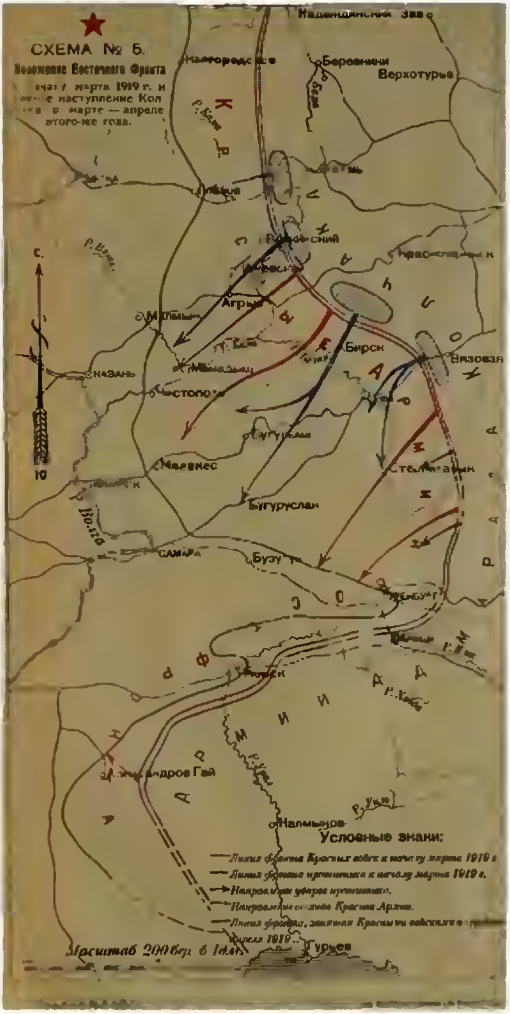

СХЕМА № 5.
Положение Восточного Фронта
марта 1919 г. и
наступление Кол
в марте — апреле
этого-же года.
Верхотурье
Березники
Бирск
Вязовая
Бугульма
Бугуруслан
Мелекес
Казань
Самара
Калмыков
Гурьев
Условные знаки:

СХЕМА № 6
ОПЕРАЦИЙ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ
с конца апреля
до середины октября 1919 г.
ТОБОЛЬСК
ТЮМЕНЬ
КАЗАНЬ
УФА
ЧЕЛЯБИНСК
УРАЛЬСК
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ТУРКЕСТАНСКИЙ ФРОНТ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Гублит № 690

СХЕМА № 6а

СХЕМА № 7
БОРЬБА ЗА ПЕТРОГРАД.
(Операции Красной Армии с 15 мая по 15 сент. 1919 г. против частей бело-эстонской армии, бело-финских отрядов и отрядов белогвардейцев)
Финляндия
КРОНШТАДТ
Ямбург
Везенберг
Гдов
Луга
Юрьев
Верро
ПСКОВ
Дно
Порхов
Масштаб 60 вер. в д.м.
С.
Ю.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Направление ударов противника в мае и июне 1919 года.
Направление отхода противника с начала июля до 15 сент. 1919 г.
Направление отхода Красной Армии в мае июне 1919 г.
Линия фронта Красной Армии к 15 мая 1919 г.
Линия фронта противника к 15 мая 1919 г.
Линия наибольшего продвижения противника к 1 июля 1919 г
Линия фронта Красной Армии к 1 июля 1919 г.
Район сосредоточения и направления контр-ударов Красной Армии с начала июля до середины сентября 1919 г.
Линия фронта Красной Армии к 15 сентября 1919 г.
Линия фронта противника к 15 сентября 1919 г

СХЕМА № 8
БОРЬБА ЗА ПЕТРОГРАД.
(Операция Красной Армии с 10 октября по 15 ноября 1919 г. против Сев.-Зап. арм. ген. Юденича и частей бело-эстонской армии).
КРОНШТАДТ
ПЕТРОГРАД
Гатчино
Ямбург
Сев. Зап. арм. ген. Юденича и бело-эст. части
Гдов
Луга
НОВГОРОД
Юрьев
Верро
ПСКОВ
Порхов
Дно
Эстонск. части
15-я Армия
Масштаб 60 вер. в д.м.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Направление Красной Армии с 10 по 21 октября 1919 г.
Линия фронта частей Красной Армии к 22 октября 1919 г.
Линия фронта противника к 15 XI 19 г.

СХЕМА № 9
Р. С. Ф. С. Р
к 7 декабря 1919 г
Северный фронт
ПЕТРОГРАД
МОСКВА
САРАТОВ
Туркестанский
ХИВА
БУХАРА
СХЕМА
Условные знаки

ВВРС

ВФ